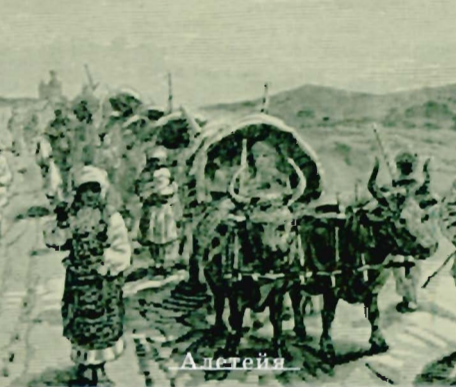
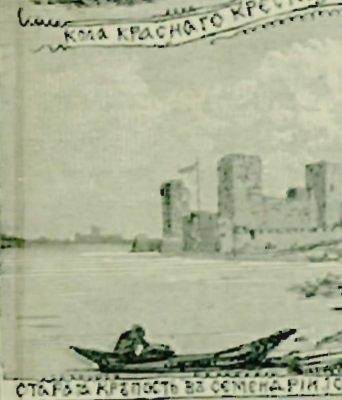
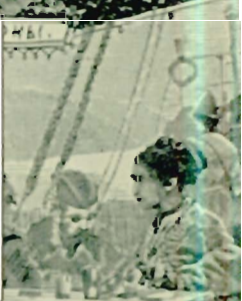
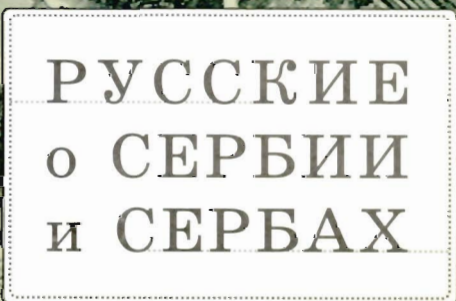

РУССКИЕ О СЕРБИИ И СЕРБАХ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

РУССКИЕ О СЕРБИИ И СЕРБАХ

Том II

(архивные свидетельства)

Москва «ИНДРИК» 2014

*Издание подготовлено при поддержке РГНФ
(проект № 14-01-16062д)*

*Исследовательская работа выполнена по гранту РГНФ
08-01-00481а*

Рецензенты

доктор исторических наук *М.В. Белов*
доктор исторических наук *Р.П. Гришина*

Составление, подготовка к изданию,
введение, заключительная статья
А.Л. Шемякина

Комментарии
А.А. Силкина, А.Л. Шемякина

Русские о Сербии и сербах. Том II
(архивные свидетельства). — М.: «Индрик», 2014. — 632 с.

ISBN 978-5-91674-317-3

Представленный в сборнике комплекс архивных свидетельств русских современников о Сербии и сербах позволил реконструировать тот социокультурный и политический контекст, в котором проходил процесс модернизации «по-сербски». Объективный взгляд со стороны показал, что, несмотря на значительную государственно-политическую эволюцию, сербский социум вплоть до Первой мировой войны сохранял свой традиционный характер. Русские наблюдатели рассмотрели за квази-европейским фасадом скрывающиеся там патриархальные навыки и подходы — причем не только в повседневной жизни, но и в политике. Из свидетельств русских очевидцев следует, что реальная жизнь в Сербии последней трети XIX — начала XX в. далеко не соответствовала тем формам, в которые пытается ее облечь ряд современных сербских историков — в желании представить свою родину вполне состоявшимся «европейским государством».

© Шемякин А.Л., Силкин А.А., 2014

ISBN 978-5-91674-317-3

© Оформление, Издательство «Индрик», 2014

Введение

Представленный сборник материалов являет собой второй том антологии «Русские о Сербии и сербах» (первый, напомним, вышел в 2006 г.¹). Он содержит свод наблюдений российских очевидцев о стране и народе, который охватывает более полувека, открываясь письмами В.И. Ламанского из Белграда от 1862 г. и завершаясь фрагментами записок И.Г. Грицкат-Радулович, датированных началом 1920-х гг. Таким образом, хронология обоих томов практически совпадает, что и неудивительно, поскольку «эпоха, заключенная в этих временных границах, с точки зрения политического и социокультурного развития, имела для Сербии судьбоносное значение, вмести в себя многое из того, что другие государства проходили за целые столетия...»². Характеристика этой «переходной» эпохи дана нами во введении к первой книге³.

Главной особенностью данного тома является то, что (в отличие от предыдущего, куда вошли уже бывшие в печати материалы) он состоит из документов сугубо *архивных*, т. е. прежде нигде не публиковавшихся*. Это позволило ввести в исследование глобальной проблемы: *«Менталитет сербского традиционного общества и его эволюция в условиях воздействия европейских идей и институтов»* совершенно новый комплекс источников. Зафиксированные на бумаге, но весьма «конфиденциальные», мысли россиян о сербских социокультурных и политических реалиях — воистину эксклюзивный материал: как бы для *личного* (в дневниках), либо *служебного* (в донесениях) пользования,

* В 2011–2012 гг. «случился» ряд исключений из этого правила. Сначала во 2-м томе документальной публикации «Москва – Сербия. Белград – Россия» (1804–1878 гг.), независимо от нас, оказались напечатаны фрагменты переписки капитана Н.А. Снесарева с военным министром России Д.А. Милютиным (1867 г.) из НИОР РГБ. Затем уже мы, в качестве своего рода «рекламного» шага, опубликовали в очередном выпуске «Славянского альманаха» отрывки из воспоминаний И.Г. Грицкат-Радулович (из коллекции А.Б. Арсеньева) — те же самые, что включены и в настоящий том. Наконец, в 3-м томе указанной публикации, относящемся к 1878–1917 гг., мы поместили небольшую часть дневника П.А. Кулаковского, как и несколько писем его из Белграда в Россию, чтобы таким образом «отметить» 100-летие кончины видного русского слависта... Все случаи *предыдущих публикаций* оговариваются в комментариях к материалам Снесарева, Грицкат-Радулович и Кулаковского.

или же *между нами* (в письмах). Поэтому и приводимые здесь данные, и высказанные суждения – значительно объективнее и откровеннее, нежели выраженные печатно, лишены внутреннего отбора и самоцензуры.

Причем все эти «непечатные» наблюдения включаются в научный оборот не в виде отдельных упоминаний, имеющих значение лишь в качестве локальных иллюстраций, а в совокупности, рассмотренной на значительном временном отрезке (1862 г. – начало 1920-х). Соответственно, они приобретают характер весьма репрезентативного корпуса, анализ которого дает возможность как для широких автономных обобщений, так и для усиления (нюансировки) заключений, сделанных в первом томе.

Подготовка такого корпуса (с его куда более мощным, чем в печатных источниках, информационно-аналитическим потенциалом) видится тем значительнее, если вспомнить, что главная ценность любых «свидетельств» заключается в том, что «пилигрим» обращает внимание на непривычные для него, но привычные для местных жителей стороны жизни. Эти «рутинные» с точки зрения обыденного опыта детали, как правило, не попадают во внутренние источники, каковых и так не слишком много, ведь «традиционное общество» исторически относится к *дописьменной* культуре; и, следовательно, как уже упоминалось, значение свидетельств иностранцев для его исследования все более возрастает⁴. Особенно ценен при этом «свежий» взгляд *русских* путешественников, которых культурная близость предохраняла от сильных искажений сербского колорита⁵; хотя, следует признать, не все они избежали презумпции превосходства – своего рода *патернализма* «старшего брата». Особо это касается господ военных агентов – офицеров русского Генштаба и академиков, смотревших на сербскую крестьянскую армию и ее вождей несколько свысока. А зря!..

Во второй том «Русских о Сербии и сербах» вошли свидетельства представителей различных профессий и слоев российского общества (всего 29 человек и 1 организация). И что это были за люди? Профессура: В.И. Ламанский, П.А. Ровинский, П.А. Кулаковский, В.В. Качановский, В.В. Макушев, И.С. Пальмов, К.Я. Грот, Т.Д. Флоринский, К.Ф. Радченко, М.Н. Сперанский, А.И. Александров и А.И. Соболевский. Дипломаты: К.А. Губастов, В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин, Б.Н. Евреинов, Ю.П. Бахметев, А.Н. Щеглов и В.Н. Штрандтман. Военные: Н.А. Снесарев, Е.А. Леонтович, И.Н. Сысоев, В.П. Агапеев и генерал М.В. Алексеев. Корреспонденты на фронтах Балканских войн И.П. Табурно и Л.Д. Троцкий. Участники Серб-турецкой войны 1876 г. П.А. Висковатов

и А.П. Хитрово. А также дочь русских беженцев (одновременно сербский академик-славист) И.Г. Грицкат-Радулович. Кроме того, в том включены: отрывок письма неизвестного автора из Белграда для обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева о положении в Сербской церкви и один уникальный документ – листовка Александровской (Запорожской) организации РСДРП от 1903 г. с «объяснениями» причин Майского переворота в Сербии, выражением открытой поддержки и призывом повторить «почин» сербов в России.

Работа по выявлению рукописей велась в Москве, Санкт-Петербурге (Российская Федерация); Киеве, Одессе (Украина); Нови-Саде (Сербия). Были обследованы фонды 12 архивов и одной приватной коллекции: Архива внешней политики Российской империи, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива литературы и искусства, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва); Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Рукописного отделения Института русской литературы РАН (Пушкинского дома), Санкт-Петербургского филиала архива РАН (Санкт-Петербург); Центрального государственного исторического архива Украины, Института рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В.И. Вернадского (Киев); Государственного архива Одесской области (Одесса). Кроме того, известный собиратель и хранитель памяти о русской эмиграции в Сербии и Югославии, автор многочисленных публикаций по данной теме Алексей Борисович Арсеньев любезно предоставил нам возможность пользоваться материалами своего собрания.

Подготовка настоящего тома стала важным этапом в познании затронутой сквозной темы: *«Менталитет сербского традиционного общества...»*. Его новизна состоит в том, что если источники из первой книги использовались для исследования *социокультурного* контекста модернизационных процессов в Сербии⁶, то во второй все внимание обращено на изучение специфики *политической* жизни (политической культуры) в Королевстве. Ее и завершает монографическая статья-заключение: *«Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских»*.

Хотя здесь надо оговориться, что во время работы над томом произошла известная коррекция общего плана исследования, сфор-

мулированного в предисловии к предыдущей книге⁷ — что явилось результатом архивных поисков и оценки обнаруженных материалов с точки зрения их потенциального тематического наполнения. И прежде всего речь идет о рукописном наследии Платона Андреевича Кулаковского — известного русского слависта, в течение четырех лет занимавшего кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе, причем в одну из самых переломных эпох в истории Сербии, т. е. сразу по обретении страной независимости (1878–1882). Все значение «бумаг Кулаковского» ясно показывает уже то, что лишь для данной публикации нами было отобрано восемь авторских листов его оригинальных текстов*. Но вернемся к «коррекции», каковая состоит в следующем.

Предполагавшаяся (в рамках изначального замысла) для второго тома «Русских...» завершающая статья *«Человек вечной войны»* теперь органично отходит в третий, который мы планируем подготовить последним, с включением в него всего печатного наследия по сербской тематике П.А. Ровинского — «изобретателя» данного титула-термина. Материалы же Кулаковского дают возможность детально исследовать *политическую* составляющую «модернизации по-сербски». И в итоге из такой подвижки вырастает вполне гармоничная «триада»: заключение к первой части посвящено «человеку экономическому» в Сербии. «Эпилог» второй — повествует о «человеке политическом». А студия, имеющая завершить третью, — даст понятие о «человеке воинствующем». Каждая из всех этих ипостасей *Серба* важна сама по себе, но только взятые в совокупности, они позволят, с немалой степенью объективности, расшифровать код его менталитета.

И думается, что несколько изменив замысел, мы совсем не обманулись. Используя сербские «досье» Кулаковского и иных русских наблюдателей, составители второго тома смогли усилить центральный вывод, сделанный в заключении к первому: «Реальная жизнь Сербии периода независимости далеко не соответствовала тем “современным” формам, в которые ее облачают многие национальные историки, стремясь представить свою родину вполне сложившимся “европейским государством”»⁸. Что читатель и сможет обнаружить в завершающих том *«Особенностях политического процесса...»*.

* Подробнее о П.А. Кулаковском и его наследии см. в заключении к данному тому.

И еще об одном, о чем (а точнее, о ком) здесь нельзя не сказать. В последнее время в мире широко распространен имагологический подход к исследованию социокультурных процессов и феноменов, стереотипов и автостереотипов в восприятии разными народами друг друга. Особая плодотворность такого подхода – в его универсальности: он применим как в сфере культурологии, взятой в *широком* смысле (ибо сегодня даже чистый «филолог, изучающий литературные отношения, все более становится историком культуры»⁹), так и в сфере истории, а в особенности *на стыках* данных типов научного мышления. Способствуя при этом познанию не только Другого, но и самого себя. Ведь «столкновение с иностранным служит для нас зеркалом, в котором мы узнаем себя, и это заставляет нас ставить вопросы, которые мы бы не поставили без столкновения с чужим»¹⁰, – как справедливо пишет один западный автор. Которого в свое время предвосхитил Ю.М. Лотман, впервые упомянув о «зеркальности нашего и их мира»¹¹ и выведя чеканную формулу: «Свое делается заметнее и значимее, отражаясь в зеркале чужого»¹².

С другой стороны, фиксированный взгляд извне, о чем уже говорилось, пополняет круг источников для изучения традиционных обществ – особенно в моменты их встречи с проникшими с Запада *современными* принципами, практиками и институтами (для Балкан это середина – 2-я половина XIX в.) и попыток модернизирующихся элит пересадить оные в собственную почву, не обращая внимания на ее адаптивные способности. Выхолащивание принципов, имитация практик и «фанерность» институтов* в балканском патриархальном контексте (как следствие такого невнимания), массово подмеченные иностранцами, вкупе с национальными комплексами, накладывали заметный отпечаток на внутриполитическое развитие стран региона, а иногда и на их внешнеполитические решения¹³. Так, имагология помогает более нюансированно исследовать *исторический* процесс, объясняя, к примеру, – «почему одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах порой действуют совершенно по-разному...»¹⁴. В противовес (в сербском случае) немалой части национальной историографии, пребывающей и по сей день во власти институционального подхода к истории независимой Сербии, – это, скажем, когда ее политическое состояние в 1903–1914 гг.

* Имеется в виду, что «в результате ускоренного вестернизированного государственно-политического строительства получилось не новое здание, а его “фанерная” имитация» (см.: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 гг. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 116).*

представляется эпохой «аутентичной парламентской демократии», которая к тому же являлась «функциональной и полностью отвечала требованиям демократического правления»¹⁵ (?)^{*}.

Все эти теперь уже очевидные вещи были когда-то неведомы, а имагология совсем не воспринималась серьезным подспорьем исторической науки, иногда даже «арбитром» при вынесении тех или иных научных вердиктов... Имагологический подход в Институте славяноведения РАН впервые опробовал профессор Виктор Александрович Хорев (1932–2012)^{**}, оценив значение данного метода и обратившись к изучению взаимовосприятия русских и близких ему поляков в литературе и культуре¹⁶. Именно с этого все началось! С одной стороны, его имагологические проекты сами по себе завершились блестящими научными результатами (как личными¹⁷, так и коллективными¹⁸), получившими заслуженное признание – премию Польской Академии наук и ряд правительственных наград, а с другой, породили немалый интерес у коллег¹⁹. Вот и идея антологии «Русские о Сербии и сербах» есть побочное дитя русско-польских штудий Хорева. Так синтетическая субдисциплина (по дефиниции Р.П. Гришиной²⁰), апробированная им в пространстве культуры, реализовалась и в историческом поле – с легкой руки Виктора Александровича.

После публикации в 2006 г. первой книги «Русских...» мы продолжили работу над антологией (сбор материала для второго тома), а также осмысление «старого» и «нового» комплексов источников (в виде аналитических текстов²¹, нередко – в режиме дискуссии с сербскими коллегами²²). Кроме того, был подготовлен тематический сборник «Человек на Балканах глазами русских» (по результатам одноименной конференции), в котором со статьей о теории и методологии имагологических исследований выступил В.А. Хорев²³. И конференция, и этот сборник могут опять же считаться плодами брошенного им когда-то семени.

И здесь особо следует отметить подлинную новацию Хорева при использовании им имагологического подхода, своего рода научный «поворот». Ведь если говорить в целом, то ученый стал пионером его внедрения лишь в одном институте (правда, с последующим всплеском интере-

^{*} Подробнее об «институциональном подходе» и приверженности ему сербских историков мы скажем в заключительной статье.

^{**} В 2013 г. в Москве вышел сборник статей, посвященный В.А. Хореву (см.: *Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева*. М., 2013). Своим кратким комментарием его новаций в сфере *литературной* имагологии, косвенно повлиявших и на *историка* – автора этих строк, – мы присоединяемся к участникам мемориального издания.

са к нему, переросшим рамки отдельной структуры²⁴) – в отечественной науке он был впервые использован еще в начале 1980-х гг.²⁵ Но это было «одностороннее движение»: русские смотрели на Других и в их «зеркале» познавали себя. Хорев же сделал предметом своего польско-русского замысла *взаимное* видение поляками и русскими друг друга. Тем самым исследовательский ракурс был переориентирован – представления народов друг о друге реконструировались сразу с двух сторон, что позволило параллельно дополнить их анализом авто- и гетеростереотипов. Эта стереоскопичность принципиально усложнила «привычную» картину русско-польского противостояния. Представлявшийся ранее очевидным *исторический* польско-русский «конфликт» благодаря новому ракурсу, был пересмотрен в иных, универсальных категориях (цивилизация – варварство, свобода – деспотизм, Европа – Азия), вследствие чего в диалоге незримо присутствовал оценочный принцип: «правый – неправый». А так как механизм формирования стереотипов одинаков для всех соседних народов, то поиск «неправого» являл (-ет) собой элемент сугубо *идеологического* дискурса...

Новые («взаимные») моменты в подходе Виктора Александровича не прошли мимо нашего внимания – более того, они были «подхвачены», осмыслены и экстраполированы на русско-сербский исторический фон. Правда, в иной форме. С одной стороны, в рамках совместного российско-сербского научного проекта «Русские и сербы (сербы и русские) – особенности взаимного восприятия» шла подготовка настоящего тома. С другой же (по ту сторону «линии фронта»), – профессор Белградского университета Мирослав Йованович в 2011 г. выпустил солидную (857 страниц) «зеркально отраженную» антологию – «Сербы о России и русских. От Елизаветы Петровны до Владимира Путина (1750–2010)»²⁶.

Такая параллельная работа закладывает фундамент для дальнейшего *комплексного* исследования теперь уже «двусторонних» свидетельств очевидцев, что позволит серьезно уточнить наши представления об особенностях перцепции России и русских в сербском обществе (а Сербии и сербов – в русском) в рамках длительного исторического процесса, вскрыть ее «долгоиграющие» аспекты, не зависящие от смены эпох, и показать (опять же в динамике) эволюцию – как в моменты «совмещения» былых абстрактных представлений на расстоянии и впечатлений от конкретных встреч с русской (сербской) реальностью, так и во время *массовых* контактов русских с сербами, связанных, как правило, с «минутами роковыми» – Восточный кризис 1875–1878 гг., Русская революция 1917-го, освобождение Югославии в 1944 г. Все это поможет

освободиться от целого ряда стереотипов, до сих пор бытующих в массовом сознании сербов и россиян.

Кроме того, аналитическое осмысление беспрецедентного по богатству материала и хронологическому охвату источникового корпуса, сформированного и опубликованного М. Йовановичем (ожидаемое во 2-й части его проекта), позволит пересмотреть *шаблонные* представления о России (существующие в двух «крайних» видах – чисто «критиканского» негатива или излишнего суперлатива), что и ныне присутствуют в сербских исторических трудах. Таковые представления ведут происхождение либо от категорического незнания *реальной* России, либо от инерции и воздействия прежних идеологических схем²⁷.

Наконец, о хронологии. Конечно, мы не дублируем рамки, предложенные коллегой Йовановичем («От Елизаветы Петровны до Владимира Путина»), ограничив свой интерес эпохой новой сербской государственности – от Первого сербского восстания до Первой мировой войны (1804–1918). Вторую половину XIX – начало XX в. покрывает антология «Русские о Сербии и сербах»; над первой половиной XIX в. активно работает профессор Нижегородского университета М.В. Белов, создавший уже серьезный методологический задел²⁸.

Итак, перед нами – как бы два исследовательских уровня. На первом – локальный и, в общем-то, самодостаточный (по своим конкретным целям) проект «Русские о Сербии и сербах» в 3-х томах. Который, однако, выйдя на более высокую орбиту, становится всего лишь «модулем» – в условиях двойного расширения русско-сербской хронологии, с одной стороны, и обретения добавочной сербско-русской «объемности», – с другой.

Такая эволюция и «усложнение» изначального замысла (после публикации первого тома «Русских...») – есть также опосредованный «продукт» имагологического творчества Виктора Александровича Хорева.

Его светлой памяти мы и посвящаем эту книгу.

А.Л. Шемякин

Москва, декабрь 2013 г.

Р.С. Вводный текст был уже завершен, когда 8 января 2014 г. из Белграда пришла скорбная весть: скончался наш коллега Мирослав Йованович. Мы потеряли многолетнего партнера по совместной работе и надежного друга, но не будем возвращаться назад и переводить относящиеся к нему строки в прошедшее время. Несмотря ни на что, Мирослав остае-

ся участником общего проекта, имея в виду мощный нарратив, который он успел собрать и печатно представить, а также методологический инструментарий, разработанный им в перечисленных выше статьях. И мы обязательно доведем до конца все, что когда-то начинали вместе, — без него, но в память о нем...

Примечания

¹ Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетейя, 2006. 684 с.

² Шемякин А.Л. Введение // Там же. С. 5.

³ Там же. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Белов М.В. Русские о Сербии и сербах. Т. I // Славяноведение. 2009. № 1. С. 109.

⁶ См.: Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 629–680.

⁷ Он же. Введение // Там же. С. 7–8.

⁸ Он же. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. // Там же. С. 670.

⁹ Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. С. 7.

¹⁰ Цит. по: Йованович М. Сербско-русские или русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурса и восприятия // Историки-слависты МГУ. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 13 (речь идет о Рейнхарде Зидере).

¹¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Он же. Семиосфера. СПб., 2000. С. 257. См. также: Лескинен М.В. Изображение «другого» в российской науке второй половины XIX в.: принципы описания, термины, методы // Человек на Балканах глазами русских / Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 18.

¹² Лотман Ю.М. «Человек, каких много» и «историческая личность» (к типологии русского реализма первой половины XIX в.) // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 5. С. 451. См. также: Хорев В.А. Имагологический аспект изучения литературных связей // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в XXI в.: задачи и перспективы развития. М., 2005. С. 198.

¹³ О возможности последнего: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей 1812–1912–2012. М., 2014. С. 22–64.

¹⁴ *Пугачев В., Соловьев А.* Введение в политологию. М., 2004. С. 325.

¹⁵ См.: *Батаковић Д.* О парламентарној демократији у Србији 1903–1914. Странке, изборе, политичке слободe // Глас САНУ. CDXX. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 2012. С. 391, 407.

¹⁶ См.: От редколлегии // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева. М., 2013. С. 11–14.

¹⁷ *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки.

¹⁸ Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Россия и Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Миф Европы в литературе и культуре России и Польши. М., 2004; и др.

¹⁹ См.: Россия в глазах славянского мира. М., 2007; Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских. М., 2007; Россия и русская литература в современном духовном контексте стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2009; Славянский мир в глазах России. М., 2011.

²⁰ *Гришина Р.П.* Предисловие // Человек на Балканах глазами русских. С. 6.

²¹ *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX – начало XX в.) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 3–15; *Он же.* Русская профессура о Сербии и сербах (последняя треть XIX века) // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности. М., 2011. С. 346–360; *Он же.* В плену традиции. Русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 145–162; *Он же.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских. С. 66–94; *Он же.* Относительность самооценок: сербский крестьянин глазами русских очевидцев // Славянский мир в глазах России. С. 177–194; *Он же.* Л.Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 51–76.

²² См., например: *Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном государстве») // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 123–162.

²³ *Хорев В.А.* Имагологический аспект изучения культурных связей // Человек на Балканах глазами русских. С. 10–17.

²⁴ Там же. С. 17.

²⁵ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М., 1982.

²⁶ Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологија / Приред. М. Јовановић. Београд, 2011. См. также рецензию на этот фундаментальный корпус свидетельств: *Шемякин А.Л.* Сербы о русских – «от России до России» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 455–458.

²⁷ Такая работа уже активно ведется: *Jovanović М.* Dve Rusije: od dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Srbije i Rusije na početku XX veka. Zbornik radova. Beograd, 2010. С 11–17; *Јовановић М.* Србија и Русија. 1804–1878: политика, традиција, перцепција (оквири тумачења и контекстуализације) // Москва – Сербия. Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. II. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Београд; М., 2011. С. 14–38; *Он же.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање // Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина... С. 11–42; *Он же.* Уместо увода // *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21. век (историја односа). Београд, 2012. С. 7–34; *Он же.* Сербско-русские или русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурса и восприятия... С. 12–28.

²⁸ *Белов М.В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в начале XIX века: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в Новое и Новейшее время. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119; *Он же.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX в.: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских. С. 38–65; *Он же.* «Службное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68; и др.

Письма родителям из Белграда

№ 1

Белград, 28 сентября 1860**.

Здравствуйте, любезные родители!

<...> По отъезде из Белграда Протича¹, я сделал несколько интересных знакомств, и 31 августа (наш стиль) с одним из монахов, воспитывавшихся в Киеве, я отправился на телеге во внутренность Сербии, в г. Крагуевац².

Это второй сербский город после Белграда. Он долгое время был резиденцией князя Милоша³. Здесь обыкновенно бывают народные скупщины⁴. Кроме княжеского конака (дворца), казармы, тополивиц^{***} (литейного завода, разумеется, миниатюрного)⁵ и еще двух-трех казенных зданий, все дома городские скорее похожи на хорошие избы, и самый город — чистая деревня наша. Жителей не более 6 тыс. Таковы и почти все другие города сербские. Но зато место положения, окрестности восхитительны. В Крагуеваце я прожил до среды, приехав туда в субботу вечером. Воскресенье вечер и понедельник пол-дня я провел в одном монастыре, Драче⁶, недалеко от Крагуеваца. Тут нас несколько человек очень хорошо поели. Вина прекрасные, а поросенок, жаренный

* Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — крупнейший русский историк-славист. Профессор Санкт-Петербургского университета, академик. Автор многочисленных работ по истории славян, важнейшей из которых была опубликованная докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (СПб., 1871). Являлся деятельным сотрудником этнографического отделения Русского географического общества, основателем и редактором его печатного органа — журнала «Живая старина». Состоял членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества и ряд лет возглавлял журнал «Славянские известия». Создал школу ученых-славяноведов... В первом томе антологии «Русские о Сербии и сербах» помещен отрывок из его воспоминаний о путешествии по сербским землям в 1863 г. (см.: *Ламанский В.И. Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 27–37*).

** Очевидно, что это описка В.И. Ламанского (следует — 1862 г.). По ее причине письмо № 1 (более позднее по времени написания) располагается в архивном деле ранее письма № 2.

*** *Тополивница* (сербск.) — буквально: литейное предприятие, изготавливающее пушки (от сербск. *топ* — пушка, артиллерийское орудие).

как есть с кожей, на вертеле, превосходил всех поросят, когда-либо мною едомых <...>.

Вообще Сербия, богатая буковыми и дубовыми лесами, славится своими свиньями. В самом деле, нередко попадают такие, что издали готов принять за доброго теленка или жеребенка. Хорошая свинья в Сербии весит до 300 австрийских фунтов (несколько более нашего фунта⁷). Главный предмет внешней торговли сербов – свиньи, они обыкновенно продают их в Молдавию и Венгрию. Из Крагуеваца я отправился на телеге уже один, побывал в нескольких городах – Ягодине⁸, Чуприи⁹, Свиленце¹⁰, Смедереве¹¹, в двух старинных монастырях – Раванице¹², Манасии¹³. Был я на одном церковном празднике, познакомился с селяками сербскими. Народ чудесный, любит русских необыкновенно, гордый, независимый, с сознанием своей свободы, чрезвычайно привязан к своему князю как к своему вождю, но, вместе с тем, очень уважает и почитает русского православного царя, глядит на него как на своего покровителя. Выпито было несколько чаш со здравицами за Русию* и царя русского – 8 сентября на празднике, вашаре** в Белой Церкви¹⁴. Утром в тот же день я был в гостях у одного крестьянина, и вот, по случаю тысячелетия***, он поднес мне чашу вина и в своей здравнице сказал: да Бог исполнит все, что царь Руси желает.

И заметьте, они слышали уже от меня, что теперь нам и думать нельзя помогать им, не то время. Как только идет речь об освобождении, сейчас на устах и *Русия***** <...>.

Незадолго передо мной ездили по Сербии две англичанки, девушки¹⁵. Они ехали из Турции, где все путешествовали, как и в Сербии, верхом. Одна из них еще очень больна. Теперь отправились в Боснию. С ними один слуга, он же и переводчик. Они уже были в Черной Горе. По-славянски ничего не знают, между тем все записывают. Разумеется, понятия их о славянах очень забавные. Например, хваля Николу – теперешнего князя Черногорского¹⁶, они полагают ему в заслугу, что он хорошо говорит по-французски, вводит цивилизацию в Черную Гору, завел в Цетинье¹⁷ полицию <...>. Турок и австрийцев они терпеть не могут, к славянам очень расположены. Они горячие протестантки, и все говорят о соединении англиканской церкви с православной. Это

* В.И. Ламанский называет здесь Россию на сербский манер (от сербск. *Русија* – Россия).

** *Вашар* (сербск.) – ярмарка.

*** Имеется в виду празднование тысячелетия России в 1862 г.

**** Здесь и далее выделено в оригинале.

религиозное одушевление, кажется, и побудило их предпринять такое путешествие.

Путешествуя по Сербии, я испытывал несколько минут истинного наслаждения. Да, налюбовался я картинами природы. Чудная, благодатная земля. Тут поля пшеницы, там кукурузы, здесь огромные виноградники. Климат чудесный. Теперь еще так тепло, как у нас, дай Бог, в июне, бывает только холодно по утрам <...>.

Сегодня, 1 октября, получил Ваше письмо, любезнейшая маменька. Ваши опасения были напрасны. Все здесь было спокойно, а теперь уже неделя, как объявлен фирман¹⁸, и все начинает приходить в порядок. Баррикады уже разрушены. Дипломатию газеты славянские бранят, правительство сербское, князя Михаила¹⁹ также, за решения царьградские и за их принятие²⁰. Но поверьте — это вздор. Сербия совсем не была готова к войне, и она получила теперь значительные выгоды. Конечно, ей не следует успокаиваться и почивать на лаврах. Теперь должна быть умела и все больше готовиться к восстанию и к войне, конечно, только умно. К несчастью, и здесь много *прогрессистов* вроде наших. Они могут много напакостить. Впрочем, о Белграде я надеюсь написать на днях небольшую статью в «День»²¹, возобновлению которого я ужасно рад <...>.

Здесь теперь я много занят — читаю и делаю выписки по истории Сербии. Теперь занимаюсь рукописями Белградской библиотеки <...>.

Ваш В. Ламанский

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН).

Ф. 35. Оп. 1. Д. 47. Л. 6–7 об. Оригинал.

№ 2

Белград,

24 августа / 4 сентября 1862 г.

Вчера в 8 часов утра я приехал в Белград*, в 11 часов отправился к Влангали²² и просидел у него до часу <...>.

Город теперь в осадном положении, позже 9 часов нельзя ходить по улицам²³ <...>.

Сегодня я встал рано, но до 9 часов просидел за своим дневником, который с конца июля веду постоянно. В 10-м часу отправился <...> в дом консульства, к одному знакомому сербу еще по Вене Медаковичу²⁴ —

* В.И. Ламанский прибыл в Белград из Нового Сада.

теперешнему секретарю Влангали, с ним пошел к митрополиту Михайлу²⁵. Он был у князя <...>.

Наконец, приехал митрополит от князя, человек молодой, милый, любезный. Он воспитывался в Киевской духовной академии и прекрасно говорит по-русски. Звал меня к себе опять <...>.

Быть может, Вы все на меня сетуете, зачем я не пишу писем для газет. Поверьте, не из лени. Писать глупостей не хочется, и нельзя торопиться, ибо наши слова, наши русские суждения взвешиваются, комментируются славянами. Какое-нибудь неосторожное слово может повредить не мне, а России, или понятиям славян о ней. Здесь же, у славян, все интересы так запутаны и перепутаны, что о положении одной народности нельзя верно судить, не узнавши положения другой, и всякий небольшой уезд, по-нашему, составляет здесь особую страну с своими интересами, находится в самых развитых отношениях к другим уездам. Описывать все это очень трудно, для этого требуется большая осмотрительность.

О Сербии или о Белграде писать Вам мне нечего, еще ничего не видел. Жителей в городе очень мало, все почти магазины, лавки закрыты, везде баррикады, на каждом шагу встречаешь солдат и земскую дружину.

Вы, сколько я понял, недовольны моими последними письмами, находите их малоинтересными. Замечаете, что мало пишу о себе <...>.

Сам Дунай очень величествен, вода его мутная. Пароходы по Дунаю не отличаются большими удобствами, и я слышал, что наши волжские устроены лучше. Публика на пароходах самая разношерстная. За обедом (из Пешта) сидели за столом один подле другого – пруссак, француз, серб, роман (влах)*, итальянец, жид и пр. Новый Сад²⁶, несмотря на свое выгодное положение на Дунае, городишко очень плохой, имеет менее 20 тыс. жителей, довольно грязен.

Жители тамошние, по большей части все сербы, уверены, конечно, что Новый Сад – город отличный. Велика варошь, лепа варошь*. Здешний театр, его управление и пр. напоминают русский театр в провинции или в Москве во второй половине XVIII в. Интеллигенция не то что не любит русских – меня принимали очень радушно, – но вообще завидует нам, нашей силе, часто ругает Россию, но народ чрезвычайно нас любит. Говорю – о православных сербах. Русского царя сербы простые в Австрии считают своим царем. Еще недавно, – мне рассказывал сам эк-

* Т. е. румын.

** *Велика варош, лепа варош* (сербск.) – большой город, красивый город.

заменатор, — в одной народной школе ребенок-серб на вопрос, где он живет, в какой стране, ничего не мог отвечать, как только — *в Воеводине*²⁷. Об Австрии он не слышал. «А кто наш царь? — Николай²⁸» <...>.

В Новом Саде был в гостях два раза, раз на обеде у владыки, епископа Платона²⁹. Все живут отлично, едят чудесно, пьют превосходные вина <...>.

Барышни здешние напоминают наших купчих — почти все белятся и румянятся. В воскресенье, 31 числа, я ездил с одним моим приятелем, Кости-чем³⁰, молодым сербским писателем, в окрестные села, между прочим, русинские, где сделал очень любопытные наблюдения над русским языком <...>.

Будьте здоровы.

Ваш В. Ламанский.

СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47. Л. 38–42. Оригинал.

Выписка из письма к министру народного просвещения³¹ о положении австрийских славян.

Белград, 31 ноября 1862 г.

<...> В заключение я позволю себе сказать несколько слов о сербах в Австрии и о сербах Княжества. Австрийские сербы в передовых, образованных классах разделяются на две партии, часто очень враждебные, мадыарскую и немецкую. В той и другой есть люди благородные, честные; точно так же как и корыстные и неблагонамеренные. Первая хочет союза с мадыарами против Вены, вторая — с Веной против мадыар. Те, которые ближе к мадыарам и больше имеют с ними дело, принадлежат, по большей части, к партии немецкой; другие же, больше общающиеся с немцами, принадлежат к первой партии. Любопытно, что швабы чаще преданы России, чем враги Вены, мадыароны, которые вообще отличаются крайним, смешным легкомыслием, и твердят в своих газетах и разговорах, что Россия ничего хорошего не сделала для сербов, всегда им вредила, что в России есть только одна разумная партия лондонских выходцев. Недавно в одной газете сербской было напечатано, что черно-

горцы, сербы не должны ничего желать или ожидать от России, кроме зла; нам, прибавила она, подарила Россия 15 епитрахилей³²: вот, дескать, ее заслуги и благодеяния. Так как пожертвования России в пользу австрийских сербов в 1849 г. были очень значительны³³, и народ поныне вспоминает о них с великой благодарностью, то было бы желательно не оставить подобных статей без возражения <...>.

Я хотел бы с своей стороны написать против них, потому что, знакомясь с сербами, я вижу, что народ сербский, правда, желает быть независимым и самостоятельным, но горячо предан России и необыкновенно любит русских. Русский от простых сербов встречает всегда ласку и радушие. «Русские и сербы – это все одно, один крест, один закон, одна вера». «Русы – тоже сербы», – наивно замечает простой серб, ибо слово серб означает всякого православного, и серб-католик никогда сербом не называется.

Внутри Сербии селяк сербский, предлагая русскому обычную чашу вина или сливовицы, провозглашает *здравицу* (тост) за русского царя и прибавляет еще – да Бог исполнит все, что желает царь русский. Я ездил по Сербии прежде окончания Цареградских конференций, видел необыкновенное одушевление, беспрестанно слышал разговоры о России, и всегда сочувственные. В Сербии много русских ружей, нынче летом их переделывали в Крагуеваце в штуцера³⁴, но и переделанные они все-таки хуже бельгийских. Но сербы простые охотно берут русские, замечая, что одна вера *правила* (делала).

В Австрии простой народ сербский чрезвычайно привержен к России. Особенно между ними популярно имя покойного императора Николая Павловича. Когда граничар* в 1853 г. Австрия двинула к русским границам³⁵, то они страшно негодовали, говорили, что предадутся русским, что начальство их посылает против *светога Миколы*^{**}. В Княжестве сербском едва не вспыхнул бунт, когда правительство сербское, в угоду западным державам, хотело послать сербов помогать туркам и союзникам против России <...>. Один мой знакомый австрийский серб, смотритель училищ в сербской части Венгрии, рассказывал, что в нынешнем году, летом, в одной народной школе спрашивает он мальчика крестьянского лет 9-ти: «Где ты живешь? В какой земле?» – «В Войводине». Слово Австрия было ему незнакомо. «Кто твой, наш царь?» – «Микола», – отвечал он смело и самоуверенно.

* *Граничари* (сербск., мн. ч.) – жители Военной Границы (особого района в австро-турецком пограничье), преимущественно православные сербы. Были сведены в территориальные полки (по типу казачьих куреней), выполняя роль пограничной стражи.

** От сербск. *свети Никола* (род. п. – *светог Николе*) – святой Николай.

После крестьянства больше всего питает сочувствия к России белое, низшее, духовенство, ибо высшее, архиереи, кроме недостатков наших иерархов, имеют еще недостатки специальные, чисто австрийские. Я познакомился с 3 сербскими архиереями в Австрии. Они очень напоминают католических прелатов, живут сравнительно очень роскошно, держат отличный стол, прекрасные погреба. Нигде в Венгрии я не пил таких превосходных вин, как за обедами этих православных прелатов, которые очень любят заниматься политикой, интригами и еще больше притеснять белое духовенство <...>.

*Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив
«Политический отдел». Оп. 233. Д. 6. Л. 42–44 об. Писарская копия.*

Письмо Т.Д. Флоринскому*

Милый друг Тимофей Дмитриевич!**

<...> Болгары, сербы, черногорцы – патриоты и интеллигенты – все нас боятся и хотят себя убедить и нам по возможности показать, что они нас презирают и имеют-де на то право. Поэтому надо их больше изучать, следить за их движением и познавать их, но не ухаживать за ними. Так больше внушим к себе респекту. Впрочем, это все относится и ко всем другим славянам. А для того и нужно нам с Вами, мне в особенности, так как мне меньше остается жить, подумать о том, чтоб славяноведение в России не падало, а распространялось и укреплялось. Надо, чтоб ежегодно путешествовало по слав[янским] землям не менее 8–10 человек, знакомых с слав[янскими] яз[ыками] и историей. Я все собираюсь подать об этом записку. Если бы 8 универс[итетов] ежегодно имели бы по одному в слав[янских] земл[ях], да Дух[овная] Ак[адемия] – по одному, да Воен[ное] ведомство – из опытн[ых] офицеров (на время обращаемых в

* Биографические данные о Т.Д. Флоринском см. на с. 259.

** Письмо Ламанского Флоринскому не датировано, место также не указано. Но судя по его содержанию (упоминание о посвященной 400-летию типографии «Обод» торжественной встрече в Черногории и визите русских кораблей во Францию, имевших место в 1893 г.), оно было написано годом позже, т. е. в 1894 г.

штатских), – да оба наших Слав[янских] общества давали бы вместо по 250–300 р[ублей] на идею, на двух хороших стипендист[ов]-студентов, то мы бы в 10 л[ет] могли бы приготовить целый полк добрых славистов. Конечно, нужно издавать и журнал по славянов[едению] по четыре книжки в год с хорошей библиографией и критикой <...>.

Сербы из Королевства³⁶, бывшие прошлым летом в Черногории, старались себя держать в отношении к нам совершенно как иностранцы к иностранцам* и демонстративно высказывали свои великие сочувствия Франции и Австрии. Это относится к Миличевичу³⁷ (старой лисице)**, Ковачевичу³⁸ и другим молодым людям. Один из них был у нас студ[ентом]. И бывал у меня в доме, но на пароходе, в Далм[ации]³⁹ и в Цет[инье] даже со мной не здоровался. Делал вид, как бы совсем со мной не знаком.

Все эти недуги можно излечить лишь нашим внутренним ростом и высокой постановкой слав[яноведения] в России, когда вся Европа принуждена будет к нам обращаться, к нашей литературе и нашим универс[итетам] за лучшим пониманием [слово неразб. – А.Ш.] у слав[янских] народов. Но для этого еще мало и мало нами сделано. Упустим это, и тогда, в самом деле, все они будут относиться к нам <...> как иностранцы к иностранцам.

Я думаю, Миличевич, воспевавший на Цет[иньском] обеде Францию (с невыговоренными, но ясными намеками, что она для сербов важнее России), читал с великой досадой об [слово неразб. – А.Ш.]*** Франц[ии] в честь русск[их] моряков⁴⁰ <...>.

Ваш, крепко Вас любящий В. Ламанский.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 818. Д. 221. Л. 7 об. – 9. Оригинал.

* О том же свидетельствовал и П.А. Кулаковский, также присутствовавший на праздновании юбилея типографии «Обод»: «На празднике было немало сербов из Сербии и Австрии. Контраст между ними бросается в глаза. Из Сербии понаехали почти все напредняки, т. е. австрофилы, – что делало впечатление тяжелое, по крайней мере для меня...» (СПФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 249. Л. 59 (П.А. Кулаковский – К.Я. Гроту. Варшава, 24 августа 1893 г.).

** Милан Миличевич – иностранный член РАН! – в своем обширном дневниковом описании черногорских торжеств ни разу не упомянул русских коллег (см.: Архив Српске Академије наука и уметности [далее – АСАНУ]. Бр. 9327. Дневник М. Милићевића. Књ. XV (1). Записи от 9–17 июля 1893 г.).

*** По смыслу – овациях.

Примечания

¹ Протич Коста (1831–1892) – сербский военачальник, генерал (1876). В 1873–1875 гг. – военный министр. В 1877–1878 гг. – начальник Главного штаба Верховного командования. В 1889–1892 гг. входил в состав Регентского совета при малолетнем короле Александре Обреновиче.

² Крагуевац – город в центральной Сербии (Шумади). Расположен на реке Лепенице. Первые данные о Крагуеваце относятся к XVII в. Турки называли город Караджовча. В 1818–1839 гг. являлся столицей Сербии.

³ Обренович Милош (1780–1860) – князь Сербии (1815–1839; 1858–1860), родоначальник династии Обреновичей. Участвовал в Первом сербском восстании, но не покинул Сербию после поражения. Возглавил Второе сербское восстание 1815 г. Добился назначения наследственным князем Сербии. В 1839 г., проиграв борьбу с внутренней оппозицией, был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Михаила и эмигрировать. В 1858 г. Свято-Андреевская скупщина, сместив князя Александра Карагеоргиевича, вернула Милоша Обреновича на престол.

⁴ Народная скупщина – высший представительный орган у сербов. До 1858 г. являлась институцией обычного права, созывалась время от времени, исходя из конкретных потребностей режима. Не была *народным* представительством в полном значении данного понятия. 14 января 1859 г. Свято-Андреевская скупщина приняла закон, согласно которой деятельность Народной скупщины приобретала регулярный характер. Отныне она должна была собираться строго ежегодно для обсуждения текущих государственных дел. Депутаты же избирались населением в пропорции: 500 налогоплательщиков – 1 депутат.

⁵ Оружейный завод в Крагуеваце (здесь: «тополивица») – первое сравнительно крупное промышленное предприятие в Сербии. Основан в 1857 г. Особо быстрыми темпами стал развиваться во время второго правления князя Михаила Обреновича. На нем отливались орудия, ремонтировалось и совершенствовалось стрелковое оружие, производились боеприпасы. Выполнял также функцию главного склада вооружений (арсенала) сербской армии.

⁶ Драча – монастырь в центральной Сербии, в 9 км от Крагуеваца. Точные данные о времени основания отсутствуют. Первые письменные упоминания о нем относятся к XVI в.

⁷ Фунт – единица массы в русской системе мер, отмененной в 1918 г. Равнялся 1/40 пуда или 0,40951241 кг.

⁸ Ягодина – город в центральной Сербии. Расположен на реке Белица. Под именем Ягодня упоминается в исторических источниках с XIV в.

⁹ Чуприя – город в центральной Сербии. Расположен у места впадения реки Раваницы в Великую Мораву. На месте современной Чуприи располагалось древнеримское поселение *Herreum Margi*. В средневековье город назывался Равно. С древнеримских времен город известен своей переправой через Мораву. В 1660 г. турки построили здесь большой мост. По этой причине средневековый город Равно стал называться Чуприя (от сербск. *чуприја* – мост).

¹⁰ Свилайнац – город в центральной Сербии. Расположен на реке Ресавы.

¹¹ Смедерево – город в северной Сербии, на реке Дунай. Основан (как крепость) в 1427–1430 гг. деспотом Джордже Бранковичем – внуком князя Лазара Хребельяновича.

¹² Раваница – монастырь неподалеку от Чуприи. Основан в 1381 г. князем Лазаром. Главный храм – церковь Вознесения. В 1390–1690 гг. в монастыре находились мощи князя Лазара.

¹³ Манасия – современное название Ресавского (Троицкого) монастыря, расположенного в северной Сербии (на реке Ресаве). Основан в 1407–1418 гг. деспотом Стефаном Лазаревичем. В начале XV в. являлся главным культурным центром Сербии. Известен своей Ресавской школой средневековых книжников, переводчиков и писателей (Константин Философ и др.), влияние которой распространялось и на соседние с Сербией земли – Македонию, западную Болгарию.

¹⁴ Белая Церковь – село в западной Сербии, в 8 км к югу от трассы Валево–Лозница. Впервые упоминается в 1442 г. в источниках Дубровника.

¹⁵ Речь идет об английских путешественниках – Аделине Полине Ирби и Джорджине Мур Маккензи. В 1861 г. они отправились на Балканы, посетив Турцию, Грецию, Черногорию, Сербию, Боснию и Герцеговину, Македонию. По результатам своего «балканского турне» опубликовали книгу путевых впечатлений «*Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe*» (London, 1866), переведенную затем на сербский и русский языки. В 1866 г. переехали в Сараево, где открыли женское воспитательное учреждение и прожили до самой смерти (Маккензи – в 1874; Ирби – в 1911 гг.).

¹⁶ Николай (Никола) I Петрович-Негош (1841–1921) – князь (1860–1910) и король (1910–1918) Черногории. Сын великого воеводы Мирко Петровича-Негоша.

¹⁷ Цетинье – город в Черногории. Первоначально – монастырь, основанный в 1485 г. Впоследствии столица Черногорского княжества, а с 1910 г. – Королевства.

¹⁸ Фирман – декрет турецкого султана Абдул-Азиза, в котором содержались договоренности, достигнутые на конференции к Канлидже (в тексте письма – *царьградские решения*).

¹⁹ Обренович Михаил (1823–1868) – князь Сербии (1839–1842; 1860–1868). Сын Милоша Обреновича. Потерпев поражение в борьбе с внутренней оппозицией, был вынужден покинуть Сербию. Но Свято-Андреевская скупщина, сме-

стив Александра Карагеоргиевича, восстановила на престоле Милоша и Михаила как его наследника. 29 мая 1868 г. князь Михаил Обренович был убит сторонниками Карагеоргиевичей.

²⁰ См. примеч. 23. Речь идет о недовольстве компромиссным (в сравнении с изначальным объемом сербских требований) решением, принятым на конференции в Канлидже.

²¹ «День» — газета славянофильского направления. Выходила в 1861–1865 гг. в Москве под редакцией И.С. Аксакова.

²² Влангали Александр Егорович (1823–1908) — русский географ и геолого-разведчик. В 1856 г. был привлечен на дипломатическую службу. Посланник в Китае, консул в Сербии, посол в Риме. Генерал-майор (1870). В 1882–1891 гг. — товарищ министра иностранных дел. С 1883 г. — действительный член Русского исторического общества.

²³ Принятие конституционных законов и создание народной армии в Сербии в начале 1860-х гг. привело к ухудшению сербо-турецких отношений. 15 июня 1862 г. в Белграде у Чукур-чесмы турки ранили сербского подростка, и это вызвало массовые выступления населения. Несмотря на достигнутое при посредничестве иностранных консулов перемирие, 17 июня турецкий комендант белградской крепости приказал обстрелять сербские районы города из орудий. Дабы не допустить разрастания конфликта, в пригороде Стамбула Канлидже состоялась конференция представителей держав — гарантов сербских интересов (по Парижскому миру 1856 г.) и Высокой Порты. Сербское правительство потребовало выселения из своей страны всех турок, в чем его поддержали Россия и Франция, — тогда как Англия и Австрия выступили против. В результате было принято решение о выселении только гражданского населения и срытии крепостей Сокол и Ужице (в остальных цитаделях, в том числе и белградской, турецкие гарнизоны оставались...). В.И. Ламанский прибыл в Белград, когда в нем еще ощущались последствия июньского инцидента.

²⁴ Медакович Милорад (1824–1897) — историк, собиратель фольклора. Из австрийских сербов. В 1844–1857 гг. проживал в Черногории, где был секретарем митрополита Петра II Петровича-Негоша и князя Данилы. Написал «Историю Черногории», биографию Петра II и книгу «Жизнь и обычаи черногорцев». По приезду в Белград многие годы служил в российской дипломатической миссии.

²⁵ Михаил (в миру — Милое Йованович [1826–1898]) — сербский церковный и политический деятель. В 1846–1853 гг. обучался в Киевской духовной семинарии и академии. Кандидат богословия. В 1853 г. принял постриг. Архимандрит монастыря Студеница (1854), епископ Шабацкий (1854–1859). В 1859–1898 гг. (с перерывом 1881–1889) — митрополит Сербский и Белградский. Активно уча-

ствовал в политической жизни, тяготел к Либеральной партии Й. Ристича. Всегда являлся последовательным русофилом.

²⁶ Новый Сад – город в Воеводине. Основан в 1694 г. при строительстве Петроварадинской крепости как Српска Варош (т. е. своеобразный «посад» при крепости). В 1748 г., получив статус свободного имперского города, стал называться Новый Сад. Центр сербской культуры в Австрии (Австро-Венгрии). В 1864 г. в Новый Сад была переведена из Пешта Матица Сербская (основана в 1826 г.).

²⁷ Воеводина – населенная преимущественно сербами область в Австрийской империи. Была провозглашена на Майской скупщине 1848 г. в составе Срема, Баната, Бачки и Бараньи. В 1849 г. императорским патентом было создано «Воеводство Сербия и Тамишкий Банат» – особая сербская область, наделенная самоуправлением и территориальной автономией и включавшая в себя Бачку, Банат и Срем (но без южных районов по рекам Сава, Дунай и Тиса, составлявших часть Военной Границы). В 1860 г. Воеводство было отменено... В данное время Воеводина – автономный край в составе Сербии.

²⁸ Николай I Павлович Романов (1796–1855) – российский император (1825–1855).

²⁹ Платон (в миру – Павле Атанацкович [1787–1867]) – сербский церковный деятель (в Воеводине) и меценат. В 1839–1848 гг. – епископ Будимский; затем – епископ Бачский. Подарил дом в Новом Саде юридической академии и гимназической типографии. Основал Платонеум – интернат для учащихся Педагогической школы в Сомборе. Осуществил первый перевод Ветхого Завета на сербский язык.

³⁰ Костич Лаза (1841–1910) – сербский литератор, журналист, переводчик и политик. Родом из Воеводины. Участвуя в политической жизни венгерских сербов, тяготел к Народной партии С. Милетича. В 1880–1883 гг. проживал в Сербии, редактировал газету «Сербская независимость» – орган Либеральной партии; в 1884–1891 гг. редактор «Голоса черногорца» в Цетинье. Вернувшись в Воеводину, занимался литературным творчеством. Переводчик и толкователь В. Шекспира. Был секретарем Й. Ристича на Берлинском конгрессе; секретарем сербской дипломатической миссии в Петербурге.

³¹ В 1861–1866 гг. должность министра народного просвещения Российской империи занимал А.В. Головин (1821–1886).

³² Епитрахиль – часть облачения священника в виде украшенного узорами фартука, который надевается через голову и носится под рясой.

³³ Во время революции в Венгрии 1848–1849 гг. на территории Воеводины шли тяжелые бои между тамошними сербами и мадьярами. Пострадавшему в результате боевых действий сербскому населению Россия оказала значительную материальную помощь.

³⁴ Штуцер – *нарезное* стрелковое оружие. Первое массовое применение штуцеров произошло в ходе Крымской войны. Ими были вооружены войска противников России. В тексте письма речь идет о модернизации гладкоствольных ружей российского производства – путем высверливания в канале ствола винтовых нарезов, значительно увеличивавших дальность и точность стрельбы.

³⁵ В начале Крымской войны началась переброска отдельных соединений австрийской армии к рубежам Российской империи. В их число входили и *границарские* части из Военной Границы, в большинстве своем состоявшие из православных сербов.

³⁶ В феврале 1882 г. Сербское княжество было провозглашено Королевством... Здесь В.И. Ламанский имеет в виду именно сербов из Сербии (т. е. сербиянцев), а не их сородичей из Австро-Венгрии (пречан).

³⁷ Миличевич Милан (1831–1908) – видный сербский литератор и этнограф, академик. Чиновник министерств просвещения и внутренних дел. Автор более 100 педагогических, этнографических и историко-географических работ.

³⁸ Ковачевич Любомир (1848–1918) – известный сербский историк, академик. Представитель критического направления в историографии. В 1895 и 1901 гг. – министр просвещения.

³⁹ Далмация – историческая область на Балканах, включавшая в себя узкий пояс суши вдоль побережья Адриатического моря (от Задара до Котора) и многочисленные острова. С начала XIV в. принадлежала Венецианской республике. В результате успешных войн Венеции против Турции (XVII – начало XVIII в.) ее территория постоянно расширялась вглубь полуострова. В 1797–1805 и 1815–1867 гг. находилась в составе Австрии. В 1867–1918 входила в Цислейтанию – австрийскую часть дуалистической Австро-Венгрии. В настоящее время большая часть Далмации принадлежит Хорватии, а меньшая, в том числе залив Бока Которская, – Черногории.

⁴⁰ В 1893 г. русская военная эскадра во главе с адмиралом Ф.К. Авеланом нанесла визит в Тулон – в ответ на аналогичный визит французских кораблей в Кронштадт двумя годами ранее. Союзники-французы приветствовали русских моряков восторженно (как на официальном, так и на массовом уровне).

Письма П.Н. Стремоухову¹

№ 1

*Секретно***

Ваше Превосходительство, Петр Николаевич!

Отправляя меня в Сербию, Вы позволили мне писать Вам. <...> При сем представляю мой отчет о сербской артиллерии <...>.

Опыт мой указал, что сербское военное министерство просто не в состоянии работать по общим указаниям, и не только нуждается в систематических указаниях почти по каждому важному вопросу, но даже словесные объяснения ни к чему не ведут, как бы они ни были подробны. Поэтому я счел нужным письменно заявлять все, что имел сказать сербскому правительству, развивая в письмах, направляемых в наше консульство, всякую мысль в полном объеме. Таким образом, вышел, к сожалению, почти полный курс артиллерии по всем частям; на мне же это отразилось тем, что ныне я не только не владею своим почерком, но почти не владею и правой рукой <...>.

Николай Снесарев.

26 июля 1867 г.

Белград.

* Снесарев (Снеissorев) Николай Аполлонович (1838–1914) – российский военный деятель, генерал-лейтенант (1891). На службе с 1857 г. – в Михайловском артиллерийском училище, с 1859 г. – в лейб-гвардии конной артиллерии. С 1868 г. – чиновник для особых поручений при военном министре. С 1869 г. – член Комиссии по перевооружению армии. С 1878 г. – помощник начальника артиллерии Восточно-Сибирского военного округа. С 1879 г. – член Артиллерийского комитета. В 1881 г. произведен в генерал-майоры, с 1885 г. – управляющий делами Артиллерийского комитета. С 1891 г. в отставке с производством в генерал-лейтенанты... В 1867–1868 гг. капитан гвардейской конной артиллерии Снесарев находился в Сербии – в составе русской военной миссии (в которую также входили полковник Генерального штаба Леер – глава, и инженер-полковник Постельников), приглашенной сербским князем Михаилом Обреновичем «для осмотра и оценки военных средств и приготовлений» Княжества. Отвечал в миссии за артиллерийскую часть.

** Здесь и далее выделено в оригинале.

Отчет

Отдел I. О материальной части сербской артиллерии.

Люди. Сербь вообще весьма способны к военному делу и добровольно занимаются им при каждом удобном случае*. По закону 1862 г. жители деревень назначены в народную пехоту, а жители городов – в народную кавалерию, и должно сознаться в том, что жители городов много уступают в личных качествах жителям деревень. Артиллерия пополняется и городскими, и деревенскими жителями, в расчете от целого округа – столько-то батарей <...>.

В народных батареях командиры батарей суть строевые офицеры, а взводные командиры суть так называемые *взводники***, назначаемые командирами батарей из числа милиционеров же.

Вследствие крайней демократичности нравов, командование в Сербии труднее, чем где-либо, – ибо ему мешает всеобщее и наивное comradeship. Но с другой стороны, патриотизм, общее сочувствие общему делу и выдержка характера, природная сербскому народу, – облегчают дело. Вообще же, полагаю, что, увеличивая надзор и повышая требовательность со стороны высших начальников, можно в короткое время достигнуть весьма хороших результатов <...>.

<...> Верным считается готовность сербской артиллерии к 1 марта 1868 г.

23 июля 1867 г.

Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 7943. Л. 11, 23–24 об., 56. Оригинал.

№ 2

Секретно

<...> По желанию Его Светлости князя Михаила, полковниками Лером² и Постельниковым и мною были составлены записки о сербском войске, в которых заключались, между прочим, и вопросы организации.

Ныне, 29 августа, г. военный министр³ письменно пригласил меня

* В особенности же усердствуют трубачи и сигналисты народного войска (прим. Н.А. Снесарева).

** От сербск. *водник* – командир взвода.

участвовать в рассмотрении проекта реорганизации сербских войск. Не знаю, чей это проект, но полагаю, что он принадлежит г. Орешковичу⁴, ибо из всех членов комиссии никто, кроме г. Орешковича, не защищает его; я же не вижу в нем ни малейшего следа работ гг. Леера, Постельникова и моих.

Мы стремились к тому, чтобы сколь возможно менее трогать существующую организацию, лишь дополняя недостающее, — ныне же разбирался проект полной реорганизации, не имеющей ничего общего с существующей. Наше означенное стремление основано на полном убеждении в том, что общая реорганизация войск накануне войны была бы систематическим подготовлением себе катастрофы. Одно из двух — общая реорганизация невозможна в настоящих обстоятельствах, или столкновения не предвидятся на многие годы.

Мы говорили, что необходимо немедленно строить и пополнять провиантские магазины, немедленно пополнять обоз, немедленно и со всех сторон приобретать лошадей, пожертвовать некоторыми частными достоинствами вооружения, дабы все силы направить на сколь возможно быстрое пополнение неполного, на окончание недоделанного. Прошло четыре месяца, и не сделано положительно ничего из указанного нами, так, как если бы мы и не приезжали в Сербию. Труды наши сочтены бесполезными, и остается лишь мне уехать подобно моим товарищам.

Мы присланы русским правительством к Его Светлости и обязаны игнорировать всех и все, кроме Его Светлости. Сербское правительство просило Россию прислать офицеров, которым можно было бы довериться. Русское правительство выбрало нас, и в этом положении состоят господствующие доказательства высказываемого нами — столь господствующие, что мы не можем прибегать к доказательствам другого рода без ущерба достоинству русскому Военному министерству, а тем более не можем состязаться со всяким, кому это было бы угодно. Всякий сербский офицер или чиновник для нас есть только орган князя Михаила, и этим сглаживаются наши личные отношения или воззрения, каковы бы они ни были. Ставить же нас на одну доску с г. Орешковичем или с кем бы то ни было в его положении, есть полное оскорбление. Я уже не говорю о том, что г. Орешкович позволял себе шутки и насмешки относительно русской армии при мне, в присутствии всей комиссии и г. военного министра, который не остановил его; остановил же подполковник Маркович.

Не пускаюсь в анализ проекта г. Орешковича, ибо это до меня не касается, но самое приглашение меня участвовать в обсуждении проекта,

в котором нет следа положений, представленных мной князю, есть насмешка. Я участвовал в заседаниях комиссии до тех пор, пока убедился в истине того, что ныне свидетельствую, и в том, что эта дерзкая насмешка относится равно ко всем нам трем.

В личных, частных отношениях от меня зависела бы степень терпимости в подобных обстоятельствах, но в моем положении я не имею права заявлять мою личность. Не сомневаюсь в том, что сербский князь не для того просил русское правительство, и не для того русское правительство послало нас, чтобы подвергать нас оскорблениям. Доношу о происходящем не для удовлетворения личного самолюбия, а для разъяснения истины, и дабы не быть ответственным в могущей произойти катастрофе, о которой выше шла речь.

Лейб-гвардии Конной Артиллерии
капитан Николай Снесарев.
Сентябрь 1867 г.
Белград.

*АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495.
Д. 7943. Л. 65–65 об. Оригинал.*

Письма Д.А. Милютину⁵

№ 1

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

<...> Наиболее выдающиеся люди в сербской артиллерии суть: полковник Блазнавац⁶ и полковник Зах⁷; но Блазнавац, во-первых, как военный министр, будучи занят другими делами, не может пристально заниматься артиллерией, а во-вторых, он принадлежит к разряду людей, так называемых прожектерами, и хотя сербская артиллерия многим обязана ему, но он положительно неспособен водворить где-либо порядок по свойству своего ума. Полковник Зах принадлежит к числу тех людей, которые все, что знают, приобрели путем опыта и личного труда, поэтому все его сведения чрезвычайно положительные, но весьма ограничены и относятся исключительно к арсенальной части. Наибольший пост, ко-

торый был бы Заху по плечу, – это начальник технической части. Что касается до Блазнавца, то общественное мнение убеждено в его неспособности и приписывает ему сверх сего разные предосудительные качества. Несмотря на короткое мое знакомство с ним, мне случалось встречаться с его довольно грубым невежеством по части военной статистики и по части артиллерии, – хотя вся его деятельность, кроме двух последних лет, была посвящена исключительно артиллерии <...>.

В заключение, считаю долгом сообщить Вашему Высокопревосходительству слова, сказанные мне между прочим князем Михаилом: «Хорошо, если обстоятельства дадут нам три месяца». Соображения о трех месяцах основываются на ожидании урожая, который в этом году обещает быть обильным.

Общее впечатление мое состоит в том, что все скорее хорошо, нежели дурно, и в три месяца можно бы приготовиться. Но – нету ни военного министра, ни начальника артиллерии, – и это обстоятельство такого свойства, что с Блазнавцем и без начальника артиллерии вряд ли возможно ожидать результата хоть сколько-нибудь удовлетворительного <...>.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорный слуга
Николай Снесарев.
18/29 мая 1867.
Крагуевац.

*Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ (далее – НИОР РГБ).
Ф. 169. Папка 36. Д. 63. Л. 2–2 об. Оригинал.*

№ 2

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

<...> Сегодня в Крагуеваце получено известие о том, что в Париже какой-то поляк стрелял в государя императора⁸. Это известие было принято с, так сказать, остервенением, из которого следует, мне кажется, полное внутреннее убеждение сербов в том, что их надежда, их сила, их будущность находятся в тесной связи с Россией и благоденствием государя императора. Впрочем, к тому же заключению я пришел при моих поездках всюду в Сербии, и тесное родство наше с сербами не подлежит сомнению.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства
покорный слуга
Николай Снесарев.
Крагуевац, 29 мая 1867.

НИОР РГБ. Ф. 169. Папка 36. Д. 63. Л. 6 об. Оригинал.

№ 3

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

<...> Блазнавац уже явно показал свою неспособность как организатор и администратор; с этим убеждением уехали отсюда полковники Леер и Постельников: в этом убеждении нахожусь и я — нельзя быть хорошим администратором и организатором, имея семь пятниц на неделе, будучи в то же время артиллерийским изобретателем, и к тому же без основательного образования; с этими качествами возможно быть только прожектором, и именно только прожектерство и существует в администрации Блазнавца. Сегодняшняя идея в его уме всегда вытесняет вчерашнюю, и до сих пор я видел в нем устойчивость только по части патриотизма и славянства. К тому же, насколько могу судить, его держат в каком-то особом положении, что видно, например, из того, что мои письма <...> Гарашанин⁹ читает, но не показывает Блазнавцу, и намерен отправить их князю Михаилу, не показывая Блазнавцу, — записка, оставленная здесь Постельниковым, имеет ту же участь.

Из этого я вывожу заключение, что если в Сербии я должен буду служить только исполнителем предначертаний Блазнавца, то сербская артиллерия от этого не много выиграет, ибо у Блазнавца положительно нет никакого плана, и он будет импровизировать, и импровизация его будет иметь всевозможные оттенки самолюбивого человека, не принимающего советов вообще, а особенно коллективных <...>.

Вашего Высокопревосходительства
покорный слуга
Николай Снесарев.
29 июня 1867.
Белград.

НИОР РГБ. Ф. 169. Папка 36. Д. 63. Л. 12, 14 об. Оригинал.

№ 4

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

Сербский военный министр полковник Блазнавац просил меня составить бюджет артиллерии <...>.

Для выполнения сего пришлось начать с составления штатных ведомостей для батареи каждого рода, ибо не было никакой нормы, которой придерживались бы до сих пор, и существующие батареи были сформированы все различно, и все на глаз <...>.

Чем больше я живу в Белграде, тем более убеждаюсь, что война далеко не составляет здесь общего желания. Существуют две партии, обе имеющие своих представителей в высших сферах; одна из них руководствуется соображениями исключительно патриотического свойства, в этом отношении готова на всевозможные жертвы и желает войны. Другая руководится разными комбинациями, в которых, однако, личные интересы весьма заметны, и войны не желает. В селах почти вовсе нет второй партии, в городах она существует, хотя и не весьма развита, — а сила ее сосредотачивается в высших кружках. Существование этих двух партий отчасти объясняет то, что во всех распоряжениях по части военных приготовлений как будто лежит задняя мысль: готовиться, но затягивать дело сколь возможно, а затем приготовления надвигаются уже, так сказать, силой обстоятельств и силой инерции.

Сила обстоятельств состоит в том, что первая из сих партий несравненно многочисленнее второй, и сверх сего, на предстоящей Народной скупшине несомненно возьмет верх именно своей многочисленностью; а так как Народная скупщина имеет собраться в сентябре сего года, то отсюда следует необходимость *кое-что* делать, дабы иметь возможность сказать скупшине, что было сделано *все возможное*.

Сначала я был поражен тем, что все советы наши принимались как будто неохотно, но потом совершенно уразумел дело. Действительно, только те советы немедленно приводятся в исполнение, которые не имеют прямого отношения к военным приготовлениям, например, то или другое изменение в устройстве материальной части, или в уставе, — а заготовление провианта, фуража, патронов всегда находит какое-либо неодолимое препятствие <...>.

Между прочим, практические занятия по указанию полковника Постельникова производятся надлежащим образом, <...> ныне ведутся контр-мины, а последней ночью производили вылазку и стрельбой переполошили весь город: в четвертом часу утра народ бегом сбегал на вы-

стрелы, вооруженный и, по-видимому, готовый принять участие в деле... Но и при сем могу заметить ту же подозреваемую заднюю мысль: учения производятся по указанию полковника Постельникова, и производятся весьма энергично, а заготовки — по его же указаниям — почти не подвигаются <...>.

Вашего Высокопревосходительства
покорный слуга

Николай Снесарев.
8 августа 1867. Белград.

НИОР РГБ. Ф. 169. Папка 36. Д. 63. Л. 15–16 об. Оригинал.

№ 5*

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

Скупщина, бывшая в Крагуеваце¹⁰, дала мне случай разъяснить разные вопросы, относящиеся к военным приготовлениям Сербии. Пушки и ружья, и прочие материальные приготовления составляют только средства войны, а душа ее есть все-таки люди. Сознаю, что, вступая в круг нравственных пружин и настроений, я выхожу из рамки своей специальности, но делаю это в предположении, что мои наблюдения окажутся небесполезными, а по крайней мере небезынтересными, для Вашего Высокопревосходительства, — тем более что исключительность положения, в котором я находился во время скупщины, позволила мне быть в самой среде всевозможных сербских пружин, что никогда и никому из иностранцев не удавалось <...>.

В Крагуеваце Его Светлость приглашал меня к обеду ежедневно, жил же я в гостинице среди депутатов и, таким образом, имел случай ближе всмотреться и в высшие, и в низшие сферы сербского народа.

В одном из предшествовавших писем моих было замечено, что в отношении ожидаемой войны Сербия разделяется на две партии: одна считает войну долгом относительно соседей и относительно будущности самой Сербии, — другая, руководствуясь соображениями менее бескорыстными и более личными, войны не желает. Народ принадлежит исклю-

* Фрагменты данного письма опубликованы в: Москва — Сербия. Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. Белград; М., 2011. С. 388–391.

чительно первой партии, а в высших сферах есть представители обоих направлений; поэтому представители второго направления составляют, в численном отношении, ничтожное меньшинство, но общественное положение их таково, что тем не менее вопрос колеблется.

Вашему Высокопревосходительству известно, что все сербы, считающиеся образованными, получили образование за границей <...>. Одно из свойств воспитания, даваемого за границей, состоит в презрении и насмешке – в Париже над всем, что не парижское, в Берлине – что не берлинское, и так далее. Таким образом, высшие сферы Сербии смеются над обычаями своего народа, презирают его с высоты своего воображаемого величия; словом, совершенно от него отрезаны и совершенно пропитаны духом своих заграничных отечеств; между собой они составляют кружки сообразно месту своего воспитания, кружки взаимно враждебные и сходящиеся лишь в том, в чем сходится вся Западная Европа: в недоверии к России, в опасении, что она стремится к поглощению всего мира, начиная с южных славян.

Таким образом, произошло следующее случайное совпадение обстоятельств: партия войны есть в то же время партия народа и партия России; противоположная ей партия есть партия западников и гнездится исключительно в высших сферах. Западники не желают войны, ибо предвидят в ней и через нее усиление русского влияния, а к сему у многих присоединяется еще и корыстное опасение за свое собственное положение, которое неминуемо будет подвергнуто войной некоторому риску. Народ не задается политическими предвидениями, а просто имеет свои сердечные желания и видит, что Россия постоянно содействовала их осуществлению. Сознание своего меньшинства, свойство современных обстоятельств и свойство движущих интересов заставляет партию западников прибегать к скрытности, к лавированию перед народом, к внешним уступкам, словом, к лукавству и интригам; комедия *быть и казаться* находится в полном разгаре, и разоблачение этого положения составляет результат моего последнего пребывания в Крагуеваце; обе партии были налицо в полном составе – оставалось лишь наблюдать <...>.

Словом, в народе нечего и сомневаться, – но должно заметить, что скупщина, заключающая в себе 38% людей, не умеющих подписать своей фамилии, не может иметь прямого и самостоятельного значения при правительстве, обладающем европейскими сноровками. Сербское правительство не придает скупщине никакого не только значения, но даже интереса, и лишь пользуется ею как средством позировать перед Европой и перед следующей скупщиной – позировать совершенно со-

образно собственному усмотрению <...>. При всем том, в течение самой скупщины были обстоятельства, которые доказали, что хотя и не трудно руководить направлением полуграмотного собрания, тем не менее оно в состоянии наделять правительству много хлопот в силу самого своего положения, — а поэтому поухаживать за ним отнюдь не лишне.

Таковым ухаживанием за скупщиной было приглашение меня, и мало того — однажды князь, приехав смотреть две батареи, просил меня командовать ими. В том и другом случае имелось в виду показать скупщине свою дружбу с русскими. Замечательно, что г. Блазнавац предупредил меня, что князь любит внешний декорум, а поэтому лучше быть в Крагуеваце все время в мундире; впоследствии же я имел случай видеть, что князь даже удивлялся, зачем это я постоянно в мундире? — и окончательно убедился в том, что из меня сделали вывеску дружественных отношений с Россией <...>.

Имеющимися средствами возможно приготовить к весне в обрез 112 нарезных полевых орудий и 80.000 вооруженной пехоты. В разговорах с г. Блазнавцем <...> я видел, что он задается гораздо большими цифрами, особливо же насчет артиллерии, и убеждал его не распространяться в ширину прежде окончания указанных мной цифр; ибо, если к весне будет, например, 300 орудий, а при них только 50 полных экземпляров материальной части, то для боя будут готовы только 50 орудий, а остальные будут бесполезны. Г. Блазнавац отвечал мне: «O, vi, vi, vous avez parfaitement raison!», — и ныне в Крагуеваце я видел, что все его распоряжения неуклонно шли по той дороге, против которой я предупреждал его. 100 000 недоконченных снарядов, а вполне готовых — лишь 5000; ударных трубок — ни одной, а деревянных — лишь 2000; около 300 полевых нарезных орудий больших и малых, большинство совсем без материальной части; по одному зарядному ящику лишь на 90 орудий, а остальные орудия совсем без ящиков и передков. Считаю приведенные цифры достаточными для того, чтобы сделать заключение, что все мои предостережения и советы приняты только к сведению; но остается вопрос: каким образом объяснить эту вышеприведенную французскую фразу, которой г. Блазнавац отвечал мне не только в сем случае, но почти без исключения во всех случаях, и не только мне, но и г. Лееру и г. Постельникову?

Вашему Высокопревосходительству известно, что в начале октября сербским правительством был послан г. Николич¹¹ для получения ру-

* “O, vi, vi, vous avez parfaitement raison!” (франц.) — «О, да, да, вы совершенно правы!»

жей, уступаемых Россией Сербии. Ныне г. Николич доносит, что ввиду прекращения навигации доставка ружей невозможна. Остается вопрос: почему г. Николич был послан в начале октября, а не 2 ½ месяца тому назад, то есть немедленно по получении уведомления из России?

Формы для цинковых ударных трубок, прибывшие из России в первом и во втором транспорте, лежат бесплодно <...> более 2-х месяцев – будто потому, что не имеется хорошего цинка; но хороший цинк явился в течение 6-ти дней после моего разговора с князем об этом предмете; остается вопрос: отчего же он не являлся прежде, несмотря на то, что я твердил о нем в течение всех двух месяцев? <...>

Я довольно долго нахожусь в Сербии, чтобы иметь основание доверять моим наблюдениям, и во всяком случае вижу подтверждение моих мнений по сему предмету в том, что наш консул г. Шишкин¹² вполне разделяет их. Г. Блазнавац употребляет все усилия к тому, чтобы обойтись без влияния России и без *видимой* помощи ее; он не желает войны весной, ибо в существующих обстоятельствах она может быть не иначе, как под влиянием России, в военных приготовлениях он лишь уступает необходимости, но всячески старается подготовить такое стечение обстоятельств, которое позволило бы ему – в случае успеха, приписать его себе; в случае катастрофы, свалить свои грехи на Россию: «Россия подталкивала, втянула, обещала и ничего не сделала». Истина известна и останется известной лишь сербскому правительству вообще, а в особенности ему, Блазнавцу, ибо дело это принадлежит преимущественно его министерству; а остальные, народ и история, узнают лишь то, что угодно будет г. Блазнавцу сообщить им. Оттого не оказалось возможным получить ружья, обещанные Россией, оттого оказались неприменимыми в Сербии формы для ударных трубок, присланные из России, а равно оказались неудобными для Сербии и хомуты по образцу, присланному из России, оттого затих вопрос об офицерах из России; словом, принимаются без обиняков только русские деньги, ибо кто же от денег отказывается в девятнадцатом столетии? Не подлежит сомнению то, что все дары, присылаемые Россией Сербии, возбуждают и поддерживают не только в Блазнавце, но и вообще в высшей сфере, лишь мысль о дойной корове; чем больше даров, тем сильнее мысль, и даже иногда дело доходит до смешного негодования в том, что корова дает не столько молока, сколько было бы желательно.

Проявление именно этой грязной мысли я видел на днях в полупрезрении, полунасмешке, с которыми сербские тузы осматривали прибывшие из России ящики с саблями; в том дурно скрытом негодовании, замеченном мной у г. Блазнавца при известии, что ружья, ныне усту-

паемые Россией, ненарезные, <...> дело не чуждо корыстных чувств и замыслов, о солидарности же с народом не может быть и речи. Именно по причине отсутствия этой солидарности оказывается необходимость прикидываться не тем, что есть, и – ежели бы судить только по внешности, – то пришлось бы видеть совсем другое.

В Крагуеваце имеется несравненно более нарезных пушек, нежели материальной части к ним; все эти пушки были положены на всевозможные лафеты, готовые и недоделанные, старые и новые, словом, на какие попало; более половины этих пушек ничего не имело, кроме лафета: ни передка, ни зарядного ящика, – и из всего этого была составлена декорация в виде нескольких шпалер, исчезавших в перспективе; прежние орудия, разбросанные с изысканной небрежностью, должныствовали заставить публике, что ими ныне не дорожат.

Подобная же история и со снарядами; из отливки двух пушек сделан спектакль, а равно и из учебных батарей. Скупщинары, свободно пускаемые всюду и даже приглашаемые, лишь набожно мотали головами. Тот же внешний вид усердных, огромных и успешных приготовлений проведен был г. Блазнавцем в его отчете и речи в скупщине; его слова напечатаны в отчете далеко не все; он забросал скупщину цифрами в миллионах, – и все эти фокусы увенчались тем, что добродушные скупщинары раскричались ему: «Живео!»* Где было им понять шарлатанство, столь блиставшее перед ними. Цель уже отчасти достигнута: умы предрасположены поверить, в случае успеха, что исключительный виновник его есть Блазнавац; а в случае неуспеха предрасположены искать причины и виновных всюду и во всех, кроме него; он заручился. Замечательно, что мысль о приглашении меня на скупщину принадлежит ему же, – все время в Крагуеваце я имел счастье пользоваться благосклонным вниманием князя, а когда однажды слегка заболел, то военный министр «счел долгом» навестить меня немедленно; если случалось при нем же, в разговоре с князем, отчасти выводить его на свежую воду, он отмалчивался и отшучивался <...>. Не раз я удивлялся нахальству, с которым при мне г. Блазнавац приписывал г. Лееру мысли, которых тот никогда не имел, и не сомневаюсь в том, что за глаза и со мной он поступает таким же образом.

Внимание мое потому устремлено на г. Блазнавца, что, во-первых, он – военный министр, а во-вторых, один разговор с князем убедил меня в том, что князь смотрит его глазами <...>.

* «Живео!» (сербск.) – «Да здравствует!»

Мало того, это влияние поддерживается кузиной князя Анкой Константинович¹³, той самой знаменитой Анкой, которая была причиной разлуки князя с его женой Юлией и которая, не скрывая, стремится к тому, чтобы заменить княгиню Юлию своей дочерью¹⁴. Блазнавац состоит с Анкой в тесной дружбе, и конец его влияния не предвидится ранее конца влияния Анки и конца их дружбы. Дружба обуславливается их взаимным поддерживанием, и этому положению дела может приключиться конец в ближайшем будущем лишь какой-либо случайностью. Какого рода эта возможная случайность? — можно догадаться из следующей мысли, высказанной однажды Гарашанином: «Великую услугу оказал бы Сербии тот, кто избавил бы ее от одной барышни».

В изложенных обстоятельствах было бы весьма рискованно утверждать: будут ли готовы сербы к весне? Несомненно, что к весне будет готова масса разных предметов, относящихся к вооружению, — но составят ли они нечто целое? — вопрос, решение которого трудно предвидеть. Кое-какое целое, несомненно, можно сколотить из всякой массы, но я вижу, что приготовления идут гораздо шире мною указанных, и предвижу, что именно поэтому к весне будет готово гораздо менее того, что я считал необходимым <...>.

Убедившись в том, что военный министр лишь на словах соглашается со мной и что он противится осуществлению моих указаний, я сомневаюсь в пользе моего дальнейшего пребывания в Сербии и лишь потому не утверждаю, что вполне бесполезен, что наш консул г. Шишкин утверждает противное. При этом ходе дел я сознаю за собой лишь роль русского военного агента в Сербии, которую и буду выполнять впредь до получения приказаний Вашего Высокопревосходительства.

В настоящее время имеется в Сербии: 19 полевых батарей с расчетом лошадей по мирному времени, 4 горные батареи с расчетом лошадей по военному времени и 50 000 нарезных 7-ми линейных ружей на руках, с надлежащим числом патронов. Составление парков еще не начато, 30 000 ружей, заряжающихся сзади, все еще не имеют ни одного патрона.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Снесарев.

25 октября 1867.

Белград.

№ 6

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

В течение прошлого месяца произошло, как Вам известно, два крупных происшествия в Сербии: смена Гарашанина, возбудившая во всех кружках много толков, основанных на сочувствии к нему¹⁵, и смена Ристича¹⁶, примечательная всего более своими скандальными подробностями, довольно хорошо характеризующими здешние нравы и порядки.

Каждое из этих происшествий повлияло на политические дела и не осталось без отражения в военной стороне их. В сем последнем отношении один из видимых результатов состоит в том, что вполне разъяснилось влияние на князя г. Блазнавца, которому ныне поручены — сверх его прежних обязанностей — еще и сношения с соседними славянскими народами; до сих пор эти сношения принадлежали министерству иностранных дел.

В руках г. Блазнавца мало-помалу сосредотачивались разнообразные обязанности под тем предлогом, что они зависят от военных потребностей. Сношения со славянами, пути сообщения, хлебные народные магазины, почта, всевозможные закупки и подряды — все это ведется им одним.

Не стесняясь разнообразием сих обязанностей, и выставя необходимость соблюдения секретности в военных приготовлениях, г. Блазнавац обходится без помощников, с которыми мог бы разделить свои обязанности, и, таким образом, он — и военный министр, и фельдцейхмейстер, и начальник своего штаба, и дежурный генерал, и так далее, — и при всем этом находит возможность заниматься проектированием разных разностей по технической части. Он не стесняется и щекотливостью в исполнении своих обязанностей и, выставя все ту же секретность, обставил свою деятельность тайной своего кабинета и объяснений с глазу на глаз.

Однако в случае, когда нужны были ему деньги, ему приходилось несколько посвящать сенат в свои тайны и соображения, без чего сенат не вотирует бы выдачи <...>.

Предложение г. военного министра о выдаче ему 220 000 дукатов¹⁷ прошло как нельзя более смирно, — неожиданные и быстро следовавшие одна за другой смены Гарашанина и Ристича наметнули многим на шаткость их собственного положения: трудно было не видеть, что г. Блазнавац не чужд сим происшествиям; еще живы были впечатления военных спектаклей во время скупщины — речь военного министра была полна

блеска относительно настоящего, и прошедшего, и будущего... Ради все той же пресловутой секретности решено выдать всю сумму разом в руки военному министру...

Таким образом, г. Блазнавац ныне имеет в своих руках всю военную деятельность страны, все гражданские части, хотя сколько-нибудь к ней относящиеся, и самую существенную политическую часть, имея более полумиллиона рублей, – все это, покрытое тайной, на его безотчетном усмотрении, и, сильный доверием князя, он всемогущ по всем военным вопросам, начиная с коренного: быть войне или не быть ей? <...>

В военных приготовлениях по-прежнему не происходит ничего существенного, но склады продолжают расти <...>.

Для <...> ружей, по-видимому, наконец, остановились на избранном патроне и избранной пуле, но приготовление сих патронов продвигается до сих пор столь медленно – от 200 до 400 штук в сутки, – что не представляет собой серьезных занятий, взяв во внимание все потребное количество патронов: 4 миллиона.

Для приготовления вторых зарядных ящиков еще не доставлено дерево и не сделано распоряжение об изготовлении оковок, которые предполагалось заказать в Австрии.

Еще в сентябре было приступлено к приготовлению в белградской цитадели помещений для мастерских повозочной и патронной, но дело остановилось на исправлении полов и на вставлении стекол, кое-где разбитых турками на прощание¹⁸. По-видимому, вполне оставлена самая мысль о сих мастерских <...>.

Вопросы администрации и организации, затронутые в сентябре, ныне оставлены. По-прежнему все заключается в одном военном министре; по-прежнему не имеется инстанций между ним и командирами батальонными, эскадронными, батарейными. Отсутствие связи, контроля, строевых инспекций, недоверие, входящее как принцип во всю систему управления Сербией, – все это возводит до министра всевозможные дразги, как например анонимные письма от унтер-офицеров, и мелочи, как например вопросы о сломанном волокне или порванной постройке. Анонимные доносы здесь в большом ходу, многое на них основывается, и гнусность их далеко не осознана. Этот грязный омут, окружающий и сосущий всякого служащего под начальством г. Блазнавца, отзывается самым дурным образом на духе всех военных, и в особенности офицеров. Напряженность этого неестественного положения усложняется и запутывается по мере течения времени и по мере увеличения числа частей и числа служащих <...>.

Имею честь быть, с истинным почтением и глубокой преданностью
Вашего Высокопревосходительства покорный слуга
Николай Снесарев.
1867. Ноябрь.
Белград.

НИОР РГБ. Ф. 169. Папка 36. Д. 64. Л. 1–2 об., 4. Оригинал.

№ 7*

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

Вследствие обстоятельств, случившихся в последнее время в Сербии: перемены министров и остановки Россией выдачи денег, — здесь пахнет более революцией, нежели войной против турок.

При вступлении на княжение князя Михаила, говорят, вряд ли было 100 человек недовольных; ныне же вряд ли наберется 100 довольных. Недовольство накоплялось постепенно, по мере проведения в администрацию австрийских приемов, столь ненавистных славянскому элементу. Славянство есть враг методизму, ибо, будучи основано на общине и круговой поруке, оно требует доверия к личности и относится враждебно ко всякой формалистике; в этом его сила и слабость, все прошедшее и будущее. В Сербии же все формулировано такой формалистической, что иногда очевидное зло принимает вид законного явления, чего народ не прощает правительству; но что всего несноснее народу — это повсеместное шпионство. Кроме многочисленных полицейских явных агентов, шпионством здесь занимается всякий, в такой степени, что министрам известны знакомства и даже разговоры, особливо служащих людей; мало того — интрига министров пытается направлять частную жизнь. По этим причинам правительство князя Михаила возбуждает в народе то самое чувство, которое иезуиты возбуждают во всем мире. Народ стеснен и оскорблен в своем достоинстве.

Австрийские славяне, как люди более образованные, и некоторые княжеские сербы, добровольно удалившиеся в Австрию, ведут с сербским правительством ожесточенную журнальную войну <...>; един-

* Данное письмо опубликовано в: Москва — Сербия. Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. С. 391–395.

ственным возможным примирением всеми единодушно признается лишь поднятие князем Михаилом знамени на борьбу за славянскую независимость. В Гарашанине видели близость минуты, в которую это знамя было бы поднято; в назначении Ристича предвидели внутренние реформы, которые положили бы конец оскорблениям народа. Тот и другой представляли собой символы задушевных желаний народа, у каждого из них были и остались свои сильные партии – ныне обе партии враждебны правительству, и не предвидятся ни внутренние улучшения, ни близость священной минуты, – предвидится лишь дальнейшее развитие того, что давно уже накопело на душе народа.

В Сербии еще есть в живых люди, которые пережили четыре революции, и это обстоятельство вместе с поджигательствами австрийских славян не внушает особого доверия к дальнейшему спокойствию страны. На князя Михаила до сих пор смотрели как на неизбежное зло, ибо он все-таки лучше Карагеоргиевичей¹⁹ тем, что до сих пор умел поддерживать расположение России к Сербии; ныне же своим поведением в последнее время он побудил Россию заявить намерение о приостановлении своих милостей к Сербии, – и те сербы высших сфер, кому это известно, тщательно скрывают это известие, а сами в отчаянии; если же Россия действительно отвернется от Сербии, хотя бы только временно, и известие это распространится в народе, то к прежним чувствам неудовольствия, оскорбления, обманувшихся надежд и желаний прибавится негодование <...>.

Сербская драма разыгралась бы иначе, если бы весной действительно было поднято роковое знамя. Но, во-первых, здешние высшие сферы убеждены в том, что их деятельность этого рода вполне парализована остановкой выдачи русских денег, а во-вторых, здешний военный министр потерял столько времени, и так постоянно теряет его, что, придерживаясь мнений гг. Леера, Постельникова и моих о приготовлениях к войне, необходимых для Сербии, – к весне, наверное, Сербия не будет готова, хотя бы русские деньги и не были остановлены <...>. Без сомнения, можно сколотить кое-какое целое из всякой массы – и масса существующих сербских заготовлений была бы достаточна для народа упорного и решительного, при энергичном и разумном правительстве, которое могло бы рассчитывать на безусловную исполнительность, основанную на популярности его. Россия в 1812 году, Греция в течение всего 19-го столетия, Кавказ в течение 60-ти лет, наконец, Польша в 1863–65 годах показали, что возможно сделать средствами сравнительно меньшими, чем те, которыми ныне располагает Сербия. В Сербии недостает главного – духа <...>.

При таких обстоятельствах если бы действительно завязалась роковая борьба, то трудно предвидеть счастливый исход ее для славян, тем более что со стороны турок она неминуемо будет отчаянной, с полным фанатизмом, обуславливающимся положением, в которое они будут поставлены.

В интересах Сербии и всех славян благоразумнее было бы отдать решительное столкновение впредь до систематического окончания военных приготовлений, тем более что может произойти и в сербском министерстве комбинация, более благоприятная для народного духа, нежели нынешняя. Но этим отдалением увеличилась бы возможность революции в ближайшее время. Трудно предвидеть, на что решилось бы сербское правительство, если бы г. Блазнавац правдиво представил положение дел во вверенном ему министерстве; но г. Блазнавац, в виду дилеммы — или революция, или ненадежная война, — более склонен рисковать славянским вопросом, нежели своим положением, отыскивая в то же время какую-либо комбинацию, на которую в случае надобности можно было бы свалить свои грехи.

С этой точки зрения весьма объяснимо то обстоятельство, что остановка выдачи русских денег, ошелолив всех членов правительства, не озадачила лишь его одного; ибо — если войны не будет, то он останется при своих уверениях в готовности к ней; если война будет несчастная — виновата Россия тем, что накануне войны отказала в помощи, на которую рассчитывали; если в войне как-либо посчастливится — тем лучше для него; если случится революция, — кроме расчета на то, что военные спектакли, даваемые им в разных случаях, достаточно позировали его перед народом, еще и тайна, которой покрыты все его действия, — гарантируют его; а сверх сего, кто же из сербов мог бы быть его компетентным обвинителем и судьей? Любовь к отечеству, слава, свобода, иноземное иго — все чувства, разумеемые этими словами, довольно чужды сербам; корысть и месть руководят их как в частной жизни, так и в политике, а поэтому неудивительно, что г. Блазнавац не отличается в этом отношении от народа, из которого вышел. Заявив столь резкое мнение о сербах вообще, считаю долгом заявить и то, что иногда встречаются блестящие исключения, как, например, Гарашанин, — но, к сожалению, таковые исключения весьма редки.

Если весной сербам посчастливится без несчастной войны и без революции, тем не менее эта дилемма останется до тех пор, пока г. Блазнавац останется на своем месте, что и составляет сущность дела, — ибо, вследствие своих личных свойств, приемов, им употребляемых, пути,

следуемому им, <...> я не сомневаюсь в том, что он положительно и совершенно не способен когда-либо окончить начатые военные приготовления.

Г. Блазнавац недавно уверял болгарскую депутацию в полной готовности Сербии к решительной борьбе. С точки зрения, выше изложенной, понятно, что ему ничего не стоит обещать что угодно. В действительности же если весной разразится гроза, то <...> все это вместе обещает мало хорошего.

С глубоким почтением и искренней преданностью имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Снесарев

20 декабря 1867.

Белград.

НИОР РГБ. Ф. 169. Папка 36. Д. 64. Л. 7–9 об. Оригинал.

№ 8*

Ваше Высокопревосходительство,
Дмитрий Алексеевич.

<...> Ваше Высокопревосходительство благосклонно заявили, что полагаетесь на мое умение и такт. Не доверяя себе в соответствующей степени, считаю долгом изложить вкратце историю моих отношений с сербским правительством.

С первых шагов в Сербии я видел, что ни Его Светлость князь Михаил, ни его военный министр, словом, никто в Сербии не был расположен придавать нам, приехавшим русским офицерам, авторитет, соответствующий нашему положению и предположениям, слышанным нами в Петербурге. Нас возили и нам показывали с какой-то задней мыслью, которую мы чувствовали, но тогда я еще не умел формулировать ее; впоследствии скупщинские фокусы руководились подобной же мыслью. Надеялись, застав нам глаза желаемыми эффектами, чрез нас усилить себе кредит России. Никто из нас не попался в эту ловушку, мы сознавали, что нам дают роли неподходящие, и в этом я вижу причины отъезда из Сербии гг. полковников Леера и Постельникова. Подобно им, и я видел, что нет надежды на возможность действовать прямым путем советов и

* Данное письмо опубликовано в: Москва – Сербия. Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи 1804–1878 гг. С. 395–396.

мнений <...>. Господина Блазнавца я оценил с первого же знакомства и до сих пор не имею причин отступаться от мнений, которые имел честь выразить о нем в письмах Вашему Высокопревосходительству <...>.

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Снесарев.

25 декабря 1867.

Белград.

НИОР РГБ. Ф. 169. Папка 36. Д. 64. Л. 11. Оригинал.

№ 9

Доложено Его Величеству

5 марта*.

Ваше Высокопревосходительство,

Дмитрий Алексеевич.

<...> Ничего важного между новым не произошло. По-прежнему г. Орешкович с переменными сотрудниками, даваемыми ему г. Блазнавцем, пережевывает свой проект организации, который все еще не кончен, и по-прежнему растет материальная часть – и без нужды, и не в ту сторону, куда следовало бы. В сем последнем отношении я не имею систематических сведений, ибо вот уже пятый месяц живу безвыездно в Белграде, однако знаю некоторые отдельные факты, совершенно противоположные советам, в свое время мною изложенным. Так, например, командирам народных батарей уже дан приказ принять еще по два орудия для перехода в шестиорудийный состав; сверх сего, приготовлена материальная часть еще на 10 полевых и на 10 легких батарей – то и другое я не только не считал необходимым, но считал бременем и для финансов, и для войска, а сверх сего и потерянными временами. А вторых зарядных ящиков для летучего парка все еще нет, и относительно образования подвижного парка все еще не сделано никаких распоряжений.

Одним словом, сербское правительство нимало не желает пользоваться моими услугами – <...> в такой степени, что г. военный министр «потерял» представленные ему труды Комиссии, работавшей в Крагуеваце под моим председательством, а г. министр иностранных дел г. Петранович²⁰ при последнем свидании прямо спросил меня: «Когда же Вы

* Написано почерком Д.А. Милютина.

уезжаете?» На это я ответил, что погода стоит хорошая, и поэтому мне очень приятно мое пребывание в Сербии, – предоставляя, таким образом, ему самому комментировать мой ответ <...>.

С глубоким почтением и искренней преданностью, имею честь быть
Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Николай Снесарев.

14 февраля 1868.

Белград

НИОР РГБ. Ф. 169. Папка 36. Д. 64. Л. 16. Оригинал.

Письмо Д.А. Милютина Н.А. Снесареву

КОПИЯ

Секретно

Милостивый государь Николай Аполлонович!

Из всех сведений, имеющихся у меня и в Министерстве иностранных дел, я убедился, что как Вы, так и полковники Леер и Постельников, посланные в Белград в исполнение ходатайства Правительства сербского, обнаружили самое похвальное усердие и готовность быть истинно полезными этой стране. К сожалению, вижу, что до сих пор труды Ваши не были оценены по достоинству в Белграде, а потому и не имели желаемых благих последствий.

Для нас очевидно, что сведения, Вами представленные, и советы, Вами преподанные, остались мертвой буквой.

Хотя Вам известен ход наших отношений с Сербией по части ее военных приготовлений, однако же считаю нелишним сделать обзор их в общих чертах. Вы знаете, что мы не только не побуждали Сербию готовиться к войне с Турцией, но выставляли ей всю опасность опрометчивого образа действий и предупреждали, что ни в каком случае она не должна рассчитывать на принятие нами участия в этой войне; мы не связали даже себя никакими обещаниями какой-либо материальной поддержки.

Государю императору угодно было, во внимание к повторенным ходатайствам князя Михаила, сперва отправить специальных офицеров, в

том числе Вас, для подробного исследования военного положения Сербии, для преподания нужных советов и для содействия в приведении их в исполнение. Эти указания и советы остались бесполезными, и полковник Блазнавац продолжает действовать по собственному усмотрению. Затем в разное время были доставлены разные военные принадлежности*, которые или израсходованы без пользы, или остались без употребления. Наконец, уступленные нами ружья считаются ничтожным пожертвованием по тому уважению, что они не нарезные, — это ясно оказывается на медленности в принятии оружия.

На это можно сказать, что мы не обязаны были давать ничего; притом, когда у нас настойчиво просили ружей, то мы прямо заявили, что можем дать только ружья ненарезные, на что получили ответ, что всякое оружие, каково бы ни было, будет принято с благодарностью, тем более, что оно предназначалось, как нам было сказано, для христианских областей Турции, а не для регулярного войска. Ныне, по-видимому, в Сербии смотрят другими глазами. Как бы то ни было, предоставляя Министерству иностранных дел разъяснить политическую сторону вопроса, я не могу не желать, чтобы при таких обстоятельствах мы не были участниками образа действий полковника Блазнавца и предоставили ему безраздельно всю ответственность его системы.

По всем этим уважениям предлагаю Вам уклониться от всяких дальнейших отношений с полковником Блазнавцем и от всяких занятий и поручений. Я бы пригласил Вас даже оставить Белград и возвратиться в Отечество, но покуда не делаю этого, чтобы не придать Вашему отъезду значения демонстрации при нынешних обстоятельствах. А потому останьтесь покуда в Белграде впредь до получения дальнейших от меня приказаний, но совершенно частным человеком, в распоряжении только нашего Генерального консула.

Считаю долгом еще раз искренно благодарить Вас за Ваши добросовестные труды и усердие.

Примите уверение в совершенном моем к Вам уважении.

Подписал: «Д. Милютин».

Верно: <...>

№ 78.

* В 1867 г. в Сербию за счет русского правительства было переправлено 2 тысячи лошадей, 3200 гладкоствольных ружей, 14500 нарезных ружей, значительное количество запасных частей к артиллерийским зарядам (трубок) и 100 тысяч австрийских дукатов (см.: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 266).

6 декабря 1867 г.
Его Высокоблагородию
Н.А.Снесареву.

*АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 7943.
Л. 78–80 об. Писарская копия. Подпись – автограф.*

Примечания

¹ Стремоухов Петр Николаевич (1823–1885) – русский дипломат, действительный тайный советник (1875), камергер (1863). Высшее образование получил в Александровском лицее. В 1842–1856 и 1858–1875 гг. – на службе в Азиатском департаменте МИД России. В 1856–1858 – консул в Рагузе (Дубровнике). В 1861–1864 гг. был вице-директором, в 1864–1875 – директором Азиатского департамента МИД.

² Леер Генрих Антонович (1829–1904) – русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1896); член-корреспондент Петербургской академии наук (1887). В 1854 г. окончил Военную академию Генерального штаба, в 1855 зачислен в Генеральный штаб. Был профессором тактики и военного искусства Николаевской академии Генерального штаба. В 1889–1898 гг. – ее начальник. С 1896 г. – одновременно член Военного совета. В конце 80-х гг. преподавал военную историю и стратегию наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. В 1867 г. он возглавлял специальную военную миссию, направленную в Сербию для ознакомления с состоянием ее армии. Выводы миссии были малоутешительными.

³ Военным министром в правительстве Илии Гарашанина (см. примеч. 9) был полковник Милюев Петрович-Блазнавац (см. примеч. 6).

⁴ Орешкович Антоние (1829–1906) – сербский военный деятель, полковник. Из австрийских сербов. Окончил военную академию в Вене. В 1862 г. принят в сербскую армию в чине капитана. Разработал планы подготовки восстаний в Боснии (1861, 1863, 1865, 1867), которые предполагали совместное участие в них выходцев из Хорватии, Далмации и Военной Границы. Во время Сербо-турецкой войны 1876–1877 гг. – начальник штаба Дринского корпуса, помощник начальника штаба Верховного командования, командир Моравской дивизии, а в 1877–1878 гг. – командир Дринской дивизии.

⁵ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – русский военный и государственный деятель, граф (1878), генерал-фельдмаршал (1898); один из ближайших сотрудников Александра II. В 1836 г. окончил Императорскую Военную

академию. Участвовал и отличился в Кавказской войне. В 1845 г. был назначен профессором академии по кафедре военной географии (с 1847 г. – военной статистики). С 1855 г. – в свите его императорского величества. В 1861–1881 – военный министр России; провел ряд реформ, преобразовавших русскую армию. В 1866 г. произведен в генералы от инфантерии. В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находился при императоре Александре II в действующей армии. С 1883 г. – почетный президент Николаевской академии Генерального штаба.

⁶ Блазнавац (Петрович) Миливое (1824–1873) – сербский военный и государственный деятель, генерал (1872 г. – первый в Княжестве). Обучался в артиллерийской школе в г. Меце (Франция). Адьютант князя Александра Карагеоргиевича. Затем – соратник Михаила Обреновича. С 1865 г. – военный министр. После убийства князя Михаила провозгласил (с помощью контролируемой им армии) его двоюродного племянника Милана Обреновича наследным князем Сербии. Входил в состав регентства при малолетнем князе. В 1872 г. стал председателем правительства и военным министром. Год спустя (при не выясненных до конца обстоятельствах) скоропостижно скончался.

⁷ Зах Франтишек Александр (1807–1892) – сербский военный деятель, генерал. Выходец из Чехии. Участник польского восстания 1830 г. Тесно связанный с польской эмиграцией в Париже, в 1843 г. прибыл в Сербию как агент А. Чарторыйского. Участвовал в составлении «Начертания» И. Гарашанина. В 1849 г. снова приехал в Белград. В 1850–1859, 1860–1865, 1867–1874 гг. – начальник и профессор Артиллерийской школы. Являлся советником князя Михаила Обреновича. В 1876 г. – начальник Генерального штаба. Руководил подготовкой Сербии к войне 1876–1877 гг., в которой в чине генерала командовал Ибарской армией. Во время войны был ранен и потерял ногу. В 1882 г. по инвалидности вышел на пенсию и вернулся в Чехию.

⁸ 25 мая 1867 г. в Париже (в Булонском лесу) на Александра II было совершено покушение поляком-эмигрантом А.И. Березовским. Пуля угодила в лошадь государя. Суд приговорил его к 20 годам каторги; однако, с другой стороны процесс превратился в демонстрацию симпатий французской общественности к польским революционерам.

⁹ Гарашанин Илия (1812–1874) – крупнейший сербский политик и государственный деятель (наряду с Йованом Ристичем и Николой Пашичем). Один из лидеров режима уставобранителей. В 1843–1852 и 1858–1859 гг. – министр внутренних дел. В 1852–1853 гг. – во главе правительства и министр иностранных дел. Активный участник Свято-Андреевской скупщины – был противником возвращения Обреновичей на сербский престол: во время второго правления Милоша Обреновича (1858–1860) оставался не удел. Но князь Михаил доверил ему пост председателя совета министров и министра иностранных дел (1861–

1867)... В 1844 г. составил внешнеполитическую программу Сербии – «Начертание», предусматривавшее освобождение югославянских народов из-под власти Турции и объединение их под эгидой Белграда. Инициатор создания Первого Балканского союза (1866–1868).

¹⁰ Так называемая Михольская народная скупщина (от сербск. *михольско лето* – бабье лето). Заседала в Крагуеваце с 28 сентября до 13 октября 1867 г.

¹¹ Николич Тихомиль (1832–1886) – сербский военный деятель, генерал. Окончил инженерно-артиллерийскую школу в Берлине. Профессор Военной академии; адъютант Милана Обреновича. С 1874 г. – командующий регулярной армией. В 1875–1876 и 1882–1883 гг. – военный министр... Подавил Тимокское восстание 1883 г. в восточной Сербии.

¹² Шишкин Николай Павлович (1830–1902) – российский дипломат, действительный тайный советник. Окончил Александровский лицей. В 1861–1863 гг. – консул в Адрианополе. В 1863–1875 гг. – консул (с 1868 г. генеральный консул) в Сербии. В 1875–1880 гг. – посланник в США. В 1880–1884 гг. – посланник в Греции, а в 1884–1891 – в Швеции и Норвегии. В 1891–1897 гг. – товарищ министра иностранных дел. С января по март 1895 г. и с августа 1896 по январь 1897 г. временно управлял министерством. С 1897 г. – член Государственного совета.

¹³ Константинович Анка (1812–1868) – двоюродная сестра князя Михаила Обреновича (дочь его дяди Еврема Обреновича). Стремилась выдать за него замуж дочь Катарину после неудачного брака монарха с венгерской графиней Юлией Хуньяди: они так и остались без потомства. Погибла 29 мая 1868 г. в Топчидере вместе с князем Михаилом.

¹⁴ Константинович Катарина – дочь Анки Константинович. Во время покушения на Михаила Обреновича была ранена. Впоследствии – жена генерала Миливое Блазнаваца. После его смерти, в 1873 г., вышла замуж за Михаила Богичевича.

¹⁵ 3 ноября 1867 г. Гарашанин был отправлен князем в отставку с поста главы правительства за противодействие его намерению жениться на Катарине Константинович. Премьером стал Йован Ристич, отозванный из Константинополя, где он занимал должность сербского представителя при Высокой Порте. Однако правительство Ристича просуществовало менее трех недель; 21 ноября он подал в отставку – его сменил министр внутренних дел Никола Христич.

¹⁶ Ристич Йован (1831–1899) – сербский государственный и политический деятель; историк, академик, президент Сербской королевской академии наук; многолетний председатель Народной либеральной партии. Образование получил в Гейдельберге и Сорбонне. В 1850-е гг. служил в министерствах просвещения, иностранных, внутренних дел. Был близок к И. Гарашанину. В

1861–1867 гг. – посланник в Турции. В 1867 г. – преемник Гарашанина на посту главы правительства и министра иностранных дел. Однако быстро вышел в отставку, сблизившись с либералами. В 1868–1872 гг. – член регентского совета при несовершеннолетнем князе Милане Обреновиче. В 1869 г. по настоянию Ристича был принят первый национальный Основной закон Сербии. В дальнейшем занимал должности премьер-министра (1873, 1878–1880, 1887) и министра иностранных дел (1872–1873, 1875, 1876–1880, 1887). В 1878 г. представлял Сербию на Берлинском конгрессе. В 1889–1893 гг. первый регент при малолетнем короле Александре Обреновиче. Во внешней политике стоял на прагматично-русофильских позициях, выступая против откровенно проавстрийского курса князя и короля (с 1882 г.) Милана Обреновича. Автор значительных историко-мемуарных сочинений.

¹⁷ Дукат – австрийская золотая монета, эквивалентная трем рублям серебром.

¹⁸ 24 апреля 1867 г. турецкий гарнизон покинул белградскую цитадель, крепость Калемегдан.

¹⁹ Карагеоргиевичи – в XIX в. княжеская (1842–1858), в XX в. королевская династия в Сербии (1903–1918), Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929), Королевстве Югославия (1929–1945, фактически до 1941). Ее родоначальник – Карагеоргий Петрович (1762–1817), являлся верховным вождем сербов во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Представители династии: Александр (князь Сербии в 1842–1858), Петр I (принц-регент Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1914–1921; король Сербии в 1903–1918; король сербов, хорватов и словенцев в 1918–1921), Александр I (король сербов, хорватов и словенцев в 1921–1929; король Югославии в 1929–1934;), Петр II (король Югославии в 1934–1945), принц Павел (регент в 1934–1941).

²⁰ Снесарев неточен – пост министра иностранных дел в кабинете Николы Христича (ноябрь 1867 – июнь 1868 г.) занимал Милан Петровиевич.

Письма А.Н. Пыпину¹

№ 1

Белград.

1868 г. 20 апр[еля] / 2 мая.

Милый мой Александр Николаевич!

Путешествие мое опять складывается на старый лад. Приехал я сюда, да и засел. Внутрь Сербии отправиться покуда неудобно было, потому что погода еще не установилась; то и дело по целым дням льют дожди; шлепаться по грязи не хочется; поневоле должен сидеть и ждать. Скука и тоска. Хожу почти каждый день в музей, перебираю рукописи, в которых однако интересного нахожу очень мало. Больше нечего и делать в Белграде. Общественной жизни здесь нет, потому что нет общественных интересов, все это живет единственно для себя: семейство здешнее не что иное, как простое сожителство ради удовлетворения естественных потребностей и приплода. Музыкальности – ни на грош. Поэзии, кажется, еще меньше. Литература почти не существует. Образованных людей очень мало, и то не в смысле европейском, а в том, по крайней

* Ровинский Павел Аполлонович (1831–1916) – русский историк-славист, публицист. В 1852 г. окончил Казанский университет. Придерживался революционно-демократических взглядов. Был знаком с Н.Г. Чернышевским, состоя в организации «Земля и воля». Как корреспондент побывал в Чехии и Словении (1860–1861); Сербии и Хорватии (1868–1869); Сибири и Монголии (1870–1873); Сербии и Боснии (1878–1879), где собирал историко-этнографические материалы. Опубликовал описания большинства своих поездок. В 1879–1906 гг. (с перерывами) проживал в Черногории – сотрудничал в русской дипломатической миссии и исследовал историю и этнографию страны. Результаты изысканий напечатал в капитальном труде «Черногория в ее прошлом и настоящем» (Т. I. СПб., 1888; Т. II. Ч. 1. СПб., 1897; Т. II. Ч. 2. СПб., 1901; Т. III. Пг., 1915). В первом томе антологии «Русские о Сербии и сербах» помещены отрывки из четырех его очерков о Сербии (см.: *Ровинский П.А. Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний)* // *Русские о Сербии и сербах*. Т. I. С. 38–39; *Он же*. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // Там же. С. 39–75; *Он же*. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // Там же. С. 75–88; *Он же*. Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // Там же. С. 89–118).

мере, что обучены кой-чему, знакомы кой с какими вопросами, над решением которых работает Европа; но во всем своеобразие, решение своим умом и значительная доза самохвальства и самодовольства. Все это, конечно, напоминает мне мое родное русское; но мы в этом случае, кажется, несколько скромнее, а работаем добросовестнее. Боюсь, впрочем, что все это мне так только кажется, вследствие некоторой тоски и вообще личного *indispose**. Публично я этого, конечно, никогда не скажу, а перед тобой это можно, потому что ты сам знаешь славянство.

Как ни тяжело, однако, я здесь буду жить до тех пор, пока не увижу, что нечего ждать. Покуда я еще не теряю надежды, что здесь что-нибудь будет. Несмотря на странное поведение здешнего правительства, я имею основание думать, что нынешним летом непременно Балканский полуостров, начиная от Савы и Дуная и до Эгейского моря, во что бы то ни стало поднимется², и, если не вмешаются посторонние силы, турку несдобровать. Но что будет дальше, Бог весть! Материальных сил и храбрости в южных славянах много; отчаяние, с которым они должны восстать, придаст им еще больше силы; как бы ни были неблагоприятны обстоятельства, при которых они восстанут (Сербия, видимо, коварствует), они победят турок, но побьются между собой и призовут варягов из-за моря. Болгары не хотят никакого государя – ни князя, ни короля, но я не верю в их способность устроиться другим способом. Грустно, а все-таки хорошо, если произойдет летом какая-нибудь катастрофа: это очистит несколько воздух и освежит человечество, которое может задохнуться в вечной подвальной борьбе. Эти ожидания только и держат меня здесь; этим только и живу я.

Какие здесь делаются пакости, можешь судить по моей последней корреспонденции в «Петербургские ведомости»³; но я, конечно, не хочу всего выдавать наружу, чтобы не повредить делу. Я должен защищать сербское правительство, с одной стороны, чтобы не представить его в дурном свете перед Европой, с другой, чтобы не сеять внутренней вражды, не производить еще больше разлада, который без того достигает значительной степени. Но в то же время мне хотелось бы, чтобы многие поняли истинное положение дел. Такие две совершенно противоположные цели – не дают житья <...>.

Правительство ничего не думает, да в его министрах нет ни одной головы, способной на что-нибудь, кроме полицейско-репрессивных мер. Могут быть важные перемены, но не реформы <...>.

* *Indispose* (франц.) – недомогание, нездоровье.

Прощай! Будь здоров. Остаюсь П. Ровинский.

*Российский государственный архив литературы и искусства
(далее – РГАЛИ). Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 5–10. Копия.*

№ 2

Белград.

*15 ноября ст[арого] ст[илля] 1868 г.**

Милый мой Александр Николаевич!

<...> Попроси его⁴ послать мне в Белград ноябрьскую книжку⁵, в которой моя статья⁶. Напечатанье этой статьи меня обрадовало, потому что там есть небольшая рецензия на Каница⁷, которой ждут с нетерпением мои благородные приятели и которая, как ни поверхностна, все-таки будет достаточна, чтобы указать точку зрения Каница, в чем многие здесь сильно заблуждаются.

Это и заставляет меня просить выслать мне эту книжку. У нас, я вижу, также заблуждаются насчет Каница, и в одном из №№ «Петербургских ведомостей» был помещен отзыв такой, что не знаю чему больше удивляться: ловкости ли Каница, или наивности рецензента, который решительно восторгается им, совершенно верит ему на слово и вследствие этого говорит страшные нелепости вроде того, например, что между чиновниками и народом полнейшее равенство и какие-то патриархальные отношения. Это еще страннее было встретить в «Петербургских ведомостях», где корреспондировал я и незадолго перед тем сообщил довольно основательное свидетельство ненависти народа и чиновников, бурно выразившейся на последней Народной скупщине.

Тогда я написал рецензию на скорую руку (это было в июне), когда книга только что вышла, чтобы дать кое-какое известие; но по настоящему эту книгу стоило бы разобрать подробнее <...>.

Об Омладине и омладинской скупщине⁸ я тоже написал, <...> у них была одна статья довольно поверхностная, которая меня и навела на эту мысль. Он⁹ месяц спустя начал помещать и, не кончивши, остановился на последней скупщине, бывшей в Бечкереке¹⁰, куда я предпринимал поездку, в виду некоторого рода обязанности следить за всеми важными явлениями сербской жизни. Омладина – единственный фактор в жизни сербов, который имеет будущность <...>.

* Выделено в оригинале.

В Белграде я должен остаться до тех пор, пока не получу порядочной суммы, с которой я мог бы тронуться с места <...>.

Что касается белградских библиотек (при Ученом обществе¹¹ и при Лицее¹²), то в них я пересмотрел все рукописи и нашел очень мало <...>.

Если обстоятельства благоприятствуют, я хоть накануне Рождества, а все-таки уеду из Белграда, потому что надоело, да и делать больше нечего. В декабре соберется комиссия для сочинения конституции¹³. Правительство финтит, хочет надуть; интересно, поддастся ли ему народ. Оно, между прочим, хочет создать верхнюю палату в скупшине и предоставить ей решающий голос¹⁴ <...>.

Прощай, милый мой! Остаюсь уважающий тебя П. Ровинский.

РГАЛИ. Ф. 395. Он. 1. Д. 341. Л. 19–27. Копия.

№ 3

Белград.

15 декабря 1868 г.

Милый мой Александр Николаевич!

<...> Подпишись, пожалуйста, на три или четыре месяца на «Петербургские ведомости» для сербской газеты «Единство»¹⁵ <...>. Между прочим, замечу, что это очень порядочная газета, началась она только с 6 декабря, и редактор ее некто Стоян Бошкович¹⁶, тот самый, который в 60-х гг. хотел издавать «Скупштину» с другими двоими соредакторами, но тогда все трое они были брошены в тюрьму, преданы суду за одно объявление газеты. «Единство» в то же время полуофициальный (получает субсидию) орган сербского правительства, или, собственно, одного из них — Йована Ристича, что делает ее особенно интересной. И несмотря на то, Бошкович надеется сохранить самостоятельность, и если бы привелось стать в противоречие с правительством, то он обещает сойти с поля общественной деятельности и спокойную совесть, и незапятнанную славу.

В настоящее время в Белграде заседает комиссия, которая рассматривает правительственный проект законов, готовится все для предложения их скупшине, и теперь только Белград несколько оживился; а то был страшный застой и тупость. Но вообще здесь общественная жизнь совершенно подавлена, с одной стороны — естественной грубостью нравов и неразвитостью, а с другой — подлой системой последнего десятилетия. Трудно себе представить, до какой степени искажены нравы и понятия

здешней так называемой интеллигенции. Мне кажется, нигде нет более резкого противоречия между внешней оболочкой, по которой человека можно принять за вполне цивилизованного европейца, и внутренней грубостью, доходящей до зверства и до совершенной неспособности понимать самые простые человеческие отношения, — как здесь <...>.

Остаюсь преданный Вам П. Ровинский.

РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 29–36. Копия.

№ 4

Белград.
24 мая 1869 г.

Милый друг Александр Николаевич!

<...> В выборе тебя в члены «Сербского ученого общества» я несколько не виноват: но как ни мало занимаются здесь наукой, твоя «История литературы»¹⁷ пользуется и здесь большой популярностью, а потом есть здесь две личности — Стоян Новакович¹⁸ <...> и Янко Шафарик¹⁹, которые следят за тем, что пишется по славянщине, которым известны твои сочинения, и они-то, конечно, и предложили тебя. Что касается состава его, то весьма трудно определить его. Для науки здесь приюта совершенно нет; из профессоров Великой школы²⁰ я знаю только одного, который занимается наукой, — это Панчич²¹ (натуралист из прека*) <...>. Есть еще один политико-эконом Миятович²², который из профессоров теперь сделан начальником отделения министерства финансов <...>. Остальное — дилетантство. Я думаю, нет ни одного чиновника и вообще человека из интеллигенции, который не написал бы чего-нибудь. Страсть к писанию ужасная, но к труду — ни на волос. Нередко эти дилетанты занимаются литературным воровством: уличенный раз, он имеет мужество продолжать, но более хитро, принявши свои меры. Членов «Общества» много, но работать некому. Поэтому, если что-нибудь дашь из своего, ты сделаешь им большое одолжение, а главное, покажешь, как должно писать, потому что об этом здесь не имеют понятия: здесь просто — личная ругань, и какой-нибудь исторический очерк <...> — не больше чем извлечение из Устава**, сбор программ, отчетов и т. п.

* Из прека (сербск.) — имеется в виду: из австрийских сербов, живущих на другой стороне Савы и Дуная. Преко (сербск.) — через.

** Устав (сербск.) — конституция.

Дать тебе понятие о направлении «Гласника»²³ решительно не берусь <...>, пошлю тебе Устав, составленный в недавнее время²⁴, и книги «Гласника» за последний, т. е. за 68 год, и еще пошлю одну весьма важную для занимающегося славянщиной книгу Стояна Новаковича «Сербия. Библиография от 1748–1867 г.»²⁵, труд весьма почтенный <...>.

Ты представь, что главная задача этого общества сначала была изучить отечество во всех отношениях, и до сих пор в продолжение 20 лет у них не появилось ни одной монографии по истории Сербии (есть, правда, но они ниже всякого достоинства <...>, и в том же роде преподносится история с кафедры профессором Сречковичем²⁶) <...>.

Что касается статей по славянщине, то мне Шафарик говорил – что бы ты ни прислал, они будут крайне благодарны <...>.

В сущности говоря, эта так называемая здесь интеллигенция – такая сволочь, которую не жаль было бы совсем потерять <...>.

Прощай. Остаюсь любящий тебя П. Ровинский.

РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 37–48. Копия.

Примечания

¹ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – русский историк культуры, литературовед, публицист. В 1853 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1860–1861 – его профессор. После выхода в отставку в знак протеста против политики властей в отношении студенчества сосредоточился исключительно на литературном и научном труде. Автор 1200 работ. Самая известная из них – «История славянских литератур» (2-е доп. изд). Т. I–II. СПб., 1879–1881. Академик (1898).

² Действительно, на протяжении 60-х гг. правительство И. Гарашанина действительно готовило общевалканское восстание против турок – для чего был тайно оформлен Первый Балканский союз во главе с Сербией. Восстание намечалось на 1867–1868 гг. (см. и письма Н.А. Снесарева в данном сборнике). Но в 1867 г. И. Гарашанин был уволен с поста премьера, а 29 мая 1868 г. в результате покушения погиб князь Михаил Обренович.

³ «Санкт-Петербургские ведомости» – старейшая из русских газет, возникшая в 1728 г. при Академии наук и являющаяся до некоторой степени продолжением первенца русской периодической печати, созданного Петром Великим и выходившего с 1703 по 1727 г. под названием «Ведомости о во-

енных и иных делах, достойных знаний и памяти». Выходила в Петербурге до 1917 г.

⁴ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – историк, журналист и общественный деятель. Окончил Петербургский университет, где преподавал в 1852–1861 гг.; с 1858 – профессор всеобщей истории. В 1861 г. ушел в отставку в знак протеста против жестокого подавления студенческого движения. Как либеральный публицист сотрудничал во многих органах печати. Основатель и редактор (1866–1908) журнала «Вестник Европы».

⁵ «Вестник Европы» – российский литературно-политический еженедельник умеренно либерального направления. Издавался в 1866–1918 гг. в Петербурге, продолжая традицию одноименного журнала, основанного в 1802 г. Н.М. Карамзиным. Редактор-издатель М.М. Стасюлевич (1866–1908). Главное внимание в журнале уделялось истории и политике.

⁶ В ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1868 г. опубликован очерк Ровинского (см.: *Ровинский П.А.* Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Т. VI. Кн. 11. С. 364–386).

⁷ Каниц Феликс (1829–1904) – австрийский путешественник и этнограф. Впервые побывал в Сербии в 1859 г. и с тех пор посещал ее неоднократно. Автор археологических, географических и этнографических описаний сербских земель – самые значительные из них переведены на сербский язык (см.: *Каниц Ф.* Србија. Земља и становништво. Књ. I–II. Београд, 1985). Член-корреспондент Сербского Ученого общества (1869); почетный член Сербской Королевской академии наук (1902). В своем очерке П.А. Ровинский подверг резкой критике «описательную» концепцию Каница – см.: *Шемякин А.Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 72–93.

⁸ Сербская Омладина (от сербск. *Уједињена Омладина Српска* – Объединенная сербская молодежь) – сербская национальная культурно-просветительская организация с центром в городе Нови Сад. Существовала в 1866–1872 гг. Решение социальных вопросов идеологи Омладины отодвигали на второй план, сосредоточив свои устремления на освобождение и объединение всего сербского народа. В 1870 г. сложилось революционно-демократическое крыло Омладины во главе со Светозаром Марковичем, который стремился превратить ее в революционную политическую партию. Внутренние противоречия и преследования австро-венгерских властей привели в 1872 г. к ликвидации организации.

⁹ Корш Валентин Федорович (1823–1883) – журналист, издатель, историк литературы. Помощник редактора и редактор «Московских Ведомостей». По переходе издания к М.Н. Каткову (1863) взял в аренду «Санкт-Петербургские Ведомости», привлек в них лучших журнальных деятелей,

упрочив за ними одно из первых мест в тогдашней журналистике. Отношение к гимназической реформе настроило против него графа Д.А. Толстого, приведя к отстранению от редактирования газеты (1875). Под редакцией Корша вышли первые 15 выпусков (1880–1883) капитального труда: «Всеобщая история литературы, составленная по источникам и новейшим исследованиям при участии русских литераторов и ученых». Самому Коршу принадлежит здесь, кроме примечаний, обширное «Введение», как и очерк истории греческой литературы. После его смерти редакция издания перешла к профессору А.И. Кирпичникову.

¹⁰ В 1868 г. в Великом Бечкереке (южная Венгрия; ныне г. Зренянин в сербской Воеводине) состоялась III скупщина Омладины.

¹¹ Сербское Ученое общество – научная организация Сербии, предтеча Сербской Академии наук. Основано в 1841 г. Главной его целью являлись исследования по сербской истории и языку.

¹² Лицей – образовательное учреждение в Сербии в ранге высшей гимназии. Основан в 1838 г. в Крагуеваце, в 1841 переведен в Белград. В 1863 г. преобразован в Великую школу.

¹³ Речь идет о подготовке конституции Сербии 1869 г. – первого национального Основного Закона.

¹⁴ Согласно окончательно утвержденной редакции конституции 1869 г., Народная скупщина Сербии состояла из одной палаты. Идея верхней палаты была отвергнута.

¹⁵ «*Јединство*» (сербск.) – «полуофициальная» газета сербского правительства. Издавалась в Белграде в 1868–1873 гг. Особое внимание уделяла внешнеполитическим вопросам и новостям из сербских земель за пределами Княжества.

¹⁶ Бошкович Стоян (1833–1908) – видный сербский историк, политик, дипломат. Член Либеральной партии; в 1859–1860 гг. – редактор официальной газеты «Српске новине». С 1862 – профессор Белградской гимназии. С 1872 – профессор всеобщей истории Великой школы. Дважды занимал должность министра просвещения и церковных дел. Посланник Сербии в Румынии (1890), Греции (1900), Франции (1902), Бельгии (1902–1903).

¹⁷ Ровинский имеет в виду «Обзор истории славянских литератур» (СПб., 1865), написанный А.Н. Пыпиным при участии В.Д. Спасовича.

¹⁸ Новакович Стоян (1842–1915) – один из крупнейших сербских ученых (историк, филолог), дипломат и государственный деятель; академик, президент Сербской Королевской академии наук (1906–1915), иностранный член Российской Академии наук. Один из основателей Напредняцкой партии (1881), с 1906 г. – ее лидер. В 1895–1896 и 1909 гг. – премьер-министр Сербии; в 1873–1874, 1880–1883 гг. – министр просвещения и церковных дел; в 1884–1885 гг. –

министр внутренних дел. Посланник Сербии в Турции (1886–1891, 1897–1900), Франции (1900), России (1900–1905).

¹⁹ Шафарик Янко (1811–1876) – известный сербский ученый (филолог, историк и археолог); профессор Лицея, основатель Народного музея в Белграде. По происхождению словак, племянник П.И. Шафарика. Образование получил в Новом Саде, Братиславе, Будапеште и Вене. В Сербию прибыл в 1843 г. В 1869–1876 гг. – член Государственного совета.

²⁰ Великая школа – первое высшее учебное заведение Сербии. Была открыта в 1863 г. Имела три факультета: философский, юридический, технический; число отделений внутри них постоянно росло. Предтеча Белградского университета, основанного в 1905 г.

²¹ Панчич Иосиф (1814–1888) – выдающийся сербский ученый (ботаник); профессор и ректор Великой школы; академик и первый президент Сербской Королевской академии наук (1887–1888). Родом из Хорватии. Обучался в Загребе и Будапеште. В Сербию прибыл в 1846 г. Описал флору и фауну Сербии и соседних стран (всего 2500 видов). Пользовался широким признанием в научных кругах Европы. Состоял членом ряда научных обществ Австро-Венгрии, Германии, Франции.

²² Миятович Чедомиль (1842–1932) – сербский ученый (полит-экономист, историк), политик; профессор Великой школы. Один из основателей Напреднячкой партии. Образование получил в Германии и Швейцарии. В 1873–1889 гг. неоднократно входил в состав правительств в качестве министра финансов и иностранных дел. В 1881 г. подписал Тайную конвенцию между Сербией и Австро-Венгрией. Был посланником в Турции и трижды в Великобритании.

²³ «Гласник Српског Ученог друштва» (сербск.) – «Вестник Сербского Ученого общества»; печатный орган Общества, основанный в 1847 г.

²⁴ Т. е. текст конституции Сербии 1868 г.

²⁵ Имеется в виду монография: *Новаковић Ст.* Српска библиографија за новију књижевност. 1741–1861. Београд, 1869.

²⁶ Сречкович Пантелија (1834–1903) – известный сербский историк. Обучался в Киевской духовной семинарии и академии, Университете св. Владимира. С 1859 г. – профессор всеобщей истории в Белградском лицее (с 1863 г. – Великая школа). В 1872–1894 гг. занимал в ней кафедру национальной истории. Глвный труд – «История сербского народа» в 2-х тт. (1884, 1888). Являлся выраженным представителем романтического направления сербской историографии с присущими ему тенденциозностью, некритическим (мифологизированным) подходом к собственной истории, слабой методологией.

Письмо И.С. Аксакову¹

4 ноября 1876 г.

Белград.

Милостивый государь,
Иван Сергеевич!

Уговорить М.Г.² написать письмо стоило невероятных усилий. Он то решался, то нет. Кажется, теперь сделает это и напишет с Карцевым³. М. Г. вообще выказывает удивительную слабость. Сегодня он говорит и делает одно, завтра – противоположное. Неровны и отношения его к людям. Так, он Хорватовича⁴ поднимал до небес, теперь костит его. С Карцевым то враждует, то постоянно к нему бежит. Есть ли это следствие нервного состояния, или свойство характера, не знаю – сколько мне знаком М.Г. по прежним годам, я думаю, что в отношениях с людьми он никогда не отличался большим характером. В данную минуту он спокойнее. Просит только сплавливать скорее добровольцев, которые, как всем, так и ему, надоели. Надо, чтобы осталось здесь ядро хороших людей. Из высланных годны разве 1/3, остальное легло страшным бременем на страну, не принося главнокомандующему никакой пользы. М.Г. по слабости своей сам распустил людей <...>. Черняев высказывался против возможности когда-либо вести войну с добровольцами.

*Положение страны*** отчаянное. Государство не имеет совершенно денег. Чиновники получают 1/5 часть прежнего жалованья, да и та не всем выдается. Порядка решительно никакого нет. Тут две администрации – сербская и русская. Я должен сознаться, что сам Черняев виноват в безурядице. Он решительно ничего знать не хотел о здешних порядках;

* Висковатов Павел Александрович (1842–1905) – профессор русской словесности (с 1873 г. – в Дерптском, затем – Санкт-Петербургском университетах). В 1871–1880 гг. один из редакторов-издателей газеты «Русский мир». Член Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. В 1876 г. – посланник И.С. Аксакова в Сербии по вопросам организации и обеспечения русских добровольцев.

** Здесь и далее выделено в оригинале.

вел дело по-своему и все перепутал. Милан⁵ правду говорит, замечая, что русские отлично дрались и показали свое превосходство над сербскими войсками, но что касается административного порядка, то он ими совершенно погублен... Да, я уверяю Вас, что М.Г. распустил сербскую администрацию (хороша ли, худа ли она была), а русскую не создал. И я, и Дандевилль⁶, мы пришли к результату, что все толковее и скорее все-таки сделаешь лишь при действии вместе с сербскими учреждениями, а не парализуя их деятельность. Неурядицей, особенно после последних неудач, пользуются искусно враги славянства и недруги русские. Неудача же и так вызывает взаимные обвинения. Русские все дурное приписывают сербам, сербы – русским.

О ведении войны никто не думает. Без людей и денег она немыслима. Все спасение в России, но если дадут истечь перемирию и тогда объявят войну, турки будут здесь в Белграде в 5 дней, а мы самое скорое можем быть тут через десять. Единственное спасение было бы прислать дивизию под видом волонтеров. Тогда можно будет задержать турок. Все это пояснено Карцеву... О том, чтобы сделать переворот в стране, Ч., кажется, перестал мечтать*. Во всяком случае, решено ожидать категорического ответа из Петербурга. Всем ясно одно, что при этом положении дел Сербия продолжать существовать не может. Омладина⁷ сама увидела свою несостоятельность, из-под рук ее власть ускользает, точка опоры потеряна. Вот почему министры теперь притихли и решились допустить отставку Николича⁸ и назначение на его место Саввы Груича⁹ <...>.

Все возвращающееся бушует. Кричат, что Славянский комитет¹⁰ всех надул, обещая много, а теперь приходится сидеть без денег и плакать. Большинство во все время пребывания здесь ничего не получало. Штаб Черняева не только не выдавал денег, которые назначал Черняев, но и посланные из России деньги не доходили. Действительно, штаб Черняева – это верх безобразия**. Теперь, получив все по три креста, они

* Королева Наталья Обренович (в 1882 г. Сербия провозглашена королевством) вспоминала впоследствии, с каким ужасом слушала она советы, которые Черняев давал ее супругу: «Отменить конституцию и, опираясь на русских добровольцев, совершить в стране переворот...» (*Краљица Наталија Обреновић. Моје успомене* / Приред. Љ. Трговчевић. Београд, 1999. С. 84).

** К характеристике окружения генерала Черняева (хотя акцент на это и не является нашей прямой задачей) приведем отрывки корреспонденции из Белграда на имя редактора «Одесского вестника» П.А. Зеленого, которая, судя по всему, так и не была опубликована: «Ноябрь 1876 г. Белград переполнен войсками. Кроме прихода сюда отряда Меженинова и почти всей сербской кавы

оставляют Черняева, и помощи он видит немного. Народ этот, весьма им избалованный, получает по 20 и более дукатов в месяц, живет при генерале на всем готовом, в то время как боевые офицеры редко получают

лери, наехало множество офицеров всех родов оружия, кто только имел хоть какие-нибудь средства, поспешил оставить армию, и многие, за неимением другого способа сообщения, прошли пешком, несмотря на 150 или 200 верст, отделяющих место расположения их частей от Белграда. При подобном наплыве военных не обходится без скандалов, чуть не каждый день в трактирах происходит наше милое русское “нашему ндраву не препятствуй” <...>. Всему причиной, конечно, праздность и безнаказанность, что бы ни наделал русский, все ему с рук сходит, даже преступление остается без взыскания, что же удивляться, ежели безобразничают, да, наконец, пример всякой гадости исходит от штаба генерала Черняева. Состав этой орды до такой степени пакостный и бездарный, что становится легендарным в сербском народе, который их не иначе величает, как “русскими башибузуками”. Вот один весьма характеристичный факт: после падения Джуниских высот Главный штаб бежал вслед за прочими в Парачин. Генерал Черняев приезжает прямо во дворец князя Милана, его встречает смотритель, главнокомандующий говорит ему: я остановлюсь здесь во дворце, смотритель на это отвечает: очень хорошо, Ваше Высокопревосходительство, только я осмеливаюсь просить расположить офицеров вашего штаба вне дворца, так как *тут еще есть вещи, принадлежащие Его Светлости*. Этот ответ смотрителя достаточно характеризует мнение, которое имеют о штабе генерала Черняева <...>. Для полной характеристики Главного штаба генерала Черняева, состоящего из более чем восьмидесяти человек, привожу здесь точную копию полученного рапорта в Белградском военном министерстве: “Довожу до сведения военного министерства о сообщенном мне на станции «Граница» происшествии. От гг. жандармских офицеров Конради и Крыжановского, равно и от кассира германской железной дороги г. Гофмана, при многих свидетелях, говоривших это, узнал я следующее. Некто, называвший себя адъютантом генерала Черняева, г. Лаврентьев возбудил подозрение безумными тратами в поездной прислуге, о чем и было сообщено выше поясненным личностям. На вопрос: «Что это за суммы?» Лаврентьев объяснил: «Пять тысяч дукатов везет он г-же Черняевой от мужа, а три тысячи дукатов получил в свое распоряжение». Зная грустное положение многих русских служащих в Моравско-Тимокской армии, зная печальную известность г. Лаврентьева, спешу сообщить Вам эти сведения для соображений. По приезде в Петербург не премину довести, какими бы путями то ни было, до сведения Военного министра генерал-адъютанта Милютина. 7 сентября 1876 г. Варшава. Капитан Горбаневский”» (Государственный архив Одесской области. Ф. 162. Оп. 1. Д. 1. Л. 119–120 об.). Оригинальный текст рапорта капитана Горбаневского хранится в фонде Йована Ристица, занимавшего в 1876 г. должность министра иностранных дел Сербии (АСАНУ. Ф. J. Ристића. Инв.бр. 18/212. Сигн. XVIII/2).

даже и ассигнованные им 7 дукатов. Особенно теперь, с зимою и после джуниских дней¹¹, когда вещи и платья каждого утрачены, положение офицеров страшное.

В Смедерево они действительно просили милостыню, хотя надо заметить, что из них 100 человек отборных башибузуков, которых надо было, по приговору товарищей, выгнать и увести обратно в Россию <...>. Кризис и удаление военного министра, да и погромы последних дней войны, действовали так, что решительно ни одно приказание или распоряжение, кем бы ни было дано, — не исполняется <...>.

М.Г. требует частого его посещения, т. к. он устал и не видит более, что делать и как держаться <...>.

Рассчитываю я так, что *здесь осталось теперь тысяч до двух с небольшим**. Списков не ведено <...>. Дандевиль просит прибавить, что сведения эти возможны при хорошо организованном штабе — здесь никакого нет. При отступлении же и даже бегстве, на этот раз, невозможно знать, кто где лежит, кто убит, кто ранен.

С искренним уважением,
Пав. Висковатов.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 14. Д. 97. Л. 1–5. Оригинал.*

Примечания

¹ Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) — видный русский публицист, славянофил. Вместе братом К.С. Аксаковым и Ю.Ф. Самариным представлял «младших славянофилов». Учился в Петербургском училище правоведения (1838–1842). В 1840-е гг. — чиновник в Москве, Калуге, Астрахани, Бессарабии. С 1851 г. в отставке. Служил добровольцем в ополчении во время Крымской войны. В 1858–1878 гг. играл руководящую роль в Московском славянском комитете. В годы Сербо-турецкой (1876) и Русско-турецкой (1877–1878) войн организовывал кампании в поддержку южных славян, а в 1878 г. был выслан из Москвы за критику действий русской дипломатии на Берлинском конгрессе. Редактировал славянофильские издания — «Московский сборник», журнал «Русская беседа»; газеты «Парус», «День», «Москва», «Русь»... В 1876 г. органи-

* Имеется в виду — русских добровольцев.

зовал в России массовое движение добровольцев для помощи Сербии во время войны ее с Турцией. В него было вовлечено около 4 тысяч человек, из которых более шестисот – офицеры.

² Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – русский военный и общественный деятель, генерал-лейтенант (1882). Из дворян Могилевской губернии. Участник Крымской войны и боевых действий против повстанцев Северного Кавказа. В 1864–1865 гг., командуя отдельным западносибирским отрядом, захватил по своей инициативе Алие-Ату, Чимкент, Ташкент на территории Кокандского ханства. В 1865–1866 гг. – губернатор Туркестанской области; снят с должности за превышение полномочий. В 1873–1878 гг., совместно с военным писателем Р.А. Фадеевым, издавал газету «Русский мир». В 1876 г., вопреки желанию российского правительства урегулировать Балканский кризис дипломатическим путем, отправился в Белград, где был назначен командующим сербской армии во время Сербо-турецкой войны. В октябре потерпел поражение под Джунисом. Сербия спас ультиматум России Порте. В 1882–1884 гг. состоял Туркестанским генерал-губернатором. С 1884 г. – член Военного совета. С 1886 г. – в отставке.

³ Карцов Андрей Николаевич (1835–1907) – российский дипломат. В 1875–1877 гг. – консул России в Белграде... В тексте письма очевидна ошибка в написании его фамилии.

⁴ Хорватович Джуро (1835–1895) – сербский военачальник, генерал. Родился в Славонии. В сербской армии с 1862 г. В 1881–1885 гг. – чрезвычайный посланник Сербии в Петербурге. В 1886–1887 гг. – военный министр. Участник Сербо-турецких войн 1876 и 1877–1878 гг.

⁵ Обренович Милан (1854–1901) – сербский князь (1868–1882), затем король (1882–1889). Во внутренней политике стремился к установлению режима личной власти. В 1875 г. впервые в парламентской истории Сербии распустил Народную скупшину. После Русско-турецкой войны (1877–1878) и Берлинского конгресса, признавшего независимость Сербии, занял проавстрийскую позицию. В 1881 г. заключил с Веней торговый договор и Тайную конвенцию, лишившие Сербию экономической и политической самостоятельности. В 1885 г. развязал войну с Болгарией, в которой сербы потерпели поражение. Чтобы сохранить власть за династией, отрекся от престола (1889) в пользу своего сына Александра. В 1897–1900 гг. являлся командующим регулярной армии. После помолвки короля Александра с Драгой Машин подал в отставку и остался за границей. Скончался в Вене.

⁶ Дандевиль Владимир Дезидериевич (1826–1907) – русский генерал и военный писатель. Окончил Академию Генерального штаба. В 1867 г. назначен начальником штаба Туркестанского военного округа. Во время Русско-турецкой войны (1877–1878), находясь в составе Западного отряда генерала И.В. Гурко,

захватил город Энтрополь, занял перевал Вратешку и обошел турок у Шандорника. 3 января 1878 г. вошел в Филиппополь. Позднее командовал корпусом и был членом Военного совета. В 1864–1880 гг. опубликовал в «Военном сборнике» ряд статей по различным отраслям военного дела... В 1876 г. Дандевиль – представитель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в Белграде по делам русских добровольцев.

⁷ «Омладиной» (о ней см. примеч. 8 к письмам П.А. Ровинского) Висковатов называет правительство Стевчи Михайловича, вероятно, потому, что в него входили видные члены этой бывшей организации – министр финансов Владимир Йованович и министр юстиции Еврем Груич. Главой сербских либералов-националистов являлся министр иностранных дел Йован Ристич.

⁸ Николич Тихомиль – военный министр Сербии в 1875–1876 гг. 4 ноября 1876 г. подал в отставку со своего поста (подробнее о нем см. примечание 11 к письмам Н.А. Снесарева).

⁹ Груич Савва (1840–1913) – сербский военный, государственный и политический деятель, генерал (1888); член Главного комитета Народной радикальной партии. В 1864–1869 г. обучался в Михайловской артиллерийской академии. Во время Сербско-турецкой войны 1876 г. – начальник артиллерии в армии генерала Черняева. 4 ноября сменил Т. Николича на посту военного министра. Пребывал в этой должности до 1878 г., а также в 1887–1888, 1890–1891, 1893–1894, 1906 гг. Шесть раз был премьер-министром (1887, 1889–1891, 1894, 1903–1904, 1906). В разные годы занимал пост посланника Сербии в Болгарии, Греции, России, Турции. Председатель Государственного совета (1906–1910).

¹⁰ Славянское благотворительное общество (также Славянский благотворительный комитет, или Славянский комитет) – общественная организация, основанная в 1858 г. в Москве группой московских славянофилов во главе с М.П. Погодиным. В начале Комитет финансировал обучение южных славян в России, но затем его деятельность значительно расширилась. Пик его активности пришелся на 1876 г., когда Комитет (под руководством И.С. Аксакова) возглавил всю практическую работу по оказанию помощи сербам и черногорцам, объявившим войну Турции, – в том числе посредством организации широкого добровольческого движения. В 1878 г. Московский славянский комитет был разогнан властями после известной речи его председателя, выступившего с критикой действий русской дипломатии на Берлинском конгрессе.

¹¹ Джунис – село в юго-восточной Сербии. Осенью 1876 г. по Джуниским высотам проходила главная оборонительная линия сербских войск. В октябре она была прорвана турками. «Джуниский погром» означал завершение активной фазы кампании 1876 г. Сразу же после него, по просьбе Сербии, Россия в ультимативной форме принудила Стамбул заключить перемирие с Белградом.

Дневник (1878–1881)

1878 г.

12 декабря

8 октября мы приехали в Белград <...>¹. Приехали мы ночью, в дождь <...>. Пришлось ночевать в сквернейшем номере, отведенном нам в гостинице «Крагуевац», находящейся в очень близком расстоянии от пристани. На следующее утро мы перебрались в гостиницу «Код Српског краља»**, где и принуждены были прожить до 1 ноября, так как в Белграде это число — срок для найма квартир <...>.

С первого же знакомства с сербами я почувствовал тот грех, который сотворили наши славянолюбы, заботившиеся всегда тщательно окрасить некрасивое в славянах перед русскими. Впрочем, я хорошо знал, что встречу здесь узость и мелкое самолюбие, так свойственные всем маленьким народностям, особенно славянам; — но я никогда не думал, что встречу людей, враждебных России, в Сербии, что встречу таких, которые крити-

* Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913) — русский славист и публицист. Профессор Варшавского университета; главный редактор газеты «Варшавский дневник». Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1876–1878 гг. совершил путешествие по славянским странам. В 1878–1882 гг. — профессор русского языка и литературы в Великой школе в Белграде. Автор значительных сочинений по истории и культуре югославянских народов: «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (М., 1882), «Иллиризм» (Варшава, 1896), «Начало русской школы у сербов» (СПб., 1903). Многолетний член Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. В последний период жизни являлся чиновником для особых поручений при министре внутренних дел. В 1902–1905 гг. — главный редактор журнала «Правительственный вестник». В первом томе антологии «Русские о Сербии и сербах» был помещен фрагмент его журнальной публикации (см.: Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах. Т. I... С. 270–277).

** «Код Српског краља» (сербск.) — «У сербского короля».

куют Аксакова, Аксакова, так много сделавшего для сербов. Мы, русские, винить, ругать его, конечно, вправе за кое-что, но сербы! <...> Митрополит и Васильевич² прямо объяснили, что Аксаков слишком уж резок, и правительство должно было его сослать³. В поисках за квартирой мы попали к некоему полковнику Ђорђевићу*, служившему когда-то в русской армии <...> Когда мы принесли задаток за квартиру, мы у него встретили протоиерея *Якова Павловића*^{4**}, который без всякой церемонии начал проповедовать, что Россия обманула сербов, что Сан-Стефанский договор⁵ был бы Европой принят, если бы Россия не обделила сербов, и прочую ерунду в этом роде. Полковник Ђорђевић прибавил к этому, что Аксаков – подлец и сумасброд. Я, не считая приятным для себя пребывать в таком диком обществе, встал и ушел с Катей^{***}. Этому Павловичу я не прощу этого разговора. Этот *Павлович* учился в Киевской академии, его сыновья учатся на казенный счет в России, – мало того, он вымаливает каждый раз на поездку детей в Россию из нашего консульства дукаты. Эта попрошайка осмеливается говорить небылицы про Россию. Он же отрицал существование болгар. Через несколько дней после этого я услышал следующую фразу от здешнего профессора истории Сретковића^{****}: «Русские выдумали болгар. Их никогда и не бывало!» И этот *Сретковић* учился в Киеве! Тут я почувствовал глупость наших славянолюбцев <...>.

22 декабря

Итак, мои первые столкновения с сербами сразу же показали, что хваленое единство сербов с нами, представляющееся на Руси многим – как факт, давно решенный, – пока только выдумка. Чем ближе я знакомлюсь с сербами, тем страшнее мне становится на душе, когда является вопрос о существовании славянства. Ведь не нам сербы нужны, а мы – сербам, а до сих пор наша умнейшая дипломатия или оскорбляла в них всякое их национальное чувство, или считала своей победой, когда она в делах Сербии имела особенное влияние. Наше русское влияние здесь так естественно, так неотразимо вытекает из самой природы вещей, что если его в известное время нет, то это – факт аномальный, происшедший или по глупости самих сербов, или по нашей <...>.

* Здесь и далее – при написании имен и фамилий сербских деятелей – Кулаковский нередко использует отдельные сербские буквы – Ђ, ђ, Ј, ј, ћ и др.

** Здесь и далее выделено в оригинале.

*** Кулаковская Екатерина Федоровна (урожденная Миллер; сестра академика В.Ф. Миллера) – супруга П.А. Кулаковского.

**** Правильно – Срећковића (от сербск. *Срећковић*).

Как у каждого маленького народца, только что добывшего себе право на самостоятельную жизнь, здесь – у сербов полный восторг своим. Даже мостовые в Белграде – отвратительные и грязные, – по мнению сербов, лучше петербургских. Но такое любовное отношение ко всему своему – вполне естественно.

О добровольцах я до сих пор не слышал ни одного хорошего слова. Черняева ругают. Магдаленич – офицер, кончивший курс нашей Инженерной академии⁶, утверждает, что виной проигрыша сербами первой кампании – Черняев и наши добровольцы. Сербы же, по его словам, справились бы одни с турками. Все забыто! Забыты трудовые деньги русского мужика, пожертвованные от чистого сердца брату-сербу. Болото! <...>

Васильевич ездил в Россию⁷ и наговорил за обеденными столами глупостей. Наш министр граф Толстой⁸ тоже отличился, сказав, что скоро будет язык русский – государственным языком славян. Эта ерунда здесь произвела величайший переполох. Такие господа, как ректор Стоян Маркович⁹, и до этого видевший во мне одного из агентов «русского деспотизма», кажется, хотел в этом окончательно убедиться, после этих речей то и дело заговаривает, что им русский язык нужен только для того, чтобы читать книги, но не говорить и писать. Марковичу, который даже напомнил Польшу, я сказал, что понапрасну он думает, что сербы нужны России хоть для чего-нибудь ничтожного, что сербы и вообще славяне еще не оказали никакой помощи России, а Россия, кажется, создала сербов в их новом положении. Он согласился, в конце концов, с этим.

Новакович, кажется, лучший и образованнейший из здешних профессоров, с большим подозрением относится к России.

Фразы, вроде того: «Славянофилы Бог знает что делают, мечтают о едином славянском языке, а не подумают, что сербам нужен русско-сербский словарь», довольно часты. Причина подобного выражения очень проста: племянник Новаковича Јован Павловић составляет русско-сербский словарь, и Новаковичу хотелось, чтобы Славянское общество купило за дорогую цену его работу, но Славянское общество отказало, т.к. само печатает русско-сербский словарь. А сей племянник хочет за работу до 400 дукатов, т. е. по курсу 2000 рублей <...>.

Ладыженский¹⁰, бывший здесь секретарем консульства, познакомил меня с главой консерваторов Мариновичем¹¹. Это, кажется, умный и с широкими воззрениями человек. Не прав ли Ладыженский в своих симпатиях к партии консервативной? Поживем – посмотрим.

Между людьми так называемой русской партии я не встретил ни одного сторонника России, который бы не ждал денег из России, разве только один Савва Груич, кажется, честнейший и лучший между здешними людьми. Полковник Савва Груич, бывший министром во время войны и выдвинутый Черняевым, окончил курс в нашей Артиллерийской академии. Это очень симпатичный и милый человек, по характеру – слабый, но честнейший.

24 декабря

<...> Здешние *консерваторы* (так они называются не по сущности, а по оппозиции Ристичу) напоминают наших *либералов*, с той только разницей, что они – идеалом считают серба и его жизнь, а наши либералы ничего так не любят, ничего так не презирают, как Россию и русскую жизнь. Те же воззрения на Европу, то же отрицание постепенности, то же поклонение всякому новому принципу, всякой новинке, хотя бы еще ничем не подтвержденной <...>.

1879 г.

9 января

На днях мне рассказывал Персиани¹² под условием тайны об Радивое Милойковиче¹³, здешнем министре внутренних дел: «Я думаю, что необходимо вконец истребить Карагеоргиевичей, чтобы Сербия пользовалась спокойствием. Меня называют разбойником: у меня на руках кровь троих Карагеоргиевичей (при этом он трет себе руки), – но история меня оправдает. В Сербии 3 человека имеют значение: князь, Ристич и я. Князю вся наша деятельность дает славу и честь, Ристичу приписывается все, что в нашей деятельности есть умного и дельного, а на мою долю выпадают темные или кровавые дела. А ведь обойтись без меня они не могут, пусть попробуют!» И ведь прав он в своих действиях: от борьбы этих двух династий, претендующих на сербский престол, для Сербии может грозить только беда или гибель. Обреновичи¹⁴, кажется, самые надежные люди для восточной политики Сербии. Если бы сел каким-нибудь чудом в князья Сербии Александр Карагеоргиевич¹⁵, я бы тотчас бросил Сербию, потому что это означило – подчинение Сербии Австрии. Тогда конец Сербии как самостоятельному славянскому княжеству.

В Сербии проявляется сильно то демократическое начало, которое составляло отличительную черту славян издревле. Слуга – словно млад-

ший член дома. Но теперь, должно быть, по праву этого родства предполагаемого, слуга – первый вор дома. Мы никак не можем ничего уберечь, чего бы у нас не сташили. Уж, кажется, Катя все прячет, чтобы завести правильное хозяйство, а то и дело пропадает то то, то другое <...>.

19 января

<...> Видел вчера Миличевича: я был у него. Там встретил я полковника Любомира Йовановича, и мы случайно перешли в область политики в разговоре. Я, между прочим, сказал: я несколько не уверен, что сербы когда-нибудь не поведут войны против России. Миличевич отвечал, что сербы на Россию никогда не пойдут, но на Россию с *Болгарией* (т. е. если мы будем держать союз с Болгарией) – они пойдут, и война очень возможна. Не дай-то Боже, чтобы воскресла старая вражда сербов с болгарам: тогда действительно ничего не остается, как обратиться к сербам, и болгар в русских подданных и скорее русить, а то Австрия съест. И тогда бы это было величайшее благодеяние для славян, и от бедного русского народа вновь бы потребовалось и средств, и крови, и новых благодеяний для всех этих братушек. Не дай Бог России быть вынужденной взять на себя подобную обузу.

21 января

Сегодня был у меня Новакович. Не разберу, что это за человек. Ладженский утверждал, что это один из ограниченных оппозиционеров. Но, во всяком случае, он – один из самых ученых и образованных сербов. Вчера я был у Саввы Сретеновича¹⁶. Оба – друг другу враждебны, но оба ругают Ристича на чем свет стоит <...>.

12 марта

<...> Васильевич вышел в отставку из министерства¹⁷, его место занял профессор Великой школы Стоян Бошкович¹⁸. Причины отставки Васильевича следующие: по приезде из России Васильевич, возможно желая оправдать многие пустые речи во время своих поездок в Питер и Москву, во время аудиенции у государя¹⁹ и свиданий с нашими министрами, наврал здешнему правительству, будто Милютин и Гирс²⁰ (товарищ министра иностранных дел) обещали полную гарантию сербской железной дороге²¹; что пароходы Общества пароходной торговли с весны станут ходить до Белграда, что торговый трактат с Сербией будет утвержден без замедления и т. д. Ристич потребовал записки от Васильевича²², а затем передал ее Персиани, который спросил по телеграфу в

Петербурге, правда ли переданное Васильевичем. Из Петербурга ответили, что никакой гарантии не было обещано, из чего вытекало, что Васильевич наврал. Васильевичу было дано знать князем и Ристичем, что он должен выйти в отставку.

Станный человек этот Васильевич – смесь тупости и хитрости с каким-то более широким взглядом на события, чем у многих современных сербских деятелей. Одно можно поставить в упрек особенно – это довольно пошлое честолюбие, которое послало его в Россию совсем не ко времени. Он словно хвастать поехал, что при нем учредилась Кафедра русского языка в Великой школе²³. По письму Дювернуа²⁴, он о русском языке в Сербии только и толковал в Москве. А дело только начинается <...>.

А надувает же его* Ристич *здорово*. Говорят, Ристич намерен созвать собрание из инженеров, чтобы обсудить железнодорожный вопрос: и вся эта махинация учиняется с целью составить сильную, но кажущуюся конкуренцию русским компаниям, чтобы выторговать у нашего правительства полную гарантию и обеспечить себе прекрасное положение в железнодорожном деле. А Персиани видит в Ристиче искреннего и прямого человека <...>.

10 апреля

2 числа в государя стрелял некий Соловьев²⁵ в Петербурге. <...> Сербь отозвались на это наше несчастье совсем по-родственному. Во всех адресах, поданных Персиани, они называют государя – славянский царь, наш царь, царь-освободитель и т.д. Это ясно показывает, что народная мысль ясная и простая, дальше и глубже видит, чем все конгрессы европейских дипломатов, и что ее не обманешь лживыми речами <...>. Действительно, славяне *любят* нашего царя, какой бы он ни был. В представлении славян русский царь – славянский государь, славянский царь, и это убеждение все больше и больше идет в массу, а теперь оно настолько сильно, что победить его нельзя никакими интригами Западной Европы. Когда разнеслась по Сербии весть о покушении Соловьева, тотчас всюду негодование и радость о спасении государя, всюду молебны, всюду празднования народные. Право, есть связь между сербами и русскими, глубокая, внутренняя. В русской походной церкви²⁶, помещающейся в Великой школе, была отслужена в воскресенье русская обедня и произнесено русское слово священником Ружичичем²⁷. Слово это не-

* А.И. Персиани – русского министра-резидента в Белграде.

много наивно и поэтично, но хорошо <...>. Скверно только то, что и при этом случае был расчет получить деньги с Персиани, в чем и успели, так как Персиани дал 10 червонцев.

1880 г.

20 мая

<...> Запишу один случай: когда мы были у Сретковича, случайно пришел туда болгарофоб и фальсификатор в изданных им песнях Милош Милоевич²⁸, возведенный московским «Востоком»²⁹ в великие люди и знаменитые профессора. Милош Милоевич был в начале 60-х годов в Московском университете, – кажется, на факультете юридического. Курса не окончил, кажется, потому, что, получив плохие оценки, решил, что достаточно учен, и поехал в Сербию. «Славянофилы хотят съесть нас всех, сербов, – говорит Милоевич, – благодаря им мы потеряли Софию и Видин³⁰». «А разве София – сербский город?» – заметил я. «Конечно, там носят одинаковое платье с сербами», – отвечает Милош Милоевич. В разговор тогда вмешивается Среткович: «И славу славят». Я не выдержал и говорю Сретковичу: «Оставьте, коллега, ведь я был в Софии, спрашивал, и никто мне не сказал, чтобы славил там славу». На замечание Милоевича об опасности для сербов со стороны славянофилов, которые будто бы хотят обратить сербов в болгар, я заметил шутливо: «Были у сербов враги турки, сербский народ оказался настолько героичным, что спасся от них и победил их; были и теперь есть швабы – удастся борьба и со швабами. Неужели страшнее и турок, и швабов славянофилы. Надеюсь, что сербы уж наверное победят этих врагов». Тогда Милош Милоевич стал докторским тоном говорить какую-то бессвязную ерунду, прибавляя все: «Не мојте ми говорити»^{*}. Я сложил скромно руки и, хоча втайне, отвечал: «Ништа не говорим, господине»^{**} после каждого такого восклицания Милоевича <...>.

Правительство Ристича дает ему ордена, полное жалованье, хотя он нигде не служит, и посылает его агитировать в новоприсоединенные края к Сербии³¹. Дювернуа пренаивно спрашивает Милоевича, когда он был в Московском университете, и получил ответ: «Право, не помню!»

^{*} «Немојте ми говорити» (сербск.) – «И не думайте мне говорить».

^{**} «Ништа не говорим, господине» (сербск.) – «Я ничего и не говорю, господин».

Дювернуа еще не догадался, с кем имеет дело, и спросил: «Вы, значит, говорите по-русски?» (разговор все время шел по-сербски). «Заборавио сам, сасвим заборавио сам»*, – ответил Милош Милоевич. И так он отрекся от России и русского языка <...>.

В данное время в Белграде Черняев³². Симпатичный и умный человек – Черняев, но умный слишком односторонне. Он раздражен против русского правительства и всюду рассказывает о безобразиях наших правящих кругов. Я его уже предупреждал, чтобы хоть пред сербами молчал – донесут, непременно донесут. Связался он с жидом Зюсманом³³, который ему, наверное, напакостит, служа в одно и то же время шпионом Ристичу. Удивительно, как может быть охота у людей, подобных Черняеву, связываться с подобными мошенниками, которые явно их надувают.

14 июня

Черняев – из того же типа «идеально-бродяжнического» людей, если так можно выразиться, которые к России присоединяли целые области. Удивительно, как в нем уживаются рядом величайшие идеальные порывы с какой-то материальной, невероятной для него, чертой. Для меня, во всяком случае, объяснима его железнодорожная компания с Поляковым³⁴ только тем, что всякий человек имеет не только право, но и обязанность позаботиться о материальном обеспечении себя и своего семейства. Средство, выбранное им, никак не бесчестное. Но, с другой стороны, я, во всяком случае, не могу назвать его по душе прекрасным средством, потому что оно заключается в торговле своей репутацией и славой. Сам Черняев очень откровенно рассказывает, что он Полякову показал долговое обязательство князя Милана в 160 тыс[яч] франков, которые тот занял из денег, присланных Черняеву Славянским комитетом, и на которые он рассчитывает как на свое материальное вознаграждение за те потери, которые он понес, приняв участие в Сербской войне <...>.

15 июня

Болгарское правительство потребовало от сербов 600.000 франков в вознаграждение за порубленные леса у Кулы-Адлии³⁵. В прошлом году эта местность у Великого Извора³⁶ была занята еще сербами, и сербы не хотели отдать ее болгарам, хотя по Берлинскому договору³⁷ по вос-

* «Заборавио сам, сасвим заборавио сам» (сербск.) – «Забыл, совсем забыл».

точной границе Сербия не получала ни пяди земли. Восстановление старой границы происходило почти насильно, потому что Плеве – капитан русского Генерального штаба, посланный для размежевки Болгарии и Сербии с этой стороны, – должен был, по приказанию Дондукова-Корсакова³⁸, занять силой эти места и вызвал две роты солдат из Видина. Я обо всем этом писал в «Московских ведомостях»³⁹, кажется, в номере от 26 (?) июня 1879 г. За эту мою статью был на меня сильный гнев сербского правительства и его наемников. Зюсман, именуемый Никандром Васильевичем, русский крещеный жид и авантюрист, наемник Ристича в его *Correspondenz-bureau**, которое сеет ложные сведения по европейским газетам, тогда старался убедить всех, что я враг сербам и болгарофил крайний. Мне сербы стали говорить очень неприятные замечания, походившие на дерзости. В «знаменитом», для Сербии только, впрочем, московском «Востоке», выходящем под редакцией Дурново⁴⁰, меня назвали *учителем русского языка*, желая этому званию придать презрительный характер, и советовали учиться у знаменитых профессоров – *Милоша Милоевича, Панты Сретковича, Матии Бана*⁴¹, etc., т. е. у заведомых фальсификаторов и болгарофобов, к сожалению, не имеющих ни малейших научных знаний. Все это была работа Зюсмана, писавшего под диктовку всяких мошенников, вроде архимандрита Нестора⁴² и пр. Я признаю право даже за фанатизмом сербским, он должен быть в нынешнее время, когда сербское племя разбито на части и находится в положении очень печальном, благодаря нашей неустойчивой политике, не имеющей понятия о славянских интересах, но фанатизм Милоевича, Сретковича, составление заведомо фальшивых адресов на имя государя, будто бы поданных полковнику Каульбарсу⁴³, когда он с Европейской комиссией размежевывал сербов и болгар на юго-востоке и юге, т. е. Трна⁴⁴ и Брезник⁴⁵ отделял от Пирота⁴⁶, – мне этот адрес читал епископ *Моисей*⁴⁷, уверяя, что он подан жителями Трна, а это была заведомая ложь⁴⁸, – не может быть нигде и никогда оправдан. Всему виной и причиной эта вырастающая со дня на день вражда между болгарам и сербами. По моему мнению, основанному на том только, впрочем, что я здесь видел, читал и слышал, в ней кругом виноваты сербы. Сербь лгали, мошенничали, обманывали, и, понятно, иначе и не могло быть: они воспитали целое поколение, ненавидящее болгар, и создали себе ненависть среди болгар, которые сначала тянули в сторону сербов и рассчитывали на них как на избавителей.

* Т. е. в правительственном пресс-бюро.

4 октября

24, 25, 26, 27, 28 и 29 (уехал) сентября провел князь Болгарский Александр⁴⁹ в Белграде. Прием, оказанный ему здесь, был в полном смысле блестящий. Слава Богу! Сербы прекращают вражду с болгарами. Но, в сущности, прием хороший – внешность только, а на самом деле все обстоит далеко не так благополучно. Газеты «Исток»⁵⁰ и «Видело»⁵¹ приветствовали приезд князя Болгарского в Белград, но обе самым странным образом. «Исток» не преминул напомнить, что болгары обязаны своим славянским братьям своей свободой, и, конечно, – больше всего Сербии. Ни та, ни другая газета не сделали ни намека на единение с Россией, на то славянское единство, в котором только и могут устоять обе эти страны. Князь Милан, говорят, даже подружился с князем Александром, что, конечно, очень хорошо. Странно, но в речах сербов – лучших – о болгарско-сербском союзе всегда проглядывает убеждение, что для сербов и болгар никому дела нет, кроме их самих, что этот союз направлен не только против Австрии, но и против России. Если это так, то очень печально, и новое доказательство, что славян нельзя ничем убедить, что Россия для них *положительно* не страшна: освободившиеся славяне прежде всего думают <...> о своем маленьком племени, своем маленьком существовании и о «човечанстве»*, как сербы, что очень смешно и глупо. Срединного пункта – *Славянства* – нет, а сербы Княжества даже не выросли далее *Шумадийства*⁵², следовательно, не дорасли до *Сербства*. Миличевич теперь все толкует о Сербстве, о единстве сербско-го племени во всех странах и всех землях <...>.

1 октября кончился срок подачи заявлений о железной дороге в Сербии со стороны предпринимателей <...>. Черняев, которого сегодня я видел, как будто ожил: должно быть, ожидает, что он – Черняев – возьмет постройку сербской дороги. Пусть его! Долг князя Милана в 160 тыс[яч] франков он взял уже, по словам Персиани. «Откуда князь взял эти деньги?» – замечает Персиани. Есть, кажется, признаки, позволяющие подозревать, что князь мог получить некий кредит от Австрии. Страшный факт, если это только факт. Во всяком случае, все дело тут далеко неладно: и эта железная дорога, и разные переговоры с Австрией – все скверно для Сербии. Но какая же выгода Сербии подпасть под австрийскую высокую руку? Зависимость Сербского княжества от Австрии, впрочем, и теперь очень сильна на экономическом поле.

* Човечанство (сербск.) – человечество.

Чтобы не забыть. Студент Московского университета, Мркшич, приехавший сюда на лето, мне говорил, что ему рассказывали студенты Великой школы, что профессор Светомир Николаевич⁵³ на лекциях студентам говорит, что в русской литературе нет ничего порядочного и что поэтому учиться русскому языку не для чего. Странно, если это правда. Но как же после этого и идти русскому языку в Великой школе? Во всяком случае, этот Николаевич не из особенно умных, но из даровитых людей. Как бы взяться за него, чтобы из него сделать русофила? Новакович, как мне кажется, теперь иначе думает о России, чем прежде думал и говорил.

12 октября

Здесь, в Белграде, серьезный кризис министерства Ристича. 8 числа октября собрался министерский совет, на котором должны были рассуждать министры о торговом договоре Сербии с Австрией и об уступках, которые требует Австрия⁵⁴ <...>. Князь, которого ожидали министры, не появился на заседании, но он и не обещал присутствовать на нем. Тогда Ристич с министрами составили мемуар или записку на 4-х листах, в котором встречаются такие выражения, по словам Персиани, «*князь сербский Обренович IV должен*» поступить так и так, или «не должен» уступить Австрии в том-то и том-то. Записку эту подписали все министры и послали князю тут же. А князь в это время (это было 8-го, в среду) пригласил Персиани и прусского представителя графа Брея и кого-то еще, и они играли в карты. На следующее утро раздосадованный князь пригласил Ристича и сделал ему выговор за употребление таких грубых выражений в записке. Ристич сказал ему, что кабинет не может согласиться на требования Австрии в условиях торгового трактата и что он подает в отставку со всеми министрами. Вечером этого же дня (9 октября, в четверг) Ристич спросил Персиани, может ли он приехать к нему в 9 часов вечера. Когда я пришел случайно к Персиани около 9 часов, от него несло сильно вином, и он мне, конечно, сказал, что ждет Ристича, и просил подождать его у Гирса⁵⁵. Я пошел к Гирсу. Ристич пробыл у Персиани до 12 часов ночи, показал ему записку, поданную министерством князю, и рассказал все дело. Между прочим, Ристич сказал о князе, что он чрезвычайно впечатлительный человек: «Когда он приехал из Франции, он был настоящий француз; когда побывал в Ливадии, он вернулся настоящим русским; а теперь, побывав в Австрии, он приехал австрийцем»⁵⁶.

Из всего того, что говорит Персиани, я могу сделать только один вывод, что Ристич представил ему все так, что князь требует каких-то

невероятных уступок Австрии, что он связал себя обещаниями во время свидания с австрийским императором. Мало того, Персиани прежде заподозрил, что князь взял взятку от австрийцев. Черняев думал то же. Удивило меня то, что Персиани, который, по обыкновению, вполне поверил Ристичу, взял на себя переговорить с Николой Христичем⁵⁷, чтобы тот не брал на себя образование министерства в случае, если князь ему это предложит. Персиани словно заботится, чтобы Ристич остался в министерстве. Право, глупо это со стороны русского министра. Мне кажется, что Персиани увлекается личными счетами с князем, который избегал с ним речей о политике, но зато часто звал его на карты после возвращения из поездки в Европу (поездка тянулась с 15 июня по 13 сентября). Князь вызвал Мариновича из Парижа и Миятовича из Лондона, желая, вероятно, им поручить составление министерства. Маринович придет завтра, 14 октября. Он едва ли возьмется за составление министерства.

В пятницу, 10-го, вечером Ристич собрал главных сторонников своей партии, или, как они себя называют, *народно-либеральной*, и им рассказал все дело. Он им поручил рассказывать в городе, что министерство выходит*, вследствие чрезвычайных требований Австрии, и что поэтому мотивы отставки высоко патриотичны. Все это мне рассказал профессор Великой школы Панта Среткович – Ристичева труба, с явным намерением сделать это, по возможности, более известным. Замечательно, что утром в пятницу, когда еще только предполагалось собрание у Ристича, Миличевич – враг Ристича – мне сказал, что вечером будет собрание у Ристича его сторонников, на котором они уговорятся о том, что им говорить по поводу предполагаемой отставки кабинета и как представить это дело. Из разговора с Пантой Сретковичем и с другими я выношу убеждение, что в Сербии трудно разобрать, боится ли серб – сторонник какой-нибудь партии – за свою родину больше, или больше опасается торжества противной партии, ненавидит ли он больше Австрию или свою оппозицию.

Фактическая сторона дела – выяснена. Но в сущности, как мне представляется, не австрийские требования – причина выхода в отставку и падения министерства Ристича, а внутренняя разладица в самой партии <...>.

Падающее министерство хочет заставить всех поверить, что оно падает потому, что князь хочет идти с Австрией. Это вновь рождает значение князя в Сербии, в которой так от души все ненавидят Австрию.

* Слово пропущено, по смыслу – в отставку.

Далее, Ристичева партия пользуется, по-моему, просто предлогом, чтобы упасть с честью <...>. Ристич, очевидно, рассчитывает, что при этом составе скупщины ни одно министерство не удержится и не устоит, а тогда придется вновь просить его занять оставленную им власть в стране, и он примет ее вполне в свои руки. Кто знает, не идет ли здесь более темная игра? Не идет ли дело к тому, чтобы низвергнуть князя и образовать регентство при малолетнем его наследнике? Не дай Господи этого для Сербии.

Я никогда не поверю, чтобы Ристичева партия была вполне сторонницей русского направления в политике <...>.

Памятник, который построил Черняев в память русских добровольцев⁵⁸, будет освящен 26 октября. Освящение будет происходить в Алексинаце⁵⁹ – на месте. Я поеду вместе с Персиани, с которым у меня отношения ухудшились, как я понимаю, по его вине. Все-таки видно, что он из тех же людей-верхоглядов, которыми кишит наша дипломатия: карьера – его бог.

28 октября

19 октября, в воскресенье, князь Милан подписал указ о назначении новых министров <...>⁶⁰. Министерство, по иностранным газетам, *младо-консервативное*, вероятно, потому, что в нем не участвуют ни Маринович, ни Никола Христич. Маринович обещал советом и делом поддержку теперешнему министерству <...>.

С Пирочанцем⁶¹ я познакомился весной 1879 г. у Дучича⁶². Там было тогда несколько сербов, и речь зашла о наших делах в Средней Азии. Пирочанац с горячностью стал говорить, что со стороны России глупо вести дела в Средней Азии и упускать из виду то, что творится на Западе, особенно по отношению к Сербии и Австрии. Я ему возражал, указывая, что Россия имеет свои существенные и жизненные интересы в Азии и что имеет же она право позаботиться и о своих делах. Я слышал в этих речах тогда вечный припев сербский: «*Сиромаси смо!*»*, *ergo*** , Россия *должна* нас защитить, поддержать, забыть о себе... для того, чтобы Сербии после вольно было плевать на Россию. Тогда же было высказано (кем? – не помню, но поддержано Дучичем) мнение, что Россия не вышла бы из Болгарии, если бы ей не было приказано сделать это Европой. А между тем наши войска уже очищали в ту пору Болгарское княже-

* «*Сиромаси смо!*» (сербск.) – «Мы бедные!»

** *Ergo* (лат.) – следовательно, значит.

ство! В другой раз с Пирочанцем я много и долго говорил в августе за ужином у Ст[ояна] Новаковича. Тут он мне показался иным человеком: это горячий по характеру, весьма самолюбивый и честолюбивый человек, но я сомневаюсь в его уме. Один из признаков: он всюду старается заговорить по-французски, как бы хвастая тем, что он может говорить на этом языке.

Миятович — женат на англичанке⁶³, западник по симпатиям научным и, мне кажется, политическим. Я у него был в феврале 1879 г., он сам напросился на знакомство, но, к моему удивлению, он не отдал мне визита, вероятно, жена, не терпящая русских, запретила ему сделать это знакомство. Во всяком случае, он умный финансист и ученый политико-эконом. Есть его и исторические труды, действительно чрезвычайно интересные <...>⁶⁴.

Стоян Новакович. Когда я приехал, я увидел в нем горячего неприятеля славянофильству <...>. Об этнографическом съезде славянском в Москве в 1867 г.⁶⁵ он выразился: «У нас он не оставил никаких следов». Теперь он высказывается иначе. Он лучше всех тех ученых здешних, которые могли бы быть министром народного просвещения.

Странное дело! Это министерство хочет уменьшить режим, освободить печать, дать амнистию преступникам политическим, соблюсти свободу выборов и т.д., а, между тем, наши профессора — все крикуны о свободе — относятся в большинстве положительно враждебно к этому министерству. Отчего это? Вся дрянь жила свободно при Ристиче — все люди без убеждений и ничтожные болтуны находили и наживу, и положение при Ристиче. Теперь им приходится скверно, вот и начинаются интриги против нового министерства. Много скверного в Сербии. Настоящей любви к родине здесь как будто и нет <...>.

Освящение памятника в Алексинаце на Руевице⁶⁶, построенного Черняевым, с 19-го перенесено на 26 октября, а теперь, наконец, назначено 8 ноября. Станный человек этот Черняев!

В Белград еще весной приехал некто Александр Львович Муравневич⁶⁷, имеющий какие-то дела по подрядам с компанией Баранова⁶⁸. Любитель церковного пения и страстный до него охотник, он задумал образовать в Сербии хор певчих и обучить его русскому нотному пению. Хлопотал он страшно: все сначала противились этому, — он победил упорство и интриги и настоял на том, что архимандрит Нестор и митрополит разрешили и помогли ему составить хор певчих. Работал он с ними около 3 месяцев, чрезвычайно усердно, пел часов по 5—6 в день, и, наконец, научил их петь. Тут-то и начинаются интриги. Протоиерей Жи-

воин Йовичич⁶⁹ стал интриговать против Мураневича, и, в конце концов, нескольких из обученных Мураневичем теноров он отнял у хора и приказал им стоять на клиросе, где он ревет сам с несколькими семинаристами. Это мне рассказывали другие, не Мураневич. Заметить надобно, что Мураневич ровно ничего не получает за свои труды, — это сделано им просто из любви к делу и сербам, — и сербское же духовенство, воспитанное в России, разрушает это доброе дело. Подобного безобразия трудно себе представить! Нет, душно в этой Сербии, — скорее вон из нее!

1 декабря

8 ноября происходило освящение памятника павшим русским добровольцам 1876 года. Съехалось народу множество и из Белграда, и из разных концов Сербии. Памятник красив бесспорно, и празднество удалось вполне: погода стояла чудная. Угощение народа было прекрасное. Но памятник этот вместе с празднеством Черняеву обошелся в 50.000 франков! Это сумасшедшая сумма! Вдобавок большая половина этих денег осталась в карманах Косты Ристича⁷⁰ и его родственников, Зюсмана и прочих мошенников, окружавших и окружающих Черняева. И жаль этого человека, и досада берет! Он не хочет видеть, как его обманывают и обирают <...>.

Я ездил на праздник вместе с Персиани и Гирсом, посетили мы Манастию, Раваницу, Любостыню⁷¹ и Жичу⁷² — монастыри. Виды и места всюду прекрасны. Какая прелестная страна эта Сербия! Богатство почвы вместе с красотой местности, прелесть мягкого климата, красивые реки — все в ней есть. Пусть только разовьется в ней государственная жизнь, пусть только воскреснет старая доблесть народная, — и это будет счастливейшая в мире страна.

Борьба партий, завершившаяся победой консервативцев, должна была вчера выдержать решительный момент: происходили выборы депутатов на скупщину⁷³. В типографии Общества типографщиков работали до глубокой полночи, так как борющиеся партии печатали памфлеты. Терзибашич, кандидат павшей партии, написал открытое письмо Месаровичу, кандидату властвующей партии; пошли ответы того и другого — вмешалось еще несколько лиц. Куюнджич⁷⁴ рассказывал, что типографщики за набор страницы текста брали 10 дукатов. И поделом. Эти открытые письма состоят из ругательств взаимных и обвинений.

Чтобы не забыть: во дворце были недовольны тем, что мы поехали путешествовать по Сербии — Персиани, Гирс и я. Рассказывают, что княгиня⁷⁵ выразилась: «Вот эти русские: один, вероятно, итальянского про-

исхождения (Персиани), другой – шведского (Гирс), третий – польского (Кулаковский) вздумали теперь ездить по Сербии. Что это им захотелось?» Смешны эти подозрения всякого шага со стороны русских. Надо признаться, что Персиани слишком, так сказать, связал себя с Ристичем и его партией, а двор теперь дошел до такой глупости, что Ристича и павших министров не приглашает на свои *jours fixes** и говорит о них с презрением.

7 декабря

Мне наврали: князь приглашает и павших министров на свои четверги, но Ристич, а за ним многие другие, не являются нарочно.

10 декабря

<...> Черняев еще в Белграде. Несчастный человек! Он делает глупости за глупостями. Поляков ему ответил телеграммой, что он только тогда возьмет постройку железной дороги, когда сербы добудут ему и банк. Черняев, по словам Персиани, сказал об этом Миятовичу, причем в таком роде, что «сербы не получают ни копейки денег, потому что им никто не верит», и что они должны верить Полякову и пр. А банк, учреждаемый Поляковым, должен был иметь следующий характер: сначала *liste civil***, т. е. жалованье князя, затем *второе* – уплата по счетам железнодорожного займа, и, наконец, все, что останется, поступает в распоряжение правительства на остальные расходы. Все доходы Сербии должны вноситься в банк, и только из банка уже выдаются правительству. Отсюда вытекало бы, что доходами и расходами Сербии управлял бы некий жид Поляков.

Персиани много врет и далеко не видит глубоко. Я должен признать за ним эти недостатки, хотя и люблю его за многие благородные стороны его души <...>.

24 ноября на славе⁷⁶ у Куюнджича я познакомился с Калевичем⁷⁷, бывшим первым министром Сербии, жившим в Вене во время господства Ристича. Этот человек мне понравился.

21 декабря

<...> Вчера вечером пришел к нам Магдаленич, майор, воспитанник русской Инженерной академии, профессор здешней Военной академии.

* *Jours fixes* (франц., мн. ч.) – приемы, вечеринки.

** *Liste civil* (франц.) – цивильный лист.

Странный человек! Он – недурной человек, в сущности, но может служить образцом того, как невыносимы люди мелкого крайнего самолюбия. Самовосхваление и самолюбие у этого человека дошло до таких пределов, что трудно понять, как он может спокойно жить хоть с кем-нибудь. А с другой стороны, он – иногда жалок. Его история с женой в начале текущего года (в январе) мучит его самолюбие. Не думаю, чтобы эта неудача в жизни его мучила, как мучит горе обыкновенно. Да и в этой истории он больше виноват, по моему мнению, чем его жена: он сам выгнал жену за то, что ее родители (Спасичи) вмешивались в его семейные дела и что она ссорилась со старухой-матерью Магдаленича. Магдаленич рассказывал мне всю эту историю подробно. Мой вывод был таков: сербы считают в доме своем мать важнее жены, и покорность женщины, кто бы она ни была – мать ли, бабушка ли, жена ли, – мужчине необходимым фактом, чтобы какой-нибудь мир домашний был возможен, чтобы, одним словом, можно было жить дома. Магдаленич – человек не без сведений, но он не обладает ни настоящим ясным умом, ни талантом, а главное – этот человек не любит ничего, кроме себя, не ценит ничего, кроме того, что удовлетворяет его самолюбие.

Вчера вечером были на игранке* «Побратимства»⁷⁸. Было много народа. Алимпий Васильевич улыбался и был достаточно любезен, но все-таки он глуп, и с ним дела нельзя иметь даже и в обществе, подобном вчерашнему.

1881 г.

15 января

Вчера был у меня с визитом глава теперешнего кабинета Милан Пирочанац. Он желал со мною познакомиться, да и я интересуюсь узнать, что это за человек. Это образованный и деликатный человек, но одно для меня заметно: он желает всюду показать, что он хорошо образован, что он хорошо владеет французским языком, что он светский и т.д. Самолюбие у этого человека страшное, но, как кажется, не переходит в то себялюбие, которое так и блещет из Ристича при каждом удобном случае. Ристич ненавидит всякого, кто только хоть немного усомнится в том, что он только единственный государственный человек в Сербии, – и всякого такого готов он преследовать всеми возможными способами. На средства Ристич неразборчив.

* *Игранка* (сербск.) – вечеринка с танцами.

Пирочанац вчера вдруг меня благодарит за письмо в «Руси»⁷⁹, перепечатанное в «Виделе», в котором я вооружился против криков наших «корреспондентов» из Белграда об *австрийстве* министерства этого. Я в этом письме (№ 6 «Руси») указывал, что еще ровно ничего не сделано, по чему бы можно было подозревать *в австрийстве*. Я тогда сказал, что письмо это было написано в декабре, и я решительно пока не вижу ни малейшего повода думать, что они – австрийские слуги. Мне эта благодарность со стороны Пирочанца показалась глуповатой, и я дал ему это заметить.

Пирочанац говорит, что радикалов⁸⁰ собственно в Сербии нет, что на скупщине их всего 6–7 человек и т.д. А между тем под их программой в № 1 «Самоуправы»⁸¹ подписалось 38 лиц! Раша Милошевич⁸² – воспитанник русского Технологического института, один из видных членов партии радикальной, часто приходит ко мне и рассказывает, что у них происходит. После выхода «Самоуправы» – 9 января – министерская партия будто бы устроила сходку с радикалами. Явились министры Пирочанац и Гарашанин⁸³, которые будто бы сказали радикальцам: мы видим, что вас большинство, возьмите в руки власть и ведите землю как министры. Радикальцы отказались, успокоили министерство и консервативцев и обещали свою полную поддержку в вопросах о внутренних реформах, *пока министерство будет следовать программе*. Такое ограничение радикальцы оправдывают тем, что эта партия была уже раз во власти, но ничего не сделала, наобещав очень много. Во всяком случае, очевидно, что сербы не доверяют друг другу, и тут, по-моему, лежит причина разлада между радикальцами и консервативцами на скупщине.

Несчастливая страна эта Сербия! В ней было много бедствий, и будет еще много новых.

Чтобы не забыть: старик Ђорђевић, полковник, человек правдивый, даже слишком, рассказал однажды, что есть основания предполагать, что Миливой Блазнавац (регент во время малолетства князя Милана) умер от яда по воле *Ристича* и при содействии *dr. Машина*⁸⁴. Конечно, это только вероятно, не больше.

Заседания скупщины начались 30 декабря. 4 января открыта скупщина тронной речью князя, в которой воспеваются гимны Австрии. Какая подлость! Слух об изгнании митрополита лишен основания, но факт следующее: Ристич показывал Персиани письмо князя, когда тот был в Вене и писал к нему, в котором тот между прочим пишет о желаниях Австрии: 1). Черняеву не дать ни железной дороги, ни банка; 2). Если митрополит будет мешать уступкам Австрии, его устранить⁸⁵. Нет сомне-

ния, что князь Милан обязался какими-то уступками перед Австрией и Францем-Иосифом⁸⁶. До какой степени простираются эти уступки? <...>

Вчера Черняев мне говорил, что он узнал (от Бабецкого, поляка-проходимца, который обирал Черняева прежде, а теперь служит в австрийском консульстве и переписывает там бумаги), что его предложение о банке передано сербским министерством на рассмотрение в австрийское консульство, где и снята с него копия. Но тут же Черняев прибавляет, что он совершенно и не думает скрывать своих предложений. Почему же так он обижается тем, что будто бы сербское министерство передало переписать австрийскому консулу его планы? Я сомневаюсь даже, что сербские министры это сделали: я готов, скорее, предположить, что это учинил кто-нибудь из прихлебателей Черняева, которых у него так много. Черняев верит всяким нелепым слухам; его обманывают все сколько хотят и как хотят. Редко встречаются подобные ему люди по легкомыслию и безрасчетной, до глупости доходящей, доверчивости. В сущности, Черняев уже отпетый поконченный человек, — и правы те, которые его называют *авантюристом*. Я бы прибавил слово *несчастный* — как эпитет к этому имени.

13 января я был на славе в Богословии, т. е. Духовной семинарии. К акту опоздал, т.к. было у меня две лекции, и я попал к ректору архимандриту Нестору только <...>, когда собрались у него гости для закуски. По сербскому обычаю, говорились *беседе** при *здравицах***. Произносили и Алимпий Васильевич, и Милош Милоевич. Милоевич вспомнил, что сербский народ спас Россию от татарского ига, и указал какой-то факт, о котором я до сих пор не слышал. На прощание он меня стал убеждать, что русские должны это все признать, и все в таком роде — чепуху, на какую способен этот человек — «сумасшедший» и подданный Ристича, учитель без учительского места, но с учительским жалованьем. Я ему посоветовал написать об этом исследование и книгу, чтобы я мог ее прочесть и все сие узнать, как, например, и то, что кадильницы у раскольников заимствованы у сербов и именно по поучению св. Саввы⁸⁷. Вообще, такая это ерунда, что и говорить не хочется. Когда он упомянул, что сербы могучи, я вставил, и в состоянии осербить Россию, — публика захохотала.

* *Беседе* (сербск., мн. ч.) — речи.

** От сербск. *здравица* — тост.

16 января

<...> Никандра Васильевича Зюсмана, известного здесь под именем Васильевича, выгоняет из Сербии сербское правительство, придравшись к телеграмме, которую он послал в какие-то русские газеты (кажется, «Голос»⁸⁸, где он примостился – после московского «Востока») и в которой он сообщает ложные известия, будто Куюнджич, вице-президент скупщины, профессор Великой школы, принадлежит к партии умеренных радикалов. Это только предлог. Зюсман – крещеный русский жид, был у Каткова⁸⁹ корректором в «Московских ведомостях», и когда началась первая война Сербо-турецкая, Катков дал ему 100 рублей, и Зюсман поехал в добровольцы. Сражался ли он или нет – это неизвестно⁹⁰, но он награжден и Таковским орденом⁹¹, и медалями и стал корреспондентом русских газет, шпионом и агентом у Ристича и митрополита. Нахал это страшный. У меня была с ним большая история. Я принужден был его выгнать из дома в мае 1879 г., он бунтовал после этого студентов против меня, написал мне ругательное письмо, безграмотное в полном смысле этого слова⁹², сплетничал и лгал, ругал даже в «Востоке». Барон Каульбарс (Александр Васильевич), проводивший границы Сербии от Болгарии и Турции, говорил мне, что Зюсман был и при работах пограничной международной комиссии и посылал фальшивые известия и в Россию, и в белградский «Исток» <...>. Далее факт: когда Молчанов приезжал сюда в начале 1880 г. по делу Черняева – о железной дороге, по поручению этого непрактичного до бессмыслия человека (Черняева), Молчанов должен был заплатить Зюсману за какие-то труды от имени Черняева. На вопрос Молчанова оказалось, что Зюсман издержал 30–35 червонцев на какие-то поездки, нужные Черняеву. Молчанов заплатил ему. Затем Зюсман объявил, что он *подкупил* скупщинаров провалить на скупщине предложение одного бельгийского банка⁹³ и что он обещал им дать 50 червонцев. Он это сказал Молчанову у митрополита Михаила, в присутствии митрополита. Молчанов, по его словам, тогда обернулся к митрополиту и сказал: «И Вы, Ваше Высокопреосвященство, держите при себе человека, который рассказывает о подкупе скупщинаров даже в Вашем присутствии!» И денег этих он Зюсману не дал. Черняев, приехав сюда в мае, дал ему и эти 50 червонцев. Теперь Черняев признается, что он давал ему 100 руб. в месяц в течение года. Мало того, Черняев мне говорил, что он подсылал его подкупить «Заставу»⁹⁴. Он посылал его для каких-то интриг в Австрию и внутренность Сербии.

Когда, по настоянию Стасова⁹⁵, был добыт митрополитом (и тут за портретом в монастырь был Зюсман послан) из Великой Реметы⁹⁶ –

Фрушкогорского⁹⁷ монастыря – портрет Петра Великого⁹⁸, тот же Зюсман ездил в Петербург отвозить портрет, причем к Победоносцеву⁹⁹ дано было письмо митрополитом тому же Зюсману. Черняев тоже об нем позаботился и дал ему письма и поручения к Полякову. Зюсман, как оказалось, хлопотал в Петербурге, чтобы его назначили вторым секретарем в Белградскую миссию. Секретарь белградский Гирс, сын министра Гирса, рассказывает, что Победоносцев (обер-прокурор) ездил лично к его отцу ходатайствовать за Зюсмана, но получил ответ: «Никогда». Хорош же гусь – Победоносцев! Вот дурак, должно быть, набитый, если не разглядел Зюсмана. Из Петербурга Зюсман, по словам Черняева, приехал словно убитый, но убиваться ему было не из-за чего: Поляков дал ему за приезд крупную сумму в 400 руб., Победоносцев – 100 руб., если только не уменьшает суммы Зюсман <...>.

Кстати, когда митрополиту Михаилу к дню его 25-летнего юбилея епископом государь пожаловал орден Александра Невского, конечно, многие были недовольны и завидовали, начиная от князя. Но интересно то, что Алимпий Васильевич, тогда находившийся в ожидании министерского места, мне говорил, что этот орден выхлопотал митрополиту – тот же Зюсман! Митрополит действительно посылал Зюсмана в Россию пред своим юбилеем <...>.

24 января

19 января я был в скупщине. Шел интересный вопрос об уничтожении «срезско*-полицейских» поборов <...>. Один селяк** выразился: «Когда уж искоренять злоупотребления, так нужно всюду. Первые и тяжелые грабители народу идут с крестом, другие – с бичом». Подобный отзыв о священстве и сравнение его с полицией произвели на меня прескверное впечатление. Это Бог знает к чему дойдет. Слишком рано и слишком глупо отделиваются сербы от церкви.

Сказать правду, митрополит Михаил сам виноват, что распустил так духовенство и этим так унизил его значение и значение церкви. Здешние священники и даже монахи хвастают тем, что они читают Бокля¹⁰⁰, Дрепера¹⁰¹ и т.д., хотя никто из них не развит и настолько, чтобы понять обыкновенную серьезную статью. Жадность, грубость и положительное безбожие – вот отличительные черты этого сербского духовенства. Архимандрит Нестор – циник и груб, хотя еще умнее других.

* От сербск. *срез* – уезд.

** *Селяк* (сербск.) – крестьянин.

Сам митрополит – иезуит страшный: он обыкновенно ведет двойную и тройную игру <...>.

Вчера вечером заходил на минутку Срећковић. Он мне говорил, что Ристич собирается ехать в Россию, которую хочет изучить основательно во всех отношениях. Конечно, первое дело – интриги его в России, и я уверен, что всякая интрига его ему там удастся. Лгать и обманывать он величайший мастер. Но что бы там о нем ни говорилось, он все-таки государственный человек, и грязью в него кидать так, как кидают сербы другой партии, не годится. Кстати: один скупщинар из новых краев Сербии внес интерpellацию на скупщину – по чьему приказанию из народных школ в этих местах, недавно очутившихся под властью Сербии, выносят иконы св. Саввы, а вместо них вывешивают портреты Йована Ристича! <...>

26 января

Вчера были у нас Гирсы. Гирс мне показал копию с части депеши, полученной из Петербурга 24 января. В ней говорится, что русское правительство желает, чтобы были приняты к сведению сербским министерством и рассмотрены *условия компании Баранова* если они окажутся более благоприятны, чем условия Бонту, с которым сербы уже заключили прелиминарный договор¹⁰². Персиани, получив телеграмму, поехал к Миятовичу и ему показал ее. Миятович (по рассказу Гирса) говорил много, но ничего толкового: между прочим он сказал, что если барановские условия окажутся лучше Бонту, то он готов выйти на скупщину, объявить себя сделавшим глупость и выйти в отставку. Но он заметил, что он уже подписал условия с Бонту, и было бы неприлично с его стороны входить в рассмотрение других условий. В тот же вечер было заседание министров, на котором присутствовал и князь. После заседания Миятович послал смешную записку Персиани, в которой он говорит, что его ответ и после заседания министров тот же (а какой? Персиани его не слышал) и что он даст *note verbal**, т. е. ноту, не подписанную и имеющую значение сообщения, – не больше.

В то же время Персиани, который был еще раньше приглашен князем на охоту, передано от имени князя через гр[афа] Брея (прусского министра-резидента), что князь сочтет политической демонстрацией, если Персиани с ним не поедет на охоту <...>. Персиани поехал на охоту, которая продолжается с неделю.

* *Note verbal* (франц.) – вербальная нота.

Гирс пришел словно советоваться со мною и говорил, что он будет ходить каждый день к Миятовичу, чтобы добиться от него ответа *да* или *нет* на вопрос нашего правительства. Вечером пришел Куюнджич, который рассказывал уже об этом и об условиях с *Бонту* выразился очень неодобрительно. Очевидно, что в скупшине очень недовольны тем, что правительство заключило с Бонту, имеющим Landerbank австрийский¹⁰³ и покровительствующим иезуитам, договор. Раша Милошевич, бывший у меня вечером, все выражался так: «Погодите, скупщина разберет». Когда сегодня я рассказал Черняеву слышанное от Куюнджича (о Гирсе даже не упоминал), <...> то Черняев просто вышел из себя и стал ругать Барановскую компанию – [неразб. – А. Ш.], а Персиани – вредным человеком, который правительству не сообщают правды и т.д. Я заступился за Персиани и доказывал, что можно нападать на Персиани за известную его податливость, неосмотрительность, излишество доверия, если хотите, но Персиани – *честный* человек и все, что нужно, сообщил в Петербург. Черняев кипит и городит глупости. Я теперь все более и более прихожу к заключению, что Черняев действительно сходит с ума, как выражается о нем Персиани.

12 февраля

Был сегодня в скупшине. Как, в сущности, бесцветны и ничтожны все эти говорюны на скупшине! <...>

Теперь много шума по поводу предложений Бонту о постройке железной дороги. Условия действительно безобразны <...>. Очевидно, тут грязное дело. Министры ни при чем тут, но руки у князя, вероятно, нечисты. Рассказывал Раша¹⁰⁴, что когда какие-то депутаты ходили к князю просить об оказании помощи каким-то краям, пострадавшим во время войны, он им сказал: примите условия Бонту, там есть миллион, предназначенный для этих целей, вероятно, имея в виду сумму займа для уплаты всех сербских долгов. Вместе все выходит безобразно.

Миятович и К° ни за что не хотят дать дороги русским, и пусть их <...>. Миятович прямо говорит Бельгийскому обществу, которое в союзе с Барановым, что сербское правительство не хочет иметь русской компании.

Персиани нынче весьма справедливо толковал о том, что теперь наша политика общая – без всякого направления. На Сербию не обращается никакого внимания У нас в России теперь вновь скрепляется дружба с немцами: следовательно, воскресает союз трех императоров. Опять какое-то надувательство затевается! <...> Сербия идет в руки Ав-

стрии и даже напрашивается туда. Как удивительно бессовестно лгут все эти сербские партии! Трудно представить себе ту беззастенчивость человека, когда он говорит и пишет одно, а потом делает другое. Таковы здесь все партии. Я ни одной теперь не верю, потому что решительно все кажутся мошенниками. И родину свою они любят особенным образом: Сербия для них менее дорога, чем интересы их партий. Безобразия подобного не дай, Господи, в России.

23 февраля

<...> 15 февраля 1881 года, в воскресенье, князь приглашал 25 скупщинов, по преимуществу из новых краев, и убеждал их принять этот договор*. Между прочим, князь Милан сказал: «Я не желаю, чтобы в Сербию пришла целая армия в 4000 русских». Эта агитация князя возмутила и самих скупщинов, которые рассказывали этот разговор с князем всем другим <...>. Князь просто агитирует за Бонту, как его приказчик или вернейший агент. Сегодня рассказывали, что он призывал вчера профессора Вальтровича^{105**}, а третьего дня профессора Петковича¹⁰⁶, долго с ними говорил: оба эти профессора Великой школы шли в одбор***, т. е. комиссию для рассмотрения железнодорожного проекта г. Бонту, и были готовы, действуя по убеждению, подать голос против его принятия. Следствием этих разговоров с князем было то, что Петкович подал уже в одборе голос за принятие договора, а Вальтрович — подал в отставку из скупщинов <...>. Скупщиновы и сербы утверждают, что, вероятно, князь взятку взял! Самая возможность подобных предположений со стороны подданных о своем князе показывает, что здесь может случиться. Несчастливая страна! Если в самом деле у князя руки нечисты, бедная Сербия продана Австрии и потеряла уже свою самостоятельность и независимость. Если произойдет в Сербии бунт и будут беспорядки, конец этому государству: у Австрии руки развязаны, и Сербия будет вновь рабом, но рабом худшего господина, чем была ленивая, по-своему благодарная, по-своему чистая Турция.

Вчера я был у Миличевича. Теперь ясен этот человек для меня. Это плут политический. Мы говорили о славянофилах и славянстве. Долгий и довольно нелогичный разговор привел его к тому, что он высказался хоть раз ясно: «Осуществление единства славянства политического, на-

* С компанией Э. Бонту.

** Правильно — Вальтровича.

*** *Одбор* (сербск.) — комитет.

подобие немецкого, как сделала Германия, *нежелательно для Сербии и сербов*». «Этого быть не должно, этого быть не может, — его слова. — Мы, т. е. сербы, тогда пропали».

Единство научного языка у славян — русского — тоже невозможно: всякий славянский народ должен работать только для себя и своей славы*. Те, которые желают, чтобы славяне имели один литературный язык, как русский, ненавистны сербам. Ламанский ненавистен Миличевичу за правду, которую он высказывал, и за искренность мысли. Ergo: действительно, та партия, которую называют консерваторами, прогрессистами и другими именами, не что-нибудь другое, как мечтатели и неблагодарные люди, которые смотрят на Россию как на дойную корову и которые хотят нашими русскими руками только жар загребать.

Ристич, нет сомнения, великий мошенник, думает он о России то же, но он, по крайней мере, допускает возможность и единства славянской державы и единства славянского литературного языка. Это, если хотите, безнравственный и бездушный зверь, но зверь умный в достаточной степени, и с ним можно дойти до известного заключения. Он защищал независимость Сербии как умел и как мог, а гг. Пирочанцы и Миятовичи окунут Сербию в австрийском омуте. Может быть, это и к лучшему. Создастся новый центр Сербского государства где-нибудь в другом месте, в Черногории или Герцеговине, где есть характер, где есть некоторое уважение к себе, а не оценка своих сил выше, чем они стоят, не глупое самомнение.

Черняев <...> начинает запивать. Что будет с этим несчастным человеком, обобранным, заплеванным, измученным, бесхарактерным. Говорят, кто-то приехал в помощь к нему от Полякова. Может быть, этому человеку удастся вырвать Черняева из этой трущобы, в которую он залез. Страшно мне за этого человека. Того и гляди, он пустит себе пулю в лоб. А жена? А дети?

* Интересно сравнить эту запись Кулаковского с впечатлением самого Миличевича, которое также сохранилось: «После обеда пришел Кулаковский. Он требует, чтобы все славяне поступили так же, как сделали немцы, то есть стали бы единым целым. Я на то вздрогнул и сказал, что этого никогда не будет, да и быть не может. Он начал меня спрашивать — в чем же тогда наше единство? В чем угодно другом, но объединения быть не может. Все, что он говорил дальше, показывает: он хочет порусить все! Мы долго разговаривали и затем в шутку помирились, но в действительности очевидно, что он стремится к одному, а я к другому» (АСАНУ. Бр. 9327. Дневник М. Милићевича. Књ. XI (запись от 22 февраля 1881 г.).

Ко мне очень часто лазит теперь Срећковић, глупейший агент Ристича, профессор Великой школы. Сегодня идем вместе по улице. Встречается группа из 3-х сербов: советника Жуевича^{107*} и двух братьев Пантеличей, из которых я знаком с Жуевичем, да с одним Пантеличем. Оба они, а за ними и брат Пантелича, очень любезно раскланивались со мною. Что же Панта Срећковић думает: «Смотрите, как эти приверженцы министерства любезно теперь раскланиваются со мною, — они чувствуют, что их царство кончается и что скоро к власти вернется Ристич, и я вновь силен». Ничтожество! Неужели у Срећковића не хватает соображения и настолько, чтобы понять, что и Ристич на него смотрит как на слугу, как на разносителя вестей и шума. Печально, но это так, все так.

24 февраля

В Белград с неделю тому назад приехал Висковатов (Владимир Александрович). Он в компании с каким-то Шуваловым — человеком, близким наследнику¹⁰⁸, и племянником Петра Андреевича Шувалова¹⁰⁹, продававшего морально Россию на Берлинском конгрессе, — здесь ищет концессию на постройку сахаро-выварочного завода. Когда приехал Висковатов, по Белграду был пущен слух, что приехал Шувалов. Сначала думали наивные сербы, что приехал сам граф П.А. Шувалов, потом — будто бы его сын. Сегодня один из моих товарищей по профессуре в Великой школе, Гргур Милованович¹¹⁰, рассказывал мне, как все они обрадовались, что приехал Шувалов в Белград: «Мы-де думали, что он привез с собой план политический, как нам действовать в случае греческой войны с турками, а также и разные сообщения и распоряжения относительно железной дороги». Это хорошая картинка! Сербы, в случае своих бед и нужд, возлагают все надежды на Россию, но стоит лишь миновать буре, и вновь на ту же Россию они станут клеветать, вновь станут хвастать своим юначеством и смеяться над пролитой нами кровью в защиту этого же народа. Сербы очень похожи на детей, и для них следовало бы употреблять те же средства, что и для укрощения детей строптивых: розги <...>.

1 марта

<...> Князь просто безобразничает. На вечере у Константиновича, своего родственника, где присутствовал и митрополит, князь сделал несколько строгих замечаний митрополиту, будто он интригует против до-

* Правильно — Жуйовича (от сербск. *Жујовић*).

говора с Бонту. И, кажется, сделал ему выговор за то, что у него часто бывает Черняев и т.д. Ну, хорош князь! <...>

Черняев собирается ехать в среду в Россию. Ну и слава Богу! Он, говорят, начинает теперь уже запивать. Лицо у него стало какое-то обрюзгшее и помятое, нервное раздражение достигло крайней степени, — никто не может предсказать, чем кончит этот несчастный человек.

6 марта

Все вопросы, все безобразия сербского правительства отошли теперь на задний план. Одно у всех на душе: убит злодейски царь наш Александр II, освободивший миллионы и своих, и чужих рабов <...>. Я никогда не был сторонником петербургских идей, петербургского лжелиберализма, а теперь я готов проповедовать, что он-то и создал этот ужасный и позорный факт <...>.

Князь Милан положительно изменил своей стране и славянскому делу. И все это наделала его поездка в Австрию! Замечу, что Персиани его предупреждал перед его отъездом в Вену, чтобы он помнил, что за всякие обещания Австрии ему придется скверно при расчете с народом. Когда князь Милан вернулся, он сказал Персиани, что он ровно ничего не обещал Австрии и ничем не обязался Австрии. Оказывается, что он солгал.

<...> Скупщинарам князь не раз говорил, что не желает видеть русских в Белграде. Князь прямо заявляет, что он ненавидит Черняева, что Черняев — представитель Славянского комитета и т.д. <...>. Правительство все лгало. Новакович меня уверял, что Миятович никак не западник в политике, а теперь угождает князю, так настойчиво проводящему австрийскую политику. Все сербские газеты просто плачут над договором о постройке железных дорог с Бонту и видят гибель Сербии, если он пройдет. Но правительство, а в особенности князь, поступили в приказчики к г. Бонту и хлопочут изо всех сил за этого предпринимателя. Кончится все это недобром для Сербии. Если договор будет принят, будут мятежи. Авторитет князя пал окончательно, так как он слишком явно, слишком безобразно интригует за какого-то предпринимателя <...>.

Черняев уехал, наконец-то, во вторник 4 марта. Этот сумасшедший человек, кажется, питает надежды при новом государе сделаться министром военным, но еще курьезнее, он об этом говорит уже здесь иным сербам. Висковатову он сказал, что он бы не мешал Бонту, если бы Бонту дал ему отступных и вознаградил бы его за издержки. Дико, но что сказал это Черняев, я вполне верю. Он мне не посмел этого сказать, по-

тому что прежде еще я всегда выражал мнения такие, которые никогда не могли бы оправдать подобный его поступок. С ним поехал и один из прихлебателей: двоюродный брат Косты Ристича, злого духа Черняева, который опутал этого человека, сумел обобрать и оставить довольным.

Ко мне часто, очень часто заходит Магдаленич, майор, воспитанник русской Инженерной академии в Петербурге, теперь профессор здешней Военной академии. Выглядит он иногда очень искренним человеком. Но не лукавит ли он? Не лжет ли? Все лезет с похвалами Ристичу. Я никогда не был и не буду ярым сторонником этого человека, но я никогда не бранил его так, как его бранили. Ристич, бесспорно, умный человек, но мошенник и зверь по убеждениям, а из России хотел бы сделать дойную корову, которую можно сосать, но на которую можно лгать, клеветать, которую «следует» обманывать <...>. Но беда, что Пирочанац и его компания, кажется, еще большие мошенники.

Митрополит хотел ехать на похороны государя, но, кажется, его не пускает князь, который ненавидит митрополита и боится его, зная, что у нас митрополит Михаил все-таки значит больше, чем он — князь Милан <...>.

7 марта

Сегодня была панихида по царе-освободителе. Собор был полон. Митрополит не произносил речи, вероятно, австриякующий князь Милан запретил ему напоминать сербскому представительству, что царь спас Сербию и даровал ей независимость. В 3 часа с Макушевым* я побывал на скупщине. Там говорили об этих ужасных условиях Бонту. Раша и все оппозиционеры ходят повесив нос. Дела у них плохи, потому что князь своими интригами и угрозами заставляет депутатов из крестьян подавать голос за принятие этого договора с Бонту, страшно гибельного для Сербии. Сербия пропадет. Миличевич произнес на скупщине длинную речь, полную фраз самых патетических, самых восклицательных, и убеждал скупщину принять договор с Бонту — во имя прогресса и цивилизации. Удивительная логика! Доказывают, что договор с Бонту налагает невероятно тяжелые условия на Сербию, что страна не вынесет тяжести, что она погибнет под бременем невероятных платежей, что австрийцы вползут за Бонту в Сербию, а Миличевич доказывает, что во имя цивилизации следует принять договор с Бонту. Так можно доказывать, что и продать Сербию следует во имя цивилизации и прогресса.

* Биографические данные В.В. Макушева см. на с. 234.

Замечательный оратор Милан Ђурић¹¹¹, священник из Ужица¹¹², в блестящей речи нападал на Миятовича и Новаковича. Как ничтожны, как глупы показались эти министры перед этим простым сельским священником <...>.

Перед открытием прений посланник Сима Несторовић потребовал слова и сделал предложение почтить память государя закрытием скупщины на 3 дня. Он был поддержан многими (между прочим, Светомиром Николаевичем и Рашей Милошевичем), но председатель скупщины Алекса Поповић¹¹³ из Ужица заявил, что этого он не допустит, потому что оказано достаточно чести, оказанной этой великой памяти. А сделано вот что: во вторник скупщина по приглашению Пирочанца, министра-президента, объявила: «Бог да му душу прости, Цару-Освободиоцу»*, да просила Миятовича передать чувства скупщины Персиани. Сегодня скупщина присутствовала на панихиде. И только. И это в стране, положительно спасенной покойным государем.

На панихиде гг. министры Пирочанец, Гарашанин и Миятович позволили себе смеяться над М-ме Кировић¹¹⁴, которая плакала и молилась на коленях. Князь и княгиня тоже разговаривали и чего-то смеялись. Просто безобразие. Подобной дичи трудно себе представить <...>.

10 марта

<...> Сегодня кончилось, наконец, в скупщине обсуждение условий Бонту. Договор принят 97 голосами за против 57 – *против*, 5 не голосовало, 2 подали в отставку. Итак, Сербия вовлечена в круг австрийских интересов. Деморализация наступила, национальное развитие остановилось <...>.

Вчера вечером говорил против договора профессор Великой школы Светомир Николаевич. Его патриотическая и сильная речь произвела страшную бурю, которая окончилась побоищем вне скупщины <...>.

11 марта

<...> Все возмущены правительством и его договором с Бонту. Говорят, что народ раздражен внутри страны, что уже двум из посланников, подавших голос за договор, пришлось вернуться на родину, так как у них сожжены дома и запасы сена и хлеба раздраженным народом. Скандалы начались. Чем кончатся они, никто не ведает. Но не выйдет ли того, что

* «Бог да му душу прости, Цару-Освободиоцу» (сербск.) – «Прости и упокой, Господи, душу царя-освободителя».

было и после конвенции, т. е. успокоятся скоро. Впрочем, когда придется платить, а это случится скоро, то едва ли не случится скандала в Сербии.

16 марта

Вчера утром происходила панихида в церкви святой Натальи <...>. На панихиде вчера было много женщин, потому что панихиду давало Женское друштво. Присутствовала княгиня, была вся русская колония. Из сербов были Алимпий Васильевич, Куюнджич, кмет Белграда* Карабиберович¹¹⁵, несколько священников из числа оппозиционных депутатов скупщины, несколько простых людей, но не было ни одного министра. Князь тоже не присутствовал. Это не случайно, и все дело в том, что князь теперь боится малейшего недовольствия Австрии. Он, вероятно, хочет доказать Австрии, что он ей верен. Понятно, что его подлые и трусливые министры не смеют иначе поступать, как им велит князь. Митрополит произнес прекрасное слово, полное духа и смысла. Он с ударением указывал, что Обреновичи обязаны своим призванием в Сербию и укреплению на сербском престоле покойному царю-освободителю. Передаст ли княгиня содержание этого слова князю Милану? Вероятно, передаст.

В прошлый четверг, т. е. 12 марта, во дворце отплясывали, прощаясь с каким-то французом, должно быть д'Аркуром, товарищем князя по Парижу и сотоварищем Бонту по делу железнодорожному. Князю я и не удивляюсь, но княгиня, бывшая русская, — это все производит? И не говоря уже о всемирном трауре при дворах, не следовало бы забывать, что теперь пост, и пост великий, а в пост в странах православных не пляшут. Дикое и непонятное явление! И народ в Сербии — ценит на свой лад пост, а его княгиня мазурки отплясывает в великом посту! <...>

Радикальцы здешние, что там ни говори, стоят в связи с нашими нигилистами и всякой швалью в Европе. Их орган не написал даже статьи о смерти великого благодетеля Сербии. Я заметил это Раше, тот сказал, что поручено было ему написать статью о покойном государе, что он написал ее, но остальные или многие сочлены партии нашли статью слишком много говорящей и потребовали ее изменения. Раша разорвал статью, не желая допускать в ней изменений. Может быть, он и прав, потому что между сербскими радикалами есть люди, которые действи-

* *Кмет* (сербск. ист.) — председатель городской (сельской) общины. Здесь — градоначальник Белграда.

тельно подозрительные, которые могли бы осквернить память государя, Царя-Освободителя сербов глупейшими выходками крайних радикалов.

Между радикалами выдается Пера Тодорович¹¹⁶ своими способностями, но вместе с тем и своей крайностью. Этот господин научился в Швейцарии говорить по-русски, но он в сущности глупейший и недоразвитый и невоспитанный социалист. Сербь бы были правы, если бы выжили этого господина из своей земли. Он был редактором-издателем «Стражи»¹¹⁷, радикального журнала, выходившего в Австрии и закрытого по распоряжению австрийской полиции. В этой «*Страже*» писал, между прочим, и известный русский эмигрант Лавров¹¹⁸ глупейшие письма о России, жандармах и пр.¹¹⁹ <...>

Вчера, т. е. 15 марта, я был с Макушевым у Ристића. Тот принял нас любезно, но с сохранением полного своего достоинства. Макушев держит себя уж слишком скромно, так что этому господину может показаться, что он перед ним унижался. Ристич груб и понимает людей слишком грубо и глупо. Впрочем, имя Макушева слишком известно в науке, чтобы можно было к нему относиться свысока. Ристич сказал, что он у него будет. Макушев слишком откровенен и искренен с сербами, а сербы не понимают искренности и даже не уважают ее.

17 марта

<...> Епископ шабацкий Иероним¹²⁰ послал телеграмму депутатам скупщины против Бонту и уговора с ним. Князь ужасно обозлен за это на епископа, и есть вероятие, что епископ будет удален с своего места. Итак, и епископы страдают из-за Бонту! <...>

Вчера Персиани был у князя и представлял Богданова¹²¹. Князь стал жаловаться Персиани на Рашу Милошевича. Вероятно, бедного Рашу после скупщины упрячут в тюрьму.

20 марта

Теперь то и дело заходят ко мне сербы и россияне. Времени все эти визиты отнимают очень много, но что же делать: Персиани живет так, что к нему сербы заходят редко и со страхом, а им нужно, чтобы они могли приходить куда-нибудь, посидеть, да пожаловаться на судьбу и дела свои. Нельзя закрыть дверей своих перед сербами, что же делать?

Сегодня был совет, на котором, между прочим, выбрали Вуловича¹²² — на кафедру югославянской литературы в Великой школе. Я подал голос *против*, потому что я предлагал того же Вуловича послать на год или на два поучиться в архивах, библиотеках и университетах России и

славянских стран. Вулович писал до сих пор только очерки – скорее фельетонного характера, нежели научного. Он в своих сочинениях (которых, впрочем, – очень немного, и за которые у нас бы не взяли и в гимназию, если бы человек только на основании подобных работ искал места профессора), по моему мнению, показал, что он знаком с *Негушем*^{123*} да Симой Милутиновичем¹²⁴, и больше ничего; но его суд о них – суд фельетониста. За него заступался Јован Бошкович¹²⁵: очевидно, тут просили и хлопотали. Всех голосов против было только 4, к стыду Великой школы и состава профессоров в ней. Как политик и министр, Новакович – просто вредного направления, но как ученый – Новакович достойно представлял югославянскую кафедру. На его место сажают фельетониста, который едва ли знает толково старославянские формы. Я знаю, что в лице Вуловича я приобретаю врага себе в совете Великой школы, но я должен был сказать о нем правду, а также указать на важность этой кафедры здесь. Что же будет с сербской молодежью, которая с кафедры югославянской литературы будет слушать фельетонные рассуждения самонадеянного человека – неблаговоспитанного и неблагородного по своему характеру! Ну, пусть их! Будет скверно, брошу все и уеду в Москву <...>.

Радикальцы все более и более выясняются как люди, которые, в сущности, имеют тесные связи с идеями всякого женевского сброда. В описании того, что теперь делается в России, проглядывает школьное недоумие и отсутствие знания России <...>.

Новакович не отдал визита Макушеву и не был у меня.

25 марта

Вчера был день рождения болгарского князя Александра, и по приглашению Кировича¹²⁶ я был в церкви <...>. У Кировича как-то замедлился завтрак, и сербы все понемногу ушли <...>.

Тут был интересный разговор между Персиани и Ристичем. Ристич дал понять, что ложь, сочиненная Митой Ракичем¹²⁷, высказанная на скупщине, будто бы Россия предлагала Австрии занять Сербию в 1853 г., по его мнению, сообщена Гарашанину¹²⁸ из польской кухни – Чарторыйского¹²⁹. Это отличный источник и весьма, весьма вероятный. Далее был следующий разговор. Персиани стал удерживать Ристича и убеждать его остаться на завтраке у Кировича, но Ристич его тогда спросил: «Разве Вы *домаћин* (хозяин)?» «Да, я *домаћин* тут всюду», – ответил Перси-

* Правильно – Негошем (от сербск. *Његош*).

ани. Тогда Ристич обращается ко мне и говорит: «Г[осподин] профессор, неужели великой России, в которой солнце не заходит, нужно и в этом маленьком славянском уголке распоряжаться?» Персиани тогда сказал: «Вот Вы теперь так говорите, а когда придет беда и нужда, тогда вы говорите – “Молим Вас (прошу Вас), распорядитесь”!» Конечно, посмеялись, но это глубокая правда.

Сербы теперь все задаются вопросом, почему князь еще до сих пор не подписал договора с Бонту. (Да так ли? Имеются признаки, что все уже подписано). И утешают себя тем, что из России получено приказание: по одним слухам – не подписывать, повременить; а по другим, что государь приказал не подписывать и обещал взять на себя заботу о сербской железной дороге. Конечно, все это – ерунда и ложь. Но эта вера и надежда на спасение, грядущее из России, вера инстинктивная, очень характеризует сербов и их историей воспитанное отношение к России. Все правительства, идущие против России, в сущности вполне ненациональны. Сербы, настроенные против России, лишены народного сознания и принадлежат к числу трусящих перед силой России. Они питают <...> надежды, что возможно когда-нибудь существование великой Сербской державы, самостоятельной и не зависящей от России. Тут сходятся Ристич и Миятович, и потому – они неумные политики <...>.

26 марта

Сегодня в Великой школе один профессор, Гргур Милованович, сильно стал нападать на то, что Новакович получил русский орден (Станислава 2 степени со звездой). При этом он заметил, что русские не награждают своих друзей, как, например, Алимпия Васильевича и всех Ристичевых. Я заметил, что Новакович получил орден за Алексинацкое торжество и речь там, а также и 19 февраля прошлого года у Персиани на юбилее¹³⁰. Милованович стал ужасно яриться, что я вспомнил прошлогоднюю речь Новаковича. Ректор еще прежде упрекал меня, что я Новаковича тогда обнял и увел в кабинет Персиани покурить и отдохнуть. Я сказал Гргуру: в прошлом году ни Ристич и никто из «владиних људи»*, ни из вашей партии, не счел нужным говорить об исторической связи русского и сербского народов, а Новакович говорил, и говорил прекрасно. Нам, русским, и русскому правительству решительно нет никакого интереса в сербских партиях.

* *Владине људи* (сербск.) – представители правительства.

Дело понятно: Милованович и Васильевич – в родстве. Они принадлежат к обширной семье, слывущей в просторечии под именем Баба-Дудичи¹³¹. Их всех, говорят, до 100 человек в родстве. Все эти члены родства держатся друг за друга до бесстыдства и глупости. Так и тут, вся беда, что Алимпию-дураку не дали орден. Сербы удивительно мало зрячи. Они думают, что Новаковичу дали орден вследствие «дружеских» отношений (моих с ним), а Васильевичу не дали за ссору со мной. Глупцы, не знают, как я хлопотал за Алимпия Васильевича, как я настойчиво просил и убеждал Персиани постараться для этого дурака об ордене, не за его ум, а за то, что он хлопотал о русском языке в сербских школах¹³². Пусть их! Знаю, что теперь будет не один донос на меня.

28 марта

На днях молодой профессор Вуич¹³³ заметил, что существует письмо адмирала Чичагова¹³⁴ в 1811 г., в котором он говорит, что Россия оставит Сербию Австрии. Я заметил на это: «И оставила ли?» Ведь, что ни говорить, Сербия и существует, и возникла помощью России. Дурачье, приводят всякие наши неудачи политические в доказательство нашей вероломности, а не приводят на память массу фактов, когда Россия *спасла* Сербию, несмотря на ее глупости.

Сегодня ректор Стоян Маркович (тот самый, который некогда бранил Черняева, наших добровольцев и лгал всегда и всюду на Россию, а перед моей поездкой в Болгарию жаловался мне же на обиды, терпимые от русских и болгар, отнимающих чисто сербские земли) стал мне петь такую песню в присутствии Настаса Петровича¹³⁵ и Светомира Николаевича: теперь мы принуждены прибегать к России и «чинити њој угодно»*, потому что она может нас спасти. Удивительно странна Россия: она нас спасла после Ђуниса, когда, может быть, мы и не стояли, потому что пошли на войну против ее воли, против приказаний политики русской, а теперь не хочет позаботиться о нас. Как ни глупы эти слова, как ни глуп и плутоват человек, их произнесший, но тут много правды народной: и Маркович, как и последний сербский селяк, надеется инстинктивно, что прийти может благо и спасение только из России <...>.

Вчера у меня было столкновение в консульате <...>. Все эти господа – чиновники, в них русского только жалованье да служба. Служаки они не народа, даже не государства, а чиновной клики. Они не чувствуют неприличия в том случае, если народному признаку или началу не

* «Чинити њој угодно» (сербск.) – «Делать то, что ей угодно».

оказано должного. Никого эти люди не любят, ни за кого они не положат ни жизни, ни мысли своей. Они хлопочут о карьере своей, о своих карманах, о своем благосостоянии, о том, чтобы все с виду было хорошо, чтобы казалось хорошим, не больше. Жулики они известного сорта: в карты играть мастера, да болтать всякий вздор тоже, но делать ничего не умеют, да и не в состоянии. Ума не хватает. Для них лишь бы форма была соблюдена, а о сущности они и не спрашивают. Таков уж этот народ! <...>

Князь подписал договор с Бонту 23 марта. Радикальцы – дураки. В «Самоуправе» вновь они написали глупость о России, по поводу устройства выборного совета из жителей Петербурга при Петербургском обер-полицмейстере. Право, они, должно быть, в связи со всякой социальной швалью или нигилистическими подонками нашей бедной России. Подалее от них <...>.

30 марта

Сегодня я был у Персиани. Разговаривали долго. Он также возмущен всем, что теперь делается в Сербии, но он утверждает, что перемелется – мука будет. По его мнению, сербам придется страшно тяжело и скверно, но нашему влиянию – *лучше*. Россия для сербов теперь представляется и спасителем, и благодетелем, и всем, всем, потому что уклонение их в австрийскую сторону приведет их к гибели. Что Сербия стоит на краю пропасти, что Австрия стучится в двери и уже вошла, нет сомнения. Нет сомнения, что князь получил от Бонту. Сумму определяют в 3 миллиона франков. Рассказывают, что кмета Карабиберовича князь спросил, что теперь о нем говорят на Саве, т. е. сербские купцы. Карабиберович будто бы ответил, что говорят, что князь взял у Бонту взятку в 3 миллиона франков, и что если бы князь сказал купцам, что ему нужны деньги, то они бы дали ему 8.000.000 фр., лишь бы он не подписывал договора с Бонту. Князь, будто бы, покраснел как рак <...>.

Вчера был Раша Милошевич и рассказал, как было дело с уничтожением русского языка в сербской школе Учительской¹³⁶. Стоян Новакович передал в комиссию свой проект об изменениях в Учительской школе, причем курс с 4-х лет сокращался на 3 года, и русский язык, между прочим, выкидывался. Но депутаты не признали возможным сократить число лет учения и отвергли весь проект, представленный Новаковичем, сохранив русский язык. Но является тогда Новакович и стал доказывать, что русский язык нужно заменить немецким: первых, потому, что ученики, поступающие в Учительскую школу,

обыкновенно в гимназии учатся этому языку 4 года, и, следовательно, в другие 4 года они могут достигнуть хороших результатов; во-вторых, что книги русские дороги и труднодоступны. Депутаты уступили, и впредь в этом Учительском институте будет преподаваться немецкий язык вместо русского, и, следовательно, учителя народные понесут онемечение и в народ <...>. Безобразие подобное просто неслыханно, и нужно удивляться, как этот член-корреспондент Российской Академии наук Стоян Новакович, недавно получивший Станислава 2-й степени со звездой, произносивший и в Алексинаце 8 ноября прошлого года, и 19 февраля 1880 г. у Персиани на юбилее покойного государя речи об единении с русским народом, сумел найти в себе столько лицемерия и грязи, что сделал это. Значит, Новакович такой же лицемер и подлец, как масса сербской интеллигенции.

1 апреля

№ 83 «Московских ведомостей», в котором была напечатана моя статья о Бонтуовой афере*, не пропущен в Сербию сербской цензурой. Юлиан¹³⁷ писал из Москвы, что она напечатана и при ней приложено письмо Евгения Львова (Кочетова)¹³⁸ о сербах, а также о том, как отнеслись черногорцы к известию о смерти государя и горю России <...>.

4 апреля

<...> Сегодня был у меня Алимпий Васильевич. Он все рассказывает о своих связях в России, о знакомстве с Победоносцевым, Блудовой¹³⁹ и т.д. Он теперь стал вновь «државни советник»** и вновь все объясняется в любви к России. Нужно думать, что больше врет. Но несомненно, что его заслуга во введении русского языка в сербские школы велика и заслуживает полнейшего уважения. Ему все спать не дает желание раздобыть русский орден. Пусть его!

Миличевич встретил меня с Катей. Был уж что-то слишком любезен <...>. Между прочим, он делал намеки, что я болгарофил. Меня они не понимают, или не хотят понять: вся забота Сербии должна быть направлена к тесному союзу с Болгарией, — я говорил и говорю это. В этом спасение для сербов и болгар <...>.

* *Бонтуова афера* (сербск.) — афера Бонту, т. е. дело о подписании договора с компанией Э. Бонту.

** *Државни советник* (сербск.) — государственный советник (член Государственного совета).

26 апреля

<...> Чтобы не забыть: Персиани 24 мне рассказывал, что 23 числа после обеда у князя у него был первый политический разговор с князем. Он-де сказал князю так: «Я могу вам сказать от имени русского правительства, что если Сербия сделается проводником Австрии и австрийского влияния на Балканский полуостров, Россия будет ей непримиримым врагом, мы вас оставим раз и навсегда и бросим заботы о вас». Князь будто бы смолчал, но вновь давал честное слово, что ничем не обязался перед Австрией, что никаких обещаний ей не давал и т.д., и т.д. Конечно, он все лгал. В Австрии немцы смотрят на Сербию как на провинцию свою, которую австрийцы «во имя и для культуры должны подчинить своему окончательному влиянию» <...>.

29 апреля

Еще в воскресенье я получил от Кати телеграмму из Москвы. Она, слава Богу, доехала в Москву счастливо и хорошо <...>*. Третьего дня был Стоян Новакович. Что-то уж все улыбается и говорит по-русски с Макушевым <...>. Теперь не хочется ему верить, если бы и правду ясную говорил. Эти люди в политике – вралы и лгуны, а здесь министры все погружены во лжи. Интересно, кстати, заметить, что, когда Катя уезжала, пришел Миличевич провожать ее <...>. Хочет мягкостью да лаской загладить все гадости, которые против нас творятся. Трудно теперь купить меня, очень нелегко теперь я поддамся на эти удочки. Мое письмо о здешних безобразиях появилось в «Новом времени»¹⁴⁰ от 15 апреля. Номер этот не пропущен в Сербию. Сербь доискиваются, кто его писал <...>.

Моя статья в 24 № «Руси» произвела сильное впечатление здесь, хотя о ней сербы молчат. Я, конечно, не лезу с ней ни к кому, но свое мнение заявляю публично, под статьей мои буквы <...>.

25 мая

В пятницу, 22 мая, я с Макушевым ездил в Панчево¹⁴¹. Там Макушев отыскал некоего Йована Поповича, директора женской гимназии, плохо переведшего учебник русской литературы Кирпичникова¹⁴². Сей Попович, видно, боится меня, потому что, являясь к Макушеву и Черняеву, он ко мне и глаз не показывал. Попович нам указал сад, в котором мы пообе-

* Из-за болезни и смерти отца Е.Ф. Кулаковская была вынуждена срочно выехать в Москву.

дали, и познакомил с другим «Божидаром Поповичем», купцом, который бывал в России, знаком с Ламанским и многими профессорами-славистами в России. Мы с ним пошлялись по Панчеву. Этот купец оказался довольно интеллигентным человеком <...>.

Да, в Панчеве я заметил из разговора с Поповичами какое-то особое презрение к сербам здешним – Княжества. Они прямо жалуются на них и хвалят себя. Странна эта взаимная нелюбовь двух сербских племен, столь близких. Здесь на то же жаловался Виткович¹⁴³, а, с другой стороны, профессор Настас Петрович относится просто со злостью к сербам австрийским.

19 июня

В Сербии ожидали перемен от поездки князя в Петербург. Перемены не последовало никакой. Князь был с визитом у Пирочанца и пробыл у него целый час. Очевидно, расчет на то, чтобы показать Австрии, что он ее другом остался. Партия либералов с Ристичем и митрополитом во главе затевает общество, которое станет издавать газету и защищать свои партийные интересы. Эта партия хочет подоить Россию и русских.

20 июня

День празднования независимости Сербии. Сегодня был парад в городе. Утром представление князю, и я был. Княгиня подошла и спросила, собираюсь ли я уже в дорогу. Я сказал, что собираюсь уехать лишь через месяц. Заметим, что кроме офицеров, которые ездили недавно с князем в Петербург и получили ордена на шею, никто из сербов не надел русского ордена. Где причина? В том ли, что празднуется независимость сербов, в том ли, что теперь невыгодно, лучше сказать – непolitично, носить русские ордена, в виду австромании правительства. Так, профессор Докич¹⁴⁴, депутат от правительства на скупшине, был без ордена русского, который он имеет. Вечером были иллюминация и в театре представление для лиц приглашенных. Пели прескверно – больше арии из разных опер. Были две живые картины: восстание в Таково¹⁴⁵ и Ослобођење*. Картины удались прекрасно. При пении и музыке сербского гимна публика вставала. Прежде этого никогда не было <...>. Министры, почуяв и ощутив силу в руках, теперь относятся совсем иначе: они стали надменны и глупы, не то, что было прежде с ними.

Персиани – трус. Мне нужно было бы послать в Россию мой дневник, записки и газеты и пр. для будущей книги о Сербии так, чтобы цен-

* *Ослобођење* (сербск.) – освобождение.

зура ничего не отняла. Я писал об этом Попову Нилу¹⁴⁶, который отказался помочь мне тут. Обратился я к Персиани, а тот мне дал совет, чтобы я попросил Каткова или Аксакова указать какое-нибудь высокопоставленное лицо, которому он мог бы послать мои бумаги через министерство иностранных дел, например, Победоносцеву. Трусость одна! <...>

Черняев писал мне и давал разные поручения <...>. Теперь появился Коста Ристич, которому я и передал поручения Черняева. Черняев получает, вероятно, скоро назначение куда-нибудь, — это и хорошо.

Можно почти наверное предсказать, что ордена мне сербы не дадут, — и, как Макушев объясняет, потому, что недовольны тем, что я пишу в газетах русских. Пусть их! Я никогда не искал ордена и искать не буду, если Бог позволит¹⁴⁷. Но если так будет, то надобно помнить, что Новаковичу и остальной швали дали русские звезды и высокие ордена, и теперь вся эта шайка громко ругает Россию и вооружает народ против России. Я писал лишь горькую и большую правду о Сербии, писал с болью сердца и любовью к этому народу, государству и стране. «Пусть будет что будет, а будет то, что Бог даст», — как мне матушка говорила, но я считаю и считал моральной своей обязанностью писать правду отсюда, — а то слишком много лгали сербы о себе у нас и слишком много обманывали нас. Пора перестать.

Князь, приехав из России, на дороге в Белград, на пароходе, рассказывал лишь о том, как ему было приятно в Петербурге, как его встречали и пр. Государь ждал его на вокзале в императорских покоях. Князь вышел на платформу, принял почетный караул и со свитой подошел к дверям царских покоев. Государь, заметив его приближение, встал, подошел к нему и обе руки его сжал и крепко потряс. Затем, обернувшись к свите, подал каждому руку, не дожидаясь того, чтобы ему представили членов свиты. Милан получил ленту и орден Андрея Первозванного, вся его свита — ордена 2-й степени на шею. Встреча, таким образом, между царем и князем была чисто родственного характера.

22 июня

Сейчас уехал князь с княгиней в Европу, будто лечиться на водах, хотя от обоих так и пышет здоровьем. Очевидно, деньги завелись, а сидеть в Белграде действительно очень скучно <...>.

Ристич собирается уехать из Сербии, вероятно, надолго, он убежден, что правительство теперешнее рухнет со скандалом. И это вероятно. Председатель скупщины Алекса Попович, который был выбран громадным большинством в председатели народными депутатами, провалился

в родном городе *Ужицах* при выборе в *кметы*. Вместо него был выбран кандидат оппозиции из радикалов по указанию попа Милана Ђурића, действительно прекрасного оратора на скупщине. Видимо, что влияние правительства после Бонту и торгового договора с Австрией ничтожно. Люди эти действительно теперь представляются мошенниками. «Видело» от 21 июня проводит параллель между 20 июня – днем празднования независимости – и 21 июня, когда была совершена закладка железной дороги. Закладка была торжественная. Гудович¹⁴⁸ произнес речь, в качестве министра финансов, князь отвечал <...>.

Савва Сретеневич, хотя недалекий старик, но опытный, рассказывает, что *Новакович* ненавидит Аксакова и Ламанского <...>. В начале 1880 г. Ламанский писал Новаковичу и, между прочим, упомянул о том, что было бы хорошо, если бы он приехал в Петербург в качестве посла Сербии. Ему хотелось попасть в послы. Были даже соревнования и ссора между ним и Миличевичем, когда оба, придравшись к тому, что Хорватовича *как будто* не хотят в Петербурге, выступили претендентами на это место. Но после статьи моей в «Новом времени» от 15 апреля, где я рассказываю о том, как Новакович уничтожил кафедру русского языка в Учительской школе, а зять Миличевича – Ракич толковал в скупщине, что Россия хотела в 1853 г. отдать Сербию Австрии, внезапно состоялось назначение Хорватовича <...>.

Да. Князь в Петербурге заказал через Хорватовича венок на гроб царя-освободителя, приказав, чтобы был самый лучший из всех, какие уже есть. Оказалось, что венок стоит 4000 руб. Когда ему сказали, что это дорого, Милан ответил: мы довольно получили денег от России, чтобы жалеть или думать о деньгах за венок на гроб Александра II. Для вида и народа Милан со свитой становились на колени у часовни, где погиб государь, на улице? Правда ли? Иезуитизм, но выгодный и ловкий. Этот князь Милан не был в полном трауре в соборе на панихиде по государе и не присутствовал в женской церкви на панихиде, боясь слова митрополита; не было ни одного министра там же <...>.

В Учительском институте отвечали по-русски скверно (учитель Илич), в семинарии – недурно (Живоин¹⁴⁹). Мои студенты вообще отвечали недурно, язык знают, литературы тоже порядочно.

27 июня

Не рад заметить, что студенты особенно низко кланяются перед экзаменом, а после экзамена почти не кланяются – черта неблагоприятности и рабского гнета <...>.

Сегодня приходил Настас Петрович и толковал о необходимости сменить Персиани здесь, потому что он не имеет никакого влияния ни на князя, ни на министров, ни на публику. Будто бы все хохочут лишь над ним. Преувеличено, но доля правды. «Назначили бы другого, но такого, который бы мог приказывать и заправлять», – вот что Настас Петрович говорил <...>.

25 подписал я с Новаковичем новый контракт на год <...>.

1 июля

Я уже несколько раз слышал рассказы о том, что Миятовичу в Австрии дали титул *барона* и какой-то более важный и высокий *орден*¹⁵⁰. Возможно ли? Мне приходит в голову, что могут назначить поляка на мою кафедру, если я уеду. Я этого ужасно боюсь и готов из-за этого вернуться сюда. Макушев вчера уехал. Сербы за ним очень ухаживали, боясь его мнений и резких суждений: он действительно их не щадит, и они за ним поэтому ухаживают очень сильно. Он, в сущности, хороший человек и довольно высокоученый, но нервный, раздражительный и какой-то курьезный по воззрениям <...>.

Воспоминания: Миятович, отдавая первый визит Черняеву в мае 1880 г., громко толковал о том, что Ристич получил взятку от Филеля и Фреми¹⁵¹; он в этих обвинениях не стеснялся ни присутствием митрополита. Теперь же все рассказывают, что Миятович сам взял взятку от Бонту.

Однажды приезжает ко мне Черняев (в сентябре или августе прошлого года) и говорит, что Полит-Десанчич¹⁵² в Землине¹⁵³ и что он хотел бы просить меня съездить и потолковать с ним о подкупе «*Заставы*». Я отказался поехать. Оказывается, что Черняев послал Зюсмана для этой цели и дал ему на путешествие 100 червонцев. Тот сказал, будто Полит ответил, что денег «*Застава*» не возьмет, но что лучше подписаться на 200 экземпляров «*Заставы*»; и будто для этих переговоров он приехал в Землин, но переговариваться хочет или с Черняевым, или с кем-нибудь посolidнее, чем Зюсман. Зюсман требовал от Черняева еще 30 или 40 червонцев. Черняев жаловался мне, что Зюсман его обирает. Я сказал ему на это, что ему не следует давать лишь червонцев Зюсману, и тот от него отстанет. Черняев, конечно, не послушался благого совета <...>.

Накануне я был у Панты Сречковича вечером и ужинал <...>. За ужином Владимир Јованович¹⁵⁴, бывший министр, много толковал со мной и, между прочим, утверждал, что необходимо завести в Белграде русско-сербскую газету с определенным направлением в славянском духе. Он говорил, что они пришли к мысли, что сербы сами ничего не

могут сделать в дипломатии и на войне, — поэтому Россия должна взять в свои руки дипломатию и военные дела. В виду общего культурного развития русский язык должен занять первенствующее место и сделаться общим «дипломатическим». То же, еще в прошлом году, утверждал Алимпий Васильевич. Сречкович часто повторяет ту же мысль. Магдаленич всегда высказывается против единства войск и военного преобладания нашего здесь: понятно это, потому что он сам майор.

Между прочим, Сречкович высказался так: нам нужны Салоники¹⁵⁵, а если их не будет у нас, так лучше нам умереть! По-моему, в этих словах сказывается вся близорукость теперешней сербской интеллигенции, которой примириться с ролью второстепенной никак не хочется. Она слишком ничтожна по своим внутренним силам, чтобы признать себя слабой, — напротив того, почти не имея степеней, она очень самодовольна перед своим народом, который она считает неразвитым и необразованным <...>.

*Рукописное отделение Института русской литературы РАН
(Пушкинского дома). Далее — РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 1–28. Оригинал.*

Неопубликованная статья о партийной жизни в Сербии и выдвинутой радикалами программе¹⁵⁶

Белград, 30 января 1881 года.

<...> Эти названия¹⁵⁷ в сущности не дают надлежащей характеристики этим партиям, ибо обе имеют своих партизан* и в простом народе, и сербский либерал готов говорить о необходимости строгого режима, а сербский консерватор — защищать новые свободные учреждения.

Когда власть перешла в руки теперешнего министерства, возник вопрос — как назовется партия, которая стала у власти <...>. Сначала эту партию называли младо-консервативной, но теперь выяснилось новое имя для этой партии, которое, вероятно, за ней и останется в истории, а именно: прогрессивная партия.

* *Партизан* (сербск. разг.) — страстный приверженец какой-либо партии.

Рядом с этой партией выступает на поле политической борьбы и партия радикальная, которая теперь впервые проявляется как партия, как нечто целое, со своими задачами и планами.

Когда стал известен результат выборов нового состава скупщины, министерству показалось, что выборы так благоприятны ему и так однородны, что оппозиции — в настоящем смысле этого слова — и не появится. Но оно ошиблось. В среде собравшихся скупщинаров уже с самого начала резко обозначились две главные партии: одна радикальная, которая называет себя также народной — *народняци*^{*}, другая сначала носила имя правительственной или младо-консервативной партии, а теперь назвалась прогрессивной — *напредна странка*^{**}. Дело этого разграничения начато было радикалами¹⁵⁸. Депутаты скупщины устроили клубы, наподобие членов французской палаты. Таких клубов теперь два: радикальный и прогрессивный, члены их собираются в двух кофейнях, где и толкуют о делах, предстоящих решению скупщины, и уславливаются наперед, как и что примет партия в народном собрании.

8 января радикалы выпустили 1-й № своей газеты «Самоуправа», в которой напечатали программу своих желаний. Программа эта очень характерна и интересна. Основная цель стремлений радикальной партии выражена в следующем положении: развитие внутри благосостояния и свободы, а извне — освобождение и объединение всех частей сербского народа. Далее перечисляются некоторые меры, которые должны привести к вышеуказанной цели. Устав (конституция), действующая теперь, должен подлежать полному пересмотру и изменению, кроме тех параграфов, которыми Сербия устанавливается как держава монархическая и конституционная с князем из дома Обреновичей, причем престол переходит только по прямой линии, а православная вера признается господствующей. Малая скупщина должна состоять из депутатов, исключительно выбираемых народом, и должна собираться в определенный день ежегодно; Великая скупщина¹⁵⁹ должна также собираться в определенные сроки и заниматься всякий раз пересмотром Устава. Государственный Совет (теперь действительно не играющий никакой роли) должен быть уничтожен.

Теперьешнее административное деление княжества должно быть переделано и изменено так, чтобы администрация была проще и дешевле. Должны быть введены принципиальные реформы в суде. Система подаей должна быть изменена, и введен прогрессивный подоходный налог.

* *Народняци* (сербск.) — народники.

** *Напредна странка* (сербск.) — Прогрессивная партия.

Центральный банк с отделениями по уездам и округам должен заменить теперешнее финансовое устройство. Банки должны *манипулировать* всеми государственными расходами и доходами и содействовать кредиту для развития земледелия и промышленности.

Должно быть введено обязательное обучение. Количество постоянного войска должно быть уменьшено, чтобы оно только школой для обучения народного войска. Военное образование должно быть введено в высших и средних учебных заведениях.

Во внешней политике следует (по той же программе) стремиться к союзу и миру со всеми братскими соседними народами, в особенности с Черногорией и Болгарией. Следует организовать поддержку всем областям сербского племени, находящимся под чужой властью, и будить в них народное самосознание и чувство народного единства. Для сербской торговли должны быть найдены новые рынки. С Болгарией должны быть скреплены тесные связи, и сверх этого следует стремиться к полному единству Сербии и Болгарии в направлении их внешней политики и культурном развитии, которое (единство) должно отразиться в сходстве внутреннего устройства.

Далее в программе радикалы требуют полной свободы печати, свободы ассоциаций, сходов, самоуправления общин (наших волостей), личной и имущественной неприкосновенности, временной бережливости в финансах, пока не будет изменена система податей.

Под этой программой радикальной партии подписалось 38 скупщинских депутатов, а о других 38 членах сказано только, что они солидарны с программой, но не желают выставить свои имена. Интересный факт, что в числе подписавшихся под программой радикальцев 10 священников, избранных народом на скупщину. Первым подписался некто Николай Пашич¹⁶⁰, инженер, депутат города Пожареваца¹⁶¹, вождь оппозиции скупщины прошлого состава, ставший теперь вождем радикальной партии. Между подписавшимися под этой программой встречаются имена зажиточных и даже относительно богатых граждан Сербии. Программа эта дает довольно ясное представление о здешних радикалах: это крайняя либеральная партия, которая, с одной стороны, примыкает к партии правительственной, а с другой — сохранила некоторые связи с прежними сербскими социалистами. Некоторые пункты программы, как например устройство банков, в которые бы вносились все сборы с народа и чрез посредство которых правительство распоряжалось бы расходами страны, могут казаться иллюзией, которую едва ли было бы полезно осуществлять в стране, нуждающейся в сильной власти, в стране, которая ставит задачей своей политики собрать воедино все сербское племя.

Но главное, что делает подозрительной эту программу, — это то, что в ней предоставляется каждой Великой скупшине, которая должна собираться в определенные сроки, право нового пересмотра Устава, и то, что радикальная партия объявила, что она всякий раз перед новой скупщиной будет пересматривать по мере надобности и изменять свою программу. Отсюда рождается вопрос: где же определенная цель, к которой следует стремиться? Это указание на постоянное и прогрессивное развитие программы сербских радикалов заставило многих основательно заметить им, что и те пункты Устава, которые оставлены ими теперь неприкосновенными, могут быть в следующей программе объявлены подлежащими или изменению, или уничтожению. Таким образом, радикалы не указывают предела своих стремлений и желаний.

Такое громкое и ясное заявление своих стремлений со стороны радикальцев произвело неблагоприятное впечатление на правительство.

Оно увидело себя в зависимости от людей, которые требуют, может быть, слишком радикальных мер для внутреннего переустройства Сербии. Говорят, что вскоре после напечатания радикальной программы некоторые члены кабинета поспешили даже предложить радикалам занять их места и тем принять на себя ответственность за свою деятельность. Но радикальная партия, не имея еще в своей среде лиц, могущих принять на себя министерские посты, не только наотрез отказалась от этого предложения, но и успокоила кабинет уверением, что она будет поддерживать правительство во всех вопросах внутренних реформ, пока правительство останется верно своей программе.

Программа деятельности теперешнего правительства выражена в объявлении, которое издано было пред выходом газеты «Видело» в декабре 1879 г.¹⁶², и потом нашла свое отражение в тронной речи, особенно в той ее части, где говорится о внутренних реформах. Таким образом, дело, казалось, окончилось полным мирным согласием. Однако правительственная партия поспешила также сгруппироваться и также объявить число своих сторонников на скупшине. И вот в № 11 от 18 января газеты «Видело» — официального органа правительства — появилось объявление о формировании «напредне странке», т. е. прогрессивной партии¹⁶³. В своем объявлении, подписанном 119 депутатами, прогрессивная партия заявляет, что она в основу своих задач кладет программу, объявленную издателями «Видела» пред его появлением и «освященную» тронной речью 4 января 1881 г. Между подписями партии прогрессивной находится много подписей тех лиц, которые означены под радикальной программой; это отчасти характеризует некоторое сходство в стремлениях

партий и, с другой стороны, и состав самой скупщины, в которую вошло много таких лиц, которые не различают вполне ясно принципов, но видят только сходство направления обеих партий. Прогрессивная партия организует свои собрания, на которых она будет уславливаться в своей среде о действиях на скупщине, а также договариваться с партией радикальной. Председателем клуба этой партии выбран Милош Глишич, один из народных депутатов, селяк из Валева, а вице-председателям — Милан Жуньич и Любомир Калевич, бывший некогда президентом министерства. Партия прогрессивная составила из 12 членов совет, который и будет вести ее дела. В чем же заключается сущность программы прежних «виделовцев», а теперешних прогрессистов?

В объявлении «Видела» перечисляются те же требования, как заявила и радикальная партия, с той только разницей, что тут не указаны меры, которые должны быть употреблены для цели. Нет той точности в определении мер, какую мы находим в программе радикальцев*. И прогрессисты требовали тогда свободы печати, свободы сходов и ассоциаций, полную неприкосновенность личности, усиление ответственности министерства, возможности выбора в народные депутаты и людей служащих, независимости суда. О финансах сказано глухо: от финансового управления должно требовать «ясных и чистых» отчетов, поддерживать кредит земли; подати должны раскладываться правильно. Во внешней политике *виделовцы* заявили требование поддерживать единение со всеми сербскими землями и тесную связь со славянскими народами. Девизом своей внешней политики они выставили: «Восток принадлежит только восточным народам».

И в указаниях целей внешней политики радикальцы выразились яснее, хотя, быть может, сузили задачу сербских стремлений: они требуют возможно теснейшего сближения с Болгарией и Черногорией.

Каждая из действующих теперь в Сербии партий имеет свой орган печати: прогрессивная или консервативная — «Видело», радикальная — «Самоуправу», народно-либеральная — «Исток» и «Новый век», причем первая газета считается обыкновенно личным органом г. Ристича и ближайших его сотрудников, а вторая — органом важнейших членов либеральной партии. «Нови век» издается при ближайшем участии г. Стояна Бошковица, талантливого бывшего профессора Великой школы и министра народного просвещения в кабинете г. Ристича.

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 4. Л. 2–6 об. Черновик. Оригинал.

* Выделенная фраза в оригинальном тексте зачеркнута.

Письма И.С. Аксакову

№ 1

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> Теперь я уже устроился и обзавелся всем необходимым. Отношения мои с сербами хорошие: бываю я изредка у людей всех партий и направлений, и у меня кое-кто бывает, хотя иные словно боятся чего-то московского и потому, побывав раз, держатся в стороне. Здешняя молодежь, надобно признаться, плохо воспитана и плохо подготовлена, да и бедна.

С Персиани и нашей миссией я в хороших отношениях. Персиани, как все дипломаты, горячо мечтает о будущем величии России, иногда забывая принять в расчет положение нашей дипломатической деятельности в данную минуту. Он придает особый вес своему влиянию на Ристича, которое, впрочем, теперь для меня сомнительно после нескольких неудач, — например, в вопросе о разграничении в Кульском округе, в котором сербы не хотят отдать захваченной ими земли болгарам, — но он искренний и прямой человек. Он относится с живейшей симпатией к моему делу и даже просит дать ему сведения, что я бы считал нужным для дальнейшего развития этого вопроса в Сербии <...>.

Недавно у меня был некий Никандр Васильевич, иначе Зюсман, русский из жидов. Он утверждал, что он имеет письма и от Вас, что из Петербургского славянского общества ему делаются различные поручения и запросы. Он, между прочим, пишет корреспонденции в «Современные известия». Господин этот — большой нахал и, по рассказам, большой подлец. Он производил здесь весьма частые безобразия, защищаясь именем русского добровольца, писал в наши газеты всякую ерунду.

Хорошо бы предупредить Славянское общество и его покровителей (говорят, что он излюбленный человек Тертия Филиппова¹⁶⁴), чтобы Общество не маралось сношениями с ним и не давало ему поручений, подобных тому, как, например, разведать, что делает тот или другой из застрявших в Сербии русских. Сей Зюсман служит у Ристича в Correspondenz Bureau, получает дукаты и пишет все, что угодно приказать... Впрочем, это не мое дело. О Зюсмане я знаю больше по рассказам; он был у меня на днях в первый раз и показался мне чрезвычайным нахалом, большим лгуном и лицемером.

Относительно железной дороги в Ниш могу Вам сообщить, что конструируют, кажется, две русские компании. Больше об этих делах не могу писать, потому что — по уверениям многих — наши письма чита-

ются в Белграде сербами, а потом в Австрии – мадьярами. Это весьма вероятно по одному моему замечанию относительно моих писем. Вчера и сегодня упорно держится слух, что Черняев приехал в Сербию и уехал в Ниш для свидания с князем <...>.

С искренним уважением и глубоким почтением,
остаюсь Ваш покорный слуга

П. Кулаковский.

20 января 1879 г. Белград.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ).
Ф. 14. Д. 189. Л. 1 об. – 2 об. Оригинал.*

№ 2

Белград.

12 февраля 1879 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Мне вскоре представится случай переслать Вам письмо, миновав сербскую и австрийскую почты, а следовательно, и цензуры <...>. Слушаю пользаю.

В 4 месяца, прожитые мной в Белграде, я со многим здесь ознакомился: пользуясь именем русского, я стал вне всяких партий, был сам у различных лиц, относящихся друг к другу чрезвычайно враждебно, – многие (из разнообразных партий) бывают у меня запросто.

Надобно признаться, что эта внутренняя борьба, по моему мнению, служит помехой для развития Сербии, не так, как это бывает в Западной Европе; но сами сербы этого не признают и, напротив, в этом стремлении разбиться на партии видят признаки своего роста сравнительно с другими странами.

Главных партий, собственно, две: либеральная – Ристичевская, теперешнего правительства, и консервативная, лучшим и умнейшим представителем которой – Маринович.

Маринович – положительно лучший и умнейший человек из тех, которых я здесь знаю. Названия *либеральная* и *консервативная* к этим партиям, собственно, не идут, потому что Ристичевская, *либеральная*, партия во многих отношениях – чисто консервативная. Так, и князю, и Ристичу хотелось бы отделаться от контроля скупщины, и поэтому скупщина была собрана в этом году в Нише, где область находится на военном положении.

Здесь одно время все ожидали, что правительство проведет на скупщине некоторые законы, ведущие к полному уничтожению всякого значения скупщины, но эти ожидания, впрочем, не оправдались. Выборы депутатов были сделаны в самом правительственном тоне: тут не обошлись без грубых происков и приемов. Но на скупщине оказалось, что ничтожная по количеству лиц оппозиция в некоторых вопросах перетягивала на свою сторону большинство скупщины.

На скупщине долго и много рассуждали о присоединении Трнско-го округа к Сербии и кончили тем, что решили обратиться к государю с просьбой приказать болгарам отдать Софийский и Видинский округа Сербии! Вожаками этого дела были профессор здешней Великой школы Среткович, учившийся в Киеве, и некий Милош Милоевич, учившийся чуть ли не в Москве. Оба эти деятеля и патриота занимались рассказами об ужасах в Болгарии, где за одно имя *серба* русские и болгары вешают ни в чем не повинных людей и т.д. Предложение об адресе государю подписали чуть ли не первыми представители оппозиции.

Ристич, конечно, не так глуп, чтобы не понимать нелепость подобных выходок, но они ему нужны — во-первых, потому, что этим питается современный сербский шовинизм, во-вторых, потому, что подобными глупостями он унижает скупщину и играет с оппозицией. Действительно, отвлечь сербский разыгравшийся патриотизм необходимо: в сторону Боснии — не смей, от Турции — больше не добудешь, остается идти в сторону Болгарии, от которой, может быть, и удастся что-нибудь добыть <...>.

Странно и больно то, что именно люди, учившиеся в России, занимаются болгарофобией. Надобно признаться, что здесь действующие выпускники русских академий и университетов во много раз хуже тех сербов, которые учились в университетах немецких и французских школах. Где искать причин этого факта? Мне кажется, причина лежит в том, что к нам высылают учиться только таких сербов, которым иначе негде было бы учиться. В Западную Европу сербы высылают доучиваться и назначают сравнительно хорошие стипендии тем, которые не имеют своих средств, а все те, которые имеют средства, едут непременно или во Францию, или в Германию. Но таких, которые бы были посланы сербским правительством или сами отправились на свой счет в Россию учиться, кажется, совсем нет, за исключением некоторых сербских офицеров. Савва Груич, единственный профессора здешней Военной академии Магдаленич и Ђурић учились в наших военных учебных заведениях. Сербь — очень практический и эгоистичный народ; мне кажется,

следовало бы побудить министерство здешнее послать нескольких лиц, по выбору, учиться в Россию на сербский счет. Тогда бы сербы непременно выбрали бы более достойных и способных, чтобы их средства даром не пропали.

Васильевич здесь ни у кого не пользуется уважением, и это очень досадно. Его речи в Москве и Петербурге, а также речь графа Толстого — о русском языке в Сербии — произвели здесь преплохое впечатление: на меня стали иные смотреть как на какого-то обрусителя непрошеного, пришлось выслушивать и отвечать на самые курьезные вопросы, наконец, ряды слушателей в аудитории значительно поределели. И это понятно: нужно знать, как сербы страшно чутки к своему национальному и как они боятся всего чужого, чтобы спасти себя среди европейской сумятицы, чтобы не удивляться их опасениям и насчет русского языка в Сербии.

Само собой разумеется, что дело мое — есть только начало, что все еще впереди и что для сербской, как и вообще славянской научной литературы нет никакой будущности, если русский язык не сделается общим языком науки у всех славян. Это время, впрочем, по моему мнению, очень еще далеко, но вопрос об едином языке науки у всех славян — теперь на очереди <...>.

Князь и правительство были так недовольны речами Васильевича в России, что князь хотел удалить его из министерства, но Ристич указал князю, что это было бы чрезвычайно неполитично уже ввиду того, что государь дал ему аудиенцию. Что это правда, я могу ручаться, потому что мне это передавали не сербы, а наши неофициальные лица, имеющие здесь верные известия о том, что делается.

Положение теперешнего состава министерства очень непрочное: то и дело ходят слухи о выходе того или иного из министров в отставку. Ристича князь просто ненавидит, но князю больше пока не на кого опереться. Странное положение Ристича: он решительно всех вооружил против себя — за него только люди, не имеющие ни характера, ни ума, но он, бесспорно, один из самых умных людей.

Австрия все больше и больше ссорится с Сербией. Недавно она подняла пошлину на свиньи, вывозимые из Сербии, почти до *дуката* за штуку, а так как свиньи — чуть ли не единственный продукт Сербии, сбываемый в Австрии, то подобная высокая пошлина сильно отзовется на сербских финансах.

Книги, идущие из Сербии в Австрию для продажи, тоже обложены податью <...>. Это должно возвысить цену сербских книг в Австрии, уменьшить их сбыт в славянских областях Австрии и у нас увеличить

их цену, так как мы в России получаем книги из Сербии через Вену и Лейпциг. Мысль австрийских правителей понятна – они боятся влияния сербов Княжества на австрийских сербов, особенно в Боснии и Герцеговине, где теперь скупаются ловкими руками земли у спахиив*: босняки сделаются австрийской райей**, как словаки.

Наши компании железнодорожные уже конкурируют здесь. Их всего две – одна Баранова, другая Мамонтова. Кажется, возьмет верх последняя. Первая компания прислала сюда какого-то полуполяка, полурумына инженера Завадского, даже не говорящего по-русски. Другая (мамонтовская) прислала в Белград 3 русских (двух инженеров и одного архитектора). Обе компании получили от министерства иностранных дел рекомендации к Персиани, который и представит их Ристичу. Хотя железная дорога строиться будет не раньше как через год, однако можно положительно сказать, что она останется в русских руках.

У нас на Руси пользуется некоторой популярностью некая М-те Миловук¹⁶⁵, учившаяся в России и теперь директриса здешнего женского института. Ей прямо на руки присылались и присылаются значительные суммы, пожертвованные русскими из России. Но здесь эта особа пользуется предурной славой: от самых осторожных лиц я слышал, что она поживилась в свою личную пользу и от Красного Креста, некоторые запасы которого были отданы в ее распоряжение. Чай, по крайней мере, был ею распродан в свою пользу.

Недавно появившаяся статья в новосадской «Заставе», в которой обвиняют Миловук в похищении жертвованных денег из России, здесь произвела прекрасное впечатление. Затем имеется один ясный факт попытки со стороны Миловук присвоить себе около 100 дукатов из денег Красного Креста. Я передаю Вам только более основательные рассказы <...>. Как Вы, вероятно, знаете, сербы вообще падки на «злато», и потому здесь теперь постоянно ходят рассказы о том или другом поживившемся на счет Славянских обществ и русской благотворительности <...>.

Посылаю это письмо через секретаря нашей миссии – Бакунина, едущего курьером.

Свидетельствую Вам мое почтение,
остаюсь Вашим покорным слугой
П. Кулаковский.

* *Спахуја* (сербск.) – помещик, замлевладелец.

** *Раја* (сербск. ист.) – лишенное всех прав христианское население, платившее дань туркам.

P.S. Представителем Сербии в России будет Милосав Протич, хотя князю очень хотелось, чтобы им был его дядя Катарджи, который теперь с разными поручениями в Петербурге.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 189. Л. 3–8 об. Оригинал.

№ 3

Белград,
14 февраля 1879 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> Теперь уже печатается русская «Хрестоматия», составленная мною, которая, при здешней дешевизне печати, будет стоить не более 1 динара, т. е. франка, а книга будет листов в 8 печатных. Учащаяся молодежь сербская — очень бедна, да и вообще дети в сербской семье не пользуются уходом и заботами старших.

Часто сыновья богатых родителей, живущих вне Белграда, получают самые ничтожные деньги от отца, и в сильные морозы я видывал студентов, не имеющих даже оборванного пальто. Я убедился, что по этому признаку, однако, нельзя заключать, чтобы подобные бедняки имели бедных родителей. Такая самостоятельность юноши, кажется, здесь в нравах. Следовательно, книга, стоящая два или три франка, во всяком случае будет слишком дорога, между тем как здесь свою они будут иметь за один франк <...>.

Как известно, Турция заключила особый торговый договор с Австрией, в котором, чтобы насолить Сербии, определила ничтожную пошлину на австрийские товары и включила статью, по которой сербы обязываются не поднимать никогда пошлины, а между тем Австрии предоставляется делать что угодно относительно ввозимых в Сербию товаров. Это страшно злит сербов, но они вынуждены молчать. Теперь они хлопочут о заключении торгового трактата с Россией, чтобы иметь некоторый противовес в торговых связях с доброй соседкой — Швабией <...>.

Здесь, — впрочем, теперь он в Сараеве, — застрял корреспондент «Нового времени» Ровинский* — действительно прекрасный знаток южных славян, очень умный и образованный человек. Суворин, как человек наживы, теперь отказал ему в корреспондентской плате, а

* Биографические данные П.А. Ровинского см. на с. 55.

именно теперь бы и нужно следить за всем, что делается в Боснии и всюду на Балканах. Молчанов – положительно – часто врал в своих корреспонденциях, по крайней мере в письмах из Сербии, но подобные живые излагатели фантастических картин угодны и издателям газет наших, и читающей публике. Ровинский – совсем другое: он был и профессором, и писал уже много о Сербии, и долго жил здесь и изучал народ и страну <...>.

Черняев здесь (т. е. в Нише, не в Белграде, где он не был) был принят очень сухо. С одной стороны, сербское правительство хотело бы подслучиться к Австрии, которую очень боится, – и поэтому не хотело хорошим приемом Черняева напугать Швабию, с другой, сам Черняев кругом виноват. Он привез предложение какой-то железнодорожной компании, и когда Ристич ему сказал, что он воспользуется только компанией, рекомендованной правительством нашим, а таких две, то Черняев стал утверждать, что сербы не должны полагаться на наше правительство, потому что оно находится в самом шатком положении, и т.д., и т.д. Это было так неуместно, что Ристич тотчас стал заступаться за наше правительство перед русским генералом. Рассказ этот, переданный мне и русскими, и сербами, кажется, справедлив <...>.

Церкви здесь пусты (в Белграде), и можно думать, что бывающие на обедне справляют скорее обряд, чем пришли по внутренней потребности в церковь. В церкви бывают ученики учебных заведений да несколько старых людей. Курьезны эти старики здесь: мне от иных приходилось слышать, что сербы – еретики, что православие хранится только на Руси, что и азбука сербская – еретическая!

Не воскреснет ли Славянское общество в Москве? Хорошо бы требовать от приезжающих учиться в Россию сербов аттестатов об окончании курса тех или других учебных заведений и положительных рекомендаций со стороны известных лиц.

Молодежь рассказывает, что едут в Россию учиться те, которые уже ничему не хотят учиться: так, еще недавно поехали в Россию какие-то недоучившиеся гимназисты, чуть ли не исключенные из сербских учебных заведений. Такие люди и обируют, и унижают нас <...>.

Преданный Вам
П. Кулаковский.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 189. Л. 9–13 об. Оригинал.

№ 4

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> Вы знаете о перемене министерства у нас, т. е. о замене Васильевича Бошковицем. Боюсь, что Вас я ввел в обман письмом, в котором писал, что как здесь были недовольны речами Васильевича в Петербурге, которые чуть было не подали повод к его смещению. Причина, по которой Васильевич оставил министерство, следующая: он привез из Петербурга рассказы, что министры наши обещали *полную гарантию* железной дороги от Белграда до Ниша. От него потребовали письменного отчета, который он и подал. Когда же по этому поводу были затребованы из Петербурга сведения, то оказалось, что там отреклись от всех обещаний и сказали, что ничего подобного никто Васильевичу не говорил и не обещал. Тогда Васильевичу было дано понять, чтобы он подал в отставку <...>.

Место его занял, как Вы знаете, Стоян Бошкович, человек достойный во всех отношениях, которому можно бы поставить в упрек только одно — излишнюю доброту и податливость. Это отличный и разумный серб, вполне далекий от всех западнических учений о России и вполне преданный сербским интересам в их настоящем смысле. При нем следует рассчитывать на дальнейшее развитие преподавания русского языка в сербских школах.

Избавление государя от опасности отпраздновано во всех пределах Сербии очень хорошо. В Белграде в Соборе отслужен молебен в присутствии всех министров, всех чинов, множества граждан и представителей общины городской <...>. По всей Сербии служились торжественные молебны, со всех сторон ее присылались адреса, одним словом, русский человек мог ясно чувствовать, что здесь с ним всегда идут заодно, что между русскими и сербами связь очень крепка. Интересно: 24/12 апреля был праздник серебряной свадьбы Франца-Иосифа, и в здешней католической часовне на торжественном молебне был только один Ристич, по своей обязанности, и еще двое-трое, обязанных по должности, но больше *никого* из сербов. Молчаливая демонстрация! Здешнему австрийскому министру это весьма не по нутру. Я не был там, но наверное знаю.

Еще несколько слов по поводу начинающегося одного предприятия. Вчера мне Бошкович сказал, что Зюсман (Васильевич тож — он, по его словам, два раза был у Вас в Варварине¹⁶⁶) задумал устроить здесь русскую церковь в память избавления государя от опасности, что он начинает собирать деньги на это дело между сербами, что он утверждает, что нужно для этой цели со стороны сербов всего 100 дукатов, а остальное

получится из России. С Зюсманом я знаком, но видаваемся редко: это положительно шпион или нечто в этом роде. К крайнему сожалению, он один из пребывающих у митрополита, служит у Ристича и, во всяком случае, ловкий человек, втирающийся всюду. Я Бошковичу сказал прямо *мое* мнение: теперь не время строить церкви в Белграде на русские деньги <...>.

Насколько я пригляделся к здешним житейским обстоятельствам, то теперь сербы не могут много пожертвовать на это дело. Опасность может быть и деньгам, попавшим в карман Зюсмана. Мне бы хотелось знать, не имеет ли это предприятие связи с каким-нибудь московским предположением. У сербов давно задуман памятник князю Михаилу, но до сих пор ничего не могли сделать за недостатком денег. Недавно они задумали построить церковь Св. Савы, и это, право, следует им сделать, но средств вновь нет. Не будет ли бестактностью и крайней неловкостью предпринимать здесь теперь русскую церковь? Я сообщаю Вам все это, чтобы Вас посвятить в закулисную историю здешних дел. Митрополит мне раз очень плохо отрекомендовал Васильевича-Зюсмана: он назвал его прямо пройдохой, а теперь, очевидно, связался с ним и боится его как ловкого человека, всюду пролезающего.

Публичные курсы русского языка я закрыл, так как слушатели постоянно менялись и не приходили аккуратно. Лекции студентам идут своим порядком <...>.

С искренним уважением,
остаюсь Вашим покорнейшим слугой
П. Кулаковский.

Белград. 1879 г.
17 апреля.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 1–2 об. Оригинал.

№ 5

Извлечение из письма П.А. Кулаковского
от 8 мая 1879 года, для сведения*

В Белграде стремление изучать русский язык усиливается с каждым днем. Здесь теперь то и дело обращаются с просьбами о выписке русских

* Выделенное предложение написано почерком И.С. Аксакова. Оригинала письма в деле нет.

книг. Но в Белграде все еще не имеется хорошей русской библиотеки. Я писал в Петербургское славянское общество не раз о необходимости устроить ее на прочных основаниях и решительнее всего писал о том Ор.Ф. Миллеру¹⁶⁷. Но толку из этого пока не вышло никакого. Хитров*, корреспондент «Нового времени» – очень бедный малый, живущий частными уроками, – кое-что собрал и дает желающим даром русские книги для чтения. Я искал только поддержки этому доброму началу и пока ничего не мог добиться.

А причины тому были отчасти следующие. Здесь пребывает некий Зюсман, крещеный жид, Никандр Васильевич, корреспондент «Современных известий» и «Востока», служащий у Ристича в *Correspondenz bureau*, разносывающий всюду всякие новости, подбивающийся к митрополиту, архимандриту Нестору и другим более или менее важным сербам. Разведывая от них все, что удастся, он, разумеется, узнает кое-что и о них самих: так что некоторые начинают и побаиваться его, опасаясь его корреспонденций.

А между тем он завел сношения и с Петербургским славянским обществом, или, лучше сказать, с О.Ф. Миллером. Представьте себе, до чего дошла интимность этих сношений. Алимпий Васильевич на днях возмущался тем, что этому жидку-перекрещенцу петербуржцы поручали разведать причины, почему он вышел из министерства. С тех пор здесь стали рассказывать всякую всячину о Петербургском славянском обществе, пользующемся услугами таких проходимцев <...>.

О. Миллер прислал мне письмо, к коему приложены были выдержки из последних писем Зюсмана, правдивость которых петербуржцы просили проверить. Пришлось переговорить с митрополитом и архимандритом Нестором. Дело, между прочим, шло о предполагаемой русской библиотеке, которую Зюсману хочется вырвать из рук Хитрова и упрятать в городскую читальню, где она и будет погребена. Зюсман уверяет индифферентное большинство сербов, будто я хочу обрусить Сербию, а он спасает ее от моих лап, которые подосланы русофилами для гибели сербского народа.

Однако справки, наведенные у митрополита и Нестора, показали, что Зюсман выставил в своих письмах, направленных в Петербург, здешние отношения в превратном виде. Нестор дал даже письменное подтверждение тому, хотя вскоре после того, под влиянием того же Зюсмана, и пытался отказаться от своих слов. А митрополит сказал прямо:

* Имеется в виду – А.П. Хитрово. Его биографические данные на с. 245.

«Зюсман страшно нахален, надоел всем нам, но избавиться от него не можем. Он нам часто читает письма от высоких лиц из Петербурга и Москвы». Кроме того, Зюсман стал собирать между сербами деньги на построение церкви в Белграде в память избавления государя от опасности, не имея на то какого-либо разрешения. А так как многие сербы ему не доверяют, то необходимых денег собрать он не может, а только нанесет неприятность русскому имени. Словом, здесь этот человек производит только смуту.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 3–5. Оригинал.

№ 6

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> На днях Зюсман учинил новую историю: публично побил, в воротах Митрополии, одного известного здесь адвоката, неугодного некоторым людям, как Нестору, Сретковичу, которые даже оправдывают этот поступок Зюсмана. Дело это, впрочем, передано суду. Зюсман был завсегдатаем у митрополита, Нестора, Моисея; служил, а может быть, и служит в *Corresp[ondenz]-Bureau* Ристича, затесался в близкое знакомство с министрами и т.д. Тут затевалась какая-то интрига при помощи Зюсмана, но Зюсман — орудие только, механизм глубже спрятан. Будет время, Дурново пожалеет, что связался с ним <...>.

Болгарофобие только возрастает в Сербии и имеет самых горячих сторонников, к горькому сожалению, между лицами, учившимися в России. Вывод — вполне верный, печальный для нас я сделал из знакомства с белградскими деятелями: между воспитанниками русских университетов и академий — сербами нет ни одного человека, которого можно было бы назвать *ученым, образованным*, скажу более — *вполне честным* человеком.

Многие проучившиеся в России жалуются, что им сербское правительство не дает мест, *потому что* они учились в России; но право — ни одна страна, желающая себе добра, не дала бы подобным людям службы у себя. Все это или круглые невежи, или какие-то ничтожные люди. Русский язык забывают даже те, которые учились в России по 5 лет безвыездно: так, ко мне раз заходил некий о[тец] Алексей, кончивший курс в Московской духовной академии в 1868 г., и положительно не умел связать двух слов по-русски, хотя провел он 5 лет безвыездно в России.

Буду с Вами, Иван Сергеевич, откровенен, вполне веря, что это мое письмо не делается здесь известным <...>. Поэтому стану называть

лица главных болгарофобов – орудий господствующей партии.

Среткович, воспитывавшийся в Киеве, преподает в Великой школе сербскую историю, но это круглый невежа, и про него рассказываются удивительно комичные анекдоты. Он ищет пределов Сербии у Эгея и далеко за Видином. Боснию и Герцеговину забыл сербский историк в угоду Ристичу, который теперь извертывается во все стороны по весьма многим причинам.

Милош Милоевич, учившийся в Москве, проповедует крайний сербский шовинизм и крайнюю вражду к болгарам. Из ненависти или злобы к Болгарии он стал злобно относиться и к России. Несмотря на то, что он знает по-русски, он не говорит по-русски. Лично я его не знаю, но имею верные сведения о нем. Правительство подобного человека назначает не только своим посланником в скупщине, но даже посылает осматривать школы во вновь присоединенных к Сербии краях, т. е. особенно в сторону Болгарии, где происходит размежевание. В сербской науке Милоевич известен особенно книгой: «Одломци» из истории югославян, в которой он ищет земель сербских у пределов Китая <...>, и собранием народных песен, в которых он подделал язык с целью сербского квасного патриота. И Среткович, и Милоевич – теперь замечательные деятели! Бесспорно умный, государственный человек Ристич пользуется этими ничтожными по образованию и маленькими по нравственности людьми для темных целей, и стыдно делается за сербов, учившихся в России.

Духовные лица, как арх[имандрит] Нестор, еп[ископ] Моисей, прот[оиерей] Павлович и даже митрополит – действительно хитрецы и интриганы. Нестор еще лучше других, потому что, благодаря грубоватой натуре, у него первые душевные движения бывают прямы и честны. Но именно на примере Нестора мне пришлось изведать сербскую бесхарактерность и трусость.

Орест Миллер задал мне от имени Слав[янского] общ[ества] вопрос, правду ли писал в *Слав[янское] общ[ество]* Зюсман, что он, *Зюсман*, *выхлопотал для предполагаемой русской библиотеки зал и прочее* даром, и что за целость ее ручается арх[имандрит] Нестор. Я пошел и спросил Нестора. Тот сам вызвался дать расписку, что Зюсман *все налгал*, но когда расписка Нестора была уже отослана в Петербург, Нестор письменно просил отослать ему расписку обратно, объясняя, что она им выдана по недоразумению или неосторожности, а затем на следующий день был у меня и опять объяснил, что Зюсман все налгал о библиотеке в *Слав[янское] общ[ество]*! Митрополит, конечно, благодаря своему положению, выше остальных, но он действовал все время двулично: меня шепотом, на ухо, убеждал угово-

рить Персиани, чтобы он потребовал у Ристича высылки Зюсмана, который ему надоел нахальством (от этого поручения я отказался), а потом вновь принимал Зюсмана как приятеля и друга и т.д.

Между учившимися в России бесспорно лучший – *Алимпий Васильевич*, но он не пользуется здесь никаким уважением, лишен всякого такта и всяких познаний.

О военных людях, учившихся в России, я не стану говорить, но они лучше. Так, например, Савва Груич – весьма почтенная личность.

В противоположность тем лицам, о которых я говорил выше, выдвигаются своим образованием, наукой и даже несколько большим характером люди, ходившие учиться на Запад. Больно все это русской душе, но перед фактами глаза не для чего закрывать. Причина того, что сербы, учившиеся в России, не принесли с собой ни науки, ни характера, по моему мнению, лежит прежде всего в нашей заботливости скорее воспитать как-нибудь серба, чтобы он спешил на родину дело делать. Вторых, сербы посылали в Европу учиться более способных, талантливых, не желая даром тратить деньги свои; в России же только военные и изредка медики воспитывались на сербский счет, – а в громадном большинстве сплавлялось в Россию все исключенное или признанное негодным для Европы или сербских школ. Сами сербы – воспитанники русских университетов рассказывают дива про некоторых своих соотечественников и коллег. Следовало бы как-нибудь дать понять сербам, чтобы они посылали в Россию и на *свой* счет молодежь «для усовершенствования в науках». С Стояном Бошковицем, теперешним министром, я уже говорил раз об этом, и он хочет двух будущих профессоров послать на год в Россию. Впрочем, все это до сих пор – слова.

Я старался этот год держаться особенно близко с людьми, учившимися в России, тем более что они близки к правительству, а оно, мне кажется, союзное для России. И митрополит, и Моисей, и Нестор, и Среткович, и Васильевич чаще всего бывали у меня, и я – у них. С самого начала я, благодаря своему положению, был поставлен так, что принужден был вступить в ближайшее знакомство с лицами верховными в стране. Хотя я с самого начала поставил себе задачей всюду, где только возможно, дать понять, что я не имею ровно никакого политического значения, однако не мог избавиться от подозрения, что я один из агентов нашего правительства. Впрочем, всякий русский всюду в славянских землях имеет особенное значение. Это знаю я по опыту.

С другой стороны, отсутствие такта со стороны Васильевича при моем назначении на кафедру в Великую школу было виной того, что

я казался сербам в самом начале подозрительным. Васильевич не соблюдал обычных правил при учреждении кафедры русского языка и литературы, и профессора вначале видели во мне им навязанного человека. Теперь все это перемололось, и я со всеми хорош, у многих бываю, многие бывают у нас, с некоторыми из профессоров завязались приятельские связи.

Мне было понятно отчасти мое положение, и когда мне слишком часто задавались вопросы: когда начнете лекции, я почувствовал, что нечего медлить, и, через несколько дней после переезда из гостиницы на квартиру, прочел первую лекцию по-русски, перевод которой, почти целиком исправленный Миличевичем, я послал на днях Вам. Тогда же решил я, что следует этот год употребить на то, чтобы доказать, что я приехал не *«русить»* сербов, а учить желающих, что русский профессор может преподавать науку, а не проводить политику на лекциях, и т.д. Кстати, однажды Новакович мне сказал: «Если бы мы не знали русских людей, не видели их науки, то по нашим сербам, учившимся в России, могли бы составить себе страшно скверное представление о науке и людях России», и я не мог не согласиться с этим.

Открылись тогда два курса, как я Вам писал. Филологам (их всего 15 человек) продолжаю читать русскую грамматику сравнительно со старославянской, собственн[о] этимологию. Мои филологи, как оказалось, не имеют даже понятия о грамматических терминах — я, конечно, упростил преподавание. Для упражнения перевожу с русского на сербский «Капитанскую дочку» с моими студентами. Второй курс, публичный (для всех желающих), кончился неудачей: во 2 семестре пришлось взять для него очень поздние часы, от 6 до 7, когда здесь обыкновенно ужинают. Слушатели представляли разношерстную толпу и постоянно менялись <...>. Видя, что слушатели продолжают меняться, я потребовал, чтобы желающие записались и обязались ходить на лекции аккуратно; если бы набралось таких 10 человек, я бы продолжал курс, но десяти не набралось, и я прекратил публичные лекции. Этот год был, так сказать, пробный. Как всегда бывает у славян, так и здесь было: по совершенно частным сведениям, между молодежью кем-то был пущен слух, что правительство русское меня прислало русить сербов и т.д.

В будущем году предполагаю для старших курсов читать лекции по истории русской литературы, начиная с 17 века, так как Новакович читает народную сербскую, причем часто обращается и к русской, и древнюю литературы. Сербское студенчество решительно ничего не слышит и не знает о нашей литературе со времен Петра. Для млад-

шего курса думаю читать лекции русского языка, оставив в стороне старослав[янский]. Кроме этого, вновь попытаюсь устроить публичные лекции, но в этот раз поступлю круче и практичнее и потребую от слушателей аккуратного посещения лекций. Здешняя молодежь слишком много времени тратит на кафаны и плохо дисциплинирована. Вот Вам мои планы на будущий год.

Дикая мысль, что Россия хочет поглотить балканских славян, действительно высказывается очень часто, и, скажу по правде, чаще всего слышится от учившихся в России. Даже арх[имандрит] Дучич, бесспорно умный и хороший человек, доказывал мне, что Россия никогда бы не вышла из Болгарии, если бы того не потребовали европейские державы! А когда я сюда приехал, то это слышалось повсюду в «сербской интеллигенции». Подобных дураков, конечно, ничем не разуверишь, да и не стоит труда разуверять <...>.

Что касается вопроса о компании железнодорожной, то, по моему мнению, Мамонтов и Рукавишников, которого я знаю, плохо поступили, что не оставили никого из своих агентов сторожить здесь дела. Компания Баранова, также указанная Гирсом, как и компания Мамонтова, держит здесь всю зиму своего агента, поляка-румына Завадского, который всюду входит, все разнюхивает и разведывает. В делах подобного сорта здесь нужны подобные люди. Завадский – хороший инженер, человек образованный, ловкий и бывалый, и вдобавок – хитрый, как поляк. Можно бояться, что и тут надувают нас австрийцы. Просто не мешало бы кому-нибудь из инженеров мамонтовской компании приехать сюда, следить, вести знакомства и собирать полезные данные по разным областям практики. С экономической стороны Сербия для нас, русских, – *terra incognita**.

Что касается наших дипломатов в Сербии, то они хороши. Персиани – горячий поклонник русского влияния на славян, поклонник славянской идеи, и всем, что касается Сербии, очень интересуется. Конечно, он все-таки чиновник петербургский, но благородство и прямота ставят, по моему мнению, его выше многих лиц подобного сорта. Всякая неудача политическая России его страшно бесит. Все, что касается Сербии <...>, его глубоко интересует. Он готов на всякую инициативу добрую. Нужно заметить еще и то, что приказания из Петербурга почти всегда неясны, несистематичны, полны противоречий.

Ко мне и к тому делу, ради которого я приехал сюда, он относится в высшей степени сочувственно. Секретарем у него Бакунин, еще молодой

* *Terra incognita* (лат.) – неизведанная земля.

человек, который, впрочем, старается основательно познакомиться и с историей, и с настоящим положением Сербии. Положение здешнего представителя России, по-моему, самое боевое, ввиду занятия Боснии и Герцеговины Австрией, ввиду нашего сонливого состояния в верхних слоях дипломатического сословия и старческого одряхления канцлера <...>.

Я действительно собираюсь поехать на июль и август внутрь Сербии и проехаться по Болгарии. Считаю не только нужным это сделать, но даже своей обязанностью пред русским правительством, давшим мне возможность стать здесь независимо. Нет ничего хуже, как зависеть от правительства, подобного сербскому в данное время, а моя командировка дала мне возможность стоять особняком и никому не кланяться.

Сербы – вообще до излишества практичны, и эта их черта тяжело бы отозвалась всякому иноземцу в их службе. Примеров имею много. Правительство теперешнее все более и более теряет популярность, мне приходилось не раз слышать фразу: «Ристича ждет суд народный», – и это верно. Много рассказывают про его самовластие, насилие над правом, насилие над личностью и т.д. Недавно держался упорный слух, что в Чумича¹⁶⁸, сидящего в тюрьме, стрелял подосланный убийца, но не убил. Топольское дело¹⁶⁹ очень темное, и до сих пор никто не знает толково, за что был не расстрелян, а убит Ефрем Маркович¹⁷⁰. Государь прислал тогда выговор князю и этим спас Чумича и некоторых других от подобной участи¹⁷¹. В убийстве Ефрема Марковича винят, впрочем, не Ристича, но Косту Протича, теперь полномочного при князе Милане, который и сам ненавидит Ристича. Правительство здесь все на интригах построено.

Назначение Милосава Протича в послы к русскому двору сербам очень не нравится. Его здесь называют просто дураком. Но оно удобно для Ристича и, говорят, митрополита, по одной грязной причине. Мариновича хотели бы назначить в Вену или Париж, но старик ни за что не хочет идти с визитом к Ристичу, которого он ненавидит, а тот не хочет ему без этого предложить места. Несмотря на свой опыт и свое деловое прошлое, едва ли бы Маринович годился теперь на место, где требуется энергия. Сербия теперь нуждается именно в людях боевых, и потому Ристич, несмотря на полное азиатство своего характера и души, на излишество хитрости и пренебрежение средствами, – лишь бы они вели к цели, – годится для своего места вполне.

Таможенный союз Сербии с Австрией, о котором мечтают в Вене, разбит окончательно, и тут Сербия спаслась, чуть ли не единственно благодаря Ристичу.

Хлопотал я в Петербургском славянском обществе о регулировании вопроса о русской библиотеке в Белграде и ничего не достиг ясного и решительного: виной этому отчасти Зюсман, с которым, по странной глупости, кто-то из членов Петерб[ургского] слав[янского] общ[ества] вел интимную переписку по всяким делам, отчасти недостаток средств в Обществе. Но это дело начато, и я всякими путями буду пробовать его устроить и присоединю к нему еще вопрос о выписке книг и журналов из России, т. е. о книжной агентуре. Довольно уже переплачивать двойные дукаты за комиссию в Лейпциг и Вену <...>.

Моя жена — Екатерина Федоровна — отвезет это письмо Вам, равно как и письмо Васильевича. Он от Вас ждет писем; я ему сказал, что Вы, вероятно, не писали ему, не желая подвергаться австрийской цензуре. Алимбие Васильевич особенно стал чуток к прежним связям и к переписке после того, как потерял место в министерстве, — это и естественно.

Стоян Бошкович — очень хороший человек: правый *србин** и обладающий убеждениями. Один грех водится за ним — это излишняя податливость и шатость мнений и слабость характера. О всяком он отзывается хорошо, и хотел бы всякого оправдать, всякому помочь. Не думаю, чтобы он долго продержался в этом министерстве. Он задумал преобразовать Великую школу в университет и к этому теперь ведет дело. Если ему удастся докончить начатое, то это будет факт, весьма важный в жизни южных славян. Теперь много сербов и болгар направляется в Загреб, а там Штрессмайер¹⁷² ловко их преобразовывает посредством своих друзей в своих адептов; а при существовании университета в Белграде они направляются сюда. На медицинский факультет в Белграде пожертвована довольно значительная сумма недавно умершим Коларцем¹⁷³.

Очень благодарен Вам за Ваше указание на вопрос, чрезвычайно интересный и для меня. До сих пор я думал не совсем так, как Вы, о чувстве *родины* у сербов. Впрочем, *с народом* я сталкивался очень мало. Путешествуя по стране, я обращаю на многое внимание <...>.

До свидания. Искренно и глубоко Вас уважающий
П. Кулаковский.

31 мая 1879 года.
г. Белград.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 6–12 об. Оригинал.

* От сербск. *прави србин* — настоящий серб.

№ 7

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> Стоян Бошковиц назначил меня официально депутатом на экзаменах русского языка в тех учебных заведениях, где он преподается. Как бы там ни было, дело это начато, хотя, конечно, успехи слабы. Надобно помнить, что здесь нет ни грамматики, ни хрестоматии, ни словаря. Скоро выйдет из печати моя первая проба хрестоматии, чтобы заткнуть первую необходимость для Великой школы <...>.

До свидания. С искренним почтением остаюсь

П. Кулаковский.

1879. 14 июня. Белград.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 17. Оригинал.

№ 8

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Получив Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о желании старика Пекарского добыть сведения о сыне, я отправился к Персиани и сказал ему. Оказалось, что у него уже лежит просьба Пекарского. Разведывал я у Зибольд¹⁷⁴, которая теперь уехала на несколько дней в Москву, — но оказалось, что она никакого Пекарского не лечила. В Женском дружестве от m-me Миловук, которая в нем председательствует, я тоже ничего не узнал, так как все списки переданы в Военное министерство, в Санитетское отделение. Я отправился туда и, благодаря др. Машин, меня пустили рыться в списках. Там списки только теперь приводятся в порядок. По всему видно, что первая война была пробная, и еще не хорошо умели вести порядок в больницах. Мне обещано, что на отношение Персиани ответят после тщательных справок.

Я нашел только имя *Петра* Пекарского, раненого (или доставленного в больницу) 25 сентября 1876 г. и выпущенного оттуда 28 сентября. Этот Петр Пекарский был студент Петерб[ургского] унив[ерситета].

Странно то, что на многочисленные запросы, шедшие через Персиани, получался один ответ всегда: «Черняев увез с собой все архивы о русских добровольцах и передал в Петерб[ургское] слав[янское] общество». А оказалось, что есть же кое-какие сведения и здесь. Правда, *вероятно*, много списков — больничных и пр. — попало в Россию, но все же и здесь имеется кое-что. Теперь один чиновник специально занимается тем, что выписывает все имена умирших в первой войне <...>.

В воскресенье еду через Сербию в Софию, побываю кое-где и в монастырях, и в селах, в Нише представляюсь князю по обязанности <...>.

Посылаю Хрестоматию русскую для сербских студентов мою.

С полным уважением и преданностью
остаюсь Ваш П. Кулаковский

В Москве буду около половины августа.

Белград. 1879. 6 июля.

Экзамен русского языка в Великой школе был очень хорош. Стоян Новакович меня благодарил за *сербских* студентов.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 18–19. Оригинал.

№ 9

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> М.Г. Черняев уехал на некоторое время в Париж. Хотя имеются данные, что его предложения о постройке железной дороги в конце концов одержат победу, однако пока ничего не видно утешительного для него. Комиссия, измышленная Ристичем, пришла большинством 3 голосов (11 – за, 8 – против) к решению, что нужно отдать и эксплуатацию в чужие руки, в руки компании, чего и желалось некоторым правительственным лицам, а это равносильно поражению Сербии. Едва ли все пройдет так спокойно на скупщине, если только успеют депутаты прийти к какому-нибудь убеждению. Впрочем, пусть делают сербы что хотят с собою: с громадными притязаниями, ничтожными силами, мелким эгоизмом все равно долго жить нельзя народу, сохраняя свою независимость <...>.

У меня к Вам просьба. 4 студента 2-го курса Великой школы Филол[огического] факультета просятся в Россию, в русские университеты: Прокић, Милојевић, Ђирић и Вучковић. И один кончающий курс в Учительской школе Глушковић*. Все они способные и трудолюбивые люди и мало похожи на тех, которых у нас тьма из Сербии <...>. В будущем году кончается мой срок командировки сюда, и хотя я готов остаться еще некоторое время здесь, если командировка за мной будет сохранена, но надобно же подумать о заместителе мне по кафедре из сербов. Кандидатов, таких, которые бы занимались русским и славянскими языками и которым бы я мог со спокойной совестью передать кафедру, – нет между

* П.А. Кулаковский ошибается в фамилии. Речь идет об Окице Глушчевиче.

сербами. Был один – *Остоич*, учившийся в Петербурге, но вернулся в чахотке и умер в апреле текущего года <...>.

Персиани переслал дела все в Азиатский Департамент, откуда ответ все еще не приходит. Тогда я обратился с вопросом в Петербургское Славянское общество, и Бестужев-Рюмин¹⁷⁵ ответил очень благоприятно: одного из указанных лиц принимает Петербургское славянское общество на свой счет, и довольствуется одной лишь рекомендацией, и согласно на мой выбор. Вот, в случае если я не получу благоприятного ответа через Персиани из Азиатского департамента, нельзя ли мне рассчитывать и на Москву – для другого <...>.

Покорнейше прошу, многоуважаемый Иван Сергеевич, помочь мне в этом: довольно воспитывалось всякой сербской дряни в наших университетах и академиях и, возвратившись сюда, роняло достоинство русского образования, проповедуя болгарофобство, сербизм до стен Царьграда, кичась своим народным развитием перед Россией и указывая на свою бумажную конституцию как на великий образец цивилизации. Надобно же, чтобы завелись в Сербии действительно ученые русские воспитанники – действительно даровитые. А то пока – один митрополит да два-три человека с образованием, а остальное, право, – ничтожество, которое умеет только клеветать на Россию в «Истоке» да «Востоке» да унижается перед сильными сего мира.

Мой прошлогодний отчет о преподавании русского языка в Сербии, затребованный из России через Персиани, появился в майской книжке «Журнала министерства народного просвещения» без моей подписи, против моей воли и не знаю – по чьей недогадливости. Он очень мягок в отзывах, но и то показался оскорбительным для многих сербов. Я не считал себя достойным отрицать, что я его писал, когда меня об этом спрашивали. Были у меня столкновения из-за него <...>.

Борьба партий сильно обострилась. Так как оппозиция слилась в одну, то и в органе оппозиции попадают невероятные глупости <...>.

Признаюсь, подчас бывает уж очень тяжело и скучно здесь. Если бы не дело, которому я даю важное значение, и не работа, то душно было бы здесь <...>.

С искренним и глубоким почтением,
весь Ваш П. Кулаковский.
1880 г. 19 июня. Белград <...>.

P.S. Я окончил уже письмо, когда сообразил, что забыл Вам написать об одной очень важной вещи. Черняев задумал строить памятник

погибшим русским добровольцам. Памятник будет поставлен вблизи Алексинаца, недалеко от Джуниса, – место будет выбрано на одной из гор. Стоить он будет от 5000 до 6000 франков. Черняев говорит, что он поставит его на свой счет, а после, – если возможно, – пусть возвратят ему издержки. Признаюсь, мне жаль стало Черняева, который не имеет средств и будет их лишен совершенно, если не удастся ему концессия <...>. Как Вы думаете, Иван Сергеевич, если бы предложить некоторым из членов бывшего Славянского общества в Москве подписку, а также сообщить в Петербург, в Общество, – не собралась ли бы достаточная сумма для памятника? Франков по 20 всякий бы дал охотно, а тогда бы мы все могли с правом сказать, что помним о смелых борцах, не посрамивших имя русское среди бегунцев и проливших кровь свою за родное племя.

Когда построен будет памятник, можно было бы передать деньги Черняеву, а надпись [неразб. – А. Ш.]: «*Сооружен русскими*» – или нечто подобное. Эта надпись необходима, потому что пройдут года, и начнется сербская похвальба, как теперь она не диво о временах 1876 года. В Белграде между русскими соберем франков до 200, не больше <...>. Памятник будет окончен к сентябрю или октябрю, не раньше.

Мне кажется, мысль Черняева о памятнике имеет свое значение и должна быть поддержана. В самом деле, сербы, словно стыдясь, хотят стереть воспоминания о нашем добром деле, выставляя на вид все, что может нас конфузить, например, кутежи и дебоши разных добровольцев, застрывших в Белграде.

Весь Ваш
П. Кулаковский.

ОР РНБ. Ф. 14. Д. 189. Л. 16–20 об. Оригинал.

№ 10

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Виноват я перед Вами, что до сих пор не отозвался на присланное Вами объявление о Вашем издании «Русь» <...>.

Здесь газеты напечатают, наверное, Ваше объявление – раз, потому, что здесь очень заинтересована публика Вашей газетой, во-вторых, потому, что теперь павшая и вступившая во власть партии изо всех сил стараются доказать теперь, что они чисты в своих симпатиях и делах, что они *народны*, а следовательно – русские и против Австрии. Все это

делается смешно, если всех видеть и знать, но глубоко характерно: народ терпит только правительство, которое идет против Австрии и «слушает-ся русского царя», как выражаются селяки <...>.

В свое двухлетнее пребывание в Сербии я *почти* убедился, что для русской политики и для России все равно, кто бы руководил делами Сербии: будут ли то предводители так называемой народно-либеральной партии (понимай – совсем не либеральной) или партии консерваторов, которая с нежностью поглядывает на Европу и так усердно следит, что говорит этот болтун Гамбетта¹⁷⁶, видя в каждом его слове мудрость неизреченную.

Между лицами, вошедшими в кабинет, я знаю четырех – Пирочанца, Лешанина, Новаковича и Миятовича. С Новаковичем я даже довольно близок. Недавно он обратился ко мне в дружеском разговоре с вопросом, как, по моему мнению, посмотрит русское общество и правительство на их министерство. Я сказал, что в России из этих министров знают Лешанина как человека глупого и плохого генерала. Миятович известен как западник, а третий, известный русским, он сам – Новакович, которого я не считаю западником. Новакович заметил, что о Лешанине неправильное представление, с другой стороны, военный министр не играет никакой роли самостоятельной, ибо сам князь усердно занимается военными делами, и военный министр, в сущности, только исполнитель его повелений.

О Миятовиче Новакович отозвался как о западнике – дома (он женат на англичанке) и в науке, но не в политике. «Верьте мне, – продолжил Новакович, – Миятович так же, как все мы, думает, что с Австрией, да и вообще со всей Западной Европой, мы сладить не можем». Эти слова я передал приблизительно. Мысль – та же.

Из Пирочанца партия консервативная хочет выработать человека, который бы мог быть представителем таким, как Ристич и Маринович. Пирочанец – человек довольно умный, страшно честолюбивый и самолюбивый, горячий в речах и разговоре. Мое знакомство с ним произошло у Дучича года полтора тому назад. Он тогда вздумал упрекать Россию за то, что она хлопочет уладить свои дела на азиатском Востоке и забывает о Сербии. Я, конечно, сильно поспорил тут: меня брало зло, что всякий серб кладет на Россию какую-то особую обязанность заботиться о Сербии до забвения своих интересов, своих дел, а в то же время Сербии предоставляется право, по мнению сербов, нисколько не думать, чтобы ее интересы были подчинены или прилажены к интересам России. Тут присутствовало еще несколько лиц из видных сербов, и я тогда слышал

от них, что Россия не вышла бы никогда из Болгарии, если бы Европа не заставила выйти. Sic!

Гудович, министр путей сообщения, – зять известного Стевчи Михайловича¹⁷⁷, который сильно разошелся с Ристичем в последнее время и сблизился с оппозицией, теперь взявшей верх. Стевча этот – простой сербский ум, который не лишен и хитрости, но на вещи смотрит Стевча (ему более 70 лет) как всякий серб-селяк: эту характеристику нужно понимать в самом лучшем смысле для него.

Милутин Гарашанин – сын Илии Гарашанина, гонимый Ристичем и потому личный враг Ристича. Это молодой человек лет 35, говорят, способный и дельный. Я видел его только однажды у Мариновича. Своего суждения о нем не имею. Учился он в Париже, в военной школе. Сторонники Ристича его ненавидят больше, чем кого-либо из теперешних министров <...>.

У нас, в Белграде, один русский, А.Л. Мураневич, приехавший сюда по делам железнодорожным, страстный любитель церковного пения и хороший знаток его, составил хор из сербских мальчиков и научил их петь. Труда он положил очень много, конечно, вполне безвозмездно. Замечательная черта русского характера: он внес столько любви в это дело, что сумел победить множество препятствий и вынести множество интриг. Сербское духовенство, за исключением митрополита да ректора – архимандрита Нестора, отнеслось просто враждебно к делу Мураневича. Черняев поддерживает всякими способами это дело, и, по признанию Мураневича, единственно эта поддержка дала ему возможность преодолеть интриги. Но и теперь Мураневичу продолжают мешать, так что, вероятно, это дело, после отъезда Мураневича, само собой уничтожится, и в сербском соборе по-прежнему будут реветь.

Белград. 1880. 24 октября.

Вам искренно преданный
П. Кулаковский.

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 7 об. – 9 об. Оригинал.

№ 11

1880 года, 27 ноября. Белград.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> Я должен Вам сказать следующее: тут рассказывается (и имеются положительные основания), что князь, вернувшись из поездки в

Австрию и Германию, после свидания с австрийским и германским императорами, потребовал от Ристича согласия на требования Австрии в торговом вопросе. Ристич отказал в своей согласии, и все его министерство подало князю записку весьма острого характера, в которой указывало, что должен и чего не должен делать князь. Эту склонность к Австрии со стороны князя объясняют иные очень грубо: просто звенящим металлом. Но для истины я должен признаться — я положительно не вижу еще явных следов этой особенной благонаклонности правительства к Австрии.

Стремление подойти к Австрии и с ней завязать всякие связи было более ощутительно в некоторые моменты правления Ристичу. Это я испытал и видел во время межевания Болгарии и Сербии, заключения железнодорожной конвенции и в нескольких других случаях.

Рассказывают — и опять-таки авторитетно, — что князь обещал Австрии распустить две скупщины, если они не будут согласны* австрийский торговый договор. Но что касается торгового договора австро-сербского, то еще никто не знает, в чем он будет состоять, а также чем он будет сопровождать. «Снявши голову, по волосам не плачут» — и после Берлинского конгресса нам следует многое писать на свой счет в славянских делах <...>.

Черняев еще здесь. Проектов или своих дел он все не представляет. Тут я решительно ничего не понимаю. Правительство новое относится к нему с большим уважением: прежнее министерство ухаживало вначале, а потом обращалось с ним просто неприлично.

В начале лета сюда приезжал В.В. Стасов и говорил митрополиту, что хорошо бы добыть из Фрушкой Горы (в Австрии), из монастыря Великой Реметы, знаменитый портрет Петра Великого. После об этом писал митрополиту К.П. Победоносцев. Теперь портрет добыт и послан митрополитом — через кого, Вы думаете? Через того же *Зюсмана*!! Он повез письмо к Победоносцеву и, кажется, к государю, так как портрет этот предполагается поднести государю. И ведь в то же время — чуть ли не в один день — поехал в Россию и Милосав Протич, посол Сербии! Опять ничего не понимаю в этих штуках <...>.

С искренним и глубоким уважением остаюсь
Ваш П. Кулаковский.

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 10 об. — 11 об. Оригинал.

* В тексте пропущено слово. По смыслу — *принять, одобрить*.

№ 12

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> Мое первое письмо в «Руси» произвело здесь сенсацию: официальный орган, к моему удивлению, перевел его и перепечатал, а так называемые «ристичевцы» стали доискиваться, кто его писал. Здесь чрезвычайно дорожат мнением русских газет, и имя «австрийского министерства», данное новому кабинету некоторыми из наших газет, в особенности слухи, распускаемые «Востоком», здесь весьма распространенным и верно служившим Ристичу, сильно беспокоят здешнюю публику. Не раз мне жаловались на ложь статей «Востока», и в них действительно много нахальной и беззастенчивой лжи. Оно, впрочем, и неудивительно: в «Востоке» сочинял Зюсман, который получал здесь жалованье из ристичева Press-bureau и которому отказано теперь в деньгах.

Времена здесь теперь тревожные. Белград наполнен сплетнями и слухами <...>. Так, недавно здесь стали рассказывать, что три министра сербских и Герберт, австрийский посланник, хотят выгнать митрополита. Стоян Новакович – министр просвещения и церковных дел, уверяет меня, что это ложь, и рассказал историю своих отношений к митрополиту.

Лет 6–7 тому назад Новакович был министром, и тогда у него было столкновение с митрополитом, которое, однако, благополучно разрешилось; но теперь он в самых лучших отношениях к Михаилу. Митрополит, который был в ссоре с Гарашанином, известным сербским деятелем, недоволен или, лучше сказать, боится этого министерства. Это, кажется, и причина, почему распускаются такие нелепые слухи. Митрополит Михаил, несмотря на некоторые недостатки своего характера, все-таки лучший серб здесь и всего старательнее блюдет связи с Россией.

Чтобы Вам осветить отношение нашей политики к Сербии, скажу, что на вопросы Персиани из Петербурга был ответ: поступайте относительно соседки как можно осторожнее! Значит, вновь трусим! Когда же, наконец, мы перестанем идти в хвосте германской политики и свиты князя Бисмарка? Отсюда, конечно, возникает уменьшение нашего влияния в Сербии и та беспомощность сербской политики, которая побуждает сербов искать определенных, хотя бы и с ущербом для себя, договоров с Австрией. Впрочем, здесь в Сербии нет готовой почвы для славянской – в более широком смысле – политики: *шумадийство* – отличительная черта патриотизма партии павшего правительства, а *новая* партия (потому что она мало имеет родства со *старыми* консервативцами и отказывается от Мариновича), в сущности, сама еще не определила, как

следует ей относиться к задаче объединения сербов. Обе те партии заражены особым грехом сербов — *човечанством*.

Скажу искренно: в 1879 г., во время разгара сербской ссоры с болгарами, я не раз слышал от сторонников Ристича, что, — быть может, — было бы выгоднее сербам, «ввиду явного предпочтения Россией болгар», объединиться с Австрией и подчиниться ей добровольно, чем ждать, когда она займет самую Сербию; от членов тогдашней оппозиции мне никогда не приходилось слышать ничего подобного. Вскоре после отставки Ристича приходит ко мне один приятель из его крайних сторонников и говорит — нельзя ли похлопотать в России, чтобы дали денег на основание в Белграде одной газеты славяно-русского характера, причем статьи должны печататься на тех славянских языках, на которых они написаны их авторами. Я не выдержал и рассмеялся: ведь во всем этом так неловко скрыта только надежда, нельзя ли с помощью русских вернуть Ристича. Тут просто был расчет добыть деньги из России для поддержания своей партии. В данный момент кем-то пущен нелепый слух, будто Славянское общество дало 50.000 руб. Ристичу для того, чтобы он низверг теперешнее правительство, и эта нелепица находит верующих.

Меня почему-то часто здесь допрашивают: как смотрит русское общество и особенно «русские прваки*», т. е. вожди, т. е. Вы, на стремление сербов устроиться внутри на свой образец, развить самоуправление, подмывая при этом власть и значение князя. Я отвечал, что, насколько знаю русское мнение, — русским и дела нет до того, как «вы устроитесь внутри, но для русских будет больно, если вы попадете в руки Австрии или рассоритесь окончательно с болгарами» <...>.

Скупщина состоит целиком из элементов, враждебных Ристичу и прежнему правительству, за весьма небольшим исключением. Радикальная партия, которая, как уверяют, имеет 50–60 голосов, будет идти с правительством в вопросах о внутренних реформах, но едва ли не станет оппозицией при вопросе о торговом договоре с Австрией, о котором, впрочем, ничего не известно.

В Сербии может дойти дело до какого-нибудь переворота, но еще не так скоро. Хотя здесь хлопочут теперь поскорее договориться с Австрией, но в то же время ее страшно ненавидят. Теперь распускаются разные слухи про князя и рассказываются разные вещи про княгиню: в чьих это интересах? В сущности, это может быть полезно только Австрии. Насколько я заметить мог, это идет со стороны павших деятелей.

* От сербск. *првак* (мн. ч. — *прваци*) — вождь (вожди).

Только что мне сказали, что Зюсмана сербское правительство гонит из Сербии за какую-то телеграмму. Первый пример изгнания русского подданного из славянской земли — но он и стоит: водились за ним мощенничества.

Черняев все еще тут. Право, это больной человек. Из его дела едва ли что-нибудь может выйти: и уважаю его, а готов и ругаться иногда с ним. Его обируют, надувают, ему льстят в глаза, лгут на него за его спиной, он всякому слуху, всякой лжи верит. Просто больно за него. Сделался он подозрительным и болезненно раздражительным.

До свидания. Весь Ваш П. Кулаковский.

8 января 1881 года.

Белград.

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 12–13 об. Оригинал.

№ 13

14 января 1881 года.

Белград.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Через день после отсылки моего письма к Вам вышел первый № «*Самоуправы*» — органа «радикальцев» или «народняков», как величают себя члены этой партии. Между членами ее мне знакомы вожди, и из них один — русский воспитанник Технологического института — часто ко мне приходит¹⁷⁸. Он мне сообщил, что свою «*Самоуправу*» они послали Вам, но боятся, что их газету не пропустят в Россию. Вы знаете, конечно, что у нас иностранные газеты, хотя бы они были самого мирного или глубоко ученого и специального характера, пропускаются только тогда, когда они внесены в почтовый реестр изданий, «имеющих право въезда в Россию».

Вот, по моей просьбе, жена перевела программу этих сербских радикалов, которую и посылаю Вам. Из нее Вы увидите, что в сущности — это своеобразные либералы-прогрессисты с оттенком фантастическим, но никак не коммунары и не наши нигилисты. Эта партия здесь довольно крепка теперь и кто знает, не захватит ли в руки власть вскоре.

Сегодня у меня был теперешний первый министр Пирочанац, и мы говорили об этих радикалах. Правительство, вероятно, рассчитывавшее на полное согласие и мир на скупщине и полагавшее, что радикалы отождествились с ним, из страха перед возможностью возвращения к вла-

сти Ристича, — было очень испугано появлением «Самоуправы». Под программой Вы увидите подписи 7 священников, а как хотите — священники не могут быть радикалами. Правда, к ним пристают и коммунисты-социалисты — вроде архимандрита Пелагича, бросившего свой монашеский клобук и сочиняющего брошюры для народа и письма к Гладстону, — но, в сущности, этих социалистов между ними немного.

Пирочанац рассказывал сегодня, что радикальцы не имеют значения на скупщине, что их всего шесть-семь человек, что под программой их люди подписались по обману и т. д. Курьезно! А между тем министры так испугались радикальцев, что устроили совещание с ними и предлагали им уступить свои места, так как они думают, что их большинство на скупщине. Радикальцы отказались от министерских портфелей и объявили, что будут поддерживать министров во всех их планах о внутренних реформах. Это последнее мне рассказывали сами радикалы <...>. Ко мне иногда приходят поплакать и исповедываться бывшие русские воспитанники.

Пирочанац, конечно, упорно молчит о торговом договоре с Австрией — я, само собой разумеется, и не расспрашиваю его об этом <...>.

В сущности, Хорватович — хороший воин и храбрый офицер*, довольно жестокий и смелый, но как умный человек — он едва ли занимает почетное место среди этого рода людей.

Хотели сербы отозвать и секретаря своего Лазу Костица из Петербурга, но Ламанский просит Новаковича, теперешнего министра просвещения, за Костица. Лаза Костиц — очень способный, но, сколько теперь мне известно, бессовестный человек. За ним виделась и видится грязь очень дурного свойства. Долго, да и неуместно было бы здесь все рассказывать. Он выбирался в профессора Великой школы при мне — и был забаллотирован; и после был в Corresp[ondenz] Bureau у Ристича и сочинял курьезные статьи довольно грязного свойства. Этот Костиц был в России в 1867 г. Здесь я с ним говорил до его выезда в Россию, и скажу по совести — это лисица, и скверная лисица <...>.

До свидания.

Весь Ваш П. Кулаковский.

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 14–15 об. Оригинал.

* Речь идет об отзыве Милосава Протица с поста посланника Сербии в России и назначении на его место генерала Джурю Хорватовича.

№ 14

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> У нас теперь – горячее время. Скупщина много и долго спорит по поводу разных новых издержек и увеличения жалованья разным чинам.

Правительство, или лучше министерство, не ожидало, что встретит таких противников на этой скупщине по некоторым вопросам. Между прочим, скупщинары сами подняли вопрос о сокращении числа монастырей и обращении их в светские приходы, т. е. об отдаче многих из них в руки белого духовенства. Говорят, что депутаты рассказывали на скупщине дела дивные о монахах, священниках, епископах и даже митрополите. Являлось даже требование, чтобы было сокращено жалованье митрополиту и епископам наполовину. По правде сказать, здесь духовенство просто распущено, беспутно и с необразованием соединяет умение и любовь интриговать. Сам митрополит не свободен от этого, что греха таить. В Белграде множество сплетен, касающихся России.

Вскоре поедет Ристич в Россию. Теперь он одним объявляет, что едет изучать Россию во всех отношениях, а другим (и князю в том числе) – что его зовут славянские общества договариваться о будущих целях и средствах политики. Между прочим, он во дворце объявил, что его зовет письменно Москов[ское] слав[янское] общ[ество] (которого не существует), через Н. Попова. Конечно, это умный и деятельный человек, который может быть очень полезен, но это положительно политический мошенник, если допускается подобное слово для характеристики хитрых политиков, не боящихся лжи и обмана. Ристич был бы самый полезный здесь человек для нашей политики, если бы поставить в то же время в Белграде – русским министром* – человека с сильным характером, с глубоким знанием югославянской истории и югославянского характера, человека, который умел бы и мог бы владеть Ристичем. Теперь все политиканы ругают Ристича, но глупо, и своей руганью только усиливают цену этого человека, послужившего своей родине. Впрочем, сказать нужно и то, что Ристич был страшно нетерпимый правитель и что с каждым днем раскрываются новые безобразия его правительственной деятельности в стране. Народные депутаты на скупщине то и дело рассказывают про его помощников и полицию дивные дела <...>.

Вам преданный П. Кулаковский.

* Имеется в виду – дипломатическим представителем России (министром-резидентом).

30 янв[аря] 1881.

Белград.

31 янв[аря].

Вчера не успел я послать Вам письма – хочу кое-что приписать.

Время теперь в Сербии, быть может, критическое. Теперь может на несколько лет повернуться ее политика в сторону Австрии. Австрия насаждает, мы очень хотим быть «осторожными», как приказано. В газетах, вероятно, появится известие, что по Дунаю в Сербии два дня стояло войско, и было много страха. Дело в том, что сербское правительство узнало, что Петр Карагеоргиевич (готов я ручаться, что Карагеоргиевич теперь не может иметь симпатий у сербов) исчез из Вены с месяц тому назад и собирается появиться в Сербии. И вот правительство хочет схватить этого человека и покончить с ним.

Но вот как пользуются здесь этим фактом: сторонники правительства трубят, что это дело Ристича, который хочет напугать князя, чтобы он прогнал министерство, и был даже пущен слух, что Ристич арестован и компрометирован. Сторонники Ристича уверяют, что это все интрига Гарашанина, который желает восстановить скупщину против князя, зазвать Карагеоргиевича и посадить его на престол. Тревога отразилась всюду: даже во дворце – у всех комнат поставлены жандармы с саблями наголо. Князь был на охоте, теперь он вернулся уже в город. Видите, какие здесь комедии творятся. Они страшно вредят спокойному развитию страны, и понятным становится, что в гимназиях нет дисциплины, что учащаяся молодежь не ходит на уроки, а бегаёт на скупщину и, сидя в кафанах, читает газеты. Печальный факт! <...>

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 16–17 об. Оригинал.

№ 15*

Белград, 4 февр[аля] 1881 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Пишу к Вам по совершенно особенному делу – именно о М.Г. Черняеве.

* Данное письмо Аксакову отослано не было (см. письмо № 16 от 14 февраля 1881 г.).

Я начинаю бояться за него, да и он сам начинает бояться за себя. Сегодня он приезжал к нам, я был на лекциях, он долго разговаривал с женой. Она вынесла впечатление, что он ставит вопрос о своей удаче или неудаче здесь равносильным вопросу о жизни и смерти. Что это впечатление верно, доказывается тем, что я слышал от него сегодня, когда встретил на дороге, возвращаясь из Великой школы домой. Он мне сказал, что ему писала жена письмо, в котором его чуть ли не упрекает, что выбора ему не остается, если не удастся железная дорога или банк, что благоприятное или неблагоприятное решение дела почти решит, жить ли ему или умереть, что он истратил массу денег, что в России его ждут долги и голод и т.д.

Он, очевидно, сознает сам, что ему нужно ехать, но, по природе людей усталых и неудачников, он ни на что не решается и все ждет случая. А между тем, он здесь ни с кем не ужился: когда был Ристич на власти, он был с ним на ножах и хвалил тогдашнюю оппозицию, теперь всюду видит обиду себе со стороны теперешних властей, и надобно признаться, что даже такая козявка, как Алимпий Васильевич, когда был во власти, стал относиться к Черняеву свысока.

С Персиани он не в ладах, хотя Персиани, по крайней мере с виду, отдает ему все почтение. Но не стану того передавать, что Персиани говорит о Черняеве и Черняев о Персиани: это все печально очень, хотя — если хотите — оба правы. Персиани, впрочем, имеет больше правды на своей стороне: оно и понятно, Персиани — здоров, Черняев — положительно болен.

Надежд на то, чтобы Черняев что-нибудь здесь получил, — никаких. Сам Черняев вначале положительно не знал, чего хотел: он и условий не представлял для постройки железной дороги, а с другой стороны, ничего не будет и по политическим причинам. Влияние Австрии здесь после Берлинского конгресса только усиливалось, австрийцы здесь держат целый полк ловких дипломатов, ссорили сербов с болгарами прежде, а теперь хотят залезть и внутрь Сербии при помощи железной дороги. Наша петербургская политика не только закрывает глаза на все, что здесь происходит, но и удерживает деятельность здешних наших дипломатов. Идет обман *en grand**, но если кого винить, то я никак не виню теперешнее министерство настолько, чтобы можно было называть его австрийским. Берлин, поганый Берлин и наши выживший из ума кн. Г.¹⁷⁹, да либерал темного отделения Ш.¹⁸⁰, да некий господин, сидящий теперь

* *En grand* (франц.) — по-крупному.

в соседстве с Сербией в качестве русского посла, У.¹⁸¹, — они натворили всего, и долго этого не расхлебать здесь. Но как бы то ни было: Черняев ни при Ристиче, ни при теперешнем министерстве, ни при каком-либо другом — не получит ни дороги, ни — думаю — банка. *Это верно, как дважды два четыре.*

Я писать больше не могу, связан честным словом и почтой, но верьте мне, что так. От меня отнято право сказать или намекнуть Черняеву на это, да и хорошо, пожалуй, а то Черняев бы страшно разгорячился и наделал бед. Если я пишу все это, то пишу в той доверенности, что Вы не только не покажете этого письма, но и не скажете ему о нем. Но Вы, может быть, теперь найдете нужным написать ему и прямо посоветовать бросить дело. Может быть, Вы спасли бы человека от многих ужасных бедствий!

До чего у Черняева мало такта — один пример: он написал статью против проекта военного министра *Лешанина* о войске и дал поместить ее в орган радикалов, которые все больше и больше расходятся с правительством. Не забудьте — хлопочет о железной дороге и банке у этого правительства и пишет здесь статьи против *Лешанина*? Это — по меньшей мере — непрактично для человека, взявшегося за практическое дело. Спрашивал он моего мнения о том, *помещать ли* статью. Я был искренен и говорил ему о неуместности и советовал подождать. Он на это мне возражал страшно горячо, чуть не рассердился, и объяснил, что он не может уехать отсюда, *не оставив следа.*

Спор оказался, впрочем, совершенно лишним, потому что статья эта, кажется, очень хорошая, была уже отослана в *«Самоуправу»*, как я после узнал. Вот теперь, если узнают автора (а он узнается непременно, да и сам Черняев не станет скрываться), начнут проклинать Черняева за его якобы вмешательство во внутренние дела. Им здесь и так играют, как мячиком. Ристич во власти — едва-едва достаивает говорить с М. Гр.; Ристич, лишенный власти, ухаживает за ним. И все любезности его (их, впрочем, немного) — никак не для Черняева лично, а потому, что теперь Ристичу и выгодно, и полезно казаться руссо-маном. Теперешние дурачье-министры, которые казались разумными людьми, пока не получили власть в руки, проделывают то же самое: то грубо оскорбляют Черняева, то ездят ему кланяться — и льстят ему. Одному из них я уже сказал об этой их привычке быть подлыми. В *«Отацбине»*¹⁸² — доктор Владан Джорджевич¹⁸³, благодетельствованный Черняевым, печатает свои воспоминания из войны 1876 года и старается Черняева, этого благороднейшего духом человека, изобра-

зить так, как изображают грязных авантюристов, окруженного толпой подобных ему людей, и это все под видом почтения и под лицемерной маской беспристрастного свидетеля <...>.

Мне представляется, что Черняев должен отсюда уехать для самого себя, — иначе при его нервном расстройстве и при «отсутствии всякого присутствия» какой-нибудь практичности ему грозит беда от его же самого. Сербские и русские жулики обирали и обирают его со всех сторон: один Зюсман ему стоил по крайней мере несколько тысяч рублей — *наверное не одну*. Я готов ручаться.

Вы спросите, почему я не писал об этом раньше? Я все думал, что Черняев уедет и сам поймет, что здесь ему нечего теперь делать. А с другой стороны, писать подобные вещи — очень трудно <...>.

В делах практических я вообще плохой знаток, а в том, что касается банков и железных дорог, и никуда не гожусь. Я все думал, что как-нибудь договорятся здесь с Черняевым, а вышло, что все эти переговоры — только самообман для Черняева.

Не сочли ли бы Вы возможным и подходящим написать Черняеву и посоветовать ему уехать отсюда обратно в Москву, но отнюдь не делайте сносок на мои известия, а то тут он наделает бед и нашумит.

С глубоким уважением
остаюсь Вам преданный
П. Кулаковский.

Письмо посылаю на имя брата моего, который Вам перешлет его. Делаю это для предупреждения от почтовых разысканий Австрии и России.

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 18–21. Оригинал.

№ 16

14 февраля 1880 г.*
Белград.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> У меня лежит 10 дней письмо к Вам о Черняеве. С Черняевым нахожусь я в отличных отношениях. Я уважаю искренно и даже люблю этого человека, и поэтому я было хотел писать Вам, чтобы Вы своими письмами к нему вызвали его отсюда. Но теперь дело Бонту началось, оно, Бог даст, про-

* Кулаковский описался. Судя по содержанию письма, следует — 1881 г.

валится на скупщине, Черняев, по крайней мере, может свести счеты с Поляковым, как он надеется, хотя (мое убеждение) он дороги не получит. Он иногда доходит до такого нервного раздражения, что сам боится за свою голову, а искренность его такова, что он сам говорит, что удача или неудача в железнодорожном вопросе может ему представить необходимость выбрать «жизнь или смерть». Но теперь дней через 20–25 окончится на скупщине дело Бонту и, Бог даст, провалится для чести сербского народа. А это может быть Черняеву полезным во многих отношениях, и потому, Иван Сергеевич, Вы бы сделали доброе дело, если бы иногда писали Черняеву в успокоительном тоне насчет отъезда и существования в России.

Признаюсь откровенно, я иногда боюсь за него и его голову. Здесь его обирает всякий, кто хочет: все жулики Сербии – русские и сербские – слетелись к нему. Один Зюсман ему стоил, если не две-три тысячи рублей, то наверное больше одной*. О высылке Зюсмана отсюда – я вполне разделяю Ваше мнение и выразил то же самое одному из теперешних министров, когда факт этот еще свершался. Но заметьте: здесь есть русские из застрявших от времен добровольческих, которые завидуют счастью Зюсмана и которые бы согласились быть высланными отсюда, прослыть патриотами и наполнить карманы золотом, что было сделано Зюсманом, которого снабдили металлом и Черняев, и Персиани, и митрополит, и Ристич. Эта бестактность нового министерства так глупа, что можно удивляться, как могли это сделать люди, вчера клявшиеся, что свобода печати необходима, что они – приверженцы той же внешней политики, что и Ристич, что они имеют в виду только иную систему и т.д. <...>

Черняев живет впечатлениями, и как первоначально был рад падению Ристича и приветствовал новый кабинет, так после стал утверждать, что он австрийский. Признаюсь Вам и только Вам прямо: пока был Ристич у власти, он еле достаивал М. Гр-ча своего разговора, теперь ухаживает; теперешнее правительство, как оппозиция, кланялось в пояс Черняеву, теперь от него бежит. С ним сербы – подлецы и играют как с ребенком: он это начинает понимать. Я его предупреждал, сколько мог, но Вы знаете его раздражительный характер.

Я все ждал фактов. До сих пор, в сущности, еще ничего не решено: нет торгового договора, не прошел через скупщину железнодорожный договор Бонту, нет никаких фактов, осуществленных фактов уступок Австрии. Но *теперь* есть уже, именно теперь, факты, которые показы-

* Письма, о котором говорю в начале, не посылаю. Памятник стоил около 40.000 франков, из которых 10–15 тыс. украдено (прим. П.А. Кулаковского).

вают, что это министерство против России. Теперь распускается усердно слух, что русские *подкупают* и *интригуют* на скупшине, чтобы провалить Бонту; *теперь* известно, что министр финансов утверждал, что он не желает дать русским железную дорогу, и не только министр, но и кто-то другой <...>. Слухов теперь тут много, страсти партий раздражены, может быть большая беда <...>.

По-моему, нужна третья сила здесь: нужен повелевающий голос России – тогда все будет ладно. Но как сделать это? Как сделать, чтобы Сербия внутри осталась собой, чтобы не оправдались те страхи, будто Россия желает сербам навязать свое устройство в землю*. Я понимаю дело так: внутри, Сербия, – устраивайся по желанию, извне и в войске – наше послушное дитя. Вот цель стремлений <...>.

Я понимаю, как трудно теперь говорить о славянах в русских газетах для русского общества. Трудность эта увеличивается и от того еще, что сами славяне положительно неблагоприятны. В мои два с половиной года пребывания здесь я вынес скверное чувство: сербы – неблагоприятны и материалисты до *plus ultra***. Здесь все сделать можно при помощи золота. У них одно еще есть – раздраженный, больной и хвастливый патриотизм. Он пока полезен и во многом спасает. Без него серб был бы почти ничтожество.

Чтобы не забыть: наша петербургская политика удерживает здешних наших дипломатов от противодействия Австрии! Персиани положительно честный человек, с бюрократизмом, но особого рода, а главное, он – сторонник славянской политики, и это в нем постоянно сказывается.

Боюсь я того, чтобы в России не попрекнули всех, кто содействовал движению 1876 г., в том, что они ошиблись. Пожалуй, петербургская печать назовет это *обманом*. И того дождешься, при нашем диком либерализме! <...>

Кстати, приходил ли Вам на мысль вопрос, почему так неправдивы были корреспонденты из Сербии почти всегда. Знаете, и Молчанов лгал, лгали все. Один писал правду и серьезно: *Ровинский*, который последний раз мне писал в сентябре из Цетинья. Этот человек – оригинал, но замечательно знает и дела, и людей во всем сербском племени <...>.

С глубоким и искренним уважением,
остаюсь Ваш
П. Кулаковский.

* От сербск. *земља* – страна.

** *Nec plus ultra* (лат.) – До крайности, до последней степени.

P.S. <...> Здешнее духовенство действительно стоит на весьма низкой степени развития морального. В народе решительно нет религиозности; только старики сохранили хоть сколько-нибудь уважения к церкви. Материализм поглощает все высшие идеалы, которые были в народе, освободившем себя самого. И скажу по совести. Митрополит ровно ничего не сделал, чтобы противодействовать злу этому: он не поднял духовенство, он не хлопотал о его образовании настоящим, он не выбирал достойнейших на видные места. Он бросился в мут партийной борьбы, и теперь ему действительно трудно, ему не на кого опереться, как только на Россию. Все, что его окружает, — ничтожно и погрязло в мелкой интриге. Что-то будет из всего этого?

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 1–5 об. Оригинал.

№ 17

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

<...> У меня к Вам две просьбы. Во-первых, я решительно не знаю, как мне переслать в Россию мои дневники, записки, письма, отрывки статей и т.д., радикальные сербские газеты, брошюры, вырезки и пр., — из чего должна составиться целая серия статей о Сербии после Берлинского конгресса. Наша цензура всего этого мне или не выдаст — раз, или, во-вторых, не хотелось бы подвергать цензуре свои дневники и записки, потому что всякий ведь пишет их для себя только. Нельзя ли мне указать путь для пересылки. Наши дипломаты всюду — лишь чиновники, и преплохие; и понятно, что Персиани не решается все это запечатать казенными печатями и передать мне *<...>*.

Ради Бога, укажите мне какой-нибудь путь или способ, а то, право, будет комично, если все это должно будет остаться или в кладовых цензуры, или подвергнуться ночному рассмотрению.

Во-вторых. Читальня в Ужице обратилась ко мне с просьбой добыть ей какой-нибудь русский журнал. Она в состоянии платить почтовые расходы. Ужице — округ горный и юнацкий, теперь там овладевают всем радикалы, прежде владели консервативцы, но после Бонту — они там все потеряли. Мне бы хотелось спасти хоть несколько сумасбродов от ерунды, проповедуемой здешними радикалами. Я поэтому прошу Вас, чтобы Вы были столь добры распорядиться высылкой «Руси» с 1 июля на полгода — на мой счет, по следующему адресу: *Ужице (в Сербии) — Ужичка читаоница*.

Приеду я не раньше августа, так как мне нужна здешняя библиотека с ее сербскими книгами конца прошлого и начала нынешнего столетия <...>.

Искренно Вам преданный
П. Кулаковский.
22 июня 1881 года. Белград.

РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 310. Л. 1–1 об. Оригинал.

№ 18

Белград. 3 марта 1882 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Вскоре отправится курьер из Белграда, и я спешу заготовить к Вам письмо.

№ 8 «Руси» с моим письмом еще не пропущен, в виду вредоносности этого журнала для Сербии <...>. Недавно послал я на имя А.Д. Давидовича письмо для «Руси», если оно годится, о последнем акте исторической... пожалуй, — комедии, разыгрываемой в Сербии. В том же письме я просил переслать мне № «Руси» сюда. Вообще, я помню наш уговор: больше пользоваться частной перепиской.

В Сербии я, конечно, застал много перемен. Здесь все *сconfужены*, начиная от «кряля» до последнего писаря министерской канцелярии. Меня завалили вопросами, как думают в России о Сербии, — я, конечно, сказал правду, что уж очень плохо, так как это имя равнозначает с именем австрийского раба. Все клянутся, что они не виноваты, но что виновато правительство, перед которым все лукавят.

Начну с митрополита. Прежде всего замечу, что у нас в «Московских ведомостях» появились слишком уж лживые письма об епископе Моисее: это — интриган и, если хотите, большой подлец, но не так грязен, как его изображали. Моисей бывает у митрополита, который живет в собственном доме на Врачаре (улица в Белграде), очень удобным, со своей племянницей и племянником. Но сам митрополит часто лишь игрушка в руках Ристича и действительно бесхарактерен. Митрополита *ненавидит* князь, а Новакович, который и сам его ненавидит, упрям и туп до невероятия. Озлобленный русским заступничеством за митрополита, Новакович старается делать ему всякие пакости, а митрополит, вместо того чтобы идти навстречу опасности, постоянно хитрит. На Новый год он произнес речь гражданам в ответ на их приветствие, речь,

которая и напечатана в «Руси». Новакович увидел в этой речи оскорбление власти, и полиция стала требовать митрополита к ответу. Когда тот отказался идти под конвоем полицейских или явиться в полицию сам, к нему послан был чиновник для допроса, и митрополит, по совету многих, и, кажется, в том числе и нашего посланника, *отказался* от своих слов, т. е. сказал, что он не помнит точных выражений своей речи. То же самое должны были сказать и слышавшие его речь. Как хотите, это не показывает доблести его. Его признание своих слов возвысило бы его даже во мнении этой низкой сербской толпы, которая теперь, конечно, выше его ценит, чем прежде, как пострадавшего на правде.

Сегодня грустное и позорное 1 марта. Панихиды по покойном государе не было, и вот почему. Граждане обратились к митрополиту с просьбой отслужить панихиду, а митрополит послал спросить Персиани. Тот, конечно, тотчас сообразил, что после все свалят на интригу России: тотчас найдется объяснение, что сербский краль не мог присутствовать в церкви из-за митрополита, который, мол, по побуждению русской дипломатии служил панихиду, что поэтому это дело интриги и т.д. Совершенно понятно, что и в этом случае партия Ристича хотела сделать демонстрацию и закрыться за Россию. Персиани дал заметить, что он бы не желал демонстраций! С своей стороны, ему, в сущности, как дипломату, и ответить иначе нельзя. И что же? Митрополит отказался служить панихиду, оправдываясь пред гражданами, что князь* бы счел для себя обидой то, что он служит, — и мы сегодня не молились за царя — освободителя и Сербии. Если бы характера хоть немного у Михаила, он бы мог наделать чудес здесь. Как человека, его здесь не любили, но теперь он популярнее во много раз, чем был когда-то. Беда в том, что он, труся, постоянно старается вмешаться и в политическую интригу и делает это уж очень трусливо, тайно. Ристич пользуется им и сует его всюду весьма старательно, но сам же прячется, лишь только видит, что могут повлечь к ответу.

Здесь теперь все сербские архиереи. Они съехались для синода, который должен был обсудить новые законы для духовенства и отношения церкви и государства. Но синод решил, что без митрополита он не властен составить *синода*, и отказался обсуждать проект закона. Последовала переписка между Моисеем и министром Новаковичем, весьма тупым упрямым. Новакович и внес проект закона в скупщину. Говоря правду, в этих законах много для Сербии пригодно, — но есть и просто

* Кулаковский неточен: следует — *король*.

дикие постановления, лишённые всякого смысла для церкви, обращающие церковных служителей в членов-агитаторов партий.

На скупщине будут, конечно, твориться всякие глупости. Радикалы – по своему радикализму, – конечно, будут против духовенства, правительственное большинство из верности министерской котерии будет тоже за законы. Будет особого рода чудо, если эти законы не пройдут на скупщине. Банкротство Бонту скрепило верное правительству большинство с кабинетом: у всех рыльце в пушку, а общая опасность всех сближает. Король поэтому и стал *теперь* королем сербским, что предстоит обсуждение новых проектов, привезенных из Парижа и Вены Миятовичем, относительно постройки железной дороги. Хотелось отвлечь умы, воспламенить сербскую тщеславную душу указанием великих задач, предстоящих сербскому народу, занять всех, а между тем втихомолку обделывать все дела по железной дороге. Король лишь и толкует теперь о соглашении партий. Задабривая радикалов, после торжественного обеда во дворце, обеда, которым угощали всех депутатов скупщины, королева водит хоровод (коло) с вождем радикалов – Пашичем: тут все в ход пушено. Страх овладел всеми, кто проводил народ и распинался в прошлом году за Бонту, ибо на поверхности воды может показаться золотое масло.

<...> Все министерство здесь теперь в высшей степени непопулярно, в этом нет сомнения. Зато король держится этого министерства изо всех сил: он боится Ристича, его деспотической руки и, если хотите, его особого рода лукавства. Милан сделал визит Пирочанцу, чтобы поблагодарить его за политику, сделавшую Сербию королевством. Это, конечно, фокус, и фокус из излишнего желания угодить Австрии, которой мог не понравиться его ответ Кевенхиллеру¹⁸⁴, австрийскому посланнику. На глупую речь Кевенхиллера Милан сказал, что он будет вести сербскую политику в интересах Сербии, а не чьих бы то ни было. Нужно было сыграть комедию пред глупой толпой, и она сыграна <...>.

Теперешние король и королева с каждым днем теряют популярность. Королева Наталья всю зиму по четвергам у себя бешено танцевала и разодевала сербок. Сербы стали видеть в ней лишь веселую и пустую танцовку и рассказывают дела дивные. Многие называют ее просто «пошлой румынкой», девчонкой и т.д. Милан часто собирает у себя дипломатов, с которыми играет в карты, а своих сербов называет сам пред дипломатами «*ses cochons*»*. Так как здесь все и вся сплетничают и интригуют, то и распространяются слухи, что он проигрывает громадные суммы,

* «*Ces cochons*» (франц.) – «эти свиньи».

что, конечно, вздор. Но эти слухи дают сербской оппозиции основание разъяснять причину, почему он взял взятку от Бонту. О взятках от Бонту здесь толкуют как о деле совершенно ясном и решенном <...>

На обеде, данном королем скупшине по поводу провозглашения Сербии королевством, Милан напился так, что его откачивали: депутаты все это видели — все было пьяно, селяки напились шампанским, кричали и безобразничали. Таким образом, авторитет Милана все более и более подрывается. Хотя воскресение старых воспоминаний с титулом королевства, конечно, очень приятно сербам, и из сел приходят сюда депутации, но сам Милан все более теряет всякое значение.

Здесь есть предположение, что властолюбивый характер Милана заставит его круто повернуть, и скрутит он тогда и министров, и скупшину. А пока здесь никого, никакой власти, никакой идеи — с авторитетом. Авторитет, пожалуй, лишь один — деньги, золото.

На скупшине раздражение все усиливается, и оппозиция все сильнее и сильнее раздражается, поэтому происходят самые прескверные сцены. Правительственное большинство — положительно молчащее стадо: оно лишь утверждает то, что предложено правительством, и изредка ругается с оппозицией. Председатель скупщины и вице-председатель совершенно на службе у министерства и беспрекословно исполняют его волю. Оппозиция, состоящая из радикалов, между которых 10 или 11 священников (всех — 51 радикал), изо всех сил старается спасти Сербию от Австрии. Но все эти старания, конечно, лишь комичны по бессилию. Как всякая оппозиция в Сербии, так и радикальная стоит на упреках правительству за разрыв с Россией, за политику нерусскую в Сербии. Правительство молчит о делах в Боснии, Герцеговине и Кривошии¹⁸⁵, — оппозиция ужасно хлопочет о них.

Вскоре после моего приезда является ко мне один из главных членов радикальной оппозиции и замечательно даровитый оратор и бесспорно народный человек, священник из Ужицкого округа Милан Джурич, и выражает свое удовольствие, что я приехал обратно сюда, а затем расспрашивает, что думают в России о восстании в Боснии и Герцеговине. Я, конечно, сказал правду: что рассчитывать на то, что мы воевать будем из-за них, никак не следует, что детям и женщинам, бежавшим в Черногорию, помощь будет (знаю из Петербурга), но что желательно добиться конгресса. Здесь сербы убеждены, что восстание может протянуться с год, а следовательно, с конгрессом можно поправить дело, хотя на время. Сами сербы понимают, что из-за них воевать, особенно после всяких пакостей с их стороны, не приходится, и потому они все толкуют о конгрессе.

Вы, конечно, знаете уже о готовящихся отсюда адресах Скобелеву¹⁸⁶. Вас лично теперь славят те, которые три года тому назад были готовы проклинать за Ваше «бугарофилство». Западническое правительство видит, конечно, в Вас своего опасного врага. «Русь» получается здесь в трех-четырех местах и читается всласть.

С железной сербской дорогой кончится, по всей вероятности, так, как когда-то советовала Россия, т. е. сербское правительство само на себя возьмет постройку дороги. Правительство хочет, как узнал я сегодня, круто повернуть и объявить, что Сербия сама будет строить дорогу, а Миятовича выгнать из кабинета. Радикалы же хотят во что бы то ни стало добиться разоблачения всей истории с Бонту, от падения которого Сербия теряет около 12 млн франков. Рассказывают (это я слышал в кругах самых правдивых и высших) следующий пресмешной случай с Миланом.

Когда акции Union Generale пали в Париже с 3.000 на 1.400 фр., Маринович, сербский посланник в Париже, телеграфировал князю, что это падение временное и что акции, наверное, скоро поднимутся. Милан распорядился купить для себя на 100.000 фр. этих акций, посредником был венский Landerbank, акции были куплены, и, конечно, Милан потерпел убытки. Теперь покатил в Париж чрезвычайно тайно дядя князя полковник Катарджи, который замешан во всех грязных здешних делах.

Известие австрийских газет в том, что Миятович обещал Австрии, что Сербия станет на сторону Австрии в случае войны с Россией, здесь считается верным. Дело в том, что Милан теперь очень боится государя, а затем, вероятно, окончательно продан Австрии. Генерал Белимаркович¹⁸⁷ <...> 16 янв[аря] имел просто приятельский разговор с князем и княгиней. В разговоре речь зашла о том, как следует держать войска вне политики. Затем князь сказал: «Когда я сочту, напр[имер], нужным, чтобы идти вместе с Австрией против России, я думаю, что войска сербские будут послушны». Белимаркович будто бы на это воскликнул, что он решительно протестует против такой возможности и не допускает и мысли о каких бы то ни было враждебных отношениях к России (мне все это рассказывал сам Белимаркович, но его рассказ я проверял и свидетельствами других). Князь потом стал высчитывать обиды со стороны России, т. е. Сан-Стефанский договор, план или проект не дать Сербии Ниша и, наконец, какие-то предложения, сделанные Россией Австрии перед войной. Разговор кончился мирно, а через два дня – 18 янв[аря] Белимаркович, решительно ничего не ожидая, получил отставку. Есть, впрочем, и другие объяснения этой отставки.

Белимаркович действительно большой болтун и хвастун. Хитер он и лукав не менее других сербов, но он хороший сербский патриот, по преимуществу, впрочем, шумадиец.

В это время (17–18 янв[аря]) пришло известие о падении Бонту. Белимаркович мог казаться князю опасным в случае бунта, которого тогда все ожидали в Сербии, и князь поспешил его лишить команды в войске. Но нет сомнения, что князь, т. е. король, действительно думает о возможности союза с Австрией против России. Пустозвонные речи Миятовича вооружили против него все общественное мнение Белграда, и здесь считали своей обязанностью все касаться в разговорах этих его речей и клясться, что против России не пойдет ни один серб.

Правительство очень заботится здесь об австрийских интересах и запретило представление в театре в пользу чешского национального театра, так как в программу этого представления входила речь панславистического характера одного старого ветерана сербской литературы, Георгия Малетича. Но оно не в состоянии сдержать всего, – и студенты образовали общество для оказания помощи герцеговинцам, а 6 марта в клубе с этой целью дается вечер. Отсюда можно было бы передать кое-что в Боснию и Герцеговину, если найдете нужным.

Меня принимают все сербы хорошо. Злятся они на меня за Вука, что я, а не кто-нибудь из них, поработал над ним, а затем за некоторые места, где я не даю высокой цены их литературе. Но даже князь в этом со мной согласен: когда я теперь был у него на аудиенции, он мне сказал, что сербская литература ровно ничего еще не имеет, кроме народной повести и филологических исследований Даничича¹⁸⁸ и Новаковича, и что сербские писатели пишут по газетам ругательного свойства статьи. Княгиня решительно забыла по-русски. Она было попробовала сказать несколько слов по-русски, но тотчас сконфузилась и переменила язык разговора <...>.

Радикалы не имеют должного такта даже теперь, и хотя они питают лучшие надежды и лучшие желания, они, как глупые дети, лезут с мечтательными теориями даже на скупшине.

Стараниями этого министерства вывести Сербию в ранг высоколиберальных государств, extra-либеральных, положительно деморализованы все слои общества. Я не знаю, каким способом история поправит то, что наделано теперь здесь. После Ристича необходимы были реформы: мертвящий застой, деспотизм, шпионство – бременили землю, но кабинет Пирочанца-Гарашанина из ненависти к Ристичу стал <...> принимать меры, ничем не оправдываемые. Разнузданная печать теперь об-

ратилась во вред самому министерству. Всюду по местам государственным рассажены приверженцы котерии без справок об их пригодности; они из чувства личного самосохранения обратились в то же, что и чиновники Ристича из страха перед Ристичем и по его приказанию. Теперь правительство ловкими мерами мало-помалу захватывает и все общинские выборные должности для своих сторонников – и в конце концов вся Сербия окажется в руках одной шайки, и народу может ничего другого не остаться, как взяться за оружие.

Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага. Ристич ненавидит Пирочанца, а Пирочанец – Ристича более, чем нападения Австрии на Сербию, и это грустный факт, свидетельствующий о духовном рабстве сербской интеллигенции.

Наша миссия, конечно, пребывает здесь, по временам пишет депеши – и только. Персиани – умный человек, но, как все наши дипломаты, думает – как бы не остаться отозванным, как бы не потерять положения. Один из его секретарей, Гирс, сын министра Гирса, – человек не без дипломатических дарований, но ровно ничего не знающий и просто великосветский карьерист. Второй секретарь, Богданов, – человек порядочный, по крайней мере, учится по-сербски и хочет знать страну и народ. Не мешало бы всю нашу дипломатию сверху донизу переделать. С подобными силами далеко не уйдем без войн и народных жертв. Но, конечно, подобная переделка возможна лишь постепенно <...>.

Искренно Вам преданный
П. Кулаковский.

РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 22–27 об. Оригинал.

№ 19

21 марта 1882 года. Белград.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Вновь представляется мне случай написать Вам и при этом обойти посредство австрийской почты, так как один из секретарей миссии везет корреспонденцию до границы.

«Руси» я не получаю. Впрочем, быть может, она и высылается из конторы «Руси», но не доходит до меня, ибо № 8, 10 и 11-ый задержаны дешней цензурой, и не получены даже в *Народной библиотеке*, которая ее выписывает <...>.

Здесь удушливый воздух в политике <...>. Депутации, приходящие приветствовать короля, постоянно слышат от короля, что министерство Пирочанца прекрасно, а оппозиция – безобразна. Милан с руками и с ногами попал в грязь партийной борьбы и на днях собирается отправиться в путешествие по Сербии в сопровождении нескольких членов министерства, вероятно, чтобы агитировать в пользу избрания депутатов партии правительства. Конечно, это вмешательство в дела партий, как и все последние проделки министерства и короля, окончательно уронили нравственное влияние королевской власти.

Теперь, в сущности, никакого авторитета в Сербии не существует: господство интриги всех и против всех заметно до очевидности.

Чем более приглядываюсь к делам, тем более вижу, что митрополит пал *теперь* больше, как орудие Ристича. Следует хорошо знать, что Ристич – лишь *случайный* сторонник России, и что он во власти лишь искал способов обмануть Россию. Митрополит Михаил после панихиды в соборе все трусит, что его прогонят в монастырь, или позовут в полицию. Трусость эта, впрочем, излишняя. Не будем обманываться: митрополит – очень большой интриган и человек *партии* Ристича. Это, конечно, не должно влиять на нашу защиту митрополита Михаила, но правду следует же знать. Моисей, по словам митрополита, окончательно перешел на сторону Новаковича. К нему пристал и архимандрит Нестор, который находился в тесной дружбе с Дурново и Зюсманом. Это целая компания «гулящих» людей.

Мне, думаю, несдобровать здесь. В партии я не мешаюсь, в клубы не хожу, не посещаю гостиниц, составляющих здесь сборное место для членов разных партий, но, конечно, смело высказываю свое мнение во всех случаях. Не скрываться же нам, русским, в Сербии со своими суждениями. Но здесь положительно *ненавидят* Россию. Кстати, знаете ли Вы, что удаление митрополита Михаила было требуемо Австрией от князя Милана еще во время его поездки в Вену летом 1880 года. Об этом было сообщено отсюда в Петербург, но Петербург ничего не сделал по этому поводу в Вене! Если я говорю о ненависти к России, то имею в виду партию правительства. Заметьте, в этой правительственной партии много имеющих русские ордена и такие лица, как Новакович и Миличевич, члены нашей Академии наук. Последний – просто мошенник, но он близкий приятель *Рихтера*, бывшего уполномоченного Красного Креста, действовавшего здесь в первую войну. Вообще я должен сказать, что здесь нас, русских, сильно надували и надувают еще и теперь <...>.

Вы, конечно, понимаете, как душно мне здесь, как скверно на душе, как скучно и пошло. Я почти уверен, что, при общей нетерпимости, ко мне придерутся при каком-нибудь удобном случае и вышлют отсюда. Пусть их! С виду, впрочем, все они вежливы и деликатны в отношениях со мною.

Все теперешние дела сербские могут служить ярким доказательством нашим либералам бессмыслицы конституционных учреждений, пересаженных на славянскую почву. Общий стон чиновничества, согнанного с мест, общее падение духа пред приближающимся уже австрийским солдатом к Сербии, общая интрига всех и всякого...

Вам, вероятно, известно, что в английском «Standard» (кажется, именно в этой газете) появилось письмо из Вены, что Австрия предлагает Сербии Боснию до Врбаса, с условием допущения австрийского гарнизона в Белградскую крепость и сербского в Петер-Варадейн*, что против Нового Сада. Это известие не лишено оснований, и дело к этому идет. Что думают делать наши петербургские Гирсы?

Рассчитывать на народный бунт в Сербии – возможно, но серб действительно юнак лишь тогда, когда тронут его «кућу», его дом. *Швабов* народ ненавидит, но здешнее «общество» положительно лишено всякого сильного характера, всякой способности к сильному действию. Одни и те же лица заискивают у той и другой партии, и мне приходилось быть свидетелем замечательных безобразий.

Да, чтобы не забыть. Перед своим отъездом заходил ко мне священник из Ужица Милан Ђурић, очень интересующийся восстанием Герцеговины. Он мне говорил, что есть места, в которых австрийцы не будут в состоянии потушить восстание и целых пять лет. Между прочим, он просил меня написать, что он готов перейти в Герцеговину с четой, если это понадобится, но что для этого нужны средства. Здесь вообще все эти патриоты ожидают, что Россия укажет время и даст средства для восстания в пограничных с Сербией местах Боснии и Герцеговины. Я, конечно, сказал, что я не могу ничего ему сказать, потому что ничего не знаю о правительственных планах. Он был и у Персиани, который [слово неразб. – А. Ш.]** поговорить с ним. Мне кажется, на всякий случай нужно знать людей, которые могут быть годны для дела, когда наступит пора.

В последнее время правительство воздвигло гонения на епископа Иеронима, отказавшегося от сношений с Моисеем и ставшего на сторо-

* Имеется в виду Петро-Варадинская крепость на Дунае.

** По смыслу – отказался, не сумел.

ну митрополита. Это – единственный из сербских епископов, достойный своего положения. Ему, впрочем, несдобровать. Но этим систематическим нападением на митрополита Михаила и епископа Иеронима страшно унижен и авторитет духовенства. В официальном «Виделе» просто ругают их, а в радикальной «Борбе» пишут всякий невероятный вздор. Теперь в Сербии нет ровно никакого принципа, авторитета, власти, которая бы пользовалась хоть малейшим уважением. Разложение общества – полнейшее, деморализация его – должна привести к критической развязке <...>.

Кстати: после панихиды по покойном государе, происходившей 7 марта и совершенной митрополитом Михаилом, епископом Шабацким Иеронимом и Нишским Виктором, по канцеляриям белградских судебных учреждений ходил циркуляр, который требовал сообщить причины, почему некоторые чиновники присутствовали на этой «демонстративной» панихиде! Некоторые из них скрыли свое присутствие на панихиде: хлеб же нужен семьям чиновников. Все это, конечно, происходит не так из австромании, как вытекает из ненависти правительства к митрополиту и Ристичу <...>.

Если будут новые выборы депутатов, то правительству несдобровать. Несмотря на то, что сербы – материалисты страшные и что министерство, подделываясь к Австрии и кланяясь ей, действительно успело кое-что сделать для улучшения сербских финансов, но в сущности – весь народ против своего правительства. Дело Бонту еще отзовется в Сербии: когда распространился слух о банкротстве Бонту, в некоторых местностях *убивали* железнодорожных рабочих <...>.

В заключение присоединяю просьбу: нельзя ли в отделе объявлений поместить в «Руси» известие о поступлении в продажу моей книги: «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» (Москва, 1882) во всех главных книжных магазинах Петербурга и Москвы <...>.

Искренно Вам преданный
П. Кулаковский.

По известиям из Моск[овского] университета, предложение доцентуры по кафедре славянских наречий, сделанное мне устно, встречает при осуществлении его разные препятствия. Уж не опасен ли я? Или и впрямь – нельзя у нас пройти в Университет без происков. Просить и кланяться – не стану. Это все лишь для Вас.

№ 20

Белград. 21 мая 1882 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич!

Давно мне не представлялось случая воспользоваться возможностью обойти сербскую почту, а писать отсюда — значило бы почти наверное видеть или слышать о копии письма моего к Вам в здешних министерствах. Вы уже знаете о позорном крике, поднятом в Сербии против Вас и «интриг Московского славянофильского комитета», по поводу ареста черногорского оружия и задержания черногорцев. И Вам, и Каткову я писал уже об этом. Замечу, кстати, что статьи (с доносами на Россию) в «Виделе» и «Садашности», по многим признакам, мне известным, и по мнению и словам других, принадлежат перу Стояна Новаковича, министра просвещения, и Миличевича — того самого, который некогда писал в «Русской Беседе»¹⁸⁹, переводил Гильфердинга¹⁹⁰ и т.д. Оба эти лица — члены-корреспонденты Петерб[ургской] Акад[емии] наук. Оба принадлежат к числу лучших знатоков страны, и оба — подлы по душе и характеру. Хитрее, лукавее человека, чем Миличевич, я не видел; подлее по характеру и душе — нельзя найти.

Сербы сами это хорошо знают, и сами же сербы подняли крик против антирусских статей. Я Вам уже писал о праздновании юбилея здешним певческим обществом, на банкете присутствовал и я. После всех здравиц по официальной программе, председатель вдруг встает и говорит речь об отзывах из славянских земель. Из России никто не отозвался, хотя приглашения были посланы. Председатель вдруг почему-то счел нужным сказать, что на банкете присутствую я, и прибавил разные эпитеты к этому, для меня благоприятные. Вдруг потребовала публика, чтобы я встал на стул, поднялся страшный шум, аплодисменты: собравшимся со всех сторон сербам хотелось видеть руса. Молчать было нельзя, я сказал несколько слов о единстве славянской культуры, о твердости, необходимой для борьбы с чужими влияниями, о силе славянства и славной будущности славянского единства. Это было ответом на все безобразия правительственной печати. Меня прерывали аплодисментами, после не давали проходу приветами, рукопожатиями и т.д. Русская песня, спетая одним из хоров, была так приветствована, как ни одна из сербских.

Вот опять свидетельство того, что нужно много усилий над собой всякому славянину, чтобы обратиться в европейского раба. А лишь покопается он в себе или даст волю своей душе — воскресает старая сила и мощь искренних и глубоких связей с нами. Нужно видеть, как толпа в 300–400 человек, состоящая и из писателей и чиновников, — следова-

тельно, интеллигенции, — и из сапожников и торговцев малограмотных, электризуется при имени России и русского. Что бы там ни было, сила в наших руках, но мы плохо, очень плохо ею пользуемся.

Вы знаете, что выборы окончились избранием почти всех радикалов прежних. Не помогла и поездка короля и его безумные речи народу. Я знаю *наверное* (не от сербов и не от русских), что он ругался просто «поматерному», когда ездил по Сербии, принимая депутации, где были члены оппозиции. Селякам он прямо называл имена лиц, которые должны быть избраны. Так, он говорил: не смейте выбирать моего врага Ранку Тайсича (крестьянина-радикала!), Рашу Милошевича, попа Новака и т.д. — и эти же селяки-избиратели громадным большинством выбрали этих же Рашу, Ранку, Новака и т.д. Король *действительно* поучал народ не слушать попов.

Народные учителя действительно принадлежат к числу тех недоумков-радикалов, образцы которых у нас так часты, но теперь здесь они представляют здоровый элемент народности и изо всех сил проповедуют о спасении сербской народности от Австрии. В этом осознании опасности, грозящей Сербии от Австрии, как в горниле, найдут свое очищение все комичные стороны сербского радикализма: так нужно, по крайней мере, надеяться.

Министерство после выборов подало, говорят, в отставку, но король не принял пока ее. Положение, действительно, странное: руки замараны во взятке, у министров тоже (исключение составляет Гарашанин, министр внутренних дел, человек умный, твердый, но, кажется, чистый: поэтому-то ристичевцы стараются убедить всех, что Гарашанин — самый скверный человек, потому что с ним борьба труднее, чем с остальными теперешними министрами), шатание в народе, авторитетов нет, печать безумствует, чиновничество только и делает, что сидит в кафанах да политику «тера», т. е. ведет. Правительству остается либо пасть, уступив место новому кабинету, который составит, вероятно, Ефремом Груичем¹⁹¹, теперешним царьградским сербским посланником <...>. Он занимает середину между Ристичем и Пирочанцем и приятель митрополита Михаила. Но есть и другая возможность: выдвигается все более и более Симич, сын старого вождя каймаковцев, человек образованный, враг теперешнего кабинета. Симич принужден будет опереться на радикалов. Едва ли при нем будет возможно возвращение Михаила на кафедру, потому что вожди радикалов лично не любят Михаила, да и по принципу — они исповедуют антицерковные теории. Впрочем, Симич решительно не принадлежит к партии радикальной и даже поддерживает газету «Народное освобождение», которую никак нельзя назвать похожей на радикальную.

Когда король, разъезжая по Сербии, выкидывал глупые штуки и произносил комичные речи, королева, хотя очень недалекая и теперь отказывающаяся даже от русского своего происхождения, пришла в некоторый страх. Оно и понятно: ее сын – наследник... После истории в белградском театре на представлении Рабагаса она призвала этого дурака Алимпия Васильевича, которого здесь считают богословом, и спрашивала, как бы можно уладить церковные дела.

Тот, говорят, отвечал, что первое дело – вновь призвать на кафедру Михаила. Затем она приглашала Симича и спрашивала, как бы переменить министерство. Тот указал на Ефрема Груича. Нужно ожидать, что это скоро и случится, хотя министерство Пирочанца может попробовать и *coup d'état**. Министерство Груича поведет к власти Ристича, и король, если он уцелеет, останется под опекой Ристича. Если же уцелеет министерство Пирочанца, то король будет под опекой Гарашанина <...>.

Интересно еще то, что рассказывают про выборы, – во многих местах народ будто бы говорил депутатам: если король не прогонит теперешних министров, то действуйте прямо против него. А тут откуда-то распускаются слухи, что Россия пошлет Сербии в короли одного из русских великих князей. Конечно, это вздор, распространяемый, может быть, сторонниками министерства, которым хотелось бы замутить эту несчастную землю. Бельгийский посланник Борнграф, который путешествовал по Сербии по следам короля, рассказывает, что ему народ говорил по поводу слухов о речах Миятовича, будто Сербия пойдет за Австрией против России, так: «Ни одно ружье (ниједна пушка) не будет против России, а все ружья, сколько их у нас есть, будут направлены против Австрии». Иностраный представитель, слышавший подобные заявления в разных концах страны, объясняет их себе влиянием дипломатии нашей!!

На выставку и коронацию в Москву собираются многие сербы. Будут, вероятно, охотники и из других славянских земель. Хорошо бы тогда устроить какой-нибудь *славянский* обед. Надобно влиять на склад воззрений славян, посещающих Россию.

Ристичевцы, как только пошли слухи о падении Пирочанца, вновь стали толковать, что София – сербский город, что Солун и Эгей – тоже сербские, что Македония – вся сплошь сербская и т.д. Сумасшедшие! Хорошо бы в Москве при случае поучить этих господ. Я им смеюсь прямо в глаза. Они правды не любят, но боятся и уважают ее. Надобно выбить этот вздор им из головы, иначе и они поведут страну с Австрией <...>.

* *Coup d'état* (франц.) – государственный переворот.

По моему мнению, долг, святой долг, русских и русской печати говорить правду в глаза всем славянам, не скрывая и своих ошибок, т. е. ошибок нашей дипломатии, которая, как и всюду, плоха <...>.

Необходимо нужно изменить всю систему, всех людей в нашей дипломатии. Они ничего и никого не любят, они ничего не знают и знать не хотят, они чужие и нам, и тем, среди которых живут. Далее Двора, придворных интриг, министерских котерий интересы их не идут. Иногда мне, благоверному россиянину, скверно от этого на душе бывает <...>.

Моя командировка сюда оканчивается 9 июня, и я возвращусь в Москву, вероятно, на прежнее место — в гимназию. По известиям из Москвы, Университет хочет остаться при одном слависте, Дювернуа: это его дело. Но я боюсь, что с моим отъездом здесь кафедра русского языка закроется, а ее бы надобно было поддерживать.

Преподавание русского языка и литературы принесло сербам пользу, она уже сказывается и скажется впоследствии еще более. Полезна эта кафедра и для русских, и для сербов. Но пока нет ни одного приготовленного серба к занятию этой кафедры — это раз. Во-вторых, опасно отдавать ее сербу: как раз сделают профессора русского языка средством для обмана и политической интриги. Я пока решительно не вижу никакой возможности остаться здесь, да и оснований, и права не имею. Моя командировка оканчивается, пусть сами сербы просят правительство наше о командировании кого-нибудь, если хотят. Остаться здесь на условиях, подобных тем, которые я имел, и жить здесь в совершенно неопределенном положении — решительно не могу. Довольно с меня: сколько мог и умел — сослужил службу.

У меня к Вам просьба. Мне нужно отсюда прислать себе же самому в Москву несколько радикальных изданий, которые, конечно, подлежат запрету у нас, для книги о Сербии, которую напишу и напечатаю в России после возвращения. Зная безобразия нашей цензуры <...>, я бы хотел выслать на Ваше имя почтовую посылку с этими изданиями. Конечно, без Вашего разрешения я этого не сделаю <...>.

На днях был у митрополита. Он теперь выглядит лучше: лукавый и хитрый серб — этот митрополит Михаил. И он тоже политику «тера»*, ничего больше и не делает <...>.

До свидания. Искренно Вам преданный
и глубоко уважающий
П. Кулаковский.

* *Терати политику* (сербск.) — углубиться в политику.

Да, теперь зародилась и все растет новая сербская теория об единстве языка и литературы у всех югославян, причем языком литературы у сербов, хорватов, словенцев (Крайны и Штирии) и болгар должен быть *сербский*. И те, которые ничего не производят, кроме газетных легких статей, с апломбом проповедуют эту мысль! Нужно быть легкомысленным, подобно поляку или сербу, чтобы так смешно толковать о подобных вещах.

Сегодня, 21 мая, должно было произойти открытие скупщины, но его не воспоследовало <...>. Теперь правительство всюду распускает слух, что выборы оказались для него неудачны благодаря лишь русским деньгам, употребленным на подкуп избирателей. И тут радикалы, приехавшие из внутренних областей Сербии, рассказывают, что министерство пытается купить 6–8 человек из числа членов радикальной и либеральной оппозиции, чтобы они присутствовали в палате, когда речь пойдет о передаче железнодорожных условий банку «Comptoire d'Escompte»¹⁹². Кто знает, не накануне ли какого-нибудь переворота живем мы здесь теперь. Будут дела еще! Австрийцы подняли пошлину на скот сербский: говорят, что это сделано по проискам кабинета, который намерен этим запугать селяков-депутатов, на которых тяжелым бременем ложится всякий таможенный каприз Австрии. Во всяком случае, приходится признать, что долго жить Сербское государство в таких условиях не может. Оно или постоянно будет терпеть перевороты, или скоро замрет, обратившись в чужую провинцию.

27 мая

Не удалось раньше послать письмо это, ибо консульские депеши задержали, и их посылают лишь теперь. События развиваются страшно быстро: может случиться, что в то время, когда получите это письмо, здесь разыграется целая историческая комедия.

Меньшинство — не забудьте, радикальная оппозиция — явилось охранителем законов и законного пути против большинства, фальшиво составленного, и министерства с королем во главе, которые хотят нарушить все законы и обмануть народ. Итак, невиданное зрелище: радикалы — охранители закона и национальных интересов в политике внутренней и внешней; правительство — нарушает законы явно и смело и употребляет незаконные средства, лишь бы достигнуть цели!

В «Московских ведомостях» прочтете известие о переговорах между радикалами и королем. Здесь могу прибавить, что король прямо требовал лишь проведения бюджета и утверждения передачи железно-

дорожных условий банку «Comptoire d'Escompte». Последнее – главное. Говорят, король получил уже миллион за это, но 3 миллиона еще ждут: этот первый миллион идет от Бонту. Теперь рассказывают дела дивные: будто король требовал займа в 10.000 дукатов у здешнего учреждения кредитного, но оно отказало ему в займе! Радикалы обещали попытаться договориться с *напредняками* по желанию короля. Но правительство поспешило разослать в тот же вечер радикалам объявление, что если они в 24 часа не явятся в скупщине, то места их будут объявлены упраздненными и будут назначены новые выборы: расчет был, очевидно, сделать шаг к договору партий невозможным.

Радикалы тогда поспешили сделать заявление в палате, что они скупщину и назначение дополнительных, а не общих выборов считают незаконными, и поэтому в палату не войдут и опять складывают полномочия в руки народа. Это произошло 25 мая. Но переговоры между делегатами партий состоялись: радикалы потребовали, чтобы министерство сложило власть и чтобы были назначены *общие* выборы, – а для того чтобы этого достигнуть, они требовали, чтобы в отставку вышли и депутаты большинства. Напредняки соглашались переменить министерство и предлагали поставить во главе кабинета *Калевича*, теперешнего посланника в Бухаресте; в кабинет должно было войти и несколько радикалов. Радикалы отвергли этот проект целиком, а напредняки, зная, что они не могут рассчитывать на перевыбор, не соглашались на общие выборы. Тогда министерство придумало фокус: 26 мая собрало свое большинство, которое, не имея законного права постановлять, постановило, чтобы были назначены новые дополнительные выборы на места сложивших свои мандаты 25 мая, и что *сложившие* мандаты не имеют права быть избранными. Указ об этих дополнительных выборах подписан, и выборы назначены на понедельник.

Король высказал сам радикалам, что при перевыборе всей палаты никто из напредняков не попадет в палату, а потому общие выборы неудобны. Министерство, как угорелое, кидается в разные стороны <...>.

Народ так раздражен, что на выборах 15 мая связал и запер в кутузку одного из полицейских начальников, мешавшихся в выборы; в другом месте вооруженные селяки встретили свое начальство с оружием в руках и приказали ему уехать подальше от села, где происходили выборы.

Депутаты большинства живут под страхом, что им сожгут «кући», т. е. дома. Иные из них не приехали в Белград, будучи задержаны дома из страха и опасения за свою семью. В Белграде всеми владеет страх перед революцией. Для характеристики скажу, что у Персиани недавно

маршал двора, живущий неподалеку, выразился, что он попросит его принять к себе, в случае чего-нибудь, для защиты. Рассказывают, что здесь готовы убить министров и т.д. Всеми овладела какая-то страшная лихорадка, не предвещающая ничего хорошего и очень неприятная для всякого, особенно русского. Правительство и сам король распускает слухи, что Россия деньгами снабжает радикалов и что эти выборы потому и были удачны для них. Русский теперь подвергнут полному подозрению и полицейскому надзору. Но в то же время все ожидают спасения от России. Король потерял всякое значение: политики толкуют то и дело о том, кем заменить его. Одни, но немногие, говорят о русском великом князе, но многие поговаривают о Николае Черногорском и восхваляют Сан-Стефанский договор, указавший Сербии путь к соединению с Черногорией <...>. Одним словом, черт знает что такое!

В сущности, необходимо спасти и сохранить Обреновичей на престоле, по многим и многим причинам, и дать возможность королю Милану выпутаться из беды. Но в то же время ясно теперь, что Россия должна поддерживать здесь, как и всюду в славянских землях, — *скупщинское* устройство. Иначе подлые изменники народа, одетые в сюртуки, предадут славянские государства, проиграют их, пропьют их...

Вы спросите, что делают наши дипломаты? Они пишут депеши, что считается величайшей мудростью <...>. Плана у нас нет, цели у нас не созданы, не определены: в этом беда. Австрия берет нахальством и дерзостью, России помогает лишь народная вера в нее, скажу прямо, вера, которой мы, пожалуй, не достойны <...>. Россия и русские действительно не вмешивались в эти события в Сербии <...>.

Сербские войска слишком близки к народу, и на них рассчитывать министерство не может. Духовенство здешнее, конечно, радо принять тоже участие и в интригах, и в подкапывании под власть. Просто не дождусь, когда буду вправе и в состоянии уехать отсюда.

Страна хорошая, народ показал столько разумной энергии и силы, столько веры в себя и надежды на нас, что начинаю вновь в него верить и его любить, — но и мне, удаленному от дел политических, освобожденному от партий, тяжело стало. Вообразите же, что чувствуют сербы, живущие под страхом переворота, ножей, револьверов, тюрьмы и прочих прелестей! Несчастливая эта Сербия!

Искренно Вам преданный
П. Кулаковский.

Письма К.Я. Гроту*

№ 1

Многоуважаемый Константин Яковлевич!

Извините меня, что так долго я не извещал Вас о получении мною Вашей прекрасной книги¹⁹³. За присылку ее очень Вам благодарен <...>.

Книгу Вашу читали все, здесь получившие ее, с замечательным интересом, – и я слышал, что были речи об избрании Вас в члены Ученого дружества. Сербы довольно исключительны в своих взаимоотношениях, и эти речи, хотя пока они и не привели к результату, показывают о том значении, которое придается ими Вашей книге.

Новакович, вероятно, писал Вашему отцу, что Ученое друштво выбрало Якова Карловича в свои члены в последнем годичном заседании <...>.

До свидания. Вас искренно уважающий и Вам преданный П. Кулаковский.

P.S. <...> Кстати, я был бы благодарен, если бы Вы выслали экземпляр Вашей книги для Студенческой библиотеки, которую я составляю – при помощи Славянского комитета – в Великой школе. Можете выслать на мое имя.

Белград. 1880 г.

24 октября.

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН).
Ф. 281. Оп. 2. Д. 249. Л. 1–2. Оригинал.*

№ 2

Многоуважаемый Константин Яковлевич!

<...> Вы теперь уже знаете, кто такой Срећковић. Это профессор сербской истории в Великой школе, человек, к сожалению, более курьезный, чем ученый, но добрый. Он принадлежит к числу *болгарофобов*, и потому все, что только касается сербов и болгар, интересует его лишь одной стороной своей: нет ли чего-нибудь в книгах, что бы доказывало, например, что Македония вся – исключительно сербская область. Он, впрочем, теперь в загоне, так как с падением Ристича, к ярым сторонникам которого он принадлежит, он обретається в оппозиции. Здесь люди

* Биографические данные о К.Я. Гроде см. на с. 248.

живут все какими-то мелкими партиями и считаются друг с другом лишь только на основании принадлежности к той или другой партии. Мне, русскому, с трудом возможно удержаться выше партий, но за то и достается иногда от всякого рода партизанов партий сербских <...>.

У нас все больше и больше ширится влияние Австрии, и ждет беда Сербии, если Россия не сумеет спасти ее, или не захочет.

Русская душа моя мучилась сильно в этом месяце. Представьте себе: на скупщине один депутат предлагает на три дня закрыть заседания и почтить память царя-освободителя, а председатель, который предан теперешнему министерству, не только не согласился, но и не пустил на обсуждение подобное предложение. Просто позор. Сербы глубоко возмущены подобным поступком со стороны своего правительства <...>.

Искренно Вам преданный П. Кулаковский.

26 марта 1881 года, Белград.

СПФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 249. Л. 4–5. Оригинал.

№ 3

19 февраля 1882 года. Белград.

Многоуважаемый Константин Яковлевич!

Очень благодарю Вас за Ваше письмо и Ваши хлопоты с «Гайдуками». Вполне согласен на условия, предлагаемые издателем «Века» <...>. В заглавии, мне кажется, следует сделать такое изменение: «Гайдуки», рассказ М.И. Миличевича, перевод с сербского Е. К-ой*. Что за журнал «Век»? Я видел лишь одну книгу журнала у Аксакова. Имеет ли будущность этот журнал? <...>

Передайте также поклон Т.Д. Флоринскому. Уехал ли он в Киев или нет? Здесь все читавшие его книгу в восторге. Если у него найдется лишний экземпляр, пусть он побалует профессора сербской истории Панту Сречковича, который так симпатично отзывался о всех трудах г. Флоринского и который то и дело что повторяет, что Васильевский и Флоринский – единственные авторитеты по сербской истории. Сречкович – человек хороший, а недостаток его лишь в излишнем патриотизме, переходящем в шовинизм. Это, впрочем, и понятно в этой стране.

Вас, конечно, интересует, что теперь делается здесь. В сущности, много и ничего. Теперь здесь время *говорения*: все говорят, все толкуют,

* Т. е. Екатерины Федоровны Кулаковской – супруги автора письма.

все решают существенные вопросы. Все винят Россию в том, что Сербия теперь в печальном положении: право, Россия – козел отпущения у славян. Никто в России никогда и не оспаривал, что Берлинский конгресс сделал много вреда славянам, но как-то дико слышать бесконечные обвинения России даже в том, что Россия не воскресила Сербского царства.

Сербы, как и все славяне, слишком невоздержанны в своих желаниях и слишком ленивы, чтобы сами могли сделать что-нибудь прочное. Печальное явление! Митрополит Михаил живет в своем доме на Врачаре. Говорят, и он мне рассказывал, что приходится ему сносить полицейские придирки. Достоверно то, что съехавшиеся в Белград архиереи отказались составить синод без митрополита для обсуждения новых церковных законов, придуманных министром Стояном Новаковичем. Министр оказался смелым удалцом и намерен свой проект внести прямо в скупщину, которая, конечно, примет все, что идет от правительства, так как большинство в скупщине вполне обеспечено за правительством <...>.

Общество здесь сильно раздражено и взволновано последними событиями. Банкротство Бонту, конечно, больше всего отозвалось в Сербии, но условия, заключенные Бонту с Сербией, оказались так выгодны, что, говорят, нашелся в Париже банк, который принимает на себя даже убытки Сербии и обязательство построить дорогу. Теперь здесь все отрекаются от правительства, т. е. министерства, кого ни спросишь – всякий отрекается. Правда, я подсмеиваюсь в глаза всяким их политикам, которым несть числа.

Странно, но это так: лишь «либералы» (в сербском смысле, т. е. ристичевцы) очень довольны нашим заступничеством за митрополита, а многие из врагов теперешнего правительства ужасаются тому, что в России заступились за митрополита. И тут я вижу лишь признак малой способности этого несчастного княжества к самостоятельному развитию. Аксакова и Каткова, т. е. «Русь» и «Московские ведомости», больше ругают сербы, чем хвалят <...>.

Нового в науке здесь ничего не сделано <...>. Мой «Вук» здесь будет судим различно: иные восчувствовали обиду и личную, и народную... Уж Бог весть – почему. Отношения у меня с сербами и теперь хороши. Вообще лично я не могу жаловаться на сербов, которые хотя и видят во мне *Москова*, но водят с этим *Московом* приятельство <...>.

Весь Ваш П. Кулаковский.

№ 4

Многоуважаемый Константин Яковлевич!

<...> Политические здешние дела Вам более или менее знакомы по газетным известиям, хотя петербургские газеты иногда пишут такой вздор отсюда, что за них стыдно становится, но ведь понятен сам собою ход событий. Бесцветная, уступчивая, иногда оскорбительная для России политика нового нашего министра г. Гирса достаточно известна, чтобы понять, до какой степени обрадованы все враждебные России элементы этим назначением у нас. Чем более мы принижаемся, тем более плюют на Россию все эти «европейские либералы», и тем ближе мы к смелым шагам, потому что тогда-то и требуется реакция. Но чем самостоятельнее держимся, тем больше блюдем наши интересы, тем более нас здесь — в Европе — и любят и уважают. В данное время — период плевков <...>.

До свидания. Жму крепко Вашу руку.

Вам преданный
П. Кулаковский.

13 апреля 1882 г.
Белград.

P.S. И.И. Соколов на днях Вам напишет.

СПФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 249. Л. 12–13 об. Оригинал.

Письма В.И. Ламанскому

№ 1

19 окт[ября] 1879 г.
Белград.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

<...> В Белграде я застал один утешительный факт: болгарофобие значительно поуменьшилось, и я в своей славянской душе этому радуюсь. Но оно далеко еще не прекратилось.

В день моего приезда один профессор математики, едва ли и понимающий по-русски, сделал мне замечание довольно грубого свойства за

мою статью в «Московских ведомостях» о здешней болгарофобии, утверждая, что я не имел права писать этого, *потому что я сербский чиновник*. Я ему в ответ на это заметил, что я прежде всего человек, потом славянин, потом русский, а потом уже сербский чиновник. Математик, да и не он один, все-таки сердит на меня. Но понятно для меня, что они и статьи не читали, и знают ее по слухам, которыми, как кажется, занимается усердно Никандр Васильевич Зюсман, право, неудобный человек, из жидово-сербского патриотизма.

И в этом вопросе русской библиотеки в читальнице я вижу руку того же Зюсмана, но действующую ловко, сзади. Удивляет меня г. Васильев. Неужели он не знает, с кем он связался? Мне рассказывали, что Зюсману были сообщены отрывки из моих писем о нем в Славянское общество? Если это правда, то опасно туда и писать. Тогда я могу здесь ждать всяких скандалов, потому что, откровенно говоря, Зюсман и многие с ним — не что иное, как мошенники. Евреинова в Москве мне рассказывала, что он показывал ей в прошлом году 3 паспорта: русский, сербский и *австрийский*. Уж не шпион ли австрийский в ловкой шкуре? Знаю то, что он был корреспондентом у Каткова и что Катков мне охарактеризовал его словом *мошенник* <...>.

В сербской литературе пока нового ничего не произошло. Стоян Бошкович замышляет преобразовать здешнюю семинарию, но еще не решено, примет ли она форму Академии или Богословского факультета при Великой школе. Действительно, вопрос об этом очень важен для Сербии. Стоит перешагнуть Дунай и Саву, и вы встречаете более образованное и развитое духовенство, а о католических попах и говорить нечего. Дай-то Бог, чтобы сербам удалось поднять уровень образования своих духовных лиц, а то все может кончиться здесь полным отсутствием всяких религиозных идей <...>.

От всей души,
Ваш П.Кулаковский.

СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 802. Л. 3–6 об. Оригинал.

№ 2

1880 г. 10 августа. Белград.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Податель этого письма — Окица Глушчевич, кончивший курс Учительской школы в Белграде и стремящийся в русский университет на

филологический факультет. Я ему дал письмо к председателю Славянского общества Бестужеву-Рюмину, который был так добр и дал в мое распоряжение одну стипендию для студента-филолога из сербов. Для юноши-серба важное затруднение с классическими языками, которые здесь почти совсем не изучаются в гимназии. Мне приходилось присутствовать в качестве официального ассистента на экзаменах латинского и греческого языков в Великой школе на филологическом факультете, и я всегда выносил убеждение, что наши студенты хорошо не знают обыкновенных форм.

И это не удивительно, если заметить, что в гимназии кое-как преподается латинский язык в течение 3 или 4 лет в старших классах, а греческий преподается только в университете, т. е. Великой школе. Притом оба древних языка преподает на всех курсах один и тот же профессор.

Глушчевич, по отзывам директора Учительской школы, преподавателей, его товарищей, моих некоторых знакомых, — очень даровитый и трудолюбивый юноша. Он давно уже просит моей рекомендации и помощи, и я к нему приглядывался. Мне он кажется достойным стипендии Славянского общества, и я надеюсь, что он в год успеет много сделать по классическим языкам и по русскому языку. Прошу Вас об одном: обратит на него внимание, делать ему указания, требовать иногда отчеты в занятиях и вообще относиться строго к нему. Как было бы хорошо для сербов и для наших отношений к ним, если бы у нас воспиталось несколько молодых людей из сербов, которые бы отдались специально исследованию и изучению своей истории. Не говоря уже о том, что следовало бы воспитать учителей русского языка для средних сербских учебных заведений.

В Сербии теперь гостит М.Г. Черняев, приехавший теперь в качестве представителя железнодорожной компании Полякова. Теперь он в Алексинаце по делу задуманного им памятника в память убитых и умерших здесь добровольцев 1876 года. Об этом плане сообщено И.С. Аксакову, и он старается найти отзыв среди москвичей и русских богатых людей.

Положение здесь в Сербии теперь очень нехорошее: правительство ясно играет двойную роль и теперь смело высказывается. Железная дорога, вероятно вполне, будет отдана в руки какого-нибудь общества, только не русского. Черняев предлагает, чтобы Полякову дана была только постройка дороги и чтобы дорогу эксплуатировало само правительство, но сербы, как кажется, боясь финансового кризиса, думают отдать и эксплуатацию в руки компании, которая возьмется строить. Отсюда, конечно, могут произойти неисчислимые бедствия чисто политического

характера. А тут, с другой стороны, у сербов никак на лад не идут торговые переговоры с Австрией, которая основывает свои требования на Пожаревацком договоре блаженной памяти и на договоре с Турцией 1862 года. Теперь она грозит запереть сербские границы, это может привести к неисчислимым бедствиям для тех*, которые обитают в Сербии <...>.

Бог весть, что будет, но какая-то скверная каша заваривается <...>.

С искренним и глубоким уважением остаюсь

Ваш покорнейший слуга

П. Кулаковский.

СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 802. Л. 7–8. Оригинал.

№ 3

18 марта 1881 года. Белград.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

На днях я напишу письмо товарищу министра народного просвещения Маркову и прошение министру о продлении мне командировки на один или два года. Я считаю своей обязанностью написать Вам об этом и просить и Вашего содействия, когда и где Вы найдете удобным оказать его мне.

Вам хорошо известно, при каких обстоятельствах состоялось учреждение кафедры русского языка и истории русской литературы в белградской Великой школе 3 года тому назад. В сущности, это было желание одной партии, да и то только некоторых весьма немногих лиц. Молодежь, которая глядела на кафедру как на новинку, не умела и боялась толково учиться сначала, опасаясь того обрусения, о котором толковали венские и пештские газеты, и настроенная всякими рассказами об обидах Сербии, виной которых была Россия и ее Сан-Стефанский мир. Сербизм Македонии, Пирота, Софии, сочиненный Милошем Милоевичем да Пантой Сречковичем, не давал спать никому. Я не нашел ни хрестоматий, по которым можно было учить, ни грамматики русской для сербов (я готовлю ее сам), ни словарей.

Теперь дело стоит значительно лучше. Мои студенты охотно учатся русскому языку, лекции по истории новой русской литературы слушаются очень внимательно, многие студенты занимаются переводами с русского для печати, и их студенческий журнал «Побратимство» напол-

* В оригинале слово пропущено.

няется по преимуществу переводами с русского. Большая заслуга принадлежит Славянскому обществу в этом отношении, потому что книги, им присланные в 1879 г., образовали основание Студенческой библиотеки, до сих пор очень бедной. Очень часто высылаются книги разными лицами на мое имя, и я стараюсь пополнять эту библиотеку. Нет сомнения, что влияние нашей литературы и науки увеличивается, а молодежь мечтает, окончивши курс, ехать в Россию для изучения истории, языка и литературы славянской.

Когда Новакович только что стал министром, я с ним говорил об устройстве моей кафедры после меня, и он мне сказал, что он бы был готов послать одного из моих студентов после окончания им курса здесь (что случится через год) в Россию на счет сербского министерства народного просвещения для приготовления к занятию этой кафедры. Пока я не могу указать решительно никого между сербами, кто бы мог занять эту кафедру. С другой стороны, если бы был прислан сюда новый русский человек на мое место, он бы должен был пройти все те же затруднения, которые я уже пережил, должен бы был создавать свое положение, узнавать здешних деятелей и людей, подвергаться обманам и интригам, которые здесь нашли свое оседлое пребывание.

Я считаю своей обязанностью здесь остаться еще года на два, пока не воспитаю себе преемника по кафедре из сербов и пока не пройдет эта странная пора австрийского влияния в Сербии. Я даже думаю, что стоит мне теперь уехать из Сербии, чтобы кафедра закрылась, так как министерство подчиняется во всем князю, а князь теперь австриякует во всю ширь.

Но остаться мне здесь без командировки со стороны русского министерства народного просвещения по многим причинам неудобно. Во-первых, мое положение русского профессора, или, как здесь меня называют, «Профессора Руса», требует самостоятельности. Ко мне то и дело забегают сербы погоревать о своей судьбе, о своих печалях, пожаловаться на свое правительство или на Австрию, и теперь это бывает особенно часто. Ко мне ходят люди всяких партий и всяких лагерей, со всеми я имею и связи, и приятельство, но всем сербам я говорю, что я не принадлежу ни к какой партии.

Во-вторых, решительно нет возможности жить на жалованье здешних профессоров Великой школы. Все профессора живут здесь или в своих домах, или при помощи других доходов и заработков, мне недоступных.

Я получаю около 4600 франков в год. Между тем проживаю около 11–12 тысяч франков. Здесь жизнь очень дорога, особенно для людей с

положением, а для русского, который морально обязан принять участие во всякого рода пожертвованиях, она сопряжена с массой издержек самых неожиданных. И бедный ученик какой-нибудь школы, и зашедший в Белград черногорец, и бедняк русский – всегда зайдут ко мне с просьбой о помощи <...>. 1500 рублей командировочных при нынешнем низком курсе кредитного рубля не покрывают всех расходов, и я принужден поэтому прибегать к ресурсам прежних сбережений и других моих статей дохода. Но они все-таки облегчают положение и дают возможность здесь жить. Без них положение мое здесь сделается невозможно трудным. Ввиду всего этого я прошу министра продолжить мне командировку и прошу Вашего содействия. В.В. Макушев теперь здесь – он мне говорит, что Вы хорошо знакомы с Марковым, товарищем министра, и можете тут мне помочь.

Кроме того, я начал свою диссертацию – о возрождении сербской литературы, которая охватит литературу сербов XVIII в., а главное, займется Досифеем Обрадовичем¹⁹⁴ и Вуком Караджичем¹⁹⁵. Материал почти весь собран, но еще нужны работа и время, а между тем дела у меня всякого много. Начал составлять я по-сербски русскую грамматику для сербских школ и для моих студентов. И нужно эту работу окончить. Год или два дадут мне возможность со всем этим уладить.

Здесь я теперь для распространения знаний о новой русской литературе печатаю по-сербски письма в сербском литературно-научном журнале «Отаџбина», единственном ежемесячнике. Вышло уже 5 таких моих писем (каждое в 7–12 печатных страниц). Они оказывают свое влияние на читающую публику, которая с большим интересом следит за ними (так мне передавали) <...>.

В России я печатал некоторые статьи в «Критическом обозрении», в «Филологических записках», в «Филологическом вестнике»; мои письма появлялись в «Новом времени», в «С[анкт]-Петерб[ургских] ведомостях», в «Руси» и особенно много в «Московских ведомостях» <...>.

У нас теперь делаются дела дивные. Австрийское влияние через князя делается все сильнее и сильнее. Министерство, в котором, к моему удивлению, принимает участие и Новакович, просто боится русского влияния. Новакович составил проект изменения курса Учительской школы, причем русский язык, который там преподается, предлагалось исключить. Но скупщина, как слышно, настроена против принятия этого проекта.

Посмотрим, как случится. Я от Стояна Новаковича никак не ожидал этого. Вам, вероятно, уже известно, что постройка сербской железной

дороги отдана Бонту, компании наполовину австрийской, и Новакович защищает эту компанию странными речами на скупщине. С этих пор Новакович как-то избегает меня. Он, который мне говорил в начале своей деятельности в качестве министра о тесном сближении с Болгарией и союзе с русской политикой, воспел гимны на скупщине «прогрессу, идущему с Запада при помощи железных дорог», и умалчивал что дорога-то вся будет австрийская и что Сербии грозит опасность сделаться провинцией Австрии.

Вся эта партия страшно боится Ристича и опасается, что Ристич захватит власть, лишь только они подадут в отставку <...>.

С истинным почтением остаюсь
Вам преданный П. Кулаковский.

СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 802. Л. 9–12. Оригинал.

Письма Ап.А. Майкову¹⁹⁶

№ 1

Многоуважаемый Аполлон Александрович!

Податель этого моего письма – Йован Попович, по прозвищу Яворац, кончивший курс в Великой школе еще в 1877 г. и бывший уже преподавателем прогимназии в Ужице. Он явился на днях ко мне (прежде я его не знал) и просил меня помочь ему в его предприятии – поехать в Москву учиться в университете <...>. Я ему не советовал пускаться в такое предприятие, как поездка в Москву, в университет, без определенной надежды на стипендию, – и он толкался всюду в двери здесь, но никакой стипендии медикам в русских университетах сербское правительство не дает.

Здесь существует странный взгляд на медицинские факультеты наших университетов, проявившийся в последнее время с особенной силой, и я принужден буду объясниться с некоторыми запевалами здесь в особенности. Странно как-то выходит: весьма часто всякую дрянь содержат сербы в Париже, Вене и Берлине лет по 10, давая стипендии по 500–600 талиров, т. е. рублей по 600–700 золотом, и ни одного стипендиата своего не имеют в русском медицинском факультете. Доктора здесь по

преимуществу – иностранцы, и в большей части все – шарлатаны. Сербов-докторов немного, да и они в большинстве никуда негодные.

Удержать энергичного человека от исполнения его плана, на который он решился, тем более в таком деле, как поездка учиться, и невозможно, и не всегда благоразумно. Попович этот имеет свои деньги – на проезд и на прожитие на один или два месяца. Он надеется на помощь русских, любящих сербство и понимающих значение славян для России. Сколько я слышал, Попович-Яворац – человек терпеливый, энергичный и настойчивый в труде. Прошу Вас оказать ему Вашу протекцию, Ваше содействие и помощь в случае нужды.

У нас пока ничего нового. Всех занимает вопрос о том, кому отдана будет постройка железной дороги. Сербское правительство, насколько видно, хочет отдать и эксплуатацию в руки компании. Посмотрим, что и как будет, но теперь пока веет швабским духом.

Извините, что беспокою Вас присылкой к Вам Поповича, но надеюсь на Ваше доброе отношение ко всему, что так живо касается теперь славянского юга, особенно сербского племени, поставленного лицом к лицу с культуртрегерами.

Искренно Вас уважающий П. Кулаковский.

Белград.

1880. 1 августа.

ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 277. Л. 1–2. Оригинал.

№ 2

14 сент[ября] 1880 г.

Белград.

Многоуважаемый Аполлон Александрович!

<...> Н.А. Попов писал мне на днях, что Яворац принят в число вольных слушателей Московского университета и что он надеется на стипендию из Петербургского славянского общества. Может быть, и удастся устроить это <...>.

Ваше мнение в Сербии ценится самой высокой ценой. Вы много сделали для Сербии. Поэтому я считаю нужным обратить Ваше внимание на следующее.

По Вашей рекомендации три сербских студента Московского университета получили по 100 талиров прибавки к их русской стипендии, след[овательно], по 480 франков в год. Это Николич, Кочович и Жикич.

К сожалению, они мне не сказали, что они получили на дорогу из сербского министерства внутренних дел, а также взяли часть стипендии, и я им выхлопотал в Русской миссии немного денег на обратный путь. Если бы я знал, что они получили деньги от сербского министерства, я бы мог оказать более значительную поддержку из суммы, взятой мной из миссии русской, одному бедняку герцеговину, поехавшему учиться в Петербург. Но этого дела теперь не поправить уже: мне наука – «не верь впредь вполне студентам-сербам». Теперь студент Мркшич, бывший до сих пор в Заечаре, приехав в Белград, стал хлопотать о том же, чего добились прежние трое. Сегодня он приходил ко мне и сказал, что Радивой Милойкович – министр внутренних дел – сказал ему, что только по Вашей рекомендации он даст и ему пособие в 100 талиров в год. Следует заметить, что сербское правительство располагает значительным числом стипендий, из которых иные доходят до 2800 франков и выше. Эти стипендии выдаются по преимуществу лицам, которые учатся в Париже, Вене, Берлине, – и сколько я ни расспрашивал, я не мог узнать, имеются ли молодые люди на подобных стипендиях в русских университетах.

Одна медицинская стипендия в 400 талиров и теперь свободна, но если верить Мркшичу (сербу-студенту, который передаст Вам это письмо), она будет дана студенту, который согласится поступить в Венский университет на медицинский факультет. Вот, мне кажется, если бы по Вашей рекомендации или Вашему указанию сербское правительство дало эту стипендию одному из лучших сербских студентов-медиков Москов[ского] университета, то русская стипендия одна была бы свободна и могла бы быть дана хоть бы тому же Яворцу. Я очень рад, что он выбрал филологический факультет. Было бы очень хорошо, если бы под Вашим руководством, а также под руководством Н.А. Попова какой-нибудь студент из сербов приготовился к занятиям по родной сербской истории. Я считал бы необходимым воспитать в русских университетах несколько филологов-сербов, которые бы знали основательно русский язык и занимались славянской филологией. Надобно признаться, что даже и теперь наша филологическая наука не ценится в Сербии, и, как мне представляется, ей дается меньше стоимости, чем следует.

Что касается политического положения Сербии, то оно <...> далеко не веселое в данное время и усложняется ссорами партий, которые друг друга обвиняют в государственной измене и разных неблагоприятных деяниях. Конституционная борьба партий переходит то и дело в личные инсинуации, и иногда бывает мне в душе тяжело за самих сербов. Князь вернулся из поездки в Австрию третьего дня, и здесь все кем-то поддер-

живаются слухи о выходе в отставку министерства Ристича <...>.

Одно несомненно, сербская политика не ищет опоры в России и, наученная в Берлине в 1878 году, обращает молитвенные взоры и к Англии, и к Австрии, и к Германии, смотря по тому, как дуют политические ветры.

Алимпие Васильевич пользуется здесь очень дурной славой, — я искренно сожалею, что ему не дали русского ордена во время поездки его в Россию.

С искренним уважением, остаюсь Ваш покорный слуга П. Кулаковский.

ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 277. Л. 3–4 об. Оригинал.

№ 3

Белград.

18 октября 1880

Многоуважаемый Аполлон Александрович!

<...> Что Вам сказать о сербских стипендиях, право не знаю. Теперь пока и устроить ничего нельзя, так как правительство Ристича подало в отставку, и у нас каша и неладница. Позвольте мне высказать перед Вами одно замечание мое: и от старых, и от новых воспитанников русских учебных заведений не раз мне приходилось слышать жалобы, что сербское правительство, к какой бы партии оно ни причислялось, не посылает на сербский счет воспитанников в Россию, а дает громадные стипендии, доходящие до 2500 фр., и даже до 3 тысяч, молодым людям — сербам, учащимся в Париже, Вене, Берлине и т.д. Тут весьма много правды. Я пробовал удивляться этому при сербах — они обижались, но не могли доказать, чтобы они содержали своих воспитанников в России за свой счет. Говоря откровенно, я в принципе против таких больших стипендий для студентов, еще учащихся в университете. Так и теперь, если Кочович и еще двое — получают русские стипендии по 30 руб. в месяц, да и по 100 талиров в год сербской стипендии, что составит 480 фр. или по 40 фр. в месяц (15 руб.), не лучше было бы, чтобы они уступили по 5 или 7 руб. в месяц Яворцу или другому нуждающемуся сербу <...>.

Вообще меня очень интересует воспитание сербской молодежи в русских университетах, — и очень хотелось бы поднять здесь кредит нашей школы. Положа руку на сердце, я должен сказать, что до сих пор я мало здесь встречал толковых или знающих людей между сербами, учившимися в России. По моему мнению, следует быть просто строгими и взыскательными к сербам, учащимся у нас. Это поправит дело.

К сожалению, в Белграде не вижу «Русских ведомостей». В Читалище они имеются, но я живу так далеко от Читалища, что попадаю туда крайне редко. А мне было бы действительно интересно узнать Ваши мнения по некоторым вопросам и о современных событиях в этой стране, на которую досадуешь и которую в то же время жалеешь <...>.

Получаете ли Вы обе сербские газеты: «Исток» и «Видело»? Обе они поучительны и наводят часто уныние на того, кто бы желал добра Сербии. Уныние увеличивается еще, если знаешь те мелкие пружины, действующие в них, и тех ничтожных людей, которые действуют, особенно в первой из них.

У нас министерский кризис. Вызван Маринович из Парижа, который, как говорят, ни за что не хочет брать на себя составление министерства в подобных условиях, и Миятович, живший теперь в Англии. Партия правительственная, т. е. Ристича, митрополита и пр., объясняет кризис единственно и исключительно требованиями Австрии, чтобы Сербия признала для себя обязательными условия австро-турецкого договора 1862 года, в котором даже имеется требование, исключающее Сербию из того, в чем договорились Австрия и Турция. Исходить в переговорах о торговом договоре из признания условия, что Сербия не имеет права поднять пошлину на австрийские товары выше 3% и что Австрия вольна в своих поступках, значило бы для Сербии окончательно стать экономической рабой Австрии. На это не согласится ни один министр в Сербии <...>.

Оппозиция называет политику Ристича византийской и утверждает, что он обманывает Австрию и Россию, и потому теперь его политика довела страну до невозможного политического положения. В нападках оппозиции много преувеличенного, но много и правды. Надувательством он, т. е. Ристич, отличался, — нужно здесь пожить, чтобы чувствовать, когда сербские деятели против России, а когда — за Россию. Мне приходилось иногда переживать здесь просто мучительные моменты, выслушивать сплетни, жалобы на Россию, а подчас и грубости. И я должен сказать, что случалось это именно тогда, когда правительство хотело устроить что-нибудь с Австрией и нарочно возбуждало общественное мнение против России. Для этого у него под руками было много средств, так как здесь кишмя кишат всякие проходимцы вроде Матии Бана, Зюсмана и т. д.

В принципе я с Вами согласен: наша политика наделала множество промахов относительно югославянства вообще и сербов в особенности, но мне кажется, что далеко не все, что теперь делается здесь, можно ставить исключительно ей в вину.

Патриотизм сербский, конечно, сам по себе похвален, но исключительность сербская, самохвальство и падение духа, напоминающие поляков, самодовольство и узость воззрений – приводят сербов Княжества к тому, что они теряют значение как зерно, около которого соберется все сербское племя. Признаюсь Вам искренно – и да будет это между нами, – я теперь все больше и больше убеждаюсь, что они никогда не создадут цельного государства и что не им собрать клочки много-страдального сербского племени под свое знамя. «Царство Душана не дает сербам спать», – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно это, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им неподходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя, заставляет их больше мечтать и меньше делать.

Здесь почти нет серьезных работников: все «политику терају», многие пишут патриотические брошюры, восхищаются своими поэтами и писателями, в сущности, очень незначительными, да сочиняют брошюрки в 25, а всего больше в 50 страниц, разыскивая сербов повсюду. На скупщине говорилось даже о сербах лужицких как единоплеменниках ближайших. Как хотите, это печально в том государстве, которое находится в таком трудном положении, как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно.

Если появится какая-нибудь Ваша статья в «Русских Ведомостях», я был бы очень рад ее прочесть. Время теперь для Сербии серьезное, дай Бог им счастливо и победоносно выйти из беды и их трудного положения.

Читали ли Вы книгу Миятовича: «Ђурађ Бранковић – деспот» – и рецензию на нее Николаевича в Годишнице III т.? Обе вещи очень интересные <...>

Свидетельствую Вам мое искреннее уважение, остаюсь Вашим покорнейшим слугой.

П. Кулаковский.

ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 277. Л. 5–8 об. Оригинал.

Письма В.В. Макушеву

№ 1

Многоуважаемый Викентий Васильевич!

<...> Сербы, как только провели, что я, быть может, и совсем укачу отсюда, стали очень заботливы обо мне и благосклонны к моим делам. Все приходят разные знакомые, убеждают оставаться здесь, всякий уверяет, что теперешнее положение здешних дел – случайность, что оно скоро заменится разумным «славяно-русским» направлением политики и т.д. Дай Бог, чтобы сербы спаслись от Австрии, но что-то плохо верится в их терпеливость и силу моральную. Опыт имею.

Конечно, я всякому объясняю, что, быть может, и вернусь сюда еще на год, – в сущности, мне представляется необходимым мое возвращение сюда хоть на год еще для этого моего здешнего дела <...>.

Вам искренно преданный
и глубоко Вас уважающий
П. Кулаковский.

1881. 11 июля. Белград.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 11. Оригинал.

№ 2

Многоуважаемый Викентий Васильевич!

<...> Я последнее время осаждаем разными лицами, с различными смешными проектами и вопросами: то необходимо в Белграде основать русско-сербскую газету, особую, для служения особым русско-сербским интересам, то приходится хохотать над обвинениями такого рода: «Россия виновата, что у нас есть люди-австроманы, что у нас возможна политика австроманская; Россия-де обижает сербов, трактует их свысока, приказывает; Россия не должна вмешиваться во внутренние дела Сербии, но спасти Сербию должна, и т.д., и т.д.». Почему-то многие избрали меня сосудом для излияния своих измышлений. Ну что же делать? Я готов быть подобным сосудом, лишь бы из всего этого был бы толк <...>. Я жалею эту страну, мне жаль этих людей, у которых много хорошего и здравого, но все это заволочлось каким-то австро-турецко-мадьярским

наростом да грязью самоупоения и самовосхищения, противнее которых я еще не видел <...>.

Вам искренно преданный
и глубоко Вас уважающий
П. Кулаковский.

1881. 15 июля. Белград.

НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 13 об. Оригинал.

№ 3

Многоуважаемый Викентий Васильевич!

<...> В Москву я добрался лишь 15 августа <...>.

Сербы здесь не имеют решительно никого, кто бы хоть немного поднял их значение: все здесь проживающие сербы кажутся хитрыми и ловкими попрошайками, не более. Странное дело: болгары, по словам Аксакова, умеют поддержать свое достоинство в России. У студентов-болгар есть стипендии болгарские; студенты сербские – бездонные бочки, вечно просят, вечно недовольны и т.д. Аксаков осаждаем этим людом, который он содержит на свой счет, так как сумм для этого у него нет никаких, кроме личных <...>.

Вам от всей души преданный
П. Кулаковский.

Пушкино (близ Москвы)
1881 г. 29 авг[уста].

НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 18. Оригинал.

№ 4

6 января 1881 года*. Москва.

Многоуважаемый Викентий Васильевич!

<...> До сих пор не удалось мне справиться в редакции «Русского вестника» о том, возьмут ли там Ваши «Десять месяцев за границей»¹⁹⁷. Думаю, что возьмут, но сказать правду, трудно себе представить более беспорядка, чем тот, который царствует в редакции «Русского вестника» <...>.

* Очевидно, что это описка П.А. Кулаковского (следует – 1882 г.). По этой причине письмо № 4 (более позднее по времени написания) располагается в архивном деле в самом начале.

Очень Вам благодарен за добрую память и доброе мнение обо мне и упоминание в Отчете*. Но верьте, добрейший Викентий Васильевич, что мне так же дорого воспоминание о нашей белградской встрече и совместном пребывании в доме Петрониевича. Это время было и полезно для меня, и приятно <...>.

Пропустил я целый семестр лекций в Белграде, – новый начнется в первых числах февраля <...>. Вдобавок придется оставить здесь семью и ехать одному в Белград на 5–6 месяцев, выносить и выслушивать все, что там творится <...>.

Искренно Вас уважающий
и от всей души преданный
П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 3–4. Оригинал.

№ 5

Станция Ярославской жел[езной] дор[оги]
Пушкино, дача Миллера, № 57.
1882. 6 июля.

Многоуважаемый и добрейший
Викентий Васильевич!

<...> Вы, конечно, знаете, в каком положении я оставил Белград и Сербию: дезорганизация внутри, полное падение авторитета власти, рассказы о взятках, полученных королем и министрами, полное нарушение основных законов сербских – правительством, гонение на духовенство и всякую оппозицию... Грустную картину представляет собой Сербия. Нет сомнения, что здравый смысл и инстинкт умного сербского народа спасет страну, но дело едва ли обойдется без революции и крови: уже слишком много зла посеяно в этой земле европействующей интеллигенцией, холопствующей перед красивыми словами либерализма, лишенного содержания. Признаюсь Вам откровенно, мне искренно и глубоко жаль Сербии и этого народа.

Прощался я со всеми хорошо. С Новаковичем пришлось перекинуться несколькими резкими словами. Как бы там ни было, но могу ска-

* Подробне об «Отчете о научных занятиях за границей» В.В. Макушева см. в письмах И.С. Пальмова В.В. Макушеву, включенных в настоящий том.

зять, — что в 4 года моего пребывания в Сербии чести русской не умилил и имени русского в обиду не дал <...>.

Крепко, крепко жму Вашу руку,
П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 29. Оригинал.

№ 6

Москва.
1882 г. 6 ноября.

Многоуважаемый Викентий Васильевич!

<...> Вы знаете, в каких обстоятельствах я оставил Сербию и тамошнюю кафедру. Иначе я поступить не мог. Недостойно русского человека закрывать глаза на безобразные отношения к русской народности и России, тем более что я был послан правительством на сербскую службу. Поступить иначе я не мог. Кафедра моя в Белграде пока пустует. Как скоро полетит кувырком сербское правительство со своим королем-мошенником, эта кафедра воскреснет. Я думаю, что я успел по крайней мере посеять семена, которые начнут вырастать скоро. В последнее время я еще более замечал рост этих семян. Впрочем, это особое дело, и пусть другие судят <...>.

Преданный Вам
и искренно любящий и уважающий
П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 34. Оригинал.

Письма И.П. Корнилову¹⁹⁸

№ 1

Ваше Превосходительство,
милостивый государь Иван Петрович!

Вчера я послал г. министру И.Д. Делянову просьбу о том, чтобы мне было назначено пособие на обратный переезд в Москву. Срок моей ко-

мандировки сюда оканчивается в июне месяце этого года, и лишь до этого времени я обязался контрактом остаться на службе в Великой школе перед здешним министром просвещения, теперешним врагом России и всего русского г. Стояном Новаковичем, числящимся, однако, членом-корреспондентом нашей Академии наук. Остаться долее мне и тяжело, да и невозможно: ни наше русское министерство меня не командировало, ни являться к сербскому министру с предложением услуг в данное время оскорблений и обмана России Сербией я нахожу невозможным для своего достоинства как русского ученого.

Полагаю, однако, что дело, посеянное мною, принесет свой плод и не заглохнет, ибо в общество уже проникло сознание важности изучения русской литературы и науки, и оно не даст умереть русской кафедре в Сербии <...>.

Вы знаете, конечно, сербов и их умение эксплуатировать русского, а, наконец, и мое положение как русского профессора, вдобавок приехавшего сюда после позорного Берлинского конгресса и дорого стоившей сербам войны, было совершенно особенное <...>.

Пробыл здесь я 4 года, много видел и много испытал на себе и пере-чувствовал. Если Бог даст здоровья, спокойствия и силы, я поделюсь в печати этим моим опытом со всеми интересующимися славянством <...>.

С истинным почтением и глубокой преданностью

честь имею остаться

покорнейшим слугой

Вашего Превосходительства

П. Кулаковский.

1882 года. 8 мая.

Белград.

ОР РНБ. Ф. 377. Д. 833. Л. 1–2. Оригинал.

№ 2

Высокоуважаемый Иван Петрович!

<...> Вам известно из газет, как мы в Варшаве принимали славянских гостей, возвращавшихся на родину после посещения Петербурга и Киева. Ристич очень досадовал на полемику между «Новым временем» и «Новостями» из-за его речи на «космополитическом» обеде. Удивительное нахальство «Новостей»! Нужно иметь совершенно извращенные взгляды, чтобы не понимать положение Ристича в Петербурге и в Сербии: там, в

Сербии, вся беда и состоит в том, что власть очутилась в руках величайших эгоистов и поклонников «общечеловечества» или, в узком смысле, «австрийской культуры». Ристич, каким бы он ни был как человек и характер, — во всяком случае, пока единственный сербский государственный человек, и хорошо понимает, куда ведут страну сербские западники...

Эта *отставка* Ристича, данная королем Миланом накануне отъезда в Вену для приседаний перед Францем-Иосифом, и одновременно с образованием нового министерства, а также пожалование орденов Новаковичу и Гарашанину, — просто вызов против России и русского общественного мнения <...>.

Остаюсь
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугой
П. Кулаковский.

Варшава. 10 мая 1885 года.

ОР РНБ. Ф. 377. Д. 833. Л. 4. Оригинал.

Письма Н.А. Попову

№ 1

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Сербы чрезвычайно торжественно праздновали спасение жизни государя. Мы даже слушали в русской церкви русскую проповедь, а в Нише народ пировал до поздней ночи. Все здесь волновалось в дни первых известий и негодовало; все рассчитывали, что преступник — не русский <...>.

С искренним почтением
остаюсь
Вам преданный
П. Кулаковский.

12 апреля 1879.
Белград.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 6. Оригинал.

№ 2

8 мая 1879. Белград.

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Живется мне не ахти как хорошо <...>. Но тут, в Белграде, пребывает некий Зюсман, крещеный жид, корреспондент Совр[еменных] изв[естий] и Востока и служащий у Ристича в Correspondenz Bureau, а также приближенный к митрополиту, арх[имандриту] Нестору и т.д. С этим господином у меня теперь великая история. Дело в том, что он стал здесь собирать между сербами деньги на построение церкви в Белграде в память избавления государя от опасности. Сербы приставали ко мне, как к старшему русскому, — я пригласил его, вышла история.

К этому же времени пришло письмо Ор. Миллера, в котором приложены были выписки из письма Зюсмана, правдивость которых он просил проверить. Пришлось спросить митрополита и Нестора: оказалось, что все Зюсман налгал. Я так и написал. Нестор даже дал письменно это же подтверждение. Но вскоре Нестор, под влиянием сего же Зюсмана и страха ради Ристичева*, пытался было отказаться от своих слов. Теперь следует ожидать, что и митрополит откажется от того, что сказал. Дело, между прочим, шло о предполагаемой русской библиотеке, которую Зюсману хочется вырвать из рук прекрасного малого Хитрова и упрятать в городскую читальню, где она будет в гробу <...>. Митрополит мне сказал: «Зюсман страшно нахален, надоел всем нам, но избавиться от него не можем. Он нам часто читает письма от высоких лиц Петербурга и Москвы».

Митрополит даже просил меня, чтобы я подействовал на Персиани, чтобы выслали Зюсмана из Сербии. Я, конечно, отказался от подобного предложения, предоставляя действовать самим сербам, как хотят. Но зато сегодня получил письмо ругательное от Зюсмана, совершенно кабацкого характера. Пишу все это, чтобы Вас и И.С. Аксакова предупредить, в виду шатости и бесхарактерности здешних рясовидных и нерясовидных людей.

В Великой школе дела идут довольно удачно. Новый министр открывает все новые и новые кафедры и действительно замышляет нашу Школу возвести в Университет.

Кстати: говорят, что сей Зюсман слишком близок и к митрополиту, и к остальным, и они боятся его за то, что он ведает кое-что про них <...>.

Весь Ваш
П. Кулаковский.

* Существует убеждение, что этот Зюсман — шпион у Ристича (прим. П.А. Кулаковского).

P.S. Должен признаться я, Нил Александрович, что просто тяжело становится жить здесь. Несмотря на то, что я счастливо до сих пор избегал всяких партий и односторонних знакомств и связей, – я чувствую, как разные мелкие интриги ведутся и около меня, спокойного и скромного преподавателя. Теперь сообщают о слухах, будто я хочу обрусить Сербию, а Зюсман спасает Сербию от моих лап, которые подсланы правительством для гибели сербского народа.

Не подумайте, что в Белграде имеется русская библиотека. Я писал в Питер о ней не раз, – но толку пока никакого. Хитров, корреспондент Нов[ого] вр[емени] – очень бедный малый, – кое-что собрал и дает даром книги для чтения. Я ищу только поддержки этого начала – и пока ничего не могу добиться <...>.

Весь Ваш
П. Кулаковский.

*НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2.
Л. 7 об. – 9. Оригинал.*

№ 3

Белград, 1879. 11 октября.

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> До Белграда я добрался недели 3 тому назад. Все дела здесь уже начались. Теперь у нас идет оживленная деятельность по выборам профессоров по кафедре истории, психологии и политической экономии. На кафедру всеобщей истории выступает одним из конкурентов Ваш знакомый – Лазо Костич.

Теперь значительно меньше раздается жалоб на болгар, – впрочем, меня винили сильно здесь за одно из моих писем в Моск[овские] вед[омости], утверждая, что я – в качестве сербского чиновника – не имел права писать так, т. е. правды. Мне после моего приезда один серб так и высказался <...>.

Весь Ваш.
П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 16. Оригинал.

№ 4

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Признаться, здесь решительно никто толково не изучает сербской истории. Среткович – только всегда болтает, Милош Милоевич – фальсификатор, как Вы могли убедиться из брошюры <...>, посланной Вам митрополитом. Конечно, было бы хорошо, если бы под Вашим руководством, руководством «историка новой Сербии», воспитался серб-историк. Что касается истории Сербии старой, то в наших библиотеках, как известно, массы материала, и, быть может, лучше приведенного в порядок, чем здесь все, что имеют сербы по этой части <...>.

Мой отчет о преподавании русского языка в Сербии, затребованный от меня нашим русским правительством и не предполагавшийся для печати, попал – должно быть, по щучьему велению – в майскую книгу Журн[ала] М[инистерства] Нар[одного] Пр[освещения], и притом без моей подписи. Отсюда возникли у меня столкновения с разными чудаками и, наконец, с Васильевичем Алимпием, который сделался вновь министром. Он теперь окончательно одурел и делает множество глупостей. Вот, право, – ничтожный человек! <...>

Весь Ваш
П. Кулаковский.

1880 года. 1 августа.

Белград.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 25. Оригинал.

№ 5

Белград. 1880. 30 сент.

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> С Алимпием мы теперь в небольшой ссоре, которая началась его грубостью за мой официальный отчет о преподавании русского языка за 1878–1879 уч[ебный] г[од] в сербских школах, напечатанный совершенно против моего желания в майской книжке Журн[ала] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения] текущего года. Надобно признаться, что здесь Алимпий со всеми в ссоре и что даже между митрополитом и им отношения далеко не хороши. Это грубый и очень мелкий человек, которого вдобавок Бог не одарил и умом, мало-мальски достойным уважения <...>.

Надобно признаться, что между профессорами Великой школы весьма мало истинно ученых людей, и только два-три человека знают русский язык и пользуются нашей литературой. Понемногу делается и то, что станут следить и за нашей наукой здесь.

Прошли у нас празднества по случаю приезда болгарского князя. Прием был сделан великолепный, князь Милан, говорят, подружился с князем Александром. Все партии относились горячо к факту посещения болгарским князем сербской столицы, и болгаро-сербской фобии-крикуны пока носы опустили. Слава Богу, теперь рознь болгаро-сербская значительно поутихла. Я не могу утверждать, что ее нет или что она уже потухла, но нет сомнения, что теперь ругать болгар, вспоминать Трн и Брезник, жаловаться на Россию за болгар и т.д. — не считается признаком хорошего сербского патриота. Может быть, вся эта скверная страница истории славянских отношений останется одинокой в истории новой Сербии и новой Болгарии. Дай-то Боже, хотя еще есть пункт, на котором все прежнее может вновь воскреснуть и страшно скверно развиваться: это вопрос о Македонии и Салониках <...>.

Весь Ваш П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 27–28. Оригинал.

№ 6

Милостивый государь
Нил Александрович!

<...> Как Вы знаете из газет, у нас теперь министерство Пирочанца. Я бы не назвал этого министерства министерством партии консервативной: это просто министерство прежней оппозиции <...>.

Новое министерство обвиняется павшим в сочувствии австрийцам, называется — иногда — прямо *швабским** и т.д. Это наводит на него страх, и оно всем, чем только можно, хотело бы доказать, что оно не швабское. Здесь единственно возможный способ доказать свое *нешвабство* — связью доброй с Россией и русскими. Немного даже смешно, как об этом иногда здесь хлопочут <...>.

Борьба партий во время кризиса была характерная и, признаюсь, скверно влияла на меня, чужака, все-таки желающего всякого блага

* Т. е. *австрийским*. От *Шваба* (сербск.) — австриец.

Сербии: больно было за ложь, сеемую одними против других, больно было за мелкие и ничтожные средства борьбы.

До свидания.
Искренно Вас уважающий
П. Кулаковский.

1880. 24 октября.
Белград.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 30–31 об. Оригинал.

№ 7

1880. 25 ноября, Белград.

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Выборы в Сербии, кажется, против Ристича будут. Проехал я через Сербию теперь – был в Свилайнце и Карановаце, Крагуеваце, Нише (указываю крайние пункты) – всюду что-то против Ристича. Внутри земли это был деспот, своенравный и грубый. Чем кончится вся кутерьма здесь, неизвестно, но кутерьма есть.

До свидания. Весь Ваш
П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 32. Оригинал.

№ 8

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Вы спрашиваете, что нового делается у нас по части научной. Труден ответ, потому что теперь здесь все и вся – политика, и многие и записные ученые кидают книги в сторону и берутся за газеты. А газет теперь наплодилась тьма-тьмушая: «Видело» – орган правительства, «Исток» – Ристича, «Нови Век» – Стояна Бошковица, Алимпия Васильевича и Влад[имира] Јовановича, «Самоуправа» – здешних «радикальцев». Сверх того имеем журналы – «Отаџбину» и «Србадију» <...>.

До свидания.
Вам преданный П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 1. Оригинал.

№ 9

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Теперь у нас такая каша, что и вообразить трудно. Все перемешались во взаимных обвинениях и жалобах. Страх перед Ристичем ужасно велик: министерство грозит своей оппозиции на скупщине, что оно уйдет, если оппозиционеры не уступят, и радикальцы дают все в лапы министерству, лишь бы не вернулся Ристич. Консервативцы готовы пойти на всякую сделку с радикалами, лишь бы не допустить Ристича к власти. А между тем новое министерство все более и более раскрывает свое некрасивое лицо, и за прежними сербскими патриотами, тосковавшими, что сербская политика кинула традиционное свое направление согласия с Россией, появляются – в лице министерства Пирочанца-Миятовича – все признаки угодников требованиям Австрии, да кого-то еще, играющего делом по-детски <...>.

У Стевчи я давно не был, пойду сегодня к нему. У этого старика много свежего и ясного ума, а главное, у него душа сербская – с ее недостатками (лукавством), но и с ее добрыми сторонами: нет примеси ни французской, ни немецкой <...>.

Чедомиль Миятович – главный западник в теперешнем министерстве <...>.

Вам искренно преданный
П. Кулаковский.

1881. Белград.
23 февраля.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 3–4. Оригинал.

№ 10

Июнь 1881 г.

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Что касается студентов-медиков из сербов, я сделал все, что возможно. Пользуясь случаем послать письма из Панчева, куда на днях еду с Макушевым, <...> я буду откровенен. Здесь теперь просто отрицание от России в полной силе. Начальник «санитета»*, который ведает всеми медицинскими стипендиями, известный dr. Владан Джорджевич, решительно против этих студентов <...>.

* *Санитет* (сербск.) – санитарная служба.

О 4 этих студентах, о которых Вы писали, я говорил с министром внутренних дел Гарашанином. Тот отнесся сочувственно, — по крайней мере — на словах, но сказал, что сумм нет, но что он постарается в будущий бюджет внести сумму для них... А когда-то будет бюджет для них?! Я обо всем рассказал Персиани и просил его когда-нибудь при случае рассказать всю историю князю и посмеяться. Думаю, что он это сделает, но толку никакого, конечно, не будет, потому что там — наверху — именно и гнездо этого антирусского духа, да и наши дипломаты годятся лишь на слова, а не на дела <...>.

До свидания. Вам преданный
П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 5–6. Оригинал.

№ 11

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Вы от меня ждете, конечно, прежде всего вестей о положении здешних дел, о королевстве и выходе в отставку оппозиции¹⁹⁹. И о том, и о другом я послал отчеты в «Моск[овские] вед[омости]». Конечно, в этих отчетах не все можно было сказать. Скажу теперь, что в Сербии радикалы оказываются действительно народными людьми, и у них рядом с представлениями и желаниями социалистического свойства, а иногда и с воззрениями неразборчивого на средства нигилиста, мирно уживаются самые лучшие черты сербского патриота.

Королевством Сербия обязана Австрии: в этом отношении — т. е. в том, что Австрия лишь благоволила [неразб. — А. Ш.] Сербии — время для провозглашения королевства выбрано удачно. Иное совершенно дело, насколько в этом факте заинтересовано сербство. Между Сербией и Черногорией все усиливается недоверие, а боснийцев, по словам оппозиции, выдают австрийцам сербские власти.

Министерство хотело закрыть народу глаза на Бонту: оно ужасно боится точного отчета обо всем и воспользовалось провозглашением Сербии королевством для своих личных выгод. Факт важный, с которым связаны все честолобивые мечты народа, стал каким-то странным, если не сказать смешным. В первые дни провозглашения королевством кого ни встретишь, всякий как-то иронически или сконфуженно улыбается, словно украдено что-то дорогое, словно замарано лучшее воспоминание, загрязнено лучшее платье. Теперь, конечно, попривыкли все и спокойны. В селах и внутренних городах весть о Сербском королевстве при-

нята с восторгом, и селяки все присылают депутации к своему королю. Замечательно, что в адресах к королю всюду говорится об объединении сербского племени, вспоминается Босния, говорится иногда даже о за-савских и задунайских сербах.

Как вы знаете из газет, скупщина закрыла заседания, потому что оппозиция, составляющая около трети всего числа депутатов, сложила свои полномочия и вышла в отставку. Правительство хочет и здесь поступить против Устава, который нарушен уже тем, что провозглашение Сербского королевства случилось на малой, а не большой скупщине. Оно хочет объявить места вышедших депутатов упраздненными и пополнить их новыми выборами, а между тем, здесь толкуют, на основании закона следовало бы распустить всю скупщину вообще — для всех назначить выборы. Сначала министерство хотело выдать Миятовича толпе, но теперь, говорят, переменяло намерение, и потому — готово на все. Оно не хочет подавать в отставку, хотя трудно придумать менее популярное министерство. Как вначале оно было популярно, так теперь оно здесь нелюбимо и неуважаемо: теперь нет у него друзей. Вообще картина ужасная. Следует сказать, что в этом министерстве принимают участие более образованные и более развитые люди <...>.

В сербской литературе нет ничего нового. Здесь теперь господствует политика. Все ей покорено <...>.

Искренне Вам преданный
П. Кулаковский.

6 марта 1882 г. Белград.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 9–10 об. Оригинал.

№ 12

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Недавно меня посетил Ристич, который теперь, конечно, в несчастном положении гонимого и преследуемого. Вы, конечно, знаете всю мерзость партийной вражды в Сербии, а теперь потерялась и всякая моральная мерка при взаимных обвинениях <...>. Как ни судить Ристича за его лукавую душу, но он — умный человек и сильный человек. Ему противопоставить можно в теперешнем министерстве лишь одного Гарашанина.

Миятович стал притчей во языцех: над ним все смеются. Новакович просто поглупел, ходит надутый и важный, так и кажется, что он «в выдуманной им научной формуле исчерпал всю мудрость государ-

ственного мужа», как о нем недавно здесь отозвались. Сатирические листки наполнили Сербию. Авторитеты подорваны, и трудно сказать, чем здесь держится порядок и правительство. Разве лишь одной привычкой да полицией. Грустное время переживает Сербия! Митрополит здоров. Живет он все там же. Надобно правду знать: право, и он виноват во многом, а уж несомненно послужил орудием Ристича. В духовенстве теперь разлад. Иеронима Шабачкого все ругают в «Виделе». Моисей все клянется, что он ни в чем не виноват, и ездит к митрополиту <...>.

Персиани – умный и даровитый человек, а что он – чиновничьего мировоззрения, то это ведь и естественно, и простительно <...>.

27 марта 1882 года.

Белград.

Вам преданный
П. Кулаковский.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 12–12 об. Оригинал

№ 13

Многоуважаемый Нил Александрович!

<...> Следует заметить, что общий вывод из всей сербской журналистики теперь тот, что здесь нет теперь ни авторитета, ни почтения к лицу какому бы то ни было, нет никакой идеи, нет никакого морального правила, которое бы руководило жизнью общества. Грустная картина разрушения! <...>

Вам искренно преданный
П. Кулаковский.

4 апр[еля] 1882. Белград.

НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 14. Оригинал.

Письма А.Н. Пыпину

№ 1

Многоуважаемый Александр Николаевич!

На днях обратился ко мне некто dr. Владан Джорджевич с вопросом, не знаю ли я кого-нибудь из лиц редакции «Вестника Европы». Я сказал, что знаю Вас. Тогда он просил меня о следующем.

Он написал мемуары о первой войне Сербско-турецкой, т. е. он изобразил время наших добровольцев, деятельность Черняева и тяжелые моменты, которые он испытывал благодаря ужасному составу своего штаба <...>.

По его словам, его изложение имело в виду картинно, живо и правдиво изобразить эту важную страницу в новой истории Сербии и, вместе с тем, дать строго научный материал для будущего историка.

Во время войны 1876 г. он был постоянно при штабе ген[ерала] Черняева или на поле битвы. Далее. Он весьма известный сербский писатель, и считается едва ли не самым талантливым из сербских писателей данного времени, — во всяком случае первым между самыми плодовитыми и серьезными.

Война 1876 г. описывалась у нас в корреспонденциях и отдельных изданиях много раз, но Вы сами знаете, что все эти изображения очень, в сущности, бледны и односторонни, часто безграмотны.

Наша склонность браниться породила множество недоразумений: бранили сербов, не находили достаточно ругательных слов на Черняева, рассказывали небылицы про главных деятелей — и русских, и сербских — в эту войну. В журналах наших все-таки надлежащего освещения этому славянскому движению не дано. Сербы были тактичнее и скромнее нас: до сих пор я, по крайней мере, нигде не видел в печати их злобных изображений наших добровольцев, хотя на словах жалобы и теперь очень часты.

В «Страже» были напечатаны записки одного из сербов об этой войне²⁰⁰, но и только: больше пока нигде ничего не было цельного <...>.

И вот о чем просит dr. Владан Джорджевич — не хочет ли редакция «Вестника Европы» (или какого-нибудь другого ежемесячного журнала русского) напечатать его записки по-русски <...>.

Из разговоров с ним я вынес в впечатление, что он старался беспристрастно изобразить деятелей войны 1876 г. Он отзывался о Черняеве, Комарове²⁰¹ и некоторых других лицах так, что можно было вывести яс-

ное заключение, что он судит их по достоинству, не забывая и добрых, и злых сторон их деятельности.

Мне кажется, что появление в русской печати каких-нибудь серьезных сербских мемуаров о войне было бы теперь необходимо. Такие записки, составленные талантливым сербским писателем, представят много интереса для участников и деятелей движения 1876 г. Если бы, Александр Николаевич, «Вестник Европы» нельзя было убедить взять эти записки для печатания, то не будете ли столь добры и не спросите ли какую-нибудь другую редакцию, например, редакцию «Русской речи»²⁰²? Для «Русского вестника» или «Русской мысли»²⁰³ могли бы эти записки казаться недостаточно объективными относительно русских, – вот почему автору их хотелось бы, чтобы они появились или в «Вестнике Европы», или в каком-нибудь другом петербургском журнале.

Ст. Новакович считает Владана Джорджевича, насколько я знаю, одним из самых талантливых людей в сербской литературе данного времени <...>.

До свидания.

Вам преданный П. Кулаковский.

12 февр[аля] 1880 г.

Белград.

ОР РНБ. Ф. 621. Д. 460. Л. 1–3 об. Оригинал.

№ 2

Многоуважаемый Александр Николаевич!

<...> У нас в Белграде дела вообще идут неладно. Австрийцы насаждают все больше и больше с железнодорожными планами, а в правительственных кругах – борьба партий, проистекающая, впрочем, не из разницы воззрений и идей, а из чисто личных эгоистических счетов отдельных членов и деятелей. В научном отношении у нас полное затишье и полная бездеятельность. Все силы одних устремлены на то, чтобы доказать, что София и Македония населены сербами, что Солунь должен быть сербский; другие поглощены вопросами внутренней политики, и для дела научного труда времени, конечно, не остается <...>.

Глубоко и искренно Вас уважающий

П. Кулаковский.

1880 г. 17 марта. Белград.

ОР РНБ. Ф. 621. Д. 460. Л. 5 об. Оригинал.

№ 3

Многоуважаемый Александр Николаевич!

<...> Прежде всего я объясню, как произошел перевод повести Миличевича «Гайдуки». Перевод сделан не мною, а моей женой, которая здесь хорошо выучилась по-сербски; повесть же эта ею выбрана для перевода по указанию Миличевича, который сам объяснил ей места, трудные для перевода.

Повести Миличевича лишены всякого художественного значения и имеют лишь интерес как бытовые очерки в легкой форме — не больше. Лишь с этой стороны я могу похвалить повесть «Гайдуки», вышедшую из-под пера лучшего в наше время знатока нравов, обычаев и характера сербов. Мне бы казалось, что эта повесть может быть интересна и полезна для русской публики. Этим я никак не хочу доказывать, что она вполне подходит к программе «Вестника Европы» <...>.

Если наше русское министерство не найдет возможности продлить мне командировки, то едва ли я буду в состоянии остаться в Сербии: русский на сербской службе должен быть непременно независим и спокоен за свое существование, иначе он едва ли будет полезен. Теперь у нас вдобавок австрийское влияние возрастает, и понятно, что всему, что только носит русское имя, грозит опасность сделаться подозрительным <...>.

25 марта 1881 г.

Белград.

Глубоко Вас уважающий
И искренно Вам преданный
П. Кулаковский.

ОР РНБ. Ф. 621. Д. 460. Л. 6–7. Оригинал.

№ 4

Многоуважаемый Александр Николаевич!

<...> О делах сербских писать мне Вам, кажется, особенно нечего. Все, что здесь происходит, до того противоречит всему сербскому прошлому, убеждению и мнению массы и большинства интеллигенции, что едва ли долго может продлиться это прислуживание Австрии. В новой истории Сербии вновь повторяется старая, вновь происходят колебания между западом и востоком, и до того сильные, что Сербия может пропасть. Жаль будет тогда государства, на которое немало было потрачено и русской крови, и русской мысли, и русских денег.

В ученом сербском мире – полное запустение и полное затишье. Все молчит, и работать некому. В журналистике появляются новые даровитые стихотворцы и рассказчики повестей, но все равно ничего нет выдающегося. В газетах занимаются перебранкой разные партии, в направлениях и принципах полный хаос <...>.

Искренно Вам преданный
и Вас уважающий
П. Кулаковский.

7 июля 1881 г. Белград.

ОР РНБ. Ф. 621. Д. 460. Л. 8 об. – 9. Оригинал.

Письма Ю.А. Кулаковскому

№ 1

Дорогой брат!

<...> «Русские – какие-то азиаты» – фраза Стороженки²⁰⁴; фраза многих сербов, когда язык им развяжет вино, чехов, даже лужичан, я слышал сам ее своими ушами всюду – вот в чем проявляется один великий грех всего славянства – вечная ссора между собой <...>.

Твой Платон.

1881 г. 7 ноября. Москва.

*Центральный государственный исторический архив Украины
(далее – ЦГИАУ). Ф. 264. Оп. 1. Д. 43. Л. 4 об. Оригинал.*

№ 2

18 июня 1882 г. Белград.

Мой дорогой брат!

<...> От Сербии, которая мне страшно надоела, хочу совершенно отказаться. Приеду в Москву и стану там работать, где бы то ни было и как бы то ни было. Здесь я уже почти ничего не люблю, ни во что не верю: такое дикое, обманное время наступило. Это, конечно, временное явление, оно пройдет, и скоро пройдет, исчезнут миражи, – но лучше уж

у себя дома, на родине, болеть родными скорбями и радоваться родным радостям, чем здесь переживать все с людьми, среди которых моральный разврат, разврат духа достиг высших степеней. Мое дело, т. е. то, которому я здесь служил (русский язык у славян), для меня дорого, и я теперь еще более верю в необходимость его, в необходимость его осуществления, чем прежде. История должна его сделать. Из министерства ничего не пишут, ну — и я молчу. Я думаю, что если там и согласятся, то мне придется отказаться, потому что я слишком озлобился и, пожалуй, могу повредить делу* <...>.

Весь твой Платон.

ЦГИАУ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 43. Л. 8. Оригинал.

Примечания

¹ В начале 1878 г. сербский министр просвещения Алимпие Васильевич обратился к своим московским знакомым Н.А. Попову и И.С. Аксакову с просьбой подыскать кандидата для занятия кафедры русского языка и литературы, открытой в Великой школе в рамках программы изучения русского языка в высших и средних учебных заведениях Сербии. В качестве такого кандидата ими был рекомендован кандидат Московского университета, учитель русского языка и литературы в высших классах IV московской гимназии П.А. Кулаковский. Русское правительство поддержало ходатайство А. Васильевича — Высочайшим приказом по министерству народного просвещения от 21 марта 1878 г., за № 4, тот был командирован «за границу с ученой целью, сроком, считая с 1 будущего июля, на три года, с назначением ему содержания 1500 рублей в год...» (см.: Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. М., 2012. С. 67). По прошествии трех лет министерство продлило Кулаковскому командировку еще на год: до 1 июля 1882 г. (Архив внешней политики Российской империи. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 6715. Л. 31–32).

* Подобное настроение Кулаковского в конце его командировки не осталось незамеченным. 13 июня 1882 г. М. Миличевич записал: «Был у меня Платон Андреевич Кулаковский, профессор русского языка. Говорил, что возвращается в Россию. Едок, но сдерживается. О своем наследнике по кафедре сказал, что это дело Новаковича: будет он его искать или нет?» (АСАНУ. Бр. 9327. Књ. XI). Стоян Новакович, как известно, искать не стал. И кафедра русского языка и литературы по убытию Кулаковского в белградской Великой школе тихо «скончалась».

² Васильевич Алимпие (1831–1911) – сербский ученый (философ, психолог, педагог); политик. Видный деятель Либеральной партии. Закончил Киевскую духовную академию, стажировался в Париже. С 1868 г. – профессор философии в белградской Великой школе; в 1875 – ее ректор. В 1875, 1876–1879, 1880, 1887 гг. – министр просвещения и церковных дел. В 1892–1893 и 1894–1895 – посланник Сербии в Санкт-Петербурге. С 1879 г. – член Государственного совета.

³ 22 июня 1878 г. на заседании Московского славянского комитета И.С. Аксаков произнес знаменитую речь с оценкой Берлинского конгресса и его результатов. В ней он объявил их никак не соответствующими понесенным Россией жертвам и не оставил от «русской дипломатии» камня на камне. Узнав о речи, Александр II так разгневался, что тут же приказал закрыть все Славянские комитеты, а Аксакова выслать административным порядком из Москвы. 26 июня тот отправился в ссылку в село Варварино Владимирской губернии, в имение свояченицы Е.Ф. Тютчевой, где оставался до декабря 1878 г.

⁴ Павлович Яков (1840–1905) – сербский церковный деятель; в 1898–1905 гг. – предстоятель Сербской Православной Церкви. Закончил Духовную академию в Киеве. По возвращении в страну – профессор гимназии в Крагуеваце, затем ректор Белградской богословской школы (духовной семинарии). Овдовев, принял монашеский постриг под именем Иноккентий (1891). В 1894–1898 гг. – епископ Нишский. В 1898 г. избран архиепископом Белградским и митрополитом Сербским. Но, «как глава церкви в Сербии, он не оставил в ее истории сколь-нибудь значительного следа...» (*Сава, еп. Шумадијски*. Српски јерарси. Београд; Подгорица, 1996. С. 198).

⁵ Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор России с Турцией был заключен 3 марта 1878 г. Согласно его положениям, предполагалось создание «Великой Болгарии» с включением в ее состав практически всей Македонии. К Сербии же отходили Ниш и Лесковац, а также территория, достигающая на западе – Нового Пазара, на юго-западе – Митровицы, на юге – Враня, но без этих городов. Пиротский округ также предполагалось передать Болгарии.

⁶ Магдаленич Михайло (?–1927) – сербский военный деятель, генерал (1900). В 1866 г. закончил Артиллерийскую школу. В 1872–1875 гг. – обучался в Инженерной академии в России. Участник Сербо-турецких войн 1876–1878 гг. Командовал инженерными частями Моравского и Шумадийского корпусов. В 1886–1889 – начальник инженерного отделения военного министерства. В 1889–1890 – командир Тимокской, а в 1900–1901 – Дунайской дивизий. В 1875–1876, 1878–1889 и в 1894–1895 гг. – профессор Военной академии. Награжден русским орденом Св. Станислава 2-й степени.

⁷ Визит министра просвещения А. Васильевича в Россию состоялся в ноябре 1878 г., с целью выяснить отношение Петербурга к строительству железной

дороги Белград – Ниш, которую Сербия обязалась проложить на Берлинском конгрессе.

⁸ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф – русский государственный деятель. Обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880); министр народного просвещения (1866–1880) – в 1866–1880 гг. занимал оба эти поста одновременно; министр внутренних дел (1882–1889).

⁹ Маркович Стоян (1833–1903) – сербский ученый, педагог, общественный деятель. Учился в Гейдельберге, Париже. В 1862–1894 гг. – профессор административного и государственного права в Великой школе; в 1866–1868 и 1878–1881 – ее ректор. В 1875–1876 гг. – министр юстиции. С 1894 – член Государственного совета.

¹⁰ Ладыженский (Лодыженский) Николай Николаевич (1843–1916) – русский композитор и дипломат. В 1866–1867 гг. входил в содружество русских композиторов «Могучая кучка». Написал музыку для 10 романсов, в том числе на слова Пушкина и Лермонтова. В начале 1870-х гг. оставил творчество и поступил на дипломатическую службу. В 1872–1879 гг. – секретарь Русской миссии в Сербии, в 1879–1883 и 1887–1908 – консул в Болгарии, Румынии, Турции, США. С 1908 в отставке.

¹¹ Маринович Йован (1821–1893) – видный сербский политик и дипломат. Один из лидеров консерваторов. В 1873–1874 гг. – глава правительства и министр иностранных дел; в 1861–1878 (с перерывами) – председатель Государственного совета; в 1856–1857 – министр финансов. В 1878–1889 гг. – посланник Сербии во Франции.

¹² Персиани Александр Иванович (1842–1896) – российский дипломат. Представитель России в Сербии (1877–1895): в 1877–1878 гг. – дипломатический агент и генеральный консул; в 1878–1889 – министр-резидент; 1889–1895 – чрезвычайный и полномочный посланник.

¹³ Милойкович Радивое (1832–1888) – видный сербский политик и государственный деятель. Член Либеральной партии, ближайший соратник Й. Ристича. Образование получил в Белградском лицее, а также в Гейдельберге и Париже. В 1869–1872 гг. – председатель правительства Сербии; в 1868–1872, 1876–1880 и 1887 гг. – министр внутренних дел; в 1875–1876 – министр юстиции. С 1872 г. – член Государственного совета.

¹⁴ Обреновичи – княжеская (1815–1842; 1858–1883), затем королевская (1882–1903) династия в Сербии, основанная Милошем Обреновичем (1815–1839; 1858–1860). Его наследники – Михаил (1839–1842; 1860–1868), Милан (1868–1889), Александр (1889–1903).

¹⁵ Карагеоргиевич Александр (1806–1885) – сын Карагеоргия и князь Сербии (1842–1858). Во время своего правления находился под сильным влиянием Австрии.

¹⁶ Сретенович Савва (1827–1893) – сербский литератор, профессор Белградской богословской школы, чиновник министерства просвещения и церковных дел.

¹⁷ В либеральном кабинете Й. Ристича (июнь 1878 – октябрь 1880 г.) А. Васильевич занимал пост министра просвещения и церковных дел. 8 марта 1879 г. он подал в отставку, но 5 июня 1880 вернулся в состав правительства в прежнем качестве.

¹⁸ Бошкович Стоян (1833–1908) – сербский историк, политик и дипломат. Член Либеральной партии В 1859–1860 гг. – редактор официальной газеты «Српске новине». С 1862 г. – профессор Белградской гимназии. С 1872 г. – профессор всеобщей истории Великой школы. Дважды занимал должность министра просвещения и церковных дел. Посланник Сербии в Румынии (1890), Греции (1900), Франции (1902), Бельгии (1902–1903).

¹⁹ Александр II Александрович Романов (1818–1881) – российский император (1855–1881).

²⁰ Гирс Николай Карлович (1820–1895) – русский дипломат; министр иностранных дел (1882–1895). В 1838 г. начал службу в Азиатском департаменте МИД. Посланник в Иране (1863–1869), Швейцарии (1869–1872), Швеции (1872–1875). С 1875 г. управляющий Азиатским департаментом и товарищ министра иностранных дел. В 1882 г. назначен министром. Как руководитель внешней политики являлся послушным исполнителем воли Александра III. По своим личным убеждениям – сторонник сближения с Германией и Австро-Венгрией. Прилагал усилия для сохранения «Союза трех императоров». Но усиление австро-германской экспансии на Ближнем Востоке и обострение противоречий между Россией и Германией вынудили русское правительство пойти на сближение с Францией – Гирс принимал участие в выработке и заключении в 1893 г. франко-русской военной конвенции.

²¹ По решению Берлинского конгресса 1878 г., Сербия обязалась построить железную дорогу Белград – Ниш – Вранье. В поисках подрядчика для ее строительства либеральный кабинет Йована Ристича обратился к России. Петербург порекомендовал Белграду железнодорожные компании Мамонтова и Баранова, но никаких государственных гарантий не предоставил, чего так желали сербы. После падения правительства Ристича новые (австрофильские) сербские власти – с подачи Вены – отвергли идею передачи прокладки сербской магистрали в русские руки.

²² Текст отчета А. Васильевича о визите в Россию напечатан в: *Василјевић А. Моје успомене* / Приред. Р. Љушић. Београд, 1990. С. 198–202.

²³ 24 июля 1877 г., по инициативе либерального правительства в лице министра просвещения и церковных дел А. Васильевича, Народная скупщина Сербии

приняла закон о введении русского языка в качестве предмета в ряде учебных заведений. Помимо Богословской школы, где он входил в программу, русский язык стал изучаться в Учительской школе и Высшем женском училище... Кроме того, было принято решение открыть кафедру русского языка и литературы в Великой школе, которую в 1878 г. и занял П.А. Кулаковский.

²⁴ Дювернуа Александр Львович (1839–1886) – видный русский лингвист, специалист в сфере истории славянской культуры. Профессор Московского университета (1872–1886).

²⁵ Соловьев Александр Константинович (1846–1879) – русский революционер-народник; отставной коллежский секретарь. В 1876 г. примкнул к обществу «Земля и воля». В 1877–1878 гг. вел революционную пропаганду среди крестьян Поволжья. 2 апреля 1879 г. совершил неудачное покушение на Александра II во время его обычной прогулки в окрестностях Зимнего дворца – без охраны и спутников. Все выстрелы прошли мимо императора. При попытке задержания принял яд, но был спасен медиками, давшими противоядие. 28 мая, по приговору Верховного уголовного суда, повешен на Смоленском поле в Петербурге.

²⁶ Во время Сербо-турецкой войны 1876 г. Московский славянский комитет передал русским добровольцам походную церковь, которая после окончания боевых действий осталась в Сербии.

²⁷ Никанор (Ружичич) (1843–1916) – сербский религиозный деятель. Окончил Духовную академию в Киеве. Был ректором Белградской богословской школы. В 1886–1889 гг. – епископ Жичский, в 1898–1911 – Нишский. В 1901–1903 гг. – член Сената.

²⁸ Милоевич Милош (1840–1897) – сербский историк, литератор и общественный деятель. Закончил гимназию и юридический факультет в Белграде. В 1862–1865 гг. обучался в Московском университете. По возвращении в Сербию – профессор гимназий в Валево, Белграде и Лесковаце. Его исторические и фольклорные работы лишены строго научного значения. Из-за мегаломанских представлений, будто бы весь Балканский полуостров заселен сербами, в памяти болгар он остался как «безумный Милош»... Относительно сборника «сербских» песен, им подготовленного, А.Н. Пыпин писал: «В 1869 г. серб М.С. Милоевич издал в Белграде “Песме и обичаје укупног народа српског” и в числе песен поместил много чисто-болгарских, переправленных им на сербский язык при помощи болгарина Стояна Везенкова» (*Пыпин А.Н. История славянских литератур*. 2-е изд. С. 130).

²⁹ «Восток» – еженедельная политическая и литературная газета. Издавалась в Москве в 1879–1886 гг.; редактор-издатель Н.Н. Дурново. Газета имела целью «разъяснение текущих вопросов, вызванных политическими и религиозными событиями на Востоке среди родственных нам по вере и крови народов».

Для этого редакция считала нужным «установить прямой обмен мыслей между греческой, сербской, болгарской, румынской и русской публицистикой по предметам общего интереса», дабы «примирить между собой различные народности Балканского полуострова путем единоверия, на котором Россия основывала свою восточную политику во все прежние времена».

³⁰ Видин – город в Болгарии. Расположен на Дунае, недалеко от границы с Сербией. Возник как римский бастион. Играл важную роль в болгарской истории. Был столицей Западной Болгарии в период 2-го Болгарского царства и Видинского царства Ивана Страцимира. Из-за своего важного стратегического положения неоднократно фигурировал и в военной истории Балкан. Здесь в 1853 г. Омер-паша открыл враждебные действия против России переходом через Дунай; в окрестностях Видина происходили стычки между турками и русскими, особенно 6 января и 19 апреля 1854 г. Во время Сербско-турецкой войны 1876 г. город служил опорной базой Осман-паше, а в последовавшей затем Русско-турецкой кампании 1877 г. он именно отсюда начал свое движение к Плевне. По статье 11 Берлинского трактата укрепления Видина были срыты, а сам город присоединен к Болгарскому княжеству. Во время Сербско-болгарской войны 1885 г. сербы трижды пытались взять его штурмом, но были отбиты слабым болгарским гарнизоном.

³¹ Состоявшийся в 1878 г. в Берлине дипломатический конгресс даровал Сербскому княжеству независимость и санкционировал присоединение Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого округов, входивших ранее в состав Турции.

³² В 1880 г. в Сербию, в качестве представителя железнодорожной компании С.С. Полякова, прибыл М.Г. Черняев. Возлагая немалые надежды на свой былой авторитет, он пробыл в стране до марта 1881 г., но так ничего и не добился – концессия на постройку сербской магистрали была передана французской компании «Унион Женераль» предпринимателя Эжена Бонту.

³³ Зюсман Никандр Васильевич (? – 1901) – доброволец Сербско-турецкой войны 1876 г., но ни в одном сражении не участвовал. Остался в Сербии корреспондентом ряда русских газет. Состоял в близких отношениях с Й. Ристицем, митрополитом Михаилом, М.Г. Черняевым и др. Интриган и авантюрист. В 1880 г. был изгнан из Сербии, но продолжал заниматься «славянским вопросом». Имел широкие связи в славянофильских кругах. Не без собственной корысти оказывал тайные – в том числе шпионские услуги руководству Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, часто под видом корреспондента различных газет выезжая на Балканы (подробнее о нем см.: *Шемякин А.Л. Никола Пашич в Болгарии (1883–1885)* // *Studia Balcanica*. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 102–107).

³⁴ Поляков Самуил Соломонович (1837–1888) – один из железнодорожных «королей» России.

³⁵ Кула — город в западной Болгарии, на самой границе с Сербией. С сербской стороны с ним граничит Заечар. Расположен на восточной окраине Кулской возвышенности, покрытой густым лесом... В результате действий сербских войск на восточном фронте войны с Турцией 1877–1878 гг. ими были освобождены города Пирот, Кула, Трн и Брезник с прилегающими территориями. По решению Берлинского конгресса Пирот оставался за независимой Сербией, а Кула, Трн и Брезник включались в состав автономного Болгарского княжества — на тот момент под временным русским управлением. Разграничение Сербии и Болгарии на «берлинских» основах (с эвакуацией сербских войск и гражданских структур из отходящих болгарам районов) происходило весьма напряженно, сопровождаясь нередко острыми спорами (см.: *Самарцић М.* Европа и обележаванье граница Србије 1878–1879. Нови Сад, 2006. С. 89–144). 26 августа 1878 г. сербские военные и гражданские власти покинули Кулский округ. Их отход сопровождался массовой вырубкой и вывозкой леса.

³⁶ Велики Извор — село в восточной Сербии (вблизи Заечара), на границе с Болгарией.

³⁷ Берлинский трактат 1 (13) июля 1878 г. стал результатом Берлинского конгресса (1 июня — 1 июля), созванного для пересмотра условий Сан-Стефанского прелиминарного договора, который завершил Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Согласно этому документу Сербия, Черногория и Румыния получали независимость. Болгария объявлялась автономным княжеством; его выборный глава утверждался султаном с согласия великих держав. К независимой Сербии отходили 4 округа — Нишский, Пиротский, Враньский и Топлицкий.

³⁸ Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович (1820–1893), князь — русский военный деятель и администратор; генерал-адъютант (1869) и генерал от кавалерии (1878). Участник Кавказской, Крымской и Русско-турецкой (1877–1878) войн. В 1878–1879 гг. — Верховный русский комиссар в Болгарии, командующий оккупационным корпусом. Участвовал в разработке конституции страны (1879). В 1882–1890 гг. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа. С 1879 г. — член Государственного совета... В Болгарии на долю Дондукова-Корсакова выпала задача организовать новое управление страны, умиротворить внутривластные страсти и бороться с внешними интригами. Эту задачу он выполнил блестяще, заслужив популярность среди болгар, которые помышляли возвести его на болгарский престол. При отъезде из Болгарии был назначен шефом 9-й Тырновской дружины, получившей название *Дондуковской*. В 1881 г. его именем назван бульвар в Софии.

³⁹ «Московские ведомости» — газета, издававшаяся в Москве в 1756–1917 гг. В 1840-х гг., при редактировании К.Ф. Корфом, приобрела литературно-

общественный характер. С 1863 г., когда редакторами стали М.Н. Катков и П.М. Леонтьев (в 1875–1887 гг. один Катков), газета приняла консервативный характер. Ее влияние достигло апогея при Александре III. Преемники Каткова – С.А. Перовский, В.А. Грингмут, Л.А. Тихомиров.

⁴⁰ Дурново Николай Николаевич – публицист, автор многочисленных сочинений по истории православной церкви на Балканах и русской восточной политике. О газете «Восток» см. подробнее примеч. 29.

⁴¹ Бан Матия (1818–1903) – сербский писатель, публицист, политик. Образование получил в Дубровнике и Константинополе. В Сербию прибыл в 1844 г. как воспитатель детей Александра Карагеоргиевича. Был близким соратником Илии Гарашанина. Впоследствии – многолетний шеф правительственного пресс-бюро.

⁴² Нестор (Попович) (1833–1884) – архимандрит, профессор, ректор Белградской богословской школы. В 1883–1884 гг. – епископ Нишский.

⁴³ Каульбарс Александр Васильевич (1844–1925), барон – русский военный деятель, генерал от кавалерии (1901); ученый-географ; один из инициаторов создания русской военной авиации. Обучался в Школе гвардейских юнкеров в Санкт-Петербурге. В 1868 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За боевые отличия награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. По окончании военных действий вошел в состав международной комиссии по разграничению Болгарии с Сербией.

⁴⁴ Трн – город в западной Болгарии, вблизи границы с Сербией

⁴⁵ Брезник – город в западной Болгарии, вблизи границы с Сербией.

⁴⁶ Пирот – город в юго-восточной Сербии. Расположен на реке Нишава. Первые упоминания о нем относятся к II в. н. э., когда город назывался Туррес (*лат.* – Turres). Свое нынешнее название получил в XIV в. До 1878 г. находился в составе Османской империи, а по решению Берлинского конгресса отошел к независимому Сербскому княжеству.

⁴⁷ Моисей (Вересич) (1831–1896) – сербский церковный деятель; епископ Шабацкий (1868–1874) и Неготинский (1880–1883). Обучался в Киевской духовной академии. По возвращении в Сербию (1862) был назначен профессором Белградской богословской школы, затем – настоятелем монастыря Драча. В 1881–1883 гг. – местоблюститель сербского митрополичьего престола. С 1883 г. – член Государственного совета.

⁴⁸ Петиционная кампания, развернувшаяся (после подписания Сан-Стефанского договора) в областях, занятых сербами, но не включенных в состав Сербии, – Трне, Брезнике и других, жители которых якобы *самоинициативно* обращались к Александру II с просьбами оставить их в сербском подданстве,

была организована белградскими властями, отдававшими себе отчет в предстоящей ревизии договора. Одну из главных ролей при подготовке адресов на имя императора играл Панта Сречкович – в 1878 г. начальник Пиротского округа (*Самарцић М.* Европа и обележавање граница Србије... С. 26–27).

⁴⁹ Баттенберг Александр (1857–1893) – князь Болгарии (1879–1886). Его кандидатура на болгарский престол была выдвинута Александром II с согласия других великих держав. В 1881 г. совершил переворот и отменил действие Тырновской конституции. Попытка превратить страну в оплот австро-германского влияния на Балканах привела его к конфликту с Петербургом. В августе 1886 г. он был арестован болгарскими офицерами-русофилами, вынужден отречься от престола и покинуть Болгарию.

⁵⁰ «Исток» (сербск.) – либерально ориентированная политическая газета. Издавалась в 1871–1881 гг. в Белграде. Главный редактор – Аксентие Миятович.

⁵¹ «Видело» (сербск.) – печатный орган Напредняцкой партии. Выходил в Белграде в 1880–1896 и 1906–1908 гг.

⁵² Шумадия – историческая область в центральной Сербии.

⁵³ Николаевич Светомир (1844–1922) – сербский ученый (историк литературы) и политик. Профессор Великой школы, академик. Один из основателей Радикальной партии; вышел из нее в 1883 г. В 1894 г. – премьер-министр Сербии. Его кабинет упразднил конституцию 1888 г., вернув в силу Устав 1869 г. Сенатор (1901–1903), посланник Сербии в Греции (1903). В 1886 г. организовал Общество святого Саввы – для руководства сербским национальным движением в Старой Сербии и Македонии. Тогда же основал первую в Сербии масонскую ложу «Побратим».

⁵⁴ Переговоры Сербии и Австро-Венгрии о заключении между ними торгового договора шли с июня 1880 по май 1881 г. В окончательном тексте Вене было предоставлено право наибольшего благоприятствования в торговле с Белградом без взаимности. Именно это условие стало причиной отставки либерального кабинета Й. Ристича. Пришедшее ему на смену правительство напредняков во главе с М. Пирочанцем согласилось с требованием австрийской стороны, подписав документ.

⁵⁵ Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) – российский дипломат, сын Н.К. Гирса. На службе в МИД с 1878 г. В 1880–1883 гг. – секретарь (с 1882 – 1-й секретарь) миссии в Сербии. В 1911–1914 гг. – посол в Константинополе. С 1915 г. – посол в Риме. После 1917 г., как старейший из оказавшихся за границей российских послов, входил в состав Политического совещания в Париже (1919–1920), возглавлял Совет послов.

⁵⁶ После приема в Вене в сентябре 1880 г. князь Милан Обренович окончательно перешел в своей внешней и внутренней политике на австрофильские

рельсы, навсегда связав судьбу страны и династии с Дунайской монархией. Ближайшими следствиями этой «смены курса» стали отставка русофильски ориентированных либералов, их замена австрофилами-напредняками, подписание в мае-июне 1881 г. Торгового договора и знаменитой «Тайной конвенции».

⁵⁷ Христич Никола (1818–1911) – сербский государственный деятель крайне консервативного направления. Не состоял ни в одной партии. В 1867–1868, 1883–1884, 1888–1889, 1894–1895 гг. – премьер-министр Сербии. В те же годы и в 1860–1867 – министр внутренних дел.

⁵⁸ Осенью 1880 г. на высоте Руевица (вблизи Алексинаца) по инициативе М.Г. Черняева был возведен обелиск в память погибших в 1876 г. русских добровольцев, сохранившийся и поныне. Деньги на его строительство были собраны по подписке И.С. Аксаковым в России.

⁵⁹ Алексинац – город в южной Сербии. Известен с 1516 г. Стоял на пути в Константинополь. В 1876 г. в его окрестностях шли кровопролитные бои сербодобровольческой армии с турками.

⁶⁰ 19 октября 1880 г. либеральное правительство Й. Ристича было отправлено в отставку. Ему на смену пришел кабинет младоконсерваторов во главе с М. Пирочанцем, который провел первые серьезные реформы, направленные на модернизацию Сербии.

⁶¹ Пирочанац Милан (1837–1897) – сербский политический и государственный деятель. Один из основателей Напредняцкой партии. Образование получил во Франции; по профессии – юрист. В 1874–1875 гг. – министр иностранных дел. В 1880–1883 гг. – премьер-министр Сербии.

⁶² Дучич Никифор (1832–1900) – сербский историк, архимандрит. Обучался в Богословской и Великой школах (Белград), а также Сорбонне (Париж). В 1849 г. принял постриг в монастыре Дужа. Активный участник войн с турками 1876 и 1877–1878 гг. Возглавлял Народную библиотеку; был хранителем Народного музея.

⁶³ Лаутон-Миятович Элоди (1825–1908) – публицистка, писательница, переводчица. Жена Ч. Миятовича. Была старше его на 17 лет. Написала первую историю Сербии на английском языке – *Lowton-Mijatovic E. The History of Modern Serbia*. London, 1972.

⁶⁴ См., напр.: *Миятовић Ч. Деспот Ђурађ Бранковић*. Књ. I. Београд, 1880. Књ. II. Београд, 1882.

⁶⁵ Речь идет о Славянском съезде в Петербурге и Всероссийской этнографической выставке в Москве (включавшей и славянский отдел), состоявшихся в 1867 г. Делегация сербов из Княжества, присутствовавшая на мероприятиях, насчитывала 12 человек. Из лиц, упоминающихся в дневнике П.А. Кулаковского, на съезде и выставке побывал Милан Миличевич.

⁶⁶ Руюица – высота в окрестностях Алексинаца.

⁶⁷ Мураневич Александр Львович – русский предприниматель. В 1880-е годы неоднократно приезжал в Сербию. Пытался заинтересовать русских купцов и промышленников в расширении торговых отношений с Белградом... В I томе антологии «Русские о Сербии и сербах» помещены посвященные сербским сюжетам отрывки из его книги (см.: *Мураневич А.Л.* Русско-балканский торговый вопрос и некоторые полезные для путешественника сведения о наиболее важных путях сообщения по Балканам, о главных пунктах Болгарии, Восточной Румелии, Сербии, Румынии и городе Константинополе (М., 1885) // Русские о Сербии и сербах. Т. I. СПб., 2006. С. 278–284).

⁶⁸ См. примеч. 21.

⁶⁹ Йовичич Живоин (в монашестве Кирилл) (1837 – после 1904) – выпускник Московской духовной академии. В 1872 г. рукоположен в священники. С 1874 г. – профессор Белградской богословской школы, затем – ее ректор. В 1891 г. пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. В 1891–1904 гг. – настоятель Сербского подворья в Москве.

⁷⁰ Ристич Коста – адвокат из Крагуеваца. Один из целого сонма авантюристов, кормившихся возле штаба (в штабе) М.Г. Черняева (см.: *Ђорђевић В.* О штабу генерала Черњајева у Делиграду // Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Антологија / Приред. М. Јовановић. Београд, 2011. С. 153).

⁷¹ Любостыня – монастырь в южной Сербии (в окрестностях Трстеника), задужбина княгини Милицы – вдовы князя Лазара Хребельяновича (ок. 1329 – 1389), возглавлявшего сербов в битве на Косовом Поле (1389) и погибшего там.

⁷² Жича – монастырь в южной Сербии, близ города Кралево (бывшего Карановаца). Сооружен в 1208 г. как задужбина Стефана Первовенчанного. После установления церковной автокефалии в 1219 г. являлся кафедрой сербских епископов. В средние века играл важную роль в религиозной, политической и культурной жизни Сербии.

⁷³ Оказавшись у власти, кабинет Милана Пирочанца распустил скупщину и назначил на 30 ноября 1880 г. новые выборы, закончившиеся сокрушительным поражением партии Ристича: было заново избрано лишь 7 либералов. Все остальные мандаты получили представители бывшей оппозиции.

⁷⁴ Куянджич Милан (1842–1893) – сербский политик, философ и поэт. В молодости – член Омладыны. Участник войн за независимость 1876 и 1877–1878 гг. Образование получил в Вене, Мюнхене, Париже и Оксфорде. В 1866 г. возглавил кафедру философии в Великой школе. После основания Напредняцкой партии стал ее активным членом. В 1881–1883 гг. – вице-председатель, в

1884–1885 – председатель Народной скупщины. В 1886–1887 – министр просвещения и церковных дел.

⁷⁵ Кешко Наталия Петровна, после замужества – Наталия Обренович (1859–1941) – сербская княгиня (1875–1882); королева (1882–1888). Супруга Милана и мать Александра Обреновича.

⁷⁶ Слава – семейный праздник у сербов, посвященный православному святому, являющемуся патроном семьи (рода). Имеет очень древние корни. Сопровождается специальным обрядом – так называемым «сечением колача». При этом зажигается «славская свеча». Не прийти к сербу в гости на славу или не поздравить с ней считается кровной обидой.

⁷⁷ Калевич Любомир (1841–1907) – сербский политический и государственный деятель; один из лидеров Напредняцкой партии. Образование получил в Германии и Франции. В 1867–1870 гг. издавал газету «Србија» («Сербия»), вокруг которой группировалась либеральная интеллигенция. В 1874–1875 гг. – министр финансов. В 1875–1876 – премьер-министр Сербии. Провел ряд реформ, выдержанных в либеральном духе. В 1881–1886 гг. – посланник Сербии в Бухаресте; в 1886–1889 – в Афинах. С 1895 г. – член Государственного совета. В 1903 г. – министр иностранных дел в так наз. «Революционном правительстве» Йована Авакумовича.

⁷⁸ «Побратимство» (сербск.) – литературно-общественная организация в Великой школе.

⁷⁹ «Русь» – газета славянофильского направления. Издавалась в 1880–1886 гг. в Москве, под редакцией И.С. Аксакова.

⁸⁰ Оппозиционный антиристичевский блок изначально не был идеологически единым. Его составляли «младоконсерваторы», группировавшиеся с конца 1879 г. вокруг газеты «Видело», и «радикалы» – наследники социалистического движения Светозара Марковича, объединившиеся в скупщине созыва 1878–1880 гг. с левой крестьянской группой Адама Богосавлевича. После победы над Ристичем смысл существования этого весьма аморфного образования был потерян; тем более что при формировании руководящих органов скупщины они все оказались в руках «виделовцев». Вследствие этого 8 января 1881 г. Радикальная партия выступила в печати со своей программой, конституировавшись как отдельная политическая организация.

⁸¹ «Самоуправа» (сербск.) – общественно-политическая и литературная газета. Официальный орган Сербской народной радикальной партии. Выходила в Белграде в 1881–1883, 1886, 1903–1915 гг. Первый редактор – Пера Тодорович.

⁸² Милошевич Раша (1851–1937) – видный сербский политик, по профессии инженер. Один из основателей Радикальной партии и член ее ЦК. В 1875 г. окончил Технологический институт в Санкт-Петербурге. Участник социали-

стического движения Светозара Марковича. В 1878–1883 гг. – депутат Народной скупщины. Осенью 1883 г. (в связи с Тимокским восстанием) осужден на смерть, затем помилован. В 1886 г. выпущен из тюрьмы. В 1886–1893 гг. – служил в министерстве финансов. В 1893–1894 гг. – министр народного хозяйства. В 1895–1904 гг. – директор Сербского пароходного общества. В 1904–1919 гг. – управляющий Государственными монополиями. Оставил ценные воспоминания. Жена, Драга Лёчич, – первая женщина-сербка, получившая степень доктора медицины (в Цюрихском университете). Имел пять дочерей.

⁸³ Гарашанин Милутин (1843–1898) – сербский политик и дипломат, сын Илии Гарашанина. Один из основателей и лидеров Напредняцкой партии. Военное образование получил во Франции (Мец). Премьер-министр Сербии (1884–1887); министр внутренних дел (1880–1883, 1887); министр иностранных дел (1884–1886); председатель Народной скупщины (1895–1896). Посланник Сербии в Вене (1883–1884) и Париже (1894–1895, 1896–1898).

⁸⁴ Машин Йован (1820–1884) – врач, по происхождению чех. В Сербии с 1852 г. Основатель и вице-председатель Сербского медицинского общества. Личный врач князя Михаила Обреновича. Отец инженера Светозара Машина – первого супруга Драги Луневицы (во втором браке королевы Драги Обренович) и полковника Александра Машина – руководителя Майского переворота 1903 г., в результате которого королевская чета Обреновичей была ликвидирована.

⁸⁵ 18 июля 1881 г., под предлогом несогласия митрополита Михаила с законом «О церковных таксах», предполагавшим взимание налогов при рукоположении священных особ, он был уволен со своего поста личным указом князя Милана Обреновича.

⁸⁶ Франц-Йосиф I Габсбург (1830–1916) – император Австрии (1848–1916) и король Венгрии (1867–1916). В 1849 г. с помощью России подавил революцию в венгерских землях и восстановил абсолютизм. В 1867, идя на уступки мадьярам, преобразовал унитарное государство в двуединую монархию – Австро-Венгрию. В 1879 г. заключил союзный договор с Германией, превратившийся в 1882 г. (по присоединении к нему Италии) в Тройственный союз. Проводил экспансионистскую политику на Балканах, нередко приходившую в столкновение с интересами России, что явилось одной из причин возникновения Первой мировой войны.

⁸⁷ Савва (до пострижения Растко; 1174–1235) – сербский политический и церковный деятель, основатель автокефальной Сербской церкви. Младший сын Стефана Немани. В начале 90-х гг. XII в. управлял Хумской землей, затем отправился на Афон, где принял пострижение и вместе с отцом основал Хиландарский монастырь. В начале XIII в. возвратился в Сербию. Добившись согласия Никейской патриархии на создание самостоятельной сербской архиепископии,

стал в 1219 г. ее главой. В середине XIII в. причислен к лику святых (культ его был распространен в Сербии, Болгарии и на Руси).

⁸⁸ «Голос» – ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге в 1863–1884 гг. Издатель-редактор – А.А. Краевский. С середины 1870-х гг. – одна из самых читаемых газет в России. Выступала за продолжение реформ 1860-х гг. Из-за усиления цензурных стеснений в условиях поворота правительства Александра III вправо, Краевский в январе 1884 г. прекратил издание «Голоса».

⁸⁹ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский публицист, издатель, литературный критик. Основоположник русской политической журналистики. Главный редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника». В идейном плане эволюционировал от раннего либерализма к охранительному консерватизму. Рубежом такой эволюции стал Польский мятеж 1863 г.

⁹⁰ См. примеч. 33.

⁹¹ П.А. Кулаковский имеет в виду *Таковский крест* – сербский военный орден, учрежденный князем Михаилом Обреновичем в 1865 г., в ознаменование юбилея Второго сербского восстания, начавшегося в 1815 г. в селе Таково. До августа 1876 г. имел одну степень, после – пять.

⁹² Указанное письмо Н.В. Зюсмана П.А. Кулаковскому сохранилось (см.: Рукописное отделение Института русской литературы РАН (Пушкинское лото). Ф. 572. Д. 282).

⁹³ В Сербии (в связи с конкурсом на постройку железной дороги) действовала бельгийско-российская группа *Tercelin-Monjot – Société Générale Bruxelles – Баранов*. Понятно, что она была конкурентом Полякова, чьи интересы в Белграде представляли Черняев и его подручный.

⁹⁴ «Застава» (сербск.) – политическая газета сербов в Воеводине. Издавалась в 1866–1929 гг. (1866–1867 – в Будапеште, 1867–1929 – в Новом Саде). Основана лидером Народной партии сербов Воеводины Светозаром Милетичем. Позже стала органом Радикальной партии сербов Воеводины и редактировалась ее лидером Яшей Томичем.

⁹⁵ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – выдающийся русский художественный критик. В 1836–1843 гг. учился в Училище правоведения. С появления в «Отечественных записках» (1847) первых статей началась его литературная деятельность. В 1848 г. за связь с петрашевцами он был отстранен от работы в журнале, арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1851 г. вышел в отставку и уехал за границу. В 1854 г. вернулся в Петербург. Тогда же с его помощью оформилось объединение композиторов, ставшее известным под именем «Могучая кучка». В 1860-х гг. поддерживал «Товарищество передвижных выставок», был одним из главных вдохновителей и историком «передвижников»,

принимал активное участие в подготовке первой и ряда последующих их выставок. В 1856–1872 гг. вне штата работал в Публичной библиотеке. В ноябре 1872 принят на должность библиотекаря и до конца жизни заведовал Художественным отделом. В 1900 г. одновременно со своим другом Л.Н. Толстым избран почетным членом Российской Академии наук.

⁹⁶ Великая Ремета – монастырь на Фрушкой Горе. Главный храм – церковь Св. Димитрия. Был основан в XVI в. В 1716 г. сожжен турками, но быстро восстановлен.

⁹⁷ Фрушка Гора – невысокая возвышенность в Воеводине (Срем), на которой располагается 18 православных монастырей.

⁹⁸ Весной 1880 г. – по пути из Кракова в Белград – В.В. Стасов посетил монастырь Великая Ремета, в котором хранился известный ему по рассказам А.С. Уварова портрет императора Петра I. Уваров видел его в 1873 г. и сфотографировал. История возникновения портрета неизвестна, мы знаем только, что в Великую Ремету он попал в 1818 г. как дар Павла и Натальи Панайотович... Вопрос о портрете был затронут Стасовым в разговоре с митрополитом Михаилом, который дал согласие на перенесение его в Россию. Осенью 1880 г. он был доставлен в Санкт-Петербург и по желанию Александра II куплен для Романовской галереи Эрмитажа (подробнее см.: *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е гг. XIX в.). М., 1989. С. 104–106).

⁹⁹ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – российский государственный деятель, ученый-правовед, писатель, переводчик, историк Церкви; действительный тайный советник. В 1841–1846 гг. обучался в Императорском училище правоведения. В 1859 г. защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства» и год спустя был избран профессором Московского университета по кафедре гражданского права. В 1862–1865 гг. преподавал в нем. В 1865 г. стал членом консультации министерства юстиции; в 1868 – сенатором; в 1872 – членом Государственного совета. В 1880–1905 гг. был обер-прокурором Святейшего Синода. Преподавал законоведение и право будущему императору Александру III и имел на него большое влияние. Вскоре после гибели Александра II выступил как лидер консервативной партии в правительстве нового царя и как его ближайший советник; явился автором Высочайшего манифеста от 29 апреля 1881 г. о незыблемости самодержавия. Почетный член Императорской Академии наук (1880).

¹⁰⁰ Бокль Генри Томас (1821–1862) – английский историк. Автор монументальной «Истории цивилизации в Англии». Разделял идеи социологии позитивизма, географического детерминизма.

¹⁰¹ Дрепер Джон Уильям (1811–1882) – американский историк, врач, химик, физиолог. Автор ряда медицинских исследований и трудов по истории США, в

которых он рассматривал события с позиции географического детерминизма. Кроме того, его перу принадлежат труды «Физиология человека», «История интеллектуального развития Европы» и «Конфликты науки и религии» (два последних переведены на русский язык).

¹⁰² Бонту (Bontoux) Поль-Эжен (1820–1905) – французский инженер и предприниматель. В 1860–1877 гг. служил в австрийской железнодорожной компании «Südbahn». В 1878 основал свою фирму «Union Gènerale». В 1881 г. сербское правительство М. Пирочанца заключило с ней договор о прокладке магистрали Белград – Ниш. Однако в январе 1882 г. компания Бонту обанкротилась, а сам он на несколько месяцев оказался в тюрьме.

¹⁰³ Österreichische Länderbank – банк в Вене, финансировавший Union Gènerale. За этой сделкой французской фирмы и австрийского банка стояло МИД Австро-Венгрии, не желавшее «отдавать» сербскую железную дорогу компаниям с русским капиталом и влиянием.

¹⁰⁴ Имеется в виду – Раша Милошевич.

¹⁰⁵ Валтрович Михайло (1839–1915) – сербский ученый, один из основателей археологической науки в Сербии, инициатор систематического изучения античных и средневековых памятников на ее территории; академик, почетный член Императорского археологического общества в Москве. Образование получил в Германии. Депутат скупщины от Радикальной партии.

¹⁰⁶ Петкович Михайло (1833–1917) – профессор Великой школы.

¹⁰⁷ Жуёвич Младен (1811–1894) – сербский офицер, полковник. В 1858–1861 гг. – начальник Главного военного управления. С 1861 г. – член Государственного совета.

¹⁰⁸ Наследник-цесаревич Александр Александрович (1845–1894). С 1 марта 1881 г. император Александр III.

¹⁰⁹ Шувалов Петр Андреевич (1827–1889), граф – русский государственный деятель. Генерал-адъютант (1866) и генерал от кавалерии (1872). Закончил Пажеский корпус. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. – адъютант военного министра князя В.А. Долгорукова. В 1863 г. – военный начальник железной дороги Петербург – Вильно, участвовал в мероприятиях против мятежников. В 1864–1866 гг. – Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор. В 1866–1874 – шеф Отдельного корпуса жандармов и начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1874–1879 – посол в Великобритании. Участвовал в работе Берлинского конгресса 1878 г.

¹¹⁰ Милованович Гргур (1842–1924) – сербский ученый, специалист в области юриспруденции. Обучался в Гейдельберге, Лейпциге и Париже. Профессор Великой школы. Дважды был деканом Юридического факультета.

¹¹¹ Джурич Милан (1844–1917) – сербский общественный деятель, протоиерей. Один из самых влиятельных *местных* деятелей Радикальной партии (город Ужице). Член ее Центрального комитета. В войне 1876 г. – военный священник; был ранен. В 1878 г. впервые избран депутатом скупщины. В борьбе против режима короля Милана Обреновича отличался активностью и ораторским даром. В 1886 г. арестован, но бежал в Черногорию, где вступил в контакт с Петром Карагеоргиевичем. В 1899 г. (после «Иванданского атентата» [покушения] на М. Обреновича) снова арестован и подвергнут пыткам. Помилован после свадьбы Александра Обреновича и Драги Машин. В 1906 г. – вице-председатель Народной скупщины.

¹¹² Ужице – город в западной Сербии. Известен с IV в.

¹¹³ Попович Алекса – сербский политик. Торговец из города Ужице. Член Напредняцкой партии. Председатель Народной скупщины в 1881–1883 гг.

¹¹⁴ М-те Кирович – супруга болгарского посланника (см. примеч. 126).

¹¹⁵ Карабиберович Живко (1830–1893) – сербский политик, крупный торговец. 8 раз избирался председателем Народной скупщины; был главой Белградской общины (т. е. мэром Белграда).

¹¹⁶ Тодорович Пера (1852–1907) – сербский общественный деятель, журналист и писатель. Во время обучения в Цюрихе сблизился с представителями русской революционной (народнической) эмиграции и проникся социалистическими идеями. Близкий соратник Светозара Марковича (1846–1875). Участвовал в демонстрации «Красное знамя» в Крагуеваце (1876). До 1880 гг. – в изгнании (Нови Сад, Париж). По возвращении в страну – один из основателей Радикальной партии. Редактор ее печатного органа – «Самоуправы». После Тимокского восстания (1883) приговорен к смертной казни, замененной каторгой. В 1885 г. пошел на сделку с королем Миланом Обреновичем, за что в 1886 г. был исключен из партии. После отречения М. Обреновича издавал газету «Мале новине» (1889–1903), ставшую явлением в сербской журналистике... Автор воспоминаний и исторических романов.

¹¹⁷ «Стража» (сербск.) – журнал социалистического направления, выходивший в Новом Саде в 1878–1879 гг. под редакцией Лазара Пачу (реальным же руководителем являлся П. Тодорович).

¹¹⁸ Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – видный теоретик русского народничества, философ, социолог. Окончил Петербургское артиллерийское училище (1842). В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в ряде книг и статей разрабатывал проблемы философии, критикуя с позиций позитивизма религию и мистические формы идеализма. Считал рабочий класс России незначительной силой и мечтал о крестьянской социальной революции. Он активно участвовал в антиправительственной деятельности (поддержка студенческих выступлений

1861–1862 гг., членство в обществе «Земля и воля», сближение с Н.Г. Чернышевским). В 1870 г. бежал из ссылки и отправился в Париж. Здесь вступил в Первый Интернационал, приняв участие в деятельности Парижской коммуны. Вершина его революционной активности – издание в эмиграции журнала и газеты «Вперед!» (1873–1877), пытавшихся возродить традиции герценовского «Колокола».

¹¹⁹ В 1878 г. в журнале «Стража» в переводе на сербский язык были опубликованы «Письма о рабочем социализме» П.Л. Лаврова (см.: Писма о радничком социјализму (1. опште и месне задаће социјализма) од П. Лаврова // Стража. Нови Сад, 1878. Свеска за септембар).

¹²⁰ Иероним (в миру – Йован Йованович [1825–1895]) – сербский церковный деятель; епископ Шабачкий и Нишский. В 1853–1858 гг. обучался в Киевской духовной академии. Не смог смириться с неканоническим свержением в октябре 1881 г. митрополита Михаила и заменой его на митрополищем престолом Феодосием Мравичем, направив сербскому правительству протест. В марте 1883 г. был смещен с епископской кафедры в Шабаче, при выплате штрафа в 1000 динаров, и покинул Сербию. По возвращении в 1889 г., занял Нишскую кафедру, которую возглавлял до смерти.

¹²¹ Богданов Петр Михайлович – русский дипломат. В 1882–1883 гг. – 2-й секретарь миссии в Белграде.

¹²² Вулович Светислав (1847–1898) – сербский ученый (историк литературы), театральный и литературный критик. С 1881 г. – профессор Великой школы. Один из оппонентов вышедшей в 1882 г. монографии Кулаковского о Вуке Караджиче.

¹²³ Петр II Петрович-Негош (1813–1851) – митрополит Черногорский и правитель Черногории (1830–1851). Величайший поэт на сербоязычном пространстве XIX в. Автор поэмы «Горски венац» (1847).

¹²⁴ Милутинович-Сарайлия Симо (1791–1848) – сербский литератор и историк. Участвовал во Втором сербском восстании (1815). Автор исторической драмы «Сербиянка» (1828). Из-за ссоры с князем Милошем Обреновичем покинул Сербию. Находясь в Черногории, был секретарем Петра I Петровича-Негоша и учителем Петра II. После вокняжения Александра Карагеоргиевича (1842) – секретарь министерства просвещения. Оказал значительное влияние на сербскую драму и поэзию.

¹²⁵ Бошковиц Йован (1834–1892) – сербский ученый-филолог (лингвист, историк литературы). Профессор Великой школы, секретарь Сербского научного общества.

¹²⁶ Кирович Димитр – первый посланник автономного Болгарского княжества в Белграде. По профессии медик. Образование получил в Париже. Участвовал добровольцем в Сербско-турецкой (1876) и Русско-турецкой (1877–1878) войнах.

¹²⁷ Ракич Мита (1846–1890) – сербский публицист, переводчик, политик. Один из основателей Напредняцкой партии. Образование получил в Германии. В 1879–1880 гг. состоял в министерстве финансов. В 1881–1885 – в министерстве иностранных дел, где «дорос» до поста начальника МИД. В 1888 г. – министр финансов. Известен своими переводами произведений мировой литературы.

¹²⁸ Речь об Илие Гарашанине (см. примеч. 9 к письмам Н.А. Снесарева) – отце Милутина Гарашанина (см. примеч. 83 к настоящему дневнику).

¹²⁹ Чарторийский Адам Ежи (в русской традиции: Адам Адамович; 1770–1861) – российский и польский государственный деятель, писатель, меценат. С 1895 г. вместе с братом обосновался в Петербурге. Входил в ближайшее окружение Александра I. С 1803 г. – попечитель Виленского учебного округа. В 1804–1806 гг. – министр иностранных дел России. В связи с делом филома-тов-филаретов вышел в отставку. С началом восстания 1830–1831 гг. стал членом Административного совета; в декабре 1830 – августе 1831 – председатель Временного и Национального правительств. После подавления восстания эмигрировал. С 1833 г. – в Париже. Возглавил консервативное крыло польской эмиграции «Отель Ламбер». Поддерживал антироссийскую политику европейских стран, революционные и национальные движения в России, рассчитывая (при успехе) на восстановление Польши. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. покровительствовал польским формированиям в Турции. После заключения Парижского мира удалился от политической деятельности.

¹³⁰ 19 февраля 1880 г. отмечался 25-летний юбилей пребывания Александра II на российском императорском престоле.

¹³¹ Баба-Дудичи – знаменитый белградский род, происходивший от Баба-Дуды (Джурджия Карабиберович), переселившейся в Белград из Липляна в начале XIX в. вместе с мужем Цветко Карабиберовичем. Ее женское потомство объединило в рамках единого клана немало влиятельных сербских политиков, офицеров, культурных деятелей. Клан Баба-Дудичей отличался спаянностью и крепкими родственными связями.

¹³² А. Васильевич действительно являлся поборником популяризации русского языка в Сербии. В 1863–1864 гг., являясь преподавателем Богословской школы, он вел его факультативный курс в Великой школе. В 1862 и 1871 гг. в Белграде вышли два учебника русского языка, написанные им.

¹³³ Вуич Михайло (1853–1913) – сербский ученый (экономист), политик, дипломат; академик. Образование получил в Белграде, Мюнхене, Вене, Берлине, Париже и Лейпциге. В 1879–1887 гг. – профессор Великой школы. Принадлежал к умеренному крылу Радикальной партии. В 1887–1894, 1896–1897 гг. – министр финансов; в 1901 – министр иностранных дел; в 1901–1902 – председатель правительства. Посланник Сербии в Вене (1903–1906), Берлине (1906), Риме (1909).

¹³⁴ Чичагов Павел Васильевич (1867–1849) – российский военный деятель, адмирал. Флотское образование получил в Москве, в Школе навигацких наук. Позже стажировался в Англии. В 1807–1811 г. – морской министр. В 1812–1813 гг. – командующий Дунайской армией.

¹³⁵ Петрович Настас (1867–1933) – сербский политик. По окончании Великой школы работал в гимназиях Ужица и Ягодины. Но затем посвятил себя политике. Являлся депутатом скупщины и секретарем Центрального комитета Радикальной партии. В 1907–1908 гг. – министр внутренних дел в правительстве Николы Пашича. После разрыва с ним сблизился с Александром Карагеоргиевичем. В 1924 г. снова занимал пост министра внутренних дел.

¹³⁶ Учительская школа была основана в 1871 г. Русский язык начал преподаваться в школе на основании специального закона Народной скупщины от 24 июля 1877 г. о введении его в качестве предмета в некоторых учебных заведениях Сербии (см. также примеч. 21).

¹³⁷ Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) – младший брат П.А. Кулаковского; филолог-классик, историк Римской и Византийской империй, археолог, переводчик с латыни и древнегреческого, публицист и педагог. В 1871–1873 гг. обучался в Лицее цесаревича Николая при Московском университете, который окончил с золотой медалью. В 1876 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета по отделению классической филологии. С 1880 г. – приват-доцент, с 1884 – экстраординарный, а в 1888–1919 гг. – ординарный профессор кафедры классической филологии Императорского университета св. Владимира в Киеве. С 1906 г. – член-корреспондент РАН. В 1905 и 1908–1919 гг. – председатель Исторического общества Нестора-летописца при Университете св. Владимира... Главный труд последних лет жизни – трехтомник «История Византии» (Киев, 1910–1915; 2-е изд. I тома – 1913; переиздания: СПб., 1996; 2-е переизд.: СПб., 2003–2004, исправ. и доп.).

¹³⁸ Львов Евгений (настоящая фамилия – Кочетов Евгений Львович; 1845–1905) – русский журналист, сотрудник газеты «Новое время». В качестве корреспондента часто бывал на Балканах. В I томе антологии «Русские о Сербии и сербах» опубликованы фрагменты его записок (см.: *Львов Е.* Болгария в период террора и анархии. Из личных воспоминаний Евгения Львова (М., 1888) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1. С. 285–288).

¹³⁹ Блудова Екатерина Дмитриевна (1813–1891), графиня – писательница, благотворительница, с 1863 г. – камер-фрейлина. Получила домашнее образование. В Санкт-Петербурге ею был открыт салон. Автор воспоминаний о литературной и общественной жизни своего времени, изданных в 1889 г. (была знакома с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Н.М. Карамзиным, В.А. Жуковским, М.Ю. Лермонтовым, К.С. Аксаковым, С.С. Уваровым). В 1864 г., после смерти

отца, оставила светскую жизнь, занявшись благотворительностью. В 1865 г. в Остроге основала православное братство во имя святых Кирилла и Мефодия, при котором существовали: церковь, начальная школа и женское училище, мужская протогимназия, пансион для крестьянских детей, библиотека, больница, аптека, подворье для паломников, путешествующих из Киева в Почаевскую лавру. Скончалась в Москве, похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря.

¹⁴⁰ «Новое время» – российская ежедневная газета, издавалась в 1868–1917 гг. в Петербурге. В 1876–1912 гг. ее издателем и главным редактором был А.С. Суворин. При нем газета стала одним из самых влиятельных средств массовой информации в России.

¹⁴¹ Панчево – город в Воеводине (Банат). Известен с IX в. под названием Панука. Нынешнее имя (как крепость) получил в начале XVIII в., когда переселившиеся в Австрию сербы основали рядом с ней верхний посад, а немцы – нижний посад.

¹⁴² Кирпичников Александр Иванович (1845–1903) – русский ученый-филолог, специалист по истории русской и всемирной литератур; член-корреспондент РАН. Либеральные убеждения и огромная эрудиция делали его одним из самых популярных профессоров эпохи. Особое значение имела «История всеобщей литературы», начатая А.Ф. Коршем и продолженная им.

¹⁴³ Виткович Гаврило (1829–1902) – профессор Великой школы.

¹⁴⁴ Докич Лазар (1856–1893) – сербский врач и политик. Образование получил в Вене и Праге. С 1878 г. – профессор Великой школы; с 1883 г. – воспитатель престолонаследника Александра Обреновича. В мае 1893 г. (после государственного переворота) возглавил правительство Сербии, став одновременно министром просвещения и церковных дел.

¹⁴⁵ Таково – село в 6 км от Горнего Милановаца, где в 1815 г. Милош Обренович поднял знамя Второго Сербского восстания.

¹⁴⁶ Попов Нил Александрович (1833–1891) – видный русский ученый-славист (историк), член-корреспондент РАН (1883). В 1854 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1860–1888 гг. – работал в Московском университете. С 1869 г. – его профессор. В 1873–1876, 1877–1880, 1882–1885 гг. – декан историко-филологического факультета. Автор самой значительной в российской историографии XIX в. работы по истории Сербии – «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.» (1869), переведенной на сербский язык. С 1867 г. – секретарь Московского славянского благотворительного общества.

¹⁴⁷ Сербской награды за свою четырехлетнюю работу в Белграде Кулаковский действительно не дождался, но «сатисфакция» все-таки пришла – 14 декабря 1882 г. состоялся Высочайший указ о пожаловании ему ордена Св. Станислава II степени.

¹⁴⁸ Гудович Еврем – министр общественных работ в напредняком правительстве Милана Пирочанца (1881–1883).

¹⁴⁹ Кулаковский имеет в виду протоиерея Живоина Йовичича (см. примеч. 69).

¹⁵⁰ Сразу же после подписания «Тайной конвенции» с Австро-Венгрией (1881), поставившей под сомнение *реальный* сербский суверенитет, император Франц-Иосиф I наградил Ч. Миятовича орденом Железной короны 1-й степени. Эта награда давала ее кавалеру право на графский титул и пенсию. Миятович отказался от пенсии, но титул принял, именуясь отныне (в основном во время пребывания за границей) – «граф Чедомиль Миятович».

¹⁵¹ Филель и Фреми – французский железнодорожный консорциум, также конкурировавший в Сербии.

¹⁵² Полит-Десанчич Михайло (1833–1920) – сербский («пречанский») политик и публицист; вождь Сербской либеральной партии в Венгрии. Образование получил в Новом Саде, Печуе, Вене. Был депутатом хорватского сабора (1865–1868), венгерского парламента (1874–1910) и сербского церковно-народного собора в Сремских Карловцах (1870–1918). Боролся за национальные права сербского народа в Габсбургской монархии, территориально-политическую и церковно-школьную автономию сербов в Венгрии.

¹⁵³ Землин (Земун) – город в Воеводине (Срем). Расположен на месте впадения Савы в Дунай. В XV в. принадлежал деспоту Джордже Бранковичу. В XVI–XVIII вв. – в составе Турции. С XVIII по начало XX в. – пограничный пункт Австрии (Австро-Венгрии). В 1918 г. вместе со Сремом был передан Королевству сербов, хорватов и словенцев. Ныне Земун – один из районов Белграда.

¹⁵⁴ Йованович Владимир (1833–1922) – сербский политик, ученый и публицист. Образование получил в Германии. Один из родоначальников либерального движения в Сербии и основателей Омладины. В 1876–1880 гг. – министр финансов. В 1890–1903 – член Государственного совета. В 1884–1886 гг. – председатель Сербского научного общества.

¹⁵⁵ Салоники (Солунь) – второй по величине город в Греции, столица греческой Македонии. Основан в 315 г. до н. э. царем Македонии Кассандром. С 148 г. до н. э. – под властью римлян. В византийскую эпоху – второй по значению город Империи после Константинополя. С 1430 г. – в составе Османской империи. В результате Балканских войн 1912–1913 г. отошли к Греции.

¹⁵⁶ П.А. Кулаковский часто публиковал в российской печати (преимущественно в катковских «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», а также в аксаковской «Руси») статьи по острым вопросам сербской политики. Данная статья не была опубликована, сохранилась в черновике и не имела названия.

¹⁵⁷ Речь идет об «изначальном» разделении сербской элиты на *либералов* во главе с Йованом Ристичем, управлявших Сербией (с небольшими перерывами) в 1868–1880 гг., и *консерваторов* – наследников политической традиции «уставообранителей».

¹⁵⁸ См. примеч. 80.

¹⁵⁹ Великая Народная скупщина – экстраординарный орган в политической системе Сербии, наделенный правами Учредительного (Конституционного) собрания.

¹⁶⁰ Пашич Никола (1844–1926) – виднейший государственный деятель Сербии (вкуче с Илией Гарашанином и Йованом Ристичем) и Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). По образованию инженер-строитель. В 1872 г. окончил Высшую политехническую школу в Цюрихе. Во время пребывания в Швейцарии (1868–1872) сблизился с русской революционной эмиграцией. В 1878–1880 гг. служил общинным инженером в городе Пожаревац (и поныне здесь сохранилось несколько построек, возведенных по его проектам). Являясь депутатом скупщины, объединил левую оппозицию и стал ее неформальным лидером. Участник социалистического движения Светозара Марковича. Основатель (1881) и бессменный руководитель Народной радикальной партии – крупнейшей национальной политической организации. В 1891–1926 гг. 22 раза занимал посты премьер-министра Сербии и Королевства СХС.

¹⁶¹ Пожаревац – город в северной Сербии. Расположен в междуречье Дуная, Моравы и Млавы. Вошел в историю после заключения в нем в 1718 г. мирного договора между Австрией и Турцией («Пожаревацкий мир»).

¹⁶² В конце декабря 1879 г. в Белграде вышел первый номер газеты «Видело», вокруг которой объединилась группа европейски ориентированных представителей сербской интеллигенции – Милан Пирочанац, Милутин Гарашанин, Стоян Новакович, Милан Куянджич, Милан Миличевич и др. В ее программе провозглашалась необходимость борьбы за модернизацию Сербии, введение в ней подлинного конституционализма и права закона.

¹⁶³ Напредняцкая (прогрессистская) партия Сербии основана в январе 1881 г. на базе кружка младоконсерваторов, группировавшихся вокруг газеты «Видело». Существовала до начала 20-х гг. XX в. Поддерживаемые династией Обреновичей, напредняки находились у власти в 1880–1883, 1884–1887, 1895–1896 гг. В 1896, утратив политическое значение, партия была распущена. В 1906 г. возобновила свою деятельность.

¹⁶⁴ Филиппов Тертий Иванович (1825–1899) – русский общественный и государственный деятель, тайный советник. В 1878–1889 гг. – товарищ Государственного контролера; в 1889–1899 – Государственный контролер. С 1883 г. – сенатор. Одновременно – публицист славянофильского направления, светский

богослов, знаток и собиратель русского песенного фольклора. Активный член Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

¹⁶⁵ Миловук Екатерина (1844–1913) – педагог и директор Высшей женской школы в Белграде. Образование получила в Николаевской гимназии и Новороссийском университете в Одессе. Одна из самых образованных женщин в Сербии. Автор ряда учебников и пособий. Активно участвовала в деятельности «Женского общества Сербии».

¹⁶⁶ Варварино – село в Юрьевском уезде Владимирской губернии. Принадлежало сестре жены И.С. Аксакова Анны Федоровны – Екатерине Федоровне Тютчевой (младшей дочери поэта Ф.И. Тютчева). Здесь летом–осенью 1878 г. он провел несколько месяцев – после высылки из Москвы, последовавшей в наказание за сказанную речь о Берлинском конгрессе, в которой Иван Сергеевич жестко раскритиковал российскую дипломатию.

¹⁶⁷ Миллер Орест Федорович (1833–1889) – российский ученый-фольклорист, литературовед, славянофил. Профессор Петербургского университета. Близкий друг И.С. Аксакова, после смерти которого стал издателем его писем и статей. Активно участвовал в деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

¹⁶⁸ Чумич Ачим (1836–1901) – сербский политический и государственный деятель; профессор Великой школы. Один из основателей Напреднякской партии. Изучал юриспруденцию во Франции и Пруссии. В 1871 г. – глава общины Белграда, в 1873–1874 – министр внутренних дел, в 1874–1875 гг. – премьер-министр Сербии. В 1878 г. за участие в Топольском восстании был приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением. В 1880 г., после падения режима Йована Ристича, вышел на свободу.

¹⁶⁹ Имеется в виду Топольское восстание: 25 ноября 1877 г. вблизи Крагуеваца два батальона народной милиции (Лепеничский и Ясеничский) отказались принимать присягу и отправляться на сербо-турецкую границу. Вместо этого они выдвинулись к родовому селу Карагеоргия Тополе, ожидая вызвать широкое народное движение за свержение Обреновичей. Князь Милан Обренович послал против них регулярные части, которые к 29 ноября подавили восстание.

¹⁷⁰ Маркович Еврем (?–1878) – сербский военный и общественный деятель; подполковник. Брат основателя и идеолога социалистического движения Светозара Марковича. В 1874–1876 гг. – депутат Народной скупщины. Примыкал к оппозиционной фракции Адама Богосавлевича. Герой Сербо-турецкой войны 1877–1878 гг. За храбрость награжден русским орденом Св. Георгия 4-й степени. За участие (до конца так и не доказанное) в Топольском восстании был расстрелян по приказу князя Милана Обреновича.

¹⁷¹ После расправы над Е. Марковичем Н.К. Гирс поручил дипломатическому представителю в Белграде А.И. Персиани выразить неудовольствие по поводу гибели русского Георгиевского кавалера и вообще обратить внимание сербского правительства на то, что участвовавшие казни производят отрицательное впечатление на Александра II.

¹⁷² Штроссмайер Иосип-Юрай (1815–1905) – католический епископ (города Джаково), теолог и меценат, хорватский общественный и политический деятель. Лидер Народной партии. Выступал за максимальную автономию Хорватии, но при этом являлся югославистом, желая объединения славянских народов в единую федерацию (правда, не без примата католицизма). В 1867 г. основал в Загребе Югославянскую Академию наук и искусств, а в 1874 – Хорватский университет (там же).

¹⁷³ Коларац (Милосавлевич-Коларац) Илия (1800–1878) – крупный сербский купец и меценат. Вел активную торговлю как в Сербии, так и в Австро-Венгрии. В 1861 г. основал «Литературный фонд Илии Милосавлевича-Коларца», который до 1-й мировой войны издал 120 книг. В 1877 г. за участие (опять же недоказанное) в Топольском восстании был заключен в тюрьму, но помилован князем Миланом Обреновичем. Все свое состояние оставил специальному фонду для образования Белградского университета.

¹⁷⁴ Зиболд Мария Федоровна (?–1939) – по профессии врач. Родилась в России. Окончила медицинский факультет Цюрихского университета. В 1876 г. добровольцем приехала в Сербию и участвовала в Сербо-турецких войнах 1876, 1877–1878 гг. После войн и вызванной политическими причинами эмиграции (1883–1889) осталась в Сербии. Работала по специальности в Белграде.

¹⁷⁵ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) – российский ученый (историк) и общественный деятель, академик (1890). В 1878–1882 гг. стоял во главе основанных им Высших женских курсов. Тогда же – председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

¹⁷⁶ Гамбетта Леон-Мишель (1838–1882) – политический и государственный деятель Франции. В годы Второй империи проявил себя как один из влиятельных ораторов левого крыла республиканской оппозиции. В 1869 г. был избран в Законодательный корпус. Выдвинул программу радикально-демократических реформ («Бельвилльская программа»). С сентября 1870 по май 1871 г. – министр внутренних дел в «правительстве национальной обороны». В первое десятилетие Третьей республики Гамбетта – лидер республиканцев, руководил борьбой против клерикализма и попыток реставрации монархии. В 1879–1881 гг. являлся председателем Палаты депутатов. В 1881–1882 гг. премьер-министр и министр иностранных дел Франции.

¹⁷⁷ Михайлович Стевча (1804–1888) – видный сербский политик и государственный деятель. Лидер сторонников Обреновичей на Свято-Андреевской скупщине 1858 г. Соратник Милоша Обреновича. Считался вождем либералов

с 1858 г. Премьер-министр Сербии (1875, 1876). Оставил политику после ссоры с Й. Ристичем в 1879 г.

¹⁷⁸ Кулаковский имеет в виду Рашу Милошевича.

¹⁷⁹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь – русский дипломат, государственный деятель. Министр иностранных дел (1856–1883), последний государственный канцлер Российской империи. Воспитывался в Царско-сельском лицее. На дипломатической службе с 1817 г. Возглавив МИД, стремился снять ограничения, наложенные на Россию Парижским трактатом 1856 г., чего и добился в 1871 г. Повернул курс внешней политики в сторону сближения с Пруссией (Германией). Участвовал в создании Союза трех императоров (1873). Успехи русских войск во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. привели к подписанию прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора, результаты которого, из-за протестов Австро-Венгрии и Англии, были пересмотрены на Берлинском конгрессе (1878). Неудачный для России исход конгресса подорвал престиж канцлера и ослабил его влияние на внешнюю политику, – в 1879 г. он фактически отошел от управления министерством.

¹⁸⁰ Кулаковский имеет в виду графа П.А. Шувалова (о нем см. примеч. 109).

¹⁸¹ Имеется в виду: Убри Павел Петрович (1820–1890), граф – русский дипломат, ближайший сотрудник А.М. Горчакова во время Венской конференции 1853 г. Первый советник посольства в Париже (1856–1863); посланник в Пруссии (с 1863), при Северо-Германском союзе (с 1868), в Германской империи (1871–1879); посол в Австро-Венгрии (1880–1882). Член Государственного совета (с 1882). На Берлинском конгрессе представлял Россию – наряду с А.М. Горчаковым и П.А. Шуваловым.

¹⁸² «Отаџбина» (сербск.) – литературный, научный и общественно-политический журнал – по типу распространенных в Европе «толстых журналов». Выходил в Белграде в 1875, 1880–1883 и 1887–1892 гг. Издатель и редактор – Владан Джорджевич (в 1891–1892 гг. – Милан Йованович).

¹⁸³ Джорджевич Владан (1844–1930) – видный сербский государственный деятель и дипломат; издатель, писатель и мемуарист. По образованию врач – окончил университет в Вене. Организатор и руководитель военно-санитарной службы в Сербии. В 1876 г. – начальник медицинской службы сербской армии. В 1894–1896 гг. – сербский посланник в Турции. В 1897–1900 – премьер-министр Сербии.

¹⁸⁴ Кевенгюллер-Меч Рудольф (1844–1910) – австро-венгерский дипломат. В 1881–1886 гг. был посланником в Белграде. В условиях, когда после подписания «Тайной конвенции» Вена имела решающее влияние на сербскую политику, он de facto являлся политическим советником князя (с февраля 1882 г. – короля) Милана Обреновича.

¹⁸⁵ Речь идет о волнениях православного населения Боки Которской (Кривошии) и восточной Герцеговины (1881–1882) против призыва в австрийскую армию.

¹⁸⁶ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – выдающийся русский военачальник; генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1881). Участвовал в Хивинском походе (1873) и подавлении Кокандского восстания (1874–1876). В 1876 г. военный губернатор Ферганской области. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сыграл решающую роль в сражении при Шипке-Шейново. В феврале 1878 г. занял предместье Константинополя – Сан-Стефано. В 1880–1881 гг. командовал Ахал-Текинской экспедицией, в ходе которой взял штурмом крепости Денгиль-Тепе и Геок-Тепе. После начала в 1881 г. антиавстрийского восстания в Боке Которской, перекинувшегося в 1882 г. и на Герцеговину, дважды (в Париже и Петербурге) выступил в защиту балканских народов против политики Вены и Берлина, открыв подписку в пользу повстанцев (подробнее об этом сюжете см.: *Шемякин А.Л.* Свой среди «своих». Йован Попович-Липовац и восстание в Герцеговине (1882 г.) // *Черногорцы в России.* М., 2011. С. 108–117).

¹⁸⁷ Белимаркович Йован (1827–1906) – сербский военачальник и государственный деятель, генерал (1877). Образование получил в Белграде и Берлине. В 1868–1872 гг. – военный министр. В 1872–1873 гг. – министр общественных работ. В 1873–1875 гг. – член Государственного совета. Успешно командовал сербскими войсками во время Сербско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1889–1893 гг. – член Регентского совета (при малолетнем короле Александре Обреновиче).

¹⁸⁸ Даничич Джура (1825–1882) – крупнейший сербский ученый, специалист по славянской филологии, сербохорватскому языку. Профессор Великой школы.

¹⁸⁹ См., напр.: *Миличевич М.* Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги // *Русская беседа.* 1858. Т. 3. Кн. 11; *Он же.* Сербская община // *Русская беседа.* 1859. Т. 6. Кн. 18.

¹⁹⁰ Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – русский славист, историк и собиратель былин. Член-корреспондент Академии наук. Окончил Московский университет. В 1856–1859 гг. служил консулом в Сараево; с 1863 г. (вместе с Н.А. Милютиным) – в Комитете по делам Царства Польского. С 1870 г. был председателем этнографического отделения Русского географического общества. Научная и публицистическая деятельность Гильфердинга посвящена истории южных и западных славян, славянской филологии, а также русскому фольклору и этнографии.

¹⁹¹ Груич Еврем (1826–1895) – сербский общественный и политический деятель; юрист. Один из лидеров Либеральной партии. Высшее образование получил в Гейдельберге и Париже. Будучи секретарем Свято-Андреевской скупщи-

ны (1858), сыграл значительную роль в смещении князя Александра Карагеоргиевича с престола. В 1859 г. — помощник министра иностранных дел, затем — министр юстиции. В 1869 г. — дипломатический агент в Константинополе. Тогда же назначен членом Государственного совета. В 1874 г. — заместитель председателя Народной скупщины. В 1875 г. — министр внутренних дел в правительстве либералов. В 1876 г. — министр юстиции. В 1880–1892 гг. — сербский посланник в Константинополе, Лондоне, Париже.

¹⁹² Французский банк «Comptoire National d'Escompte», договорившись с Лендербанком — при лоббировании посла Австро-Венгрии в Париже графа Агенора Голуховского и благожелательной позиции французского кабинета Шарля Фресине перенес на себя обязательства по строительству сербской железной дороги, которое в 1884 г. было успешно завершено. 14 февраля 1882 г. министр финансов Сербии Чедомиль Миятович подписал о том договор с обоими банками, с тем условием, чтобы он не вступал в силу до ратификации его сербской скупщиной.

¹⁹³ П.А. Кулаковский имеет в виду книгу: *Гром К.Я.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове (СПб., 1880).

¹⁹⁴ Обрадович Досифей (1739–1811) — сербский общественный деятель и выдающийся просветитель-энциклопедист. Выходец из Австрии. Основал Великую школу в Белграде (1808) и стал первым министром (попечителем) просвещения (1811). Выступил за единый для всех сербов литературный язык на основе народной речи. Заложил основы сербской светской литературы. Среди сочинений Обрадовича: «Жизнь и приключения Досифея Обрадовича» (1783), «Собрание разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение» (1793) и т.д.

¹⁹⁵ Караджич Вук Стефанович (1787–1864) — крупнейший деятель сербского национального Возрождения, реформатор сербского литературного языка, алфавита и правописания. Положил начало научному исследованию сербского фольклора, языка, обычаев и Новой истории сербов. Талантливый ученый-самоучка. В 1814 г. издал первую грамматику сербского языка, в 1818 — первый сербский словарь. Вместо книжного славяносербского языка в своих сочинениях ввел живую разговорную речь, положив в основу литературного языка штокавский диалект. Создал новую сербскую орфографию, основанную на фонетическом принципе. Большую ценность представляют труды Караджича по истории Сербии, Боснии, Черногории и Боки Которской.

¹⁹⁶ Майков Аполлон Александрович (1826–1902) — русский общественный деятель, филолог и историк-славист. Обучался на историко-филологическом факультете Московского университета (1843–1847). В 1857–1859 гг. — адъюнкт кафедры русского языка и литературы. Затем участвовал в выборах дворян-

ских и земских органах; состоял в должности управляющего Императорскими московскими театрами (1886–1888). Один из основателей и казначей Общества драматических писателей и оперных композиторов (1870–1902). Главный научный труд «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа» (М., 1857) был дважды (1858, 1876) издан в Белграде в переводе Д. Даничича.

¹⁹⁷ Отрывки из этой рукописи В.В. Макушева публикуются в данном томе.

¹⁹⁸ Корнилов Иван Петрович (1811–1901) – русский государственный, общественный деятель, историк. Окончил Пажеский корпус и в течение 27 лет находился на военной службе. С 1857 г. служил по ведомству народного просвещения. В 1874–1879 гг. – член совета министра народного просвещения. С 1869 г. – член Санкт-Петербургского отделения Славянского благотворительного общества; в 1872–1876 гг. – его председатель.

¹⁹⁹ 22 февраля 1882 г. Сербия была провозглашена королевством. А 4 марта радикальная фракция скупщины, в ответ на нежелание правительства изложить все обстоятельства банкротства фирмы Э. Бонту, сложила мандаты.

²⁰⁰ В журнале «Стража» был опубликован фрагмент мемуаров Перы Тодоровича «Отрывки из дневника добровольца. Воспоминания о Сербско-турецкой войне 1876 г.».

²⁰¹ Комаров Виссарион Виссарионович (1838 – ?) – публицист. Находился на военной службе, состоя при виленских генерал-губернаторах: графе М.Н. Муравьеве и К.П. Кауфмане. Полковник. С 1871 г. редактировал славянофильскую газету «Русский мир». Во время Сербско-турецкой войны 1876 г. был начальником штаба у М.Г. Черняева. Получил чин сербского генерала. После войны издавал газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1877–1883), «Свет» (с 1883); журналы «Звезда» (1886–1891) и «Славянские известия» (1889–1891).

²⁰² «Русская речь» – ежемесячный журнал умеренно-консервативного направления. Издавался в Санкт-Петербурге в 1879–1882 гг. Издатель-редактор – Н.А. Навроцкий.

²⁰³ «Русская мысль» – самый распространенный и один из лучших ежемесячных литературно-политических журналов в России. Выходил в 1880–1918 гг. Создателем журнала был известный журналист, издатель и переводчик В.М. Лавров. «Русская мысль» придерживалась умеренного конституционализма, что подготовило (идейно и организационно) создание партии кадетов.

²⁰⁴ Стороженко Николай Ильич (1836–1906) – российский ученый (литературовед) и общественный деятель. Специалист по творчеству У. Шекспира. В 1894–1901 гг. – председатель Общества любителей российской словесности.

Письмо И.П. Корнилову

Село Рыло**, Дупнич[ский]
округ (в Болгарии).
1879 г. 23 декабря.

Ваше Превосходительство,
Иван Петрович!

Благодаря Вашему содействию в своевременной высылке мне «Открытого листа» от министерства иностранных дел, я свободно, без малейших препятствий, объехал восточную часть Сербского княжества – Пиротский и Княжевачский округа и западную часть нового Болгарского княжества – округа: Тренский, Брезничский, Радомирский, Кюстендильский и Дупничский.

Мои беспристрастные наблюдения над живой речью населения вышепоименованных округов привели меня к твердому убеждению, что это один и тот же болгарский народ – именно западная часть его, имеющая некоторые отличия от восточной части, к которой принадлежит и современный литературный болгарский язык. С[ан]-Стефанский договор прекрасно, было, постановил, что Пиротский округ должен войти в состав новой Болгарии; составитель его имел верные и точные сведения. В самом деле, не только по народности, но и по производительности, Пиротский округ тяготеет к новой Болгарии: Пиротский округ сам по себе беден житом и пшеницей, но богат виноградом; а соседние с ним болгарские округа Тренский и Радомирский богаты пшеницей, но бедны виноградом. Обмен этих произведений, вполне естественный, установился с давнего времени.

И Ваше Превосходительство может себе представить, какой сильный удар нанес Берлинский договор этим трем округам. Отстаивавшие интересы Сербии понимали невыгоду изолированного положения Пиротского округа, и этим объясняется чудовищное проведение границы между Сербией и Болгарией: так, например, мне приходилось встречать, что деревня с частью угодий осталась за Болгарией, а другая часть угодий перешла к Сербии, или 20 домов отошли к Сербии, а 10–15 той же деревни остались за Болгарией <...>.

Таковы мои личные наблюдения, и свои выводы я постараюсь в скором времени обставить научными атрибутами.

* Качановский Владимир Васильевич (1853–1901) – российский ученый-славист, специалист по славянской истории и филологии. С 1896 г. – профессор Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине.

** Выделено в оригинале.

Что касается народности Пиротского, Тренского и Брезничского округов, я позаботился записать до 100 песен народных, и собрание их намерен продолжить, и при содействии издать отдельным сборником. Цель этого сборника – представить настоящую живую речь западной части болгарского народа, показать преимущество ее пред восточной. Это, быть может, повлияет на некоторое изменение современного литературного болгарского языка в сторону сближения его с русским языком.

В настоящее время приступаю к пересмотру богатой библиотеки Рыльского монастыря¹ <...>.

Искренно уважающий Ваше Превосходительство,
Владимир Качановский.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 377. Д. 766. Л. 1–2 об. Оригинал.*

Примечание

¹Рыльский (Рилский) монастырь – самый крупный и известный православный монастырь в Болгарии. Согласно преданию, основан св. Иваном Рилским, чье имя носит с X в. Главный центр болгарской национальной памяти. В 1983 г. включен в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Десять месяцев за границей. Путевые заметки и наблюдения 1881 г.

<...> В Бухаресте я прожил до 2-го марта, и при первом известии об открытии навигации вверх по Дунаю отправился в Оршаву¹. Там я только переночевал и на следующее утро с первым же пароходом поехал в Белград, куда прибыл 3-го числа поздним вечером.

На пароходной пристани какой-то полицейский отобрал у меня паспорт и сказал, что за получением его я должен явиться в русское посольство, затем в находящейся тут же таможне были осмотрены мои вещи, после чего мне позволили выйти на сербский берег. Я нанял носильщиков и приказал им отвести меня в одну из указанных мне моим приятелем, П.А. Кулаковским^{**}, гостиниц. Гостиница «Код Париза»^{***} оказалась далеко, и мы направились в более близкую «Код Краля». С набережной Савы мы поднялись по каменной лестнице к Кали-мегдану, ныне парку, а прежде площади, на которой не раз происходили кровавые столкновения между турками гарнизона и сербами Белграда и на которой производились казни христиан. В темноте краем Кали-мегдана мы прошли к гостинице «Код Краля», но не нашли здесь ни одного свободного номера и отправились в ближайшую гостиницу «Код Српске круне»^{****}, считавшуюся тогда лучшей. Нас встретила молодая кассирша. К удивлению моему, она стала говорить со мной по-французски и, узнав, что я русский, объявила мне, что только утром уехал от них генерал Черняев, проживший здесь десять месяцев, и что теперь живет у них г. Висковатов.

* Макушев Викентий Васильевич (1837–1883) – русский ученый-славист, дипломат. В 1862–1865 гг. – секретарь русского консульства в Дубровнике. В 1871–1883 – профессор Варшавского университета.

** Биографические данные о П.А. Кулаковском см. на с. 70.

*** «Код Париза» (сербск.) – «У Парижа».

**** «Код Српске круне» (сербск.) – «У сербской короны».

Мне отвели небольшую комнату в одно окно, довольно грязную, почти без мебели, с очень дурным воздухом: лучшей не оказалось, и нужно было довольствоваться тем, что есть. Номеровый, еще к большему моему удивлению, стал говорить со мной по-немецки, и я начал разочаровываться в сербском Белграде. На следующее утро, опять же к удивлению моему, является ко мне молодой расфранченный полицейский и вручает мне мой паспорт. Меня удивило, каким образом полиция могла так скоро узнать, что я оставился в этой гостинице, именно в этой, а не в той, в которой хотел остановиться. Молодой человек стал толковать мне также по-немецки, сколько хлопот ему стоило достать мой паспорт и как долго ждал он в русском «консульстве», как привыкли сербы называть «посольство» (куда, как потом оказалось, он и не заглядывал), и, конечно, пришлось дать ему бакшиш.

Напившись чаю, я отправился отыскивать своего приятеля, П.А. Кулаковского, с которым познакомился года четыре тому, когда он был в Варшаве проездом в Белград. Проходя по двум главным улицам, Князя Михаила и Теразии, я заметил, что множество магазинов, и притом самых богатых, принадлежат немцам и что Белград совершенно утратил свой восточный вид: все постройки в европейском вкусе, на улицах редко попадаются люди в сербском народном платье. Короче, Белград с первого раза показался мне австрийским провинциальным городом, и это первое впечатление оказалось совершенно верным после четырехмесячного в нем пребывания. Я миновал княжеский конак — небольшой двухэтажный дом с садиком, в котором так неприлично торчали стеклянные шары, и против Лондонской кофейни поворотил налево в улицу: во втором доме от угла, принадлежащем сербскому дипломатическому агенту в Румынии, г. Петрановичу, жил г. Кулаковский. Как почти все дома прежней постройки в Белграде, это одноэтажный дом с несколькими окнами на улицу, со стеклянной галереей во дворе, с отдельной кухней и с небольшим фруктовым садом. По галерее направо — довольно обширный кабинет в два окна на двор и рядом с ним комната для прислуги и кладовая, налево — весьма просторная передняя с тремя дверями, из которых средняя ведет в гостиную, а из боковых одна (налево) в светлую комнату с двумя окнами на двор, а другая (направо) — в темную; гостиная — самая большая комната; между нею и комнатой, выходящей на двор, есть еще одна с окном на улицу. Такого расположения комнат я нигде не видел, кроме Белграда. Непонятно, какое назначение имеет галерея, зачем такая большая передняя в ущерб жилым покоям, почему две комнаты построены так, что годятся только на кладовые. Сообщение с отдельно построенной на дворе кухней весьма неудобно зимой и в ненастную погоду.

Дом Петрановича останется навсегда в моей памяти, потому что я встретил в нем чисто русское гостеприимство и провел в нем последние два месяца в Белграде вдвоем с г. Кулаковским. В хорошую погоду мы пили чай, обедали и ужинали в саду под сенью развесистого тутового дерева, окруженные домашними птицами и животными, своими и соседними.

П.А. Кулаковский, известный в Белграде под прозвищем «профессора руса»*, занимает уже четвертый год место профессора русского языка и литературы в Великой школе, преобразованной из Лицея. Как добросовестный преподаватель и человек мягкого, примирительного характера, он пользуется популярностью не только между своими слушателями и товарищами, но и вообще между образованными сербами всех политических партий. Вопреки сербскому обычаю, не принадлежа сам ни к какой партии, он умеет сходитьсь со всеми и примирять людей самых крайних направлений. И консерваторы, и народные либералы, и радикалы приходят к нему за советами и помощью и с полной откровенностью излагают перед ним свои жалобы и неудовольствия. С терпением и смирением он выслушивает самые неприятные вещи, нелепейшие воззрения на Россию. Сколько раз он оставался спокоен и сдержан, когда я кипятился и бранился! Славянские дела он понимает лучше всех в Сербии: недаром он – магистр славянской филологии старейшего нашего университета². Он хорошо изучил Сербию, ее историю и современное ее состояние, ее литературу древнюю и новую. Знакома русских с Сербией посредством корреспонденций, журнальных статей и таких почтенных исследований, как о Л. Мушицком³ и В. Караджиче, он распространяет знания о России между сербами не только с профессорской кафедры, но и путем печати, помещая в сербских журналах библиографические и критические статьи о русской литературе и литературные очерки. В истории взаимных отношений русских и сербов последних лет г. Кулаковскому должно быть отведено почетное место. Я лично нашел в нем искреннего друга и опытного руководителя по Белграду.

При первом же свидании я узнал от г. Кулаковского, что меня ожидает с нетерпением бывший мой гимназический товарищ, Вл[адимир] Висковатов, остановившийся в той же гостинице, где и я: мы воспитывались вместе в Ларинской гимназии, откуда я поступил в университет, а он – в лицей⁴. С тех пор в течение 25 с лишним лет мы не встречались: судьба свела нас на берегах Дуная в сербском Белграде. Г. Висковатов приезжал туда хлопотать о концессии на учреждение русского свекло-

* *Професор-рус* (сербск.) – русский профессор.

сахарного завода и, получив концессию, вскоре возвратился в Санкт-Петербург <...>.

Не только г. Висковатов, но и многие другие мои знакомые и незнакомые ждали с нетерпением моего приезда в Белград. Дело в том, что из Бухареста я писал г. Кулаковскому о своем намерении приехать в Сербию с первым пароходом; он сообщил об этом людям близким, а они разнесли эту весть по Белграду, откуда она не замедлила перейти в Пешт: за 10 дней до действительного моего прибытия в столицу Сербии в Pester Lloyd'e⁵ была напечатана телеграмма о моем прибытии туда, причем мне приписывались самые широкие замыслы. Эта телеграмма, вероятно, была состряпана в австрийском посольстве, которое очень боится панславянских агитаций в Сербии и в каждом русском готово видеть панславянского агента. Во время моего пребывания в Белграде не раз появлялись в Pester Lloyd'e корреспонденции о моих панславянских планах. Нет ничего смешнее, как зачисление меня в ряды панславистов! Панславизм, как и пангерманизм, по-моему, утопия, и еще незадолго до приезда моего в Белград я напечатал в одной из [анкт]-петербургских газет довольно обширную статью, в которой доказывал, что объединение славян невозможно ни под гегемонией России, ни без нее: эта статья была переведена в дубровницком «Словинце», получаемом в Белграде, и потому была известна сербам; тем не менее меня пожаловали в панславянские агитаторы. Видно, у страха глаза велики, а нечистая совесть не дает людям покоя!

Перед самым отъездом моим из Бухареста дошли до меня слухи о мученической кончине государя императора, а когда я прибыл в Белград, это был уже всем известный факт, опечаливший всех истинных сербских патриотов. Через несколько дней была отслужена в соборе митрополитом Михаилом торжественная панихида по покойному государе; на ней присутствовали князь Милан с супругой, все министры, высшие гражданские и военные чины, члены скупщины, дипломатический корпус и множество граждан. На этой панихиде меня поразило, что сербский князь был в обыденной, а не в парадной форме, как принято в подобных случаях, и что митрополит не сказал приличного событию слова (меня уверяли потом, что это было ему запрещено).

После панихиды все отправились в русское посольство с выражением соболезнования нашему министру-резиденту А.И. Персиани. Явился и митрополит Михаил в сопровождении старого моего приятеля, архимандрита Дучича. Привыкши к нашей архиерейской одежде и видя перед собой монаха в низком клобуке <...>, я и не подозревал, что это сербский митрополит (в архиерейском облачении в соборе он выглядел совсем

иначе): я его принял на какого-нибудь игумена или ректора семинарии; поэтому я был очень удивлен, когда он подошел ко мне и, взяв меня за обе руки, стал говорить чистым русским языком: «Как я рад, что имею случай лично с вами познакомиться. Я уже давно знаю вас по вашим трудам и слыхал о вас много хорошего». В большом недоумении я поблагодарил его за внимание очень сухо, и только когда он уехал, я узнал, что это митрополит. Чтобы загладить свою невольную ошибку, я отправился к нему с визитом на следующий же день. Митрополит принял меня чрезвычайно ласково, долго беседовал со мной и просил заходить к нему без церемонии, когда мне вздумается. Он меня так очаровал своим приемом, что я принял с благодарностью приглашение и бывал у него часто.

В один из ближайших воскресных дней он устроил у себя обед в честь меня, на который пригласил также нескольких близких ему лиц из сербов, и в том числе архимандрита Дучича и двух бывших министров народного просвещения, гг. Алимпия Васильевича и Стояна Бошковица. За обедом разговор шел о славянских литературах, и преимущественно сербской; между прочим, говорили о подделке Ганкой⁶ старочешских памятников. «К сожалению, — заметил я, — подделки продолжают и в наше время, но уже не у западных, а у южных славян: г. Врчевич подделывает болгарские народные песни (Славянская Веда), а г. Милоевич — сербские; г. Хаджи Жордан подделал сербские грамоты, которые профессор Сречкович напечатал как подлинные; г. Чедо Миятович подделал сербскую историю в своем “Юрии Бранковиче”»...

Всех, особенно же митрополита, заинтересовали преимущественно последние две подделки, и у меня требовали объяснений. Нужно сказать, что митрополит при первом моем посещении говорил мне, что профессор Сречкович недавно нашел и напечатал три важные памятника по сербской истории: грамоту царя Лазаря, писанную перед Косовской битвой властелину Богомилу в Скопле; грамоту Константинопольского патриарха Каликста 1352 г., которой он предает проклятию царя Душана со всем сербским народом, и ответ ему грачаничского протоиерея Евфимия. Познакомившись с г. Сречковичем, я получил от него брошюру «Об умерщвлении царя Уроша кралем Вукашином», в которой напечатаны эти памятники; прочитав их, на основании содержания и языка я признал их подложными; позже, рассматривая в Народной библиотеке старые болгарские и сербские рукописи, я нашел в двух сборниках XVI века эти самые памятники, и их подделка стала еще очевиднее: чернила новые, неудачно сфабрикованные в подражание старым; столь же неудачно подражание письму XVI века: несмотря на все крючки, библиоте-

карь архимандрит Дучич узнал в нем пошиб г. Хаджи Jordana, учителя в Призрене, от которого эти рукописи были недавно приобретены через посредство нашего консула г. Ястребова⁷.

Мое открытие произвело на всех сильное впечатление, и меня слушали с еще большим вниманием, когда я говорил о подделке сербской истории г. Миятовичем. Всем было известно, что он получил портфель министра иностранных дел по стараниям австрийского резидента, барона Герберта, за книгу о деспоте Юрии Бранковиче, вышедшую в свет в 1880 году. Желая оправдать непопулярную политику сербского правительства, безусловно отдавшего в руки Австро-Венгрии, г. Миятович старается доказать в своей книге, что со смерти князя Лазаря на Косовом Поле сербы постоянно искали опоры в Венгрии, и для этого он совершенно произвольно обращается с источниками, выбирая из них то, что ему нужно, и без всякого основания предпочитая позднейшие компиляции источникам древним и достоверным. Из имеющихся у меня памятников итальянских архивов видно, что не сербы искали опоры в Венгрии, а венгры со смерти князя Лазаря старались всякими хитростями и неправдами овладеть Сербией: они скупали в ней земли и высылали своих эмиссаров для привлечения на свою сторону сербских великашей*. Мои доводы против г. Миятовича показались всем столь убедительными, что меня просили написать поскорее разбор его книги: я обещал исполнить их просьбу, когда выйдет 2-ой том книги ненавистного им министра. После обеда, когда мы перешли в приемную пить кофе, зашел разговор о политике. Г. Васильевич, хваставшийся знанием России и знакомством с высокопоставленными в ней лицами, находил необходимым дарование нам конституции и ставил нам в пример Сербию, которая пользуется конституционными благами. Я был противоположного мнения <...>.

Не гордитесь и не хвалитесь вашей конституцией: вы знаете лучше меня, что она полезнее правительству, чем народу. Вы разыгрываете конституционную комедию на скупщине: вам позволяют кричать и спорить, а все дела решаются против вашей воли и вашего желания; у правительства столько средств, и оно пользуется ими так бесцеремонно, что может быть всегда уверено в победе. Я был на заседании вашей скупщины после панихиды по покойному государе: ваш народ, погруженный в горе, требовал кратковременной отсрочки заседаний, но председатель скупщины не допустил это предложение до голосования и деспотически потребовал, чтобы вы поскорее утвердили железнодорожную конвенцию с Бонту, который уже соскучился, сидя в Белграде. Весь народ был против

* *Великаш* (сербск.) – вельможа, аристократ.

этой конвенции, как и против крайне невыгодного торгового договора с Австро-Венгрией, а все-таки они подписаны, и главный их виновник, г. Чедо Миятович, украсился Железной короной!

Все это и многое другое вы знаете лучше меня; знаете, что ваша скупщина служит ширмой, которой прикрывается нынешнее ваше непопулярное правительство <...>.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 156. Картон 4. Д. 7. Л. 18–21 об. Оригинал.

Примечания

¹ Оршава – город в Румынии, на юго-западе исторической области Банат. Располагается на левом берегу Дуная в нижней части «Железных ворот». На противоположном берегу (здесь Дунай является пограничной рекой с Сербией) находится сербское местечко Текия.

² В.В. Макушев ошибается – магистерскую диссертацию на тему «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» П.А. Кулаковский защитил в Московском университете в 1882 г. (по возвращении из Сербии).

³ Мушицкий Лукиан (1777–1837) – сербский религиозный деятель и поэт. Обучался в Новом Саде, Сегедине и Пеште. После завершения образования – администратор митрополии в Сремских Карловцах, архимандрит монастыря Шишатовца, епископ Плашкий. Первым среди сербов начал писать стихи в духе и стиле псевдоклассической европейской поэзии. Автор четырех сборников лирических стихотворений патриотического, моралистического и дидактического содержания.

⁴ В.А. Висковатов окончил Александровский лицей в 1859 г.

⁵ «Pester Lloyd» – немецкоязычная ежедневная газета, издававшаяся в Будапеште в 1854–1945 гг. Основное внимание уделяла освещению положения в Венгрии и в Восточной Европе.

⁶ Ганка Вацлав (1791–1861) – чешский ученый (филолог) и поэт, деятель национального Возрождения. Прославился как сочинитель и изготовитель подложных «древних» Краледворской и Зеленогорской рукописей.

⁷ Ястребов Иван Степанович (1839–1894) – русский историк-славист, историк и дипломат. С 1864 г. – на службе в МИД. В 1869–1885 гг. – консул в Скутари и Призрене. В 1886–1894 гг. – генеральный консул в Салониках. Главный научный труд – сборник «Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипек, Мораве и Дибре» (СПб., 1886, 1889).

Письма В.В. Макушеву

№ 1

30 августа 1882 г.
Белград.

Высокоуважаемый
Викентий Васильевич!

<...> Отчет Ваш о Сербии¹ здесь ждали с нетерпением: все страшно интересовались Вашими наблюдениями, критическими отзывами и пр. Посланный со мною экземпляр для арх[имандрита] Дучича читался – что называется – нарасхват, так что я с извинениями должен был передать адресату Ваш подарок довольно подержанным. Даже те, которые, в бытность Вашу в Белграде, не имели к Вам никакого отношения, наперевыв спешили познакомиться с содержанием Вашего отчета.

Теперь, с получением нескольких новых экземпляров отчета, есть возможность удовлетворить всех желающих его прочитать <...>. Не знаю, какое впечатление Ваш Отчет произвел на сербов, упоминаемых в самом отчете; по крайней мере все (от кого только я слышал) удивляются точности Ваших наблюдений и верности суждений, – удивляются также, что в слишком короткое время Вы успели познакомиться с сербами так, как, может быть, другой не успел бы и за полгода; поэтому строят догадку, что, живя в Белграде, Вы имели каких-то агентов, которые Вам доставляли те или другие сведения. Может быть, интеллигенция сербская воображает, что ее дипломатическое (?) искусство не под силу ни одному даже опытному и сведущему наблюдателю и аналитику?! <...>

Арх[имандрит] Дучич принял меня как Вашего знакомого. Познакомился я с ним спустя уже неделю после своего приезда в Белград и тотчас, вместе с своим земляком и любезнейшим приятелем Т.Д. Флоринским (доцентом Киевского университета, пробывшим в Белграде около 3 дней, с 14–16 августа), получил приглашение в его собственный дворец на обед, на котором присутствовал, между некоторыми белград-

* Пальмов Иван Саввич (1856–1920) – русский историк церкви, особенно в славянских странах. В 1885–1917 гг. – профессор истории славянской церкви Санкт-Петербургской духовной академии.

скими учеными, и г. Даниичич. На обеде говорили о самых обыкновенных вещах, но произносили и заздравные речи. Тут со стороны Даниичича допущена была – по моему мнению – одна эксцентричность: на тост Дучича за русских ученых, посвящающих себя на изучение славянской истории и, в частности, сербской, г. Даниичич заметил, что русские должны бы гораздо больше изучать свою Сибирь и пр. (хотя под влиянием общего протеста присутствующих он смягчил потом резкость своего прежнего суждения). Сообщаю Вам это как секрет, который, по всей вероятности, сербы постараются скрыть или объяснить в каком-либо другом смысле <...>.

Вообще при выборе знакомств с весьма общительными сербами я остерегаюсь, – их политиканство мне страшно уже надоело. Все здесь в разброде и даже беспорядке: страшно-отчаянная борьба партий – правительство защищается от нападений, а министры под видом знакомства со страной разъезжают по ней и почти не живут в Белграде. Между тем интриги в различных сферах продолжают по-прежнему: пущены в ход некоторые махинации, как бы сломить царьградского патриарха для зак[онного] признания Моисея² в должности администратора сербской митрополии, пущены в ход самые нечестные средства – обман, лесть и пр., если верить тем слухам, которые носят и распространяются здесь... Тяжело и грустно смотреть на такое интригантство, – единственное успокоение от всех этих дрызг чувствуешь в тиши своего кабинета... Впрочем, и на этот последний [неразб. – А. Ш.] я не могу похвалиться большим спокойствием. Дело в том, что непосредственно по приезде в Белград я прожил две недели в гостинице второго разряда по цене, превышающей цены даже первоклассных пражских отелей; потом перебрался в одну частную квартиру, но богатство «стениц» (клопов) немедленно же заставило меня перебраться в другую квартиру. Жизнь в Белграде до безобразия дорога, так что со своим окладом содержания я затрудняюсь оставаться здесь на более продолжительное время. Мечтать о поездке внутрь Сербии я не могу <...>.

Глубоко уважающий и сердечно почитающий Вас
И[ван] П[альмов]

*Научно-исследовательский отдел рукописей
Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ).
Ф. 156. Картон 5. Д. 89. Л. 5–7. Оригинал.*

№ 2

12 октября 1882 г.
Белград.Высокоуважаемый
Викентий Васильевич!

<...> Свои занятия в Белграде я теперь кончаю, — осталось, может быть, до конца этого месяца <...>.

В библиотеку Ученого дружества до сих пор я не мог проникнуть, несмотря на любезные хлопоты гг. Бошковичей (Стояна и Јована), Сречкови-ча и др. Секретарь Дружества*, больше двух месяцев пребывающий в Вене по каким-то политическим соображениям, ключи от библиотеки Дружества** при себе и, таким образом, делает невозможным не только мой доступ в библиотеку, но и другим, желающим пользоваться ее рукописными коллекциями. Все это возможно теперь в Сербии, где возможен — кстати — и такой возмущающий искренних и серьезных сербов факт, что два месяца тому назад напечатанные Вами документы еще не [неразб. — А. Ш], одно объявление о выходе их в свет. Кто виноват, можете судить сами; со своей стороны я только от души могу пожалеть, что сербы, занятые почти исключительно политикой, не имеют теперь ни времени, ни охоты браться за науку и потому способны допустить такое возмутительное невежество, как случай с Вашими «Памятниками»³. Поэтому неудивительно, что желая, например, получить некоторые разъяснения по известным вопросам местной истории, не получаешь удовлетворительной помощи и со стороны даже тех, которым следует ведать то по их специальности. Сречкович — с большими знаниями, но — по выражению г. Ристича — все в отрывочном и отчасти сумбурном виде; но для меня же он не может быть компетентным еще и по другим основаниям, на которые Вы указали в своем отчете. Поэтому, эксплуатируя его со стороны, так сказать, материального знания, я не могу согласиться с ним по критической оценке известных фактов <...>.

Набравшись духу, по рекомендации некоторых своих знакомых, я отправился с визитом и к г. Ристичу. Это было в первых числах октября. Я был принят как русский и Ваш знакомый: при первом же знакомстве он просил поблагодарить Вас за ту добрую память, о которой он мог читать в Вашем отчете. Как знак его расположения к моей ученой миссии, я получил от него в дар его труды на сербском языке («О бомбардировании Белграда 1862 г.» и «Сербия и Порта» после бомбард[ирования]

* От сербск. *друштво* — общество.

** Слово пропущено; по смыслу — держит.

Белграда⁴), а прощаясь со мной, заметил, что он видится со мною не в последний раз. Значит, я должен быть у него еще раз <...>.

Искренно и глубоко уважающий Вас
Ваш почитатель И[ван] П[альмов]

P.S. Кафедра русского языка в Великой школе остается незанятой, — Кулаковский не намерен возвращаться на прежних условиях. Но правительство не принимает никаких мер по замещению кафедры.

НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 89. Л. 9–10. Оригинал.

Примечания

¹ Пальмов имеет в виду «Отчет II ординарного профессора Императорского Варшавского университета В.В. Макушева о научных занятиях за границей с марта по сентябрь 1881 года» // Варшавские университетские известия. 1882. № 4. С. 1–11. Частично его материал, касающийся Сербии, вошел в антологию: Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 261–269.

² О епископе Моисее (Вересиче) см. примеч. 47 к материалам П.А. Кулаковского. В октябре 1881 г., после неканонического смещения митрополита Михаила с функции предстоятеля Сербской церкви, епископ Моисей стал «администратором сербской митрополии», но Вселенским патриархом Иоакимом III в должности признан не был. Он занимал ее до марта 1883 г., когда на сербский митрополичий престол — опять же незаконно — взошел архимандрит на покое Феодосий Мраович, которого (после денежных «вливаний» со стороны сербских властей) новый Вселенский патриарх Иоаким IV все-таки признал, нарушив тем самым все церковные каноны.

³ Речь идет о публикации: *Макушев В.* Историјски споменици Јужних Словена и околних народа. Београд, 1882. Судя по содержанию этого фрагмента, автор письма негодует за задержку с ее выходом из печати.

⁴ Имеется в виду сочинение: *Ристић Ј.* Бомбардовање Београда 1862. Београд, 1872.

Письмо И.С. Аксакову

17 сентября 1882 г.

Видин.

Многочтимый Иван Сергеевич!

<...> Я нередко бываю в ближних округах Сербии. В письме с следующей почтой я сообщу Вам частные письма митрополита Михаила и опишу свою поездку в Неготин¹ (8 сентября) на ярмарку. Дела в Сербии идут плохо, чересчур плохо! Виделся с патриотами: они плачут, словно в Вавилонском плену <...>.

Нынешние деятели: Гарашанин, Новакович, М. Миличевич были со мною в приятельстве. Увы! Как они лгали, как обманывали меня. Ведь они кричали, что г. Ристич продает Сербию Австрии!!! А сами и душу свою продали Австрии, и дали ей расписку в том <...>.

Митрополит Михаил в ужасном положении. Неготинский протоиерей, товарищ по семинарии и друг страдальца иерарха, рассказывал мне, что письма к нему и от него все распечатываются, и он – протоиерей Неготинский Милойкович – не смеет ничего послать по почте, то же и митрополит Михаил!

Настроение в сербском народе *опасное*^{**}. Не на шутку ждут чего-то страшного. Пахнет революцией.

Король Милан (из Обреновичей!) стал послушником Австрии горшим, чем был последний из династии Карагеоргиевичей². Непостижимо, как он запутался в австрийских сетях. В народе сербском злоба против него растет не по дням, а по часам <...>.

Имею честь оставаться Вашим покорным слугой
А. Хитрово

Адрес:

Видин. Русское консульство.

Драгоману*** А.П. Хитрово.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 14. Д. 378. Л. 2–4.

* Хитрово Александр Петрович – русский доброволец Сербо-турецкой войны 1876 г., оставшийся на Балканах. Являлся корреспондентом ведущих русских газет, служил внештатным драгоманом (переводчиком) в русском вице-консульстве в Видине и дипломатической миссии в Софии, преподавал русский язык в Военной академии в Белграде.

** Выделено в оригинале.

*** Драгоман (турцизм) – переводчик.

Письмо А.И. Степовичу³

2 января 1890 г.

Белград.

Многочтимый и дорогой Андроник Иоанникиевич!

Знаю, что Вы удивляетесь и руками разводите: «Что это значит?!» Но причина всему – болезнь. Вот месяц почти, как я лежу в постели. Теперь-то, слава Богу, поправляюсь, а сначала было очень и очень плохо. Дело едва не дошло до воспаления в легких.

Никак не мог выслать Вам книги 10-го, как мы уговорились, высланы они лишь 18 декабря <...>. Теперь, надеюсь, книги уже пришли <...>.

К сожалению моему, все мои и друзей моих поиски за библиографией и историей литературы Новаковича⁴ оказались безуспешными. Все-таки мы поиски не прекратили. Йован Бошкович непременно обещается разыскать у студентов Великой школы. Но еще лекции не начались, и результата пока не видно. Драгутин⁵ и Воислав⁶ Иличи обещали выслать через меня свои сочинения, но доселе слова не исполнили – чересчур неаккуратный народец!

Что Вам сказать про здешнее житье-бытье? Ничего-то у нас интересного не видно и не слышно <...>. Вчера встретили Новый год, я в кровати; был у нас лишь Моренгольц, учитель Персиани. Вечером зашел было Пашич, но Нового года не дождался, ушел. Пашича выбрали городским головой⁷, и мы теперь будем пилить его, чтобы поскорее очистил Белград от грязи и осветил бы настолько, чтобы не разбить ногу на первом шагу.

Он собирается ехать скоро в Вену, Париж и Питер, будто бы изучать городское благоустройство⁸ <...>.

Кланяюсь Вам и супруге Вашей, жена моя тоже. Деток целуем. Дай Бог в Новом году здоровья и счастья.

Ваш Хитрово.

*Институт рукописей Центральной научной библиотеки
НАН Украины имени В.И. Вернадского
Ф. 179. Оп. 1. Д. 803. Л. 1–2.*

Примечания

¹ Неготин – город в Тимокской Краине в восточной Сербии. Первый раз упоминается в 1627 г. Центр виноградарства и виноделия. Известен тем, что в его окрестностях действовал и погиб герой Первого сербского восстания Гайдук-Велько Петрович.

² А.П. Хитрово имеет в виду Александра Карагеоргиевича – князя Сербии в 1842–1858 гг., находившегося под сильным австрийским влиянием.

³ Степович Андроник Иоанникиевич (1857–1935) – ученый-славист, приват-доцент Киевского университета. Член Исторического общества Нестора-летописца. В 1890-е гг. состоял секретарем Киевского славянского благотворительного общества. Автор сочинений по истории славянских литератур – им подготовлены, в частности, «Очерк истории чешской литературы» (1886), «Очерки из истории славянских литератур» (1893), «Очерки истории сербо-хорватской литературы» (1899) и т.д. В I-м томе антологии «Русские о Сербии и сербах» был помещен фрагмент его газетной публикации (см.: *Степович А.И.* Отрывки из путевых заметок по славянским странам. Белград // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 289–292).

⁴ Имеется в виду монография: *Новаковић Ст.* Српска библиографија за новију књижевност. 1741–1861. Београд, 1869.

⁵ Илич Драгутин (1858–1926) – сербский поэт, публицист, издатель, общественный деятель.

⁶ Илич Воислав (1860–1894) – сербский поэт. Совершил переход в сербской лирике от эпохи романтизма к модернизму.

⁷ Никола Пашич дважды занимал пост председателя Белградской общины – так официально называется должность мэра сербской столицы – в 1890–1891 и 1897 гг.

⁸ Запланированная поездка не состоялась.

Дневники путешествия (командировки) в славянские земли (1882–1883 гг.). У лужичан, в Пеште, Сербии, Хорватии и у словенцев

Белград** 3–5 марта***.

Приезд. Гостиница Grand Hotel. Прямо пошел в Духовную семинарию, отыскал профессора Ефрема Илича (по рекомендации Пальмова****), который и стал моим проводником и чичероне. Внешний вид города. Довольно живописное положение. Но соверш[енный] характер уездного городишки; хотя мне о том уже рассказывали, но действительность превзошла ожидания. Отсутствие тротуаров и порядочных мостовых, грязь, бедность построек, патриархальность во всем — все это приближает Белград к городам Востока, отчасти нашего славяно-русского, отчасти еще турецкого, азиатского.

Национальные костюмы у народа и горожан на каждом шагу, разнообразие типов, южные физиономии, турки, греки и сербы. Все это придает картине пестрый вид и делает ее очень любопытной и занимательной для иностранца. Вместе с тем — славянская речь и письмо, православное население, духовенство, все как-то знакомо и сродно, и тем привлекательно.

Первым делом было побывать в русском посольстве (одном из лучших белградских домов). Свидание с *Гирсом*, знакомство с *Персиани*, секретарем *Богдановым* и *Медаковичем* (родом из Далмации, хорошо

* Грот Константин Яковлевич (1853–1934) — русский славист, историк и литературовед. Сын академика Я.К. Грота. В 1876 г. он окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился у В.И. Ламанского. В 1881 г. ему была присуждена магистерская, в 1889 — докторская степени. В 1883–1899 гг. профессор Варшавского университета по кафедре славянских литератур, истории и древностей (занял ее после В.В. Макушева). Выйдя в отставку по семейным обстоятельствам, переехал в Петербург, где заведовал архивом министерства двора (с 1905). Член-корреспондент Академии наук (1911), почетный член Сербской королевской академии (1892).

** Здесь и далее выделено в оригинале.

*** 1883 год.

**** Биографические данные об И.С. Пальмове см. с. 241.

говорит по-русски). В посольстве слышал только жалобы на белградскую жизнь (особенно со стороны Гирса), на сербов, обвинения последних поголовно в неискренности и показной дружбе и любви к России etc.; вообще естественных отношений и понимания друг друга между русск[им] представит[ельством] и сербами не существует, хотя у сербов нет оппозиции (русофильству), масса лиц, действительно понимающих дело и искренно преданных России. У них есть свои собственные сербские мечты и надежды, но за это их нельзя сурово обвинять, а дружба их с Россией весьма прочна <...>.

Миличевича я навестил в министерстве внутренних дел. Там же, кстати, оказался и *Новакович*; они вместе меня принимали. Но неловкость, которую они чувствовали — в беседе с русским, — очень заметна, и им нелегко ее скрыть: точно так же и русскому говорить с ними нельзя по душе, так как никаких животрепещущих вопросов дня, касающихся отношения к России, затрагивать невозможно. Новакович теперь весь занят опасной и отчаянной борьбой с всем сербским духовенством, с церковью и с многочисленным обществом, стоящим на страже последних, можно сказать даже — со всем народом.

На его стороне только нынешнее министерство, т. е. его коллеги, да король Милан, который связан с этим министерством (прежними общими беззакониями) и с Австрией и ее интересами. Он играет самую жалкую, ничтожную роль и находится в безвыходном положении: у него нет силы, духа и воли сойти с губительного, ложного пути, по которому он идет; он продал себя врагам славянства и сербов. Замечательно, что патриоты-сербы, представляющие оппозицию («Либеральная партия»), относятся к нему с величайшим презрением и ненавистью и не скрывают этого ни перед кем.

4-го утром в библиотеке Народной у архимандрита *Дучича* — симпатичнейшего человека. Это директор библиотеки. Она, вместе с музеем и Великой школой, помещается в большом доме, пожертвованном одним частным лицом¹. Наружность *Дучича* чрезвычайно почтенная и симпатичная. При нем состоит г. *Сретеневич*, преданный России.

Народная библиотека имеет 80.000 томов и 22.000 названий. Русский отдел не особ[енно] богат. Выписываются русские книги через Лейпциг — Брокгауза, а потому собственно русских нужных книг получают немного, а всякую немецкую иностранную дрянь о России — вдоволь! Помощник библиот[екаря] *Мейзнер*² — очень любезный господин, во всем помогает <...>.

Знакомства

Сретькович Панта. Очень приятный господин, русофил. 10 лет жил в России, говорит очень хорошо по-русски. Он и его семья приняли очень радушно. Дочь Зора (15 л[ет]). Он не занимает государственного поста, хоть имел бы возможность (учить короля Милана). Обед у них.

У Сретьковича, совершившего путешествие по Турции, весьма много драгоценных рукописей, которые он не издает, а все обещает <...>. Сретькович – *болгарофоб* и ярый серб. Относительно болгар явно несправедлив и недоброжелателен.

Знакомство у Сретьковича с *Люибратичем*³ – некогда вождем герцеговинским. Очень симпатичный человек, предан России, хорошо понимает славянский вопрос, умный человек; в отчаянии от положения своей родины. Ненависть к Австрии <...>.

Мечты Люибратича – поехать в Россию: в Крым или на Кавказ, или в Сибирь. Жажда деятельности; убеждение, что Герцеговина и Босния не обойдутся еще без пролития крови. Люибратич живет в Топчидере, загородном любимом месте пребывания сербских жителей. У него много знакомых в России. Общие воззрения с Н.Я. Данилевским⁴ (о федеративном устройстве славянских народов с Россией во главе). Исторические познания и взгляды Л[юибратича] весьма посредственные <...>.

С Сретьковичем и Люибратичем я был у *Владимира Йовановича* – нынешнего председателя Ученого друштва. Он почти совсем не ученый господин, много выдавший свет, живший долго в Европе, друг Гладстона⁵ и пр. Некогда – отличный оратор. Теперь не играет роли, принадлежит к партии либералов.

У него был *Савва Груич*, бывший министр военный, отличившийся во время Сербской войны, воспитанник русской академии. Либерал также⁶ и русофил; он посол в Афинах. Держит себя довольно свысока и гордо с сербами – скромными (с которыми был прежде близок). За его русофильство нынешнее правительство его не особенно жалует и боится его назначить послом в Петербурге. Говорит по-русски очень хорошо.

Стоян Бошкович – бывший министр либеральной партии. Понимает все по-русски, но не решается говорить: он из наиболее искренних сербов, преданных России. Но не из самых даровитых.

Йов[ан] Ристич – теперь не у дел. Король его не жалует и не хочет его видеть. Он – самый даровитый и умный из государственных людей Сербии. В церковном вопросе он также знает дело и вопрос с канонической стороны – лучше всех: и министров, и оппозиции, т. е. сербского

духовенства. Но как лицо светское, он не может принять непосредственное участие в борьбе. Он очень серьезный и даже несколько строго себя держащий человек. Мне говорили, что он много себе вредит своей самонадеянностью и гордостью, не допускает возражений. Так общался и с королем, который за это его не терпит. Они – личные враги. Принял очень любезно, много расспрашивал и подарил свои две книги <...>. Я был у него с Еф[ремом] Иличем.

Йов[ан] Бошкович – профессор Великой школы по славянской филологии. Человек уже не молодой, показался мне мало общительным.

Ковачевич – директор Учительской семинарии и профессор истории в Великой школе. Занимается сербской и византийской историей. Но, кажется, без большого дарования <...>. Он знаком (познакомились случайно в Нише) с *Флоринским*. Он держится правительственной партии, «напредняк». Явился ко мне первый.

Медакович – служит при нашей миссии, употребляется обыкновенно курьером. Далматинец родом. Брат известного писателя о Черногории и тоже писатель: написал книгу о *П.П. Негоше*. Теперь пишет о *князе Данииле*⁷. Он предан России и беспристрастно судит о сербах: находит, что они все неискренни и мало честны. Теперь оппозиция выказывает себя яркой приверженицей России, а если очутится во власти, сама отвернется. Относительно некоторых это, может быть, и справедливо. Я слышал, что митрополит Михаил отправляет всегда с ним кучу писем в Питер, в которых жалуется на нашу миссию.

Посольство об этом знает, но каким образом. Мне говорили, что Медакович очень близок к Михаилу (что доказывается тем, что М[ихаил] ему доверяет), а между тем Медакович, как я от него самого слышал, относится очень критически и к митрополиту. Медакович находит, что он занимается политикой и ведет себя не так, как следует <...>.

Митрополит Михаил – личность чрезвычайно симпатичная, спокойная, в ровном, светлом расположении духа, приветливый и добрый. Он – в подлинном смысле страдалец. Живет в своем домике – на окраине города. Правительство ищет повода, чтобы к нему придраться, засадить его в тюрьму, предать суду. Нарочно посылают к нему разных шпионов. Он был очень приветлив и ласков ко мне. В воскресенье служил в митрополичьей церкви и сам причащал: народу была пропасть. После службы я был у него – в приемной комнате у *Моисея* администратора, который вел себя очень странно, играл роль совершенно постороннего человека, все время молчал, при здорованьи и прощании не хотел даже подойти к руке, и вообще держал себя странно.

Моисей играет совершенно жалкую, подлую, двуличную роль. Он лжет перед духовенством и Михаилом и притворяется стоящим за церковь и ее право. Это совершенно орудие правительства. В ответ на королевский указ о «созыве собора» для выбора митрополита он послал будто бы ответ с отказом — как сказал Михаилу и прочим, а между тем и не думал посылать отказа.

Личность его самая несимпатичная и даже отталкивающая. Он урод — без усов и бороды (которые не растут), и имеет самую жалкую и подлую физиономию. Одно время оппозиция думала, что он будет стоять хорошо, но на него никак нельзя положиться. Другие два епископа (*Шабакский* и *Нишский*), *Иероним* и *Виктор*, держатся пока за церковные права и канонические правила и отказались принять закон <...>.

Ружичич (Никанор) — бывший ректор семинарии духовной, один из главных членов оппозиции в духовенстве. Он — киевский воспитанник, большой русофил, но монах — далеко, кажется, не образцовый. Он борется, пока его не трогают, но в случае чего — если и не изменить, то оставить борьбу и бежать (в Россию, как сам в том сознается). Он вообще симпатичный господин. Я был у него не раз, он живет в семинарии. Нынешний ее ректор (*Нестор*) идет с правительством, единственный из выдающихся лиц духовенства.

Лазу Костича — редактора «Сербской независимости»⁸ удалось видеть только раз. Он ведет довольно беспорядочную жизнь и мало заботится о своем журнале, в котором главным действительно редактором и работником *Джуру Вукович* — искренний друг России и русских, проникнутый идеей славянской взаимности и единения.

Накануне моего отъезда из Белграда профессор Илич с некоторыми своими приятелями (2 чиновника из суда, дьякон и редактор «Сербской независимости») пригласили меня на ужин в ресторан «У золотого коня», где хозяин — серб из Охрида — угостил весьма вкусными, хотя и простыми, национально-сербскими блюдами. Пришел также посидеть с нами протоиерей *Павлович*, священник придворный, который очень жалел, что не познакомился раньше со мной (он женат на русской — киевлянке). Лаза Костич, однако, не пришел (он был по делам у Ристича и не смог освободиться).

В последний день я сделал визиты — Медаковичу, Сретеновичу (очень симпатичный человек, живет в собственном доме на Врачаре), а также министру финансов *Миятовичу*, который интересовал меня как историк <...>. Миятович принял меня очень любезно, говорил о своих занятиях, о своей охоте к тем занятиям и препятствующей им службе. Он

мне обещал свое сочинение о Юрии Бранковиче и действительно прислал его на следующий день со своей карточкой.

У *Дучича* я также был с визитом в последний день и получил от него, во-первых, многие его сочинения и брошюры, а во-вторых, на память, – ложку деревянную, резную, сербского изделия.

Прогулка в *крепость*. Белградская крепость одна из лучших и известнейших. Но главное – это чудный вид из нее на Дунай, Саву и окрестности. Сейчас там содержатся арестанты и колодники. Много старых построек, напоминающих турецкое владычество.

Поездка в Топчидер (с Иличем). Топчидер – загородное место для гуляния с парком – у подошвы гор, покрытых густым лесом. Там же обильные плодовые плантации, оранжереи и т.д. Это единственное и любимое место прогулок сербского общества и двора.

Скромный домик, старый дворец – любимое место пребывания князя *Милоша*, который, как и комната (со всеми принадлежностями), показывается публике. Он там и умер (есть его маска). Сюда же был перенесен убитый в лесу близ Топчидера князь *Михаил*. Показывают стол со следами крови, на котором он лежал. Там же маленькая библиотека князя Милоша (с русскими книгами). На обратном пути мы заехали к митрополиту Михаилу – с ним проститься <...>.

Король и королева, их непопулярность, истории и скандалы в их отношениях <...>.

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН).
Ф. 281. Оп. 1. Д. 176. Л. 28 об. – 36 об. Оригинал.*

Краткий отчет о занятиях магистра К. Грота в Праге и других местах С[анкт]-Петербургского университета летом 1883 г. (от начала июня до 1 октября)

<...> 2. Белград

Из Пешта я проехал по Дунаю в Белград. Здесь я пробыл 10 дней, но, несмотря на такую краткость времени, я успел порядочно ознакомиться

с литературной, общественной и частной жизнью сербов, — может быть, благодаря тем исключительным внутривластным условиям, в которых находилась в то время Сербия, — вследствие несчастной борьбы правительства (попавшего совершенно в руки Австрии) с церковью. Это было последнее время перед избранием нового митрополита — собором — без епископов (ибо последние отказались участвовать в противозаконных и антиканонических действиях правительства). Сербь жили изо дня в день, все надеясь еще на благоприятный для церкви исход дела... Но надежды остались тщетны. Под такими тяжелыми впечатлениями мне пришлось проводить дни в Белграде. Впрочем, настроение большинства сербского общества и всего народа не могло не вызывать в свою очередь отрадных и более оптимистических мыслей. Привелось сделать немало и утешительных наблюдений. Было бы неуместно рассказывать здесь все эти впечатления и наблюдения над настроением сербского общества, его политическими взглядами, отношением к вопросам церкви, взглядами на соплеменников и на Россию и т.д. Я ограничусь здесь сообщением о своих занятиях в «Народной библиотеке» и о своих знакомствах с белградскими учеными и писателями.

Белградская Народная библиотека — самое большое хранилище книг и рукописей у сербов; это и публичная библиотека, здесь и музеи: археологический, этнографический и т.д., одним словом, здесь сосредоточены все памятники сербской древности и старины. Кроме того, «Сербское Ученое дружество» и «Великая школа» (университет), помещающиеся в том же Народном доме, имеют свои библиотеки (с отдами рукописей), но несравнимо меньших размеров.

В Народной библиотеке книг 80.000 томов (22.000 назв[аний]). Русский отдел не особенно богат, благодаря самому неудачному и даже вредному для дела, но, к сожалению, вынужденному условиям, способу книжных сношений с Россией — *через Лейпциг*.

Рукописный отдел оче[нь] богат (более 350 экз[емпляров]). Многие русские ученые работали здесь и нашли немало важного и интересного. Последнюю поступившую сюда (из Призрена) коллекцию рукописей разобрал и описал покойный В.В. Макушев <...>. Библиотекарем (директором) в Нар[одной] б[иблиотеке] — архимандрит *Дучич* (его помощник Сретенович). В первый раз я его не застал в библиотеке. В его канцелярии и вместе кабинете внимание мое обратил на себя целый ворох старых, покрытых пылью и весьма настрадавшихся от времени рукописей, сложенных в беспорядке на одном из столов. По словам помощника арх[имандрита] Дучича, это оказались рукописи, найденные сербскими солдатами во время по-

следней турецкой войны в нектор[ых] монастырях (особенно в одном) и приобретенные (по указанию и настоянию профессора семинарии г. Илича) серб[ским] военным министерством для Народной библиотеки. Их еще не успели хорошенько просмотреть и внести в каталог. Г. Сретенович с любезностью разрешил мне рассмотреть то из них, что мне покажется интересным. Впоследствии оказалось, что они лежат неразобранными очень давно, что их видел и хотел описать живший дов[ольно] долго в Белграде И.М. Соколов, но не получил на то разрешения от арх[имандрита] Дучича, собиравшегося самолично это сделать. Вот почему последний, может быть, и не особенно был доволен, застав меня за просмотром рукописей. Впрочем, и он отнесся ко мне оч[ень] любезно, заметив лишь, что все это *литургические* книги, не старые и маловажные. Итак, я все-таки решил воспользоваться позволением и просмотреть их <...>.

Что касается ученой и литературной деятельности сербов (Королевства), то нельзя сказать, чтобы она процветала. В настоящее время в Белграде мало ученых, которые бы держали себя в стороне от политической жизни и были преданы одной науке. Все, от министра – ученого и профессора до последнего чиновника, занято политикой, внутренней борьбой партий, интригами и мелкими партийными интересами! Как тут процветать науке? Политические партии разделяют даже членов высшего ученого учреждения – «Сербского Ученого дружества», которое в последнее время мало проявляло свою деятельность. Недавно избран в председатели Владимир Йованович, приверженец Либеральной партии, умный и даровитый, но очень мало ученый человек. «Гласник» Серб[ского] Уч[еного] др[ужества] издавался в последнее время очень редко. Теперь секретарем назначен Йов[ан] Бошкович, профессор славянской филологии в Великой школе, и есть основание надеяться, что издание пойдет лучше и живее. По крайней мере, говорят – материала есть много и потому думают выпускать книжки гораздо чаще.

Назову здесь лиц из круга сербских ученых, с которыми мне пришлось познакомиться лично. С некоторыми из них я уже ранее был знаком заочно, переписывался или обменивался трудами.

П[анта] Срећкович, профессор Великой школы, автор многих монографий по сербской истории (и учебников по всеобщей истории). Он очень начитан и много знает по своей специальной части, но, к сожалению, в работах его недостаточно научной критики и никакой системы; он разбрасывается и не производит ничего цельного. Кроме того, он тенденциозен в своих исследованиях и вообще взглядах: он увлекается своим *сербством* и большой болгарофоб. К хорватам он тоже несправедлив <...>.

Ст[оян] Новакович – ныне министр народного просвещения, запятнавший свое имя антинародной и антиправославной политикой, наукой в последнее время совсем не занимается.

М[илан] Миличевич – прославился ныне такой же изменой интересов народа. В науке стал известен своим географо-историческим трудом «Кнежевина Србија» (1876), в котором, впрочем, как оказывается, ему самому принадлежит очень мало. Все сведения и материал, вошедший в книгу, был собран сельскими учителями по официальному распоряжению министерства внутренних дел, и Миличевичу принадлежит лишь компилятивный труд – систематизация материала. Как автор повестей в народном духе, Миличевич также не пользуется большим именем у своих соплеменников.

Ст[оян] Бошкович, бывший и министром, и председателем Сербского Ученого общества. Он принадлежит к либеральной партии и сторонник России. Прежде он был и профессором Великой школы. Как писатель он известен своими очерками из сербской истории <...>.

Чедом[иль] Миятович (нынешний министр финансов) известен как специалист по политической экономии и финансам. Он имеет большую страсть к занятиям сербской историей, хотя и не обладает для этого необходимыми критическими приемами и беспристрастием. Его большое сочинение «Деспот Ђурађ Бранковић», которого 1-й том вышел в 1880 г., а второй и последний недавно, в 1882-м, написано очень тенденциозно.

Об архимандрите Ник[ифоре] Дучиће мне уже пришлось упомянуть выше. Как директор Народной библиотеки он, кажется, на своем месте. Как писатель и исследователь он достаточно известен своими трудами и статьями по истории Сербии, Черногории, и особенно по истории сербской церкви. Его роль как политического деятеля (по церковному вопросу) не совсем ясна.

Ковачевич, профессор истории в Великой школе и директор Учительской семинарии, занимается сербской историей, византийцами и археологией.

Медакович (Милорад), автор книг о Черногории <...>, занимается теперь жизнеописанием князя черногорского Даниила. Он – большой друг России и служит при нашей белградской миссии.

Ефр[ем] Илич, профессор в Духовной семинарии, еще молодой человек, но пользуется уже уважением и репутацией дельного и знающего в своей специальной области человека. Он играет некоторую роль и в либеральной партии. Он воспитанник Киевской духовной академии.

Из прочих выдающихся лиц Сербии, не принадлежащих непосредственно к ученому миру, я познакомился с Йов[аном] Ристичем, бывшим

митрополитом *Михаилом*, бывшим ректором семинарии *Н[иканором]* *Ружиичичем*, придворным протоиереем *Павловичем*, редактором газеты «Сербская независимость» *Лазой Костичем*. Он пользуется большим уважением среди сербов (особенно своей партии) как публицист и талантливый поэт.

Что касается сербской прессы, то она еще мало развита и бедна. Ни одного большого и солидного органа нет. Кроме правительственной газеты «Српске новине»⁹, каждая из партий издает свой орган, или, вернее, — свою газетку. Напредняки или «виделовцы» — «Видело»; либералы — «Сербскую независимость»; радикалы — «Самоуправу» <...>.

В Белграде существует еще «Библиотека для чтения» — «Београдска читаоница»*, которая довольно богата и журналами, и газетами <...>.

Для белградской молодежи это учреждение чрезвычайно полезно. Получается достаточно и русских газет. Нет только совсем наших больших журналов — пробел, который живо ощущается, но, к сожалению, не может быть пополнен самой библиотекой вследствие скудости ее средств.

СПФ АРАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 182. Л. 70–72 об. Оригинал.

Примечания

¹ Это здание («Великой школы»), стоимостью в 100 тысяч дукатов, в 1863 г. подарил Миша Анастасиевич (1803–1885) — сербский судовладелец, крупнейший торговец солью и меценат. На его фронтоне надпись: «Миша Анастасиевич — своему Отечеству».

² Мейснер Иосиф — помощник библиотекаря.

³ Любиграич Мичо (1839–1889) — воевода, один из руководителей сербского национального движения в Герцеговине. Активно участвовал в восстаниях 1857–1862 гг., после чего переехал в Сербию. Вернулся в Герцеговину во время нового восстания (в 1875 г.) представителем сербского правительства. После оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. выступал за объединение сербов и мусульман в борьбе против Вены.

⁴ Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель. Один из основателей цивилизационного подхода к истории. Выступил с критикой теории общечеловеческой ци-

* *Београдска читаоница* (сербск.) — буквально: белградская читальня.

визации, взамен которой создал концепцию культурно-исторических типов. Главное сочинение – «Россия и Европа» (СПб., 1871, 1885, 1887).

⁵ Гладстон Уильям (1809–1898) – английский государственный деятель и писатель. В 1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894 гг. – премьер-министр Великобритании.

⁶ Грот ошибается – С. Груич принадлежал к Радикальной партии (ее умеренному крылу).

⁷ Петрович-Негош Данило (1826–1860) – князь Черногории. Получил престол в 1851 г. по завещанию дяди – духовного главы и правителя Черногории Петра II Петровича-Негоша. При поддержке России добился перехода к светской форме правления и в 1852 г. провозгласил себя князем. С целью укрепления княжеской власти реорганизовал государственный аппарат и армию, ограничил племенной сепаратизм. В 1855 г. ввел в действие «Общий законник черногорский», в котором обычное право сочеталось с некоторыми нормами буржуазного права (равенство перед законом, охрана частной собственности). Поддерживал антитурецкое движение на Балканах. В результате успешной Черногоро-турецкой войны 1857–1858 гг. добился присоединения некоторых отвоеванных у турок территорий. В 1860 г. был убит черногорским эмигрантом Кадичем.

⁸ «*Српска независност*» (сербск.) – печатный орган Народной либеральной партии. Выходил в Белграде в 1881–1903 гг. Первый ответственный редактор – Лаза Костич.

⁹ «*Српске новине*» (сербск.) – официальный печатный орган сербского правительства. Выходил в Крагуеваце, Белграде, Нише и на острове Корфу в 1834–1919 гг. Основатель и первый редактор – Димитрие Давидович.

Путевые заметки 1886 г. (Записная книжка № 1)

24 февраля**.

Поездка в Крушедол^{1***}<...>.

Кочияш^{****} очень словоохотлив. Он называет себя «швабом»^{*****}, но замечает, что как он, так и другие «швабы» в Карловцах, говорят в семье только по-сербски. Оказывается, что «шваб» в данном случае означает хорвата или серба-католика. Католиков довольно в Карловцах: они имеют свою большую церковь, которая стоит рядом с Патриархией, и большую капеллу, образованную из турецкой джамии^{*****}. Кочияш расспрашивает с любопытством о России, особенно о том, терпят ли в России католики, распространяется ли о виноградиках и виноделии <...>. Виноградное вино сремское славится во всем мире; его покупают французы, немцы, англичане, оно идет в Америку. Местное население очень богато и лениво <...>.

7 марта

Последние дни пребывания нашего в Угорской Сербии^{*****} ознаменовались для нас несколькими прискорбными явлениями. Во-первых, я сделался жертвой, так сказать, настоящего грабежа. Мне надо было разменять деньги для расплаты с хозяином <...>. Это возможно было сделать только в Новом Саде, где имеется единств[енный] банкир г. Беркович,

* Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) – русский ученый-славист. В 1876 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1881–1882 гг. преподавал на Высших женских курсах в Петербурге. В 1882–1888 гг. – доцент, в 1888–1919 гг. – профессор Киевского университета. Был также деканом историко-филологического факультета. Член-корреспондент Российской, Сербской и Югославянской академий наук.

** Здесь и далее выделено в оригинале.

*** 19–23 февраля 1886 г. Т.Д. Флоринский находился в Новом Саде.

**** *Кочијаш* (сербск.) – кучер, возница.

***** *Шваб* (*Шваба* – сербск.) – австриец.

***** От сербск. *џамија* – мечеть.

***** С 25 февраля Флоринский находился в Сремских Карловцах.

по происхожд[ению] жид, но принял православие и женатый на сербке. Сей <...> обработал меня: курс показал 113 г[ульденов] за 100 р[ублей], а он мне дал всего 105, да и то с большой неохотой. Грустно было потерять ни за что ни про что 8 гульд[енов], особенно когда увидел, что на следующий день курс поднялся до 114½ <...>.

*29 марта**

Вот уже больше трех недель мы в Белграде. После 1882 г. я совсем не узнал город. Он пообстроился и почистился. На главной улице — князя Михаила — много новых хороших домов, магазинов; маленький, изящный дворец короля очень красив, во многих местах сделаны или делаются новые мостовые и тротуары. Город улучшается, но остается желать еще многого. После дождя на улицах непроходимая грязь, а вечером и ночью непроницаемая тьма: освещение хуже, чем в наших маленьких провинциальных городах. Жизнь очень дорога, дороже, чем в больших столицах Европы, как Вена или Петербург. Торговцы жалуются на застой в торговле, [неразб. — А. Ш.] поборы и обеднение народа. Один наш хороший знакомый (Милош) заметил, что сербы только и думают о деньгах, наживе и т.п., мало интересуются наукой, литературой, искусством.

Как русский человек я не мог себя чувствов[ать] особ[енно] хорошо в Белграде. Хозяин Grand Hotel'a не посовестился выгнать нас из своей гостиницы за то, что мы не хотели у него обедать и ужинать.

По приезде, в один из первых же дней, пошел к нашему представителю А.И. Персиани. Принял очень любезно, велел тотчас же подать вина. И очень много говорил. Распространялся на тему, что в России не понимают положения здешних дел и часто незаслуженно осуждают его, русского представителя; особенно нападал на Петерб[ургское] слав[янское] общество, которое-де слишком доверяет разным приятелям из Сербии. Внешнее и внутреннее положение дел изображал не в блестящем виде. Между прочим, говорил, что напредняки нисколько не хуже либералов: те и другие-де одинаково хороши. Во всем-де виноват король. Последний, пожалуй, готов бы примириться с Россией, но не оставил путей к тому. Далее рассказал историю железной дороги в Сербии, и неблагоприятную роль, какую в ней играл Милан. Прощаясь, Персиани не позвал более, отдал визит, и этим знакомство кончилось.

В русск[ом] дип[ломатическом] агентстве я встретился с Миличевичем. Он был очень любезен, все время соблюдал высшую предупреди-

* 1887 г.

тельность. Все нужные мне рукописи получил и ежедневно занимался ими в кабинете директора библиотеки. У него получали все журнальные новости: был у него два раза, и он у нас был несколько раз. Не понравилось мне, что он выпросил у [неразб. — А. Ш.] директора театра ложу на сегодняшнее представление «Милоша Обреновича». По-видимому, Миличевич сам недоволен напредняцкой властью, теперь он занимает низшую должность в сравнении с прежней (товарищ министра внутренних дел). О политике ничего не говорим.

Знакомств сделано довольноно.

Хорватович, министр на «расположении»*, рассказывал мне о причинах своего выхода из военного министерства. Его не любили за стремление к экономии, бережливости, за желание поддержать связи с Россией то покупкой шинелей и сапогов, то посылкой молодежи в Петерб[ургскую] медицинскую академию, его обвиняли в русофильстве и пр., и он должен был выйти в отставку. Ал[импие] Васильевич также рассказывал, что Хорватов[ич] открыто заявил королю, что не дозволит сербской армии примкнуть к Австрии в случае войны с Россией. А. Васильевич принимал нас очень радушно, вспоминал о Киеве и Петербурге, говорил, что либералы убеждены в том, что нынешнее положение дел не может продолжаться долго.

Из либералов познакомился и побывал еще у Йована Бошковица <...>, почтенного человека, теперь издающего собрание своих сочинений, Стояна Бошковица, бывшего министра, профессора Вел[икой] школы, <...> П[анты] Сречковича, проф[ессора] В[еликой] школы, историка-шовиниста.

У Бошковица был устроен в честь нас банкет, где было много людей, у Сречковича — обедали. Там и тут, при всем моем нежелании, пришлось вести политические разговоры. Россию упрекают в том, что она предпочла старого друга новому, что сербы рады, чтобы Стамбулов² и Муткуров³ проучили Россию за ее симпатии болгарам и обиды, нанесенные сербам Сан-Стефанским договором. Особенно вызывающе нападал молодой человек Никола Йованович, бывший несколько лет в Америке. П. Сречкович доказывал, что болгары — не славяне, а татары, что они не христиане, неблагодарны, тупы, что сербская культура всегда была выше болгарской, что у сербов только два друга — Майков и Ястребов и т.п.

Крайне неприятно было выслушивать такие речи <...>.

* От сербск. *министар на расположењу* — министр, находящийся в резерве.

Большинство здешних газет, за исключением одного «Видела» — органа «напредняков», пишут против Австрии, выражают симпатии России, но сколько мог понять из разговоров с разными людьми, все это делается с одной целью — воспользоваться настоящим кризисом <...> и заручиться поддержкой России на случай новых событий на Балканском полуострове и возможного увеличения территории Сербского государства. Наиболее искренние симпатии мне и России были выражены вчера на вечере, устроенном Стевой Тодоровичем⁴, профессором и живописцем, почетным членом нашей Академии художеств⁵, бывшим в Москве и Петербурге в 1867 г.⁶ Много хороших вещей говорил и тесть его, знаменитый писатель Матия Бан. Он очень доволен, что Россия держится политики воздержания в отношении Болгарии. Доказывает необходимость уничтожения Австрии. Я всем говорил и говорю, что для этого не настало еще время.

Из «напредняков» видел Л[юбомира] Ковачевича. Прекрасный трудолюбивый человек, постоянно занимается сербкой историей. Присутствовал на его чтении по доказательству той мысли, что Вук Бранкович не изменил на Косовом Поле. Чтение длинно, но не убедительное. Направление в сербской истории теперь, имеющее целью оправдать разные темные пятна в сербской истории. Новакович, Ковачевич, Руварац. Спор о царе Уроше. Страстность в споре. Жаль, что Ковачевич делается орудием в руках Напредняцкой партии.

Вулович — преемник Новаковича в Великой школе. Живой, бойкий человек, ничего доселе не сделавший для науки и с апломбом порицающий русских профессоров за их малую научную деятельность <...>. Полное собрание сочинений Вука Караджича. Вышел первый том писем — не особенно исправно. Удивительно, что в Сербии нет людей, занимающихся старой сербской литературой и языком. Прекрасная коллекция рукописей Народной библиотеки все еще ждет себе исследователя. Мало следят сербские ученые и за русской ученой литературой.

<...> Весьма милый, симпатичный, образованный и научный человек в Белграде — это архимандрит Никодим Милош⁷ — ректор Богословий*, приглашенный из Зары⁸ поправить дела Белградской семинарии. Его ученость. Он недоволен Белградом, мелочностью общества, отсутствием научной жизни. Симпатизер России. Много с ним говорили.

* Богословија (сербск.) — буквально: *Богословская школа (Духовная семинария)*

Знакомство с Кюнджичем, министром просвещения. Визит к нему. Разговор об «Ученом дружестве». Закрытие его и основание Королевской академии. Гнусный стиль действия – предание суду секретаря Йована Бошковица. Министр посетил меня и обещал через несколько дней допустить к обозрению рукописей <...>.

10 апреля

Вчера вечером приехал в Загреб. Раньше не пришлось ничего записать. Среди занятий время текло незаметно, да и посетители постоянно мешали <...>.

Пересмотр рукописей Ученого друства происходил в то время, когда производилась формальная передача имущества Общества особой комиссии под председательством Валтровича. А. Васильевич и Бошкович заявили формальный протест против самовольного отдания имущества, которое составляет собственность Общества, отнюдь еще не закрытого правительством.

На страстной неделе и в первый день Пасхи были в Соборной церкви. Поразило отсутствие благолепия и торжественности в службе, невозможное пение и скудость народа. Первое объясняли недостатком энергии митрополита Феодосия Мравича⁹ и необразованностью духовенства; второе объяснение слабой религиозности народа – «безбожника» – они все неверующие, так характеризовал мне сербов отставной русский солдат, бывший когда-то добровольцем в Сербии, а теперь уже несколько лет живущий в Белграде сторожем при каком-то учреждении и прекрасно познакомившийся с сербским народом. Действительно, интеллигентные слои – совсем нерелигиозны.

Мы не ходим в церковь, говорили мне многие, мы верим духом, так и народ наш – очень любит церковь, жертвует ей, а сам не посещает. Удивительное дело – церковь спасла сербскую народность, и такое отношение. Неверие и социализм все более распространяются в Сербии. Воспитание юношеству, даваемое преимущественно в Париже, значительно способствует распространению отрицательного отношения к религии. Богохульство, глумление над церковью и духовенством приходилось слышать нередко в сербском обществе. Низвержение митрополита Михаила и связанные с этим событием беззакония способствовало развитию неуважения к церкви.

Многие образованные люди передавали мне, что не могут ходить в церковь, считая иерархию, служащую в ней, незаконной. Память о митрополите Михаиле доселе свежа в народе: его любят и надеются на его

возвращение. Любопытные сведения о нравственности народной и церковных делах сербских сообщил о[тец] архимандрит Никодим Милош, с которым мы сильно подружились и сошлись. Это человек умный, образованный, научный, высоко честный, гуманный и с душой. Воспитанник Киевского университета и магистр <...>. Он получил докторат в Черновицком университете и 16 лет занимал должность ректора семинарии в Заре. Несколько месяцев назад его перевели с важной целью в Белград. Предложили место ректора, намекнув на возможность в скором времени заменить митрополита Феодосия.

Последний «хотя и очень умный человек», но делами не занимается и не способен заниматься, предпочитая им изобильное вкушение пищи и напитков. Всеми делами орудует старший протоиерей Консистории. «Напредняки» думают его отпустить, и вот выбрали такую видную кандидатуру, как Милоша. Он, однако, согласился только на время принять место ректора семинарии для ее преобразования и сохранил за собой прежнее место в Заре. Он мне сказал, что ни за что не решится принять заманчивое предложение стать митрополитом, пока не разрешится вопрос с митрополитом Михаилом.

Вообще он держит себя очень независимо, никому не кланяется, ни у кого не заискивает. Этим он вызывает к себе нерасположение «напредняков», которые ждали от него противного. Его назначение и реформа не встречают сочувствия. Людей науки почти нет в Белграде, и бедный о[тец] архимандрит чувствует себя одиноким в столице Сербии. С горечью он говорил мне об упадке образования и, в особенности, нравственности в Сербии. Честных женщин наберется 5%. Разводы — обычное явление. В одной крошечной Белградской епархии в год бывает до 100 разводов, за деньги они совершаются очень легко.

В первый день Пасхи обедали мы у Миличевича. Ранее того были в церкви. Утрени Христовой, как у нас на севере, здесь не бывает, служат в 4 часа утра. Нет приготовлений праздничных и стряпни яств; никто не разговляется, потому что никто и не постится.

Только у королевы служат по-русски обычно. Обыкновенно она молится в своей церкви. Король же ездит в Соборную <...>. Удивительное дело — при встрече с королем лишь немногие снимают шляпу. Многие говорят о несогласии между им и королевой. Последняя представляет русскую политику и русские симпатии; король же сторонник австрофилов.

Миличевич и его жена, все время оказывавшие нам всевозможное внимание и предупредительность, угощали на славу. За обедом пришло

несколько человек «напредняков» и принесли хозяину поздравление с возведением в сан академика. По случаю праздника Пасхи король, наконец, избрал 24 академика. В число их попали 2 министра – Миятович и Куюнджич; Миличевич, П. Сречкович, М. Бан, Валтрович, Л. Ковачевич и целый ряд бездарностей, лиц, ничего не сделавших для науки, как Вулович, Николаевич и пр. Хозяин был очень доволен, провозгласил за меня тост как за человека, который не мешается ни в какую политику, а только работает для науки. Я отвечал тостом за Миличевича – не только сербского академика, но и русского. Разговоры не вязались.

За последние дни пришлось повидаться и с Ристичем, и с другими либералами. Ристич был любезен и, между прочим, сообщил, что и он был внесен в список академиков, но король его вычеркнул. Он выразил мысль, что король в том солидарен с напредняками. На прощание подарил мне свою историческую книгу о внешних отношениях Сербии, а жена его подарила Верочке* на память несколько вещей сербского народного рукоделия. В большинстве либералы – как Васильевич, Бошкович с его глупыми суждениями <...>, П. Сречкович с его ограниченностью, не критичностью и ученой хвастливостью – положительно опротивели. Последние впечатления не улучшили неприятного первого.

Из удовольствий в Белграде мы имели два: были в театре в «Цвети»¹⁰, когда давали невозможно плохую пьесу «Милош Обренович», и ездили в Топчидер с отцом Милошем. Топчидер – хороший парк и дворец Милоша Обреновича, любимое место прогулок белградских жителей. Встретили здесь короля и королеву <...>.

С удовольствием вспоминаю о вечере у Тодоровича – сликара **, члена Петербургской Академии художеств, где познакомился с известным писателем Сербии Матией Баном и где говорилось много хорошего о России. В гостинице представляет интерес знакомство с болгаринომ-эмигрантом Начевым.

Из Белграда двинулись в 6 часов утра 9 апреля. Ехали по Саве. Интересного было мало <...>.

После Белграда, Загреб – чистый, благоустроенный городок, – кажется столицей <...>.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ).
Ф. 818. Д. 16 (Кн. 1). Л. 26 об. – 50 об. Оригинал.*

* Вера Ивановна – супруга П.Д. Флоринского.

** Сликарь (сербск.) – художник.

Краткий дневник путешествий по славянским землям 1898 г. (Записная книжка № 2)

4 июля (суббота)

В 11½ прибыл в Белград. Визировка «паспорта». Хотел* «Империял». Белград сильно изменился за 10 лет, что я его не видел: хорошие мостовые, тротуары, электрическое освещение, электрический трамвай. Много больших магазинов и масса кофеен и ресторанов. Был на Калимеждане – прекрасный вид, отличный парк. Ужинал в Первой Белградской пивоварне в саду (Башта код Коларца**) <...>.

5 июля (воскресенье)

Утром отправился в Соборную церковь. По пути зашел в Великую школу, где разыскал профессора Ђоко Станојевића¹¹. Сердечная встреча.

Богослужение в соборе. Первоначально пели богословцы, затем к «Святой Боже» явился хор Певческого общества¹². Народа было не особенно много. Сверху члены «Певческого друштва» узнали меня <...> и все приветствовали. Поклонился прахам митрополита Михаила, Вука Караджича и Досифея Обрадовича. Затем сделал целый ряд визитов. Был у М. Миличевича. Имеет прекрасный дом, близ дворца, роскошно убранный, с электрическим освещением <...>. Миличевич был мне очень рад, оставил обедать. Завтра он уезжает в Соко-Баню¹³.

Йована Ристича не застал дома, Бошковича не нашел. Дучич уже уехал. Посетил профессора Станоевича. Затем в компании с Тошей Станковичем и Поробичем отправился в Топчидер на электрическом трамвае. Видели старый конак Милоша, знаменитый платан перед домом, прекрасный парк. Там собралось уже Певческое друштво. Все меня приветствовали; пение. Назад пошли пешком через горы с песнями. Приветствия мне в виду Белграда. Роскошная панорама. Ужин в компании «Код Коларца».

6 июля (понедельник)

Утром был с визитом у митрополита Иноккентия. Невзрачный вид Митрополии. Беседы. Выражения любезности. Дарит портреты о последних днях жизни митрополита Михаила: владыка не берегся и служил до последнего дня совсем больной. До последней минуты был в сознании.

* Хотел (сербск.) – отель, гостиница.

** Башта код Коларца (сербск.) – сад у ресторана «Коларца».

Разговор о политике. Митрополит защищал Милана: он высоко поставил войско. Новые законы о церкви и духовном суде в скупштине <...>. Он должен был поехать в Россию хлопотать за Милана.

После обеда делал визиты <...>. Решил вопрос о поездке в Румынию. Дома. Вечер в саду в дружественной компании.

7 июля

Утром делал визиты. Обедал у митрополита. Три преподавателя Семинарии – питомцы Киевского университета. Опять разговор о политике. Митрополит защищает Милана. Дебаты об отношениях России с Сербией. Стараются доказать, что все партии желают тесного общения с Русью. Посещение отца [Йовановича]. Прогулка по Калимегдану с Лавровым.

Вечер в честь меня «Код Коларца». Участвовало более 25 человек. Задушевные приветствия и тосты <...>.

8 июля (среда)

Посещение отца Димитрия, члена Державного совета. Милый, приветливый человек. Угостил меня и Лаврова чаем и икрой <...>. Обедал с Весничем¹⁴ и Л. Ковачевичем.

Посещение Йована Ристича. Великолепный дворец. Государственный муж состарился. Беседа о его новейших литературных трудах <...>. Жаловался на астму. Говорил о русском посланнике (Жадовский¹⁵, который не сделал визита ни Ристичу, ни королю Милану¹⁶). Говорил о трудном политическом положении Сербии и споре родителей короля, о том, что все они, и весь сербский народ, желают, чтобы король женился на русской княжне. Русская государыня должна помочь в этом деле.

Хлопоты с отправкой книг. Прощание со знакомыми. Приверженность Поробича и Станковича.

9 июля

Отъезд из Белграда. Встал в 4 часа утра. Провожали на пристани Поробич и Николаевич (благайник*). Последний подарил портрет и особенно восторженно выражал свои симпатии ко мне как представителю России. Пароход опоздал, отплыли почти в 7 часов, вместо 5. Прекрасное путешествие. Разнообразная публика, преимущественно сербы и мадьяры <...>. Бедная Сербия: со всех сторон заперта. Сербское пароходство: 4 парохода, строится еще 2 <...>.

ОР РНБ. Ф 818. Д. 16 (Кн. 2). Л. 8–11. Оригинал.

* *Благајник* (сербск.) – кассир.

Примечания

¹ Крушедол — крупнейший из фрушкогорских православных монастырей. Возведен в 1509–1516 гг. по распоряжению митрополита Максима Бранковича. В 1716 г. был сожжен турками, но в 1720–1740 гг. заново отстроен. Тогда же приобрел свой нынешний барочный облик. Главный храм — Благовещенский собор. Усыпальница видных исторических деятелей сербского народа: воеводы Шупликаца, княгини Любицы, короля Милана Обреновича и др.

² Стамбулов Стефан (1854–1894) — болгарский политический и государственный деятель. В 1870–1872 гг. учился в Одесской духовной семинарии, но был исключен за связь с революционным движением. Участвовал в Апрельском восстании 1876 г. Депутат Учредительного собрания 1879 г. Депутат Народного собрания с 1880 г. В 1884–1886 гг. — его председатель. В 1886–1887 гг. — член Регентского совета. В 1887–1894 гг. — премьер-министр Болгарии. Основатель и лидер Народной либеральной партии (1887–1894). Отличался ярко выраженной антирусской позицией.

³ Муткуров Савва (1852–1891) — болгарский военный и государственный деятель, генерал. Военное образование получил в Константинополе и Одессе. Служил в русской армии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Один из организаторов Пловдивского переворота 6 сентября 1885 г. После соединения Восточной Румелии с Княжеством — член временного правительства. Участвовал в Сербо-болгарской войне 1885 г. В 1886–1887 гг. — член Регентского совета. В 1887–1891 гг. — военный министр.

⁴ Тодорович Стеван (1832–1925) — сербский художник романтического направления. Учился живописи в Вене и Мюнхене. В 1857 г. основал в Белграде художественную школу. объехал всю Сербию, собирая материал и делая наброски для Этнографической выставки в Москве (1867), где выставил 37 акварельных изображений народных костюмов из всех краев страны. Участник Всемирной выставки в Париже (1900) и Первой югославянской выставки в Белграде (1904). Автор свыше 300 портретов и 700 икон.

⁵ Т.Д. Флоринский неточен — С. Тодорович являлся почетным *вольным* *общником* Академии художеств.

⁶ С. Тодорович входил в состав делегации Сербского княжества во время Славянского съезда и Этнографической выставки 1867 г. (Санкт-Петербург и Москва).

⁷ Никодим (Никола) Милаш (1845–1915) — сербский религиозный деятель. В 1890–1912 гг. — епископ Далматинский. Окончил духовную семинарию в Сремских Карловцах и Киевскую духовную академию. С 1883 г. — член Сербского ученого общества, с 1901 г. — Сербской академии наук.

⁸ Зара (Задар) — город в Хорватии, порт на Адриатическом море. С I в. н. э. — римская колония, с IV — центр византийского управления Далмацией. В IX в. го-

род вошел в состав Хорватского королевства. В 1107 г. признал власть Венгрии. В 1409–1797 гг. – под властью Венеции, с 1797 г. – Австрии. В 1918–1947 гг. принадлежал Италии. По Парижскому мирному договору передан Югославии. Ныне – в составе Республики Хорватия.

⁹ Феодосий (Мравич) (1815–1891) – сербский религиозный деятель. Образование получил в Будапеште и Сремских Карловцах. Профессор Белградской богословской школы (семинарии). В 1883–1889 гг. – архиепископ Белграда и митрополит Сербии.

¹⁰ Т. е. в день Святой Троицы.

¹¹ Станоевич Джордже (1858–1921) – сербский ученый-физик. С 1893 г. – профессор Великой школы, с 1905 г. – Белградского университета. В 1909–1913 гг. – декан философского факультета. В 1913–1919 гг. – ректор. Особая его заслуга состоит в массовом использовании электроэнергии в Белграде и Сербии.

¹² Т.Д. Флоринский имеет в виду Певческое общество «Обилич», основанное в Белграде в 1894 г. под названием «Академическое певческое общество студентов Великой школы». Общество пропагандировало патриотические идеи, в том числе идею сближения южных славян. Под другим именем существует до сих пор.

¹³ Соко Баня – бальнеологический курорт в восточной Сербии. Расположен в Сокобаньской котловине на реке Моравица между горами Озрен, Девица и Ртань. Организованная туристическо-курортная деятельность в регионе ведет начало с 1837 г.

¹⁴ Веснич Миленко (1863–1921) – сербский политический и государственный деятель, дипломат; доктор права. Юридическое образование и докторскую степень получил в Сорбонне. Профессор Великой школы. Член Радикальной партии. Посланник Сербии в Италии (1901–1902) и Франции (1904–1921, с перерывами). В 1920 г. – премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев.

¹⁵ Жадовский Валерий Всеволодович (1836–1916) – русский дипломат, тайный советник. В 1876–1890 гг. – генеральный консул на острове Корфу. В 1890–1897 гг. – советник посольства в Турции. В 1897–1899 гг. – посланник в Сербии, в 1899–1902 гг. – в Португалии, в 1902–1906 гг. – в Швейцарии.

¹⁶ С самого своего прибытия в Белград В.В. Жадовский занял резко непримиримую позицию по отношению к экс-королю Милану Обреновичу, занявшему в 1897 г. должность командующего кадровой армией. Он не испросил у него аудиенции по приезде и не отвечал на поклоны на разных мероприятиях. Ответом на это стал дипломатический скандал – 22 февраля 1899 г., в очередную годовщину провозглашения Сербии королевством, он не получил приглашения на торжественное богослужение и прием во дворце. Вместо него был зван секретарь русской миссии П.Б. Мансуров. Следствием такого «нетерпимого» положения явился скорый отъезд Жадовского из Сербии.

Письмо из Белграда

(выдержка из него – для К.П. Победоносцева)*

*Из письма, полученного У. Сидорским из Белграда** <...>.*

<...> Не знаю, что думают, да и думают ли, в Азиатском департаменте при назначении людей на разные посты. В Белграде в последние дни произошел с вопросом о посланнике совсем уже непристойный случай. Надо сказать, что Ал[ександр] Ив[анович] Персиани, к сожалению всех его знавших, в прошлом июне заболел и заболел острым нервным расстройством. Всем было жаль, но что делать. Пять с лишним месяцев он прожил в Париже, лечился, и, наконец, здесь узнали, что вылечился, уехал в Петербург и вот на днях приехал в Белград. Но представьте положение сербских правителей, когда из бесед с ним оказалось, что он в ненормальной памяти и перезабыл чуть не целые годы своей деятельности в Белграде, и огорошивал такими вопросами, что люди не знали, что отвечать.

Если Вы примете во внимание положение здешних дел и всю их деликатность, в виду твердой и упорной дипломатической борьбы, какую ведет Австрия, затем, множество весьма трудных внутренних вопросов, требующих быстрого и решительного содействия России, то перед Вами отчасти обрисуется вся нелепость положения сербского правительства работать с человеком столь ослабевшего ума, и, если хотите, по крайней мере мне кое-кто это высказывал, с этим положением соединилось и некоторое чувство оскорбления: «Неужели, дескать, интересы наши (т. е. Сербии) так уж ничтожны, что и полусумасшедшие могут быть посланниками между нами и Россией» <...>.

Почему же, спрашивается, не подумали в Питере о таком неприличии – выставлять несчастливого человека для осмеяния представительства русского,

* Письмо не датировано. Переписчик отметил на полях данного фрагмента: «Конец 1890 или 1891 г.». Но мы можем совершенно точно констатировать, что получено и переписано оно именно в конце 1890 г. (после 11 декабря), ибо Савва Груич, правительство которого упоминается в тексте, в феврале 1891 г. вышел в отставку, а на посту премьер-министра Сербии его тогда сменил Никола Пашич.

** Фраза написана рукой К.П. Победоносцева.

да еще в стране, где всякому дорого имя благополучно ныне царствующего нашего государя?¹ Ответ люди сведущие дают такой: г. Гирс любит Ал[ександра] Ив[ановича] Персиани и ни за что не хочет его оскорбить удалением на покой. Но и сербы тоже ведь любят Россию и тоже любят свою землю и желают в посланнике царя видеть ежеминутную защиту и ожидают от него твердых и умных советов в своих делах!

Вот хоть сейчас вопрос о Высокопреосвященном митрополите Михаиле. Высокопреосвященный, по старости, подпадает всякому встречному интригующему влиянию, в то же время знает, что для нынешнего кабинета его удаление на покой было бы большим несчастьем, так как с ним вместе удалились бы от дел и прочие иерархи Церкви Сербской, а людей между тем нет, и *ныне** такой факт мог попросту произвести смуту в церкви. Что делает митрополит? Идет против всякого предложения правительства под влиянием наущений политических противников кабинета Груича; отсюда между ним и кабинетом вечные недоразумения и споры в ущерб делу, а между тем в церкви дела ни на шаг не подвигаются к улучшению: священники с амвона проповедуют политические речи, непристойные для служителей мира и любви; для очищения обряда ничего не делается; новый церковный устав, в вопросах, например, о назначении на должности, остается пустым звуком; в Консистории — интриги и партийная борьба между членами и проч., и проч. <...>; священники в кафанах в постные дни едят поросятину и напиваются на соблазн мирянам; недавно, к стыду нашему, кандидат Киевской духовной академии приехал в Белград и постригся в монахи, а через два дня был сделан иеромонахом, и на следующий же день в кафане ел всякие запрещенные уставом кушанья и выпил 10 кружек пива, браврируя тем и подсмеиваясь над своим монашеским одеянием.

Нашлись люди и заметили об этом, другие священники, сидевшие с ним, сказали: «Да что ж, ведь ему во владыки попасть хочется, разве он по призванию в монахи постригся», а что до еды, то и наш митрополит ест скоромное.

Многое из этого зла можно устранить, если бы русский посланник пожелал этого и позаботился о том: здесь сильно боятся русского представительства, если оно действует твердо, потому что ко всякому слову его прислушивается народная масса, и беда тому управителю, если народ узнает, что управитель этот поступает против воли или мнения России. А тут вдобавок еще прислали и слабоумного представителя; если уж ни в чем другом, то хотя в вопросе о постоянных распрях между митрополитом и кабинетом, с крепким умом человек — наш посланник — мог бы помочь.

Не лучше и с нашими торговыми сношениями с Сербией. Официальный по-

* Здесь и далее выделено в оригинале.

чин делам этим положен Черноморо-Дунайским обществом, называемым «Князя Гагарина»², но и тут, несмотря на все благоприятные условия – конвенция принята была скупщиной с аккламацией, князя Гагарина принимали с пушечным громом и приветами толпы народа, и все воображали, что это *русское* Общество, по-русски думает, мыслит и делает; общественное мнение было уверено, что князь Гагарин – русская сила и близок к царю (такова была реклама); но по первому же ходу этого русского Общества началось разочарование: агентом Общества в Белграде назначил князь Гагарин некоего Петра Узелаца³, оказавшегося бывшим и настоящим шпионом австрийского правительства. С первого же дня назначения началось гонение агента русского Общества: печатались статьи, брошюры, подавались заявления, *in corpore*^{*} и отдельно обвиняющие о постыдном ремесле русского агента, но князь Гагарин, опираясь на своего крупного акционера графа Н.П. Игнатьева⁴ (80.000 р.), утверждал противное, пока, наконец, не было опубликовано письмо Босанского митрополита Савы Косановича⁵ (ныне живет в Черногории), прямо обвиняющего Узелаца в шпионстве, и ныне этот господин отсылается в Одессу. Между тем в 6 месяцев времени этот агент русского Общества напакостил много, рекомендовав русским торговым фирмам не сербских купцов, а понаехавших в Сербию жидов и австрийских немцев; так, например, фабрика кож Шестакова, начавшая свои сношения с сербским рынком, благодаря Узелацу не обратилась к сербской фирме Стаменкович, пожертвовавшей для дела ввоза русской кожи, но отыскала какого-то австрийского жида Гольдштейна, сделала его своим контрагентом. На деле вышло, что сербы, заботившиеся о русской торговле, остались в пренебрежении, а жида выгадали, и благодаря *русскому* же агенту.

Казалось бы, что это все пустяки, но, в сущности, все эти вещи, за отсутствием более крупных факторов в отношениях с Россией, имеют большое значение в смысле обаяния для русского имени, его авторитетности и веры в его самостоятельность. Отчего же все это так случается? Оттого, что Черноморское Дунайское общество, нося русское имя и с девизом преследовать русские цели по Дунаю, в действительности состоит из жидов и разного типа поляков <...>.

Отсюда, ни в одном порту нет русского человека, а, напротив, во многих и наиболее важных агентами состоят враги России, заведомые враги <...>, на всяком шагу пропагандирующие свою вражду к России среди окружающего их населения: нет хулы и мерзости, которую бы не выдумали против России и не поддержали бы таковых эти господа, особенно в Сулине⁶, Браилове⁷, Галаце⁸, Систове⁹, Калафате¹⁰ и в самой Одессе – в правлении Общества. Наконец, и сам

^{*} *In corpore* (лат.) – совместно.

князь Гагарин – Гагарин-Стурдза и всю молодость прожил за границей. Все это вместе взятое произвело крайне дурное впечатление здесь, и могу Вас уверить, что здесь никто не верит этому Обществу, в смысле *русского* двигателя для внешних сношений.

О королеве Наталье, полагаю, что Вы прочли мое письмо в «Варшавском дневнике»¹¹ (№ 268. 11/XII.90 г.). Скажу разве, что во всем виноват Ристич – заведомый и хитрый враг королевы. Впрочем, и она не из особенно чистосердечных.

*Институт рукописей Центральной научной библиотеки
им. В.И. Вернадского НАН Украины.
Ф. XIII (Архив Синода). № 92. Л. 1–7. Писарская копия.*

Примечания

¹ Имеется в виду Александр III, занимавший всероссийский императорский престол в 1881–1894 гг.

² Гагарин-Стурдза Юрий Евгеньевич (1846–1905), князь – российский предприниматель, директор Общества Черноморско-Дунайского пароходства, действительный статский советник. Первопроходец в установлении регулярной дунайской торговли. В 1883 г. основал пароходную компанию «Князь Ю. Гагарин и К^о», преобразованную в 1886 г. в Черноморско-Дунайское пароходство.

³ Узелац Петар (1841–1917) – один из руководителей Боснийского восстания 1875–1876 гг. Австрийский агент.

⁴ Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф – русский дипломат, государственный и общественный деятель; генерал-адъютант. На дипломатической службе с 1856 г. В 1861–1864 гг. – директор Азиатского департамента МИД; в 1864–1877 – посол в Турции. Принимал активное участие в формулировании условий Сан-Стефанских прелиминарий 1878 г. После Берлинского конгресса дипломатическая карьера Н.П. Игнатьева закончилась. В 1881–1882 гг. он – министр внутренних дел. С 1888 г. – председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

⁵ Косанович Савва (1839–1903) – сербский религиозный деятель в Боснии и Герцеговине. В 1881–1885 гг. – архиепископ Сараевский и митрополит Дабробосанский. Под давлением Вены был вынужден подать в отставку, после чего проживал в Черногории. Почетный член Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

⁶ Сулин – небольшой город-порт в восточной Румынии. Располагается на Сулинском гирле в дельте Дуная.

⁷ Браилов – город в Румынии, на левом берегу Дуная. Являлся сильной турецкой крепостью, игравшей немалую роль почти во всех войнах России с Турцией до 1829 г. По Адрианопольскому миру укрепления Браилова были скрыты, с обязательством не возобновлять их более. После этого он утратил важность в военном отношении.

⁸ Галац – город и порт в восточной Румынии, на левом берегу Дуная, между устьями рек Серет и Прут. Расположен в 18 км ниже Браилова.

⁹ Систово (болг. – *Свищов*) – город в Болгарии, на правом берегу Дуная. Расположен между Никополем и Русе. После объявления войны Турции в 1877 г. в районе Систово русские войска форсировали Дунай.

¹⁰ Калафат – город в Румынии. Расположен на левом берегу Дуная (напротив болгарского города Видин). Основан в 1424 г. генуэзскими колонистами как перевалочный пункт генуэзской торговли.

¹¹ «Варшавский дневник» – официальная газета Польского края, начало которой восходит к 1824 г. Получала правительственную субсидию. С 1864 г. выходил двумя изданиями, на русском и польском языках. С 1874 г. стал выходить только на русском, но с официальной частью на обоих языках. В 1886–1902 гг. редактором-издателем «Варшавского дневника» был П.А. Кулаковский.

Письма Нестору Михайловичу и Анне Егоровне, родителям

№ 1

Белград. 5 авг[уста] 1891 г.

Милый папа!

Отвечаю на твое письмо от 22 июля, которое получил сегодня утром, ибо только вчера вечером приехал в Белград <...>.

Вчера в 4 часа утра выехали из Загреба в Пешт. По дороге я по обыкновению спал. В Пеште малость заправился и через полчаса поехал в Белград; попали мы на *orient-express*** <...>. Здесь нашлась и компания: сербский поп, возвращающийся в Белград из Киева: ездил на побывку к товарищам из Академии и к родным своей попадьи (она русская). Разумеется, болтали по-русски. Вообще путешествие до Белграда было курьезно и весело. Начиная с Пешта сюрпризы – сижу в купе, вдруг под ухом: «Ах ты мать твою...» и т.д. со всеми прибавлениями. Что это? Оказывается, болгары поссорились из-за места и ругаются по-русски: это результаты, вероятно, вашего пребывания в Болгарии, ибо сербы ругаются так же, но по-сербски. Затем отправились мы с батькой (Божидаром) в ресторан-вагон, где сидели, пили, ели, болтали: совсем забываешь, что lupишь с сумасшедшей скоростью. Вдруг является компания, к которой все относится с почтением. Оказывается, домой едут Ристич, Пашич, которые были у вас с королем Александром¹. В Белград приехали в 10 вечера, видели, как встречают регентов. Благодаря тому, что нас встретил отец Джорджевича, я избавился от неприятности распаковывать на таможе свои вещи: поверили на слово, что ничего нет подлежащего пошлине. Сел я на извозчика (увы, нет больше элегантных фиакров), правда, парного, но с ободранным экипажем, и поехал. Глядь, в правый бок ткнуло, потом – в левый, потом опять то же: словом, вижу, что еду по нашей

* Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) – русский ученый-славист. Историк литературы и театра, этнограф и фольклорист. Член-корреспондент Российской академии наук (1902). Академик АН СССР (1921).

** *Orient-express* (франц.) – Восточный экспресс (Париж – Константинополь). Имел остановку в Белграде.

плохой мостовой из булыжника. Хотя она и напоминает «свое», а немецкая мостовая из плит лучше.

Довезли меня в гостиницу «Париж», где опять поиски: нет ли чего поесть. После поисков поел вареной курятины с паприкой* <...>.

Выспался я здорово и с утра пошел шататься по городу: пыль, духота нестерпимая, но город недурен: все красит Дунай с Савой, остатки старого турецкого, старого сербского в пестрой смеси с последним результатом цивилизации. Очень красива старая белградская крепость, подол (нижний город). Эта же смесь видна и в солдатах: что-то среднее между русским солдатом, пруссаком и австрийцем. Приятно поражает здесь то, что всюду однообразная речь сербская. А то с моего отъезда за границу не мог найти места, где бы не говорили на 2–3-х языках. Я, слава Богу, наострил по-сербски (*idem* – хорватски) настолько, что не затрудняюсь ни в чем, что касается необходимого. Здесь проф[ессор] А.П. Богданов (наш из Москвы), проф[ессор] Александров (из Казани)**.

Батяка Божидар обещал устроить мне комнату и стол (последнее, кажется, у себя). Сейчас иду к нему толковать.

Ваш М. Сперанский

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН).

Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 84–85 об. Оригинал.

№ 2***

11.VIII.91.

Нашел не без труда комнату с мебелью; хозяин – отставной полковник русской службы, холостяк, большой болтун. Цена 35 динар (франков) в мес[яц]. Это довольно далеко от библиотеки (20–25 м[инут] ходу) на краю города, но зато окна на обсаженное тополями шоссе и недалеко от Топчидера, пригородного прекрасного парка. С обедами еще не устроился, ибо попия, о котором писал, хочет дорого, да и обедать ходить к нему далеко, на другой конец города, а Белград раскинулся привольно. Купаюсь в Саве; жаль, что дороговато (30 пара****), а

* *Паприка* (сербск.) – перец.

** Биографические данные о А.И. Александрове см. на с. 311.

*** Открытка.

**** *Пара* – мелкая сербская монета. 1 динар (равный 1 франку) состоял из 100 пар.

необходимо: пыльно, жарко, да и купание при сидячей жизни необходимо <...>.

М. С.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 86. Оригинал.

№ 2

Белград, 17/29. VIII.91.

Милая мама!

<...> Что написать Вам о Белграде? Пока видел очень мало, потому что, во-первых, дела много: знаю дорогу в библиотеку и на почту, затем в купальню, и больше ничего; во-вторых, жара нестерпимая, пошел бы куда, да жариться лень. Вообще, вижу пока, что город ужасно пыльный (улиц не поливают, не метут), грязный поэтому, воды мало, укромных мест нет, как и у нас, на углах написано подходящее: «Овде строго забрањено мокрити»*, так что, что хочешь, то и делай!

Как и у нас, мостовая возмутительная, хотя теперь город перемаскируют; но от этого ходить еще тяжелее. Все напоминает наши городишки, и притом не из лучших. Теперь понемногу вхожу в норму: встаю около 7 часов, варю себе кофе (кофе отличный), съедаю порцию свою хлеба с «сыром» (это не наш сыр, а что-то среднее, похожее на хорошо прессованный творог, впрочем, очень вкусный и дешевый), иду в библиотеку (иногда по дороге на почту), сижу до 12 часов; затем иду обедать в гостиницу, что стоит 2, иногда 2½ динара; потом пью черный кофе и читаю газеты и в 3-м часу дома, где сижу и занимаюсь. Вечером около 9 ч[асов] пью чай. В Преображение² и Успение³ обедал в гостях у Джорджевича; пропасть кушаний, какая-то смесь европейской кухни с восточной: тут и суп, тут и пилав**, и печеные баклажаны, и паприка. Слава Богу, привык: журу эту зеленую паприку не хуже других.

Народ здесь ничего себе, пока нравится своей пестротой: до сих пор еще здесь смесь Турции и Европы в костюмах, хотя турок очень мало. Очень красивые женские костюмы полутурецкие, атласные (б[ольшей] ч[астью] черные, но много и цветных, но без рисунков), обшитые и вышитые золотом и серебром, какие-то шапочки (что-то вроде фески),

* «Овде строго забрањено мокрити» (сербск.) – «Здесь строго запрещено мочиться».

** *Пилав* (сербск.) – плов.

оплетенные косами волос и лентами, с насаженными на них перстнями. Но ясно, эти красивые костюмы исчезают: только степенные, немолодые белградские дамы носят, молодые все в шляпках венского фасона и с парижскими турнюрами. Вот все, что видел.

Будьте здоровы. Пишите.
М. Сперанский.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 87–88.

№ 3*

Письмо твое сегодня (воскресенье) получено. Но так как на днях писал, то и мне писать нечего. Живу по-прежнему, работаю. Отчет в министерство послал. Жду милостивого ответа в виде векселя на 50 ф[унтов] ст[ерлингов]. Жара стоит нестерпимая. Слава Богу, у меня в квартире (мой хозяин уступил мне весь флигель, ибо ему некуда девать мебели; т[аким] о[бразом] за 35 фр[анков] я имею 3 комнаты) прохладно. Скука смертельная, ибо приходится сидеть дома, потому что все заняты, а шлаться жарко. Убиваю скуку чтением по-сербски и по-чешски.

Твой М. Сперанский.

Белград. 25.VIII.1891.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 91. Оригинал.

№ 4

6 сент[ября] 91.
Белград.

Милый папа!

<...> Конечно, несмотря на то, что около 1½ недель я не писал, нового немного у меня: живу, работаю и скучаю, когда нет работы, и т. п. Впрочем, было несколько отступлений от монотонной моей программы. Прошное воскресенье ездил обедать в Земун, позлился на сербов, у которых нет благоустройства и порядка, позавидовал австрийцам, которые такой же сербский город привели в порядок, ввели приличие и чистоту. А от Белграда этот Земун всего 10 минут на пароходе через Дунай.

* Открытка.

30 числа была в церкви соборной служба за нашего царя⁴, служил Михаил, пение было превосходное, перед молебном говорил слово митрополит (довольно бесцветное). Потом пришлось идти в нашу миссию (увы! во фраке: никак не думал, что в Сербии придется надевать эту сбрую), пить с сербскими офицерами и чиновниками за здоровье. Отказаться было нельзя: получил приглашение как русский человек. Жаль одного, пропало время даром. Пошел потом (кажется, в понедельник) на заседание сербских умных голов, т. е. в Академии, куда тоже привели. Здесь послушал анекдотов из старых времен, два-три реферата, из коих даже по одному пришлось делать замечания, попил прекрасного турецкого кофе и пошел домой, будто дело сделал.

Дома в виде отдыха от работы <...> занимаюсь толстовской работой, т. е. пилю буковые дрова со стариком хозяином, который в это время мне рассказывает про старое время в Сербии, Черногории: он в 1844 г. был уже секретарем у владыки Петра, потом князя Данилы Черногорского, знал лично Милоша и Михаила сербских. Когда же дров нет, занимаюсь слушанием сербских и черногорских песен, которые действительно прекрасно с гуслями поет мой хозяин Медакович.

Новых знакомств завел я мало; все сводится к нескольким профессорам здешней Великой школы (неполный университет). Вижу, повторяется то же явление, что и в Чехии: как и чехи, знают нас сербы мало (т. е. то, что у нас пишется, печатается), чуть-чуть больше чехов и хорватов. Но народ гораздо трезвее, нежели эти славяне, под властью немцев и мадьяр <...>.

Будьте здоровы.
Ваш М. Сперанский.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 92–93. Оригинал.

№ 5

30/IX.91. Белград.

Милый папа!

Наконец-то собрался я написать подробно о своем путешествии <...>.

15-го числа утром, на рассвете, отправился я из Белграда в Карловцы, куда приехал через 2 часа. Пошлявшись по городу (а весь-то он из одной большой улицы), зашел в Патриархию, где узнал, когда аудиенция (здесь это важно) у Его Святости патриарха⁵. Потом пошел со своим спутником (Ђорђевићем) к его знакомому, где дождались до 9 часов, за-

тем опять в Патриархию (двор – по-здешнему), передал рекомендательное письмо к Патриарху и через 10 минут явился к Его Святости. А Его Святость – мужчина саженного роста, белый, с огромной окладистой бородой; в красной шапочке, вроде католической, в кафтане с красными петлицами на красной подкладке.

Я было под благословение, а он, а он прямо сует толстую лапу: прикладывайся, мол <...>. Думал я: патриарх, архиерей, может приказать, чтобы меня пустили в патриаршую библиотеку, по монастырям. А он говорит: я-де ничего не могу, ничего не знаю, поезжайте к архимандриту Руварцу⁶; если он захочет, все вам покажет. Вижу, с св[ятым] отцом толковать больше нечего; я, приложившись еще раз к толстой патриаршей деснице, отправился в ресторан (плохенький) пить пиво, ибо в Карловцах все осмотрел: православный собор и стоящую о бок с ним католическую церковь (ее называют в Карловцах «джамией», т. е. мечетью), великолепное, но еще не вполне отделанное здание гимназии, построенное по завещанию и на средства покойного патриарха Анджелича⁷, патриаршские сады и т. п.

После обеда, в 12 часов, взял парного извозчика и поехал в мон[астырь] Гргетег, где сидит этот самый всемогущий (и правду сказать, умнейший и ученийший историк сербский) архиман[дрит] Руварац, к которому, как приятелю, Ягич⁸ предупредительно еще в Аббации снабдил меня письмом и дал инструкции, как вести себя с этим чудачком. Приехали мы втроем: мой спутник, один профессор здешний семинарии («богословии») и аз многогрешный. Прочел архимандр[ит] письмо и давай меня пушить, ругать на чем свет стоит: и напрасно де приехал, и я-де русских принимать не могу, и все-де вы, русские, раскольники, жида, жулики и т. д. Я же знаю: чем больше пушит, тем больше, значит, ему по вкусу пришелся. Таков уж у него нрав, как предупредил Ягич. В результате принесли вина, винограда, и началась беседа, которую старик пересыпал разными побранками (в том числе и крепкими словами). Спутники мои уехали назад в Карловцы, а меня оставил архимандрит у себя. Вечер провели вместе в саду (погода стояла чудесная).

Монастырь Гргетег, как и все фрушкогорские, лежит на красивом месте, вид из него и на него удивительный: все леса, которые видны на десятки верст (даже за Белградом гора Авала⁹ видна: а это, по меньшей мере, 30 верст): так высоко лежит монастырь. Из этих лесов то там, то сям выглядывают белые четырехугольные колокольни других монастырей. Я, на что уж не мастер восторгаться, и то пришел чуть не в телячий восторг, так что забыл всю ругань, которой окачивал меня отец архимандрит.

Поужинали лихо (монахи едят здесь мясо, почему за ужином, кроме «чорбы» (супа), было 5, кажется, блюд), заливая все прекрасным вином и «сливовицей» (это водка из слив, составляющая крупную статью дохода монастырей, где около каждого огромные (напр[имер], у Гргетега версты на 1½ полосой вдоль дороги) «сливняки»*), «комовицей»**, и я, достаточно нагрузившись, пошел спать в комнату, которую дал мне старик в своих покоях. Места здесь в монастырях, по крайней мере, на 50–60 человек в каждом, а живет 3–4 монаха, не более.

Утром в 6 часов попил кофе один (мой архим[андрит] уехал на заседание в Карловцы) и тронулся в Крушедол на паре превосходных крупных лошадей, предоставленных в мое распоряжение сердитым-добрым архимандритом. Со мной поехал и монах, эконо́м Гргетега <...>. Езды всего полчаса. Крушедол – самый богатый из всех монастырей: сюда, собственно, я и имел в виду пробраться пересмотреть рукописи. Здесь игумен молодой, из священников, служивших в Босне***, с идеальными намерениями, с желанием из своего монастыря сделать школу земледелия, школу науки и т.д. Но, в общем, очень сдержанный, ласковый, хороший хозяин. Только вошли – сей час – сливовица (это уже сербский обычай, особенно в Среме, который славится своей сливовицей, именно фрушкогорской), да и сливовица от 1811 года (клялся игумен, что не врет). Я выпил 2 рюмки голышом (здесь не закусывают), да и осовел: пьется легко, а здорова.

Прочухавшись через 2–3 часа, прошу рукописи, а они, оказывается, все с книгами свалены в кучу (перенесли их на новое место, а еще не разобрали), и сел я, снявши сюртук и надевши игуменскую венгерку <...>, и давай перебирать книгу за книгой, пока не нашел все, что нужно. Мне дал игумен помещение опять в своих покоях, целых три комнаты, где я и расположился. Приходят звать в трапезную обедать: глядь, у игумена гости (а это вечно в монастырях, как в гостинице), да еще важные: какой-то из немецких заправил в Боснии, бывший сослуживец игумена, немец, но прекрасно говорящий по-сербски (что редкость). Обед, разумеется, шикарный, с шампанским, здравицами, так что просидели мы 3 с лишком часа, насвистались до того, что я, когда гости уехали, завалился спать до 6 часов вечера. Зато всю ночь работал и спал 2 часа.

* Сливняк (сербск.) – сливовый сад.

** Комовица (сербск.) – виноградная водка (из выжимок – виноградной мезги).

*** Босна (сербск.) – Босния.

На следующий день пошло все мирно: я работал до отупения, братия иноки пили по кельям. Оригиналы же между ними: один, напр[имер], толстый, громадного роста, лет 35–40, отчаянный русофил, с виду разбойник: клобук на затылке, рожа свирепая (а добрый человек, только «шваба» ругает матерно), дай ему «пушку» (ружье) и нож – он и готов в гайдуки.

Просидел я в Крушедоле 3 дня и две ночи и пошел пешком опять в Гргетег, ибо ужасно затекли все члены от сведения; лошадям велел ехать вперед. В Гргетеге пообедал, забрал сумочку свою и поехал далее в Раваницу, или Врдник, самый знаменитый из фрушкогорских монастырей: здесь мощи князя Лазаря¹⁰, убитого в 1389 г. на Косове, в последней битве сербов с турками, с тех пор покорившими Сербию. Сюда в «Видов дан» (15 июня) приходят на поклонение десятки тысяч сербов из всех земель, где есть православные сербы (Королевство, Срем, Банат, Босна, Герцеговина, Бачка и т.д.). Мимо монастыря идет узкоколейная железная дорога, около – громадное село Врдник.

Я проехал на архимандричьих лошадях, в покойной изящной колясочке целых 3 часа <...>. Только вошел, представился настоятелю (толстому до безобразия отцу Емилиану) – опять сливовица, но уже в количестве 5 штук. В монастыре, оказывается, гостит целая семья учителя из Карловцев: он, жена, свояченица, около которой увивается красавец молодой монах, пятеро детей. Опять началось возлияние языческому Бахусу, но я увернулся ловко, сейчас же пойдя в церковь, чтобы осмотреть ее. Услужливый подвыпивший отец Мина показал мне все, даже снял покров с мощей <...>.

Мне отвели «уваровские» покои: названы они потому так, что наш теперешний археологич[еский] командир в юбке, т. е. графиня Уварова, с мужем еще были здесь, жили долго, фотографируя предметы богатой ризницы. Подъехали еще гости: какой-то старичок с женой. Я испугался, да поскорее к отцу Мине: хочу-де читать рукописи. Вся библиотека, несмотря на вечно выпившего Мину, в большом порядке, и я опять с 8 ч[асов] до двух ночи и с 5 до 8 след[ующего] дня сидел и работал, списывая, что нужно. Здесь еще больше безобразия: был день постный, а мы и братия ели превосходную курятину. Тут было вышел со мной скандал: чуть меня силком не украли монахи соседнего монастыря <...>; пришли, подвыпивши, и говорят: «почестите нас* (окажите честь), господине», ухватили, да и тащат: спасибо игумен вступился, не уступил своего гостя.

* Автор немного неточен в сербском правописании. Следует: «Почастите нас...».

Т[аким] о[бразом], видя, что так я проваландаюсь черт знает сколько времени, а с другой стороны, сообразив, что все, что мне нужно было, я нашел, а рисковать потерять понапрасну время в розысках по другим монастырям (а их всех 12), да притом боясь спиться с кругу, я сел на железную дорогу и из Врдника поехал в Карловцы. Здесь уговорил меня остановиться у него учитель, гостивший в Раванице и теперь со мной возвращавшийся домой. Я согласился и, оставив вещи в его квартире, пошел в Патриархию, где разыскал своего архимандрита (он все еще заседал в комиссии Синода). Он меня давай опять пушить, зачем-де спешил, не остался в монастырях еще и т.д., но, в конце концов, привел в патриаршую библиотеку, дал рукописи и все, что надо. Два дня прожил я степенно в Карловцах, даже раз гуляли вечером с Его Святостью, которая, видя, что Руварац со мной любезен (т. е. хвалит и ругает, а не официально сух), стала также любезна, уговаривала не стесняться в своих занятиях, не спешить, и в виде комплимента патриарх прибавил, что-де я за последние 15–20 лет первый рус, проникший в патриаршую библиотеку. Нашел чем хвастаться! Вспомнил я покойного А.В. Васильева, которому в Карловцах показали кукиш!

Из Карловцев я поехал далее в Новый Сад. Это сербский город в Мадьярии (Венгрии), центр сербского просвещения для здешних сербов <...>. Правда, недаром назван этот чистенький благоустроенный городок Садом: действительно, это громадный сад, лес, где пробиты дороги и выстроены дома. Все красит еще великолепный Дунай с грандиозным железнодорожным мостом и плашкоутным деревянным в Петроварадин (это крепость, одна, говорят, из бывших когда-то (а м[ожет] б[ыть], и теперь) самых больших на юге Австрии). В Новом Саде я пробыл с 11 часов до 4-х, осмотрел город, через мост прошел в Петроварадин, где погулял. Пообедал в Новом Саде в ресторане не хуже венского (не дешевле) и поехал домой, куда приехал в 9 ч[асов] вечера без особых приключений, если не считать компании сербов-мухамеданцев с женами, у которых физиономии завешены, с которыми проболтал всю дорогу, и пьяного серба, который заставлял меня читать «Верую» и «Отче наш» в доказательство, что я «брат-рус» и православный.

Вот Вам полный отчет о моем путешествии. Удивился я сам, как я много дел сделал в Среме, и как я не спился: никогда так не пьянствовал еще <...>.

Будьте здоровы, отвечайте поскорее.

М. Сперанский.

№ 6

Белград. 18/30.X.91.

Милый папа!

Отвечаю на твое письмо, полученное мною 11 октября, отвечаю так поздно потому, что все ждал, ждал, не услышит ли глас моления моего министерство. Я тогда снимаюсь с якоря и плыву далее. Но не тут-то было! Благодаря этому чувствую себя беспокойно: нервное напряжение постоянное, дело не клеится. А тут еще беда: меня обокрали самым странным образом: сняли с вешалки черную пару, сшитую прошлой зимой в Праге, взяли старые расшлепанные башмаки и платяную драную щетку, хотя, раз забрался человек, он мог взять все что угодно, а и было чего, напр[имер], ручную сумочку, где были деньги, дорогой бинокль и т.п. Заявил полиции: не знаю, что будет. Эта глупая кража еще более возмутила и без того скверное настроение духа. Вообще, и дела много — тяжело, и без дела — еще тяжелее: скука в скучном Белграде, с его скучными политиканами и монотонными людьми. Хорошо еще то, что нужды не испытываю — деньги есть <...>.

В понедельник (14 числа) дебютировал, и, кажется, с успехом, в первый раз на сербском наречии в заседании Академии: кое-что докладывал о результатах в Среме. Остались довольны господа академики, распечатали в газетах. Теперь сижу и пишу по-сербски свой доклад, чтобы сдать в типографию и получить в первый раз в жизни гонорар за ученый труд <...>.

Пишите.

Будьте здоровы.

Ваш М. Сперанский.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л.104–105 об. Оригинал.

№ 7

20.VI/2.VII.97. Белград.

<...> Сегодня уже я совсем дома — в Белграде. Белграда не узнал было: за пять-шесть лет это стал совсем красивый город, освещаемый электричеством, с электрическими конками, с мостовыми, кои в Москве и во сне не снились думцам, с превосходным парком Калемегданом, который тогда, когда я его видел в первый раз, только планировался.

Разумеется, нашел всех знакомых <...>. Одно жаль: умер (в марте) мой старик воевода Медакович, у которого я жил в прошлый приезд <...>.

Будьте здоровы.
Ваш М. Сперанский.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 216–216 об. Оригинал.

№ 8

Белград сербский. 3/VII.97.

<...> Был в Петров день¹¹ на народном гулянье под Белградом (в Топчидере), где было, надо признаться, интереснее, нежели на городском гулянье. Это похоже на наши Сокольники с публикой на траве (даже с подушками) и с массой простого народа. Смотрел хоровод и наряды баб и девок: и то, и другое оригинально <...>.

Был и у старого знакомого – митр[ополита] Михаила: ух, да как же он постарел, ослаб. Да и немудрено: 42-й год митрополитствует¹² <...>.

Будьте здоровы.
Ваш М. Сперанский.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 217–218 об. Оригинал.

№ 9

София. 17/29.VII.97.

<...> Зато до приезда сюда провел я время недурно.

Уставши от работы и от жары в Белграде, я с удовольствием принял предложение своего старого приятеля М. Миличевича посмотреть вместе с ним и его женой внутренность Сербии, именно т[ак] н[азываемый] «Левач» – центральную горную часть края. Благословившись у митр[ополита] Михаила, двинулись мы в путь: сперва в Крагујевац, эту сербскую Москву (там до кн[язя] Милоша была столица¹³); это вроде нашего захолустного уездного городка, но с мощеными улицами и убийственными тротуарами, с дрянненькими лавчонками, но все-таки центр: здесь гимназия с 500 учениками – лучшее здание в городе, женская шестиклассная гимназия, большой оружейный механический завод. Все это мы осмотрели, везде радушно нас принимали; даже пепельницу на память подарил мне полковник, заведывающий механическим заводом.

Отсюда собирались проехать в старинный (начала XV в.) монастырь Каленич, но дороги так размыло наводнением, что ни один извозчик не взялся: пришлось ехать в Ягодину – городок с одной улицей, красивой

мечетью-джамией, плохой старой церковью и красивой строящейся новой. Отсюда на мужицкой телеге и поехали в Каленич, заночевав по дороге в механе с[ела] Белушич. Край – горный, замечательно красивый, настолько красивый, что забываешь те толчки, которыми угощает дорога, развороченная недавним наводнением. Монастырь лежит в долине – ущелье при потоке: единственный путь – потоком между почти отвесных местами скал: переезжали эту «Каленичку реку» 16 раз. Из Каленича я один с монахом верхом ездили в другой монастырь – Любостинью. Интересен был монах – в клобуке, с зонтиком, в подвернутой рясе, верхом! Езды чрез горы всего три часа, но было зато всего: и пешком шли, и за стремя волоклись, хотя, правда, за хвост лошади не держались. Местность еще лучше.

Вернулись в Каленич к вечеру, я заночевал и утром <...> поехал в Ягодину – 8 часов по жаре и колотью. На следующий день выехал в Ниш. В Нише видел пирамиду из сербских черепов, сооруженную в свое время турками¹⁴. Вечер провел с доктором Миличевичем, сыном моих спутников, которые направились из Ягодины домой в Белград. Недалеко от Ниша замечательно красивое ущелье – Сичевачка клисура¹⁵: это Дунайские ворота в миниатюре <...>.

Пока, до следующего письма.

Ваш М. Сперанский.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 22. Л. 219–220 об. Оригинал.

№ 10

31.VII. / 13.VIII.1906. Белград.

Наконец-то опять добрался до дела: сию опять в библиотеке и грызу свои рукописи. Надо полагать, что в Белграде долго не задержусь, так как и теперь уже видно, что главная работа была сделана уже в Загребе: теперь идут дополнения и поправки, лишь подтверждающие прежнее.

Белград и сербы изменились за 5 лет немного; стало в городе почище, понаряднее. Сейчас же нашел (в этот раз по телефону – прогресс) всех старых знакомых, кто еще в Белграде.

Из разговоров пока еще не видно, как относятся сербы к нашим делам, кажется, скорее с одобрением к нашей Думе¹⁶ и отрицанием к нашим правителям. Во всяком случае, их все, что у нас делается, видимо, интересует, хотя они и не ахают; да и понятно: они сами в подобных переделках бывали, и всякого рода брожениями или бунтами их не удивишь.

Мой приятель, ех-министр-председатель, ех-председатель скупщины Стоянович¹⁷ сидит у моря и ждет погоды, а пока – умница – работает в Академии и строит себе дом. Виделся вчера и со своим стариком Миличевичем: ему 72 года, стал на ноги слаб, глуховат, а все еще работает, что-то строчит. Словом, все идет по-старому <...>.

Ваш М. Сперанский.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 23. Л. 201–201 об. Оригинал.

Отрывки из моих дневников за границей 1890–1903

1897. Београд.

<...> 6/VII. За ручак дошао к мени и Љ. Стојановић <...>, који путоваће у Москву; ја сам дао њему неколико препорука. Љуба обећава, да хоће са мном и са Миличевићем преко Крагујевца у Каленић, а вальда и даље – у Љубостињу и Раваницу. То било би врло лепо!* <...>

Кусочек из дневника

10/VII. Утром выехал с Миличевићем и его женой Милицей из Белграда по железной дороге в Крагуевац. В Крагуевац приехали в 4 часа. Крагуевац – небольшой город, вроде наших уездных: одна большая улица, широкая, с двухэтажными домами, с кафанами чуть не в каждом доме. После спанья в гостинице «Таково» пошел шататься: в час обошел все, как оказалось, интересное: видел новый собор – обычная постройка с слабым подражанием квази-византийскому стилю. С полушарообразными 5-ю главами (кубе**) и основанием в виде креста. Побывал в «парке» – [слово неразб. – А. Ш.] садишко на берегу реки Лепеницы с деревянными мостиками и лавами <...>. Вечером сидел перед гостиницей, пришли сербы: Миленко Ранчић, учитель здешней гимназии, Сима Тројановић, учитель из

* «1897. Белград <...>. 6/VII. К обеду ко мне пришел и Л. Стоянович <...>, который скоро едет в Москву; я дал ему несколько рекомендательных писем. Люба обещает, что поедет со мной и Миличевичем через Крагуевац в Каленич, а может быть, и дальше – в Любостиню и Раваницу. Это было бы замечательно!»

** *Кубе* (сербск.) – купол.

Белграда, и еще кое-кто. Вместе с Тројановићем пошли разыскивать Симу Томића (нашего «Сыча»), не застали, к сожалению, его дома. Жара смертельная. К вечеру подошел и Сыч. Поболтали немножко и спать.

11/VII. Крагуевац. С утра пришел Томић, и пошли мы смотреть достопримечательности Крагуеваца. Первая – старая церковь (новая соборная выстроена недавно): она старинного типа, продолговатым четверугольником с полукружием на восточной стороне. Интересна снаружи: под крышей черепичной в виде карниза все надгробия (плоча*) с надписями: здесь покоится раб Божий и т.п. Это дело Милоша, построившего эту церковь около 1816 г. Занятно внизу на иконостасе (довольно плохой работы, чуть ли не нынешнего века) изображение – Авраам, Исаак и Иаков с душами в [слово неразб. – А. Ш.] (изображение известное), а рядом с Иаковом – *благочестивый разбойник с крестом*: в первый раз вижу такое изображение. Я растолковал Милићевићу и Томићу, не глядя на подпись, и угадал: они подивились. В остальном церковь не занятая, довольно чиста. Колокольня (звонница) совсем новая, красивая, в каком-то чудном стиле, который должен был изображать византийский.

Оттуда пошли на «војачко-техничку»** фабрику, иначе «тополивницу» (здесь прежде, в Милошево время, лили пушки); здесь ряд машин паровых и электрических, мастерские для отливки чугунных и медных вещей военных (снаряды), столярные мастерские, повозочные, склад военной амуниции. Показывал нам сперва полковник, начальник завода, затем – молодой инженер-техник, как точат головки для снарядов, патроны делают, капсюли – любопытно, но не ново. Здесь же школа техническая (рисовальня, чертежная, практические мастерские) – из нее исходят препорядочные техники. Учреждение пресимпатичное, маленькая гордость сербов – единственная школа такого рода. У склада старые пушки. В складе есть маленькая батарея, подаренная русскими (заказана в Германии) для войны за освобождение, но попавшая в Сербию (благодаря австриякам) после войны. На прощание мне, «брату-русу», полковник подарил пепельницу довольно миленькую, отлитую на заводе.

С завода пошли на конак Милоша – теперь офицерский клуб. Конак простой, как и топчидерский. Милићевић порассказал из своих воспоминаний. У входа в конак малограмотного князя тумба с отличной римской надписью.

* *Плоћа* (сербск.) – плита. Здесь – могильная.

** М.Н. Сперанский снова не в ладах с сербским словообразованием. Следует: «војно-техничку».

Из конака я с Томићем пошел в гимназию: прекрасное здание, просторное, не особенно чисто и комфортабельно содержимое. Здание показывал сам директор Давидовић с Радићем. Особенное внимание в гимназии обращают на рисование, которое идет, однако, неважно. Библиотека гимназии — она же публичная: маленькая, плохенькая, заведует ею Радић. Гимназия большая — до 500 чел. С параллельными классами <...>.

Лучшее помещение в гимназии — актовый зал, но пустой — без мебели, только два-три портрета «добротвора»* гимназических <...>.

Затем побывали в Высшей женской школе, т. е. женской гимназии, основанной на пожертвование кап[итана] Гушића, местного уроженца. Пока в гимназии 6 классов, все чисто, порядок. Начальница — *Ahimiћ* — боснячка, девочкой подобранная в Россию, кончившая гимназию в Москве. Видно, любит свое дело, несколько русофильствует, вводит русскую форму для девочек.

Вечером, после обеда, отправились на гору, откуда недурной вид на Крагуевац; торговались с извозчиками: или цена невозможная, или не едут в Каленич. Решили ехать через Ягодину.

12/VII.97. Утром приехали в Ягодину. Ягодина — маленький, плохенький городок с цамией на первом плане и с красивой еще строящейся церковью в византийском стиле; мастера-каменотесы — итальянцы. Одна улица широкая с кафанами. Нашли простую телегу за 40 фр[анков] с кочијашем Ильей и в 2 ч[аса] тронулись в путь.

Скверно было ехать городом: мостовая отвратительная, бьет направо и налево, взад и вперед. Спустились на шоссе — стало лучше, хоть шоссе не из важных («насип»**). Вдали — красивый амфитеатр гор, как ковром, покрытых разного рода четвероугольниками — от [слово неразб. — *А. Ш.*] до желто-зеленых — хлеб, кукуруза, виноградники, леса; очертания мелкие, ласкающие глаз. Недалеко от города через речку мост разрушен водой: мы перебравшись по бревнам, а г-жа Милица с Ильей вброд — благо не глубоко. Надвигается дождь, видно, как он к нам добирается; в конце концов, давай хлестать. Я уцелел, благодаря своему резиновому «макинтошу», мои же спутники подмокли, несмотря на шали и мой огромный плед, в который завернулись объемистые супруги. Пришлось заехать в дер[евню] *Лоћику* в механу и в ожидании, пока пройдет дождь, сушиться, пить довольно скверную «љуту ракију» и скверную «турску кафу».

* *Добротвор* (сербск.) — меценат, жертвователь.

** *Насип* (сербск.) — насыпь. Здесь — грунтовое, насыпанное, шоссе (не из камня).

Часам к 7 добрались до [села] *Белушиће* (иначе *Белушић*), где в механе для супругов нашлось место, а я ночевал в хозяйском доме. Комната чистая, выбеленная, но блохи ядовитые. Избы в Белушицах, как и во всей околине, беленые и снаружи, под черепичной кровлей, с печами. Но есть и «старинские» с очагом. В этом случае в середине сделан еще навесец, прикрывающий дымовод. Большинство изб – с низким нижним этажом, где погреба (подрум).

Дом стоит в глубине двора, у ворот пуня, плетеная на столбах в аршин 1 ½ – 2 от земли, с соломенной крышей; низ иногда забран досками, хотя не вплотную, – помещение для скота. Кроме пуня есть и сарайчики, довольно примитивного свойства. Лучшее здание в деревне – школа. Она и просторнее, и окна больше и наряднее, наверху в большинстве случаев навесец с колоколом. Церковь удивительно маленькая: легко бы ее и не узнать, если бы не крест. Звонница, как и в большинстве сербских церквей, низенькая, деревянная, в виде четырех столбов с деревянным или черепичным навесом.

Пожинали отлично: чорба в деревне куда лучше городской, и вкуснее, и сытнее. Ракија в Белушицах отличная. В 8 ч[асов] завалились спать.

13/VII.97. В 6 часов двинулись в путь. Погода превосходная. Дорога уже без насыпи. Добрались до «Каленичковой реки» – потока, нашли проводника, который очень ловко бежал босиком впереди лошадей, легко перескакивая с одного края «реки» на другой. Указавши дорогу и получивши динар, проводник вывел нас на дорогу к Каленићу <...> и отклонялся. Дорога вся перепахана «яругами» от дождя. Едем, едем, а Каленича не видно, зато леса (шума) все увеличиваются: только монастыри и кое-где государство сберегли старые леса; крестьяне же порубили; теперь у них мелкий лес, который не годится на «греды» (балки), а только на дрова. В 10 часов подъехали вплотную к монастырю, и тогда только его увидели: он лежит в глубине ущелья между крутых гор, заросших лесом. Нас ждали: митрополит предупредил <...>. Встретили нас архим[андрит] Јанићије, духовная власть монастыря, Максим-игумен, фактический глава обители, и единственный иеромонах – Михаил. Тут же оказался и студеничский архим[андрит], который при нас уехал в соседнее село, где у него «кумство». Прямо с пути пошли в церковь.

Церковь монастырская очень невелика, стоит посредине монастырского двора, очень [слово неразб. – А. Ш.] типична для сербско-византийских построек; в первоначальном виде (первые годы XV в.; задужбина Стефана Высокого, деспота, сына краля Лазаря) не сохранилась: на западе сделана довольно неуклюжая пристройка <...>.

Снаружи церковь весьма красива: она сложена из кирпичей вперемешку с тесаным камнем, так что вся полосатая, окна украшены богатой каменной резьбой: ни одно окно не повторяется в украшениях. Над бывшей дверью (южной) горельефное изображение Богородицы. Снаружи по куполам церковь была расписана: теперь кое-какие изображения (напр[имер], солнце) и орнамент видны из-под извести. Внутри изображения сохранились только внизу: купола уже заштукатурены. Из изображений интересны: сцены из жизни Богородицы (сон Иосифа, поклонение волхвов, бегство в Египет) весьма хорошего стиля <...>. Изображение строителя – Стефана – еще молодым. В самой церкви того же стиля изображения святых.

Кельи монастырские (конак*) и звонница – новые, выстроены Милошем, равно как и ограда его же устройства <...>.

Конак двухэтажный с погребом, вдоль галерея и беседка выступом. Библиотека и ризница жалкие <...>.

14/VII.97. В 6 ч[асов] утра отправились с игуменом Максимом верхом в Љубостињу. Фигура монаха верхом, в клобуке с зонтиком подмышкой и с «бисагами» (сумы переметные) довольно курьезна. Максим ездит хорошо. Поперли все в гору монастырским лесом, затем по горам, по долам, пока не дошли до обрыва. С обрыва ок[оло] 20 м[инут] вели лошадей в поводу – круто, каменисто, местами почти отвесно. Спустившись вниз, опять сели на коней и поехали по потоку – «Љубостињска река», вплоть до самого монастыря ехали «рекой».

Љубостиња точно так же под горой, положение еще красивее Каленића. Церковь совершенно того же типа, что и каленичская, но вся оштукатурена <...>. Как будто ниже каленичской, но зато без пристройки. Монастырь немного старше Каленича <...>. Изображения попорчены турками <...>. Гробницы: Милицы (матери Стефана) – строительницы мон[астыря], Стефана Высокого: его гробница украшена резьбой. В самой церкви гробница Углеши¹⁸ <...>. Снаружи – на окнах те же украшения, но беднее и однообразнее, не то, что в Калениче.

Архим[андрит] Вениамин и иеромонах Константин составляют братию. Архим[андрит] на вид несколько сердитый, желает быть внушительным, хочет померяться в «лютости» с Илларионом Руварцем, да далеко кулику до Петрова дня! Был на коронации в Москве, получил Анну

* Понятие «конак» имеет в сербском языке два значения. С одной стороны, это резиденция правителя (небольшой дворец). С другой же – братский (сестринский) корпус в монастыре.

2-й степени, медаль и [слово неразб. — *А.Ш.*] жетон — большую медаль «чистог сребра» (что особенно архимандрита утешает) и архимандричье одеяние: жаль, митру (а ее в Сербии архимандритам носить не позволяють) забыл в Москве. Попросил снять его во всех регалиях. Пообедавши и отдохнувши, мы отправились обратно и ехали опять три часа. К Каленичу спускались пехом <...>.

15/VII.97. Перед отъездом снял братию. В Белушићах обедали и отдыхали. Беседовал с каким-то сербом, довольно противным и назойливым, о том, что где делается. Скоро ли Рус воевать будет и т.д. Снял Илью. В 6 часов приехали в Ягодину, отдыхали.

16/VII.97. Осмотрели старую церковь: совсем то же, что и в Крагуеваце, даже тот же иконостас; построение того же Милоша. После обеда в 10 ч[асов] тронулись на железную дорогу. На станции сидел до часу, ждал поезда, беседовал с нашим трактирщиком и шефом станции. Около Сталаћа на горе развалины какого-то замка: две башни <...>. Около Ђуниса туннель водой разрушен, шли пешком по верху: место замечательно красиво. В 6 ч[асов] в[ечера] приехал в Ниш, в «Европу», разыскал *Миту Милићевића*, сына Милана и провел вечер в болтовне с ним и его женой, довольно миловидной сербкой.

17/VII.97. В 6 ч. утра выехал в Софию <...>.

СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 9. Л. 37, 46–51 об. Оригинал.

Неопубликованный очерк «По Сербии и Болгарии» (1897 г.)

<...> Не видал я сербской столицы 5 лет, когда Белград был особенно непрезентабелен внутри: шла канализация, замощение улиц. Но с реки и тогда, и теперь сербская столица с ее «градом» (старой громадной крепостью), соборным храмом, домами, по горе спускающимися к желтому Дунаю и голубо-зеленой Саве, так же, как и прежде, обворожительна; теперь заметил я еще новость — некоторое сходство с нашим Киевом из-за Днепра. И внутри прежний Белград, напоминавший, исключая свое

чудное положение между Савой и Дунаем, любой наш губернский город, и то не первого сорта, теперь стал неузнаваем: чистые улицы, прекрасно мощенные с прекрасными тротуарами, осененные иногда уже тенистыми белыми акациями и каштанами, электрическое освещение, электрическая и конная городская железная дорога, красивые, скромные, но чистенькие садики на площадях, нарядные новые дома и подчищенные старые, наконец, Калемегдан, сад на высоком берегу Дуная, прежде песчаный, выгоравший от солнца, — теперь довольно тенистый, замечательно уютный сад с цветниками и фонтаном. Все производит впечатление, ласкающее глаз, изящное, но не бьющее на шик. Словом, Белград стал маленькой столицей. Прибавьте сюда пеструю толпу прилично, со вкусом одетых сербов и сербок, частью в европейском платье, частью в старосербском, ясно восточном, — и вы поймете, какое спокойное, ровное и изящное, но в то же время стройное, впечатление производит Белград.

Здесь не видно никакого насильственного переворота; ясно, что европейская культура входит постепенно, не захватывает деспотически место, оттесняя силой старое; наоборот: старое сербское, до известной степени турецкое, ассимилируется здесь с пришлым: европейский вид Белграда и серба имеет и свое сербское: франтоватая мода Европы гармонично уживается с подчищенной стариной; европейское палаццо рядом с домиком турецкой постройки, но уже с окнами и входом с улицы. Старое сербское домашнее гостеприимство, радушие не стерты, а только несколько изменились во внешности в новой европейской обстановке, с ее ресторанами, официальными визитами и т.д. В доме турецкая «тахта» уживается рядом с венским стулом. Патриархальность старого быта все еще чувствуется на каждом шагу: в * жены за столом, в условном ритуале встречи гостя и т.д. Но это не производит диссонанса, чувства пестроты. Почему? Потому, думаю, что та стадия развития общеевропейской культуры, на которой теперь находится центр сербской жизни, достигнута не вдруг, а постепенно и вполне нормально.

Больше всего меня в этом воззрении убедило посещение почти турецкого Пловдива, строящейся Софии, когда я стал сравнивать их с Белградом. В Пловдиве, красивом по положению, оригинальном городе, я увидел еще старую ступень культуры — Азию, своеобразно красивую. В Софии чья-то могучая рука за раз сметает безжалостно остатки старой культуры, и в то же время торопливо, полной горстью, бросает не семена, а прямо готовые плоды европейской культуры: европейские кот-

* Слово пропущено. По смыслу — *в отсутствии*.

теджи, улицы-шоссе, претенциозные парки со статуями, новые прямые улицы, фонтаны на площадях. Но что же? Все-таки – впечатление скачка чувствуется, и вы наглядно убеждаетесь, что эти европейские плоды еще долго останутся чужды этой почве: в сухую погоду вы не хуже, чем в Нежине, давитесь от пыли, прошел дождь, и вы <...> вязнете в грязи, едете на франтоватом извозчике – фиакре, уже не каруце*, и вам отбивает бока; статуи парка – верх безвкусицы, претенциозный парк содержится неумело, скамейки в парке есть, но назначены они не для отдохновения, а для пытки публики; великолепный магазин, а в его дверях типичный восточный сараф-меняло, испанский еврей или [слово неразб. – А. III.] в восточном халате, исподлобья поглядывающий с характерными усмешками восточного человека на публику. Блестяще одетый горожанин, не понимающий часто простого правила вежливости, европеец по виду, но грубоватый, подозрительный, свысока уже на вас смотрящий и в то же время постоянно, кажется, боящийся быть вежливым, чтобы его не сочли раболепствующим, унижающимся. Такой болгарин – явление на софийских улицах, на болгарских железных дорогах довольно обычное.

Видно, что после безличной, некультурной жизни болгарин спешит, более, нежели позволяют его богатые, но огрубевшие задатки, наверстать потерянное, энергично хватается и срывает, увы, пока только верхушки и внешность. Это сказалось и в развитии эстетики: имея уже рисовальную школу, несмотря на унаследованную от турок боязнь «чужака», на патристическую наклонность дать преимущество «своему», хотя бы и плохому, должны были обратиться к этим «чужакам»: инородцы, чех и русский еврей, стоят во главе художественной школы, иноземные архитекторы строят им дома, внося чуждую пестроту.

Снаружи дом красив, а во двор часто лучше не заглядывайте. Из нескольких десятков тысяч (при 3 с половиной миллионах населения) чиновников – ничтожный процент с высшим образованием и поразительный – безграмотные или малограмотные. Извне администрация та же, как во всех европейских государствах, но внутренняя цена ее представителей совсем не та.

Все это объяснял я себе, и кажется мне правдоподобно исторически при сравнении прошлого Сербии и Болгарии. Белград никогда не был таким вполне турецким городом, каким до 1879 г. была София. Народная жизнь сербов никогда не доходила до того глубокого упадка, в каком была она в Болгарии; никогда турецкий режим не давил так сербов, по-

* *Каруце* (сербск.) – пролетка, тележка.

стоянно то там, то здесь поднимавших протест, часто кровавый, против турок, имевших всегда поддержку соседей – сербов же, – как он недавно еще гнал болгар. Этот гнет превосходно изображается в лучшем болгарском романе И. Вазова «Подъ игото». В Сербии никогда не было спахий (помещиков), этих бичей и угнетателей «райи».

Во-вторых, самостоятельную жизнь начали сербы раньше болгар: в 1835 г. Сербия уже вассальное княжество, с своей конституцией, с своим домовитым господарем-хозяином Милошем, с тех пор в Белграде турки держатся только в крепости и в небольшой «варош-капи»*, а в 1867 г. последний турецкий солдат низама¹⁹ уехал из Сербии на свою родину.

Наконец, не надо забывать громадного преимущества Белграда по его положению: на Дунае, этой широкой дороге, соединяющей самые культурные части Средней Европы (Нижняя Австрия) с балканскими странами; затем Белград – город пограничный: за Дунаем опять тоже культурная Австрия, переполненная культурными элементами, в том числе славянскими. София же лежит на унылой равнине, осененной красивыми горами с Витошью²⁰, вершина которой покрыта кое-где и летом снегом, <...> вдали от Дуная, вдали от культурных стран; и до сих пор еще не соединилась София с культурными странами железной дорогой, если не считать проходной цареградский путь, идущий от Константинополя на Софию и через нее на Белград, откуда путь уже в «Европу»²¹.

Во всяком случае, наглядное сравнение Белграда, который я знал раньше и не без любопытства узнавал теперь, с Софией и Филиппополем лучше всякой книги рассказало мне страничку из культурной истории народа. Я видел народ, не начавший почти жить культурной жизнью (Филиппополь), видел народ, уже охваченный потребностью новой культурной жизни, хватающийся не всегда умело и чересчур горячо за культуру, ему мало еще понятную, а потому хватающийся то, что ярче всего выпирает, наконец, увидел я народ, переживший – и это в какие-нибудь 50 лет – эту горячку и уже спокойнее, независимее и потому сознательнее и глубже захватывающий и ассимилирующий себе чужую культуру. Это – Белград. Но это все касается передовых классов. Народная масса движется медленно, здесь много, как и во всякой массе, старого. Но и здесь разница между сербами и болгарам: хотя и сербы не могут похвалиться особо тесной связью культурной между городскими классами и деревенскими, но здесь такого скачка, как в Болгарии, не видно уже;

* *Варош-капија* (сербск.) – городские ворота. Здесь – квартал, прилегающий к крепости Калемегдан (городу).

здесь есть уже что-то среднее: часть народного быта удержана интеллигенцией, привычки и развитие интеллигента (грамотность) все глубже встречаются и в массе. В Болгарии между обьевропеившимся по внешности горожанином и предшествующим поколением, все еще живущим по старине, – промежуточного перехода еще нет: блестящий офицер, живущий в коттедже, едущий в коляске, принимает у себя родственников, простых мужичков в папучах* (кусоч кожи, заменяющий башмаки) и гуне**, приезжающих в город на буйволах в каруце с узлами всякого деревенского добра. Это, надо полагать, было 50 лет назад и в Сербии, этого, надо надеяться, не будет через 50 лет и в Болгарии.

Но как бы то ни было, и Сербия, и Болгария – до сих пор страны, любопытные для наблюдения. Поглядевши и постаравшись осмыслить себе культурную картину, которую я застал в Белграде, я обратился к этнографическим наблюдениям: до сих пор к народной жизни Сербии мне присматриваться не приходилось.

Не говоря о своих старых знакомых, радушно меня встретивших, о своих библиотечных занятиях, увлекших меня и на этот раз, я бы хотел сообщить о своих именно этнографических наблюдениях <...>.

Занимаясь делом в библиотеке, приглядываясь к новому для меня в Белграде, я ждал случая посмотреть не горожан, в которых всегда много общего во всех странах, а простой народ. Такой случай скоро и представился, именно 27 июня в Топчидере, селе и парке князя Милоша в 5–6 верстах от Белграда, откуда идет электрическая ж[елезная] д[орога], служащая целям горожан, охотно посещающих в праздники любимый ими Топчидер.

29 июня 1897 г.

Топчидер. Белград.

По случаю праздника в Топчидерской церкви было большое народное гуляние. Парк при скромном княжеском «конике» представлял обычный вид с гуляющей публикой среднего сорта: белградские горожане в «шеширах» (европейских шляпах) и европейских костюмах, иногда несколько упрощенных, н[а]п[р]имер на ногах, поверх брюк, черные, пестро расшитые, цветные «чарапе» (носки), и вместо ботинок «папуче» (туфли) <...>; женщины шли в европейском костюме или в «либаде» (широкоорукавной кофте) с декольте, прикрытом тафтой, и в простых фесках,

* *Папуче* (сербск.) – домашние туфли.

** *Гунь* (сербск.) – крестьянская куртка из грубого домотканного сукна.

обвитых косой (б[ольшей] ч[астью] чужой) <...>; девицы в европейском костюме с очень красивой прической – косами вокруг головы, что делает головки сербок очень изящными.

Рядом с княжеским парком, через дорогу, церковь, около нее роща, где, то там, то сям, раскинулись попросту, как у нас под Москвой, в Сокольниках, с едой, питьем и даже с подушками, поразились, сняли с себя лишнее. Рядом с церковью несколько навесов, столов и скамеек – подвижная пивная; тут же цыгане играют на скрипке. Остальное пространство – пестрая толпа крестьян вперемешку с солдатами; горожан здесь немного. В толпе образуется «хоро» (хоровод)²². В середине кольца несколько зевак и музыкант с флейтой (дудкой вроде пастушьей) или со скрипкой; он ходит по кругу и подбадривает толпу танцующих. Эти держатся крест-накрест руками за кушаки друг у друга, или кладут руки друг другу на плечо, или же даже держатся просто за руки. Смотря по тому, где музыкант, там танец бойчее, поэтому танцующие успешно влекут за собой остальную часть, которая довольно монотонно перебирает ногами, слегка перепрыгивая с ноги на ногу, изредка вынося немного ногу вперед. Те же движения, только энергичнее, проделывают те, против кого находится музыкант. Вся толпа, увлекаемая энергичной частью «хоро», двигается из стороны в сторону на несколько аршин, но никогда не обходит всего круга. Когда, благодаря толчку энергичной части «хоро», в той стороне, куда направляется движение, образуется теснота, то часть танцоров выпирается вперед, внутрь круга.

Вот вся пляска, небогатая движением, не производящая впечатления одушевления. Лица остаются, как и у нас, серьезны, разговоров между танцующими почти нет. Во время танца одни входят в хоро, другие выходят. Такова же совершенно пляска и болгар, которую я видел в «Болгарии» на палубе, такова же и у румын <...>. Здесь, м[ожет] б[ыть], благодаря более долгому с моей стороны наблюдению и большему вниманию, замечена мною весьма любопытная роль музыканта и в то же время хормейстера. Музыка держит довольно однообразный, простой, но быстрый по темпу мотив, что однако как-то механически отзывается на танцующих, не внося оживления в танец. Изредка только раздаются поощрительные взвизгивания, вырывающиеся у кого-нибудь из танцующих, или чаще у музыканта-хормейстера. Аккомпанементом, помимо скрипки или дудки, довольно своеобразным, служит мерное побрякивание монет, раз в толпе танцующих есть женщины, увешанные монистами.

Интересны самые костюмы, особенно женские: они очень оригинальны, но в то же время в них много общего с другими славянскими

и, м[ожет] б[ыть], неславянскими, каковы, напр[имер], виденные мною румынские. Костюмы в общем напоминают, как я сказал, несколько хохлацкий женский наряд: расшитая в крестик рубаха, пестрый кушак, а поверх рубашки, внизу отороченной или вышитой, двойная плахта – но узкая, вроде фартука. Эти оба фартука, передний и задний, соприкасаются только у пояса и при движении разлетаются по воздуху, вышиты они поперечными полосами по черному фону очень пестро; <...> по краю плахты-фартука идет пестрая кайма, иногда бахрома. Те же плахты и у сербских девок и женщин, но надеты они всегда поверх платья – красного, сборчастого, довольно длинного (чуть не по щиколотку), и плахта только одна – спереди. При танце подол гофреного платья заворачивается и сзади затыкается за пояс, и видна обшитая или вышитая по краю рубаха. Красный цвет иногда заменяется на юбке белым, но по нему нашиты цветные полосы из другой материи, сколько можно было заметить, из тюля, преимущественно голубого, синего и по подолу – черного. Эта белая юбка не подымается при плясе. Рубаха – белая, с небогатыми прошивками по краю рукава, если рукава (широкие с раструбом) распущены, и без прошивок, если они у локтя или у кисти подвязаны пузырьрем (как у нас); в первом случае рукав перехватывается алой ленточкой с висячими длинными концами на локте.

На бедрах у всех расшитые по черному фону пояса; самое интересное в поясе – это застежка: медная, иногда высеребряная, сохранившая тип фибулы с выпуклой серединой и с орнаментом. Так же архаичны по типу и браслеты на руках: если это не нитка, или несколько их, бус синих, красных, то это скоба – плоская с выпукликами на концах. Браслет медный.

Поверх рубахи надето теплое своего рода «либаде», но без рукавов, вроде нашей телогреи; изредка оно темное из простой материи, стеганое на вате, чаще же бархатное – темно-синего или лилового цвета, богато вышитое по краям и густо на груди золотом <...>. Наперед либаде иногда застегнуто пуговками.

На шее надеваются мониста, от самых бедных – в несколько ниток бус, пересыпанных монетками и квадратными, привешенными за угол (с ушком) бляшками, до богатых – из серебряных крупных монет, заполняющее все пространство, открытое вырезкой в либаде на груди; монеты – преимущественно старые австрийские или вообще западные <...>.

Мужской костюм – обыкновенный коричневый с черными вышивками, только на шляпу наткано несколько искусственных цветов. У ребятшек часто по околышу шляп картинки, кусочки зеркала и также цветы.

В балаганах у церкви продают всякую сласть, преимущественно пряники с всякими на них украшениями: или это плитка, обернутая в цветную бумагу и с картинкой какой-нибудь девицы с розой, или же фигура – кольцо или чаше сердце; помимо сахара на пряник наклеены картинки и зеркальца. По-видимому, это необходимая принадлежность праздника: девки и бабы всякая тащит домой по одному или несколько пряников.

Это была моя первая этнографическая экскурсия из Белграда, точнее в окрестности его.

Но представился скоро случай заглянуть и поглубже в страну: по приглашению своего знакомого М.Ђ. Милићевића я предпринял путешествие в Левач, горный, красивейший в Сербии край, лежащий немного западнее Моравы в ее среднем течении. Целью поездки было посещение старинного монастыря Каленића, лежащего в центре Левача. Путешествие было тем удобнее, что давало случай посетить старую столицу Сербии – Крагуевац, откуда наш путь лежал по горам, по долам на лошадях. Обстоятельства, в другом случае неблагоприятные – недавнее наводнение, дороговизна лошадей, – были в данном случае благоприятны: пришлось исходным пунктом выбрать не Крагуевац, а Ягодину, т. е. из Крагуеваца пришлось по ж[елезной] д[ороге] перебраться в Ягодину и уже оттуда не без труда и довольно больших неудобств добираться до Каленића с другой стороны Левача. Но это было очень кстати: удалось видеть самую красивую часть Левача, удалось немного присмотреться к жизни левачских жителей.

Левач представляет гористую местность, возвышенность, покрытую сравнительно невысокими холмами, нигде не достигающими до снеговых вершин. Но плоскогорье то само лежит довольно высоко над уровнем моря. Весь Левач представляется сплошным садом, благодаря замечательно развитой земледельческой культуре: мягкие, ласкающие очертания холмов скаты, пестрящие всевозможной зеленью, от светло-зеленой, почти желтой, разных хлебов, кончая темно-зелеными пятнами небольших молодых лесов и садов, окружают идущего по Левачу. На тех же скатах разбросаны села: Лођика, Белишићи, Кековац и др. В селах все дома каменные, сложенные из неправильных по форме кусков камня, снаружи чисто выбеленные, под черепичной кровлей. Крестьянская усадьба устроена в большинстве случаев довольно однообразно: в глубине двора, обнесенного тыном из плетней, стоит дом с довольно высоко от земли поднятым жилым помещением; высокий фундамент, почти

целый нижний этаж, занят погребом — «подрумом», где хранится вино, хлеб и прочая снедь. У ворот небольшой сарайчик, плетеный из ветвей с соломенной крышей, точно так же высоко поднятый на столбах. Помещение под сараем иногда заплетено так же и назначено для мелкого скота, преимущ[ественно] свиней, которые составляют видную статью хозяйства серба и предмет главного вывоза из Сербии в Австрию.

В углу двора крытый соломой навес для крупного скота, гл[авным] обр[азом] волов, которые в этом краю преобладают над лошадьми. Внутри домов в большинстве случаев уже печи и даже плиты, но попадаются все-таки еще старинные избы — курные: с очагом в середине и отверстием в крыше для дыма: в этом случае вместо трубы на крыше стоит над дымовым отверстием маленький, черепитчатый же навесец: он прикрывает дымовод от дождя и непогоды.

Самое лучшее здание в деревне — всегда школа: просторное одноэтажное здание с большими окнами и с небольшой колоколенкой на крыше: на этой колоколенке колокол, созывающий ребят в школу. Зато церкви поражают своим убожеством и ничтожной величиной: церковь не больше средней избы и отличается от нее только небольшим крестиком на крыше и стоящим во дворе небольшим деревянным навесом — колокольней.

Вообще Левач производит впечатление богатого земледельческого края, где живет народ в довольстве. В одном ощущается недостаток — это в лесе: крупные леса остались только у монастырей и в казенных [слово неразб. — А. Ш.]; крестьянские леса часто вырублены турками в их борьбе с сербами, частью, как и у нас, нерасчетливо сведены самими крестьянами.

Изрыт весь Левач горными потоками, важно величаемыми — реками. В глубоких ущельях по этим потокам, редко доступных для экипажа, ютятся в лесах сербские монастыри: Каленић, Раваница, Љубостиња, Манассия, Жича и др. Эти монастыри, собственно, и были причиной того, что я попал в Левач: хотелось взглянуть на эти старинные монастыри, взглянуть на житье-бытье сербских монахов. Трудное путешествие по Левачу вознаграждено было с лихвой тем, что пришлось видеть в монастырях. Несколько уже я был подготовлен к этому посещению; заранее ознакомился я с историей этих монастырей; знал уже положение монашества в Сербии, но все-таки нашел много интересного.

Дело все в том, что в Сербии монашество давно уже утратило то значение, какое оно имело в Византии и имеет у нас. В Сербии вы не встретите такой многочисленной братии, как у нас: в монастыре обыкновенно

два, много – три-четыре монаха: настоятель – архимандрит или игумен, эконо́м – иеромонах и редко один или два иеромонаха. Это, собственно, управляющий с помощником в богатом имении. Чисто духовного в сербском монахе уже мало: отличается он от мирянина только платьем и разве тем, что, когда есть время от хозяйственных забот, он отпоет утреню. Женских монастырей даже не запомнят в Сербии: в XIV в. их уже не было; сербские «красавицы»* и «деспотицы»** строили, правда, монастыри, но мужские, для того чтобы быть там погребенными, а монашеское житие свое проводили в миру.

Во времена господства турок в Сербии монастыри играли, однако, важную роль: это были центры, где держалась грамотность, была школа, где укрывались и зарождались те народные движения, которыми полна история Сербии: монастырь то играл роль сборного пункта юнаков***, составивших против турок, то служил укреплением, которое туркам приходилось брать приступом. За то и жестоко же расправлялись турки с монастырями: завладевши монастырем, они избивали братию, вешали настоятеля, как это было в половине прошлого столетия с игуменом Каленића Василием, жгли церковное имущество, благодаря чему в монастырях осталось так мало старины, уродовали священные изображения, фрески, памятником чего остались до сих пор в Љубостиње изображения с выколупанными глазами, изуродованными саблями лицами <...>.

С другой стороны, понятно, почему монастыри или окружали себя целыми крепостями, какова Манасия-Ресава, или чаще прятались в глубине лесов или малодоступных ущелий, каковы Каленић и Љубостиња, которых до тех пор не увидишь, пока не подъедешь вплоть ко святым вратам.

Добравшись до Каленића не без труда, главным образом по руслу потока – «Каленичкóй реки», я был охвачен археологическим настроением, и потому с лошади чуть не прямо, поздоровавшись и выслушавши обычное приветствие: «Добро си дошо»**** от игумена и братии, бросился осматривать церковь. Действительно, стояла она этого: построенная в первых годах XV в. сыном царя Лазаря, павшего на Косове, деспотом Стефаном Высоким, церковь потрясает изяществом и гармоничностью

* *Кралица* (сербск.) – королева.

** *Деспотица* (сербск.) – жена или вдова деспота (титул более «низкий», чем королевский или княжеский; нередко подразумевающий вассальную зависимость от турок).

*** *Јунак* (сербск.) – герой, молодец.

**** «Добро си дошо (*дошао*)» (сербск.) – «Добро пожаловать».

частей: небольшая с византийскими главками, церковь выстроена вперемешку из белого камня, слоя цемента и кирпича, окна одеты ажурной изящной каменной резьбой, причем художник постарался, чтобы ни одно окно не повторяло в украшениях рисунка предыдущего, но чтобы, однако, не нарушалось единство стиля <...>.

Внутри церкви опять пахло на меня той же стариной: фрески XV в., частью уже исчезнувшие, опять наглядно показали тесную связь сербского искусства с византийским и, мало того, напомнили на ту живучесть и устойчивость традиции, которую часто, но не в такой степени ясно, приходится наблюдать у нас. В виде примера достаточно привести одно изображение – в ряду изображений из жизни Богородицы и Спасителя, украшающих западную половину храма, находится изображение бегства в Египет: это изображение есть не что иное, как повторение, и притом замечательно близкое, миниатюры знаменитого ватиканского Минология имп[ератора] Василия II (X в.)²³: та же композиция, то же расположение фигур: Богородицы с Спасителем на осле, впереди Иосиф, позади Иаков, сын Иосифа; те же символические фигуры города – женщина с согопа *tingalis** на голове – приветливо встречает беглецов, тот же [неразб. – А. Ш.] позади женщины.

Тот же стиль церкви, та же живопись и в Љубостиње, построенной матерью Стефана Высокого Милицей несколькими годами ранее Каленића. Только мастер, строивший Љубостињу, уступал в искусстве строителю Каленића: менее художественности в каменной резьбе, но тоже связь с рукописной заставкой, менее красивая внешность (монастырь весь из белого камня), но почти тот же план – крест с полукружием-абсидой в основании. Того же времени, но роскошнее, постройка в Ресаве-Манассии.

Все это напоминает живо эпоху в жизни Сербии после несчастного Видова дана (Косова), и в то же время наглядно рисует картину Сербии того времени: Сербия на Косове не погибла, а, наоборот, стала на время тем центром, где сосредоточилась политическая и умственная, и культурная жизнь югославян. Стефан, хотя был «деспотом» и уже не «кралем», создал, однако, одну из блестящих страниц в истории Сербии: дань туркам не помешала ему быть замечательным сильным государем, строителем, имевшим возможность тратить большие суммы на создание монастырей <...>.

* *Corona muralis* (лат.) – награда солдату, который первым поднялся на стену вражеского города; буквально «Стенной венок»

К своей старине относятся сербы с увлечением, берегут ее, хотя мало и изучают: у них всего на все один старый археолог, занятый и Музеем и изданием журнала, — М. Валтрович <...>.

*Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 439.
Оп. 1. Д. 102. Л. 7 — 19 об. Оригинал.*

Примечания

¹ В конце июля — начале августа 1891 г. король Александр Обренович, в сопровождении первого наместника Йована Ристича и премьер-министра Сербии Николы Пашича, совершил визит в Россию. Сербскую делегацию торжественно принимали в Киеве, Туле, Москве и Санкт-Петербурге.

² Преображение Господне (или Яблочный Спас) — один из двенадцати главных православных праздников в году. Празднуется 6/19 августа.

³ Успение Пресвятой Богородицы — один из двенадцати главных православных праздников в году. Празднуется 15/28 августа.

⁴ В честь тезоименитства Александра III.

⁵ В 1891 г. митрополитом Карловацким и патриархом сербским был Георгие (Бранкович).

⁶ Руvaraц Илларион (Йован) (1832–1905) — сербский церковный деятель в Австро-Венгрии и историк-медиевист. Окончил юридический факультет Венского университета (1856) и духовную семинарию в Сремских Карловцах (1859). В 1861 г. принял монашеский постриг. В 1872–1875 гг. — профессор духовной академии, в 1875–1882 гг. — ректор. С 1874 г. — архимандрит. Родоначальник научно-критической школы в сербской историографии, вел активную полемику с представителями романтического направления (П. Сречковичем). Разрабатывал вопросы церковной и политической истории сербского и балканского средневековья, опроверг многие спорные и легендарные версии.

⁷ Герман (Григорие Анджелич) (1822–1888) — сербский религиозный деятель в Австро-Венгрии. В 1850–1866 гг. — профессор, ректор духовной семинарии в Сремских Карловцах. В 1870–1881 гг. — епископ Бачский. В 1881–1888 — митрополит Карловацкий и патриарх сербский. Умирая, завещал брату Стефану построить новое здание для гимназии и духовной семинарии в Сремских Карловцах.

⁸ Ягич Ватрослав (русс. — Игнатий Викентьевич) (1838–1923) — австрийский (хорватский) и российский филолог-славист, палеограф и археограф. Академик Петербургской Академии наук (1880). Один из крупнейших экспертов в

области славянского языкознания во второй половине XIX в. В 1872–1874 гг. – профессор Новороссийского, в 1874–1880 гг. – Берлинского, 1880–1886 гг. – Санкт-Петербургского и в 1886–1908 гг. – Венского университетов.

⁹ Авала – гора в Сербии высотой 511 м над уровнем моря. Расположена в 14 км к юго-востоку от Белграда.

¹⁰ Лазар Хребельянович (1329–1389) – сербский князь и последний независимый правитель Сербии (1370–1389). Погиб на Косовом Поле в битве с турками 28 июня 1389 г. Причислен к лику святых Сербской православной церковью.

¹¹ Петров день – праздник первоверховных апостолов Петра и Павла. Празднуется 29 июня / 12 июля.

¹² М.Н. Сперанский ошибается – епископ Шабацкий Михаил (Йованович) был рукоположен в митрополиты Сербские в 1859 г. Соответственно, в 1897 г. «стаж» его руководства Сербской православной церковью составлял 38 лет (с перерывом в 1881–1889 гг.).

¹³ Сперанский снова неточен – Крагуевац являлся столицей Сербии в 1818–1839 гг., т. е. большую часть «первого правления» князя Милоша Обреновича.

¹⁴ Челе-кула (Башня черепов) – памятник эпохи Первого сербского восстания, построенный турками из черепов сербов, погибших в битве на горе Чегар 31 мая 1809 г. Тогда малочисленный сербский отряд под началом воеводы Стевана Синджелича противостоял вчетверо большим силам Хурашида-паши. Чтобы не попасть в плен, Синджелич поджег бочки с порохом. По приказу паши трупы погибших сербов обезглавили, а черепа вмонтировали в башню. Это должно было служить предостережением тем, кто попытается восстать против Османской империи. При создании башни турки использовали 952 черепа, однако к 1892 г. их осталось 58. Для сохранения оставшихся поверх Челе-кулы была построена часовня.

¹⁵ Сичевачка клисура – напоминающая каньон узкая часть долины реки Нишава между селами Просек и Равни До. Расположена в 14 км к югу от Ниша. Длина ее составляет 15,9 км. Соединяет долину Нишавы с долиной Белой Паланки.

¹⁶ Государственная дума – выборный представительный орган в России, введенный в политическую практику манифестом Николая II от 17 октября 1905 г.

¹⁷ Стоянович Любомир (1860–1930) – сербский политический и государственный деятель; ученый-филолог, академик. Профессор Великой школы. С 1901 г. – депутат Народной скупщины. Один из основателей Независимой радикальной партии. В 1904–1911 гг. – ее лидер. В 1905 г. – председатель правительства Сербии и министр внутренних дел. В 1903, 1906 и 1909 гг. – министр просвещения и церковных дел. После образования Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. – глава Республиканской партии.

¹⁸ Йован Углеша Мрнявчевич – владелец Сересского деспотства (1355–1371). Брат Вукашина Мрнявчевича. После смерти Стефана Душана в 1355 г. стал самостоятельным владельцем земель долины реки Струма со столицей в городе Серес. В 1365 г. был провозглашен деспотом. Пытался остановить османское наступление и вместе с братом Вукашином был разгромлен и убит в битве 26 сентября 1371 г. при Черномене.

¹⁹ Низам – регулярная армия Османской империи, учрежденная султаном Селимом III (1879–1807) и обновленная Махмудом II (1808–1839). По воинскому уставу 1800 г. солдаты *низамы* состояли на службе 6 лет. После чего на 8 лет переходили в резерв (*редиф*) и затем 6 лет являлись ратниками ополчения (*мустахфиз*).

²⁰ Витоша – горный массив в западной Болгарии, в 10 км к югу от Софии. Его самая высокая точка – Черный пик (2290 м над уровнем моря). На Витоше берет свое начало река Струма.

²¹ Речь идет об Ориент-экспрессе (Константинополь – Париж).

²² Сперанский не совсем точен: сербский «хоровод» – это *коло*; а *хоро* (*оро*) – это «хоровод» по-македонски.

²³ Минологий Василия II (Ватиканский минологий) – древнейший сохранившийся иллюстрированный византийский манускрипт в жанре житийной литературы. Составлен в 979–989 гг. для императора Василия II Болгаробойцы. Книга содержит краткие жития святых и сообщения о памятных событиях церковной истории, сопровождаемые 430 миниатюрами.

Письмо В.Н. Перетцу¹

Любезнейший Владимир Николаевич!

<...> Книжная торговля в Белграде такого рода, что я никак Вам не могу обещать многого. Если Вы желаете себе представить белградский книжный магазин, зайдите на своем Екатерингофском проспекте в какую-нибудь табачную лавочку и полюбуитесь на нее. Впрочем, я уверен, что ваша табачная лавочка лучше отделана и что в ней нет надобности торговаться, как на толкучем рынке. Вообразите, что книгопродавец, «поставщик королевского двора», один из лучших, запросил 12 динаров за то, что отдал за 3. Один книжный магазин особенно интересен. Это лавка с двумя дверями; над одной вывеска — колониальный магазин; над другой — книжный магазин. А лавка одна, колониальная, в которой одна стенка занята полками с книгами. Можно, наверное, найти одни белградские издания из новых, и особенно из правительственных и академических; что до сараевских, новосадских, панчевских, то, пожалуй, кое-что небольшое найдется; а загребских нет нигде. Так же как и болгарских <...>.

Симу Томича² вижу и с ним беседую. Теперь он уехал к родным, но на днях он вернется в Белград, и тогда я ему передам Ваш поклон. Он об Вас справлялся <...>. Томич напечатал несколько статей в сербском ЖМНП³ — «Просветном Гласнике»**, <...> и, как сообщил один из его приятелей, собирается печатать какое-то большое сочинение по языковедению на *русском* яз[ыке]. Я обещал свою помощь, сколько могу, для помещения куда-нибудь и для корректирования. Томич держит себя очень скромно (он учитель 1-й Белгр[адской] гимн[азии]); он как будто недо-

* Соболевский Александр Иванович (1856–1929) — русский ученый-славист, академик. Историк русского языка и диалектологии, специалист в области сравнительной грамматики славянских языков, праславянского и старославянского языков, славяно-русской палеографии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1882–1884 гг. — доцент, в 1884–1888 гг. — профессор Киевского университета. В 1880–1908 гг. — профессор Санкт-Петербургского университета.

** «Просветни гласник» (сербск.) — «Вестник просвещения».

волен белгр[адскими] учеными за то, что не дают ему места в университете. И действительно, Стоянович⁴, не написавший ни одной путной статьи, и вообще не представляющий большей величины, чем Томич, не только профессор, но и академик <...>.

Я расспрашиваю здешних знакомых о разных разностях, меня интересующих, но успех невелик. Сербские ученые – какие-то сонные, апатичные, и я не ручаюсь за результат расспросов о кукольном театре⁵. Думаю, что статей у сербов никаких нет, и в этом отношении Вам пожиться нечем <...>.

Ваш А. Соболевский.

27 марта [18]96.

Белград,

Хотел «Империял».

Насчет книг черкните мне немедленно, попросту, открытое письмо. Я надеюсь пробыть до ½ апреля в Белграде, но меня уже сильно тянет в Отечество.

*Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1277.
Оп. 1. Д. 78. Л. 11 об. – 11 а. об. Оригинал.*

Примечания

¹ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) – русский ученый (литературовед, искусствовед и фольклорист), академик. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1896–1903 гг. – приват-доцент Петербургского университета. В 1903–1914 гг. – профессор Киевского университета. В 1914–1917 гг. – профессор Петербургского университета.

² Томич Сима (1867–1903) – сербский ученый, филолог. Профессор лингвистики Великой школы в Белграде. Наиболее важны его работы по диалектологии Старой Сербии и Македонии.

³ Аббревиатура «Журнала министерства народного просвещения».

⁴ Имеется в виду профессор Любомир Стоянович.

⁵ В.Н. Перетц готовил тогда в качестве магистерской диссертации монографию о кукольном театре у славянских народов.

Материалы по истории Сербии и сербской литературы**

*Сербия***.*

Кажется, нет ни одного государства в свете, в котором бы население представляло из себя народность цельную, однородную. Есть такие, где число разных народностей невелико, или же их много, но есть и другие, где все эти разновидности объединены одинаковой их численной величиной каждой в отдельности, или где есть одна главная народность вполне сильная, а остальные представляют незначительное количество [не разб. – А. Ш.] в общей массе, сливаясь с ней с точки зрения внешней и внутренней, образа жизни и одежды, быта и верований, и языка. Под этот последний тип подходит и Сербия. В ней наибольшее количество жителей-населения, 90,26%, составляют сербы, занимающиеся по самой природе страны скотоводством, виноделием, а затем уже земледелием.

Более сильными представителями остального населения Сербии являются власи****; их 7,43%. Они живут в северо-восточной части Сербии, между Моравой¹, Дунаем и Тимоком². Названия городов, селений, вод и гор во всем этом пространстве уже почти все сербские. Румыны в этой части Сербии или старосельцы, или же пришельцы. Довольно сильно стали они переселяться в Сербию из Румынии вскоре после освобождения Сербии, особенно после 1832 года, вследствие одного регламента, который и без того бедное положение селян в Румынии сделал еще более бедственным³. Эти последние пришельцы сохранили в новом месте жительства свое тамошнее наречие, тогда как прежние вполне почти посербились. Свободная Сербия, где сельак***** сам

* Александров Александр Иванович (1861–1918) – русский ученый-славист. Профессор сравнительного языкознания и славянской филологии Казанского университета; с 1903 г. – декан историко-филологического факультета. В 1912 г. принял монашеский постриг. Ректор Казанской (1912–1913) и Санкт-Петербургской (1913–1918) духовных академий.

** Рукопись представляет собой черновой автограф, датированный 1897 г. Вторая рукопись, черновая, не датирована.

*** Здесь и далее выделено в оригинале.

**** *Власи* (сербск.) – влахи, валахи (румыны).

***** Здесь и далее Александров нередко использует отдельные сербские буквы – љ, њ, ј, ћ и др., а иногда и целые слова.

является хозяином земли и творцом своего счастья, манила владов и позднее из соседних земель. Много есть сел в северо-восточной Сербии и даже на Мораве, которые переселились сюда уже меньше десяти лет тому назад.

Кроме этих оседлых, есть еще несколько и таких народцев, которые не имеют ни домов, ни пепелища, а летом живут со своими стадами в горах южной Сербии, покрытых пастбищами, зимой же спускаются с гор в теплые пределы Жупы⁴, особенно около Добрича⁵, и там зимуют. Здесь их называют куцовласи*. Они обладают большими стадами овец и занимаются также перевозом товара, почему держат очень помногу лошадей.

За влахами из несербского населения большинство представляют цыгане; их 1,3%. Это бродячее и до сих пор племя, и народ сербский относится к ним с презрением. А по тому, что многие из них повсюду в Сербии больше говорят по-румынски, можно полагать, что они пришли сюда из Румынии. Это возможно еще и на том основании, что они здесь занимаются главным образом тем же, что и в румынских Карпатах, откуда они свое занятие перенесли и в Сербию, — вымывание золота из золотоносного речного песка в восточной Сербии. Народ их зовет каравласи** цыгане. Они мухамедане и православные. Первые преимущественно скитаются по городам и селам и занимаются кузнечеством, игрой-музыкой, изготовлением резной посуды из дерева (коритарии***), колдовством, лошадиничеством, кражей и очень редко земледелием — и то, вместе с торговым промыслом, падает в удел уже православных цыган, которые с принятием религии ассимилируются сербам. Затем в Топлицком округе⁶ живут арнаути****. Особых своих селений они не имеют, а живут смешанно с сербами.

Израелиты имеются только в некоторых больших городах Сербии, и их полуиспанская речь в домашней жизни доказывает, что они, может быть, потомки прогнанных еще Филиппом II⁷. Народ сербский зовет их чивутами*****.

Болгары встречаются главным образом только в Заечаре⁸ и в нескольких окрестных селах.

* *Куцовласи* (сербск.) — куцовлахи: автохтонное романоязычное население Малой Валахии, т. е. балканские влахи, не вошедшие в состав румынской нации.

** *Каравласи* (сербск.) — каравлахи (черные влахи): романоязычное население к северу от Дуная в Добрудже, дакорумыны.

*** *Коритар* (сербск.) — мастер, делающий корыта.

**** *Арнаути* (сербск.) — албанцы.

***** *Чивути* (сербск.) — евреи.

Из остальных наций в свободной Сербии довольно много чехов, поляков, мадьяр и немцев, но сравнительно их число очень невелико <...>.

Хотя климат и природа Сербии весьма благоприятствуют жизни <...> человека, но все же народ не может похвастаться особым здоровьем; особенно это в среде [неразб. – А. III.] низменностей и болотистых мест севера и северо-востока, что, конечно, обусловлено и плохим экономическим положением жителей этой части Сербии.

Верование в судьбину* является также одной из важных причин дурного состояния народа. «Од судьбине се утећи не може»** и «нема смрти пре суђеног данка»*** – вот слова, которые каждый день можно слышать из уст сербского сельака. Так что они в болезнях и не лечатся. За этим следует сильно распространенное суеверие, всегда сопровождающее народ на низкой ступени развития. Не имея понятия о правилах для сохранения здоровья, питания, одежды и образа жизни, народ и до сих пор полагает, что все болезни происходят не вследствие незнания каких-либо правил жизни, а что их посылают какие-то неведомые враждебные силы, к которым он причисляет главным образом виле****, вештице***** (колдунья) и море***** (ведьма), и до сих пор полагает, что болезнь можно не пустить, а отсюда естественно, что сельак прибегает к ворожеям и знахаркам, полагая, что они в состоянии тем же самым способом, каким напущены на него болезни, и прогнать их – при помощи волшебства, колдовства, чар и т.д. Такому способу лечения помогает еще и та случайность, что в Сербии весьма мало сведущих настоящих врачей; их едва есть один на 12.270 душ. Если принять еще во внимание, что они живут только, большей частью, по городам, то ясно, что сельак в болезнях и недугах в настоящее время оставлен еще сам себе.

Живет сербский сельак в кругу своей семьи и на своей собственной земле <...>.

Морозы в Сербии наступают поздно и прекращаются довольно рано <...>. В общем, промежуток между последним и первым морозом по вычислениям средним числом бывает 210–230 дней <...>. Летом бывает больше ведра, нежели пасмурных дней: их столько, сколько зимой и вес-

* Судбина (сербск.) – судьба.

** «Од судьбине се утећи не може» (сербск.) – «От судьбы не уйдешь».

*** «Нема смрти пре суђеног данка» (сербск.) – «Нет смерти до дня, когда ей суждено быть».

**** Вила, мн. ч. виле (сербск.) – фея, русалка, нимфа.

***** Вештица, мн. ч. вештице (сербск.) – колдунья, ведьма.

***** Мора, мн. ч. море (сербск.) – домовый.

ной вместе, пасмурных дней больше весной, а облачных – зимой. Осень предоставляет всего более или менее поровну.

Климат Сербии весьма благоприятен за жизнь и развитие всего растительного царства умеренного пояса. Это доказывают обширные леса, хвойные и лиственные, и громадные нивы и ливады* не только в низменностях, но и в волнистых возвышенностях. Даже и вершины высоких гор покрыты бывают прекрасными пастбищами. Но в Сербии хорошо созревают и такие растения, как кестен (каштан), бадем (миндаль), смоква** – совершенно на свободе и ничем не защищаемые в течение зимы.

Природа зеленеть начинает в Сербии очень рано. В феврале уже являются полевые цветы: висибаб***, јагорчевина****, маслчак***** и пр. В марте цветут трешње (черешни), кајсије (абрикосы) и др. В мае уже зреют черешни, в половине его уже много других ягод и цветет виноград. В июне являются зрелые абрикосы, яблоки и груши. Около Петрова дня жнут ячмень и остальное жито. В конце июля уже много зрелого винограда, персиков, орехов и миндаля. Кукурузная и виноградная берба***** (собираение) совершается в сентябре. Лиственные деревья еще вполне зелены до половины октября, а затем уже лист начинает опадать, но трава, освеженная последними дождями, продолжает привлекать своей зеленью внимание человека до начала ноября, когда уже наступает зимний покой на несколько месяцев <...>.

Животный мир Сербии довольно разнообразен <...>.

В хозяйстве сербского селяка, кроме обыкновенных домашних животных – коров, овец, лошадей, мы имеем здесь большие стада свиней, коз и баранов, а в разряд птиц, кроме кур, гусей и уток, здесь хорошо акклиматизировались индейки, и целыми стадами блуждают и на дворе, и на полях селяка.

Много в Сербии диких зверей, хотя числом они все больше и больше убывают <...>.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
(далее – ОР РНБ). Ф. 1179. Д. 92. Л. 2–10. Оригинал.*

* *Ливада* (сербск.) – луг.

** *Смоква* (сербск.) – инжир.

*** *Висибаб* (сербск.) – подснежник.

**** *Јагорчевина* (сербск.) – примула, баранчик.

***** *Маслчак* (сербск.) – одуванчик.

***** *Берба* (сербск.) – сбор урожая.

Заметки этнографического характера о Сербии

Обычаи

Сербия, взятая в целом, имеет множество обычаев, представляющих свою собственность, отличительную черту сербской народности. Эти обычаи живут в народе и до сих пор <...>.

Дом

За время турецкого владычества дома в Сербии были почти исключительно только деревянные, крытые лубком или плохой соломой (кровином*). Плетенки в то время были очень редки, а о каменных постройках не было и помина. С одной стороны, бедность народа, с другой — и страх налога не допускали, не позволяли согласоваться со стремлением к большим удобствам и чувством вкуса.

До освобождения и несколько позднее дома были без всяких особенностей: целый дом составлял обыкновенно одно-единственное помещение (сувату); комнаты (соба, одаја) были исключительно по городам, а в деревнях — по помещичьим (турецк[им] спахиским**) домам <...>.

После освобождения, с развитием благосостояния, стали распространяться плетаре*** — дома, сделанные из плетенки или более толстых прутьев, облепленные и побеленные и покрытые драницей. В этих новых домах начали устраивать отделения и стали выделять помещение, в котором есть огниште**** (кућа*****), от помещения, в котором спят (соба). Теперь вместе с плетенками есть дома и из строевого леса, из кирпича, заключенного в перекрещенные балки, а драницы на кровле почти везде заменены черепицей. В этих домах бывают по две и больше комнат. Теперь в селах не редкость и каменные крестьянские дома <...>.

В восточной Сербии в пограничных округах все почти дома из плетенки(чатме*****), обмазаны и покрыты черепицей. Каждая из батамиме-

* *Кровина* (сербск.) — солома, пригодная на покрытие крыш, а не на корм скоту.

** От сербск. (турцизм) *спахија* — помещик, крупный землевладелец.

*** *Плетара*, мн. ч. *плетаре* (сербск.) — хижина (плетенная из прутьев и обмазанная глиной).

**** *Огниште* (сербск.) — очаг.

***** *Кућа* (сербск.) — жилой дом. Здесь — жилое помещение.

***** *Чатма* (сербск.) — плетень.

ет: *кућу*, *собу* и *чардак** или *доксат***, а лучшие и погреб.

Околодома имеются *амбар*, *кош**** *икошара*****; просторных, хороших *авлија****** (дворов) там нет, также как и нет фруктовых садов и других приспособлений около дома; они все собраны в кучу, один около другого, и нет большого простора между собой. Прочее имение все далеко от дома.

Пища.

В Сербии как земле, в которой без малого почти все православные христиане, вера, конечно, не остается без сильного влияния на питание народа. Если принять во внимание 4 годовых поста: Великий⁹, Петров¹⁰, Успенский¹¹ и Рождественский¹², и затем среду и пятницу, и известные праздники, в которые прописан пост, то видно, что сербский народ почти в течение 2/3 года обречен на питание растительной пищей. Рыбой крестьянин сербский почти совершенно не пробавляется.

В Сербии у крестьянина три определенных времени для питания: около девяти часов утром — называется *ручак****** , около трех после обеда — *ужина****** и позже, около 8 часов вечера, — *вечера******.

В пост главной пищей сербского крестьянина служит *проја* (хлеб из кукурузной муки), теплый он еще хорош, а холодный быстро черствеет. Затем *кисео****** или *пресан****** хлеб из пшеничной, ячменной, овсяной и гречневой муки. В восточной***** употребляется почти исключительно мука из кукурузы в виде *проји* или похлебки. Власи питаются так даже и в то время, когда имеют возможность дешево добывать пшеничную муку. Пшеничный же хлеб все же в большем употреблении в округе Шабацком¹³ и Валевском¹⁴, и отчасти в Шумадии¹⁵ <...>.

К хлебу, было то кукурузному, пшеничному или ячменному, добавляется как кушанье вареная фасоль, чечевица, бобы, вареный или печеный картофель, большое количество ужасно горькой папри-

* *Чардак* (сербск., турцизм) — верхняя галерея или верхний этаж, надстройка.

** *Доксат* (сербск.) — балкон, открытая терраса.

*** *Кош* (сербск.) — хранилище для кукурузы (плетеное или решетчатое).

**** *Кошара* (сербск.) — хлев, загон (плетеный).

***** *Авлија* (сербск.) — двор.

***** *Ручак* (сербск.) — обед. *Мали ручак* — закуска, завтрак.

***** *Ужина* (сербск.) — полдник, закуска днем.

***** *Вечера* (сербск.) — ужин.

***** *Кисео* (сербск.) — кислый.

***** *Пресан* (сербск.) — пресный, незаквашенный; сырой.

***** Пропущено — Сербии.

ки (стручкового перца) и лук, затем также капуста, редька, огурцы и т.п.

Фасоль, бобы и всякие стручки принадлежат, конечно, к самой питательной растительной пище. И если бы, сообразно с тем, все это было постоянным питанием сербского крестьянина и народа, то можно бы сказать, что он хорошо питается, но, к сожалению, это не так. Не всякий дом в состоянии в течение лета запасти столько овощей и зелени, сколько нужно до нового урожая. Отсюда, когда все, что заготовлено, кончится, тогда живет народ сухим хлебом с добавлением лука и паприки.

То же самое ест сербский крестьянин, а следовательно, и большинство сербского народа, и в скоромные дни. Только в местностях, где развито скотоводство, добавляется еще сыр, сливки, молоко (слатко* и кисело), сыворотка и яйца.

Мясо употребляется редко и, главным образом, более зажиточными хозяевами. Это бывает с недели на неделю – в большие праздники, в славу и на свадьбах. Чаше употребляется мясо в Мачве¹⁶ и Посавине¹⁷, а также в нижнем Подунавье¹⁸ и Стиге¹⁹. Земля здесь очень плодородна, развито в самой высокой степени (из всей Сербии) земледелие, народ более имуществен и потому более пользуется мясом. Летом больше всего расходуется баранина, зимой же более мясо свиное и большей частью сушеное. Всякий дом старается по возможности приготовить зимницу** – копченое мясо (пастрму), которым он кормится зимой, поедая его с хлебом. Копченка эта, по большей части, из свиного мяса, а в Чачанском²⁰ и, главным образом, Ужицком²¹ округе много сушится мяса говяжьего, бараньего и козьего. Вообще же козье мясо идет в употребление всюду реже, хотя и много местностей, богатых козами, ибо полагают, что от него происходят какие-то болезни. Из птиц больше всего употребляются куры, а в местностях, где есть вода, едят гусей и уток.

Есть время, когда сербский народ питается даже прекрасно, – это именно от Велике Госпође*** (Успения) до Божићних**** [неразб. – А. Ш.] (Рождественского заговенья²²). Осенью весь урожай уже собран, новое вино уже готово, можно его отцеживать, часто бывает и ракија (водка), молочное все собрано в сосуды, овцы и козы откормлены своим собран-

* Слатко млеко (сербск.) – свежее молоко.

** Зимница (сербск.) – продукты, заготовленные на зиму (соленья, копченя, сушенья).

*** От сербск. Велика Госпојина – праздник Успения Богородицы (28 августа).

**** От сербск. Божић – праздник Рождества (7 января).

ным кормом, поправляются: всюду изобилие. Осеннее время является самым веселым для селяка временем года, тогда он питается хорошо. Почти то же обычнее всего наблюдается в другие мясоеды, но только тогда меньше овощей.

Из скромных кушаний чаще всего готовятся в сельском доме:

*Кисела чорба** – это вареное мясо (говядина, баранина, козлятина или свинина, а чаще птица) с бульоном, подправлено все молоком или сливками, яйцами и уксусом.

Фасоль и другие стручки и зелень с мясом или свиной; все это опять подправлено сметаной и молоком.

Кислая капуста с свиной или сухим мясом.

*Пихтије*** из свиных или говяжьих ног.

Из муки готовится:

*Гибаница**** – замесят тесто, растянут его на какой-нибудь глиняной тарелке или мелком блюде, потом складывают его, помещая в промежутках сыр (творог) с распущенным яйцом, все это заливается сливками.

Если же в сыр и яйца примешивается еще зелень – то гибаница зовется *зељаник*****. А когда вместо этого между складками теста помещают мелко рубленную капусту (сладкую***** или кислую), то гибаницу зовут *купусара****** или *купусник*.

Гибаница – самый распространенный пирог в сельском доме. Но <...> она ужасно тяжела для желудка.

*Цицвара****** – готовится из пшеничной муки, густо сваренной в воде, подправленной сливками, маслом и творогом.

*Качамак****** – готовится из кукурузной муки также, как и цицвара.

Жареное всегда у сербов готовится на вертеле (на ражњу). Выше так печеного цыпленка, поросенка или ягненка нет ничего для сербского крестьянина.

* *Чорба* (сербск.) – суп, похлебка.

** *Пихтије* (сербск.) – студень, холодец.

*** *Гибаница* (сербск.) – слоеный пирог с творогом, сыром и пр. Блюдо сербской национальной кухни.

**** *Зељаник* (сербск.) – пирог со шпинатом или щавелем.

***** Имеется в виду – свежую.

***** От сербск. *купус* – капуста.

***** *Цицвара* (сербск.) – национальное сербское кушанье из муки, масла и сыра.

***** *Качамак* (сербск.) – мамалыга.

Из яиц всего чаще делается *кајгана* (яичница). Это разболтанные и на масле или сливках печеные яйца смешанно с крошеным творогом, а иногда добавляют немного муки.

Постное кушанье готовится проще. Фасоль и прочие стручки, бобы и капусту (кислую или сладкую) варят в воде вместе с мелко накрошенным белым или черным луком, петрушкой и солью. Фасоль готовится так же, как похлебка (*папула**) или *пребранац***. В пребранце зерна отцежены и целы, а в папуле тоже отцежены, но растерты в жидкое.

Папула делается из бобов; та и другая обыкновенно делаются так, что их можно брать в путь в заструге (деревянном сосуде с крышкой).

В дни, когда церковь разрешает есть с маслом, то все эти постные кушанья заправляются маслом.

Картофель обыкновенно варится, но и печется; тот и другой употребляется соленым.

Зимой, пока есть солонина, и она охотно употребляется в пищу, но всегда с паприкой.

Рыба употребляется в пищу сушеная, или же свежая, или же соленая.

Свежая обыкновенно или варится в воде (*рибљој чорби****), или чаще и печется (жарится). Сухая же и соленая она употребляется всегда вареной, чаще с рисом (с *пиринчом*****) или же с фасолью.

Кроме соли, которой употребляется довольно много, в приправу кушаний берут еще различные лука: *црни******, *бели****** и *пазилук******, затем *альма****** (сорт лука) и *власац****** и, наконец, *паприку* – зрелую или зеленую, но всегда што *љућа******.

Лук и паприка употребляются в большом количестве в течение всего года. Все это на зиму заготавливается с таким же старанием, как и пастрма (копченка). Огромные связки лука и паприки украшают сте-

* *Папула* (сербск.) – пюре из овощей. Здесь – суп-пюре.

** *Пребранац* (сербск.) – вареная фасоль (с растительным маслом и луком).

*** *Рибља чорба* (сербск.) – рыбная солянка.

**** *Пиринач* (сербск.) – рис.

***** *Црни лук* (сербск.) – лук репчатый.

***** *Бели лук* (сербск.) – чеснок.

***** *Пазилук* (сербск.) – лук-порей.

***** *Алма* (сербск.) – зеленый лук.

***** *Власац* (сербск.) – дикий лук.

***** *Што љућа* (сербск.) – как можно более острая (лютая, злая).

ны и [неразб. – *А. Ш.*] всякой сельской хаты, так как это часто бывает единственной прибавкой к проји и пшеничному хлебу в пище крестьян. Паприка также готовится и с уксусом (маринад), и соленой. Уксусом также в большем употреблении, как приправой, пользуются сербы-селяки.

Из напитков, употребляемых при еде, пьют *ракију* (водку) – шљивовица* или комовица**; та и другая может быть мека*** и љута****.

Где нет вина (не родится), там ракија пьется во время еды и после. А в местах, обильных вином, оно употребляется во время и после еды, но в обилии, конечно, у более богатых людей.

В Шабацком округе и особенно в Мачве вместо вина чаще пьют яблоковку (јабуковача*****). Пиво в селе еще вещь новая, но в сельских гостиницах (механа*****) и оно проникает все больше и больше и у самих крестьян. Кафа***** у народа довольно уже господствует.

Пища горожанина все больше и больше сближается с пищей горожанина других стран. Но и до сих пор некоторые кушанья, которые мы указали как особенность пищи селяка, часто показываются и за господским столом. Так, рядом с европейскими кушаньями довольно распространены восточные блюда – капама*****, сарма*****, ђувече*****, јанија*****, пилав*****, ћевап***** и еще некоторые повседневные кушанья на Балканском полуострове и в Малой Азии.

ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 93. Л. 29–42 об. Оригинал.

* Шљивовица (сербск.) – сливовая водка.

** Комовица (сербск.) – виноградная водка (из выжимок – виноградной мезги).

*** Мека ракија (сербск.) – слабая водка (одной перегонки).

**** Љута ракија (сербск.) – крепкая водка.

***** Јабуковача (сербск.) – яблочная водка.

***** Механа (сербск.) – трактир, корчма.

***** Кафа (сербск.) – кофе.

***** Капама (сербск.) – тушеная баранина с зеленым луком.

***** Сарма (сербск.) – голубцы (из кислой капусты или виноградного листа).

***** Ђувеч (сербск.) – блюдо из мяса, риса и овощей.

***** Јанија (сербск.) – тушеный или печеный ягненок.

***** Пилав (сербск.) – плов, пилав.

***** Ћевап (сербск.) – продолговатая котлета из рубленого мяса.

Примечания

¹ Морава — река в Сербии. Правый приток Дуная. Образуется слиянием Южной и Западной Моравы. Длина от истока Южной Моравы 563 км, длина собственно Моравы — 217 км. В верхнем течении пересекает горы, в среднем — холмы и низкогорья, в низовье течет по густонаселенной и плодородной Моравской долине, ближе к устью разделяется на рукава. Несудоходна. Используется для орошения в низовье и для лесосплава в верховье.

² Тимок — река в восточной Сербии. Правый приток Дуная. Образуется слиянием Белого и Черного Тимока. Протяженность (от места слияния) — 88 км. По ней частично (на протяжении 15,5 км) проходит граница между Сербией и Болгарией.

³ А.И. Александров имеет в виду Органический регламент для княжеств Молдавия и Валахия 1831–1832 гг. (разработан при участии графа П.Д. Киселева), закрепивший политические права и привилегии крупных бояр и высшего духовенства. Крестьяне формально сохраняли право перехода, но наделы их были уменьшены, а повинности в пользу феодалов увеличены.

⁴ Жупа Александровачка — котловина в районе города Александровац (центральная Сербия). Славится мягким климатом и прекрасными условиями для разведения винограда. Признанный центр виноделия.

⁵ Добрич — область в южной Сербии, расположена к юго-западу от Прокупля.

⁶ Топлицкий округ — административно-территориальная единица на юге Сербии. Вместе с Нишским, Враньским и Пиротским округами присоединен к Княжеству по решению Берлинского конгресса в 1878 г.

⁷ Филипп II Габсбург (1527–1598) — король Испании (1556–1598), король Португалии (1581–1598). Сын Карла I (V) и Изабеллы Португальской. Фанатичный поборник католицизма, ставил своей задачей искоренение протестантизма, ересей и остальных инаковерующих.

⁸ Заечар — город в восточной Сербии, расположен на реке Тимок. Центр Тимокской краины.

⁹ Великий пост — самый главный и протяженный пост в году, который продолжается семь недель: от Масленицы до Пасхи.

¹⁰ Петров пост — пост, установленный в память об апостолах Петре и Павле. Начинается через неделю после Троицы, в понедельник, после девятого воскресения по Пасхе, а заканчивается в день Петра и Павла, 12 июля.

¹¹ Успенский пост — пост, установленный в память Успения Богородицы. Соблюдается с 14 по 28 августа.

¹² Рождественский (Филипповский) пост — пост, установленный в честь Рождества Христова. Соблюдается с 28 ноября по 6 января.

¹³ Шабачкий округ – административная единица в Сербии в исторической области Мачва.

¹⁴ Валевский округ – административная единица в западной Сербии. Центр – город Валево.

¹⁵ Шумадия – историческая область в центральной Сербии. Когда-то была покрыта густыми дубовыми лесами, отчего и происходит ее название: *шума* (сербск.) – лес.

¹⁶ Мачва – историческая область в северо-западной части центральной Сербии, между горой Цер и реками Сава и Дрина. В XIII в. была известна под именем Маховского Баната. В 1247–1262 гг. областью владел зять венгерского короля Белы IV русский князь Ростислав Михайлович. Один из самых богатых регионов Сербии (равнина с редкими вкраплениями леса). Центр свиноводства, коневодства, земледелия – разведение пшеницы. Крупнейший город – Шабач.

¹⁷ Посавина – историческая область на Балканах (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия). Волнистая, отчасти покрытая лесом долина вдоль реки Сава. Сербский участок – от боснийской границы по левому берегу Савы до ее впадения в Дунай.

¹⁸ Подунавье – регион на юго-востоке Сербии.

¹⁹ Стиг – регион на востоке Сербии.

²⁰ Чачанский округ – административная единица в центральной Сербии. Центр – город Чачак.

²¹ Ужицкий округ – административная единица в западной Сербии. Центр – город Ужице.

²² Рождественское заговенье – Филиппов день (день памяти апостола Филиппа), 27 ноября. С этого дня прекращается употребление скоромной пищи перед Рождественским (Филипповским) постом.

Письма Т.Д. Флоринскому

№ 1

Глубокоуважаемый и дорогой
Тимофей Дмитриевич!

Вот уже два дня, как я в Белграде. Весьма прискорбно, что я не получил от Вас никакого рекомендательного письма. Вы знаете, какое значение имеют здесь рекомендации, в особенности для меня, которого никто не знает и который, как Вам известно, не занимает никакого официального положения (ведь я даже не приват-доцент). Рекомендация Сперанского** мне, конечно, пригодится, но гораздо уместнее было бы мне получить от Вас рекомендацию.

К счастью, нашелся в Белграде знакомый – о[тец] Стеф[ан] Дмитриевич¹. С ним мы целый день искали квартиру и <...> нашли, но такую, с которой нужно поскорее убраться. Не знаю даже, стоит ли сообщать Вам адрес. На всякий случай, сообщаю. Скопьянска ул. Д. № 25.

Остаюсь преданным Вам
К. Радченко.

Белград. 11 марта 1899.

*Институт рукописей Центральной научной библиотеки
им. В.И. Вернадского НАН Украины (далее – ИР ЦНБ НАНУ). Ф. III.
№ 20838. Л. 1–1 об. Оригинал.*

№ 2

Глубокоуважаемый и дорогой
Тимофей Дмитриевич!

Мне очень жаль, что так случилось. Извиняюсь за свой ропот, как совершенно неосновательный, – письмо Сперанского я получил и тотчас ответил. Не знаю, получил ли он мое письмо. Посредством Стояновича

* Радченко Константин Федорович (1872–1908) – ученый-славист; историк, филолог. В 1901–1908 г. – профессор Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине.

** Биографические данные о М.Н. Сперанском см. на с. 275.

я получил доступ в библиотеку и Академию – могу заниматься в обоих местах рукописями <...>.

В заключение не могу не упомянуть о беспримерном гостеприимстве, самоотверженной услужливости о[тца] Стеф[ана] Дмитриевича. Мне положительно совестно перед ним. Я ровно уж ничем не заслужил тех забот, которыми он меня окружил, как родной человек, лучше всякого родного.

Преданный Вам

К. Радченко.

Белград, 19 марта 1899 г.

P.S. Большое спасибо за рекомендации. Постараюсь ими в ближайшем времени воспользоваться.

ИР ЦНБ НАНУ. Ф. III. № 20839. Л. 1–2. Оригинал.

№ 3

Глубокоуважаемый и дорогой
Тимофей Дмитриевич!

Я отдал визиты почти всем указанным Вами лицам. Многие из них просили передать в письме свои поклоны. Наиболее приятное впечатление произвели на меня арх[имандрит] Дучич и Стоянович, которые, кстати заметить, оказали более всего услуг, в особенности Стоянович <...>. Очень любезен был Сречкович, который тотчас же наделил меня рукописями (впрочем, все выдающееся в этих последних издано). Он также просил передать поклон, а также его мнение о способах предотвращения студенческих бунтов. Все дело в том, что университеты страдают отсутствием авторитета. А это происходит от того, что профессора слишком рано оставляют службу. По мнению Сречковича, профессора должны бы пожизненно служить в Университете. Старые профессора образовали бы консервативную партию, в то же время пользующуюся безусловным авторитетом, – и всякие беспорядки в студенческой среде прекратились бы.

Директор библиотеки Станоевич² подарил мне свой перевод «Неистового Роланда»³ (кажется, крупный вклад в сербскую изящную словесность) и просил прочесть его «Поговор»* переводу и обратить Ваше внимание на то место его, где говорится о будущей роли России и о необходимости признания русского языка общеславянским. Вот в чем

* *Поговор* (сербск.) – послесловие.

суть этого несколько запутанного места. Сравнение на карте ничтожной Германии и огромной России привело автора к убеждению, что мечты немцев о онемечении славян – чистая утопия. В России теперь 129 миллионов – все это или русские, или славяне, по крайней мере будут ими в ближайшем будущем. Через 200 лет Германия будет перенаселена, вступит в период старчества, Россия будет в зрелом возрасте. Огромные земли, занимаемые ею, легко могут прокормить 500 миллионов – число славян в России к тому времени. Но Россия овладеет и всей Азией; 2000 милл[ионов] людей будет говорить русским языком. А что с немцами? Они будут возвращены в свои границы. Исчезновения прекрасного, способного, культурного народа автор не желает.

Итак, Россию ждет блестящая будущность. Но не пропадут и сербы, имеющие таких могучих родственников. Не говоря о религии и о народности, они сходны и по языку с русскими. Сербский ближе русскому, нежели мекленбургский тирольскому. Славяне в своем интересе должны усвоить русский язык как *общеславянский**. Русский язык – язык 129 милл[ионов]. Он удобнее, обработаннее за науку, прозу и особенно разговор, чем всякий другой славянский язык. Нечего бояться обрусения: не позволит этого Европа. Славянам трудно бороться с немецким языком своими малыми языками. Наконец, если уж суждено славянам потерять свою национальность, то пусть лучше станут русскими, чем немцами. Простой расчет: через двести лет немцы будут старцами, а русские – в цвету мужской силы. Быть может, наконец, и Россия откажется от видов на Царьград и займется Азией, а чтобы ей никто не мешал в этом, создаст себе оплот против Европы в лице великой православной державы, которая простиралась бы от Альп и Адриатического моря до Черного и Эгейского. Быть может, она будет тратить сотни милл[ионов] рублей на распространение русской литературы и языка между славянами. Почин следовало бы сделать сербам и болгарам, а именно ввести теоретическое и практическое изучение русского в городских и сельских школах. Тогда уже во втором бы поколении они говорили по-русски. А когда бы западное славянство было объединено общеславянским языком, его культура выросла бы колоссально. Разумеется, из этого не следует, что славяне должны забыть свои языки и что русский должен вытеснить другие славянские языки, подобно тому, как саксонский диалект вытеснил все остальные. Для огромного пространства, занятого славянскими народами, не может быть такого единства в языке, как в Германии и Италии.

* Здесь и далее выделено в оригинале.

Рядом с общим славянским языком продолжали бы жить и отдельные. Для южных славян таким языком, по мнению автора, будет, «силой обстоятельств», сербский, принадлежащий наиболее многолюдному народу, занимающему притом центральное положение между южными славянами, язык обработанный и музыкальный.

Повторяю, передавая содержание теории Станоевича, я этим только исполняю желание автора.

Поклон глубокоуважаемой Вере Ивановне.

Адрес мой: Космайская ул., 43.

Преданный Вам
К. Радченко.

Белград, 6 апр[еля] 1899.

P.S. Слушаю курсы у Стояновича по сербскому языку, у Ковачев[ича] по сербской истории — по литературе нет курса.

ИР ЦНБ НАНУ. Ф. III. № 20840. Л. 1–2 об. Оригинал.

№ 4

Христос воскрес!

Поздравляю Вас, дорогой Тимофей Дмитриевич, с Светлым Праздником с пожеланием Вам и всей Вашей дорогой семье всего лучшего.

Я получил приглашение от Янко Веселиновича⁴ поехать вместе с ним на праздники на его родину в Шабачкий округ и думаю воспользоваться этим предложением, так как в Белграде все равно делать будет нечего: библиотека будет закрыта, лекции частью уже прекратились, частью прекратятся <...>.

Преданный Вам К. Радченко

Белград, 14 апр[еля] 1899.

ИР ЦНБ НАНУ. Ф. III. № 20841. Л. 1. Оригинал.

№ 5

Глубокоуважаемый
и дорогой Тимофей Дмитриевич!

Только позавчера возвратился я из поездки. О ней много распространяться не буду. Познакомился основательно с сербским гостепри-

имством и нахожу его довольно тяжелым. Время провел вообще весело, воспоминания самые приятные, но боюсь, что для науки это время почти прошло бесплодным. Компания, в которой я был, отправилась специально с целью повеселиться, и все время проходило в переходах и переездах из одного дома в другой: пирушках, попойках и т.д. С жизнью же крестьянина я не имел возможности ознакомиться. Веселинович на одном вечере спел две гайдуцкие песни под аккомпанемент гуслей. Прекрасный голос! Общее веселье помрачалось одним – после праздников Веселинович должен был отправиться на трехмесячный арест за оскорбление в печати министра-президента. Несмотря на то, что г. Янко нездоров и имеет свидетельство от врача, он не получил ни помилования, ни облегчения, и ему придется провести в аресте почти целое лето. Теперь отдыхаю от сербского гостеприимства <...>.

Что касается моих успехов в сербском языке, то мне самому трудно судить об этом. Во всяком случае, я теперь лучше говорю по-сербски, чем говорил по-болгарски при оставлении Болгарии. Более всего затрудняют особенности сербского акцента <...>. Белградом я недоволен. Во-первых, нельзя найти сносное помещение (теперь живу у евреев, и комната изобилует клопами) и, во-вторых, сносного стола за сносную плату. В Вене куда удобнее в этом отношении. Да еще прежняя моя хозяйка обобрала меня порядком <...>.

Преданный Вам К. Радченко.

Белград, 24 апр[еля] 1899 г.

ИР ЦНБ НАНУ. Ф. III. № 20842. Л. 1–2. Оригинал.

№ 6

Глубокоуважаемый и дорогой
Тимофей Дмитриевич!

Время в Белграде провожу скучно. Занимаюсь в библиотеке, читаю – вот и все. Никак не могу ближе сойтись с белградским обществом. Как-то сторонятся меня. Сделал несколько попыток навестить новых знакомых, но далее общих банальных фраз не пошло. По целым неделям не могу найти лица, с которым мог бы упражняться в сербском разговоре. Сербь, видно, живут замкнутой жизнью и неохотно допускают иностранцев в свои кружки. Что касается библиотеки, то пока мало в ней для меня работы <...>.

Судьба меня преследует: Веселинович, который мог быть мне полезен по сообщению сведений о новой сербской литературе, отбывает

арест; не могу дожидаться оригинальной пьесы в здешнем театре: все ставят переводы с немецкого и играют глупейшие вещи, и, что интереснее всего, чем глупее пьеса, тем более она имеет успеха.

Преданный Вам К. Радченко.

Белград, 7 мая 1899 г.

ИР ЦНБ НАНУ. Ф. III. № 20843. Л. 1–2. Оригинал.

№ 7

Глубокоуважаемый и дорогой
Тимофей Дмитриевич!

Сердечно благодарю Вас за все Ваши хлопоты. В настоящее время собираю сведения о Фрушкой Горе. На днях был вместе с о[тцом] Стефаном Дмитриевичем в Земуне в гостях у о[тца] Дмитрия Руварца⁵. Последний оказался в высшей степени любезен и при прощании наделил меня своими брошюрами. Сегодня был у Дучича. Он шлет по обыкновению Вам свой поклон <...>.

Вы спрашиваете, познакомился ли я с Ковачевичем. Конечно, давно. Я посещаю его лекции, которыми, впрочем, не совсем доволен (слишком много сырого материала в изложении, отсутствие широких обобщений, сосредоточение внимания на внешних политических событиях – вот, по моему мнению, крупнейшие недостатки его чтения; притом он и лектор неважный; положительная сторона – способность критического анализа, одушевление) <...>.

При прощании Дучич мне подарил все вышедшие в свет тома его сочинений. Спрашивал он меня, не собираетесь ли Вы на лето в славянские земли. Ему очень прискорбно, что не удалось встретиться с Вами в прошлое лето. Вообще он, видно, сердечно расположен к Вам и высоко ценит Ваши научные заслуги, чтобы не сказать благоговеет перед ними. Между другими русскими учеными он особенно высоко ставит Васильевского⁶ и Успенского⁷ <...>.

Еще сообщу, что иллюстрированный журнал «Звезда», редактором которого состоит Веселинович, решил выпустить в свет один номер, специально посвященный Пушкину, а другой – Змай Йовановичу⁸, юбилей которого будет торжественно прославлен 13–15 июня в Загребе <...>.

Преданный Вам К. Радченко.

P.S. До 1 июня адрес мой прежний, хотя я, быть может, отправлюсь на Фрушкую Гору после 20 мая (25–26)⁹.

Белград, 17 мая 1899 г.

ИР ЦНБ НАНУ. Ф. III. № 20844. Л. 1–2 об. Оригинал.

№ 8

Загреб, 19 (IX) / 1 (X) 1899.

Глубокоуважаемый и дорогой
Тимофей Дмитриевич!

Загребом я также не остался доволен. Не в благоприятное время прибыл я в Загреб. В настоящее время настроение хорватского общества существенно изменилось по отношению к славянским делам. Из господствующих партий одна совершенно отреклась от славянских симпатий и со злорадством отмечает факт, что в России славянофилы потеряли кредит. Девиз ее — хорваты должны работать за Хорватию; славянская взаимность не стоит выеденного яйца. Другая партия говорит много о необходимости солидарности австрийских славян, сочувствует чехам, но Россия не входит в круг симпатий этой партии. Отношение к России недоверчивое, а то и прямо враждебное. Наоборот — сочувствие малорусам и полякам. Симпатии к болгарам. Об отношениях к сербам не буду распространяться. Они Вам известны. Скажу только, что особенно в молодежи распространен антагонизм по отношению к сербам еще в более сильной степени, чем малорусов по отношению к великорусам.

Характерен вопрос, заданный мне одним молодым хорватом, характерен ли язык для определения народности или нет. Он был того мнения, что не характерен. Впрочем, встречаются и более умеренные, особенно в ряду пожилых, которые не отрицают, что и хорваты в своей расправе с сербами не правы. Со своей стороны, я более сочувствую хорватам, чем сербам. Последние держатся вызывающим образом против хорватов, не стесняются вступать в союз с мадьярами и итальянцами против хорватов, вообще показывают себя своими претензиями самыми неумеренными и [неразб. — А. Ш.] шовинистами, как и в Македонии, более того, просто изменниками славянству.

Симпатии к России и надежды (хотя, надо признаться, довольно слабые) сохраняются только у представителей среднего поколения. Среди них я не могу довольно отблагодарить Смичикласа¹⁰ за его доброту и любезность. Не говоря о том, что он все сделал для того, чтобы мои

занятия были успешны и чтобы время вне занятий не прошло для меня бесплодно <...>. Был я с визитом и у Маретича¹¹. Последний – профессор славистики, но объявил, что преподает только хорватский язык, так как интереса к славистике у студентов не обнаруживается. В частности, он не находит смысла читать лекции по истории русской литературы, так как ни один студент не знает по-русски. Я пробовал возразить, что можно в месяц научиться. У них нет времени, да и ни к чему нам славистика; мы – народ малый, достаточно изучения своего языка и литературы. Я попробовал заговорить о немцах и мадьярах. Никакой опасности не грозит хорватам ни со стороны немцев, ни со стороны мадьяр, был ответ <...>.

Пора романтического идеализма прошла в жизни, литературе и... славянской взаимности. Наступил реализм <...>.

Преданный Вам К. Радченко.

ИР ЦНБ НАНУ. Ф. III. № 20851. Л. 1–2 об. Оригинал.

№ 9

Глубокоуважаемый и дорогой Тимофей Дмитриевич!

Теперь я в Солуни <...>. Теперь, когда я нахожусь в отдалении от Сербии, я могу разобраться лучше во впечатлениях, вынесенных из Сербии, а отчасти и вообще из южнославянских стран.

В письме, разумеется, я не могу писать подробно об этом. Скажу, что общее впечатление – тяжелое. Я нахожу, что сербы, при всех своих природных дарованиях, не способны ни к самостоятельной государственной жизни, ни к такому же культурному развитию. Сербы охотно себя называют французами среди славян. Я бы их сравнил с итальянцами – непосредственными их соседями. Легкомыслие, хвастливость, фразерство, отсутствие всякого единодушия в вопросах, касающихся самых важных сторон народной и государственной жизни – вот черты, характеризующие в большей или меньшей степени всех сербов. Нет у них стремления к серьезной работе и никакой устойчивости. Они кричат, кричат, но ничего не делают. Австрийские сербы видят врагов там, где их нет, ссорятся с теми, с которыми следовало бы жить в теснейшей дружбе и единении, и готовы признать друзьями отъявленнейших врагов.

Сербы Королевства вместо того, чтобы обратить внимание на свои внутренние дела, пытаются вести внешнюю политику, и опять самую неудачную. Роковое стремление Душана на восток теперь повторяется

в притязаниях сербов на Македонию. Их шовинизм доходит до крайностей. Сербь, не стесняясь, утверждают, что не только в целой Македонии нет болгар, но «бугараши»*, но что и в самой Болгарии болгары живут только в Тырновском округе, и настоящие болгары не что иное, как гагаузы¹². Между тем, положение дел в самой Сербии... да Вы знаете и сами; в Старой Сербии арнауты вытесняют сербов, в Босне Австрия работает, в Венгрии – мадьяры, которым, впрочем, идут на руку сами сербы. Болгары, на мой взгляд, больше имеют шанс на будущность.

Они далеко не так способны, но зато работают, как волы, и притом отличаются замечательной солидарностью в преследовании своих интересов. С другой стороны, болгары отталкивают неразборчивостью в средствах. Сербь весьма напоминают поляков, но поляки опять-таки отличаются от сербов солидарностью интересов, касающихся их всех. Притом поляки имеют многовековую, славную историю и развитую культуру. Я думаю, что если бы когда-либо могло состояться объединение южных славян, то главную роль сыграли бы здесь болгары, как великорусы в России, пруссаки в Германии. Только это могло бы случиться при особенно благоприятных обстоятельствах, при другой политике, радикально противоположной настоящей великих держав, особенно России. Но все: история, и настоящее положение дел, и личные свойства южных славян – свидетельствует о том, что это никогда не состоится...

Другими словами**, что южному славянству предстоит перетопление в чужую народность – в какую, не знаю. По-прежнему остаюсь при мнении, что Россия должна поддерживать славян только потому, что это входит в ее расчеты. Нет искренности в симпатиях, обнаруживаемых как сербами, так и болгарам по отношению вообще к России, так и к отдельным русским. Если хотите искренних симпатий к России, то ищите их между словаками, словенцами, поляками, пожалуй, чехами, только не между болгарам и сербам <...>.

Преданный Вам К. Радченко.

Солунь. 9/21.VI.1899.

*Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 818.
Д. 275. Л. 10–12.*

* *Бугараши* (сербск.) – православное славянское население сербского происхождения, считающее себя болгарам.

** Слово пропущено; по смыслу – считаю, полагаю, думаю.

Примечания

¹ Димитриевич Стеван (1866–1953) – сербский церковный деятель и ученый-историк. В 1898 г. окончил Духовную академию в Киеве. Ректор Духовной семинарии в Призрене. Первый декан Богословского факультета Белградского университета. В 1920–1936 гг. – его профессор. Автор работ по истории Сербской православной церкви и сербско-русских церковных связей.

² Станоевич Драгиша (1844–1918) – сербский ученый (правовед), литератор и переводчик, политик социалистического толка. Докторскую диссертацию по юриспруденции защитил в Бонне. Профессор Великой школы. После убийства князя Михаила Обреновича бежал за границу. После возвращения в Сербию был секретарем в министерстве финансов, правительственным комиссаром в Государственном банке. С 1890 г. – депутат Народной скупщины от Радикальной партии. В 1897–1900 гг. – директор Народной библиотеки. Как литератор прославился своими переводами произведений итальянской литературы. Перевел на сербский язык «Божественную комедию» Данте, «Освобожденный Иерусалим» Тассо, «Неистового Роланда» Ариосто.

³ «Неистовый Роланд» – рыцарская поэма итальянского писателя Людовико Ариосто, оказавшая значительное влияние на развитие европейской литературы Нового времени. Впервые полностью опубликована в 1532 г.

⁴ Веселинович Янко (1862–1905) – сербский писатель, драматург и журналист. Закончил гимназию в городе Шабац. Затем учился в Духовной семинарии, Учительской школе, на курсах телеграфистов в Вене, но ничего не окончил. Служил учителем в школе, помощником главного редактора правительственного официоза «Српске новине», корректором в казенной типографии, драматургом Народного театра. Издатель журнала «Звезда», редактор газет «Побратим», «Дневни лист». Из-за критики государственной власти нередко бывал в заключении.

⁵ Руварац Димитрие (1842–1931) – сербский церковный деятель в Австро-Венгрии, ученый-историк и публицист. Брат Иллариона Руварца. Окончил семинарию в Сремских Карловцах. В 1866 г. рукоположен в священника. С 1893 г. – протоиерей. С 1899 г. – управитель монастырской типографии и сотрудник библиотеки сербской Патриархии в Сремских Карловцах. В 1903–1914 гг. – редактор журнала «Сербский Сион». В исторических занятиях специализировался на сюжетах сербской культурно-церковной истории XVIII–XX вв. Принадлежал к критическому направлению в историографии, начало которому положил его брат Илларион.

⁶ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) – русский ученый-историк. Специалист по истории Византии и славяно-византийским отношениям. С 1876 г. – член-корреспондент Академии наук, с 1890 г. – академик.

⁷ Успенский Федор Иванович (1845–1928) – русский ученый-историк (византист, славист) и археолог. В 1874–1879 гг. – доцент, в 1879–1894 гг. – профессор Новороссийского университета в Одессе. По его инициативе и при активном участии в 1895 г. был создан Русский археологический институт в Константинополе, который он и возглавлял вплоть до ликвидации в 1914 г. С 1893 г. – член-корреспондент Академии наук, с 1900 г. – академик.

⁸ Йованович-Змай Йован (1833–1904) – сербский поэт, представитель романтизма. Получил юридическое (Вена, Пешт, Прага) и медицинское (Пешт) образование. По профессии – врач, но всю свою жизнь занимался изданием литературных, политических и детских журналов. Наряду с лирикой сочинял сатирические и политические стихотворения. Первым в сербской литературе начал писать детские стихи.

⁹ Радченко прибыл в Сремские Карловцы 30 мая 1899 г.

¹⁰ Смичиклас Тадия (1843–1914) – хорватский историк и политический деятель. Образование получил в Вене. С 1882 г. – профессор Философского факультета Загребского университета. В 1886–1887 гг. – декан, а затем – ректор Университета. 1883 г. избран академиком Югославянской Академии наук и искусств. В 1900–1914 гг. – ее президент. В 1889–1891 гг. – председатель Матицы Хорватской. Автор двухтомной «Истории хорватов» (Загреб, 1879, 1882)... Являлся политическим приверженцем И.Ю. Штроссмайера. Избирался депутатом хорватского Сабора.

¹¹ Маретич Томислав (1854–1938) – хорватский ученый, филолог. Профессор Загребского университета.

¹² Гагаузы – тюркский народ православного вероисповедания. Проживают в Бессарабии, Малороссии, Болгарии, Румынии.

Донесения из Белграда в Генеральный штаб

№ 1

**Военный агент в Бухаресте и Белграде – В.П. Целебровскому¹.
12 декабря 1900 г. Белград. Рапорт № 37. Секретно**

Милостивый государь
Виталий Платонович.

В начале будущего 1901 года в сербской армии предположено произвести весьма серьезные реформы, которые должны существенно изменить характер вооруженных сил страны. Реформы эти, проектированные нынешним военным министром подполковником Милошем Васичем² и одобренные уже королем, ждут только утверждения их скупщиною, которая соберется в конце текущего декабря месяца в Нише.

В общих чертах реформы эти сводятся к следующему. Прежнее деление вооруженных сил страны на постоянную армию и народное войско (2 призыва) – отменяется, а вместо него принимается новое деление – на 1-й, 2-й и 3-й призывы, которые при мобилизации дадут армии – 1-й, 2-й и 3-й линии.

Первые две категории – 1-й и 2-й призывы – в мирное время будут иметь кадры, которыми послужат существующие ныне 60 пехотных батальонов (15 пехотных полков), причем 40 из них, сведенные не в 10 четырехбатальонных, а в 20 двухбатальонных полков, составят кадр 1-го призыва, а остальные 20 батальонов, сведенные в 10 полков, – кадр 2-го призыва.

Третий призыв постоянного кадра в мирное время иметь не будет, так что части, которые он будет формировать при мобилизации, будут состоять сплошь из резервистов.

Офицерский состав частей 3-го призыва составят отставные и уво-

* Леонтович Евгений Александрович – военный дипломат; офицер Генерального штаба. В 1897–1901 гг. – подполковник, в 1901–1908 – полковник, в 1908–1914 – генерал-майор, с 1914 г. – генерал-лейтенант. В 1899–1901 гг. – военный агент (атташе) России в Сербии и Румынии, в 1901–1902 (до 20.04) – в Сербии, Болгарии и Черногории, 20.04–17.09.1902 – в Сербии и Черногории.

ленные от действительной службы офицеры, а также излишек резервных офицеров, по пополнении ими частей 1-го и 2-го призыва до штатов военного времени, если такой излишек, конечно, окажется, что весьма сомнительно.

Вместе с этим срок службы под знаменами в постоянных кадрах, оставаясь для кавалерии, артиллерии и инженерных войск прежним двухлетним, сокращается в пехоте до 1½ года. Но и эти 1½ года службы, по словам военного министра, будут считаться лишь на бумаге, в действительности же в пехоте — в постоянных кадрах — будут служить лишь 1 год, остальные 6 месяцев службы военный министр предполагает сократить, пользуясь своим правом увольнения нижних чинов в отпуски из бюджетных соображений.

Вместе с сокращением срока службы в пехоте, которое даст возможность провести через кадры двойное против прежнего количество людей, для поддержания качества ее решено широко развить систему призыва резервистов для обучения в учебных сборах, что до сего времени почти не делалось. В будущем резервисты будут непременно ежегодно собираемы в учебные сборы, продолжительность которых установлена различная для каждой из трех категорий. Одновременно предполагается широко пользоваться для кратковременных сборов воскресными и праздничными днями, а также временем, когда население более или менее свободно от полевых работ. Сборы эти, не будучи обременительны для населения, в то же время не будут ничего стоить правительству, так как те небольшие расходы, которые они вызовут, будут возложены на общины или задруги.

Военный министр предполагает, что изложенные реформы дадут возможность почти удвоить вооруженные силы страны, не ухудшая их качества и в то же время не обременяя слишком службою население. Он полагает, что для сербского пехотинца годовой срок обучения достаточен, особенно если оно будет освежаться во время учебных сборов. Со всем этим, конечно, трудно согласиться.

Что касается влияния изложенных мер на военный бюджет, то они уменьшают последний почти на 2 миллиона франков, что имеет не последнее значение в глазах короля и сербского правительства.

Считаю несколько преждевременным разбирать реформы Милоша Васича, зная их лишь в общих чертах, насколько он познакомил меня с ними, дабы я мог говорить по поводу их с королем, который неоднократно обращался ко мне, прося высказать свое мнение. Несомненен лишь тот факт, что с проведением этих реформ сербская армия принимает харак-

тер армии милиционной со всеми недостатками, присущими этому роду вооруженных сил, что я и не преминул высказать Его Величеству, оговорившись, что я пока слишком мало знаком с сербской армией, чтобы правильно судить о результатах, которые дадут новые реформы, но полагаю, что они скорее будут отрицательные. Его Величество ответил мне, что он сознает сам, что меры эти уменьшают наступательные способности его армии, но что, так как Сербия не предполагает вести наступательной войны, то это и не важно; в случае же нападения извне армия его сумеет защитить страну, тем более что численность ее с проведением в жизнь новых реформ почти удваивается.

Вообще из разговоров с королем Александром я понял, что он совершенно отказался от реванша за Сливницу³ и ждет врага с севера⁴, чего нельзя сказать о высшем командном составе его армии, который почти поголовно проникнут непримиримой враждой к Болгарии.

Мне несколько раз приходилось быть среди высших начальников сербской армии, и всякий раз разговор касался Болгарии, ее враждебности по отношению к Сербии, ее действий в Македонии и т.п. Особенно откровенны становились генералы после нескольких бокалов вина, когда начинались сравнения сил Болгарии и Сербии и разбор шансов на успех в случае войны. Не стеснялись даже присутствием болгарского военного атташе, которого положение в Сербии вообще трудное.

Одним из самых непримиримых врагов болгар является нынешний военный министр подполковник Милош Васич, и по следующей причине.

Подполковник Васич незадолго до своего назначения военным министром состоял в течение 2 лет сербским военным атташе в Софии, где с первых же шагов обратил на себя внимание своим странным поведением. Не ограничиваясь различными нескромностями, Васич вскоре дошел до того, что стал являться переодетым и замаскированным в казармы и, напаивая нижних чинов, старался добыть у них различные сведения.

Результатом такой деятельности было то, что он однажды был захвачен в одной казарме и жестоко избит, конечно, не без участия в этом деле болгарских высших военных властей. Вскоре после этого болгарское правительство потребовало его отозвания.

В общем Милош Васич человек неглупый, не без способностей, чрезвычайно решительный и энергичный, но, как человек молодой, с ограниченной служебной опытностью и громадным самомнением, он решается на слишком резкие перемены в армии, руководствуясь исключительно своим мнением и своим взглядом на вещи и совершенно игнорируя мнения высших начальников, которые не одобряют его реформы.

Делает он, правда, то, что до него делали все другие военные министры, считавшие необходимостью уничтожать все, что было сделано их предшественниками.

Каждый военный министр, вступая здесь в должность, считает своей обязанностью представить проект коренных реформ в армии.

Вот почему в сербской армии так часты перемены в основных ее положениях и ломка ее организации.

С другой стороны, король Александр, человек также молодой, не обладающий ни знанием военного дела, ни военной жилкой, — это совершенно не военный человек и никогда им не будет — не может разобраться в столь незнакомом ему деле и не может, видимо, отдать себе отчета в том вреде, который приносит его армии этот порядок вещей.

Генерального штаба
подполковник Леонтович.

*Российский государственный военно-исторический архив
(далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 819. Л. 1–5 об. Оригинал.*

№ 2

Военный агент в Бухаресте и Белграде — В.П. Целебровскому. 5 мая 1901 г. Белград. Рапорт № 33. Секретно

Милостивый государь
Виталий Платонович,

В конце прошлого апреля в Сербии вновь произошла перемена военного министра. На посту этом ушедшего полковника Милоша Васича заменил Генерального штаба полковник Божидар Янкович⁵.

Причиной ухода полковника Васича послужил громкий скандал между ним и министром народного просвещения Маринковичем⁶, на почве, не имеющей ничего общего с политикой. Застав неожиданно у себя Маринковича в положении, не оставлявшем сомнений его близких отношений с М-те Васич, военный министр здесь же при пособии своего адъютанта избил министра народного просвещения и выбросил его буквально из окна.

Скандал этот осложнился еще другим, а именно покупкою Маринковичем для правительства дома г-жи Васич за четверную цену. Дом этот, не стоящий более 20–22 т[ысяч] франков, был куплен Маринковичем для расширения помещений казенной типографии за 90 т[ысяч]. Этот двой-

ной скандал заставил короля уволить немедленно обоих министров, хотя Васича король увольнял очень неохотно и согласился на эту меру только после долгих настояний министра-президента Вуича⁷ и после слов последнего: «Если Ваше Величество не желаете уволить полковника Васича, то предложите ему сформировать кабинет, мы же удаляемся».

В армии полковник Васич как военный министр был очень непопулярен; между прочим, производство его на прошлую Пасху в полковники, когда не далее как в прошлом году он произведен был в подполковники, вызвало среди офицеров целую бурю негодования. Высказывали уверенность, что он умышленно не поместил в проект нового закона об устройстве войска числа лет выслуги в чине подполковника для производства в чин полковника.

При всем этом полковник Васич как человек молодой, решительный, энергичный, обладающий познаниями и чуждый рутины, мог сделать для сербской армии много хорошего. Новый военный министр полковник Божидар Янкович — напредняк и бывший любимец и человек Милана⁸. В последнее время он командовал Дринской дивизией⁹, но после женитьбы короля был в опале¹⁰, вследствие чего у него отняли дивизию и назначили начальником штаба Действующей армии* (место ниже).

В настоящее время полковнику Янковичу на вид 53–55 лет. Он производит чрезвычайно симпатичное впечатление, но по всеобщему признанию во многом уступает Васичу в качестве военного министра. На мой вопрос, какого он мнения о направлении деятельности бывшего военного министра и какой характер намерен он придать армии, — полковник Янкович ответил, что совсем не одобряет ее и что относительно армии у него свои проекты, которые он постарается привести в исполнение исподволь. Очевидно, организации сербской армии предстоит новая ломка. И так почти каждый год. Трудно, конечно, при этих условиях, чтобы сербская армия представляла когда-либо что-нибудь стройное целое, могущее претендовать на внимание и с которым надобно было бы серьезно считаться.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ваш покорный слуга
Е. Леонтович.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 1–2 об. Оригинал.

* Речь идет о кадровой армии (сербск. — *активна војска*).

№ 3

Военный агент в Сербии, Болгарии и Черногории –**В.П. Целебровскому.****25 марта 1902 г. Белград. Рапорт № 5. Секретно**

Милостивый государь

Виталий Платонович,

Несколько дней тому назад в высшем командном составе сербской армии произошла весьма важная перемена, а именно – Главнокомандующий ею (Комендант активне войске*) генерал Сречкович¹¹ уволен в отставку, а на его место назначен начальник Генерального штаба генерал Дмитрий Цинцармаркович¹², с оставлением однако в то же время в должности начальника Генерального штаба.

Должность Главнокомандующего сербской армией, как Вашему превосходительству известно, учреждена в Сербии всего несколько лет тому назад, с целью дать возвратившемуся в Сербию экс-королю Милану, отцу царствующего государя, какое-либо видное официальное положение. Это была причина, которою здесь тогда объясняли учреждение этой новой и совершенно ненужной для сербской армии должности. Действительная же причина заключалась в том, что покойный король Милан, пользовавшийся в армии большою популярностью, каковою не пользовался ни тогда, ни после его сын, король Александр, желал держать последнего и всю Сербию в своих руках при помощи преданной ему армии. Но вот в июле 1900 года состоялась свадьба короля Александра, повлекшая за собою полный и окончательный разрыв между отцом и сыном. В то же время, опасаясь прибытия короля Милана в Белград и могущих произойти от этого серьезных последствий, король Александр поспешил отнять у него начальство над армией и вручил его преданному ему генералу Сречковичу, одному из самых заслуженных и популярных в Сербии генералов, человеку, искренне преданному Сербскому делу, горячему патриоту и стороннику сближения с Россией, несмотря на то даже, что военное свое образование он отчасти получил в Германии и прекрасно говорит по-немецки.

Сречкович, человек весьма прямой и настоящий военный, оказался, однако, не вполне удобным для короля Александра. Вскоре между ними пошли разногласия. Уже в июле прошлого года он выразил неодобрение по поводу дела генерала Бошковица¹³, бывшего начальника Военной ака-

* *Командант активне војске* (сербск.) – командующий кадровой армией.

демии. Дело это состояло в следующем: в одно утро к генералу Бошковичу, начальнику Военной академии, явился юнкер той же Академии Петрович, племянник королевы Драги¹⁴, в штатском платье и заявил ему, что он уезжает в отпуск. Удивленный этим генерал Бошкович отправил юнкера в Академию, приказав немедленно снять штатское платье и сказав, что если он хочет ехать в отпуск, то должен просить разрешения по начальству.

Юнкер Петрович, тем не менее, вышел из училища и на виду у всего начальства сел в экипаж и уехал, а когда генерал Бошкович донес об этом поступке военному министру (Янковичу) и вместе с ним просил короля о наказании юнкера Петровича, то ему ничего не ответили, но дали понять, что король крайне недоволен его поступком с родственником королевы. Генерала Бошковича стали обходить даже приглашениями во дворец, когда приглашается самый младший офицер, и он принужден был подать в отставку. Юнкер же Петрович через несколько дней после этого случая был произведен в офицеры.

Дело это в свое время чрезвычайно всех возмутило и было одною из причин выхода в отставку военного министра полковника Янковича. Сречкович был также недоволен поступком короля по отношению к Бошковицу, действовавшему вполне законно.

Это было первое разногласие короля со Сречковичем, за ним последовали другие, и в сентябре месяце прошлого года генерал Сречкович стал просить об увольнении его в отставку. Король, однако, отставки его не принял и просил его оставаться на его посту. Сречкович согласился. Как вдруг несколько дней тому назад, совершенно неожиданно даже для генерала Сречковича, последовало увольнение его в отставку и назначение на его место генерала Дмитрия Цинцармарковича. Генерал Цинцармаркович — человек еще нестарый, 52–54 лет, пользующийся в Сербии репутацией весьма способного генерала. На чем зиждется эта репутация — для меня, однако, совершенная загадка, и все, к кому я обращался за разъяснением ее, говоря: «О, это чрезвычайно способный генерал», не могли мне в то же время объяснить, в чем выразились его способности. Как практик — он себя не выказал ничем, как теоретик — также; никогда он ничего не написал, мыслей его не читали, он их и не высказывает, так как по большей части молчит. Правда, во время Сербско-болгарской войны полк его действовал лучше других, но отличился, собственно, один батальон под командою капитана Катича, героя этой войны, лично же он себя ничем не выказал. Человек этот не для меня одного составляет загадку — это великий молчальник, несообщительный нелюдим, иногда

по месяцам никуда не показывающийся, и в то же время, как говорят, чрезвычайно гордый, честолюбивый и болезненно самолюбивый.

В прошлом он был правою рукой короля Милана и по убеждениям своим горячий сторонник самого тесного сближения с Австрией. Это всеобщее мнение, и только это он, кажется, не скрывает; в тесном союзе с Австрией он видит все счастье Сербии. Держась от всех в стороне, он в то же время был в наилучших отношениях с бывшим здесь австрийским военным атташе подполковником Гордличка.

Когда появились слухи о его назначении на место Сречковича, министр-президент Вуич и нынешний министр финансов Милованович¹⁵ отправились к королю и старались удержать его от этого шага, говоря, что считают опасным для спокойствия Сербии назначение Цинцармарковича, открытого сторонника Австрии и человека крайне честолюбивого и самолюбивого, на столь важный государственный пост. Но король почему-то не внял их представлениям, и назначение состоялось.

С своей стороны, не могу не выказать удивления этому назначению на один из важнейших государственных постов человека, открыто враждебного России, в то время когда король всеми силами старается уверить нас в своей преданности.

Назначение это тем более удивительно, что генерал Цинцармаркович был довольно долго не в фаворе, как сторонник Милана и Австрии, и в особенности после скандального процесса его брата, жандармского полковника Цинцармарковича, пойманного в прошлом году в писании грязных анонимных и угрожающих писем королю и королеве. Полковник Цинцармаркович был в свое время судим и осужден на 9-летнее заключение, но вскоре затем помилован.

Что касается самой должности Главнокомандующего действующей армией в Сербии, то она, как я и выше докладывал, совершенно не нужна и излишня.

Создали ее для Милана. Милана нет; казалось, проще всего было бы ее упразднить, и это было бы самое рациональное, по крайней мере, получилась бы экономия с лишком в 100 т[ысяч] динаров. Об этом здесь говорили все время, но назначение Цинцармарковича показывает ясно, что должность остается¹⁶.

Третьего дня мне пришлось говорить по поводу этих слухов с военным министром, и он прямо дал мне понять, что, по его мнению, должность эта не только излишня, но даже вредна для армии. В настоящее время во главе небольшой сербской армии стоят 4 независимых друг от друга учреждения, 4 посредствующих инстанции между королем и

армией. Это: Главнокомандующий действующей армией, военный министр, Главный генеральный штаб, получивший ныне самостоятельное значение, и, наконец, Военный совет. Нельзя не признать, что это для сербской армии слишком много.

Сегодня состоялось другое важное назначение в сербской армии, а именно: назначен новый начальник Моравской дивизии Генерального штаба полковник Янкович, вместо умершего недавно генерала Петрови-ча¹⁷. Полковник Янкович был в прошлом году летом в течение 4 месяцев военным министром, затем, как выше приведено, был уволен в отставку, был некоторое время в опале и ныне вновь принят на службу. Полковник Янкович, несомненно, хороший и дельный офицер, но, к сожалению, по убеждениям своим напредняк и сторонник сближения с Австрией.

Прошу Ваше Превосходительство принять мое уверение в глубочайшем почтении и преданности.

Ваш покорный слуга
Евгений Леонтович.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 8–13 об. Оригинал.

Примечания

¹ Целебровский Виталий Платонович – генерал-майор, начальник Военно-статистического отделения Главного штаба.

² Васич Милош (1859–1935) – сербский военный и государственный деятель; генерал (1916). Учился год на Философском факультете Великой школы. В 1883 г. закончил Военную академию. Стажировался во Франции и Австро-Венгрии. С 1891 г. – офицер Генерального штаба. Совмещал командно-штабную службу с дипломатической и министерской деятельностью. В 1897–1898 гг. – военный атташе в Болгарии, а в 1902–1903 – посланник в Черногории. В 1900–1901 гг. – военный министр. С началом Балканских войн в 1912 г. был назначен представителем сербской армии при греческом командовании. Во время Первой мировой войны командовал Дунайской дивизией 2-го призыва, 1-й армией (кратко), 3-й армией, с которой участвовал в боях на Каймакчалане и взятии Битоля. В 1917–1918 гг. – представитель Сербии при итальянском командовании.

³ В ноябре 1885 г. вторгшаяся в Болгарию сербская армия была наголову разбита у деревни Сливница. После чего болгары перешли в контрнаступление и заняли Пирот.

⁴ Т. е., полагает Леонтович, под главным врагом король подразумевал Австро-Венгрию.

⁵ Янкович Божидар (1849–1926) – сербский военный и государственный деятель; генерал (1902). В 1874 г. закончил Военную академию. С 1883 г. – офицер Генерального штаба. В 1897–1900 гг. – командир Тимокской дивизии. В 1900–1901 – начальник штаба кадровой армии. В апреле – августе 1901 г. – военный министр. В период Балканских войн 1912–1913 гг. – командующий 3-й армией, с которой освободил Косово и участвовал в решающих боях с болгарскими на Брегалнице и у Овчего Поля. В 1914–1915 гг. – начальник штаба армии Черногории.

⁶ Маринкович Павле (1866–1925) – сербский политик и публицист. Один из руководителей Напредняцкой партии. В 1901 г. министр народного просвещения. Основатель Этнографического музея в Белграде. Являлся одним из разработчиков конституции Сербии 1901 г. Издавал печатный орган напредняков газету «Правда». После Первой мировой войны неоднократно входил в состав правительства Королевства сербов, хорватов и словенцев.

⁷ Вуич Михайло (1853–1913) – сербский политический и государственный деятель; видный ученый-экономист, академик. Образование получил в Вене, Мюнхене, Берлине, Лейпциге. Доктор философии (1879). В 1887, 1889–1893 гг. – министр финансов в кабинетах Й. Ристича, С. Груича, Н. Пашича и Л. Докича. В 1901–1902 гг. – председатель правительства. Во время его премьерства осуществлена «фузия» радикалов с напредняками и принята новая конституция. После 1903 г. – посланник в Вене, Берлине и Риме. В 1907 г., из-за конфликта с Пашичем, вышел в отставку.

⁸ Имеется в виду бывший король Милан Обренович – командующий кадровой армией (1897–1900).

⁹ Леонтович ошибается – с 25 декабря 1897 г. и до назначения начальником штаба кадровой армии (5 августа 1900 г.) полковник Янкович командовал Тимокской дивизией.

¹⁰ В июле 1903 г. король Александр Обренович женился на Драге Машин (см. примеч. 14). Этот его шаг привел к разрыву отношений с отцом – экс-королем Миланом. Соответственно, многие приверженцы последнего оказались в опале.

¹¹ Сречкович Михайло (1843–1920) – сербский военный деятель, генерал (1894). В 1866 г. закончил Артиллерийскую школу – будущую Военную академию. Стажировался в Германии. В 1900–1902 гг. – командующий кадровой армией. В Балканской и Первой мировой войнах участия не принимал. Был награжден русским орденом Св. Станислава 2-й степени.

¹² Цинцар-Маркович Димитрие (1849–1903) – сербский военный и государственный деятель; генерал (1897). В 1870 г. закончил Военную академию.

Стажировался в Германии. С 1885 г. – офицер Генерального штаба. В 1897–1900 гг. – начальник штаба регулярной армии, а в марте–августе 1902 – ее командующий. В 1900–1902 гг. – начальник Главного генерального штаба. С ноября 1902 по май 1903 г. – председатель правительства Сербии. Погиб во время переворота 29 мая.

¹³ Бошкович Павле (1849–1923) – сербский военный деятель, генерал (1900). В 1869 г. закончил Военную академию. Большую часть службы провел в центральном аппарате военного министерства. В 1879–1881, 1884–1887, 1888–1889 и 1900–1901 гг. – профессор Военной академии. В 1900–1901 – одновременно возглавлял ее.

¹⁴ Драга Обренович (урожденная Луневица, по первому браку Машин) (1866–1903) – королева Сербии (1900–1903). Супруга короля Александра Обреновича. До этого – фрейлина его матери, королевы Натальи. Погибла вместе с мужем в результате офицерского заговора 29 мая 1903 г.

¹⁵ Милованович Милован (1863–1912) – сербский политический и государственный деятель. По образованию юрист. Окончил университет в Париже; доктор права. Член Радикальной партии. Один из авторов текста конституций 1888 и 1901 гг. В 1896–1897 гг. – министр юстиции. В 1901–1902 – министр народного хозяйства. В 1908–1912 гг. – министр иностранных дел. В 1911–1912 гг. – председатель правительства. Один из инициаторов подписания военного союза с Болгарией в 1912 г.

¹⁶ Генерал Цинцар-Маркович был назначен командующим кадровой армией в марте 1902 г., но уже в августе эту должность отменили.

¹⁷ Петрович Йован (1843–1902) – сербский военный и государственный деятель; генерал (1900). В 1865 г. закончил Артиллерийскую школу, а в 1875 г. – Военную академию в Берлине. С 1876 г. – офицер Генерального штаба. В 1883 г. – министр общественных работ, в 1883–1885 – военный министр. Во время войны с Болгарией (1885) возглавлял штаб Верховного командования. В 1894–1897 гг. – начальник Военной академии. В 1901–1902 – командир Моравской дивизии. Был награжден русским орденом Св. Станислава 2-й степени.

Донесения из Софии в МИД

№ 1

Донесение д[ействительного] с[татского] с[оветника]** Бахметева министру иностранных дел

София,
8 июня 1903 г. № 44

Ужасная белградская ночь на 29 мая и последующий за ней государственный переворот¹ не возбудили здесь никаких политических соображений и даже толков и были приняты здесь с удивительным хладнокровием, чтобы не сказать – равнодушием.

Все с единогласным негодованием порицают диких и пьяных убийц, но о самом короле никто не жалеет. Его давно уже считали недолговечным на престоле; и общественное мнение, и правительственные круги скорее с добрым расположением ожидают водворения в Сербии нового правления под руководством короля более зрелого и уравновешенного², от которого нельзя будет ожидать тех своевольных капризов, которые в последнее время сбивали всех с толку <...>.

Князь Фердинанд³ приказал наложить десятидневный придворный траур, а сербский представитель⁴ не только не отслужил у себя панихиды за упокой души королевской четы, но на третий день встретил тех, которые приходили к нему с соболезнованиями, с бокалом шампанского за здоровье нового короля.

Он меня уверил, что он не имел ни малейшего понятия о каком-либо заговоре и даже случайно просидел у короля Александра до 10 вечера 29 мая, т. е. два часа до катастрофы⁵, и что ни король, ни королева, по видимому, ничего не подозревали <...>.

* Бахметев Юрий Петрович (1847–1928) – русский дипломат. Высшее образование получил в Оксфордском университете. На службе в МИД с 1870 г. В 1897–1906 гг. – посланник в Болгарии. Добился высылки из Софии П.Н. Милюкова, когда тот приезжал туда для чтения лекций. В 1906–1908 гг. – посол в Японии. В 1911–1917 гг. – посол в США. После Февральской революции 1917 г. подал в отставку.

** Действительный статский советник – гражданский чин 4 класса по Табели о рангах.

С глубочайшим и пр.

*Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).
Ф. Политархив. Д. 2868. Л. 106–106 об. Копия.*

№ 2

Донесение д[ействительного] с[татского] с[оветника] Бахметева министру иностранных дел

София, 14 июля 1903 г. № 51

Пробыв шесть недель в неизвестности касательно своей будущности, мой сербский коллега, наконец, подал в отставку <...>.

Г. Маринкович разделяет участь сербских представителей в Афинах, Бухаресте, Лондоне и Париже, и он едва ли мог рассчитывать остаться на месте, так как он заведомо пользовался особым расположением короля Александра <...>.

Г. Маринкович более не скрывает своих впечатлений о положении короля Петра и правительства, и эти впечатления вполне согласуются с тем, что я слышал от многих лиц, имевших случай ознакомиться с настоящими обстоятельствами в Белграде.

По их мнению, король Петр не только не управляет страной, но совершенно отстранен от дел и находится как бы под опекой и даже под стражей виновников кровавого переворота и в особенности – молодых преторианцев⁶, самоуверенность и гордость которых, в виду, по-видимому, уже обеспеченной им безнаказанности, все возрастают <...>.

Сам король, по-видимому, еще вовсе не освоился со своим новым положением и еще не может избавиться от своих «буржуазных» женевских привычек. Он любит ходить на базар и разговаривать с торговками, покупая у них фрукты, но его популярность от этого вовсе не возрастает, а напротив – уважение к нему уменьшается. Здешний народ любит простоту, но простоту, связанную с величием и некоторой пышностью, а добродушный король на базаре вызывает насмешки; кроме того, страшно скучая в своем одиночестве, в первые же дни Его Величество спросил, где находится самая лучшая кофейня, где можно наблюдать за шахматной игрой? <...>

С глубочайшим почтением и проч.

АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2868. Л. 205–205 об. Копия.

Примечания

¹ В ночь на 29 мая 1903 г. группой офицеров-заговорщиков были убиты бездетные король Александр Обренович и королева Драга. Династия потомков Милоша Обреновича пресеклась. Ей на смену «вернулись» наследники Карагеоргия.

² 2 июня 1903 г. на сербский королевский престол был возведен Петр Карагеоргиевич.

³ Фердинанд Максимилиан Карл Мария Саксен-Кобург-Готский (Фердинанд I Кобург; 1861–1948) – князь (1887–1908) и царь Болгарии (1908–1918); германский генерал-фельдмаршал (1916). Претендовал на гегемонию Болгарии на Балканах, считая ее первым претендентом на европейское наследство Османской империи. Опирался на поддержку Берлина и Вены. В 1908 г. провозгласил полную независимость Болгарии от Турции и принял царский титул. Под скипетром Фердинанда I Болгарское царство получило (по итогам Первой балканской войны) значительную часть Фракии с Эдирне и Македонии с выходом к Эгейскому морю; во Второй балканской (Межсоюзнической) войне потерпело сокрушительное поражение, с потерей многих только что добытых территорий; в октябре 1915 г. вступило в Первую мировую войну на стороне Центральных держав, но в итоге оказалось в лагере проигравших. После поражения в войне Фердинанд отрекся от престола (1918) в пользу старшего сына Бориса III и покинул страну. Проживал до смерти в родовом Кобурге.

⁴ Ю.П. Бахметев имеет в виду Павле Маринковича (о нем см. примеч. 6 к донесениям Е.А. Леонтовича).

⁵ Павле Маринкович действительно участвовал в *последнем* обеде, даваемом Обреновичами. Кроме него, там были и будущие жертвы заговора: премьер Цинцар-Маркович и военный министр Милован Павлович. Переворот (выдвижение заговорщиков ко дворцу и министерским квартирам) начался в 1 час ночи. Министры были убиты в 2–2.30, а монаршая чета – около 3.30 утра.

⁶ Военные участники заговора 29 мая 1903 г. подразделялись как бы на две «фракции» – старшие офицеры: генерал Й. Атанацкович, полковник А. Машин, подполковник Д. Попович и др. и младшие, непосредственно участвовавшие в убийстве монаршей четы: капитан Д. Димитриевич-Апис, поручик А. Антич, подпоручик В. Веич и др. Старшие со временем (за высокие отступные) отошли от дел; младшие же, напротив, обвинив их в отказе от национальных идеалов «Майской революции» и корыстолюбии, остались важным фактором закулисной сербской политики. В 1911 г. они основали тайную организацию «Объединение или смерть» (знаменитую «Черную руку»).

**Доверительное письмо
д[ействительного] с[татского]
с[оветника] Щеглова
министру иностранных дел**

Цетинье, 11/24 июня 1903 г.

Сербский посланник здесь, полковник Васич, посетил меня вчера <...> и воспользовался нашим свиданием, чтобы излить свою душу по поводу последних кровавых событий в Белграде.

Бывший военный министр короля Александра, бодро, и даже иной раз заносчиво, смотревший вперед, в убеждении, что Сербия призвана играть руководящую роль на Балканском полуострове, — преобразился ныне в человека глубоко разочарованного. Полковник Васич, как добрый солдат, прежде всего до крайности возмущен той ролью, которую сыграла армия в гнусных событиях, наложивших позорное клеймо на его Отечество. Он, со слезами на глазах, сказал мне, что потерял веру во все, что считал до сих пор святыней, и не видит — как может восстановить свое доброе имя сербская армия, поправшая все законы Божеские и человеческие. Начальники ее дошли до такого озверения, что бахвалятся убийствами беззащитных и надругательствами над их трупами, рассчитывая не только на безнаказанность, но даже на награду.

«При виде всей этой мерзости, — продолжал полковник Васич, — сердце мое обливается кровью, и я прихожу к тяжелому сознанию, что мы, сербы, недостойны самостоятельного существования как государство. Пусть Европа возьмет нас под свою опеку, хотя бы при помощи военной оккупации, а затем накажет злодеев и научит нас жить по-человечески. Как далеко был я от мысли о чем-либо подобном, когда работал на пользу, казалось мне, армии и моего Отечества. Зверства моих

* Щеглов Андрей Николаевич — русский дипломат. В 1902–1905 гг. — посланник России в Черногории; в 1906–1907 гг. — в Болгарии.

клятвоотступных товарищей разнесли по ветру все мои иллюзии, и мне совестно носить сербский мундир, мне больно жить» <...>.

Полковник Васич слывет горячим патриотом и выдающимся деятелем среди молодых государственных людей несчастной Сербии, а потому я счел долгом доложить Вашему Сиятельству о впечатлении, произведенном на него позорной страницей сербской истории, обагренной потоками варварски пролитой крови.

С глубочайшим и пр.

АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2868.

Л. 117–117 об. Копия.

Рукописная листовка Александровского комитета РСДРП

1903 г.

Ко всем рабочим гор[ода] Александровска¹.
Российская Социал-демократическая Рабочая Партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В родственном нам по племени государстве Сербии произошла революция. Народ уже давно был недоволен своим королем; он не мог дольше выносить королевский гнет; и вот войско встало на защиту народных интересов и убило короля и его прислужников...

За что же сербы так поступили со своим королем? Неужели народ может понапрасну проливать кровь? А вот послушайте, товарищи, что делалось в Сербии и за что правители сербские поплатились своей жизнью.

Сербия когда-то принадлежала Турции, и ей стоило много усилий, чтобы освободиться от турецкой неволи. После освобождения избрана была на королевский престол династия Обреновичей; власть короля была ограничена: он не мог издавать особо важные законы без согласия выборных народа. Но Обреновичи не исполняли этих условий. Король Милан самовольно тратил народные деньги на пиры и удовольствия в то время, когда народ страдал от безработицы и умирал с голоду. Всех, кто старался защищать народные интересы, всех друзей народа, король приказывал ссылать и заточать в тюрьмы, а иногда и казнить! Скоро терпение народа истощилось — начались бунты. Король увидел, что не справится с народным недовольством, и дал народу права участвовать в управлении страной (такие права называются конституцией). Вскоре Милан пожалел об этом и опять захотел управлять по-прежнему, но не тут-то было: народ не позволил отнять своих прав и прогнал Милана. На престол вступил его сын Александр. Он был во всем похож на отца, так же сосал кровь из народа. Он жил в свое удовольствие, и чтобы выборные народа не мешали ему так поступать, он разогнал их и отменил конституцию, которую народ добыл у его отца. Всех защитников народа опять начали казнить и ссылать. Народ обложили непосильными податями, а всякое недовольство народное подавляли солдатскими штыками и пулями.

Наконец, терпение народное истощилось, и король, королева и их министры были убиты своими подданными. Народ сербский радовался своему освобождению, дома были украшены флагами и цветами, везде играла музыка, раздавались радостные голоса...

Теперь вам понятно, товарищи, почему народ сербский убил своего деспота и его министров. Но чего же добился народ сербский этим переворотом (революцией)? А вот чего: вновь избранный король (не из Обреновичей) не имеет права издавать и отменять законов по своему желанию, не имеет права сам решать государственных дел; он должен обо всем советоваться с выборными от народа. Каждый серб имеет право обличать в неправде должностных лиц и писать об этом в книгах и газетах (свобода печати); каждый имеет право исповедовать какую угодно религию (свобода вероисповедания); сербы имеют право сходиться вместе и обсуждать на сходках (свобода слова и личности); все они должны быть грамотны (всеобщее обучение); выдавать политических преступников другим государствам нельзя (неприкосновенность личности). Все чиновники, до министров и короля включительно, должны отвечать перед народом за всякий неправильный поступок.

Итак, товарищи, теперь вам понятно, для чего в Сербии нужна была революция и насколько лучше жить теперь каждому человеку в этом государстве. А теперь поставьте вместо слова «Сербия» — «Россия», а вместо «Александр Обренович и его министры» — «Николай Романов и его министры», и вы поймете, для чего вам все это говорится; и вы поймете, что все те ужасы, которые творились в Сербии перед революцией, творились и творятся и у нас на Руси. Русский народ не имеет никаких прав, он темен, невежествен, обложен непосильными налогами, умирает с голоду и от разных болезней; казна обкрадывается чиновниками, которые обижают народ и остаются безнаказанными; народные защитники томятся в тюрьмах и в далекой Сибири; от жандармов и полиции нет житья честному человеку. Везде — голод, нищета и невежество, а царь с министрами пьют, едят и веселятся и не думают о народе, который им все доставляет. Товарищи! Пора понять, что все богатства России наши, что они добыты нашими мозолистыми руками, и мы имеем право ими распоряжаться через своих выборных представителей. Мы хотим для себя таких же прав, каких добились сербы. Объединившись, мы будем выходить на улицы с громким криком: «Долой самодержавие!» С каждым днем увеличиваются ряды рабочей армии и приближается счастливый

день революции в России. Пусть же он приблизится скорее – это зависит от нас!

Да здравствует революция и политическая свобода!

Р.С.Д.Р.П.

Прочитай, передай товарищам, но не полиции.

*Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 838.
Оп. 1. Д. 685. Л. 1–1 об. Оригинал.*

Примечание

¹ Александровск – нынешнее Запорожье на Украине.

Донесения из Белграда в МИД

№ 1

Донесение

колл[ежского] ас[ессора]** Евреинова
министру иностранных дел

Белград, 14 августа 1901 г. № 68

Секретной телеграммой от 4 сего августа я имел честь донести Вашему Сиятельству¹ об отставке сербского военного министра полковника Янковича и о замене его начальником Моравской дивизии, инженерным полковником Чедомилем Мильковичем².

Ныне считаю долгом представить подробные сведения о разногласии, возникшем между королем Александром и полковником Янковичем и бывшем поводом к отставке последнего.

Разногласие это возникло, во-первых, по поводу принятия вновь на действительную службу находившегося в отставке полковника Павла Штурма³. Последний, родом из лужицких славян, был в 1876 г. принят из прусской службы на сербскую. В прошлом году был уволен в отставку, вследствие большого количества сделанных им долгов. После неоднократных ходатайств его жены перед королевою, 23 минувшего июля последовал Указ о возвращении полковника Штурма на службу, вопреки возражениям военного министра.

Второе разногласие возникло вследствие желания короля произвести в генералы своего первого адъютанта полковника Лазо Петровича⁴, а вместе с ним и двух полковников старше его, в том числе и самого Янковича. Последний, однако, отказавшись лично от производства, воспротивился производству остальных, замечая, что когда, за неимением

* Евреинов Борис Николаевич – российский дипломат, камер-юнкер (1912). Неоднократно состоял в Российской миссии в Белграде. После возвращения из Сербии – чиновник для особых поручений при министре иностранных дел. В первом томе антологии «Русские о Сербии и сербах» помещен отрывок из его экономического сочинения (см.: *Евреинов Б.Н.* Статистические очерки Сербского королевства // *Русские о Сербии и сербах.* Т. I. С. 440–447).

** Коллежский асессор – гражданский чин 8-го класса по Табели о рангах.

денег, приходится распускать по домам 75% наличного состава солдат в пехоте и по 25% в кавалерии и артиллерии, когда жалование офицерам и пенсия отставным военным не выплачивается уже несколько месяцев, неблагоразумно создавать еще расходы, производя новых генералов.

Наконец, третья причина разногласия – вопрос о производстве в офицеры окончивших в этом году курс юнкеров. По мнению военного министра, их следовало прикомандировать на год к частям, для усовершенствования в военном деле. Король же настоял на немедленном их производстве.

Вследствие сего полковник Янкович представил королю отставку, которая и была принята.

Если бы полковник Янкович был более проницательным и преданным королю министром, то вряд ли бы он оказал сопротивление желаниям короля, по крайней мере в той форме, как это им было сделано.

В двух последних вопросах король был принципиально вполне прав. Не надо упускать из виду, что Его Величество не пользуется особою популярностью в войсках, среди коих жива память о покойном Милане Обреновиче как об их покровителе и защитнике. Для приобретения популярности королю Александру необходимо было принять ряд мероприятий, могущих привлечь к нему расположение армии. При этом ему необходимо иметь около себя генерала, пользующегося авторитетом в армии, безусловно ему преданного, так как нынешние генералы, за исключением Мишковича⁵ и разве Сречковича, – креатуры Милана и особым доверием короля пользоваться не могут. К сожалению, король Александр совершенно лишен способности выбирать людей. Полковник Петрович – светский человек, придворный, но как военный не имеет значения и никаким авторитетом среди военных не пользуется. В данном случае дело военного министра было бы не противиться производству в генералы вообще, а указать королю на нежелательность производства полковника Петровича и представить Его Величеству кандидата более достойного и на которого король мог бы вполне положиться.

То же следует заметить и относительно вопроса о производстве в офицеры юнкеров. Два года назад распоряжением Милана Обреновича курс Военной школы⁶ был сокращен с трех на два года. Окончившие в этом году курс юнкера уже готовы были к производству в офицеры, как вдруг им объявляют, что они будут произведены лишь через год, а пока будут прикомандированы к различным частям с содержанием по 38 франков в месяц и без сохранения старшинства под предлогом, что нет средств на уплату им офицерского жалования, а равно пособия на

экипировку. Подобное распоряжение вызвало бы всеобщее неудовольствие и возбудило толки, что при Милане этого не случилось бы и т.д., и могло бы создать целое поколение офицеров, враждебных королю, если бы Его Величество не настоял на их безотлагательном производстве.

Что касается до расходов, сопряженных с исполнением королевской воли, на которые указывал военный министр, то, во-первых, они не так значительны, а во-вторых, они могли бы быть покрыты урезкою расходов по другим статьям, как то: по содержанию огромного числа казенных лошадей и экипажей для чинов военного ведомства, по содержанию военных оркестров, состоящих из выписываемых из Богемии вольнонаемных музыкантов, которым уплачивается огромное жалованье, по постройке казарм, по своему внешнему и внутреннему виду превосходящих королевский дворец, и т.п.

Уход полковника Янковича, человека недалекого и малосведущего в делах, не вызовет сожаления. У меня есть основания предполагать, что вообще отставка его была вызвана скорее личным опасением его обнаружить полное свое незнание дела на предстоящей скупщине, чем вышеупомянутыми разногласиями с королем.

Преемник его полковник Милькович до сих пор был мало известен и ничем еще себя не заявил. Это типичный серб-крестьянин, не лишенный здравого смысла и, по слухам, хороший оратор. Вряд ли, однако, он окажется подходящим военным министром. Можно пожалеть, что наиболее выдающиеся члены теперешнего кабинета, г.г. Вуич и Милованович, так равнодушно отнеслись к перемене в его составе и не могли указать молодому и еще неопытному королю на лицо, более достойное для занятия столь важного поста, как пост военного министра.

Примите и пр.

*Российский государственный военно-исторический архив
(далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 5–7 об. Копия.*

№ 2

Донесение

поверенного в делах в Сербии министру иностранных дел

Белград, 11 июля 1906 г. № 50

Вернувшись в Белград после почти четырехлетнего пребывания в других странах, я с живейшим интересом присматривался к внутренней жизни Сербии, надеясь найти в ней какие-либо перемены к лучшему.

Однако, признавая несколько большую самостоятельность Сербии во внешней политике, крупные и существенные улучшения в сфере государственных финансов и некоторое расширение сербской торговли, я должен вместе с тем констатировать тот же, как и прежде, и даже еще больший внутренний разлад и неурядицу.

Если ранее внутренняя политическая жизнь Королевства характеризовалась борьбой партий Напредняцкой и Радикальной – партий австрофилов и австрофобов, – имевших, по крайней мере, свои определенные и различавшиеся между собой программы, то в настоящее время она может быть характеризована как междоусобная борьба радикалов, осложненная еще борьбой заговорщиков и антизаговорщиков.

Борьба старых и молодых радикалов⁷ сводится исключительно к спору из-за власти и связанных с ней выгод. В сущности, политическая программа у обеих фракций Радикальной партии одна и та же, но во главе первой стоят старые и опытные радикальные деятели, немало сделавшие для всей Радикальной партии с самого ее образования и упорно, в течение многих лет, боровшиеся против враждебного им и преследовавшего их режима.

Фракцию «самостальцев», или молодых радикалов*, составляют радикалы последующих поколений, люди по большей части молодые, может быть, более пылкие и энергичные, нежели старые радикалы, но не обладающие достаточной опытностью в делах и не имеющие в своей среде лиц, которые с успехом могли бы руководить ими. С присущей младшим самоуверенностью они не желают признавать авторитет старых радикалов, которые, однако, не раз пытались сблизиться с ними. Попытки эти успехом не увенчались, и молодые радикалы упорно остаются обособленными, относясь враждебно к старым радикалам и презрительно называя их «фузионами»**, так как те, для достижения своих целей, шли иногда на компромиссы с другими политическими партиями, образуя временные коалиции, или «фузии»***⁸.

Соперничество между старшей и младшей ветвями сербской радикальной семьи принимает все более острый характер, и перед ним отступают на второй план все государственные и общественные интересы. При общности политической программы, это не более как спор из-за

* «Самостальци» (сербск.) – «независимцы»: члены Независимой радикальной партии (они же – младорадикалы).

** Младорадикалы называли старорадикалов «фузионашами» (не «фузионами»).

*** Фузија (сербск.) – альянс, коалиция, союз.

того, кому стоять у кормила правления и пользоваться всеми проистекающими из этого выгодами, и в то же время, как одна из фракций самодовольно заявляет: «Я ем!», другая с алчным нетерпением кричит: «Я хочу есть!» и всеми способами старается свергнуть свою соперницу, чтобы самой и нераздельно завладеть лакомым государственным пирогом <...>.

События 29 мая 1903 г. внесли элемент вражды и в сербскую армию, образовав партии заговорщиков и антизаговорщиков, ныне упорно борющиеся между собой. И эта борьба, подобно только что изложенной междуусобной борьбе радикалов, сводится в сущности к корыстолюбивому спору из-за больших выгод и преимуществ, хотя и прикрывается якобы враждой между сторонниками династии Караджорджевичей и сторонниками погибшей династии Обреновичей.

Если бы после кровавых событий 29 мая и последовавшего затем воцарения короля Петра как сами заговорщики, так и успевшие объявить себя их сторонниками офицеры обладали большим тактом и сдержанностью, то, вероятно, не возникло бы и самого вопроса о заговорщиках, по крайней мере в самой Сербии. На беду, сербы никогда и ни в чем не знают меры, и поэтому заговорщики слишком злоупотребили выпавшим на их долю выгодным положением и не замедлили облагодетельствовать как себя, так и своих друзей и сторонников, в ущерб большей части офицерства, не привлеченной к участию в заговоре и не успевшей встать под знамена заговорщиков. Зависть к своим более счастливым или проницательным товарищам, досада на то, что им не суждено было принять непосредственное участие в столь важных, хотя бы и преступных, событиях, вызвали со стороны этих обойденных глухую вражду к заговорщикам и их клеветам, не замедлившую проявиться открыто, лишь только вопрос о заговорщиках был официально возбужден некоторыми европейскими державами.

Своим лозунгом антизаговорщики приняли несколько запоздалые симпатии к династии Обреновичей и восхваление ее и, в частности, покойного короля Александра. Однако, как известно, последний никогда не пользовался симпатиями армии, а особенно в последние годы своего правления. Вместе с тем теперешний глава антизаговорщиков Милан Новакович⁹ в свое время не только радостно приветствовал события 29 мая, но даже предлагал королю Петру свои услуги в качестве адъютанта. И только разочаровавшись в своих расчетах, стал антизаговорщиком. Этого достаточно, чтобы убедиться, насколько слабую роль играют в рассматриваемом споре все прочие интересы, кроме личных.

Со своей стороны, заговорщики, встретив осуждение себя и своей деятельности со стороны части войска и пользуясь поддержкой короля,

стали всячески теснить и преследовать своих врагов – приверженцев прежней династии Обреновичей и, следовательно, противников ныне царствующей династии.

В настоящее время вражда среди сербской армии усиливается с неудержимой быстротой и оказывает на нее самое растлевающее влияние. Преследования со стороны заговорщиков их врагов не прекращаются, каждый день приносит известия о новых и новых арестах и отдаче под суд не только младших офицеров, но даже командиров полков, подозреваемых в антидинастичности <...>.

Эта внутренняя распря в армии совершенно деморализовала как офицеров, так и нижних чинов, породив шпионство, доносы и пр. Командиры отдельных частей, как мне передавал один из них, вынуждены заниматься чисто полицейской деятельностью и заботиться главным образом о предупреждении открытого раздора среди своих подчиненных.

Конечно, такое положение дела как нельзя более на руку Австрии, в интересах которой поддерживать в Сербии постоянные смуты и не допускать установления там спокойствия и порядка. По-видимому, она и подливает постоянно масла в огонь, страшая короля и партию заговорщиков призраком заговора против них, а с другой стороны – подзадоривая к борьбе антизаговорщиков и даже субсидируя орган последних – газету «За Отаџбину»*.

Как кончится эта новая внутренняя распря – предсказать трудно. Король, конечно, не может и не хочет открыто отречься от тех, кто возвели его на престол <...>. Уступая настоянию теперешнего кабинета, он скрепя сердце согласился на увольнение 5 главнейших заговорщиков. Хотя это увольнение и было признано официальным решением вопроса о заговорщиках, но, в сущности, оно ничего не разрешило, так как вышеупомянутые лица только переменяли военное платье на штатское, избавились от всякой службы, сохранили полностью свое прежнее содержание и получили еще большую свободу заниматься своими интригами.

Положение во всяком случае опасное и делается еще опаснее с каждым днем по мере того, как с обеих сторон все сильнее разгораются страсти. Я сомневаюсь, чтобы теперь уже настало время для каких-либо крупных событий или переворотов, но не могу не указать на полную возможность последних в будущем, когда распря достигнет своего кульминационного пункта, и если только ранее не будут приняты против нее серьезные и решительные меры.

* «За Отаџбину» (сербск.) – «За Отечество».

Что касается до спора радикалов между собой, то, мне кажется, единственным средством для его прекращения был <бы> какой-либо крайне тяжелый внутренний и внешний кризис или – да позволено будет мне так выразиться – встряска, которая заставила бы здешних политических деятелей надолго отказаться от преследования своих личных и партийных корыстолюбивых и властолюбивых целей и обратиться к единодушной деятельности на пользу своего Отечества.

Взятый в отдельности, каждый сербский политический деятель является, по-видимому, хорошим патриотом. Он искренно любит свое Отечество, от всего сердца скорбит о тех тяжелых условиях, в которых оно постоянно находится, о волнующих его раздорах, но причину всех невзгод он усматривает исключительно в интригах Австрии, с одной стороны, и в нежелании России помочь Сербии – с другой.

В чем должна заключаться помощь России – этого никто точно сказать не может. Идеал этой помощи, как я мог заключить, состоит только в том, что Россия должна была бы поднести Сербии все венгерские провинции, населенные сербами, Боснию, Герцеговину и Старую Сербию и образовать из нее Сербскую империю.

Гораздо определеннее понятие об австрийских интригах, которые, несомненно, существуют, но которые усматриваются даже там, где нет и следа им.

Признавая в австрийских интригах первоисточник всех своих внешних и внутренних неудач, сербы, однако, соглашаются, что в существовании этих интриг повинны больше всего они сами своими постоянными внутренними ссорами и что если бы они твердо помнили изречение, красующееся в их гербе в виде четырех начальных «С» – «Само слога србина спасава» («Только единение спасает серба»), то вышеупомянутым интригам, вероятно, не было бы места.

Но лишь только те же самые сербские деятели охватываются партийной борьбой, они мгновенно забывают все свои здравые суждения и мысли и с присущей сербской натуре страстностью и несдержанностью вступают в распрю. Тут уж нет места для соображений о пользе государства и общества, тут только партийные интересы, для осуществления которых не брезгают никакими средствами, вплоть до обращения за поддержкой к той самой Австрии, на интриги которой и вмешательство которой в другое время они же жалуются <...>.

Достаточно просмотреть газетные органы различных партий и протоколы заседаний скупщины, чтобы убедиться, что с каждым годом партийная борьба делается все непримиримее и несдержаннее, переходя

все границы такта и приличия. Она охватывает слои общества, прежде к ней непричастные, и возрастающие и воспитывающиеся под ее пагубным влиянием поколения неизбежно будут все более и более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот могущий оказаться спасительным кризис, о котором я упомянул выше.

*Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).
Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 164–167. Копия.*

№ 3

Письмо

поверенного в делах в Сербии министру иностранных дел

Белград, 22 августа 1906 г.

Доверительно.

Во время последнего свидания моего с г. Пашичем перед отъездом его он в разговоре коснулся между прочим вопроса о назначении сербского посланника в С[анкт]-Петербург. По его словам, он всячески старается подыскать лицо, могущее занять этот пост, но до сих пор ему это не удается. Семейные не соглашаются ехать из-за дороговизны жизни, а подходящих холостых будто бы нет. Передавая мне это, г. Пашич сам сознавал неосновательность своих объяснений и, видимо, конфузился.

Действительно, трудно предположить, чтобы в Сербии не нашлось лица, могущего занять пост посланника в С[анкт]-Петербурге. Причину замедления в данном вопросе следует, по моему мнению, скорее искать в том обстоятельстве, что Россия, занятая в настоящее время своими внутренними делами, не может, как думают сербы, быть теперь особенно полезной Сербии и оказать ей какую-либо помощь и поддержку. Поэтому и можно, с их точки зрения, относиться к ней без особой предупредительности.

Этот взгляд на Россию разделяется не только правительством, но и местной печатью и местным обществом. Почти каждый день можно прочесть в сербских газетах статьи, прямо враждебные России, в которых с необычным злорадством и в самых черных красках описывается ее внутреннее положение. При этом не стесняясь говорится, что Россия утратила ныне свое влияние на Балканском полуострове, что на помощь ее славянам вообще и сербам в частности рассчитывать не стоит, и что нужно теперь искать помощи и поддержки в Англии и т.п. Такие

же мнения высказываются и в местном обществе, причем сербы, по присущему им отсутствию такта и воспитания, не стесняются излагать их в присутствии русских.

Двор также разделяет такие воззрения, и я должен сказать, что дети короля Петра, хотя и воспитывавшиеся и даже теперь воспитывающиеся в России, относятся к ней с весьма плохо скрываемой неприязнью, проявляемой даже в мелочах. Так, например, они всячески стараются показать, что русский язык им или вовсе незнаком, или ими забыт. 29 июня после обеда во дворце¹⁰ принц Александр¹¹, носящий обыкновенно форму Пажеского его величества корпуса¹², обратился ко мне с разговором на французском языке, между тем как перед тем говорил с австро-венгерским и германским представителями по-немецки. Я не замедлил выразить состоящей при принцессе Елене¹³ г-же Бологовской мое удивление, что принц Александр, воспитывавшийся в России¹⁴, не нашел возможность говорить с русским представителем по-русски. Это было ему передано, и, встретившись со мною затем на офицерском балу, принц крайне любезно и очень долго разговаривал со мной только по-русски.

Конечно, как только обстоятельства у нас изменятся, изменится и настроение сербского правительства, а за ним и пресса, и общество будут ухаживать за Россией и рассыпаться в любезностях как перед нею, так и перед ее представителями.

Но мне кажется, что нам постоянно надо иметь в виду одно, а именно, что сербы и главным образом сербы, причастные к правящим и политиканствующим сферам, без различия партий, ни в коем случае не должны считаться искренно преданными России. Они друзья с нами, пока им это так или иначе выгодно. Но раз особой пользы от дружбы с нами не предвидится, они, забывая все прошлое, немедленно становятся самыми яростными нашими врагами.

Конечно, есть искренне убежденные русофилы и среди общества, а особенно среди сельского населения, видящего в России свою исконную покровительницу. Но селяки в общественной жизни участия не принимают, голоса же русофилов — политических и общественных деятелей пропадают в общем неприязненном к нам настроении.

С глубоким и проч.
(подп.) Б. Евреинов.

*Государственный архив Российской Федерации. Ф. 559. Оп. 1. Д. 17.
Л. 1–2. Копия.*

№ 4

Донесение

поверенного в делах в Сербии управляющему
Министерством иностранных дел

Белград, 21 августа 1907 г. № 73

В одном из недавних номеров «Нового времени» мне пришлось прочитать корреспонденцию из Лондона, в которой автор ее – Аргус (Веселитский-Божидарович¹⁵), описывая лондонскую Балканскую выставку, с восторгом отзывается о сербском отделе последней и на основании этого отдела приходит к довольно поспешному и слишком благоприятному заключению о степени культурной жизни Сербии.

Эта корреспонденция, могущая ввести в заблуждение читателей и вообще интересующихся Сербией лиц, затрагивает некоторые стороны сербской экономической жизни, заслуживающие известного внимания.

Г. Аргус касается прежде всего минеральных богатств Сербии, ошибочно при этом указывая на усиленную эксплуатацию их во времена Сербского царства.

Однако следов таковой эксплуатации не сохранилось; на деле же почти все современные работы в этом направлении производятся по следам таких работ, сохранившихся отчасти от времен римского владычества, а отчасти от времен австрийской оккупации (1714–1738 гг.).

Согласно исследованиям и мнениям компетентных лиц, Сербия, несомненно, должна быть богата минералами. Лучшим доказательством того служит обилие источников минеральных вод, крайне разнообразных по своему составу, разбросанных по Королевству и числом в настоящее время превосходящих 80 <...>.

До сих пор в Сербии было констатировано нахождение меди, олова, свинца, железа, сурьмы и проч. Имеется и каменный уголь, невысокого, однако, качества. Что касается золота, то такового найдено было очень мало, и говорить о Сербии как о стране золотопромышленности, во всяком случае пока, нельзя.

Однако на пути не только эксплуатации минеральных богатств Королевства, но даже и определения местонахождения таковых сделаны лишь первые, слабые шаги.

Причины индифферентного отношения как самого правительства, так и общества к богатствам, таящимся в недрах страны, следует усматривать раньше всего в традиционных сербских политических и партийных расприх, привлекающих к себе все внимание и все лучшие силы

Королевства. Далее к таким причинам относится косность сербских капиталистов, предпочитающих хранить свои деньги в банках или собственных кассах, но не помещающих их в предприятия, большие %%, взимаемые с ссужаемых капиталов, нежелание банковских учреждений кредитовать предприятия, отсутствие в Королевстве опытных лиц, могущих заняться разведкой и эксплуатацией минеральных богатств, и т.п.

Немалой помехой в деле эксплуатации минеральных богатств Сербии является также и постановление ныне действующего Устава (ст[атья] 175), по которому все руды составляют государственную собственность. Поэтому для их разработки необходимы специальные разрешения правительства; а так как разрешения эти могут быть перепродаваемы, то сплошь и рядом они остаются без своего практического применения, являясь лишь средством для различных спекуляций. Все это привело к тому, что до сих пор разработкой минеральных богатств Сербии занимаются мало, да и то иностранцы — бельгийцы и, отчасти, французы.

Поэтому говорить о развитии горного дела в Сербии немного рано, и можно лишь питать надежду, что сербы возьмутся когда-нибудь за ум и обратят внимание на богатства, мирно, без всякой пользы, покоящиеся в горах Королевства.

Далее г. Аргус касается табачной промышленности.

Как я уже имел случай указывать в напечатанной по распоряжению Первого департамента¹⁶ брошюре моей «Статистические очерки Сербского Королевства»¹⁷ (стр. 61–62), до 1885 г. табаком засевалось до 3000 гектаров. С введением же в 1885 г. табачной монополии площадь табачных плантаций сократилась более чем наполовину, как вследствие крайне стеснительных условий посева табака, так и вследствие чисто драконовских карательных мер, применяемых к нарушителям этих условий.

В Сербии возделываются преимущественно простые сорта табака. Лучшие же сорта выписываются из Турции, так как местных запасов таковых не хватает. Так, в 1905 г. из Турции было получено 9014 килогр[аммов] листового табака на общую сумму 161 450 франк[ов]. Оттуда же получается и нюхательный табак. Весь табак, как собираемый в стране, так и выписываемый, идет на выделку курительного табака и папирос. Сигары же заказываются Управлением монополий за границей, и еще недавно были объявлены торги на поставку различных сортов сигар на пятилетие с 1908 по 1912 г.

До сих пор вывоз сербского табака и папирос был очень ограничен (в 1905 г. — 544 килогр[амма] на общую сумму 4200 франк[ов]). Это можно объяснить тем, что сербские папиросы и по своей выделке, и по качеству

табака не могут конкурировать с турецкими или египетскими. Кроме того, за последнее время не раз приходилось слышать не лишённые оснований жалобы на присутствие в сербских папиросах веществ, с табаком ничего общего не имеющих, вроде волос, древесных щепок и т.п.

Что касается «замечательного», по словам г. Аргуса, «прогресса Сербии в культуре и культурной жизни, художественной промышленности и изящных искусствах», то подобное утверждение я могу объяснить лишь общим характером корреспонденции, написанной по случаю выставки, не совсем близким знакомством автора с Сербией и ее жизнью, а может быть, и его сербским происхождением.

Критический очерк сербской жизни и степени ее культурности завел бы меня слишком далеко, и поэтому я позволю себе остановиться лишь на художественной промышленности и изящных искусствах в Сербии.

По общему своему складу жизнь сербов менее всего может способствовать развитию как художественной промышленности, так и изящных искусств. При полном почти отсутствии крупных капиталов, сербское, если так можно выразиться, высшее общество не превышает по своим потребностям и вкусам средний круг буржуазии хотя бы любого из германских государств. Потребности эти крайне ограничены, а в соответствии с ними ограничен вкус и стремление к изящному и художественному. Последнее заменяется аляповатым, бьющим в глаза, но зато и дешевым, в изобилии поставляемым в Сербию из Германии и Австрии, отчасти же с недавнего времени фабрикуемым и на месте по заграничным образцам.

При отсутствии спроса на художественные произведения не могла развиваться и самая художественная промышленность. И те предметы, которые были выставлены на лондонской Балканской выставке, были изготовлены специально для последней, но никак не могут служить показателем общего развития художественной промышленности в Сербии.

То же следует сказать и об изящных искусствах. На месте, в Белграде, невольно поражает полное почти отсутствие живописцев и скульпторов. Причины этого явления заключаются раньше всего в отсутствии соответствующих школ. Правда, несколько лет тому назад в Белграде была открыта художественно-ремесленная школа, но устроенная ею в прошлом году выставка, за единичными редкими исключениями, производила самое жалкое впечатление и заставила пожалеть о даром потраченных времени и труде. Художники же из сербов, получившие образование за границей, не возвращаются более на родину, где нет ни ценителей, ни покупателей для их же произведений.

Нет сомнения, что лондонская Балканская выставка имела большое значение для славянских балканских государств вообще и для Сербии в частности, так как возбудила к ним интерес Европы на почве экономической. Но я нисколько не удивлюсь, если, при ближайшем знакомстве с Сербией, иностранцев, прельщенных ею на основании выставленных ею произведений, постигнет довольно печальное разочарование.

(подп.) Евреинов.

АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 8797. Л. 4–6. Копия.

№ 5

Донесение поверенного в делах в Сербии управляющему Министерством иностранных дел

Белград, 18 августа 1909 г. № 59

2 сего августа военный министр генерал Живкович¹⁸ произвел на Топчидерских высотах, близ Белграда, инспекторский смотр белградскому гарнизону.

Таких смотров не производилось в Сербии по крайней мере 20 лет, и поэтому неудивительно, что смотр 2 августа возбудил живейшее внимание как всего общества, так и прессы.

Сам по себе инспекторский смотр, о котором было заранее объявлено, особого значения не имел, хотя и в данном случае министр мог констатировать различные небрежности и упущения и немалое отсутствие дисциплины среди начальников отдельных частей. Виновные как в том, так и в другом были немедленно подвергнуты министром высшей мере наказания [sic!].

Этим смотром генерал Живкович хотел показать как публике, так и находившимся в его свите членам скупщинной анкетной комиссии результаты, достигнутые его усиленными трудами за время его министерства. Это ему вполне удалось, и присутствовавшая на смотре публика сделала горячие овации «популярному», как выразилась местная пресса, министру. В свою очередь, и местные газеты, все без различия политических направлений, поместили ему хвалебные статьи. Должен отметить, что подобное явление представляет в Сербии совершенное исключение и что генерал Живкович, удостоившись всеобщего одобрения, действительно таковое должен был вполне заслужить.

Генерал Живкович в свое время был в течение 2 лет прикомандирован к 145-му пехотному Новочеркасскому императора Александра III полку, в бытность командиром этого полка генерала Скугаревского¹⁹. С своим бывшим командиром генерал Живкович до сих пор поддерживает сношения, из своего пребывания в русской армии он вынес глубокое уважение к последней. По словам генерала, организация русской армии послужила основанием при разработке законопроекта о переустройстве сербской армии, ныне уже готового и имеющего быть внесенным в скупшину.

Деятельность сербского военного министра, всецело направленная к переустройству сербской армии и поднятию ее на надлежащую высоту, его энергия и настойчивость, приобретенная им популярность – все это весьма не нравится Австро-Венгрии. Но и в самой Сербии генерал Живкович имеет немало врагов среди военного мира. К врагам этим принадлежат, во-первых, различные чины военного ведомства, уволенные генералом Живковичем немедленно по вступлении его в должность и снискавшие себе прочно установленную репутацию взяточников, а во-вторых, некоторая, впрочем, незначительная, часть сербского офицерства, считавшая свою службу известным времяпровождением и не могущая примириться с требовательностью, строгостью и беспристрастием военного министра. К числу недовольных принадлежит и подофицерский состав, пользующийся в Сербии обычно широкими правами и преимуществами и в достаточной степени недисциплинированный.

Надо надеяться, однако, что проискам этих лиц не удастся поколебать положение ген[ерала] Живковича, и последнему будет и в будущем предоставлена возможность трудиться на пользу сербской армии.

(подп.) Б. Евреинов.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 51–51 об. Копия.

Примечания

¹ Имеется в виду: Ламздорф Владимир Николаевич (1841–1907), граф – русский дипломат, гофмейстер. На дипломатической службе с 1866 г. Его карьера прошла в центральном аппарате МИД. За границей никогда не занимал никаких постов. В 1882–1896 гг. – директор канцелярии МИД и один из ближайших сотрудников Н.К. Гирса. В 1897–1900 – товарищ министра, а в 1900–1906 – министр иностранных дел России.

² Милькович Чедомиль (1849–1909) – сербский военный и государственный деятель, генерал (1901). В 1872 г. закончил Военную академию. В 1900–1901 гг. – командир Моравской дивизии. В августе–декабре 1901 – военный министр. В 1902 г. – инспектор инженерных войск.

³ Юришич Павле (Штурм Пауль) (1848–1922) – сербский военный деятель, генерал (1912). По происхождению немец. Военное образование получил в военных училищах Бреслау и Нанси. Участник Франко-прусской войны 1870–1871 гг. В 1876 г., вместе с братом Еугеном, приехал в Сербию, чтобы добровольцем воевать против турок. В 1906–1907 гг. – командир Моравской, а в 1907–1908 – Дринской дивизий. В 1908–1913 гг. – первый адъютант короля Петра Карагеоргиевича. Во время Балканских войн командовал Дринской и Дунайской дивизиями 1-го призыва. В 1914–1916 гг. – командующий 3-й армией. Был награжден русскими орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Анны 1-й степени.

⁴ Петрович Лазар (1850–1903) – сербский военный деятель, генерал (1901). В 1875 г. окончил Военную академию. В 1897–1898 гг. – адъютант короля Александра Обреновича. В 1898–1901 гг. – военный атташе Сербии в Турции. В 1901–1903 – первый адъютант короля. Убит в ходе Майского переворота 1903 г. Два сына Л. Петровича учились в Киевском кадетском корпусе.

⁵ Мишкович Йован (1844–1908) – сербский военный и государственный деятель; генерал (1894). В 1865 г. закончил Артиллерийскую школу. В 1885 г. – командир Дринской, а в 1886–1888 – Моравской дивизий. В 1888–1890 и 1893–1896 гг. – начальник Главного генерального штаба. В 1890–1893 – воспитатель малолетнего короля Александра Обреновича. В 1878–1880, 1896–1897 гг. – военный министр. В 1901–1903 – сенатор. Являлся действительным членом Сербского Ученого общества и президентом Сербской королевской академии наук (1900–1903). Был отмечен русским орденом Св. Станислава 2-й степени.

⁶ Имеется в виду – Военной академии.

⁷ Речь идет о членах Независимой радикальной партии, или «младорадикалах». Дело в том, что в 1901 г. в Сербской народной радикальной партии произошел раскол. Из нее вышла группа несогласных с курсом Н. Пашича «младорадикалов», образовавших Независимую радикальную партию, во главе которой встали Любомир Живкович, Любомир Стоянович, Любомир Давидович, Йован Жуйович, Йован Скерлич, Яша Проданович. Ее членов именовали «самостальцами» (т. е. «независимцами»). Сторонников же Пашича традиционно называли «старорадикалами».

⁸ Б.Н. Евреинов имеет в виду соглашение между радикалами и напредняками, заключенное под давлением короля Александра Обреновича весной 1901 г. Это соглашение и вошло в историю под названием «Фузия». Одобренное верховной Радикальной партии, но не принятое радикальной «молодежью», оно

стало поводом для внутрирадикального раскола и выделения из некогда единой организации «фракции» независимых.

⁹ Новакович Милан – капитан. Руководитель антизаговорщического движения. Возглавлял контр-заговор в Нишском гарнизоне в 1903 г., за что был осужден на два года. В 1906 г. основал и редактировал газету «За Отаджбину», выступавшую против «преторианцев». В августе 1907 г. был арестован, а месяц спустя убит в тюрьме.

¹⁰ 29 июня – день рождения сербского короля Петра Карагеоргиевича. В этот день во дворце всегда устраивался прием с приглашением дипломатического корпуса.

¹¹ Карагеоргиевич Александр (1888–1934) – второй сын князя Петра Карагеоргиевича и Зорки Петрович-Негош – старшей дочери князя Николы. С 1909 г. (после отречения брата Георгия от прав престолонаследия) – наследник сербского престола. В 1914–1918 гг. – принц-регент Сербии; в 1918–1921 – Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1921–1929 гг. – король сербов, хорватов и словенцев; в 1929–1934 – король Югославии. В ходе Балканских войн 1912–1913 гг. командовал 1-й сербской армией; в Первую мировую – верховный главнокомандующий. В октябре 1934 г. был убит в Марселе (вместе с министром иностранных дел Франции Луи Барту) агентами германских нацистов и хорватских усташей.

¹² Пажеский его императорского величества корпус – привилегированное военно-учебное заведение для подготовки преимущественно офицеров гвардии; в нем воспитывались дети высшей дворянской знати. Основан в 1759 г. в Санкт-Петербурге для подготовки придворных пажей. В 1802 г. реорганизован по типу кадетских корпусов, получив статус среднего военно-учебного заведения. В 60-х гг. XIX в. введен 7-летний курс обучения (5 младших классов были организованы по типу военных гимназий, 2 старших класса – по типу военных училищ). С 1885 г. воспитанники корпуса обучались в 7 общих классах (по программе кадетских корпусов). Упразднен большевиками в 1918 г.

¹³ Карагеоргиевич Елена (1884–1962) – дочь князя Петра Карагеоргиевича и княжны Зорки Петрович-Негош. Сестра Александра Карагеоргиевича. Жена (с 1911) князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова, убитого большевиками в 1918 г. в Алапаевске.

¹⁴ В 1899 г. княжич Александр Карагеоргиевич приехал в Санкт-Петербург и был зачислен в Императорское училище правоведения. После кратковременного пребывания в училище вернулся в Женеву, где проживал его отец – князь Петр Карагеоргиевич. Осенью 1905 г., после восшествия Петра Карагеоргиевича на сербский престол, он снова прибыл в Петербург и поступил в Пажеский корпус. В 1907 г., не выдержав северного климата, Александр вернулся в Белград, где продолжил обучение по программе Корпуса, приезжая в Петербург только для сдачи экзаменов. Но судьба круто изменила ход жизни. 31 марта 1909 г. российский посланник в Белграде В.С. Сергеев сообщил в Петербург об отречении

престолонаследника принца Георгия (старшего сына короля Петра) и возложении сего статуса на младшего сына Александра. Образование новоиспеченного сербского наследника, таким образом, внезапно прервалось, и Пажеский корпус он так и не закончил. И в данной связи представляется несколько странным утверждение петербургской исследовательницы Е.И. Красиковой, будто Александр Карагеоргиевич «с большим успехом закончил Пажеский корпус в 1904 г.» (*Красикова Е.И.* Представители династии Карагеоргиевичей в учебных заведениях Санкт-Петербурга // *Российско-сербские связи в области науки и образования.* СПб., 2009. С. 45). А многолетний директор Корпуса генерал Н.А. Епанчин (1900–1907) в своих мемуарах утверждает: «В 1910 г. королевич кончил полный курс Пажеского корпуса по его программе, но так как он заканчивал его не в стенах Корпуса, то не получил права носить Пажеский знак, установленный 12 декабря 1902 г. по случаю столетнего юбилея Корпуса» (*Епанчин Н.А.* На службе трех императоров // *Русские о Сербии и сербах.* Т. I, СПб., 2006. С. 483). Хотя к моменту «досрочного» выхода принца Александра из Корпуса его директором являлся уже генерал-майор В.А. Шильдер (1907–1910).

¹⁵ Веселитский-Божидарович Гавриил Сергеевич – литератор и журналист, известный под псевдонимом «Аргус». По происхождению серб. Служил в Министерстве иностранных дел России. В 1870-е гг. сотрудничал в «Московских ведомостях», «Голосе» и «Русском мире». С 1882 г. – лондонский корреспондент «Нового времени».

¹⁶ Евреинов имеет в виду Первый (бывший Азиатский) департамент МИД России.

¹⁷ *Евреинов Б.Н.* Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903. Отрывки из них мы поместили в первый том данной антологии (см.: *Русские о Сербии и сербах.* Т. I. С. 440–447).

¹⁸ Живкович Михайло (1856–1930) – сербский военный и государственный деятель, генерал (1907). В 1880 г. закончил Военную академию. В 1887–1889 гг. стажировался в России, проходя службу в 145-м Новочеркасском полку Петербургского военного округа. В 1902–1908 – командир Тимокской дивизии. В марте–декабре 1908 и в 1909–1912 – начальник Военной академии. В декабре 1908 – октябре 1909 г. – военный министр. Во время Балканских войн – командующий Ибарским оперативным отрядом и группой войск на албанском фронте. В 1914–1916 гг. – начальник обороны Белграда, в 1916–1917 гг. – командир Сербского добровольческого корпуса в России. Награжден русским орденом Св. Станислава 2-й степени.

¹⁹ Скугаревский Аркадий Платонович (1847 – после 1916) – русский военный деятель, генерал от инфантерии (1906). Окончил Академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Командир 6-го (1904–1905) и 8-го (1905–1906) армейских корпусов. В 1906–1909 гг. – председатель Комитета по образованию войск. В 1909–1912 – член Военного совета. С 1912 г. – в отставке.

Письма министру иностранных дел

№ 1

**Доверительное письмо
надв[орного] сов[етника]** Муравьева-Апостола-Коробьина
министру иностранных дел**

Белград, 29 июля 1903 г.

Сегодня минуло два месяца со дня кровавой расправы, учиненной сербами над королем Александром и его супругой.

Срока этого, конечно, недостаточно для полного успокоения умов среди народа, но вполне достаточно для определения некоторых последствий трагедии, посеявшей здесь немало раздора и положившей начало новым распрям среди сербов.

Исчезли в мгновение ока Обреновичи, воцарился быстро и по всем правилам конституции вновь Карагеоргиевич, но сербы остались те же. Одна ночь, хотя бы и столь потрясающая, не могла их переродить. Уснули на время страсти, востреплились некоторые чистые надежды и патриотические благие порывы. Однако для осуществления последних требуется время, и много времени, тогда как для пробуждения природных инстинктов, зависти и ревности, оказался вполне достаточным и протекший двухмесячный срок.

Флаги сняты, потух фальшивый блеск иллюминации, умолкла музыка — снова начались притихшие на время бесконечные раздоры партий.

Как и следовало ожидать, первый сигнал этим раздорам был дан самим же сербским войском.

Упадок дисциплины и разлад среди офицеров все усиливаются. Из столицы разлад этот перенесся в провинцию. Недовольные новым режимом офицеры все громче и громче протестуют против фаворитизма, оказываемого королем и правительством заговорщикам. В Нише, например, не участвовавшие в перевороте офицеры избегают здороваться с участвовавшими в нем, не посещают тех же кофеен и пр. и пр.

* Муравьев-Апостол-Коробьин Владимир Владимирович (1864–1937) – русский дипломат; действительный статский советник, камергер. Временный поверенный в делах России в Сербии (1903–1904). В годы Первой мировой войны являлся представителем российского Красного Креста в Лондоне. После октября 1917 г. в эмиграции.

** Надворный советник – гражданский чин 7-го класса по Табели о рангах.

Как далеко зайдет этот разлад и насколько объективны и честны эти проявления неудовольствия, является психологическим вопросом.

Признаюсь, что мне лично столь же не нравятся как одни, так и другие. Чувство зависти к выскочкам, с одной стороны, и сожаление, что они не приняли участие в распределении кусков нового пирога, играют, без сомнения, большую роль во всем этом <...>.

Положение короля Петра, в виду всего вышесказанного, делается все тяжелее и тяжелее.

С одной стороны, гражданские партийные раздоры, неизвестность исхода выборной кампании, подкопы партий недовольных, с другой — разлад среди военных сильно связывают его инициативу, которую он совершенно пока не проявляет, за исключением одного выбора, сделанного им для окружающей его и детей свиты. Последняя почти без исключения почерпнута из заговорщиков.

Заменив всех старых слуг предыдущего режима, Его Величество случайно или неслучайно окружил себя громкими именами создавших себе памятники в гряде тел и потоках крови 29-го мая <...>.

С глубоким почтением и пр.

Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).

Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 212–212 об. Копия.

№ 2

Письмо

**колл[ежского] сов[етника]* Муравьева-Апостола-Коробьина
министру иностранных дел**

Белград, 17 декабря 1903 г.

Почти вся сербская печать, за исключением главного радикального органа, продолжает возмущаться отношением европейских держав к здешнему перевороту, и главным образом негодует на отсутствие главных посланников из Белграда.

Рядом статей, направленных прямо на личность австрийского посланника Думбы¹, пресса достигла того, что последнему ничего более не оставалось, как скорее выехать в отпуск <...>.

* Коллежский советник — гражданский чин 6-го класса по Табели о рангах.

Вслед за Думбой досталось и турецкому посланнику, которого белградская печать поднимала насмех <...>.

Что касается России, то <...> отсутствие ее посланника производит здесь гораздо более глубокое впечатление. Об иронии нет и речи; одни скорбят и усматривают в этом наказание свыше, другие – рвут и мечут, но не оскорбляют нас, а оповещают нас, что «Россия отвернулась от Сербии, что последней нужно искать опоры в других» и пр. и пр.

Правда, что антидинастическая пресса намекала для большего эффекта, что русское правительство не сочувствует королю и т.п., но <...> тенденция эта прекратилась и миссию более не задевают, что не искореняет скрытое неудовольствие против русско-австрийской политики, в которой сербские «патриоты», по словам министра г. Николича², желают усматривать полное уничтожение Сербии.

Все это, конечно, проходящее и периодически повторялось вот уже около ста лет. Пройдет и настоящее деликатное для нас положение в Сербии, сердце коей все же пока принадлежит России, и стоит последней лишь приветливо улыбнуться этой капризной сестрице, как она опять растает, но пока Сербия – ворчит, сердится и чуть ли не грозит.

На последнем свидании с Николичем он попробовал было запугать меня настоящей переменой в Сербии и даже просил меня предупредить Ваше Сиятельство, но я ему ответил, что с моей стороны было бы большой оплошностью указывать на необходимость в угоду Сербии и ее непостоянству поступаться национальной принципиальной политикой России, даже если бы кооперация Австрии в мирном проведении реформ на Балканском полуострове была бы не по нутру его беспокойным народам. «Конечно, служа здесь своему Отечеству, мне должно придерживаться беспристрастной оценки сербских событий, – прибавил я, – но не могу же я предложить нашему министерству на время обратиться в сербское?»

Николич – очень умный дипломат, искони нам преданный; он сейчас же понял смысл моего ответа и, рассмеявшись, окончил тем, что спросил меня: «Ну хорошо, в таком случае не запросите ли Вы конфиденциально Императорское министерство, не может ли оно удовлетвориться удалением пока 4/5 части дворцовой свиты, с тем чтобы последняя 1/5 часть удалась три месяца спустя. Таким образом, Россия хоть немного поможет тяжелому испытанию короля Петра, который предан ей всей душой, сам скорбит более других о нас грешных», – заключил Николич.

На мое пожатие плечами Николич сказал мне, что он намеревается на днях вернуть посланника в Петербург и поручить ему объясниться с Вашим Сиятельством.

С глубоким почтением и пр.

АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 25–26 об. Копия.

Примечания

¹ Думба Константин Теодор (1856–1947), граф – австро-венгерский дипломат. На службе в МИД Австро-Венгрии с 1879 г. В 1903–1905 гг. – посланник в Сербии, в 1909–1912 гг. – в Швеции. В 1913–1915 гг. – посол в США.

² Николич Андра (1853–1918) – сербский политик и литератор, академик. Член Радикальной партии. Был министром просвещения и иностранных дел, посланником в Париже, председателем Народной скупщины и сенатором.

Донесения из Белграда в Генеральный штаб

№ 1

Военный агент в Сербии и Черногории – В.П. Целебровскому
29 июля 1903 г. Белград. Рапорт № 63. Секретно

Ваше Превосходительство,
Виталий Платонович.

Указом Е[го] В[еличества] короля Петра от 21 июля военные агенты в Петербурге и в Вене – подполковники Маринович¹ и Янкович – отчислены от должностей и отозваны в Сербию. Мера эта принята сербским правительством в виду того, что в бюджет 1902 года, действующий и в сем году, по ошибке не были включены ассигнования на содержание этих военных агентов. Правительство покойного короля² содержало их за счет других ассигнований государственной сметы; нынешнее же правительство, унаследовавшее большой дефицит и желающее показать свою строгую лояльность в выполнении законов и конституции, не нашло возможным производить такой расход, раз он не вошел в бюджет и, следовательно, не утвержден народною скупщиною.

Не без некоторого, а может быть и большого, влияния на решение сербского правительства отозвать подполковников Мариновича и Янковича имело и то обстоятельство, что оба они принадлежат к так называемой «тринадцатой классе**», подвергающейся ныне гонению как люди прежнего режима, считающиеся теперь «неблагонадежными».

«Тринадцатая класса» – это 13-й выпуск из Белградской военной академии, все члены которого замечательно ходко служили при Обреновичах. Двое из этого выпуска были министрами, один – маршалом двора, несколько человек – флигель-адъютантами, а прочие – командовали частями войск в столице. Вышло это совершенно случайно, выпуск был небольшой и состоял из людей действительно более или менее способных, чего не отрицают даже их враги.

* Сысоев Иван Николаевич – военный дипломат, офицер Генерального штаба. С 1906 г. – генерал-майор. В 1902–1907 гг. – военный агент (атташе) России в Сербии и Черногории.

** *Класа* (сербск.) – класс, разряд, категория. Здесь – выпуск.

На «тринадцатую классу», пользовавшуюся как бы привилегированным положением и захватившую лучшие места, офицерство уже давно точило зубы, и как только совершился переворот, звезда «тринадцатой классы» закатилась, на нее началось гонение: двое были уволены в отставку, а прочие зачислены за штат («на располуженье»*) или переведены в провинциальные гарнизоны; в числе пострадавших являются и подполковники Мариневич и Янкович. Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству.

Генерального штаба
полковник Сысоев.

*Российский государственный военно-исторический архив
(далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 15–16. Оригинал.*

№ 2

Военный агент в Сербии и Черногории – В.П. Целебровскому 29 июля 1903 г. Белград. Рапорт № 65. Секретно

Ваше Превосходительство,
Виталий Платонович.

Указом Е[го] В[еличества] короля Петра от 16 июля начальником Главного генерального штаба, вместо полковника Пешича, назначен генерал Радомир Путник³.

Назначение это из ряда вон выходящее, так как Путник назначен на должность прямо из отставки, в которой находился 8 лет, и вместе с реактивированием** он был произведен из полковников в генералы.

При Обреновичах Путник был гоним, потому что они подозревали в нем сторонника династии Карагеоргиевичей. Будучи вынужден вследствие сего уйти в отставку, Путник, человек бедный и многосемейный, искал частной службы, но и тут ему пришлось считаться с преследованием Обреновичей – так, когда он был избран на должность белградского городского головы, король Александр не согласился на это; то же случилось, когда Путник был выбран на должность заведующего городскими сборами.

* *Бити на располуженьу* (сербск.) – находиться за штатом, в кадровом резерве.

** От сербск. *реактивирати* – возвратить на службу.

Находясь в отставке, Путник писал в газетах и занимался политикой; он принадлежит к крайней радикальной партии, находившейся в открытой вражде с режимом короля Александра. Непосредственного участия в совершении государственного переворота 29 мая Путник, насколько известно, не принимал; но он целиком является ставленником партии, совершившей переворот.

О новом начальнике штаба я слышал от людей самых противоположных политических взглядов лишь только хорошие отзывы; все решительно отзываются о нем как об офицере способном, дельном и работающем; в особенности подчеркивают его честность и твердость в убеждениях, которые он проявил в дни нужды и опалы, что так редко наблюдается в Сербии.

Говорят, и это считается вопросом решенным, что с переменою министерства, которая состоится в сентябре, Путник будет назначен военным министром вместо генерала Атанацковича⁴, против которого ведется сильнейшая и неприметная агитация, о чем я уже доносил Вашему Превосходительству. Но в настоящее время страсти здесь так разыгрались, так все переругались, и взаимные счеты офицеров о служебных правах и преимуществах, благодаря массовым увольнениям и назначениям, так усложнились и запутались, что трудно верится, чтобы нашелся такой военный министр, которому бы удалось примирить всех и водворить в армии порядок, законность и дисциплину, сильно пошатнувшиеся. Из других указов Е[го] В[еличества] короля Петра, касающихся личного состава, обращает на себя внимание указ от 29 июля о назначении военного министра генерала Атанацковича и министра общественных работ полковника Машина⁵ почетными адъютантами Е[го] В[еличества] короля, что равнозначает нашему назначению в свиту⁶. Оба они участвовали в заговоре, а полковник Машин, как известно, был в числе главных действовавших лиц, убивавших королевскую чету.

Назначение этих лиц почетными адъютантами, равно как и систематическое назначение всех вообще «заговорщиков» на лучшие и влиятельнейшие места, о чем я уже доложил ранее, ясно показывает, как далек король Петр от наказания лиц, совершивших 29 мая кровавый государственный переворот.

Об изложенном имею честь донести Вашему Превосходительству.

Генерального штаба
полковник Сысоев.

№ 3

**Военный агент в Сербии и Черногории – В.П. Целебровскому
23 сентября 1903 г. Белград. Рапорт № 83. Секретно**

Ваше Превосходительство

Виталий Платонович.

Завтра, 24 сентября, последует открытие сессии Народной скупщины – первой скупщины, собранной нормальным конституционным порядком после государственного переворота 29 мая, а сегодня объявляется о формировании нового кабинета, президентом коего назначен почтенный генерал Савва Груич, бывший когда-то посланником в Петербурге⁷ и считающийся русофилом.

В числе министров нового кабинета нет ни одного участника в событиях 29 мая.

Назначение нового парламентарного кабинета должно знаменовать собою как бы переход от революционного режима к нормальному течению государственной жизни.

Новый кабинет вступает в деятельность при трудных и запутанных внутренних обстоятельствах.

Ему предстоит успокоить страну, глубоко потрясенную в своих основах кровавою сменой династий, и ввести ее в колею нормальной жизни.

Едва ли не самым трудным и важным для него делом будет примирение в армии двух враждующих партий: «заверенников»* и «антизаверенников», и водворение в ней порядка и дисциплины.

В виду сего с особенным интересом ожидалось назначение нового военного министра, каковым избран полковник Милан Андреевич, бывший перед этим начальником Дунайской дивизионной области.

Он не участвовал в заговоре против покойного короля; но, судя по тому, что вскоре же после переворота он был назначен «заверенниками» на должность начальника Дунайской дивизии, полки которой квартируют в Белграде, есть основание полагать, что он принадлежит к партии, сочувствующей делу 29 мая.

Подробных сведений о нем я пока еще не имею; но когда он был назначен начальником Дунайской дивизии, то о нем говорили как о человеке совершенно неспособном, и это назначение приводилось даже в

* *Завереник* (сербск.) – заговорщик. Имеется в виду – участник переворота 29 мая 1903 г.

пример неудачного и несправедливого повышения офицера, не отличающегося никакими качествами*.

Докладывая о вышеизложенном, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в глубочайшем уважении и полной преданности.

И. Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 20–22. Оригинал.

№ 4

Военный агент в Сербии и Черногории – В.П. Целебровскому 23 марта 1904 г. Белград. Рапорт № 12. Секретно

Ваше Превосходительство,
Виталий Платонович.

На днях, 18 марта, вышел наконец указ Е[го] В[еличества] короля Петра об увольнении из его свиты всех оставшихся еще в ней заговорщиков и о замене их офицерами, непричастными к майскому перевороту.

Успех этот достигнут главным образом благодаря настояниям нашего управляющего миссией, с которым был заодно нынешний сербский министр иностранных дел Н. Пашич. На другой же день по выходе упомянутого указа в нашей миссии было получено из Петербурга уведомление министра иностранных дел о назначении в Белград нового посланника, К.А. Губастова**, вместо Н.В. Чарыкова⁸, покинувшего Белград вскоре же после майской революции.

Теперь ожидается возвращение в Белград и прочих дипломатических представителей иностранных государств, с чем Сербия вернется на путь нормальных дипломатических международных отношений.

Однако достигнутый успех куплен дорогою ценой: одновременно с указом об обновлении свиты вышел другой королевский указ, коим 6 достойнейших старших штаб-офицеров, занимавших большей частью высшие военно-административные должности и подозреваемых в симпатиях к партии контр-заговорщиков, уволены от должностей, а некоторые и прямо в отставку. Даже говорят, и это кажется верно, что уже подписан

* При господствующей здесь партийности, этой неблагоприятной оценке полковника М. Андреевича нельзя, однако, придавать серьезного значения. Когда я узнаю его лично, тогда представлю дополнительные о нем сведения (прим. И.Н. Сысоева).

** Биографические данные о К.А. Губастове см. на с. 388.

указ о смещении с должностей и увольнении в отставку еще 6-ти достойнейших, лучших штаб-офицеров.

Эти жертвы принесены были под давлением и в угоду партии заговорщиков, для того, чтобы дать им нравственное удовлетворение за уход из свиты, очистить для них несколько оставшихся еще в Белграде в руках противной партии влиятельных мест и чтобы обезвредить эту последнюю удалением от власти способнейших и потому и опаснейших ее членов.

Но если целью правительства в данном случае было обезоружение партии контр-заговорщиков, то оно едва ли ее достигло, так как проявленный им произвол и возмутительнейшая несправедливость по отношению к лучшим штаб-офицерам армии породили лишь общее негодование и усилили оппозицию.

Вообще, грустное зрелище представляет теперь сербская армия! Все нравственные основы ее расшатаны; правительство самым грубым образом попирает военные законы и убивает в корпусе офицеров веру в его беспристрастие и справедливость.

В результате вышеупомянутых увольнений с должностей надо отметить три важнейших назначения на должности:

Начальник Дунайской дивизии полковник Машин, глава майского заговора, назначен на должность начальника Главного генерального штаба. На освободившуюся таким образом должность начальника Дунайской дивизии (штаб г. Белград) назначен бывший первый адъютант Е[го] В[еличества] короля Петра полковник Дамиан Попович⁹, один из влиятельнейших главарей заговора, вышедший теперь из свиты в силу вышеупомянутого королевского указа. Для того же, чтобы сербская военная молодежь воспитывалась в духе нового режима, начальник белградского военного училища и высших офицерских курсов, почтенный генерал Лазарь Лазаревич¹⁰, уволен в отставку, а на его место назначен «заговорщик» полковник Саларович¹¹. Состав профессоров в военном училище также выбран соответствующий; в числе их преподавателем тактики состоит известный истребитель покойной четы Обреновичей подполковник Петр Мишич.

Общественное мнение более всего возмущено назначением полковника Машина на ответственный и почетный пост начальника Главного генерального штаба. Этот уже немолодой человек, чех по рождению, имеющий вид старой лисицы, хитрый и мстительный, с револьвером в руках был во главе обезумевших офицеров, ворвавшихся в королевский конак в роковую ночь 29 мая¹².

Такого человека уже с чисто моральной точки зрения не следовало ставить во главе Генерального штаба.

В Генеральном штабе он почти не служил, так что и в служебном отношении это назначение признается несоответствующим, хотя, вероятно, даже враги Машина считают его за человека, не лишенного способностей.

Для меня как для военного агента это назначение крайне неприятно, так как мне придется избегать сношений с новым начальником Главного генерального штаба и довольствоваться надеждою, что полковник Машин, в силу господствующего в Сербии везде и во всем закона неустойчивости, долго не останется на новом своем посту.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в глубочайшем уважении и полной преданности.

И. Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 23–26 об. Оригинал.

№ 5

Военный агент в Сербии и Черногории – В.П. Целебровскому 30 ноября 1904 г. Белград. Рапорт № 49. Секретно

Ваше Превосходительство,
Виталий Платонович.

18 ноября министерство генерала Груича подало в отставку и на его место, после десятидневного кризиса, сформировано, наконец, Министерство под главенством Николы Пашича. Перемена эта не влечет за собою каких-либо существенных изменений во внутренней и внешней политике Королевства. Оба министерства – радикальные и 2/3 министров остались прежние.

Радикальная партия издавна считается приверженною России.

Военный министр в новом министерстве остался прежний – генерал Путник, хотя, по-видимому, в нем все разочаровались, так как ничем пока он себя не проявил; но среди сербских генералов и полковников положительно нет ни одного серьезного кандидата на этот пост.

Генерал Путник, не принадлежа явно ни к партии «заверенников», ни к их противникам, действует по отношению к офицерам примиряюще или старается, по крайней мере, придерживаться этой политики, и с этой стороны деятельность его заслуживает симпатии.

В отношении военной деятельности здесь наблюдается полнейшее затишье. В военном министерстве работает несколько комиссий по различным вопросам улучшения организации и быта армии, но труды этих комиссий еще не закончены и не объявлены.

Главнейшие изменения, которые надлежало выработать комиссиям, заключаются в изменении штатов войска и проекте формирования армии в военное время («формация војске») <...>.

В настоящую сессию Народной скупщины внесен теперь проект внешнего займа в 60 миллионов франков, из коих около 35 миллионов предположено израсходовать на перевооружение артиллерии и переделку 90 т[ысяч] ружей Коки-Маузера¹³ на малокалиберные; прочие же 25 миллионов франков предназначаются на гражданские надобности.

Деньги предлагают дать в Берлине, Вене и Париже с условием, чтобы и заказы были сданы в соответственных государствах. Скупщина, можно сказать это с большой вероятностью, вотирует этот заем, так как сербские народные представители вообще охотно вотируют на нужды армии, а в данном случае их еще подбодряют вооружения Болгарии и заказы этою последнею скорострельной артиллерии.

Заем будет, вероятно, заключен во Франции, и там же сданы заказы.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в глубочайшем уважении и полной преданности.

И. Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 29–30 об. Оригинал.

№ 6

Военный агент в Сербии и Черногории – в Главное управление Генерального штаба

17 мая 1905 г. Белград. Рапорт № 18. Секретно

В рапорте от 17 сего мая за № 18 я донес о падении кабинета Пашича.

Новое министерство, основанное на парламентском большинстве имеющей быть созванной, после избрания новых депутатов, скупщины, может быть сформировано приблизительно лишь через 2 месяца, а пока призвано к власти временное министерство Стояновича, сформированное партией «самостоятельных радикалов», относящихся, так же как и их предшественники – «старые радикалы», – благоприятно к России.

В состав этого временного правительства вошел военным министром – командир 16 пех[отного] полка Генерального штаба полковник Антонич¹⁴, несколько лет назад, при покойном короле Александре Обреновиче, уже бывший военным министром, а затем – министром иностранных дел. В заговоре против жизни покойной четы Обреновичей он никакого участия не принимал.

Полковника Антонича я лично знаю. Это человек очень мягкий, покладливый, кажется, порядочный, но недалекий и не отличающийся твердостью характера. Можно только пожалеть о назначении Антонича, так как на его месте человек энергичный и дельный мог бы за эти 2 месяца существования временного кабинета зарекомендовать себя и войти в состав следующего, уже постоянного министерства.

Сербская армия давно уже ждет энергичного и умного военного министра, который взял бы ее в твердые руки; но, к сожалению, таких или нет совсем, или они еще не всплыли наружу, – безлюдье полное!

Генерального штаба
полковник Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 31–32. Оригинал.

№ 7

Военный агент в Сербии и Черногории – в Главное управление Генерального штаба

20 июня 1905 г. Белград. Рапорт № 25. Секретно

Текущее лето в Сербии характеризуется пока полнейшим затишьем и отсутствием каких-либо выдающихся событий в политической жизни Королевства, за исключением выборов новых депутатов в скупщину и связанной с сим перемены министерства.

Как я уже доносил рапортом от 17 мая [сего] г[ода] за № 18, два месяца тому назад министерство «старых радикалов» («фузионашей»), руководимое Н. Пашичем, должно было подать в отставку, скупщина была распущена, и до выбора новых депутатов было сформировано временное министерство, которое, являясь калифом на час, ничем не могло проявить себя, что отчасти и объясняет упомянутое выше затишье в делах.

10 июля во всей стране произведены были выборы новых депутатов в скупщину, и оказалось, что перевес получила партия «молодых радикалов» («самостальцы»), из среды которых и сформировано новое мини-

стерство под председательством Л. Стояновича; военным министром в него вошел Генерального штаба полковник Антонич <...>*.

Партия «молодых радикалов» образовалась относительно недавно и никогда еще не бывала у власти. Как все сербские парламентские партии, она не имеет вполне определенной программы. Вообще пока имеется очень мало данных, чтобы судить о том, чего можно ожидать от этой партии.

Что касается военного дела, то прежде считалось, что у «молодых радикалов» есть тенденция к принятию в Сербии милиционной системы вооруженных сил взамен нынешней полумилиционной, чему сельское население Сербии чрезвычайно сочувствует; но теперь про эту тенденцию «молодых радикалов» ничего не слышно. Если они, добиваясь популярности, и пустят эту свою идею в ход, то это еще не доказывает, что они непременно приведут ее в исполнение, сделавшись правительством, за все ответственным.

Есть все основания полагать, что «молодые радикалы», отделившиеся несколько лет тому назад от партии «старых радикалов», всегда отличавшихся симпатиями к нашему Отечеству, будут придерживаться той же традиции, к чему обязывает их также и желание снискать популярность в народе, который, вне всяких сомнений, непоколебимо предан России.

Глубокие симпатии к нам сербского народа выразились, между прочим, и в отношениях его к переживаемым нами тяжелым испытаниям; сербы искренне скорбят о наших несчастьях и радуются малейшей нашей удаче, стараясь раздуть ее в крупный успех. В эти полтора года войны¹⁵ сербы явили множество доказательств глубокого нам сочувствия, к которому надо присоединить и ясный для них расчет видеть Россию великою и сильною.

Возвращаясь к текущим сербским делам, надо отметить, что перевес в скупщине партия «молодых радикалов» получила очень незначительный, далеко не обеспечивающий прочности их правительства, а потому в будущем, может быть, очень недалеко, возможно ожидать новые парламентские пертурбации.

Выборная агитация настолько поглотила общественное внимание сербов, что даже очень тревожные вести о новых избиениях албанцами, в Ипекской¹⁶ нахии¹⁷, старосербиянского населения прошли здесь как

* Министерство Л. Стояновича, в предвидении перевеса партии «молодых радикалов», было сформировано еще два месяца тому назад, тотчас же после падения кабинета Пашича; но до выборов депутатов оно считалось временным; теперь же оно уже считается парламентарным, основанным на большинстве скупщины (*прим. И.Н. Сысоева*).

бы не замеченными. Вообще в отношениях к старосербиянским и македонским делам здесь давно уже заметно утомление их длительностью; а между тем сербское население в этих областях медленно, но последовательно истребляется и гонится <...>.

Генерального штаба
полковник Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 33–36. Оригинал.

№ 8

Военный агент в Сербии и Черногории – в Главное управление Генерального штаба 5 марта 1906 г. Белград. Рапорт № 5. Секретно

На днях министерство молодых радикалов Л. Стояновича подало в отставку и вступило во власть новое министерство от той же партии под председательством престарелого генерала Саввы Груича, уже многократно бывшего сербским премьером.

На бывшего в кабинете Л. Стояновича военного министра полковника В. Антонича было много нареканий в печати за его слабохарактерность, пассивность и вообще — несоответствие должности; поэтому он не мог остаться на своем посту, а вошел в состав нового кабинета в качестве министра иностранных дел. Для военного министерства это потеря настолько же небольшая, как и выигрыш для иностранной политики Сербии.

Портфель военного министра был предложен начальнику Тимокской дивизии полковнику Живковичу и начальнику Шумадийской дивизии полковнику Степановичу¹⁸. Первый из них выставил для своего согласия условия, оказавшиеся неприемлемыми, а второй, кажется, прямо отказался; вследствие сего новый премьер, генерал Савва Груич, принял портфель военного министра.

Упомянутые выше два полковника, Живкович и Степанович, сочли благоразумным уклониться от занятия поста военного министра, как говорят, и этому не трудно поверить, в виду следующих соображений. Для улучшения состояния армии надо прежде всего удалить из нее человек 5–6 главарей партии «заговорщиков», от которых идет все зло — падение дисциплины в войсках, протекционизм их «сподвижникам», несправедливости и проч[ее], о чем я уже много раз доносил. Только исполнив это, т. е. освободив армию от влияния «заговорщиков» и тем удовлетворив

справедливое желание огромного большинства корпуса офицеров, можно думать о каких-либо дальнейших улучшениях в армии, — это здесь для всех очевидно. Но для того чтобы попытаться провести эту меру, крайне необходимую и в общегосударственном смысле, военному министру пришлось бы войти в открытый и неизбежный конфликт со Двором. Поэтому пост военного министра в настоящее время далеко не является заманчивым.

Генерал Савва Груич, как отец двух офицеров-«заговорщиков»¹⁹ и дочери, находящейся в замужестве за офицером-«заговорщиком»²⁰, вероятно, сделает все от него зависящее, чтобы не давать хода этому давно уже назревшему вопросу, а потому он является министром, вполне угодным для Двора и дворцовой партии.

Кабинет С. Груича имеет временный характер, а потому, значит, в недалеком будущем предвидится опять перемена военного министра. Со времени переворота 29 мая 1903 года, т. е. за неполных три года, это уже седьмой военный министр.

Генерального штаба
полковник Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 38–39 об. Оригинал.

№ 9

Военный агент в Сербии и Черногории – в Главное управление Генерального штаба

17 апреля 1906 г. Белград. Рапорт № 11. Секретно

В дополнение рапорта моего от 4 сего апреля за № 10 доношу, что Е[го] В[еличество] король Петр отказался подписать указ об удалении из армии офицеров-«заговорщиков», вследствие чего министерство «молодых радикалов» с генералом Груичем во главе подало в отставку, которая была принята Е[го] В[еличеством] королем.

Этим отказом король Петр еще раз дал повод заключить о его солидарности, если не в настоящем, то в прошлом, с лицами, убившими королевскую чету Обреновичей, в чем, впрочем, здесь давно уже никто не сомневается*.

* Очень характерна прилагаемая при сем вырезка из местной газеты «Штампа» от 12 сего апреля, которая в переводе гласит следующее: «Конфе-

Для выяснения трудного политического положения и составления нового кабинета Его Величество в течение нескольких дней совещался со многими политическими деятелями, но все переговоры по сему предмету упирались в один и тот же тупик: необходимость удаления «заговорщиков» для блага страны и несогласие на это короля Петра.

Наконец, принял предложение составить кабинет глава партии «старых радикалов» — известный Никола Пашич.

Необходимость освобождения от «заговорщиков» является, однако, делом настолько всеми признанным, что Пашич вот уже тринадцатый день бьется и никак не может найти военного министра для своего кабинета. Он предлагал этот пост 5-ти, даже, говорят, 8-ми генералам и полковникам, но все они отказались, справедливо рассуждая, что при настоящих условиях никакие добрые начинания в армии немыслимы и что принятие портфеля военного министра в подобных обстоятельствах было бы равносильно измене общему делу. Как выражаются сербские газеты, — «никто не хочет укунить кислое яблоко, в котором могут завязнуть зубы».

На каких условиях Пашич взялся составить кабинет и каковы его дальнейшие намерения по вопросу о «заговорщиках» — остается пока неизвестным. «Старые радикалы» не имеют большинства в теперешней скупщине, так что с настоящим ее составом они работать не могут. Поэтому предполагают, что скупщина будет распущена и назначены выборы новых депутатов; на этих выборах Пашич, путем соответствующего воздействия, вероятно, постарается добыть большинство в новой скупщине, что даст ему возможность действовать решительно, а пока он, вероятно, будет искать компромиссов. Таким образом, решение наболевшего и набившего уже всем оскомину вопроса о «заговорщиках» откладывается, по-видимому, еще на некоторое время.

Пашич пользуется репутацией ловкого и опытного политического деятеля, умеющего искусно лавировать в трудных положениях и брать медленную осадою то, что не дается сразу.

В то время, когда я пишу это донесение, военный министр еще не найден, и кризис продолжается.

рения в дивизии. Вчера перед полднем была продолжительная конференция в здешнем дивизионном штабе. На конференции присутствовали все главные офицеры-«заговорщики». Присутствовал также и г. Яша Ненадович (статский; заговорщик; близкий родственник короля Петра, пользующийся доверием Е[го] В[еличества]). После конференции г. Ненадович отправился к королю». Такие заметки, и даже еще более откровенные и беззастенчивые, попадают в сербских газетах постоянно (*прим. И.Н. Сысоева*).

Сербия – классическая страна министерских кризисов, но такого тяжелого в ней давно уже не бывало.

Генерального штаба
генерал-майор Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 40–42. Оригинал.

№ 10

Военный агент в Сербии и Черногории – в Главное управление Генерального штаба 18 апреля 1906 г. Белград. Рапорт № 12. Секретно

Незадолго до отправления курьера миссии с корреспонденцией стало известным, что Пашичу после очень длительных поисков удалось, наконец, найти для своего кабинета военного министра и что, таким образом, кабинет окончательно сформирован.

Новый военный министр – генерал Радомир Путник. Он был уже на этом посту год тому назад. Тогда от него ожидали, что он будет действовать в духе оппозиции «заговорщикам», но он не оправдал этих ожиданий, и армия в нем скоро разочаровалась.

Пашич пригласил его, вероятно, с отчаяния, не находя другого; да и сам Путник долго отказывался принять портфель, ссылаясь на свое расстроенное здоровье, но, в конце концов, уступил личным просьбам короля.

Назначение Путника, насколько можно судить по его прежней деятельности, есть не более как заполнение пустого места – ни шага вперед, ни шага назад.

Генерального штаба
генерал-майор Сысоев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 42–43 об. Оригинал.

Примечания

¹ Маринович Милутин (1861–1944) – сербский военный деятель, генерал (1913). В 1883 г. закончил Военную академию. Стажировался в России: в частях Петербургского военного округа и Ораниенбаумском пехотном училище. С

1894 г. – офицер Генерального штаба. В январе–июне 1903 г. – военный атташе Сербии в России. В 1906–1908, 1909, 1911–1912 и 1913–1914 – инспектор пехоты. В 1908–1909 гг. – командир Шумадийской дивизии. В 1909–1910 – военный министр. В 1910–1911 гг. – командир Дунайской дивизии. Во время Балканских войн (1912–1913) – комендант Скопья, командир Шумадийской дивизии 2-го призыва. Отмечен русским орденом Св. Станислава 1-й степени.

² Т. е. Александра Обреновича, убитого заговорщиками во время переворота 29 мая 1903 г.

³ Путник Радомир (1847–1917) – выдающийся сербский военачальник и государственный деятель; генерал (1903), воевода (1912). В 1866 г. закончил Артиллерийскую школу. Участвовал во всех войнах, которые вела Сербия в 1876–1918 гг. В 1879 г. находился в России для ознакомления с производством боеприпасов и пороха. С 1884 г. – офицер Генерального штаба. В 1903–1908 гг. – начальник Главного генерального штаба. В 1904–1905, 1906–1908, 1912 гг. – военный министр. В 1912–1913 и 1914–1915 гг. – начальник штаба верховного командования. Был награжден русскими орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Станислава 1-й степени.

⁴ Атанацкович Йован (1848–1921) – сербский военный и государственный деятель, генерал (1897). В 1870 г. окончил Артиллерийскую школу. В 1897–1899 гг. – министр общественных работ, в 1899–1900 – военный министр. В 1902 г. – инспектор пехоты. Один из организаторов Майского переворота 1903 г. В двух «послереволюционных» правительствах занимал должность военного министра (май–август 1903 г.). Во время Балканских войн – представитель сербского верховного командования при черногорском дворе.

⁵ Машин Александр (1854–1910) – сербский военный и государственный деятель, полковник. Родной брат Светозара Машина – первого мужа королевы Драги Обренович. Один из руководителей Майского переворота 1903 г. После него – министр общественных работ, начальник Генерального штаба.

⁶ Свита Его Императорского Величества – лица, состоявшие при российском императоре в XVIII – начале XX в. Включала в себя: генерал-адъютантов (звание введено Петром I), Свиты Его Величества генерал-майоров (звание введено Николаем I), флигель-адъютантов (звание введено Екатериной II).

⁷ В должности посланника Сербии в Петербурге Савва Груич состоял в 1885–1887, 1897–1899 и 1900–1903 гг.

⁸ Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) – русский дипломат. В 1886 г. назначен первым политическим агентом Российской империи в Бухаре. В 1896–1897 гг. – посланник в Болгарии; в 1900–1903 – в Сербии. В 1908–1909 гг. – товарищ министра иностранных дел. В 1909–1912 – посол в Константинополе. С 1912 г. – сенатор. После Октябрьского переворота – в эмиграции.

⁹ Попович Дамьян (1857–1928) – сербский военный деятель, генерал (1913). В 1880 г. закончил Военную академию. В 1887–1888 гг. стажировался в России (Одесса, Петербург). Один из главных деятелей Майского переворота, хотя 29 мая в Белграде отсутствовал. В 1903–1904 гг. – адъютант короля Петра Карагеоргиевича, а в 1904–1906 – командир Дунайской дивизии. В 1906 г. под давлением Англии (в числе шести высокопоставленных заговорщиков) отправлен на пенсию. В 1912 г. возвращен в строй. Участвовал в Балканских и Первой мировой войнах, но особых лавров не снискал.

¹⁰ Лазаревич Лазар (1850–1911) – сербский военный деятель, генерал (1897). В 1870 г. закончил Артиллерийскую школу. Стажировался в Германии. В 1899 г. – командир кавалерийской дивизии, затем – начальник Военной академии. Награжден русским орденом Св. Станислава 2-й степени.

¹¹ Соларевич Леонид (1854–1929) – сербский военный и государственный деятель; генерал (1907). В 1874 г. закончил Артиллерийскую школу. С мая 1898 г. – первый адъютант Александра Обреновича. В знак протеста против его женитьбы подал в отставку. После Майского переворота 1903 г. возвращен в строй. В августе–сентябре 1903 г. – военный министр; в 1904–1907 – начальник Военной академии. В 1907–1910 гг. командовал Моравской и Дунайской дивизиями. В Балканских войнах не участвовал. В 1914–1918 гг. – командир Дринской дивизии.

¹² Отставной (на тот момент) полковник Генерального штаба А. Машин не был ночью 29 мая во дворце. Он координировал действия *всех* путчистов, находясь в дворцовом саду, где принимал донесения и отдавал приказы.

¹³ Винтовка системы Коки-Маузера принята на вооружение в Сербии в 1883 г., когда майор Коста Милованович (Кока) усовершенствовал винтовку Маузер М 1880 (изменил магазин, затвор, прицел и глубину нарезков), увеличив скорость и точность стрельбы. Модернизированный образец винтовки получил наименование Кока-Маузер, с чем согласился и сам Вильгельм Маузер. Для нужд сербской армии его завод изготовил 100 тысяч новых стволов. В 1884 г. «сербский Мосин» Коста Милованович женился на дочери Маузера – Элизе. В 1894 г. произведен в генералы. Скончался в 1905 г. Был награжден русским орденом Св. Станислава 2-й степени и бриллиантовым перстнем – лично от Александра III.

¹⁴ Антонич Василие (1860–1929) – сербский военный и государственный деятель, полковник Генерального штаба (1905). В 1899–1900 гг. – профессор Военной академии. В 1901–1902 гг. – военный министр, в 1902, 1906 гг. – министр иностранных дел Сербии.

¹⁵ Имеется в виду Русско-японская война 1904–1905 гг.

¹⁶ Ипек – турецкое название южносербского города Печ (Косово и Метохия). До 1912 г. входил в Косовский вилайет Европейской Турции. Расположен

на реке Быстрица. В XIV–XVIII вв. здесь находилась резиденция сербских (Печских) патриархов.

¹⁷ Нахия – территориальная единица в административной системе Османской империи. Несколько нахий составляли пашалык.

¹⁸ Степанович Степан (1856–1929) – выдающийся сербский полководец и государственный деятель; генерал (1907), воевода (1914). В 1880 г. окончил Военную академию. Участвовал во всех войнах, которые вела Сербия в 1876–1918 гг. С 1888 г. – офицер Генерального штаба. В 1903–1908 гг. – командир Шумадийской, а в 1910–1911 – Моравской дивизий. В марте–декабре 1908 и в 1911–1912 гг. – военный министр. Во время Балканских и Первой мировой войн – командующий 2-й армией, с которой особо прославился победой над австро-венгерскими войсками в районе горного хребта Цер (в августе 1914 г.), ставшей *первым* поражением коалиции Центральных держав в ходе Великой войны. Был награжден русскими орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Станислава 1-й степени.

¹⁹ Речь идет о сыновьях С. Груича – Боривое и Александре, принимавших активное участие в Майском перевороте.

²⁰ Дочь С. Груича Славка была замужем за поручиком Воином Чолак-Античем.

Письма министру иностранных дел

№ 1

Весьма секретное письмо

т[айного] с[оветника]** Губастова министру иностранных дел

Белград, 11 января 1905 г.

В дополнение к донесению моему от сего числа, считаю долгом сообщить для *лично**** сведения Вашего Сиятельства некоторые подробности о внутреннем положении в стране.

В Сербии недовольные не могут и не умеют выражать только устно или печатно свое неудовольствие против правительства. Как только они заметят, что их число довольно значительно, они сейчас же приступают к составлению заговора.

По имеющимся у меня сведениям, почти нет сомнения, что новый политический заговор зреет здесь в настоящее время.

Скрытно накопившаяся злоба, как в военных сферах, так и среди массы уволенных от службы, против исполнителей трагедии 29 мая поддерживается всей оппозиционной печатью, начинает переходить в ненависть к королю Петру и его детям <...>.

Если верить дошедшим до меня слухам, то одним из кандидатов на злополучный сербский престол является князь Николай Черногорский¹.

* Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) – российский дипломат, историк, нумизмат; тайный советник (1904). На службе в МИД с 1866 г. Управляющий генеральным консульством в Константинополе (1878–1879). Консул (1881–1885), генеральный консул (1885–1896) в Вене. Вице-директор Азиатского департамента (1896–1897). Министр-резидент в Черногории (1897–1900) и в Ватикане (1900–1904). Чрезвычайный и полномочный посланник в Сербии (1904–1906). Товарищ министра иностранных дел (1906–1908). С 1908 г. – в отставке. При открытии Музея изящных искусств имени императора Александра III подарил ему свое собрание античных и папских монет. Являлся основателем и одно время председателем Русского генеалогического общества. Близкий друг философа и дипломата К.Н. Леонтьева. В 1911 г. опубликовал воспоминания о нем.

** Тайный советник – гражданский чин 3 класса по Табели о рангах.

*** Здесь и далее выделено в оригинале.

Из этого уже можно заключить, насколько простодушны будущие распорядители судьбами Сербии. Не говоря уже про то, что эта кандидатура вызовет самое серьезное противодействие со стороны Австрии, князь Николай как личность менее чем кто-либо может удовлетворить требованиям сербского народа. Я не могу себе представить князя Николая конституционным государем.

Правда также, что кроме голодного поэта-господаря, способного вообразить себя новым царем Душаном², я не думаю, чтобы нашлись еще желающие воссесть на этот, по какому-то злому року, обгагриваемый с XIV века уже кровью престол.

Обсуждают также провозглашение республики. Нет сомнения, что республика приведет Сербию в самый короткий срок к окончательной гибели. Сами же недовольные печатно говорят, что все их нынешние государственные люди способны только пасти скотину на горах, а не управлять страной, и между этими-то пастухами придется выбирать каждые 3–4 года президента.

Удастся или нет готовящийся заговор, это, конечно, предвидеть нельзя, но что в Белграде произойдут *в скором времени смуты*, в этом, к сожалению, почти нельзя сомневаться.

Устранить или по крайней мере отдалить их можно было <бы> только под условием скорейшего удаления от всех должностей бывших заговорщиков, но на подобный смелый шаг не хватит мужества ни у короля, ни у министров. Впрочем, тогда, быть может, те же самые Машины и Поповичи, лишенные чести и положения, образовали бы, в свою очередь, новый заговор <...>.

Примите и пр.

*Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).
Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 119–120. Копия.*

№ 2

Доверительное письмо

т[айного] с[оветника] Губастова министру иностранных дел

Белград, 11 января 1905 г.

«Сербией управляют не король и не его министры, а кучка беззастенчивых и безответственных крамольников, дрожащих за свою жизнь и за свои места», – сказала мне недавно дружески расположен-

ное ко мне лицо, достаточно посвященное в здешнюю закулисную обстановку.

«С каждым днем, — продолжал мой собеседник, — все более и более убеждаются в ограниченных способностях короля, в его безволии и бесхарактерности <...>. Вероятно, он слабохарактерен от природы, подобно своему отцу, и в то же время очутился на свою беду в руках заговорщиков, имеющих кое-какие документы, для него компрометантные.

Особенно возвышенными нравственными принципами он, как и все сербские князья и короли, не отличался. Теперь он пожинает то, что посеял. А плоды зреют и могут быть горьки. Число недовольных, т. е. лишенных своих мест в угоду заговорщиков, все растет и растет. На Новый год еще уволено пять лиц, из которых 3 военных, достойных и бодрых еще офицеров.

Всем этим полуголодным отставным ничего не остается более делать, как группироваться вокруг редакций оппозиционных газет и вымещать в ядовитых журнальных статьях свою злобу на правительство и на виновников своего увольнения от мест. Ничтожные до сих пор белградские газеты “Народный лист” и “Оппозиция” начинают теперь уже вести серьезную борьбу и бесстрашно требуют положить конец высокомерию заговорщиков. Это объясняется только тем, что число недовольных увеличилось, и газеты знают, что статьи жадно читаются многочисленными сочувствующими читателями. Глухая, но беспощадная, как всегда в Сербии, борьба между заговорщиками и их жертвами не прекращается. На днях полковник Васич, бывший в “свадебном” кабинете военным министром³, человек умный, энергичный и не без влияния, которого заговорщики побаиваются более других, принужден был скрыться из Белграда. Ему удалось вовремя узнать, что шла серьезная речь о необходимости его “исчезновения”. Все это вместе взятое составляет грустную картину “Возрожденной Сербии”, как теперь принято ее называть, и я не вижу никаких задатков на более утешительное будущее», — так закончил свое доверительное соображение мой собеседник.

Все это, к сожалению, совершенно верно, и я должен сознаться, что как качества короля, так и добрые намерения его далеко не приносят пользы стране, так как его упорное потворство ненавидимым здесь главным заговорщикам всех возмущает и может вызвать при случае волнения.

Успех ночного нападения, равнодушие к кровавому перевороту населения Белграда и почти всего сербского народа, безнаказанность всех лиц, принимавших участие в заговоре, и даже убийц, награждение их высшим орденом⁴ — все это не может не влиять одуряющим образом на

массу новых недовольных и не раздражать нервных, легкомысленных, обиженных и впадающих очень быстро в отчаяние сербских трибунов.

Примите и пр.

АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 121–122. Копия.

№ 3

Записка о Сербии

т[айного] с[оветника] Губастова министру иностранных дел

Белград, 20 февраля 1905 г.

За 75 лет своего сперва полунезависимого, а потом независимого существования Сербия пережила 6 государственных переворотов, из коих 5 наследственных и в том числе 2 кровавых (в 1839 г. свержение Милоша; в 1842 г. удаление Михаила; в 1858 г. свержение Александра Карагеоргиевича; в 1868 г. убийство Михаила; в 1889 г. добровольное отречение Милана и в 1903 г. убийство Александра Обреновича) <...>.

Ни один из правителей Сербии, хотя между ними были умные и талантливые, как Милош, Михаил и Милан, не обладал необходимыми нравственными качествами для управления страной. Наиболее оплакиваемый из них до сих пор князь Михаил пал жертвой вендетты, но в последние годы своего правления он не пользовался любовью тогдашней сербской интеллигенции, особенно Омладины, которая своими ожесточенными на него нападками способствовала успеху заговора. Реакция в его пользу началась после его смерти.

Король Милан, несмотря на все презрение, которое к нему питают как к человеку, сохранил за собою, однако, популярность в стране и особенно в войсках. Здесь существует убеждение, что, останься он жив, офицеры никогда бы не решились убить его сына.

Сербские писатели объясняют свержение правителей их собственными ошибками и недостатками, и взаимной борьбой двух династий — Карагеоргиевичей и Обреновичей.

Милоша они обвиняют в жестокости, в корыстолюбии, в неисполнении данных обязательств; Александра Карагеоргиевича — в ограниченности, в nepoтизме и в подчинении австрийскому влиянию; князь Михаил и король Милан управляли Сербией чересчур деспотически, и последний, кроме того, разорял ее своей расточительностью; король Александр браком своим ввергнул ее в бездну.

Упреки эти в общем справедливы. Но так как не было и, возможно, не будет правителя не погрешающего, то сербам предстоит или продолжать и впредь менять своих правителей, или же признать, что стремление к насильственным переворотам находится в них самих, в общественных условиях страны, в народном характере. Это вполне подтверждается всей историей.

С 1830 года, т. е. с тех пор, как Милош сделался законным и признанным князем, и до сегодняшнего дня в Сербии происходит непрерывное кипение политических страстей, подобное кипению расплавленного и нагреваемого металла в котле. Это брожение не есть парламентская борьба партий, обычная, не говорю уже в настоящих конституционных, но даже в лжеконституционных государствах. Нет. Это есть просто необузданное стремление по природе жадных, страстных и полуобразованных, полуголодных демократов к достижению посредством низкопоклонства (при Милоше, при Михаиле, при Милане), или при посредстве некоторой ловкости, власти, чтобы из вчерашнего ничтожества сделаться министрами, из недавней жертвы превратиться, в свою очередь, в мстителя и мучителя.

Мстительность составляет основную черту сербского характера, которую объясняют одни – вековым сожительством сербов с арнаутами, а другие готовы видеть даже примесь албанской крови в сербской.

Мщение играло большую роль в здешних переворотах: Милош был низложен происками Вучича⁵, Петрониевича⁶ и Симича⁷, превратившихся в его злейших врагов из-за личных с ним расчетов. Тот же Вучич принудил и молодого Михаила удалиться в 1842 г. из Сербии. Убийство его было делом мести Александра Карагеоргиевича, платившего за убийство его отца Георгия Черного <...>. В убийстве Александра и Драги чувство личной мести примешано в значительной степени.

Всматриваясь в характер того класса сербского общества, из среды коего набираются орудия правительства, нельзя не заметить в нем еще других отрицательных качеств: зависти, подозрительности, отсутствия выдержки, страсти к интригам и к непрестанному раздору. До образования здесь политических партий раздоры происходили только в среде лиц, окружавших правителя. Теперь же они проникли в народ, и крестьяне-радикалы живут на ножах с крестьянами-либералами или напредняками, по примеру своих белградских руководителей <...>.

Ко всем этим природным нравственным недостаткам следует еще заметить, что в Сербии для государственной устойчивости нет никаких элементов – в ней нет того класса зажиточных, просвещенных и влия-

тельных людей, которым было бы выгодно стараться удержать существующее правительство или существующий строй. Здесь, за самым малым исключением, все сербские министры и вообще чиновничество, гражданское и военное, — люди неимущие, даже бедные, воспитанные на гроши и живущие только службой. Бедность же, к сожалению, не развивает в людях ни стойкости убеждений, ни силы воли, ни неподкупности.

Поэтому как во времена турецкого владычества, все невзгоды, испытываемые страной, приписывались злобному или неспособному паше, и о смене его подавалось прошение султану, так и теперь вся Сербия ждет перемены к лучшему от переворота, от которого никто почти материально не страдает, а большинство надеется выиграть. Этим объясняется и равнодушие народа.

Все сказанное вместе взятое приводит к тому заключению, что хотя сербские князья и короли и были правители недостойные, но насильственные перевороты в Сербии произошли главным образом потому, что народ сербский, или, вернее сказать, его правящие классы вовсе не обладают способностью к государственной жизни. Из свободы они сделали себе забаву, борьбу с правителями, борьбу партий между собой, нескончаемый внутренний раздор. Вместо того чтобы собирать силы и развивать культуру, сербы занялись самым жалким необузданным политиканством, истощающим народные силы и богатство. Борьба вошла отравой в кровь их.

Немногие сербские трезвые политики и ученые признают справедливость всех этих рассуждений, но они спешат прибавить, что хотя они и виновны, несомненно, в безурядице и переворотах, но этого бы не было, если бы Сербия не имела ближайшей соседкой Австро-Венгрию, которая постоянно поддерживает здесь раздоры и смуту <...>.

В политическом отношении бессрочным занятием Боснии и Герцеговины она разрушила давнишние сербские мечтания и вожделения, к этому еще присоединяются опасения сербов, как бы соседняя монархия не захватила Старую Сербию и часть Македонии.

Провозгласив Сербию югославянским Пьемонтом⁸, Обреновичи провозгласили себя прямыми наследниками Неманей⁹, и их воображению рисовался уже трон Душана. Разочарование было тяжелое, но если не становиться на сербскую точку зрения, то легко убедиться, что полудикая Сербия имела так же мало основания разыгрывать из себя Пьемонт, по отношению к более ее культурным странам (Кроация и Далмация), как и Обреновичи, потомки гайдука Милоша Теодоровича¹⁰, не имели законного права считать себя преемниками Неманей.

Если признать основательность сербских бредней относительно Пьемонта и нового Царства Душана, то почему же отказать в настоящее время греческому королю в претензиях на восстановление Византийского Царства, а в будущем какому-нибудь правителю Македонии – на наследство Александра Македонского? <...>

Разочарованная постановлениями Берлинского трактата в своих мечтаниях объединить своих турецких единопременников, злобствуя за это на Россию, Сербия, или, лучше сказать, ее тогдашний всемогущий правитель Милан решил искать в Вене всех благ земных. Венский кабинет хотя и знал очень хорошо настоящую цену своего клиента, но не отверг его искательств, и Сербия, благодаря австрийским капиталам и предприимчивости, проявленной Миланом, вступила на путь экономического прогресса. Результат оказался блестящий – в 10 последних лет правления Милана у Сербии образовался внешний долг в 300 млн. франков, и в Королевстве появилась сеть железных дорог – в 507 километров! <...>

Верхом торжества австрийского влияния было заключение военной конвенции, которой Австрия обязывалась поддерживать силой династию Обреновичей¹¹. Уверяют, что Милан задумывался идти далее по этому пути и намеревался поставить Сербию по отношению к Австро-Венгрии в то же положение, в каком находится Великое герцогство Баденское к Германской империи.

Проект этот, если и был, не осуществился, король Александр династическую конвенцию не возобновил.

С тех пор австрийская дипломатия держит себя в Белграде с менее торжествующим видом, но не упускает случая выручать сербских правителей из затруднительного денежного положения (например, королю Петру была сделана лично ссуда при его вступлении на престол).

Сербь, постоянно обвиняющие Австрию в недоброжелательстве к ним, забывают, однако, что они же сами, их правители, равно как и все здешние великие и малые политические неудачники, обыкновенно прибегают за помощью к Австрийской миссии или ищут себе поддержки в Вене. Австрия дает им просимое, но, конечно, и в свою очередь, предъявляет им свои требования. Первое обыкновенно забывается, а второе служит предметом осуждений.

Взаимная вражда между соседними народами поддерживается главным образом печатью. Газеты играют большую роль в Вене, Пеште и Белграде, и ежедневная почти перебранка между немецкими, венгерскими и сербскими журналами вносит, несомненно, раздражение в обо-

юдные отношения между правительствами и между многочисленными читателями.

Можно было бы привести еще несколько второстепенных причин, мешающих установлению хороших и прочных отношений между обоими государствами, например, тайные сношения сербских властей с недовольными в Боснии и в других славянских областях Монархии и др. Но и вышеприведенных уже достаточно, и я позволю себе высказать в заключение личное мнение относительно справедливости обвинений Австрии за тяжелое положение Королевства.

Вся драма Сербии состоит в том, что, вообразив себя наследницей славного сербского прошлого, она захотела играть большую политическую роль, на которую уже не хватало ни сил, ни людей, ни средств, ни умения. Вследствие этого возникла тяжелая неудовлетворенность, отвращающая сербскую народную душу.

Австрия разрушила, если не навсегда, то надолго, мечты о Царстве Душана, о сербском море, о «неискупленных землях». Она и является в понятии сербов виновницей всех их внешних невзгод и внутренних раздоров. Австрия должна была бы, *ради блага Сербии*, поступиться своими собственными интересами – вот чего хотелось бы сербам <...>.

Представляя вынесенные мною, за мое пребывание в Белграде, наблюдения на благоусмотрение Вашего Сиятельства и извиняясь за длину настоящего письма, покорно прошу Ваше Сиятельство принять уверения и пр.

АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 98. Л. 2 об. – 8. Черновик.

№ 4

Донесение

т[айного] с[оветника] Губастова министру иностранных дел

Белград, 5 апреля 1905 г. № 21

В среду, 30 марта, король Петр принял меня в частной аудиенции, на которой я передал кабинетное письмо, извещающее о кончине Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича¹².

Король был в это утро не занят и беседовал со мной очень долго <...>.

Перейдя к внутренним сербским делам, Его Величество откровенно заметил, что ему пришлось во многом разочароваться относительно сербских деятелей. Судя их издали, он не думал, что они были так де-

морализованы, поверхностны и легкомысленны. Причины этого он видит отчасти в самом характере сербов, но, главным образом, в печати, которая имеет на общество и на народ развращающее влияние. «У нас нет, — сказал с горечью король, — ни серьезных писателей, ни честных газет. Все они изощряются только в ежедневной брани друг с другом и живут скандалами. За полуторагодовое пребывание мое в Сербии я убедился, — добавил король, — что от нынешнего поколения ничего нельзя ожидать хорошего».

Затем Его Величество перешел к вопросу о положении офицеров, которое очень печально, потому что большинство из них люди бедные и запутанные в неоплатных долгах, вследствие чего наиболее слабохарактерные находятся или подозреваются в сношениях с Австрийской миссией. Королю желательно образовать особый фонд, из которого офицеры могли бы заимствовать, в случае нужды, необходимые суммы за самые незначительные проценты.

В конце беседы король сказал, что он более всего желает, чтобы в этом году не было серьезных замешательств на Балканском полуострове, которые для Сербии совершенно несвоевременны <...>.

Примите и пр.

АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 133–133 об. Копия.

Примечания

¹ Петрович-Негош Никола (1840–1921) — князь (1860–1910); король (1910–1918) Черногории. По окончании Первой мировой войны, решением «Великой народной скупщины сербского народа Черногории», был низложен. Умер в изгнании в Италии.

² Стефан Душан (1308–1355) — сербский король (с 1331), царь (с 1346). Сын Стефана Уроша III Дечанского. В результате войн с Византией присоединил к Сербии Македонию (1345), Албанию (тогда же), Эпир и Фессалию (1348) и создал обширное Сербско-греческое царство, вне которого, однако, оставались коренные сербские земли — Хум и Мачва. На соборе 1346 г. провозгласил сербскую архиепископию патриархией, а сам был коронован «царем сербов и греков». В 1349 г. издал «Законник», укрепивший феодальные порядки.

³ «Свадебное министерство» Алексы Йовановича сформировано 24 июля 1900 г., через три дня после отставки кабинета Владана Джорджевича. Оно функционировало до 2 апреля 1901 г., когда было заменено правительством Ми-

хайло Вуича. Милош Васич состоял военным министром поначалу и в нем, но в конце апреля 1901 г. подал в отставку из-за «матримониального» скандала с министром просвещения Павле Маринковичем (о чем подробнее см. рапорт подполковника Е.А. Леонтовича от 5 мая 1901 г., содержащийся в данном томе).

⁴ В 1904 г., в ознаменование 100-летия начала Первого сербского восстания, в Сербии была учреждена новая высшая награда – орден «Звезда Карагеоргия». Первую степень ордена получили сыновья короля Петра, его брат и племянник. Вторую – «старшие» участники переворота 29 мая – Й. Атанацкович, Д. Попович, А. Машин, а также политики – Д. Генчич и Й. Авакумович, третьей степенью были награждены «младшие» офицеры-заговорщики.

⁵ Вучич-Перишич Тома (1790–1859) – сербский политик. Соратник Милоша Обреновича, один из организаторов убийства Карагеоргия в 1817 г. В дальнейшем разошелся с Милошем и изгнал Обреновичей из Сербии. Являлся главным столпом режима уставобранителей (1842–1858). Выступил против решений Свято-Андреевской скупщины 1858–1859 гг. Умер в тюрьме после реставрации династии Обреновичей.

⁶ Петрониевич Аврам (1791–1852) – сербский государственный деятель. С 1817 г. – личный секретарь князя Милоша Обреновича. Член сербской депутации в Константинополе (1821–1826). В дальнейшем разошелся с князем. С Томой Вучичем-Перишичем стоял во главе уставобранителей, добившихся удаления Обреновичей из Сербии. В 1844–1852 гг. (при Александре Карагеоргиевиче) – глава правительства и министр иностранных дел.

⁷ Симич Стоян (1797–1852) – сербский политик. В 1835 г. – один из вождей Милетиного восстания против князя Милоша. В 1842 г., после отъезда князя Михаила Обреновича, становится одним из лидеров уставобранителей. В 1842–1843 гг. – председатель Государственного совета. В 1843 г. ушел из политики и занялся торговлей солью, в чем преуспел.

⁸ Пьемонт – историческая область на северо-западе Италии. С XV в. – это герцогство Савоя и Пьемонт, ставшее с 1720 г. основной частью Сардинского королевства (со столицей в Турине), которое впоследствии стало центром движения за создание единого национального итальянского государства. Объединение Италии произошло в 1859–1860 гг.

⁹ К.А. Губастов имеет в виду сербскую средневековую династию Неманичей (1166–1371).

¹⁰ Настоящая фамилия Милоша Обреновича – Теодорович, ибо мать его, Вишня Урошевич, была вторым браком замужем за Теодором Михайловичем. У него были родные братья – Йован и Еврем. Но первым браком мать была замужем за Обреном Мартиновичем, от которого родились сводная сестра Милоша Стана и два сводных брата – Яков и Милан. Фамилию Обренович Милош взял

в память о сводном брате Милане Обреновиче – герое Первого сербского восстания, который пользовался большим уважением в народе и умер в 1810 г. С ней он и вошел в историю.

¹¹ Губастов ведет речь о так называемой «Тайной конвенции» между Веной и Белградом от 1881 г., по которой Сербия фактически отказывала от своего суверенитета, скатываясь к уровню протектората. Она принимала обязательства предпринимать все внешнеполитические шаги только в согласии с австро-венгерской дипломатией и бороться с антиавстрийской агитацией в Боснии и Герцеговине. Взамен Дунайская монархия брала под покровительство династию Обреновичей и обещала способствовать провозглашению Сербии королевством.

¹² Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, пятый сын императора Александра II. В 1891–1905 гг. – генерал-губернатор Москвы. В 1905 г. был убит террористом И. Каляевым.

Донесения из Белграда в Генеральный штаб

№ 1

**Военный агент в Сербии – начальнику Генерального штаба
31 марта 1908 г. Белград. Рапорт № 20. Секретно**

Сегодня, 31-го марта, должна быть распущена скупщина, новые выборы назначены на 18-е мая, а созвана она будет 1-го июля.

Причиной роспуска скупщины явилась техническая обструкция со стороны меньшинства депутатов, т. е. младорадикалов, либералов, напредняков и 1 социал-демократа; вследствие этого не только годовой бюджет Королевства и торговый договор с Австро-Венгрией остались неутвержденными, но и 1/12 часть временного бюджета на апрель не была скупщиной утверждена, ввиду постоянных запросов в последнюю сессию скупщины депутатов оппозиции, не допускавших на заседаниях переход к повестке дня.

Временный бюджет на первые три месяца этого года был утвержден Державным советом** и королем, ввиду отсрочки предшествовавшей сессии скупщины; но, так как по истечении отсрочки заседания ее возобновились, то на четвертый месяц, т. е. апрель, вследствие неутверждения еще годового бюджета, требовалось по сербскому уставу вотирование скупщиной временного бюджета. Это не было ею произведено, почему правительство принуждено распустить палату, чтобы страна получила временный бюджет на следующие четыре месяца уже властью Державного совета и короля.

Таким образом, два таких важных для Сербии вопроса, как торговый договор с Австро-Венгрией и годовой бюджет, остались открытыми.

Обструкцией оппозиция добивалась побудить короля: 1) назначить новые выборы и 2) составить коалиционное министерство из разных пар-

* Агапеев Владимир Петрович – военный дипломат, офицер Генерального штаба. В 1904–1910 гг. – подполковник, в 1910–1915 – полковник, с 1915 г. – генерал-майор. В 1907–1909 гг. – военный агент (атташе) России в Сербии.

** От сербск. *Државни совет* – Государственный совет.

тий. Старорадикалы как большинство в палате не соглашались на это. В результате состав кабинета несколько видоизменился*, но все такие новые министры принадлежат к большинству распускаемой скупщины, т. е. к партии старорадикалов. Очевидно, что оппозиционные партии, если выборы будут для них неудачными, продолжат борьбу с большинством в будущей скупщине, это может привести правительство к решению изменить устав (пословник** скупщины), что сочтется за своего рода «coup d'état»***.

Среди других министров также ушел военный – генерал Путник, и вместо него назначен генерал Степанович. Уход первого для сербской армии не является потерей: болезненный и безличный бывший военный министр только занимал место. Его преемник моложе генерала Путника, энергичен и строг; говорят, что новый военный министр сочувствует «заверенникам» (заговорщикам).

Генерального штаба
подполковник Агапеев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 44–45. Оригинал.

№ 2

Военный агент в Сербии – начальнику Генерального штаба 21 октября 1908 г. Белград. Рапорт № 87. Секретно

Представляю при этом характеристику начальствующих лиц сербской армии, составленную на основании моего знакомства и по сообщенным сведениям.

1. Военный министр – Генерального штаба генерал Степан *Степанович*****, около 55 лет; участвовал в сербо-турецкой¹ и сербо-болгарской войнах, считался тогда своим начальством образцовым ротным командиром, но теперь к командованию высшей тактической единицей он не способен, для этого у него не хватает ни необходимых познаний, ни ума: командуя на маневрах в 1905 году одной стороной, он действовал крайне ошибочно. В качестве военного министра он много работает, но занят

* Главою кабинета остался по-прежнему Пашич (прим. В.П. Агапеева).

** Пословник (сербск.) – регламент, правила внутреннего распорядка.

*** Coup d'état (франц.) – государственный переворот.

**** Здесь и далее выделено в оригинале.

мелочами. С подчиненными груб и суров (когда он командовал дивизией, то против него 4 офицера и 30 унтер-офицеров составили заговор с целью его убить и повести дивизию из Крагуеваца в Белград, где соединиться с недовольными режимом и захватить в свои руки власть); скрытен и бестактен; к русским симпатии не выражает.

2. Начальник Главного генерального штаба — Генерального штаба генерал Радомир *Путник*, около 62 лет, болезненный, страдает астмой, участвовал в сербо-турецкой и сербо-болгарской войнах; образованный, составил себе здесь славу способного для службы Генерального штаба. В силу болезни, вероятно, замечается в нем недостаток энергии и инициативы. Во время его 3-хлетнего в общем управления военным министерством армия не стала лучше. Ставленник старорадикальной партии, в 1894 году принужден был выйти на время в запас вследствие своей антипатии к Милану. Ко мне относится с расположением.

3. Начальник Моравской дивизии — Генерального штаба полковник Петар *Бойович*², около 52 лет; один из интеллигентных и способных офицеров, очень трудолюбив и кроме службы занимается литературной деятельностью. Насколько могу судить, боязнь потерять службу делает его приверженным к букве закона, неспособным принять на себя в решительную минуту ответственность и вообще чересчур осторожным. В революции 1903 года он ни к одной стороне не примкнул, не только не участвуя в движении лично, но даже не высказывая своих взглядов.

4. Начальник Дринской дивизии — полковник Илья *Гойкович*³ — прошел службу в пехоте. Ему около 57 лет. Считается малоспособным; малообразован и интриган. Положением своим обязан заговорщикам, которым сочувствует, хотя лично участия в революции 1903 года не принимал. Раньше был большой приверженец короля Милана, а теперь считается русофилом.

5. Начальник Дунайской дивизии — генерал Леонид *Соларович*, около 55–60 лет. Безличный и мало интересующийся военным делом, хотя, как говорят, техническую сторону артиллерии знает хорошо. На маневрах в этом году, командуя одной стороной, действовал неуклюже. Был близок к королю Милану. Подчиненными нелюбим.

6. Начальник Шумадийской дивизии — Генерального штаба полковник Милутин *Маринович*, около 50 лет; считается способным и трудолюбивым офицером, но на самом деле не производит впечатления умного человека, служил раньше у нас в 145-ом пех[отном] Новочеркасском

полку, был некоторое время военным агентом в Петербурге; к русским относится с доброжелательством. Замечается недостаток воспитания, чем, впрочем, страдает большинство даже образованных сербов.

7. Начальник Тимокской дивизии – Генерального штаба полковник Милош *Паунович*, около 43 лет; считается способным офицером, тем не менее, будучи начальником Оперативного отделения Главного генерального штаба, он противодействовал подготовке к войне с Австрией, обращая главное внимание на восточную и южную границу Сербии. Занимается литературной деятельностью; трудолюбив; с подчиненными строг и педантичен, вследствие чего ими нелюбим.

8. Начальник кавалерийской дивизии – полковник Сава *Паунович*. Обладает в кавалерийском и вообще военном деле малыми познаниями. Руководит обучением дивизии слабо. Лошадь знает только как барышник. Сочувствовал делу заговорщиков в 1903 году, вследствие чего обязан им своим положением.

9. Первый адъютант короля – полковник *Юришич-Штурм*, около 60 лет, по происхождению баварец⁴. Участвовал во франко-прусской войне, а затем в 1876 году перешел на сербскую службу и принимал участие в сербо-турецкой и сербо-болгарской войнах. Считается образованным и начитанным офицером; трудолюбивый и исполнительный. С большим тактом, ловкий человек. Подчиненными уважаем. Считается, что он стал вполне сербом, хотя я полагаю, что в глубине души он остался немцем. Был большой любимец короля Милана.

10. Начальник Белградской военной академии – генерал Михайло *Живкович*, около 52–55 лет, больших познаний не имеет, хотя твердо знает подробно все сербские уставы и законоположения. Строг и мелочен, тем не менее подчиненными любим.

11. Инспектор артиллерии – генерал Никодим *Стеванович*⁵, около 65 лет, популярный в армии генерал, но без познаний и только фиктивно исполняет свою должность. К русским, по-видимому, расположен. В высшей степени честный и откровенный.

В случае войны теперь, нужно думать, командование над армией примет сам король, имеющий боевой опыт по войне 70-го года, когда он был в рядах французов, и восстанию в Боснии и Герцеговине, когда он был в качестве воеводы одной из чет под именем Пера Марконич⁶. Начальником штаба армии, вероятно, будет генерал Путник. Для начальствования над главными подразделениями действующей армии будут назначены или кто-либо из настоящих начальников дивизий, или из состоящих ныне в отставке некоторых заговорщиков, как, например, *Машин*, Дамиан *По-*

пович, или контрзаговорщиков, как, например, Божидар *Янкович*, Милош *Васич*; в первом случае упомянутые лица займут места начальников дивизий. Для назначения на такие же должности 2 призыва имеются в настоящее время помощники начальников дивизий.

Генерального штаба
подполковник Агапеев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 46–47 об. Оригинал.

№ 3

Военный агент в Сербии – начальнику Генерального штаба 30 декабря 1908 г. Белград. Рапорт № 140. Секретно

Представляю при этом отчет о больших маневрах в Сербии в конце сентября этого года, на которых я по приглашению сербского правительства присутствовал.

Маневры 23–24 сентября, в присутствии короля Петра.

Северная сторона (ген[ерал] Соларович): Дунайская дивизия. Всего: 16,5 батальонов, 4 эскадрона, 36 орудий.

Южная сторона (полк[овник] Гойкович): Дринская дивизия. Всего: 12,5 батальонов, 3 эскадрона, 54 орудия.

Кроме того, в день 24 сентября южной стороне были приданы войска, находившиеся в распоряжении руководителя маневров: 4,5 батальона, 4,5 эскадрона, 6 орудий.

Маневры проходят в районе Аранжеловац – Лазаревац – Обреновац – Гроцка.

Разыгрывается встречный бой. Усматривается некая аналогия с ситуацией возможного столкновения австрийской и сербской армий.

Заключение

Насколько можно сделать заключение из двухдневного пребывания на маневрах, тактическая подготовка сербской армии стоит на невысокой степени:

1) Разведывательной службе дивизионная конница, по-видимому, совсем мало обучена.

2) К походным движениям пехота не втянута: немалое количество отсталых на переходе в 20 верст при благоприятной погоде и сравнительно нетрудных местных условиях.

3) Организация подхода к полю сражения отдельных колонн производится не сноровисто: либо одна колонна отстает от другой, либо не пользуется удобным подступом.

4) Вообще применение к местности довольно слабое, несмотря на то, что район маневров в этом отношении был довольно поучителен; при наступлении целые части пренебрегают пользоваться удобными подступами или наступают в несоответственных для них строях; точно так же отдельные стрелки в цепях не пользуются встречающимися закрытиями, а стремятся лишь не опережать своих товарищей или не отставать от них.

5) Самоокапыванию не уделяется должное внимание.

6) Люди в стрелковых цепях жмутся один к другому, вследствие чего такие цепи являются хорошими целями для противника.

Вообще получается впечатление, что сербская армия изучила некоторые тактические шаблоны, но войска эти не обучены практически производству походных движений и маневрированию на поле сражения.

Генерального штаба
Подполковник Агапеев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 817. Л. 55–55 об. Оригинал.

№ 4

Военный агент в Сербии – начальнику Генерального штаба 31 декабря 1908 г. Белград. Рапорт № 141. Секретно

На место ушедшего недавно с должности военного министра генерала Степановича назначен бывший начальник Белградской военной академии генерал Живкович.

Уход генерала Степановича с поста военного министра единодушно приветствовался всей прессой, а также многими сербскими офицерами, с которыми я имел случай говорить по этому поводу. Можно лишь удивляться, что он пробыл около 8 месяцев на этой должности. Будучи человеком ограниченным по природе, он не пополнял своих познаний, приобретенных на школьной скамье, так как кроме уставов ничего не читал и кроме Сербии ничего не видал. В министерстве некоторые начальники отделений, по отзыву не только прессы, но и сербских офицеров, говоривших со мной, сумели использовать его пребывание у власти, чтобы извлечь материальные выгоды.

Первым делом нового военного министра, генерала Живковича, было удаление начальника артиллерийского технического отделения полковника Влаича (между прочим, враждебно относившегося к передаче заказа патронов в ноябре минувшего года Тульскому патронному заводу и повлиявшего в сильной степени на передачу заказа французской и бельгийской фирмам) и начальника хозяйственного отделения полковника Богдановича с занимавшихся ими должностей, причем, по слухам, дела по первому отделению переданы военному следователю.

Генерал Живкович, по некоторым отзывам, широким кругозором не обладает, но, нужно думать, окажется лучшим военным министром, чем его предшественник.

Генерального штаба
подполковник Агапеев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 48–49. Оригинал.

№ 5

Военный агент в Сербии – начальнику Генерального штаба 28 сентября 1909 г. Белград. Рапорт № 100. Секретно

Сербский военный министр, генерал Живкович, подал на днях в отставку. Причиной этому послужило состояние его здоровья, которое, по заключению докторов, требует полного отдыха. Пока вопрос об его отставке не решен еще королем, и не исключена возможность, что генерал Живкович получит продолжительный отпуск, а на его место будет назначен лишь временный заместитель.

Будучи назначен на должность военного министра в декабре минувшего года, в период весьма натянутых австро-сербских отношений, генерал Живкович работал с неослабной энергией над приведением вооруженных сил Сербии на должную высоту. Весною этого года под его руководством был составлен проект реорганизации сербской армии, который должен поступить на рассмотрение открывающейся 1-го октября скупщины, кроме того, были пересоставлены некоторые уставы. Летом и осенью этого года генерал Живкович произвел ряд смотров в войсках, объездив для этого большую часть Сербии.

Во время своих поездок он обращал главное внимание на поднятие дисциплины в войсках, которая вообще стояла здесь на невысоком уровне. Его деятельность в этом направлении несколько не нравилась унтер-

офицерам и некоторым из офицеров; но та часть армии, которая искренне желала ее преуспевания, поступаясь даже своими личными удобствами, и общество были горячими сторонниками военного министра.

Генерал Живкович, пробывший около двух лет в конце 80-х годов на русской службе в 145-ом пех[отном] Новочеркасском полку, искренне симпатизирует России, последнее доказательство его симпатии к русским было приглашение меня частным образом на кавалерийские маневры у г. Ниша на 25-е и 26-е сентября, чем я не преминул воспользоваться, в то время как никто из других военных агентов не присутствовал на них.

Из заместителей генерала Живковича называют здесь полковника Мариновича, также служившего некоторое время в 145-ом пех[отном] Новочеркасском полку и бывшего потом военным агентом в Петербурге.

Во всяком случае, вряд ли кто из заместителей генерала Живковича будет в состоянии приобрести такой авторитет и популярность, каковыми пользовался вышеуказанный генерал.

Генерального штаба
подполковник Агапеев.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 52–52 об. Оригинал.

Примечания

¹ Речь здесь (как и далее – в случае с генералами Путником и Юришичем-Штурмом) идет о *двух* Сербо-турецких войнах – 1876 и 1877–1878 гг.

² Бойович Петар (1858–1945) – сербский полководец; генерал (1912), воевода (1918). В 1881 г. закончил Военную академию. Стажировался во Франции. С 1890 г. – офицер Генерального штаба. В 1903–1905 и 1908–1909 гг. – командир Моравской дивизии. В 1905–1906 гг. – заместитель начальника Главного генерального штаба, а в 1906–1908 – исполняющий его обязанности (генерал Р. Путник, формально сохраняя должность, был военным министром). В 1909–1912 гг. – командир кавалерийской дивизии. Во время Балканских войн – начальник штаба 1-й армии. В августе–ноябре 1914 и июне–ноябре 1918 г. – командующий 1-й армией. В декабре 1915 – июне 1918 г. – начальник штаба верховного командования. Был награжден русским орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами.

³ Гойкович Илия (1854–1917) – сербский военный и государственный деятель; генерал (1912). Военного образования не имел. В 1904–1910 гг. – командир Дринской дивизии. В 1910–1911 – военный министр. В 1911–1915 гг. – командир

Моравской дивизии, в 1915–1916 – Ужицкого оперативного отряда. По прибытии на Корфу отправлен во Францию на лечение. Возвращаясь, погиб в результате атаки вражеской подводной лодки, предпочтя плену смерть. Единственный из сербских генералов, павших в ходе боевых действий. Награжден русским орденом Св. Станислава 3-й степени.

⁴ Агапеев ошибается – П. Юришич-Штурм родился в Герлице (Лужицкая область).

⁵ Стефанович Никодие (1848–1918) – сербский военный деятель, генерал (1907). В 1871 г. закончил Военную академию. Стажировался в Австро-Венгрии. В 1907–1909 гг. – инспектор артиллерии. В 1909–1916 гг. – командир Моравской дивизии.

⁶ Будучи в изгнании (с 1858 г., вместе с отцом – князем Александром), Петр Карагеоргиевич закончил французскую военную академию Сен-Сир. В ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг. воевал на стороне французов и был награжден орденом Почетного легиона, а в 1875 участвовал в Боснийско-герцеговинском восстании под именем воеводы Петра Мрконица.

Балканские воспоминания

Т. I. Ч. 1 (1908–1912 гг.)**

*<...> Сербия.
Сербо-болгарские отношения.
Белград, 1911 год****

<...> Утром 29-го сентября 1911 года, в день объявления Италией войны Турции¹, я выехал из Константинополя в Белград. Семья пока осталась на Босфоре² <...>.

* Штрандтман Василий Николаевич (1877–1963) – дипломат, 1-й секретарь Русской миссии в Белграде и Нише (1911–1915); в июле–декабре 1914 г. – временный поверенный в делах России в Сербии (после смерти Н.Г. Гартвига до прибытия Г.Н. Трубецкого). В 1897 г. закончил Пажеский корпус. В 1919–1944 гг. находился в эмиграции в Югославии; возглавлял различные эмигрантские организации. После краткого пребывания в Австрии, Баварии и Швейцарии, в 1947 г. переселился в США. Скончался 19 ноября 1963 г. в Вашингтоне. Похоронен в монастыре Св. Троицы в городе Джорданвилль (штат Нью-Йорк).

** Рукопись первого тома (3-й машинописный экземпляр) «Балканских воспоминаний» В.Н. Штрандтмана обнаружена недавно усилиями собирателей, хранителей и публикаторов наследия русской эмиграции в Сербии (Югославии) И.Н. Качаки и А.Б. Арсеньева в Бахметевском архиве Колумбийского университета США (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University. Collection «The Maria and Nikolai Sviatopolk-Mirskii Papers». Box 1). В переводе на сербский язык они были изданы в Белграде (см.: *Штрандтман В. Балканске успомене*. Превео Ј. Качаки. Београд, 2009). Благодаря любезности и помощи А.Б. Арсеньева мы получили возможность ознакомиться с копией *русского* оригинала «Воспоминаний», отрывки из которого включены в данное издание. Выражаем ему свою искреннюю признательность. Мы благодарим также куратора Бахметевского архива госпожу Татьяну Чеботареву за разрешение на публикацию «Балканских воспоминаний» В.Н. Штрандтмана на русском языке.

*** Здесь и далее выделено в оригинале.

После сербской границы поезд стал продвигаться через «Сичевачку Клисуру»³ – ущелье с живописными скалами, над которыми кружили орлы. В полдень же мы миновали Ниш, откуда дорога пролегает по характерным для Сербии холмистым полям, поделенным изгородями на участки и пересеченным оврагами и зелеными рощами. Картина столь дорогой для всякого серба «Шумадии» – сердца Сербии <...>.

К вечеру поезд стал приближаться к цели моего путешествия, и мы остановились у станции Белград, когда уже совершенно стемнело.

Встретил меня второй секретарь миссии В.Н. Муравьев, предложивший мне немедленно поехать к ожидавшему меня посланнику Николаю Генриховичу Гартвигу⁴. Муравьева я до того не знал. Он мне показался очень ловким и смышленным человеком. Озадачил он меня с первых же слов своим заявлением, что на следующее утро он навсегда покидает Белград, и не особенно меня поздравлял с моим новым назначением. «Вы сами увидите, – сказал он, – когда осмотритесь!»

Станция произвела на меня довольно грустное впечатление, плохо освещенная и неопрятная. Поехали мы на парном извозчике по ухабам станционной площади и Неманиной улицы⁵. Редкие электрические фонари бросали тусклый свет. Направо и налево виднелись пустыри, частью заросшие деревьями. После поворота вверх по улице Милоша Великого⁶ Муравьев показал мне с левой стороны, в низине, в глубине ряда деревьев небольшое одноэтажное здание, сказав, что это министерство финансов. Лошади пошли шагом, и я довольно ясно мог различить церковь Вознесения, небольшую, выкрашенную в белый цвет, с пятью синими куполами. После поворота на улицу короля Милана⁷ мы скоро остановились у подъезда Императорской российской миссии. Тут освещение было более яркое, справа виднелся старый королевский дворец; против миссии начатая постройка нового дворца; улица была вымощена, как и везде, «по-турецки», большими булыжниками, и по сторонам обсажена довольно старыми деревьями.

Посланник немедленно меня принял в своем большом рабочем кабинете за письменным столом. Он грузно приподнялся, чтобы поздороваться со мной, и лицо его, обрамленное длинной бородой, не выражало ничего приветливого, а сравнительно маленькие глаза неискренне, как мне показалось, старались улыбнуться. Затем он меня представил своей жене Александре Павловне⁸ и дочери Людмиле Николаевне <...>.

Фигуру Гартвига я знал, встречая его в министерстве иностранных дел в первые годы моей службы. По почти общему мнению, это был умный,

властный и неприятный человек, с которым трудно было работать <...>. Н.Г. Гартвиг занимал тогда место директора Первого азиатского департамента министерства иностранных дел, в ведение которого входили вопросы, касавшиеся всего Востока. Он был тонким знатоком всех многочисленных проблем, связанных с восточной политикой России. В частности, он был знаком со всеми главнейшими деятелями балканских государств, которые приезжали в Санкт-Петербург в поисках поддержки России в вопросах, касавшихся их национальных вожелдений <...>.

Александру Павловну Гартвиг я лично не встречал, за исключением одного раза, а именно – на передвижной выставке картин в Петербурге. Тогда она была замужем за Фонвизиным⁹. Мне ее показали как знаменитую русскую красавицу, общество которой очень ценил великий князь Николай Николаевич¹⁰. Она была действительно красива, но с неприятным выражением глаз. В супруге посланника я с трудом мог ее узнать. Она мне показалась очень постаревшей и утратившей всю прежнюю привлекательность. Между тем ее голос, манера выражаться с резкими выкриками произвели на меня неприятное впечатление. Зато дочь посланника от первого брака, Людмила Николаевна, очень некрасивая, показалась мне симпатичной, умной и несчастной. Ей было более 30 лет, и я вскоре понял, что ее положение между горячо любимым отцом и мачехой было очень незавидным.

На следующее утро я встал довольно рано, чтобы, не торопясь, пройти пешком в миссию. По дороге я впервые увидел большое здание, где находилась гостиница «Москва», на площади «Теразие». Оно было построено в 1906 году страховым обществом «Россия» и вмещало канцелярии представительства этого Общества в Сербии. Это, единственное по величине, здание резко выделялось между соседними домами, почти сплошь одноэтажными. В панораме Белграда, расположенного при слиянии Савы с Дунаем, выделялись лишь колокольня Соборной церкви – символ веры, королевский дворец с его тремя куполами – символ королевской власти, и гостиница «Москва» – символ надежд на Россию! Сербская столица насчитывала тогда около 70.000 жителей <...>.

Днем я поехал на окраину города к нашему военному агенту полковнику Генерального штаба Виктору Алексеевичу Артамонову¹¹. По дороге к нему я, как и утром, наблюдал за движением в городе, которое меня поразило, собственно говоря, почти полным отсутствием. Прохожие и конные экипажи были весьма редки, автомобилей совсем не было, кроме одного у короля Петра Первого и одного у французского посланника. Они, впрочем, предпочитали, из-за скверных дорог в Сербии, выезжать толь-

ко в северном направлении от города, т. е. в Австро-Венгрию, пользуясь паромом через Саву. По городу ходили трамваи, очень старого типа, с медленным ходом вследствие неисправности трамвайного полотна.

Полковник Артамонов, с женой Людмилой Михайловной и двумя детьми-мальчиками, жил вблизи Обсерватории. Вокруг виднелись только редкие небольшие домики, и все остальное пространство было занято пустырями и кукурузными полями. Артамонов принял меня очень сердечно и сразу предложил мне пройти в столовую, где был скромно, но уютно накрыт стол с самоваром. Виктор Алексеевич Артамонов с интересом ознакомился с рассказами сербского военного агента в Константинополе о предполагаемом сближении между Болгарией и Сербией. Он сказал, что, по его сведениям, дело действительно принимает серьезный оборот, и сербское Военное министерство усиленно работает над комплектованием недостающих запасов всякого рода снабжения <...>. Король Петр мало вмешивается в дела, строго придерживаясь своих ограниченных конституционных прав, но армия его очень интересует. Сознывая свои годы и свое болезненное состояние, он посвящает престолонаследника королевича Александра во все подробности военной техники. Все симпатии королевского дома и радикального правительства, руководимого непосредственно или косвенно Николой Пашичем, принадлежат России. Остальные партии – самостийники¹², напредняки и либералы – с их вождями были бессильны предложить народу более существенную поддержку, чем от матушки-России, являвшейся защитницей против самовластной Турции и агрессивной Австро-Венгрии. В.А. Артамонов охарактеризовал главных военных авторитетов в Сербии – генерала Путника, полковников Божановича¹³, Мишича¹⁴, Хаджи-ча¹⁵, Янковича, Боевича и Бошковица – как храбрых и дельных военных людей. Он меня посвятил в работу так называемой «Черной Руки»¹⁶, т. е. группы офицеров, частью бывших причастными к свержению династии Обреновичей и считавших свой авторитет первенствующим и неоспоримым в государственных делах. Им были названы офицеры Пера Живкович¹⁷ и Драгутин Димитриевич, прозываемый «Аписом»¹⁸. Во время покушения на короля Александра Обреновича Пера Живкович принимал непосредственное участие в этом дворцовом перевороте, будучи одним из офицеров внутренней охраны дворца. С этой группой лиц не только правительству, но и династии приходилось считаться, несмотря на ее тайную организацию.

По ходу нашей беседы Артамонов коснулся и посланника. Его умственные способности и образование не подлежали ни малейшему со-

мнению, но характер его был более чем тяжелый <...>. Авторитет Гартвига в глазах сербов – чрезвычайный, а иностранные представители ему завидовали и не могли с ним не считаться. Дипломатический корпус разделен на два лагеря, соответственно с группировкой держав в Европе. Это отражается не только на политике, но и на личных отношениях в обществе. Виной этому иностранцы считают Гартвига и сравнивают положение в Белграде с жизнью в Бухаресте, Афинах и даже в Софии, где, несмотря на разницу политических тенденций, все иностранцы поддерживают между собой дружественные отношения. Жену посланника Александру Павловну он считал «львицей» – в отставке, но сохранившей свои зубы!

Что касается внутренней безопасности в стране и порядка по сравнению с Софией, то наш военный агент определенно высказался в пользу Сербии. Когда я ему рассказал, что по случаю подобного же сегодняшнему моему визиту военному агенту в Софии полковнику М.Н. Леонтьеву¹⁹, последний мне горячо советовал не выходить на улицу без револьвера, чего я никогда не делал ни до, ни после этого предупреждения, В.А. Артамонов мне живо ответил, что в Белграде и вообще в Сербии входные двери в домах редко запираются, а в Болгарии самовольству и самоуправству «македонствующих» действительно нет границ.

До своего назначения в Белград в 1909 году В.А. Артамонов был в Греции, что давало ему известный расширенный кругозор по вопросам балканской политики <...>.

На третий день по моему приезду в Белград король Петр пригласил к себе на разговор Гартвига. По возвращении из дворца последний казался озабоченным. Беседа касалась полученных от сербских агентов сведений о сосредоточении австро-венгерских войск вдоль границы Ново-Базарского санджака²⁰. Крайне осторожный и осмотрительный король Петр на этот раз решительно предупредил Гартвига, что в случае перехода австро-венгерских войск в Санджак Сербии никакими средствами нельзя будет удержать от противодействия.

С другой стороны, из Болгарии участились сведения о постепенном нарастании настроения в пользу соглашения с Сербией, однако таковое могло иметь в виду лишь непосредственно интересовавшие Болгарию к ней прилежавшие турецкие области <...>.

Гартвига эти сведения сильно интересовали, тем более что в Белград приехал из Софии болгарский посланник в Берлине Димитрий Ризов²¹, по происхождению македонец, энергичный и ярый болгарский патриот. Ему отчасти принадлежал почин нового сербско-болгарского

соглашения, причем он взялся воздействовать на македонские комитеты <...>.

Из разговоров с Ризовым Гартвиг почерпнул и некоторые малоутешительные сведения: Болгария претендовала на сан-стефанские границы²² и даже с известными приращениями. Царь Фердинанд считал, что Сербии предстоит исчезнуть, т. е. быть поглощенной Австро-Венгрией. Вместе с тем он имел иллюзию относительно доброжелательства Австро-Венгрии к его стремлению дойти до Салоник на Эгейском море <...>.

Этот день* торжественно отмечался нашими представителями за границей, особенно в балканских столицах. После богослужения в православных храмах устраивался в российских императорских миссиях прием с угощением для всех желавших принести свои поздравления представителю России. В Белграде прием был роскошно обставлен, согласно присущему Гартвигу русскому гостеприимству. На этот раз в белградской Соборной церкви, за болезнью короля Петра, присутствовал престолонаследник королевич Александр со своим двоюродным братом принцем Павлом (которому судьба сулила стать регентом Югославии в 1934 году)²³. На богослужении присутствовали представители всего государственного аппарата, гражданского и военного. Дневной прием у посланника посетили министры с женами, очень многие депутаты скупщины, преимущественно из Радикальной партии, в числе которых был один, всегда ходивший в крестьянской одежде, профессора университета, выдающиеся представители Военного министерства и Генерального штаба, сотрудники главных местных и европейских газет, председатели и представительницы сербских благотворительных обществ, возглавители и члены Русско-Сербского клуба, основанного в 1903 году, все иностранные посланники и поверенные в делах, а также немногие военные агенты, пребывавшие в Белграде, и многочисленные друзья России, в числе которых можно было видеть и крестьян из окрестностей столицы. Прием длился до вечера, а присутствие королевича Александра и принца Павла давало возможность иностранцам черпать новые впечатления из общения с ними <...>.

Атмосфера была крайне уютная, и я впервые мог наблюдать трогательную простоту нравов жителей Белграда. Они чувствовали себя как дома, и были случаи, когда заботливый отец семейства заворачивал в носовой платок кусок торта с кремом или что-либо иное, что ему казалось особенно вкусным, бережно пряча эти лакомства в карман <...>.

* День тезоименитства Николая II – 19 декабря.

Из тактических соображений Гартвиг не ухаживал за представителями местной печати. По его мнению, было осторожнее не давать излишних поводов для освещения различных стоящих на очереди политических вопросов, основываясь на том или другом мнении русского посланника. Положение последнего было настолько крепко, что он не опасался каких бы то ни было выражений неудовольствия за свою молчаливость. Переживавшийся Сербией очень тяжелый кризис, в развитии которого в представлении всех сербов Россия должна была участвовать, вполне оправдывал линию, занятую посланником.

Наиболее влиятельными газетами того времени могу назвать «Самоправу», орган Радикальной партии Пашича, «Правду»²⁴, главным редактором которой был Пайя Маринкович, член «самостоятельной» (самостоятельной) партии²⁵, и «Политику», которую министерство иностранных дел могло использовать для проведения своих планов, ибо семья Рибникаров²⁶ — отец и сыновья — тогда слыли за независимых журналистов. Были другие органы, как «Одъек»²⁷, «Пьемонт»²⁸, орган «Черной Руки», проводивший идею, что Сербия является Пьемонтом²⁹ на Балканах, «Застава»³⁰ и два ежемесячника — «Мали журнал»³¹ и «Српске новине»³², которые отмечали политическую жизнь страны и развитие ее культурных сил.

Когда Российская миссия считала нужным давать или уточнять те или иные сведения через печать, Гартвиг пользовался драгоманом* Мамуловым³³, сохранявшим полезные связи со всем газетным миром. Говорить о том, что сербское общественное мнение могло существенно влиять на решения правительства, пожалуй, было бы самообманчиво, но газеты служили в руках политических деятелей орудием для производства желаемого ими впечатления — будь то внутри страны, будь то за границей. Часто приходилось слышать, что поднятый правительством вопрос передавался им в определенном освещении в печать, а впоследствии правительство ссылалось на давление общественного мнения, якобы отражавшего волю народа, через эту же печать.

По этому поводу следует добавить, что Сербия в этом отношении не являлась исключением среди остальных европейских государств <...>.

Сербия, как и вообще балканские государства, продолжала жить по юлианскому календарю, по так называемому старому стилю, с опозданием во времени в XX веке на 13 дней. Таким образом, все церковные праздники не праздновались одновременно с остальной Европой, кроме России, которая также придерживалась старого стиля.

* Драгоман (сербск. турцизм) — переводчик.

Православное Рождество Христово приходилось по новому календарю на 7 января. Церкви были широко открыты для молящихся. Экономическая жизнь страны замирала. Школы и правительственные учреждения были закрыты. Жители должны были заранее запастись съестными припасами и разного рода лакомствами на три праздничные дня. Характерной особенностью этого предпраздничного времени являлся почти сплошной пороссячий писк на улицах от закупленных на рынках поросят, которых несли или в мешках, или просто под мышкой. На Балканах праздничное угощение редко обходилось без жареного поросенка, который служил тем же яством, как в других странах либо гусь, либо индейка.

За много дней до Рождества на улицах продавались сухие дубовые ветки с листьями, а подчас и маленькие деревца, подлежащие сожжению в домашней печи вечером в сочельник. Этот древний обычай назывался сожжением «бадняка»³⁴. Для короля большое дубовое дерево привозилось из лесу либо специальным отрядом гвардии, либо юнкерами военной школы. Для этого бралась военная повозка, на которой и укладывался «бадняк», разукрашенный национальными лентами. Такой конный кортеж, в сопровождении хора трубачей, шел прямо из леса в королевский «конак» — дворец, где «бадняк» вносился в большой зал. В присутствии короля и королевской семьи он клался стволом в горящий камин и постепенно сжигался. Король желал всем присутствующим счастливого Рождества Христова, по-сербски «сретан Божич». Эта церемония, пока она шла по городу, привлекала массу гуляющего народа.

В Российской миссии, как и в некоторых сербских домах, зажигалась елка, на которую посланник и его жена приглашали своих сотрудников и друзей.

*Белград, 1912 год.
Первая Балканская война*

Новый год в Белграде особенно торжественно не праздновался. В церквях ночью возносились молитвы о ниспослании мира и благоденствия на страну. Уже с вечера раздавались близкие и отдаленные выстрелы, как это было принято во всех балканских столицах по такому или подобным поводам. На мои расспросы о происхождении этого обычая я получил от нашего драгомана Мамулова разъяснение, что эти выстрелы означают бодрость духа сербского народа, всегда готового за-

щищаться от врагов. Стрельба производилась боевыми патронами, так что не обходилось без случайных жертв. Так называемые хлопушки, которыми особенно увлекались уличные мальчишки, появились позже, когда городская полиция стала строго преследовать стрельбу боевыми, не холостыми патронами.

У нас специального приема не было, но посланник пригласил весь личный состав миссии к себе, и двери дома были открыты для всех, желающих принести поздравления с Новым годом. Число их было довольно значительно. Гости могли пользоваться всегда обильно снабженным буфетом и были рады осушить чашу доброго вина за русского царя и за Россию <...>.

Между тем переговоры между Белградом и Софией не прерывались. Сербь предлагали выделить в секретную конвенцию статьи, предусматривавшие осуществление сербских и болгарских задач и определявшие общее между ними разграничение в случае занятия турецких территорий. Для достижения соглашения сербы считали желательным воздействие России на болгар, о чем просил министр иностранных дел Милованович. Но, если вопреки чаяниям, соглашение не было бы достигнуто, — сербское правительство настаивало на арбитраже России. Уже сделанные Миловановичем территориальные уступки болгарам не всецело одобрялись Пашичем, и он соглашался на них исключительно в виду общей обстановки.

Царь Фердинанд <...> стал выказывать интерес к соглашению после своего возвращения из Вены. По сведениям Гартвига, Гешов³⁵ приписывал перемену настроения царя Фердинанда слухам о готовности графа Эренталя³⁶ сговориться с Россией. В таком случае не было места надеждам на осуществление болгарских национальных вожделений на Эгейском море, эрго* — нужно соглашение с Сербией³⁷ <...>.

Моя жена и дочь находились с осени в Белграде. Нам удалось нанять удобную виллу на улице Милоша Великого, на самой окраине тогдашнего Белграда. С верхнего балкона расстилался вид на Саву и слияние ее с Дунаем ниже Земуна, называвшегося под Австрией Землин. Поражало почти полное отсутствие судоходства и движения каких бы то ни было лодок и судов. Пейзаж оживлялся только редкими поездами, проходившими по железнодорожному мосту в одну колею по направлению в Земун и обратно, и еще более редкими пароходами по Дунаю вниз и вверх. Такая почти мертвая тишина на этих мощных водных путях объ-

* От лат. *ergo* — следовательно, значит.

яснялась тем, что пограничная линия между Сербией и Австро-Венгрией пролегла по руслу этих рек. Изредка ночью слышались выстрелы, раздававшиеся с противоположного берега: австрийские пограничники стреляли по сербским лодкам, которые ночью пытались передвигаться вдоль сербского берега, иногда с контрабандными намерениями. Ответных выстрелов не было слышно, т. к. сербская пограничная стража очень слабо следила за всем происходившим на пограничной линии, несмотря на бойкот австро-венгерских товаров, начавшийся после аннексии Боснии и Герцеговины.

Со времени моего прибытия в Белград, я постепенно ознакомился с условиями столичной жизни. Вопреки моим ожиданиям, она ничего общего не имела с тем, что я наблюдал в Софии. Дипломаты жили недружно, отдельными кликами, так что было затруднительно приглашать их без тщательного подбора. Сербских открытых домов почти не было. Сербь к себе звали крайне редко, хотя их квартиры, зачастую небольшие особняки, были уютно и хорошо обставлены. Согласно сербской традиции, тщательно соблюдаемой, дом всякого серба был широко открыт раз в год, в день семейной Славы³⁸. Ни дни рождения, ни именины не праздновались, а только «Крсна Слава». Это семейное торжество является прославлением того святого, в день памяти которого предки приняли святое крещение. День начинался с домашнего богослужения и с «сечения колача» (колач – особо испеченный хлеб), который знаменует Тело Христово, а возливаемое на него вино – Кровь Спасителя. Колач ставится на почетное место, и при нем горит большая и иногда узорно украшенная свеча на специальном подсвечнике. При этом присутствуют главным образом семья и самые близкие друзья. После богослужения следует прием гостей в течение всего дня с угощением и вином. Характерной чертой является обычай, возбраняющий хозяину садиться, хотя бы на короткое время. Угощение состоит из «жита» (род русской кутьи), которого полагается взять одну ложку и пожелать хозяевам «Сретну (т. е. счастливую) Крсну Славу». Затем чередуются подаваемые на подносах соленые и сладкие домашние изделия, а также вино и ракия, и в завершение – чашка турецкого кофе. Выпив ее, как нам говорили, можно уйти, чтобы уступить место постоянно чередующимся гостям. На следующий день <...> празднество продолжается, но поздравителями бывают в основном одинокие женщины. В деревнях, если настроение выдавалось веселое и хозяева достаточно богаты, гости задерживаются и на третий день. Селяк-крестьянин, делая экономию в течение года, на свою Славу не жалеет никаких средств, чтобы угостить друзей. «Слава» яв-

ляется центральным событием в году. Этот древнейший обычай так укоренился в сербском народе, что даже семьи, отпавшие по политическим или другим причинам от православия и перешедшие в католичество или мусульманство, часто его сохраняют. Не принести поздравления в день Славы считалось большой обидой.

Сербов нельзя назвать богомольными, но они в душе очень религиозны. Селяки обыкновенно уважают и любят настоятеля своего прихода, но в церковь, кроме старых людей, ходят редко. Они говорят так, что они сами работают и с охотой снабжают священника всем необходимым для жизни и рассчитывают, что он будет усердно молиться за них. Праздники они соблюдают — двенадесятые, национально-церковные и государственные и тогда собираются во дворе своего храма.

В городах среди образованного класса вера православная несколько слабее, но все без исключения, когда на долю страны выпадает та или другая удача, утверждают, что это естественно, т.к. Господь Бог, несомненно, принадлежит к их народности. На вопрос, какой они веры, они отвечают — сербской. Женщины более чувствительны к религиозным вопросам и соблюдают посты, заставляя детей и их мужей следовать их примеру.

Религия у них нераздельно связана с национальным вопросом. Они не выносят оскорбления православной веры и реагируют единодушно и резко.

Тем не менее они веротерпимы и первыми не затрагивают людей иных религий, а живут согласно их народной пословице: «Брат мио ма ко вере био»*, что значит — брат мил, какой бы веры он ни был. В Белграде сохранилась одна мечеть, что было достаточным по числу проживавших там магометан; одна католическая церковь при Австро-Венгерской миссии и одна синагога. По поводу последней следует отметить, что еврейского вопроса в Сербии не было. Евреи, по-сербски называемые жидами, считались искренними и испытанными сербскими патриотами. Случаев в их среде предательства не было, и потому отношение к ним было дружественное.

Отношение к католичеству носило характер недоверия, основанного на политических причинах, в виду враждебного отношения к православной Сербии и Австро-Венгрии, в которую входят Хорватия и Словения, и Италии, и самовластного, недружелюбного царя Ферди-

* В.Н. Штрандтман не совсем точен, правильно: «*Брат је мио, ма које вере био*».

нанда, оставшегося в католической вере и после принятия им княжения в Болгарии.

Еще в недавнее время крупной промышленности в стране почти не было. Население было земледельческим, поэтому большой капитал в частных руках был редок. Всякого рода чиновники на государственной службе получали поистине грошовое вознаграждение. Даже для министров был положен оклад в 12.000 динар в год, а между тем с них требовалось представительство, быть одетыми по-европейски и иметь сюртук, фрак и цилиндр для торжественных случаев. Честность и скромность сербов была действительно достойна всякого уважения. Знакомясь с ними и проникая в их психологию, я, в противоположность к болгарам, невольно не мог не вспомнить красного словца Мориса Палеолога³⁹, который за интимным обедом у сэра Джорджа Бьюкенена⁴⁰ в Софии задал присутствующим загадку: «Чем надо быть, чтобы стать министром в Болгарии?» Ответил он сам: «Надо быть авиатором, т. е. уметь летать» (*il faut être aviateur, c'est à dire, savoir voler*). «Летать» и «красть» по-французски являются синонимами*. Вот чего достигла житейская школа царя Фердинанда в Болгарии. У сербов все было почтенно и просто.

Естественно, что, при таких условиях скромности жизни, в Белграде завязывать личные отношения было нелегко. Общественного клуба не было, и мужчины проводили время в «кафанах» в нескончаемых беседах на политические темы: женщины оставались дома, занятые хозяйством в самом широком смысле этого слова. Прислуги почти ни у кого не было. Стирка белья тоже происходила дома, на что шло ежемесячно три полных дня, а иногда и больше. В эти дни муж изгонялся из дома. В патриархальных семьях хозяйка не садилась за стол, когда к обеду были гости, и прислуживала. Молодые девицы и даже некоторые молодые женщины, здороваясь со старшими, целовали им руку, не исключая и мужчин, что случалось и со мною, к моему большому смущению. При входе старшего молодежь всегда уступала место, даже незнакомым лицам. Такие нравы не могли не привлечь моей симпатии <...>.

Сербия, когда я впервые ознакомился с ее жизнью и бытом, была очень маленьким государством с населением, не достигавшим 3.000.000. Она была окружена с юга и запада турецкими владениями с недружелюбной властью, с севера к ней прилегала угрожающая и враждебная Австро-Венгрия, а с востока — братская, но коварная Болгария. Территориальная поверхность Сербии равнялась только 18.500 квадратным ми-

* В.Н. Штрэндтман неточен, это — *омонимы*.

лям. Самая длинная железнодорожная линия тянулась от Белграда на Дунае через Ниш до Вранье на турецкой границе и измерялась 555 километрами, т. е. приблизительно 300 милями. Вся железнодорожная сеть, включая 200 с лишком миль узкоколейного пути, достигала 750 миль. Главная магистраль из Западной Европы проходила через Белград, Ниш и далее через Софию на Константинополь. Эта крошечная страна омывалась с севера пограничными реками Дунаем и Савой, Дриной с запада⁴¹ и Тимоком с востока. Река Морава, приток Дуная, протекающая с юга на север внутри страны, всецело принадлежала Сербии. Все реки, кроме Дуная и Савы, не были судоходными, но обилие приносимой ими влаги обеспечивало хорошие урожаи. Весной вся страна утопала в цветущих фруктовых садах, главным образом слив, которые вывозились в большом количестве за границу. Рогатого скота, правда, мелких пород, было достаточно. Сравнительное благополучие народа основывалось на урожае хлеба и табака, а равно и на добыче угля и меди в руднике Бор⁴², залежи которой, со следами золота, сулили более богатое будущее.

Сербия мне представлялась крошечным цветущим садиком, окруженным со всех сторон дремучими лесами, из которых были готовы во всякое время появиться озверевшие люди, чтобы затоптать этот благословенный уголок земного шара. Сербы мне говорили, что они живут изо дня в день под страхом набегов соседей. Когда я их спрашивал, почему их столица так невыгодно с внешней стороны отличается от столицы Болгарии, они мне отвечали, что не имеет смысла отстраивать большие дома, потому что рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению. Выдержим ли мы, говорили они, такое испытание — вопрос будущего, и все будет зависеть от мудрости наших политических деятелей и от храбрости нашего малочисленного войска, тех десяти пехотных и одной кавалерийской дивизий, которые мы можем противопоставить несметным неприятельским силам. При этом они ссылались на «Майку Русию», как на старшую сестру, которая их не покинет в предстоящей борьбе за жизнь и свободу. Более откровенные мои собеседники, новые друзья, напоминали, что в прошлом Россия отдавала предпочтение Болгарии. Они указывали на Рейхштадское соглашение, по которому Россия отдавала Сербию под влияние Австро-Венгрии⁴³; на Берлинский конгресс, когда сербский делегат Ристич обратился к русскому представителю графу Шувалову⁴⁴ ** с жалобой на пренебрежение в договоре сербских интере-

* *Мајка Русија* (сербск.) — Матушка-Россия.

** В.Н. Штрандтман ошибается — Йован Ристич в ходе Берлинского конгрес-

сов и получил в ответ совет обратиться с протестом к австро-венгерскому делегату графу Андраши⁴⁵; наконец, Мюрцштегское соглашение, подписанное графом Ламздорфом⁴⁶ и графом Голуховским⁴⁷ в 1903 году⁴⁸, которое как будто ставило интересы подъяремного населения Балканского полуострова под международный, холодный и расчетливый контроль держав, тогда как Россия отказывалась от принадлежавшего ей по вере и крови права на первенствующее значение. Подчас было трудно отвечать, особенно тем собеседникам, которые не верили в готовность им помочь, преувеличивая ее мощь, и утверждавшим, что ей достаточно «топнуть ногой», чтобы вся Европа подчинилась ее желаниям. Среди этих сомневавшихся сербов могу назвать Мирослава Спалайковича⁴⁹, близкого и преданного сотрудника Николы Пашича, рассчитывавшего на великодушие России и на ее покровительство в случае действительной опасности, как это и было в 1876 году, когда Сербии опять грозило возвращение к тяжелому прошлому⁵⁰. Отвечая им, я не мог не указать на колебавшуюся политику короля Милана и короля Александра Обреновичей, которые не доверяли, может быть, по формальным причинам, преданности России общеславянским идеалам и солидарности. Россия не могла рисковать своими и общеславянскими интересами, и потому ей приходилось избегать всяких острых конфликтов, вызванных второстепенными факторами. Но когда враждебная ей политика угрожала самостоятельности того или иного из балканских народов, она, насколько можно было судить по историческим данным, бралась решительно за оружие в их защиту⁵¹.

К сожалению, так же как и в Болгарии и Черногории, с которыми я уже имел случай ближе ознакомиться, так и здесь в Белграде, я встречал мало желания понять действительные возможности России. Сплошь и рядом приходилось слышать, что русский царь всегда готов отстаивать всякое стремление балканских славянских братьев, но что его министры и окружение вообще не давали ему свободы действий. При этом указывалось на якобы германофильское направление руководителей русской политики, тем более что известные круги в Государственной думе и так называемые славянофилы обвиняли в этом последних двух чередовавшихся русских министров иностранных дел, называя их подчас не более и не менее, как предателями. В Белграде, однако, можно было найти

са обратился за помощью не к графу П.А. Шувалову, а к министру иностранных дел России и государственному канцлеру, светлейшему князю А.М. Горчакову. Смысл же ответа последнего передан мемуаристом достаточно точно.

вполне понятливых людей, главным образом в среде Радикальной партии, возглавляемой маститым и очень умным Николой Пашичем <...>.

Наступила весна, и деревья начали зеленеть. За зиму городское управление приняло решение вымостить центр Белграда более культурным и удобным для движения способом, чем турецкая булыжная мостовая. Были отпущены для этой цели значительные кредиты. Самый центр города, перед дворцом, и площадь Теразии, так названной в старину из-за находившихся на ней больших городских весов «теразии», получили торцовую мостовую, а прилегавшие улицы – асфальтовую. Беспорядочно росшие, иногда вековые, деревья были срублены и перед нашей миссией. Во время работ движение было приостановлено совершенно; улицы перерыты; по примитивным тротуарам трудно было ходить, что усугублялось дождливым временем года. Чтобы дойти до моего частного дома, я должен был надевать большие охотничьи сапоги. Два раза я себе вывихнул щиколотку, но можно было надеяться, что к концу лета эти работы закончатся и город примет более привлекательный вид. Меня, и не только меня, эти работы по замощению удивляли, принимая во внимание очень сгущенную политическую атмосферу <...>.

В этом 1912-ом году Видов Дан 15/28 июня, т. е. день всенародной памяти о битве на Косовом Поле в 1389-ом году⁵², выдался светлым и радостным. У населения замечалось приподнятое настроение. С утра громадные толпы богомольцев шли в Соборную церковь, или в храм Вознесения, или в Свято-Савскую церковь, чтобы присутствовать на богослужении и помолиться за погибших много веков тому назад сербских героев, жизнь свою положивших в борьбе с турками. Настроение толпы людей объяснялось теми сведениями, которые уже много месяцев появлялись в печати о беспорядках в Турции, с одной стороны, и с другой – о непрекращающихся строгих и жестоких мерах турецкого режима против славянского и греческого населения балканских областей Турецкой империи. Сербь приучились считать, безотносительно к тем или другим политическим комбинациям, о которых они мало или ничего не знали, что дальше так продолжаться не может. Этот внутренний душевный протест народ нес в церковь <...>.

Днем состоялись, в то время весьма редкие в Белграде, скачки <...>. После полудня толпы двинулись на Баницу⁵³. Городские извозчики были полностью мобилизованы. Собственные экипажи были за редкость. Подавляющее большинство жителей шло пешком. Когда я приехал на из-

возчике с моей семьей, то увидел на Баницком поле большую шатровую палатку и некоторый порядок при размещении прибывающего народа, так что очертания скакового круга обрисовывались. Посреди этого круга водили лошадей, предназначенных для скачек. Представители власти, дипломаты и распорядители скачек помещались в палатке или по сторонам ее. Никаких трибун не было, а искусственные препятствия были заготовлены по кругу. В числе номеров скачек были предусмотрены и состоялись состязания офицеров, унтер-офицеров и солдат, а кроме того, что вызвало неистовый восторг толпы, скачки «селяков» в их обычном повседневном наряде на их доморощенных лошадаках <...>.

В 1912 году Видовданские скачки походили на народный праздник под открытым небом. Толпа веселилась. Когда скачки закончились, вереницы посетителей расходились не только в направлении Белграда, но и по ухабистым шоссе и дорожкам в обход Авалы⁵⁴ на юг и на запад. Устроители скачек были довольны не только достигнутым скромным спортивным успехом, сколько картиной мощной народной манифестации <...>.

На политическом горизонте, положение в Турции служило большим соблазном для ее балканских соседей. Росло возбуждение против партии «Единение и прогресс»⁵⁵, т. е. против режима, мало отличавшегося от способов управления султана Абдул-Гамида⁵⁶. Порта⁵⁷ как будто не заботилась об успокоении умов как на внутреннем, так и на внешнем фронте <...>.

В Белграде день тезоименитства короля Петра 29 июня/12 июля был торжественно отпразднован. Как всегда, состоялось богослужение с молебном в Соборной церкви в присутствии короля, королевича Александра, правительства, дипломатов и военных и гражданских властей. Стечение народа было необычайно велико не только перед собором, но и по всему следованию короля из дворца и обратно. Восторженное приветствие «Живео краль!»* раздавалось несмолкаемо. На всех лицах отражалось ликование, и взоры были устремлены на монарха с надеждой на лучшее будущее. Вечером во дворце состоялся у короля парадный обед для министров и аккредитованных посланников и сопровождавших их первых секретарей и военных агентов.

До обеда, когда гости собрались в большом дворцовом зале, отдельными группами были выстроены министры, духовенство и дипломаты. Король Петр и королевичи Александр и Георгий⁵⁸ здоровались со всеми по очереди, причем король задержался дольше в беседе с Гартвигом, за

* «Живио Краль!» (сербск.) – «Да здравствует король!»

которым стояли я и полковник Артамонов. Король интересовался сведениями, полученными о царской семье, о здоровье министра иностранных дел Сазонова⁵⁹, находившегося на лечении в Давосе⁶⁰, и, наконец, указывая на меня пальцем, спросил: «А кто этот молодой человек?» Посланник меня кратко представил, и после вопроса о том, когда и откуда я приехал, король поздоровался с нашим военным агентом и продолжал обход гостей. Король выглядел старым не по летам и уставшим. Походка была вялая, и былой бодрости во всей его фигуре не было. Впоследствии мне не часто пришлось видеть короля <...>.

Несколько дней спустя скоропостижно скончался председатель совета министров и министр иностранных дел Милованович. Лица, близко знавшие его, в том числе и Гартвиг, считали его выдающимся, образованным и очень общительным дипломатом. Он действительно умел располагать к себе всех иностранцев, которые в нем ценили честного и культурного человека. Его жена, по рождению румынка, способствовала его популярности, и всюду на различных заграничных постах чета Миловановичей пользовалась исключительным положением. Гартвиг был особенно близок с ним. Он пользовался Миловановичем для проведения тех или иных своих взглядов на разыгрывающиеся события. Милованович отличался большей гибкостью, чем Пашич.

Вопрос о замене покойного сравнительно легко разрешился. Был образован названный Гартвигом «неустойчивым» кабинет во главе с радикалом партии Пашича Марко Трифковичем⁶¹. Для всех было ясно, что это только была временная мера и что в случае необходимости Пашич сам встанет во главе правительства. Скупщина была распущена до сентября, когда посвященные сербы ожидали крупных событий. Но до роспуска скупщина проголосовала военный кредит в 21.500.000 франков на вооружение, необходимый в силу общей обстановки <...>.

17 октября 1912 года в шесть часов утра король Петр, в качестве Верховного главнокомандующего, отбыл с начальником штаба генералом Радомиром Путником в Ниш, где находилась Верховная команда*. Его сопровождали престолонаследник королевич Александр, назначенный командующим 1-ой армией, и князь Арсений⁶², брат короля, которому было доверено командование единственной сербской кавале-

* От сербск. *Врховна команда* – Верховное главнокомандование (Ставка верховного главнокомандования).

рийской дивизией. В Нише король должен был дать приказ о начале войны, и в субботу, 19 октября, должен был появиться манифест сербскому народу <...>.

Столица Сербии сразу приняла сосредоточенно серьезный облик. Народ сознавал все значение переживаемой минуты. Мобилизация проходила с неизвестной в истории быстротой и порядком. Люди были так воодушевлены, что бросали работу, чтобы сразу вернуться на сборный пункт. Мне известен случай, когда работавший в частном доме серб не закончил чистку сапог, узнав о призыве его возраста в войска; он бросился опрометью к своему хозяину, наспех попрощался, не взял причитавшихся ему денег и бегом отправился в местную комендатуру. В других случаях кучера оставляли экипажи и лошадей подчас на дороге, чтобы скорее поспеть на место призыва. Кухарки тоже бросали все и спешили уехать в деревню, чтобы заменить мужчин на работе. Воодушевление было неописуемое. Правительство, озабоченное предстоявшими финансовыми задачами, прекратило всякие общественные работы, что сказалось на улицах Белграда, где за минувшее лето только центр города был вымощен и тротуары приведены в некоторый порядок. Все остальные улицы, в первую очередь важная артерия – улица Милоша Великого, тянувшаяся за пределы города в западном направлении вдоль Савы, осталась разрытой, так что движение по ней на колесах было почти невозможно. Кредиты по замощению города были перечислены на чрезвычайные военные потребности. Так было со всеми ассигнованиями, не имевшими прямой задачей оборону государства. Все сербы твердо верили в успех и говорили, что Австро-Венгрия не посмеет тронуться с места, опасаясь России.

Сербский Красный Крест и военно-санитарные власти развертывали свою деятельность. Была организована, наряду с кадровыми госпиталями, целая сеть приемных пунктов для раненых. Сербские благотворительные общества открывали свои госпитали. Большинство дам дипломатического корпуса добровольно записались в сестры милосердия в госпиталь «Коло сербских сестар»⁶³. А.П. Гартвиг и ее падчерица, моя жена, Л.М. Артамонова и Э. Мамулова⁶⁴ – от нашей миссии, английская посланница леди Пэджет, от французов – мадам Буниольс, от немцев – жена посланника баронесса Гризингер и жена консула г-жа Шлибен, от австрийцев – баронесса Зайдлер.

Русский Красный Крест и Славянское общество в Москве снаряжали и командировали русских врачей и сестер милосердия, санитаров и обильный санитарный материал для открытия госпиталей в Сербии, Болгарии, Черногории и Греции. А.П. Гартвиг специально занялась орга-

низацией соответствующих больничных учреждений. Франция, Англия, Италия и даже Германия в большей или меньшей степени тоже оказали помощь, которая принималась сербским правительством и населением с большой благодарностью. Русские врачи и сестры милосердия завоевали исключительную симпатию сербов. Они, действительно, работали не за страх, а за совесть. Всеобщее признание и любовь заслужили наши хирурги, проявившие не только глубокое знание своей профессии, но и исключительно сердечное отношение к раненым. Что касается сестер милосердия, присланных из России, то они составили эпоху местного сестринского дела. Навсегда народ запомнил их искреннее милосердие, их ни чем не ограниченное самопожертвование при самых трудных обстоятельствах. Надо надеяться, что история отметит этот русский гуманный поход на Балканы* и что она займет много красивых страниц о порывах русского сердца на пользу братьев-славян. Здесь я могу только кратко упомянуть об этом <...>.

Первая сербская армия королевича Александра⁶⁵ начала наступление 7/20 октября по направлению на Куманово⁶⁶. На левом фланге двигалась вторая армия⁶⁷ на Кратово⁶⁸, а на правом – третья армия⁶⁹, имевшая целью Приштину⁷⁰ – Косовскую Митровицу⁷¹. 23 октября разыгралось знаменитое сражение под Кумановым. Когда нами было получено первое сообщение о нем, мой посланник не находил себе места, так что можно было опасаться за его здоровье. Во второй день сражения он непрестанно ходил по квартире и просил меня оставаться при нем. Мы знали, что турки оказали серьезное сопротивление, которое, однако, не было продолжительным. Помню, как под вечер 24 октября, когда мы ходили по столовой и гостиной, пришла телеграмма от Артамонова о том, что турки разбиты наголову и обращены в бегство. Сербы гнали турок в течение суток, а на следующий день город, бывший Ускюб, ныне Скопле⁷², выслал депутацию от городских властей, к которой присоединились иностранные консулы, навстречу сербской Моравской дивизии, прося принять город, покинутый турками.

* История его и «отметила» – русской помощи раненым сербам в период Балканских войн (1912–1913) посвящена глава из книги Г.И. Шевцовой «Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект)» (М., 2010), а также ее отдельная монография, в названии которой используется данное выражение В.Н. Штрандтмана (см.: *Шевцова Г.И. Русский гуманный поход на Балканы. 1912–1913. М., 2012*). Обе эти работы переведены на сербский язык.

После занятия Скопле Белград и вся Сербия стали праздновать победу над турками. Посланник, его жена и дочь, так же как и мы, все его сослуживцы, радовались одержанным сербскими войсками успехам. Не таковы были чувства, царившие в Вене и Будапеште, откуда приходили сведения о крайнем удивлении, чтобы не сказать болезненном разочаровании, вызванном в Австрии и Венгрии неожиданным ходом событий на балканских театрах войны <...>.

Сербы, согласно своему плану, решили гнать турок на юг, по направлению Велеса⁷³ и Битоля⁷⁴ <...>.

Вскоре после начала войны с Турцией приехал в Белград, по дороге в Софию, наш маститый и известный писатель В.И. Немирович-Данченко⁷⁵. Целью остановки в Белграде было желание повидать Н.Г. Гартвига, с которым его связывало давнишнее знакомство. Они встретились как друзья и говорили о создавшемся на Балканах положении вещей. Немирович-Данченко, зная настроение своего собеседника, весьма непосредственно и откровенно порицал сдержанность и миролюбие Сазонова, находя благодарного слушателя в лице Гартвига. «Подумайте, – сказал он, – до какой степени Сазонов невежда в вопросах, касающихся Балканского полуострова. Он думал, например, что Пирот принадлежит сербам, – какое безобразие». Гартвиг, рассказывая мне об этом, добавил, что он оставил Немировича-Данченко в заблуждении относительно границ между Сербией и Болгарией, будучи недоволен его отказом остаться в Сербии. С Болгарией у Немировича-Данченко были особые связи по Турецкой войне 1877–78 годов, участником которой он был. «Пусть он сам, – сказал мне Гартвиг, – переезжая границу, убедится в том, что в данном случае не Сазонов невежда, а он сам». Очевидно было, что Немирович-Данченко продолжал жить по тексту Сан-Стефанского договора⁷⁶.

К 30 октября штаб первой сербской армии с королевичем Александром был уже в Прилепе⁷⁷, а 1 ноября войска стремительно двинулись к Битолю, который был взят 2 ноября. Сербским батальонам приходилось двигаться по открытым рисовым полям, так что туркам было легко засыпать их стрелковые цепи убийственным огнем. Вследствие выпавших дождей поля представляли сплошное болото, в котором люди вязли и не могли с должной быстротой идти вперед. Произошла заминка. Некоторые части даже дрогнули. Как нам рассказывали очевидцы, в значительной степени спас положение королевич Георгий, показавший чудеса храбрости и своим примером увлекший свою часть на решительный приступ, который увенчался полным успехом. Вслед за тем, 11 ноября, был взят и Охрид⁷⁸.

Быстрое движение сербских войск на юг было тем более необходимым, что на греческом фронте туркам удавалось наносить грекам подчас чувствительные удары. В одном из столкновений греки потеряли значительное количество орудий, которое вскоре после этого было отбито сербами. Когда следующим летом сербам и грекам пришлось обороняться против их бывшего союзника, болгар, сербы вернули грекам захваченную у турок артиллерию <...>.

*Белград, 1913 год.
Вторая Балканская война*

Активная осада Скутари⁷⁹ сербскими и черногорскими войсками продолжалась. Только 10 марта турецкий главнокомандующий Эссад-паша⁸⁰ сдал город черногорцам с правом выхода турецких войск, и притом с оружием.

Сербские военные операции в Албании⁸¹, столь же молниеносные, как и движение на юг, создали значительные дипломатические затруднения. Австро-Венгрия стала категорически требовать ухода сербских войск с Адриатического побережья. В связи с этим великими державами было решено, что Скутари не будет принадлежать ни Сербии, ни Черногории. Под давлением не только Австро-Венгрии и Италии, но и дружественных держав, в том числе и России, сербы с болью в сердце были вынуждены сесть на корабли в Льеше⁸² (Сан-Джованни-ди-Медуа⁸³)* и отплыть в Салоники для возвращения в Скопле.

Огорчению сербского правительства не было границ. Оно обвиняло Россию в слабости перед постоянными угрозами Австро-Венгрии. Оно вспоминало нашу уступчивость в период аннексии Боснии и Герцеговины и даже говорило, что на Россию рассчитывать нельзя. Посланнику и всем нам, его сотрудникам, такие слова были крайне неприятны, ибо нам были хорошо известны причины, побуждавшие Россию избегать риска открытого разрыва с центральными европейскими силами. Наши возражения и объяснения не принимались во внимание, и нам приходилось испытывать немало горьких минут среди всеобщей сербской радости по случаю побед над турками и возмездия за косовское поражение, положившее начало пятивековому турецкому игу.

* В.Н. Штрандтман ошибается: итальянское название албанского города Леш – Алесслио.

На болгарском фронте решение вопроса о мире зависело от взятия Адрианополя⁸⁴, который после ряда кровавых вылазок сдался 16 марта 1913-го года⁸⁵. Сербы в этой осаде принимали самое деятельное участие, придя болгарам на помощь в силе 32-ух батальонов и 92-ух орудий, в числе которых находилась вся сербская тяжелая артиллерия⁸⁶. Без этой помощи, по словам военных авторитетов, осада Адрианополя могла бы затянуться на неопределенное время. С падением этой крепости война окончилась. Турция была разбита и просила пощады.

Местом для подписания мирного договора был выбран Лондон, куда стали съезжаться делегаты воюющих сторон. Когда делегат Болгарии, председатель Народного собрания Стоян Данев⁸⁷, проезжал через Белград, он задержался на короткое время и посетил Гартвига. Мой посланник воспользовался этим случаем, чтобы затронуть вопрос о праве Сербии на территориальные компенсации в благодарность за непредвиденную союзным и военным договором помощь Болгарии. В действительности предполагалось, что Болгария будет оказывать помощь Сербии. Территориальные компенсации, по мнению Гартвига, должны были заключаться в согласии Болгарии на сербский вариант разграничения Македонии, в частности, у Охридского озера⁸⁸. После отъезда Данева посланник мне рассказывал, насколько болгары не склонны идти навстречу, казалось бы, обоснованным сербским желаниям. Гартвиг предупредил Данева, что вопрос этот может привести к самым серьезным осложнениям. В ответ Данев заявил, что если дело дойдет до решения спора силой оружия, то Болгария раздавит Сербию как «клопа», и при этом сделал выразительный жест большим пальцем правой руки на письменном столе Гартвига...*

Само собой разумеется, что Данев повидал и Пашича, и жгучий вопрос о разграничении тоже был затронут. Однако до взаимных угроз дело не дошло, а в ответ на ясные намеки Пашича о компенсациях Данев ему предложил возместить Сербии стоимость тех затрат, которые были ею сделаны в связи с помощью Болгарии. Пашич не скрыл своего недоумения такими, по меньшей мере необдуманными, словами и спокойно сказал, что за пролитую сербами кровь деньгами заплатить нельзя <...>.

Мирные переговоры в Лондоне тянулись до мая месяца и закончились подписанием договора с Турцией 17/30 мая 1913 года⁸⁹. Несмотря на понесенные Турцией решительные поражения на всех фронтах, она выказала упорную несговорчивость. Ее поведение могло быть объяснено

* Здесь и далее многоточие без угловых скобок проставлено самим автором.

только тем, что чувствовалась нарастающая вражда между Болгарией и Сербией, которая могла выродиться в новый вооруженный конфликт. Нам в Белграде было известно, что уже в ноябре предыдущего года Болгария вела тайные переговоры с Австро-Венгрией, которая была озадачена сербскими военными успехами. А в марте текущего года Болгария, тоже тайно, переговаривалась с Турцией о прекращении своего наступательного движения к Константинополю, в результате чего она отвела свои войска от Чаталжи⁹⁰, чтобы их перебросить на свою западную границу, т. е. против Сербии <...>.

Южную границу в Македонии, по Лондонскому миру, Сербия могла принять только под условием исполнения всех пунктов сербо-болгарского договора и достижения ею одинаково жизненной задачи на Адриатическом море. Во время войны Болгария не только не исполнила все свои союзнические обязательства на македонском театре военных действий, но просила и даже требовала немедленно после Кумановского сражения отправки двух сербских дивизий и тяжелой артиллерии в помощь болгарским войскам, приступившим к осаде Адрианополя. Кроме того, Сербия помогла Черногории войсками и артиллерией, а Греции – решительной победой под Битолем, чем был обеспечен левый фланг и тыл главных греческих сил <...>.

Сербия, как видно, оказала большие услуги всем своим союзникам, и военные операции под Адрианополем, Скутари и Битолем стоили ей до 17.000 убитыми. Вместе с тем она была вынуждена, под угрозой войны с Австро-Венгрией, уйти с берегов Адриатического моря. По всем этим причинам сербское правительство считало себя вправе, в воздание своих заслуг, требовать компенсаций от Болгарии. Оно терпеливо ожидало благоразумных решений спора с главной своей союзницей, передав болгарскому правительству до заключения мира с Турцией ноту о пересмотре союзного договора, основываясь на неисполнении Болгарией своих обязательств и оказании Сербией непредусмотренной помощи на болгарском фронте. Болгария ответила 6 июня категорическим отказом. Вследствие сего сербское правительство вступило в переговоры с Россией о решении спора императором Николаем II как высшим арбитром. Болгария же явно избегала такого решения, и все уговоры российского правительства в апреле и мае к подчинению постановлениям сербо-болгарского соглашения оставались без последствий.

Император Николай II личными письмами к болгарскому и сербскому монархам от 26 мая 1913 года призывал их к сохранению союза и к отказу от братоубийственной войны и выждать решение Верховного ар-

битра. Ответ короля Петра Сербского был составлен в примирительном духе. Ответ же болгарского царя от 29 мая, насколько нам было известно, содержал даже оскорбительные для России суждения.

Болгария действовала под влиянием Австро-Венгрии, точнее сказать, военной партии в Вене, готовясь к решению спора оружием, чтобы поставить все державы перед свершившимся фактом. Она приступила к сосредоточению войск против Сербии и Греции. Болгарский Коронный совет 9 июня постановил обратиться к российскому царю, предлагая вынести решение на основании сербо-болгарского союзного договора в «семидневный срок». Это звучало ультиматумом. Далее тот же Коронный совет принял решение напасть на Сербию и Грецию, если Россия не выполнит обращенной к ней просьбы.

Впечатление на российское правительство, вызванное болгарским, так сказать, ультиматумом, получило свое выражение в ответе министра иностранных дел Сазонова болгарскому правительству, в котором говорилось, что последнему более нечего ожидать от России и что оно может забыть о каких бы то ни было ее обязательствах.

Поведение Болгарии не только по отношению к Сербии, но и Греции ускорило подписание 1-го июня особой конвенции между этими двумя государствами. Сербы более себя не чувствовали в полном одиночестве и довольно спокойно стали смотреть на дальнейшее развитие событий.

Атмосфера в нашей миссии действовала на меня удручающе. Несмотря на количество работы, я попросил у посланника хотя бы краткосрочный отпуск для поездки в [Санкт]-Петербург. Я считал, что политика Н.Г. Гартвига крайне вредна для русских интересов, и мое участие, хотя бы и не прямое, в его политических жонглированиях и настроениях в целях выдвинуть себя и топить всякое несогласное с ним мнение становилось несносным. Мне хотелось отойти от непосредственной близости к нему, и я был намерен настоятельно просить о переводе меня на другое место службы <...>.

Утром 17 июня, когда я шел в миссию, мне встретился наш старый курьер Иван Гачевич, который был послан за мной посланником, так как телефон не действовал. Иван сказал мне, что было получено от Пашича извещение о том, что болгары напали на сербские войска на Брегалнице⁹¹. Я ускорил шаг, хотя это и не было легко в гору по разрытым тротуарам улицы. Посланник был в крайнем волнении. Он мне сказал, что подтверждения известия о нападении болгар еще не было и что Люба Йованович⁹², сотрудник по кабинету Пашича, выступил в скупщине с речью по внутренним делам, с намерением ее не заканчивать до выясне-

ния создавшегося положения на Брегалнице или до получения опровержения зловещего слуха. Случилось худшее. Болгары напали на рассвете на сербов, и надо было считаться с тем, что братоубийственная война началась.

Уже в мае болгары неожиданно напали на греческие войска в долине Ангисты, истолковав свои действия как разведку. Ночью на 29 мая болгары захватили в плен один сербский патруль около Кривой Паланки⁹³. Такое поведение болгар указывало на их конечные цели и ускорило подписание военной конвенции между Сербией и Грецией. Далее, 2 июня болгары обстреливали сербов у Святого Николы⁹⁴, а 4-го болгарские «комиты»* пытались занять Златово⁹⁵. После этих показательных событий Пашич предупредил сербскую Верховную команду о возможности внезапного общего нападения болгар, а потому советовал быть наготове. Благодаря такому предупреждению мелкие нападения болгар, как у Каменитой Чуки и Редких Бука, могли быть легко отбиты.

По этому поводу Пашич рассказывал Гартвигу, между прочим, следующий инцидент, который рисует непосредственность, но и элементарную храбрость черногорцев. Черногорцам был отведен небольшой сектор на линии расположения сербских и греческих войск против болгар. Когда сербский полковник объезжал передовые позиции, он с недоумением обнаружил, что черногорцы не выдвинули передовых постов и вообще никакого сторожевого охранения не имели. На его замечание о недопустимости такого пробела, который мог бы дорого стоить сербским войскам, черногорский полковник, командовавший на данном секторе фронта, ответил: «Мы болгар не боимся, и потому мы не находим нужным их остерегаться». Само собой разумеется, что сербы настояли на исполнении общих приказаний относительно сторожевого охранения.

Нападение болгар на Брегалнице в течение ночи с 16 на 17 июня дало им некоторый успех, но постепенно положение изменилось в пользу сербов, и после жестокого боя болгары были разбиты и принуждены к отступлению.

Впоследствии командовавший одной из сербских дивизий полковник Стеван Хаджич мне рассказывал, что болгары во время первоначального своего успеха приканчивали раненых сербов и уродовали их трупы, положенные в ряд, самым невероятным и зверским образом <...>.

Переговоры с Турцией относительно Адрианополя не продвигались, и можно было предположить, что державы вряд ли придут к соглаше-

* *Комита* (сербск.) – повстанец в Македонии.

нию относительно его очищения турками, которые требовали и Кирк-Килисе⁹⁶. Неприятные последствия балканских событий ожидалось и со стороны Албании, и посланнику было поручено обратить внимание Пашича на серьезность этого вопроса, которому со стороны Австрии придавалось особое значение. Говоря мне об этом, Гартвиг подчеркнул следующие слова: «Пашичу сказать – все равно что никому не сказать». Такое мнение мне запомнилось навсегда. Я понял Гартвига в том смысле, что какие бы то ни было представления или советы, которые не совпадали с его планами или суждениями, не могли иметь успеха <...>.

Торжественный въезд королевича Александра в Белград во главе частей, стоявших под его командой, первой доблестной сербской армии состоялся в воскресенье 24 августа <...>.

Несколько дней перед тем была получена телеграмма от Извольского⁹⁷, который сообщил, что на Балканский полуостров выезжает из Парижа комиссия по инициативе Общества Мира «Карнеги»⁹⁸ и барона Дестурнель де Констан⁹⁹ для расследования учиненных воюющими во время Балканских войн зверств. От французов был назначен депутат Годар¹⁰⁰, а от России – П.Н. Милюков¹⁰¹. В Европе были очень озабочены сведениями о злодеяниях, в частности над мирным населением, в которых клеветнически обвиняли сербов, тогда как о зверствах болгар умалчивалось. Милюков был ярым болгарофилом и противником сербов. Всю вину за Балканские войны он сваливал на Сербию. Посланник знал, какой прием ожидал Милюкова в Белграде, а потому было бы благоразумным предупредить об этом Извольского в Париже и просить не допускать его приезда. Комиссия прибыла в Белград 23 августа, и на следующий день <...> Милюков виделся с посланником. Их разговор скоро принял бурный характер <...>. Гартвиг предупредил Милюкова, что сербы не желают иметь с ним дело. Он добавил, что Пашич его не примет <...>.

В ответ на просьбу Комиссии быть принятой Пашичем последний ответил, что готов принять всех, кроме Милюкова, т.к. сербское правительство не может допустить к работам по расследованию названного русского делегата, и только его одного. Вследствие этого председатель Комиссии заявил, что все делегаты солидарны с Милюковым и поэтому желают безотлагательно выехать дальше в Салоники.

При Милюкове, во время его пребывания в Белграде, состоял назначенный Пашичем чиновник министерства иностранных дел Цемо-

вич, которому было поручено предупредить Милюкова о возможности враждебных выступлений со стороны военных и молодежи в случае его открытых появлений в ресторанах и на улице. Вечером 25 августа, в присутствии Цемовича и бывшего министра Любы Стояновича, старого знакомого Милюкова, с которыми он сидел за одним столом в ресторане «Москва», к ним подошла группа демонстрантов. Один из них стал вслух читать недоброжелательную газетную статью Милюкова о Сербии, и затем все хором потребовали его удаления из Белграда. Цемович пытался успокоить собравшихся, и тем временем Милюкову удалось выйти из зала. На следующее утро вся комиссия выехала в Салоники. Пашич очень сожалел о случившемся, но не чувствовал себя ответственным, ибо Милюков был предупрежден. Само собой разумеется, что Пашич никакого доверия к нему не питал и питать не мог, зная, насколько Милюков пристрастно и тенденциозно освещал его, Пашича, слова <...>.

Когда Пашич уехал на лечение в Мариенбад¹⁰², мне приходилось разговаривать со Спалайковичем, которого он оставил своим заместителем по министерству иностранных дел. Этот заслуженный, но своеобразный дипломат был по отношению ко мне крайне неприятен. В одном из наших свиданий он стал грубо выговаривать якобы мою скрытность. По его словам, Гартвиг показывал ему, без утайки, всю переписку с [Санкт]-Петербургом, а я никаких телеграмм или писем не показываю и действую по собственному усмотрению. Например, Гартвиг советовал из Албании не выходить. Я ему спокойно объяснил, что роль поверенного в делах неблагодарна и что во всяком случае переписку между министерством и временным заместителем посланника нельзя считать исчерпывающей. Мне было подчас трудно себя сдерживать, до того слова Спалайковича, его жесты и сверкающие глаза с трясущейся на голове шевелюрой казались угрожающими. В следующий раз он стал укорять меня за политику нашего министра иностранных дел, которую он понять не мог, считал слабой и недостойной великого государства. России было достаточно, выкрикнул он, «топнуть сапогом по столу», чтобы вся Европа преклонила перед ее волей. Опять же я себя сдержал и ответил, что он глубоко заблуждается и что его рецепт неминуемо должен был привести к войне, к которой Россия не готова и неизвестно когда будет в состоянии с оружием в руках успешно бороться с врагами славянства. Следует искать мирных путей для достижения намеченных целей!

Атмосфера, в которой происходили наши беседы, была до того тяжела, что каждый раз, уходя из министерства иностранных дел, я не мог не вздохнуть полной грудью, с чувством облегчения очутившись на улице <...>.

Днем 6 октября посланник с дочерью вернулся из отпуска в Белград. По его просьбе я ему в тот же вечер доложил текущие дела в миссии и, между прочим, упомянул о сделанных мне Спалайковичем сообщениях, с упоминанием советов Гартвига не эвакуировать Албанию. В ответ он возмущенно воскликнул: «Когда же я мог это сказать? Спалайковичу в С[анкт]-Петербурге будет очень трудно». Тут я впервые узнал о кандидатуре Спалайковича на пост сербского посланника при нашем правительстве и тут же с убеждением ответил Гартвигу, что этот кандидат совершенно не подходит для занятия именно этого поста. Из дальнейших разговоров с посланником было ясно, что он крайне раздражен словами Спалайковича, «который все преувеличивал и путал в балканском вопросе».

Открытие сессии скупщины состоялось 17 октября в присутствии короля Петра, вернувшегося в Белград, Пашича, всего правительства и дипломатического корпуса. Странно было видеть такого рода церемонию в маленьком деревянном, барачного типа, здании скупщины. Скромность помещения не соответствовала динамике собравшихся лиц. Тут воплощались и находили выражение горячие запросы сербского народа к более свободному и обеспеченному существованию. Это происходило на глазах у представителей великих держав, олицетворявших два враждебных лагеря, из которых средневропейский всячески стремился подавить жизненные силы этой полной импульса страны.

Пашич опять очень часто бывал у посланника <...>. Настроение стало опять тревожным, и 19 октября Пашич пришел к Гартвигу, чтобы сообщить о получении накануне австро-венгерского ультиматума об очищении Албании. Пашич был сильно возбужден, но выражал полное удовлетворение принятым его правительством решением не сопротивляться <...>. Посланник мне говорил по этому поводу, что решение сербов уступить он считает благоразумным, ибо положение Сербии во мнении Европы от этого выиграет <...>.

Гартвиг, по поводу ультиматума телеграфировал в С[анкт]-Петербург, что Пашич ему покорился отнюдь не вследствие заключававшихся в нем угроз, а в силу доброжелательных советов России.

В своем дневнике я записал, что был несогласен с этим мнением, и приписал уступчивость сербов только давлению событий. И действительно, совет министров, после своего постановления об исполнении требований Австрии, высказался за самое решительное выступление в случае нового нападения албанцев, за мобилизацию всей армии, концентрацию последней против Австро-Венгрии, с одновременным быстрым движени-

ем вглубь Албании, что ни в коем случае не могло считаться уступкой по советам России. Немалую роль сыграл и вопрос о намеченном во Франции крупном займе. Деньги были нужны действительно и срочно.

Своего суждения о личности Спалайковича я не жалел и с полной точностью сообщал в наше министерство иностранных дел об его несдержанном поведении и политических приемах <...>. Уступчивость Пашича вызвала недовольство Спалайковича, который всюду высказывал свое неодобрение, утверждая, что Австро-Венгрия в случае отказа ничего предпринять бы не могла <...>.

По общему мнению всех, кроме австрийцев и немцев, Сербия одержала громадную победу над Австрией, подчинившись ультиматуму. Сербское общественное мнение разделяло этот взгляд, и только Спалайкович этого не понимал <...>.

Общее настроение сербов после одержанных блестящих побед во время трех кампаний – против турок, болгар и албанцев – может быть охарактеризовано следующим мелким по себе, но значительным по внутреннему содержанию фактом.

В течение тревожных месяцев войны я пользовался каждым свободным часом, чтобы навещать раненых сербских офицеров и солдат в госпиталях и приемных покоях в Белграде. Интересно было наблюдать за подъемом духа и бодрости в этих, подчас изуродованных ранениями, воинах. Они сквозь страдания сохраняли улыбку, в которой отражалась их национальная гордость, бесконечная любовь к родине и вера в свою непобедимость. Так как я приходил довольно часто, то они меня встречали как старого друга и сына той России, которую они любили, видя в ней залог будущего процветания. Многие из них с любопытством расспрашивали о приготовлениях России к войне, о чем им говорили старшие. Когда я им объяснял, что Россия не готовится к войне, они этому не верили и говорили, что, очевидно, я плохо осведомлен <...>.

Один из раненых, лежавший в палате, где работала моя жена, пехотинец Милош Баланескович, меня спросил: «Почему Россия не приняла во время войны с Японией сербских добровольцев? Если бы они были приняты, – сказал он, – результат войны был бы совершенно иной, и японцы были бы разбиты наголову!»

В другом случае, в госпитале Сербского Красного Креста, разговор в палате, где находились особо тяжело раненные, коснулся результатов Балканских войн. Артиллерийский офицер, словоохотливый и бодрый, очень разумно говорил о положительных сторонах сербских побед, видя в них основание для будущего культурного развития государства. Одна-

ко, чтобы никто не посмел нарушить мирное течение жизни на Балканах и в Европе вообще, следует, по его мнению, добиться союза между Сербией и Англией. На мой вопрос, почему он называет Англию, тяжелораненый артиллерист ответил: «У нас армия с непобедимой артиллерией, а у Англии флот!» <...>.

Балканские воспоминания Т. I. Ч. 2 (1914–1915 гг.)

*Белград, 1914 год.
Начало Мировой войны*

<...> Ход событий указывал на все растущее неудовольствие в Вене результатами войн на Балканах, закрепленных Бухарестским миром¹⁰³. Сербия утратила свою территорию¹⁰⁴ и, в сознании законченной освободительной борьбы с Турцией, обратила свое главное внимание на укрепление внутреннего положения в стране, чтобы подготовиться к столкновению, не только возможному, но и вероятному, с северным могущественным соседом. В Белграде, впрочем, приходилось слышать из рядов оппозиции своеобразное мнение о возможности включения всех южных славян и Сербии, оставляя в стороне Болгарию, в состав Австро-Венгерской монархии, чтобы затем, при благоприятной конъюнктуре, выделиться из нее со всеми хорватами и словенцами и объявить полную самостоятельность. Такого рода мысли исходили из кругов, не веривших в успех новой войны и предпочитавших обходной путь. Имелось в виду, что Россия еще на долгие годы не будет в силах, после неудач на Дальнем Востоке и внутреннего кризиса, выступать активно на европейской политической арене. Но все сербские течения безусловно сходились на настоятельной необходимости выиграть время, и притом на продолжительный срок, для приведения в порядок и организации увеличенной живыми силами, но ослабленной борьбой Сербии. Все взоры с опасением были обращены на Вену и Будапешт, где раздавались голоса с требованием разрешения балканской проблемы в трудную минуту для Сербии и в то время, когда Россия открыто с думской трибуны заявляла о своей военной неподготовленности <...>.

Совершенно неожиданно король Петр 22 января вызвал посланника во дворец. Оказалось, что вся королевская семья переживала большую радость. У дочери короля, принцессы Елены Петровны, супруги князя Иоанна Константиновича¹⁰⁵, родился сын Всеволод¹⁰⁶. Чета эта проживала тогда в Мраморном дворце в [Санкт]-Петербурге. Престарелый король был счастлив такому известию. Вызвав Гартвига и показав ему полученную телеграмму, в которой имя его внука было искажено, а именно – он был назван «Всеволов», король с недоумением стал спрашивать значение такого имени, и не следует ли понимать его как знак внимания к тем «волам», которые мощно помогали победе сербских войск, служа запряжкой в артиллерии. Лошади были несостоятельны в осеннюю и зимнюю пору, и волы часто решали судьбу сражения, медленно, но верно доставляя орудия на предуказанные позиции. Посланник объяснил королю истинное значение имени Всеволода, данного в честь святого князя Всеволода-Гавриила Мстиславовича Псковского¹⁰⁷, внука Владимира Мономаха¹⁰⁸. Посланник обратил внимание короля на происхождение только что родившегося князя Всеволода, в венах которого течет кровь трех славянских династий. Как известно, покойная супруга короля Петра, княгиня Зорка¹⁰⁹, была старшей дочерью короля Николая Черногорского, Негуш-Петровича. Король остался более чем доволен полученными разъяснениями и впоследствии в беседах постоянно возвращался к этой теме <...>.

Пашич продолжал постоянно совещаться с Гартвигом. Сербские чиновники министерства иностранных дел мне говорили, что «наша борода опять советуется с вашей бородой». Близкое их сотрудничество для всех было очевидно, и никто из иностранцев не хотел больше верить тому, что между Россией и Сербией возможны какие-либо утайки в преследуемых ими политических целях! <...>

Весть о смерти горячо любимого всеми сербами Н.Г. Гартвига¹¹⁰ в один миг облетела Белград и все Королевство. Престолонаследник королевич-регент¹¹¹ Александр и принц Павел сейчас же ночью пришли в миссию, а за ними и Пашич и прочие представители власти и города. Тут же они сообщили мне о распространившемся слухе, будто бы Гартвиг был отравлен у австрийского посланника.

Как удар грома поразило Белград печальное известие, а условия, при которых горячо любимый представитель России скончался, вызвали проявление крайних чувств. Вследствие сего я просил Пашича при-

нять меры к возможно широкому оглашению истины <...>. Доктор Си-монович мне сказал, что им не было найдено никаких признаков яда, а «кровяные сосуды покойного оказались в таком состоянии, что если бы он не умер вчера, то должен был бы умереть сегодня». И тем не менее легенда об отравлении Н.Г. Гартвига, тогда создававшаяся, удержится на-веки в веровании сербского народа <...>.

Обычный придворный парадный обед в день рождения короля Петра 12 июля был отменен в знак траура. Утром состоялось торжественное богослужение в Соборной церкви и поднесение во дворце поздравлений королевичу-регенту, который воспользовался этим случаем, чтобы еще раз выразить мне волновавшие его чувства глубокого горя, вызванного потерей почившего испытанного и редкого друга. Короля Петра смерть Гартвига настолько потрясла, что он совершенно не показывался.

На следующий день вернулась в Белград А.П. Гартвиг со своим сыном Г. Фонвизиным, и лишь тогда могло быть принято решение о месте погребения покойного. К этому времени от министра иностранных дел Сазонова пришел положительный ответ на переданное, через сербского посланника в [Санкт]-Петербурге Спалайковича, ходатайство сербского правительства о предании праха Н.Г. Гартвига земле в Белграде. Вдова и дочь, невзирая на могущее заключаться в завещании указание, пошли навстречу общему желанию сербов¹¹², а Пашич мне взволнованно сказал, насколько он тронут полученным согласием Императорского правительства, считая его знаком благоволения императора Николая II к Сербии в переживаемые тяжелые минуты.

Церемониал состоявшихся 14 июля похорон был выработан сербским правительством в соответствии с высоким званием почившего и с чувствами, питаемыми к его памяти сербским народом. Вынос гроба из Императорской миссии и отпевание в Соборной церкви, куда заранее прибыли король, королевич-регент Александр, его старший брат королевич Георгий и принц Павел, привлек несметную массу почитателей и богомольцев <...>. Несмотря на исключительное стечение народа в Белграде, на прибытие многочисленных депутаций селяков-крестьян и общественных организаций, порядок соблюдался образцовый <...>.

Существовавшие в австро-венгерской миссии опасения явно проявились в переезде в день похорон семей личного ее состава в Землин, о чем я был осведомлен. В действительности никаких выступлений против австрийского посланника и миссии не было. Барон Гизль¹¹³ вышел из группы дипломатов, лишь только двигавшееся из Соборной церкви траурное шествие поравнялось с «Гранд-отелем» на улице краля Милана,

т. е. шел за гробом очень недолго. Появившиеся затем в австро-венгерской печати крайне тенденциозные известия побудили Пашича просить меня засвидетельствовать перед С.Д. Сазоновым всю несправедливость подобных выпадов <...>.

По поводу похорон, прошедших в трогательном настроении всего Белграда и всех присутствовавших на них, приехавших со всех концов страны, депутатов крестьян, интересно отметить, что когда в Соборной церкви и на кладбище ко мне подходили с выражением соболезнования члены правительства, иностранные посланники, весь личный состав их миссий и, наконец, многочисленные представители народа, то эти последние, во многих случаях называя посланника, говорили, насколько они скорбят об его смерти, так как «Никола Гартвич (фамилия с сербским окончанием) был *их* человеком и другом» <...>.

В смерти Гартвига общественная молва усматривала дурное предзнаменование, что в значительной мере повышало и без того напряженное настроение политических и общественных кругов <...>. С разных сторон мне говорили, что следует ожидать чего-то страшного и необычного <...>.

Для меня не было сомнения в том, что Австро-Венгрия решила воспользоваться предоставившимся предлогом и взвалить на сербское правительство ответственность за Сараевское убийство¹⁴, основываясь на том, что преступники были сербами. Это — по их расчету — открывало дорогу к сведению счетов с Сербией, стоявшей преградой германизму на путях на юг. Я был первым иностранцем, которому было суждено ознакомиться с содержанием этого поистине возмутительного документа, который создал непроходимую пропасть между прошлым и будущим. Я чувствовал и осознавал, что наступила тяжкая катастрофа, но, конечно, не мог предвидеть, что она примет такой оборот, который будет угрожать цивилизованному человечеству почти полным уничтожением <...>.

Около 10 часов курьер доложил <...>, что королевич-регент пришел и ждет в гостиной <...>. Королевич Александр ожидал меня, чтобы переговорить о полученном ультиматуме.

Королевич был очень возбужден и сразу же спросил, что я думаю об этом документе и читал ли я его. «Да, — ответил я, — читал у Пачу¹⁵ в кабинете, а теперь занят шифровкой его министру иностранных дел Сазонову. Что касается его содержания, то оно очень остро и оставляет мало надежд для мирного решения конфликта, но тем более в ответе, если действительно ультиматум не может быть принят целиком, как мне решительно сказал Пачу, необходимо идти до самых, даже, казалось бы, невозможных, уступок. От этого зависит будущее Сербии». «Вы пра-

вы», — сказал мне королевич <...>. «А что сделает Россия?» — был следующий короткий вопрос королевича. «Официально ничего сказать не могу, — ответил я, — так как ультиматум в Петербурге еще не известен, и я никаких инструкций не имею». «А Ваше личное мнение?» — спросил он далее. «Мое личное мнение, — сказал я, — может быть основано только на прошлом, т. е. на общих неизменных линиях русской политики. Россия уступала и отступала, когда самостоятельность славянских государств не подвергалась опасности. Так, например, в Аннексионном кризисе и в прошлом 1913 г. по вопросу выхода Сербии на Адриатическое море. Когда существовала угроза лишения балканских государств, будь то славянских, будь то православных, их самостоятельности, Россия этого не допускала и шла до крайних пределов сопротивления, как это было относительно Греции в 1821 г.¹¹⁶ и Сербии в октябре 1876 г., после победы турок под Алексинацем¹¹⁷, и затем, несколько месяцев спустя, в апреле 1877 г., в защиту болгар¹¹⁸. По моему суждению, — продолжал я, — полученный ультиматум, носящий в себе признаки непримиримости Форгача¹¹⁹, является угрозой суверенитету Сербии, а потому, принимая во внимание прецеденты, можно думать, что Россия скажет свое слово в вашу защиту». «А что нам делать?» — был дальнейший вопрос королевича. Подумав, я сказал: «Надо телеграфировать государю». — «Да, мой отец король будет телеграфировать», — подхватил королевич и опять спросил: «А что надо телеграфировать?» — «Надо сообщить, — ответил я, — о случившемся, дать оценку положения и просить о помощи. Что касается вопроса о том, кто должен телеграфировать, то, по моему скромному мнению, — заметил я, — эту телеграмму должно подписать Вашему королевскому высочеству, а не королю». — «Это почему?» — резко спросил королевич. — «А потому, — ответил я, — что государь Вас знает и любит, а короля Петра мало знает, и Ваши слова и призыв о помощи будут иметь больший отклик, чем обращение Вашего Августейшего отца». — «Вы действительно так думаете?» — повторил он тот же вопрос. — «Да, я решительно так думаю, — был мой ответ, — ибо считаю, что это будет лучше, но за последующее, конечно, ручаться не могу, так как все мною сказанное является исключительно моим личным мнением, ни на каких инструкциях не основанным. Государь император не случайно сказал директору Пажеского корпуса, когда Вы поступали, чтобы он относился к Вам как к его сыну*». — «Хорошо, — сказал королевич уже в более

* Мемуары В.Н. Штрандтмана *фотографически* точны, что только повышает их значение. При поступлении королевича Александра в Пажеский корпус

мягком тоне. Завтра утром приедет Пашич, я с ним переговорю и Вам сообщу о принятых решениях» <...>.

Пашич был в высшей степени озабочен, но столь же хладнокровен и решителен, как всегда <...>. Что касается телеграммы царю, принесенной мне Пашичем, то, согласно его дополнительных объяснений, королевич Александр просил меня ее передать по высокому назначению. Я возразил, что узус* требует, чтобы сербскому посланнику в Петербурге была поручена передача этой телеграммы. Но Пашич только повторил убедительную просьбу королевича, сказав, что он считает этот путь вернее для достижения желанной цели. После этих слов я обещал безотлагательно зашифровать и послать текст этой исторической телеграммы на французском языке по высокому назначению через министра иностранных дел за моей открытой подписью <...>.

В 6 часов 20 минут Пашич вернулся из австрийской миссии. Барон Гизль, приняв ответную ноту, сказал ему, что он должен ее сверить с полученными инструкциями и о последующих решениях пришлет дополнительное сообщение.

По просьбе Пашича я остался у него в кабинете <...>. Ему принесли из австрийской миссии обещанное сообщение барона Гизля, в котором он уведомлял о своем отъезде со всем составом миссии из Белграда и о разрыве дипломатических отношений между Австро-Венгрией и Сербией. Пашич был потрясен этим известием. Он терял последнюю надежду на предотвращение вооруженного столкновения сделанными сербским правительством далеко идущими уступками <...>.

Сохраняя полное невозмутимое спокойствие, Пашич, однако, сразу осунулся. При данном повороте дела не оставалось ничего иного, как покориться судьбе. Меня Пашич просил, сославшись при этом на желание королевича Александра, выехать в Ниш в министерском поезде <...>.

Ниш, 1914 год.

Объявление войны Австро-Венгрией Сербии

Свиданием моим с Пашичем я воспользовался для того, чтобы получить согласие сербского правительства на занятие под Императорскую

Николай II действительно сказал его директору, генералу Епанчину: «Смотрите на него как на моего сына!» (*Епанчин Н.А.* На службе трех императоров // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 475, 478).

* *Узус* (сербск., юрид.) — обычай, обыкновение.

миссию здания бывшего турецкого конака, затем – резиденции Александра Обреновича¹²⁰ <...>. Пашич не только не возражал на обращенную к нему мною просьбу, но обещал не запрашивать совета министров об его мнении, а уведомить его о данном им согласии <...>. Я, само собой разумеется, благодарил Пашича за предупредительность и направился немедленно в конак. Перейдя по мосту Нишаву¹²¹ и свернув налево к уже видевшемуся зданию конака, я встретил Пайю Маринковича – выдающегося представителя партии «напредняков» и человека, почитавшего Гартвига. Он меня остановил и, едва раскланявшись, стал меня своим сильным голосом, сперва сдержанно, а потом все повышая тон, допрашивать – когда же, наконец, придет ответ от русского царя. «Уже прошло довольно времени для присылки такового», – выкрикнул он и добавил, что, «будь Гартвиг жив, такая непонятная проволочка была бы немислима». Я ему спокойно ответил, что на его вопросы я исчерпывающих объяснений дать не могу, но убежден, что ответ будет хорошим. Чтобы лишний раз подчеркнуть его отношение к моему «ничтожеству», он, не продолжая беседы, лишь пробурчал с иронией: «Вы убеждены...» и, кивнув мне головой, пошел своей дорогой. Не могу по этому поводу не отметить, что этот инцидент меня в ту минуту сильно огорчил, и забыть его я не мог никогда <...>.

Дворец-конак был деревянным и обширным, но до сказочных пределов запущенный, так что въехать в него мы смогли лишь 31 июля. Кроватей оказалось только одна, а именно – королевская с балдахином и гербом. Спальня, в которой она стояла, была художественно украшена деревянной резьбой по стенам и потолку, других кроватей не было, и мы долго не могли их приобрести, вследствие чрезмерного наплыва населения из северных районов Сербии, обративших Ниш с 30.000 жителей в центр с населением более 100 000. Но главное было достигнуто, а подробности устройства конака меня заботили мало <...>.

К часу дня мы отправились в кафе «Европа», где собирался весь дипломатический корпус и министры к обеду. Погода была прекрасная, и все дипломаты разместились под открытым небом за отдельным большим столом <...>. Пашич с женой Джурджиной¹²² и дочерьми Дарой и Павой сидел за отдельным столиком почти вплотную с нами.

Около 2-х часов в калитку ресторанного сада, которая мне была видна, вошел почтальон и, подойдя к Пашичу, вынул из своей сумки телеграмму. Пашич взял ее и, пробежав содержание, перекрестился и протянул телеграмму мне. В ней граф Берхтольд¹²³ уведомлял из Вены, что «австро-венгерское правительство, не получив от Сербии удовлетво-

рительного ответа на свою ноту от 23 июля, вынуждено защищать свои интересы силой и отныне находится в состоянии войны с Сербией». Не говоря ни слова своим соседям, я вернул телеграмму Пашичу и пошел на квартиру Чахотина¹²⁴, чтобы безотлагательно послать полученное известие моему министру <...>.

В тот же день 28 июля поздно вечером мне была принесена бывшая более суток в пути шифрованная телеграмма от Сазонова со следующим ответом императора Николая II на телеграмму королевича-регента Александра: «Ваше королевское высочество, обратившись ко мне в исключительно тяжелую минуту, не ошиблись в чувствах, которые я питаю к Вам, и в моем сердечном расположении к сербскому народу. Теперешнее положение вещей привлекает мое самое серьезное внимание, и мое правительство прилагает все усилия, дабы устранить настоящие затруднения. Я не сомневаюсь в том, что Ваше высочество и королевское правительство проникнутся желанием облегчить эту задачу, не пренебрегая ничем, чтобы прийти к решению, которое, сохраняя достоинство Сербии, позволило бы предупредить ужасы новой войны. Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки самым искренним нашим желаниям, мы в этом не успеем, Ваше высочество может быть уверенным в том, что ни в каком случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии».

Мне предписывалось вручить эту телеграмму по назначению <...>. Несмотря на крайне ранний час, я застал Пашича уже в служебном кабинете. Пробежав телеграмму, он, как мне показалось, сперва оцепенел, а затем его охватило чрезвычайное волнение. Он перекрестился и сказал: «Господи, великий милостивый русский царь». Встав с кресла, он подошел ко мне, обнял меня, и мы расцеловались. Из глаз его текли слезы*. Такие проявления душевного потрясения у человека, вся жизнь ко-

* Перед нами – еще одно подтверждение «фотографичности» записок Штрандтмана: данные строки подтверждаются собственноручным донесением Василия Николаевича в Петербург – из многотомной публикации русских дипломатических документов «Международные отношения в эпоху империализма» (МОЭИ), осуществленной, правда, не до конца, еще в 1930-е гг. (МОЭИ. Сокращенное издание. Серия III. Т. I. М., 1935. С. 468 [В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову, 29 июля 1914 г.]). Добавим, что трогательная сцена чтения сербским премьером послания Николая II давно уже известна исследователям (см., например: *Шемякин А.Л. Никола Пашич (1844–1926) // Пленники национальной идеи. Политические лидеры Восточной Европы (первая треть XX века). М., 1993. С. 178).*

торого была тяжелой школой самообладания и сдержанности, когда он в прошлые времена находился не раз лицом к лицу со смертью, могут служить доказательством того, до какой степени велико было его моральное напряжение за истекшие дни, ибо на карту было поставлено существование любимой и дорогой ему Сербии. Телеграмма государя императора давала не только надежду, но и уверенность в правильности сделанной решительной ставки на Россию <...>.

В изданном королевичем-регентом манифесте по случаю объявления Австро-Венгрией войны Сербии заключительные слова призывали народ защищать всеми силами домашний очаг и Сербию, а 30 июля состоялось торжественное открытие скупщины в Нише. Королевич-регент от своего имени прочел тронную речь <...>.

По случаю наступления чрезвычайных событий Пашичу было поручено образование нового кабинета, который он мог легко составить, коалиционного типа, в который вошли все партии, представлявшие главные политические течения в народных массах. Из новых министров мне впервые пришлось иметь дело с министром путей сообщения Драшкови-чем¹²⁵ («Народна самостална странка»*), который по своим ясным мыслям и точности в политической работе стоял в первых рядах сербских деятелей. Человеком он был богато одаренным, и, казалось, судьба ему готовила выдающееся будущее. Но эти ожидания не оправдались, и он, уже после конца Первой мировой войны, пал жертвой от рук коммунистов, против первых напоров коих он решительно стал выступать, будучи в ту пору министром внутренних дел.

Трудно описать настроение всего этого маленького и почтенного народа, который своими недавними победами украсил свою историю легендарными сказаниями. Слова королевича Александра олицетворяли все чувства и всю уверенность в конечном успехе этого нового тяжчайшего предприятия. Перед ним все склонялись в общем желании служить верой и правдой своему Отечеству. Люди и партии протягивали друг другу руки. Все распри были забыты, и королевич Александр был не только регентом по формальному положению, но и управителем всех духовных сил своего народа. За ним стоял облик его престарелого отца, тоже героя исторической борьбы сербов за свое существование. А когда королевич-регент

* *Народна самостална странка* (сербск.) – Народная независимая партия. В.Н. Штрандтман неточно называет официальное имя партии, к каковой принадлежал Милорад Драшкович. Нужно: *Самостална радикална странка* (сербск.) – Независимая радикальная партия.

объявил о готовности России в лице императора Николая II не покидать сербских братьев в минуту наступивших искушений, воодушевление всего населения Сербии достигло апогея. Можно с уверенностью сказать, что этот народ, несмотря на выпавшие на его долю, казалось, непреодолимые препятствия, обеспечит себе в будущем свободу и благополучие.

Незначительным, но характерным штрихом переживавшейся мною исторической минуты было личное отношение ко мне не только королевича Александра, его военной свиты, министров, но и всякого селяка и торговца, при встрече со мною старавшихся отметить всю их благодарность русскому царю и России. Видный политический деятель, упомянутый выше Пайя Маринкович подошел ко мне и сердечно жал мне руку, желая этим показать, что его выходка при первой встрече со мною в Нише была им осуждена.

За день перед тем мною было получено сообщение С.Д. Сазонова о назначении князя Григория Николаевича Трубецкого¹²⁶ чрезвычайным посланником и полномочным министром в Сербию на место покойного Гартвига. Мне предписывалось испросить согласие сербского правительства на это назначение. Пашич, которому я лично передал соответствующий письменный запрос, немедленно мне ответил, что сербское правительство с благодарностью принимает назначение князя Трубецкого и усматривает в сделанном выборе особый знак внимания к интересам королевского правительства.

В этой формуле, которую я передал дословно С.Д. Сазонову, заключалась легкая ирония. Видимо, Пашич уже был предупрежден сербским посланником в С[анкт]-Петербурге Спалайковичем о намеченном назначении. Поглаживая свою седую и длинную бороду, он мне сказал, что хочет поставить мне несколько вопросов относительно князя Трубецкого, но совсем лично, вне официально сделанного сообщения <...>.

Пашич медленно покачивал головой, а когда я замолчал, он спокойно сказал, что не видит оснований к спешной присылке нового посланника и был бы очень доволен, если бы моя работа в качестве поверенного в делах могла бы протянуться возможно дольше. «Это очень любезно с Вашей стороны, — сказал я в ответ, — но полагаю, что князь Трубецкой поспешит приехать, принимая во внимание важность замещения поста в Сербии лицом, имеющим все права и должный авторитет, тогда как я оказался во главе Императорской миссии вследствие известных прикормбных случайных обстоятельств».

При дальнейших моих беседах с сербскими деятелями, особенно с королевичем Александром, мне не удавалось разбить то предубежде-

ние, которое предшествовало, а затем и сопровождало работу князя Трубецкого в Сербии. По мнению сербов, он был и остался болгарофилом. Они ему приписывали чувства и поступки, которых он был совершенно чужд, а когда ему приходилось выступать с представлениями или заявлениями, согласно полученным из Петербурга инструкциям, – к его шагам все относились с недоверием <...>. Созданное в сербах недоверие к Трубецкому лежит на совести Спалайковича <...>.

Опасения Пашича и его сотрудников относительно безотлагательного появления князя Трубецкого в Нише не оправдались, и я был оставлен временным представителем в Сербии, а его приезд отложен на неопределенный срок <...>.

Ниш в те дни представлял живописную и интересную картину. Этот маленький городок привлек к себе внимание всего света, а в первую очередь всего населения Сербии, которое, без разбора и никого не спрашивая – можно или нельзя, есть ли место или нет, устремилось в новую неожиданную столицу. Тут люди стали искать нити своих давно в Белграде начатых дел; сюда большинство людей бежало из северных частей Королевства, подвергнутых опасности нашествия неприятеля; все окрестные селяки с женами и детьми везли на колах* пищевые продукты и всякие произведения хозяйства, чтобы воспользоваться случаем – лучше продать, а быть может, что нужно купить у новых пришельцев. Заполнившая Ниш толпа была цветиста в окраске сельских женских уборов, ярко сиявших на летнем ослепительном солнце, и неустанно подвижна. Все торопились, все хлопотали или чего-то искали. Люди останавливались и как бы замирали только при прохождении воинских частей, причем артиллерия вызывала особенное одобрение и приветственные крики, несмотря на вздымавшуюся от лошадей и колес все застилавшую и душливую пыль.

Занятый мною под Императорскую миссию конак был отделен от всегда мутной и красноватой Нишавы улицей-дорогой и парком, кишевшим в те памятные дни той же пестрой и беспокойной толпой. Из окон конака влево, сквозь ряд прекрасных стройных тополей, виднелась старая крепость, а еще левее, за мостом, – здание Окружного начальства, занятое министерствами. Большая часть прохожих с любопытством поглядывала на конак, который, как о том быстро стало известно, пре-

* *Кола* (сербск.) – повозка.

творился в здание пребывания российского представительства. Отсюда ожидалось утешительное и бодрящее слово, отклик тех решений Ма-тушки-России, которые должны были вещать о спасении. Лишь только я переехал в конак, множество моих сербских знакомых и даже незнако-мых лиц, представители местной администрации и политические деяте-ли считали своим долгом зайти ко мне, чтобы выразить одушевлявшие их чувства и надежды. Хотя эти посетители и отнимали у меня драго-ценное для работы время, я тем не менее был искренне им рад. Все они, как один, говорили о благодарности к России и русскому царю, который защитит маленькую Сербию и не даст ее в обиду. Все они твердили о решимости сербского народа не только защищаться, но и прилагать все усилия к тому, чтобы быть активно полезными в общем ходе войны <...>.

Помню, как под вечер 1 августа от имени королевича-регента мне было дано знать, что Его высочество посетит меня около 9 часов вече-ра. Пришлось бросить работу и вместе с Зариным¹²⁷ спешно приготовить прием. Полковника Артамонова не было – он находился при Верховной команде в Крагуеваце. Взятому мною на службу повару-швейцарцу Жо-зефу, по временам работавшему в нашей миссии в Белграде, была зака-зана легкая закуска и всевозможные печенья, что и было им выполнено со свойственным ему мастерством. В глубине большой столовой мы по-ставили кое-какую мебель и устроили уютный уголок, где можно было удобно, за стаканом вина, сидеть и разговаривать после чая, поданного по русскому обычаю. Неожиданно за этими приготовлениями меня за-стал французский посланник Огюст Бопп¹²⁸, от которого я не мог скрыть причины наших хлопот, а затем и предложил прийти вечером, но немно-го позже, часам к 10 <...>.

К девяти часам мы с Зариным были у подъезда конака, и не прошло и минуты, как появился королевич Александр, шедший пешком из своей временной скромной резиденции в Нише, в сопровождении дежурного адъютанта. Я впервые принимал королевича и не скрою, что не без неко-торого волнения думал о том впечатлении, которое я произведу на моего гостя. Встреча была сердечной. Королевич Александр в первую очередь осведомился о том, какие я имею известия о моей семье и скоро ли мож-но ожидать их возвращения в Ниш. Королевич сказал, что он очень лю-бит мою дочь, которая его интересует своим всесторонним европейским образованием и знанием языков. А ее матери воздал должное за заботы о воспитании нашей дочери. Судя по тому, как королевич осматривался, когда поднимался по лестнице, я понял, что он в этом помещении нико-гда не был. Это было вполне естественно, так как здание принадлежало

королеве Наталье, матери короля Александра Обреновича. В верхнем этаже находились приглашенные мною вдова и дочь покойного Гартвига. Разговор сразу принял совершенно дружественный и уютный характер, касаясь главных текущих событий, телеграммы императора Николая II, причем королевич с благодарностью упомянул о данном мною совете, чтобы обращение к русскому царю было подписано им, а не королем Петром <...>. Тем временем в столовой был подан чай и всевозможная холодная и даже горячая закуска, соленые и сладкие печенья, словом, все лучшее, что кулинарный гений Жозефа мог создать в кратчайший срок, данный ему для выявления своего искусства. Скоро подошел и французский посланник, который видимо был доволен моим приглашением. Он был отличный рассказчик, а так как в ту минуту было удобнее думать не об Австрии, а о Турции, откуда он только что прибыл, то мы с удовольствием слушали его увлекательные рассказы о пережитых им на берегах Золотого Рога¹²⁹ и Босфора годах. Бопп был другом сербов и откровенно сказал королевичу о своих опасениях относительно полного сотрудничества Турции с державами Тройственного союза, т. е. с Германией и Австрией. Случай с проходом броненосца «Гебен» и крейсера «Бреслау» через Проливы скоро подтвердил его точку зрения.

О Болгарии королевич, видимо, не хотел говорить, а о ходе переговоров России с целой Европой в поисках мирного выхода из положения он высказался в смысле полной их безнадежности. Одновременно он с почти незаметной ноткой нетерпения выразил сожаление по поводу запоздания давно обещанного Россией вооружения. Относительно фронта против Австро-Венгрии королевичем было с долей самодовольности замечено, что неприятель еще нигде, несмотря на сделанные попытки переправиться через Дунай и Саву, не перешел границу. Прощаясь со мной в двенадцатом часу, королевич мне сказал, что собирается на следующий день рано утром выехать в Крагуевац к своей дорогой ему армии. Казалось, королевич остался доволен не только чисто формальной стороной приема, но и услышанными от меня суждениями о тяжести положения Сербии.

Мы не знали, что в тот самый вечер в Петербурге германский посол, после ультиматума, предъявленного России с 12-часовым сроком о нашей демобилизации, вручил нашему министру объявление войны, о чем я получил уведомление С.Д. Сазонова утром 2 августа. Моим долгом было немедленно лично сказать об этом Пашичу.

Вернувшись в миссию, я нашел запоздавшую телеграмму министра от 31 июля, которой мне предписывалось доверительно осведомиться у сербского правительства, не сочтет ли оно своевременным, быть может,

через наше посредничество, нащупать почву относительно соглашения с Болгарией, чтобы заручиться не только ее фактическим нейтралитетом, но и военной поддержкой при согласии Сербии на территориальные уступки в случае получения последней соответствующей компенсации. По расшифровании этой телеграммы я снова пошел к Пашичу и снова переговорил с ним в желаемом смысле <...>.

Возбуждением вопроса русским правительством о территориальных уступках Сербии в пользу Болгарии было положено начало целому ряду болезненных, но в конце концов безуспешных переговоров с сербами, с одной стороны, и с болгарами — с другой. Эти попытки добиться от Сербии действительно необходимого для России сотрудничества Болгарии имели последствием присылку в Ниш нового посланника князя Трубецкого и его неудачу в проведении этой политики. Было ясно для всякого непосредственного наблюдателя за геройскими усилиями Сербии в деле создания и укрепления своего маленького государства, насколько в минуту наступившего нового кризиса ей было не под силу исполнить желание России, которое воспринималось как требование. «Не от нас, — говорили сербы, — можно требовать каких-либо уступок, а Болгарию следует принудить к подчинению общеславянским интересам и заставить ее идти вместе с Россией» <...>.

Не в такой мере, как положение в Болгарии, развивавшиеся события в Албании тоже интересовали Пашича и его правительство. Им уделялось серьезное внимание как по причинам стратегическим, так и вследствие поступивших сведений о работе австрийцев против Сербии, в особенности в приграничных округах. Поэтому Пашич и его сотрудники искали путей не только к оказанию возможного противодействия опасной агитации австрийских агентов, но и к укреплению существовавших дружественных связей между Сербией и некоторыми албанскими племенами. Об этих вопросах со мной заговорил министр народного просвещения Люба Йованович, упомянувший о прибытии в Ниш секретаря Эссада-паши, влияние которого было желательно использовать. Чрезмерных надежд на успех ни у Пашича, ни у прочих министров не было, по той простой причине, что Сербия не располагала достаточными денежными средствами для создания прочных настроений в свою пользу, даже в той части Албании, где население в известной мере исповедовало православную веру и потому было менее склонно подпасть под австрийскую пропаганду. Конечно, значение денег было почти решающим. Па-

шич, в порыве откровенности, за несколько дней до этого высказал мне свои сетования, что некоторые начальники сербских военных отрядов, действовавших в предыдущем году в Албании, недостаточно считались с чувствами и патриотическими настроениями албанского народа. Он с досадой говорил о превышении этими начальниками своих полномочий и крайней суровости наказаний за малейший проступок без достаточно-го основания. Понятно, что Пашич интересовался обещанным секретарем Эссада-паши прибытием последнего в Ниш <...>.

Воспользовавшись минутой перерыва в работе, чтобы ближе познакомиться с моим новым сотрудником Митрофановым, я стал его расспрашивать о его прежней службе и семье. Между прочим, он рассказал мне, что советник великобританского посольства в Константинополе при встрече с нашим послом М.Н. Гирсом говорил, что князь фон Лихновский¹³⁰, т. е. германский посол в Лондоне, показывал сэру Эдуарду Грею¹³¹ текст австрийского ультиматума за несколько дней до его предъявления Сербии, и что английский министр иностранных дел не сделал по этому поводу никаких возражений. Привожу этот пример как характеристику хладнокровного отношения Англии ко всему лежащему не в прямой сфере ее интересов. Англичане заинтересовались Сербией только после начала войны. Позднее в Риме, куда был переведен на пост посла М.Н. Гирс, я от последнего узнал, что Ллойд Джордж¹³², заняв вместо Асквита¹³³ место премьера, спросил у генерала Уильямса, своего большого друга, где, собственно говоря, находится та Сербия, из-за которой началась война. Об этом рассказывал М.Н. Гирсу сам генерал Уильямс, когда он приезжал в Рим на одно из междусоюзнических совещаний <...>.

Днем ко мне зашел прибывший из Крагуеваца брат короля Петра князь Арсений Карагеоргиевич. За чашкой чая в моей столовой-гостиной он меня расспрашивал о полученных из России сведениях и очень интересовался смыслом сделанных накануне в Палате общин заявлений сэра Эдуарда Грея о занятой его правительством позиции, причем выражал мнение, что Германия не сможет обойти Бельгию, а если ее тронет, то тем самым вызовет выступление Англии. Он мне сообщил о новом сильном обстреле Белграда и о предстоящем на следующий день наступлении австрийцев на Сербию. Когда эти темы разговора были исчерпаны, князь Арсений перешел на свой личный вопрос, по-видимому, приведший его ко мне. Он мне объяснил, что хотел бы отправиться в Россию и предложить свои услуги императору Николаю II. Как известно, он в молодости служил в Кавалергардском полку, был доблестным участни-

ком Русско-японской войны и при новых военных обстоятельствах хотел бы служить в российской армии. Он высказал пожелание получить в командование одну из кавалерийских дивизий. Я охотно откликнулся на эти заявления и обещал передать их в Петербург. Меня удивило, что князь Арсений не находил более подходящим применение своего опыта и большой испытанной храбрости в рядах сербской армии, но воздерживался от каких-либо вопросов. Князю Арсению сербская Верховная команда предпочитала не поручать вторично командование единственной сербской кавалерийской дивизией, принимая во внимание опыт Балканской войны, когда он, несмотря на личную храбрость, вызвал критику военных кругов.

Переписка по этому вопросу тянулась довольно долго, и князю Арсению была предложена Главным командованием кавалерийская бригада, которую он и принял и во время войны оправдал оказанное ему доверие.

Во время этого посещения на поставленный мною вопрос о местопребывании его сына, князя Павла, князь Арсений мне ответил, что он еще молод для участия в войне и останется в Англии для окончания своего образования. Это решение меня удивило, а будущее показало, что оно было глубоко ошибочным и имело самые прискорбные последствия для личного положения князя Павла в стране и армии.

Настроение вновь импровизированной столицы Сербии – Ниша – из глубоко подавленного в самом начале кризиса, постепенно улучшалось, в особенности после вышеописанного заседания скупщины, на котором было объявлено решение императора Николая II не оставлять Сербию одной в ожидавших ее испытаниях <...>.

В четверг 9 августа из отпуска приехал дельный и работающий драгоман нашей миссии Иосиф Гаврилович Мамулов. При количестве нашей работы, его появление было очень отрядным событием, которое приподняло дух моих сотрудников, изнемогавших под тяжестью бесчисленного количества шифрованных телеграмм, получаемых из разных концов Европы и отправляемых мною, главным образом в Петербург.

В этот день мною были получены из Афин и Бухареста от наших посланников телеграммы, на которые я счел нужным немедленно реагировать. Они касались болгарского вопроса и ясно выявляли, что ни Е.П. Демидов¹³⁴, ни С.А. Поклевский-Козелл¹³⁵ не отдавали себе отчета в тех затруднениях, с которыми сербскому правительству приходилось считаться, чтобы удержать страну и армию в устойчивом положении <...>.

С прибытием Мамулова моя работа была в значительной степени упрощена. Я мог положиться на него в некоторых вопросах внутренней

и экономической политики. Он имел полезные связи в сербских кругах, будучи женат на сербке из белградского общества. Благодаря ему я выгадывал некоторое количество свободного времени, которое мною посвящалось прогулкам, крайне необходимым для самочувствия <...>. Во время этих прогулок, наслаждаясь свежим и чистым воздухом, мысли живее работали, и я мог яснее обрисовать контуры создавшегося общего, а особенно нашего, положения в связи с начавшейся войной. Поведение Болгарии меня сильно озабочивало во всей полноте того значения, которое оно могло иметь для России <...>. Я тщательно анализировал роль Сербии и спрашивал себя, действительно ли она совершенно лишена возможности пойти навстречу нашим желаниям, нашим призывам оказать нам помощь в эти серьезные и судьбоносные минуты. К сожалению, я приходил к отрицательному выводу, главным образом потому, что никто не мог убедить Пашича и сербов вообще в лояльности болгар и в том, что они сдержат слово, какой бы ценой оно ни было получено. Нет сомнения в том, что сербские доводы политического и военно-технического характера тоже играли чрезвычайно крупную роль, но если бы не было морального фактора: безусловного и глубочайшего недоверия к Болгарии, можно было бы разговаривать. Пашич мне говорил, что лишь только он даст болгарам понять, что Сербия готова на известные уступки, — появятся новые повышенные требования. Такая игра безнадежна, а проявляемое русским посланником в Софии сочувствие к болгарам придавало им смелость для затягивания их политики выжидания.

Я вспоминал, до какой степени царь Фердинанд Россию не любил. Он ее не ценил и рассчитывал на нее только как на спекулятивное средство. Его антипатия основывалась на давнишнем отрицательном отношении российского правительства к вопросу об его «избрании» на болгарский княжеский престол. Это чувство огорчения снова вспыхнуло, когда он ездил в 1909 году в Петербург на похороны великого князя Владимира Александровича¹³⁶ и когда, наряду с оказанными ему почестями, он формально не был признан царем болгар, каковым он себя незадолго до того провозгласил¹³⁷. Наконец, он не хотел простить России, что она в 1913 году не заставила Сербию подчиниться постановлениям союзного сербо-болгарского договора, что имело последствием им же вызванную неудачную Вторую балканскую войну. Бывший в Софии французский посланник Палеолог говорил мне в Париже, что царь Фердинанд поклялся отомстить России и что месть его будет «страшной». Такие мысли были мало отрадны и приводили меня к выводу, что, несмотря на все наши старания, Болгария, когда выступит, окажется не на нашей стороне <...>.

С Пашичем мой разговор был краток, ибо он торопился на заседание совета министров, и мы условились встретиться на следующий день, 14 августа.

И эта наша беседа касалась главным образом Болгарии, которая за два дня до того официально заявила России, что ничего такого не произошло, что заставило бы ее выйти из нейтралитета, и что она будет его соблюдать, охраняя свои границы. По мнению Пашича, Болгарии доверять нельзя, и она будет ожидать развития событий. Только успехи Тройственного соглашения и Сербии могут заставить ее примкнуть к России, и, наоборот, только желаемая царем Фердинандом победа Австро-Венгрии и Германии даст ей возможность раскрыть свою игру. Невозможно было предвидеть, до каких пределов алчности она дошла бы в таком случае <...>.

В своей осведомительной телеграмме министру <...> я счел нужным дать хотя бы краткую характеристику настроения Пашича и окружавших его влияний, а также очень беглый очерк обстоятельств, которые нам следовало иметь в виду. Пашич был мною поставлен в известность о недовольстве Петербурга медлительностью сербов, не предпринимавших решительных действий против австрийцев. Я телеграфировал, что Пашич, в своем искреннем желании идти во всем навстречу нашим требованиям, говорил мне об этом со слезами на глазах. Но вместе с тем он умолял меня понять, что ему приходится считаться с волей народа и скупщиной, а еще более того, со взглядами армии, доверие которой к правительству в данную минуту имело первостепенное значение. Я не скрыл в своем донесении, что когда приходилось ежедневно разговаривать с Пашичем о территориальных уступках в пользу Болгарии, он подчас бледнел, указывая на безвыходность своего положения как власть имущего. Нельзя было при этом не иметь в виду крайнюю враждебность чувств сербов к болгарам и болгар к сербам, делавшую всякие взаимные уступки особенно трудными. В рядах армии Пашич стал пользоваться большой популярностью, которую он хотел сохранить, чтобы дать сербским войскам, за двухлетний срок начинавшим четвертый поход, необходимую стремительность. Дух войска, продолжал я, в особенности при сравнительной их малочисленности, играл громадную роль, а уступкой территории нелюбимым болгарам мог быть нанесен непоправимый удар весьма бодрому настроению армии. К наступательной войне она все еще не была приспособлена, и делалось все возможное, чтобы ускорить спешные к этому приготовления. Пашич и военные не раз со скорбью мне говорили об имевшихся недочетах. Все они были единодушны во мнении, что переход рек без достаточных переправочных средств грозил бы ка-

тастрофой. Мои указания на то, что сербам не следует рассчитывать на наши успехи ради сохранения собственных сил, производили тяжелое впечатление. Пашич был глубоко убежден в том, что, имея в виду при-
тязания Италии на Далмацию, было необходимо быстрое завоевание ав-
стрийской территории. В эту сторону действительно были направлены
все его усилия, и ради установления более тесных связей с Верховной
командой армии он предполагал, — если это окажется исполнимым, —
перевести правительственные учреждения и дипломатический корпус в
Крагуевац.

Я добавил в своем донесении министру о сделанной мною попытке
посоветовать Пашичу использовать в большей мере болгарского по-
сланника Чапрашикова¹³⁸, близкого сотрудника и единомышленника
царя Фердинанда. От этих слов Пашич вспыхнул, насколько этот не-
возмутимо-спокойный человек мог вспыхнуть. Даже в минуты глубо-
ких волнений он сохранял спокойствие. Наблюдательный собеседник
мог заметить мелкое подергивание в левой щеке и появление слез на
нижних веках. В данном случае он как будто бы возмутился моим
предложением и спросил, разве мне не известно, что Чапрашиков ча-
сто ездит на своем автомобиле к болгарской границе и там без стесне-
ния расспрашивает население о местонахождении укреплений. Если
это еще повторится, сказал мне Пашич, придется его просить «спокой-
но» сидеть в Нише. Бывали случаи, когда Чапрашиков свои расспросы
начинал с убеждения селяков, что они болгары и с ним, болгарским
посланником, должны быть откровенны... Использовать такого чело-
века для сближения Пашич считал безнадежным, а может быть и опас-
ным <...>.

Греческий посланник Александропуло, который поддерживал со
мною связь, часто говорил о том беспокойстве, которое охватывает Гре-
цию при мысли о возможном присоединении Болгарии к Тройственно-
му союзу. Греция оказалась бы совершенно обособленной, принимая во
внимание, что Сербия всецело занята обороной северной границы, а ее
слабые третьеразрядные силы настолько незначительны, что о них и
говорить не стоит. Пришедшие в Ниш сведения о взятии австрийцами
г. Шабаца в ночь с 12-го на 13-е августа его сильно встревожили, и он
уже предвидел разгром сербских армий, их бегство и наступление бол-
гар не только против Сербии, но и против Греции. Между тем положение
было далеко не отчаянным, и я не мог не воздержаться от некоторого
саркастического замечания насчет боязливой политики Греции, не обна-
руживавшей ни малейшего желания помочь Сербии <...>.

При свидании моем с Пашичем 20 августа наш разговор был посвящен главным образом сербской победе на Цере¹³⁹ и вообще значительности сербских успехов в районе Мачвы. Видимо, желая меня порадовать, Пашич особо отметил, что русское вооружение, о котором он в прошлом со мной неоднократно беседовал и об ускорении присылки которого я неустанно и настоятельно просил наше правительство, прибыло как нельзя более своевременно¹⁴⁰, причем этому обстоятельству приписывался одержанный успех на Цере. «Без русского вооружения и артиллерийского снабжения, — говорил Пашич, — победы этой быть не могло». Военный министр мне подтвердил те же мысли и тоже горячо благодарил за содействие.

Кто бы тогда поверил, что 25 лет спустя, а именно в 1939 году, на торжественное празднование юбилея сербской победы ни я, имевший официальное положение в Белграде, ни генерал Артамонов приглашены не были. На торжестве фигурировали румынский, греческий и польский посланники, военные агенты «союзных» во время войны государств: французский, английский, американский, румынский, греческий и даже польский. Перед памятником на Цере были выстроены 12 знамен доблестных полков, участвовавших в сражениях. Отдельной группой тут же стояли члены правительства. В произнесенных речах <...> ни император Николай II, ни Россия вовсе не упоминались. Это невероятно, а все-таки так. Мое и Артамонова присутствие на этом торжестве не считалось желательным. Не хотели вспоминать спасительной руки помощи императорской России, протянутой Сербии. Это было сделано в угоду большевикам <...>.

Успехи сербских войск действительно были значительны. Королевич-регент Александр принимал личное участие в сражениях на Мачве и геройски отличался, о чем я телеграфировал С.Д. Сазонову, особо указывая на желательность награждения Его высочества заслуженным им орденом Георгия Победоносца 4-й степени¹⁴¹ <...>.

Днем 23 августа в Нише были получены известия об объявлении Японией войны Германии <...>.

В тот же день российский Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сообщил сербскому правительству о русской победе у Гумбинена в Восточной Пруссии¹⁴². В ответ была послана восторженная поздравительная телеграмма, а вечером впервые устроена внушительная манифестация внушительной толпой народа перед конаном, где помещалась Императорская российская миссия. Возглавители манифестации дружелюбно и настоятельно требовали моего появле-

ния на террасе над главным входом в конак. Улица и обширный сквер до реки Нишавы были вплотную заполнены народом, пришедшим со своими патриотическими и гуманитарными организациями, под знаменами и факелами. Многие были в живописных национальных костюмах. Море огней заливало все пространство. Обращенные ко мне приветственные речи прерывались несмолкавшими восклицаниями в честь императора Николая II, великого князя Николая Николаевича и России. Специальная депутация поднялась ко мне, чтобы выразить личные поздравления и просить меня сказать собравшемуся народу слово от имени Матушки-России. В своей речи я отметил историческое значение протекавших событий, имевших глубокий смысл не только для России и Сербии, но и для всего славянства, ожидавшего зарю лучшего, свободного будущего. В завершение своих слов я провозгласил русское «ура» в честь короля Петра, королевича-регента Александра, лично с оружием в руках защищавшего свою родную землю, сербского братского народа, его легендарных войск и правительства. Мое «ура» было дружно подхвачено ближайшими рядами толпы, и затем удалявшимися волнами оно охватило все обширное лежащее перед миссией пространство, долго не смолкая и как бы уходя в даль звездного неба, чтобы донестись до любимой России.

Такие манифестации повторялись в ближайшее время при всяком получении известий о русских победах, и всегда с той же силой и с теми же проявлениями чувств благодарности за заступничество России. По адресу союзных миссий – французской и великобританской – тоже, хотя и в значительно меньшей степени и с несомненно меньшим подъемом, население Ниша проявляло свою признательность за участие в общей борьбе с выражением пожелания дальнейших решительных успехов для возможно скорого прекращения кровопролития. Мне никогда не удавалось быть свидетелем этих манифестаций, но, по словам очевидцев, в частности, моих сослуживцев, численность собиравшейся народной толпы была ничтожна по сравнению с той массой, которая шла для поднесения Императорскому российскому представительству, а через него России, своих чувств преданности и порывов душевной благодарности с пламенным обещанием быть достойными проявленного русским царем величия в его истинно братской любви к сербам <...>.

По болгарскому вопросу 25 августа была получена от С.Д. Сазонова телеграмма о предстоявшем солидарном представлении держав Согласия сербскому правительству в смысле необходимости уступок в пользу Болгарии, в частности, так называемой бесспорной зоны по договору 1912 года <...>.

За отъездом Пашича в Крагуевац, откуда он ожидался обратно на следующий день, я посетил Й. Йовановича¹⁴³. В разговоре о текущих вопросах я коснулся отношений с Болгарией и указал, пользуясь доводами из телеграммы министра, на настоятельную необходимость для Сербии идти на уступки в пределах и условиях, нами намеченных. Я еще раз напомнил моему собеседнику о важности заручиться во что бы то ни стало если не активным содействием в войне, то во всяком случае действительно благожелательным нейтралитетом Болгарии. А это зависело от Сербии. В ответ Йованович привел мне уже известные соображения сербского правительства, но после моих новых настояний он, наконец, сказал, что, по его мнению, предел сербской уступчивости находится в прямой зависимости от размеров ее будущих приобретений. «Мы знаем, — сказал он, — чего от нас хотят, но нам совершенно неизвестно, что нас ожидает и на что мы можем рассчитывать в будущем. Уверенность в том, что вопрос о славянском населении Австрии предполагается по окончании войны разрешить согласно нашим заветным желаниям, дала бы нам возможность подготовить общественное мнение, скупщину и армию к уступкам в Македонии. Само собой разумеется, — закончил он, — что параллельное Сербии территориальное удовлетворение Болгарии со стороны Греции и Румынии облегчило бы положение сербского правительства в стране» <...>.

Должен отметить, что высказанная Йовановичем мысль была ясна и практична, но до сознания руководителей всех держав Согласия она дошла лишь с большим трудом и столь медленно, что когда было, наконец, решено применить ее на деле, все сроки оказались пропущенными! <...>

В середине сентября появился в Нише известный выдающийся албанский вождь Эссад-паша Топтани, бывший турецкий генерал, который считал своим долгом по этому случаю посетить меня, чтобы поздравить с русскими победами. Когда я ему отдавал визит, он спросил, можно ли доверять сербам в высказываемой ими дружбе. Я, само собой разумеется, ответил убежденно и утвердительно. Он этому обрадовался и заявил, что возвращается в Албанию через Дибру¹⁴⁴ и поведет Албанию к полной солидарности с державами Согласия, ибо в противном случае она неминуемо была бы поделена «между не только соседними государствами». Сербское правительство ему выдало 100.000 франков в возмещение за учиненные сербскими войсками реквизиции. Эссад-паша говорил Пашичу, что турки приглашали его ехать в Константинополь и обещали

ему большие деньги и оружие. Он знал, чего это будет стоить. Отношения его с Италией он считал дружественными, но не счел разумным принять их предложение возвращаться в Албанию через Адриатику. Все же Пашич, как будто, ему полностью не доверял <...>.

С самого начала возникновения острого кризиса между Австро-Венгрией и Сербией сербский посланник Мирослав Спалайкович занял совершенно непонятную и малополезную для сербов позицию. Он говорил с министром С.Д. Сазоновым в непозволительном тоне, никогда не просил, а требовал, стучал кулаком по письменному столу и позволял себе выходки, которые приводили С.Д. Сазонова в отчаяние. Как человек сдержанный, С.Д. Сазонов долго терпел, хотя и избегал частых свиданий со Спалайковичем. Наконец, терпение его лопнуло, и сербскому посланнику было сообщено, что впредь министр его лично принимать не будет, и потому ему надлежит обращаться к товарищу министра А.А. Нератову¹⁴⁵. При наступлении осложнений в переговорах об уступках в пользу Болгарии Спалайкович опять стал проявлять действительно неслыханную бесцеремонность. Вследствие чего Сазонов запросил меня, не найдет ли Пашич удобным сменить его и назначить более вежливого представителя. Для меня ничего удивительного в поведении Спалайковича не было. Прошрое меня хорошо ознакомило с нравом этого выдающегося сербского деятеля, с его неприятным характером, который заставлял допускать всякие самые неожиданные сюрпризы. Наружность Спалайковича была характерна. Стройный, статный, с красивыми чертами лица, с огненными, всегда беспокойными глазами, с роскошной, уже седеющей, гривой на голове, необузданный и горячий. Получив вышеуказанный запрос, я не сразу пришел к решению, что именно следует предпринять в данном случае. Однако, в конце концов, я ответил в министерство в отрицательном смысле, мотивируя тем, что присутствие Спалайковича в Сербии, после изгнания из России, могло принести много больший вред, чем пользу нашим интересам. Эта моя точка зрения была принята, и Спалайкович мог продолжать свою «хромую» деятельность.

К характеристике Спалайковича интересно добавить следующие факты из его политической карьеры после русской революции. Великое потрясение, постигшее Россию в 1917 году, застало Спалайковича еще на посту сербского посланника в Петербурге. По своему обычаю, он там рвал и метал — на этот раз против тех сил, которые разрушали военную мощь России, и главным образом против большевиков, ставивших под вопрос существование великой славянской защитницы, а с нею и те славянские народы, и в первую очередь сербский, в решительную минуту

борьбы его против наступавшего германизма. После Октябрьской революции Спалайкович не мог примириться с теми приемами, которые Ленин и К^о применяли к дипломатическому корпусу. Когда большевиками был арестован румынский посланник, дипломатический корпус решил лично «инкорпоре»* протестовать перед Лениным против подобного нарушения международных норм. Во время этого свидания Спалайкович, говоривший по-русски, тоже выступил с речью, полной огорчения и протеста. Между прочим, он при всех сказал в лицо Ленину, что «он плюет ему в глаза».

На фронте, после взятия сербами Вышеграда¹⁴⁶ и затруднений, испытываемых перед натиском австрийцев в направлении Крупани¹⁴⁷, жестокие бои, начавшиеся на Дрине 9 сентября, продолжались почти непрерывно. Пашич 22 сентября ездил в Валево, чтобы сгладить возникшие среди Верховной команды разногласия. Он вернулся на следующий день и сообщил мне, что утомление войск велико, ощущается недостаток снарядов, из Испании получен отказ в продаже винтовок, и оставалось под вопросом получение из России уже испрошенных двух осадных орудий для защиты Белграда. При свидании со мною Пашич был сумрачен и с раздражением сообщил мне, что происходят недоразумения с англичанами по поводу тех 800.000 фунтов стерлингов, которые наше правительство раньше согласилось выдать Сербии, а затем, вследствие финансовых затруднений, просило Англию их выплатить. Англичане поставили условия: 1). Территориальные уступки в пользу Болгарии и 2). Обязательство сербов делать все заказы военного материала в Англии. Пашич, узнав об этом от сербского посланника в Лондоне, сказал де Гра¹⁴⁸, что «если это заем, то на таких условиях ни одно правительство заключить его не сможет, если же это подарок, то он должен заметить, что сербское правительство своей территорией не торгует». Англичане спохватились и сообщили, что никаких условий они не ставили, а высказывали только пожелание. Тем не менее сербский министр финансов Пачу считал, что эти 800.000 ф.[унтов] ст[ерлингов], т. е. 20.000.000 франков, не могут заменить те 20.000.000 от России, относительно которых мы ни пожеланий, ни условий не ставили <...>.

Положение Белграда продолжало быть тяжелым вследствие все усиливавшегося напора австро-венгерцев. Утром 23 сентября неприятель потребовал сдачи столицы до 6-ти часов вечера. Ответ последовал немедленный и ясный – удвоенным огнем с сербской стороны, что

* От лат. *in corpore* – все вместе.

вызвало сильнейшую бомбардировку и попытку неприятеля взять город приступом. Однако все атаки были успешно отбиты <...>. На Дрине позиция Мачков Камень¹⁴⁹ была взята австрийцами, но на следующий день, 24 сентября, сербам удалось ее вернуть, хотя и со значительными потерями. Во время этого сражения был тяжело ранен в спину королевич Георгий. Он снова проявил большую храбрость, идя впереди сербских частей в атаку. Когда ряды сербских цепей временно заколебались, пораженные убийственным огнем неприятеля, королевич Георгий, повернувшись лицом к своим войскам, стал призывать их решительно возобновить наступление. Вражеская пуля сразила его. Три дня спустя я посетил королевича Георгия в Нише, куда он был привезен для операции. Пуля была извлечена из-под грудной кости и стояла рядом с койкой на столике. Королевич был бодр и, несмотря на свою сквозную рану, резко повернулся, чтобы показать входное отверстие пули между двумя легкими, и, затем опять повернувшись, раскрыл рубашку, указывая на оперативную рану на груди. Бывшая тут же сестра милосердия жестоко его пожурила за неосторожные движения, которые могли стоить ему жизни, на что он, однако, не обратил никакого внимания.

Атаки австро-венгерцев против Белграда были не только отбиты, но имели последствием успешные контратаки через Саву, вплоть до занятия железнодорожной станции Землин 26 сентября <...>.

Пашич находился в эти критические дни в Валева, в непосредственном тылу сербских войск. Вернувшись в Ниш, он говорил мне, что санитарные условия армии более чем плачевны, и предупреждал о настоятельной необходимости отправлять туда все прибывавшие русские краснокрестные и другие отряды медицинской помощи. Королевич Георгий то же самое говорил мне при моем посещении его в Нише. Он очень отрицательно отзывался, чтобы не сказать ругал, Верховную команду за поход на север через Саву, причем рисовал в мрачных красках положение сербской армии со всех точек зрения <...>.

С Черногорией отношения оставляли желать лучшего. Приехавший в Ниш друг короля Николая генерал Бечир¹⁵⁰ мне жаловался на «Черную руку» и ссылаясь на Пашича, который выразил готовность преследовать тех лиц, о коих ему будут представлены доказательства в их виновности. По мнению Бечира, сербы хотят насильственно устранить черногорских генералов Вукотича¹⁵¹ и Мартиновича¹⁵², мешавших слиянию Сербии с Черногорией. Тут крылись корни глубокой интриги, которая с новой силой стала отравлять дружное сотрудничество этих двух ветвей сербского народа, стоявших лицом к лицу с грозным неприятелем! <...>

В конце октября мне пришлось съездить к Савинскому¹⁵³ в Софию, в ответ на его визит ко мне, для выяснения некоторых довольно важных разногласий наших точек зрения на сербо-болгарские отношения. Мы, однако, полностью сговориться не могли, и я вернулся в Ниш 29 октября. В тот же день было получено известие о внезапном нападении турецкого флота на черноморские берега России, чем открывалась новая страница военных действий Первой мировой войны.

Сначала мои друзья из Петербурга мне писали, «что упорство сербов, т. е. Пашича, выдвинуло вопрос о присылке в Ниш князя Г.Н. Трубецкого, которому легче будет добиться вполне удовлетворительного ответа на наши требования уступок в пользу Болгарии». В этих письмах о воздействии Савинского из Софии не говорилось, но для меня было ясно, откуда дует ветер. В глубине души я был очень доволен приезду Трубецкого, который по всем отзывам являлся человеком умным, осторожным и приятным в обращении. Для меня не было сомнения, что я не был в силах преодолеть все препятствия, лежавшие передо мной в важнейшем для России вопросе об удержании болгар в нашей орбите при посредстве территориальных уступок, согласно их требованиям. Быть может, рассуждал я, Трубецкому эта задача окажется по плечу, хотя внутренний голос мне подсказывал, что и эта мера окажется недействительной. Попутно мне было сообщено, что Трубецкой приедет с очень значительным количеством медицинского персонала и всякого рода санитарного оборудования для сербской армии и ее тыла. Это было действительно в высшей степени необходимо, ибо санитарное состояние сербских войск, как было уже упомянуто выше, являлось отчаянным в полном смысле этого слова. Срок приезда Трубецкого намечался в середине декабря.

На сербском фронте в это время обрисовывалась довольно серьезная опасность от все увеличивающегося напора австрийской армии в тыл сербским войскам, действовавшим на Дринском фронте <...>.

В Нише, само собой разумеется, настроение было более чем тревожное. Сербская Верховная команда проявляла нечеловеческие усилия, чтобы пополнить новыми рекрутами убыль в рядах войск. Фронт был сильно сужен. Ожидавшаяся из Франции амуниция, наконец, прибыла. Дух войск не сдавал и продолжал быть на должной высоте, несмотря на все тяжелые испытания, всегда связанные с отступлением в ненастную осеннюю погоду. Королевич-регент Александр все время держал своего престарелого отца в курсе военных операций. Король чувствовал, что в такую критическую минуту он не может остаться безучастным свидетелем возможной катастрофы, угрожавшей его стране, и потому решил

появиться на фронте. 2 декабря был созван Военный совет, на котором были взвешены все за и против стремительного, может быть, отчаянного наступления. Было принято во внимание, что неприятель также переутомлен тяжелыми переходами, почти без дорог и правильного снабжения, о чем говорили захваченные пленные. Главным козырем за наступление являлся высокий дух сербских войск. Непреклонное требование короля Петра и престолонаследника Александра решило вопрос в пользу наступления. 3 декабря началось Колубарское сражение¹⁵⁴. Старый король лично появился на передовых линиях и заявил, что тот из его солдат, кто не желает драться и защищать свои «огништа»*, может идти куда угодно, но что он сам, король, не отступит ни на шаг с того места, где находится. Об этих словах короля было сообщено во все части, что еще более воодушевило войска и обеспечило сказочную победу <...>.

15 декабря героически дравшиеся сербские войска вошли в Белград <...>.

Напряжение всего сербского тыла достигло в минуту упомянутых сражений крайних пределов. В Нише заговорили о возможности ухода правительства далее на юг, предпочтительно к албанской границе, но куда именно, оставалось загадкой. Допускалось, что придется уходить, как говорили, в горы.

С одержанием победы на Колубаре¹⁵⁵, Сувороре¹⁵⁶ и Белграде охватившее всю страну смятение улеглось, и я был счастлив донести С.Д. Сазонову об успехах сербского оружия, в которых приняли участие мастиный король Петр и его сын королевич Александр, главнокомандующий всеми сербскими вооруженными силами. Как через несколько месяцев мне было сообщено, государь император обратил внимание на сообщенные мною данные о ходе последних сражений и в особенности принял близко к сердцу участие короля Петра, больного и немощного, в решительную минуту спасения Сербии от казавшейся неминуемой гибели.

Новый российский посланник князь Трубецкой находился в пути из Петербурга в Ниш, куда он прибыл 17 декабря 1914 г., миновав вполне умышленно Болгарию, во избежание праздных кривотолков, т. е. избрав путь от Бухареста по Дунаю до Прахова¹⁵⁷. Наша встреча на станции сразу наложила отпечаток на наши дальнейшие все крепнущие чувства доверия и искренней дружбы. На следующий день было назначено вручение верительных грамот королевичу Александру в Крагуеваце. Эта церемония была достойно обставлена, но происходила в лагерной обстановке. Как во время самой аудиенции, так и за последовавшим за-

* *Огниште* (сербск.) – очаг.

втраком королевич-регент и посланник обменялись самыми сердечными и дружескими мыслями, отражавшими исконную связь между народами русским и сербским, не требовавшую никаких договорных и формальных подтверждений, за исключением чисто технических конвенций консульского характера <...>.

Наша работа продолжалась в прежнем темпе, и в апреле Трубецкой стал меня уговаривать взять отпуск и отдохнуть. Я охотно согласился, так как действительно нуждался в передышке. К концу апреля я вместе с семьей выехал через Софию и Бухарест в Петербург <...>.

Из коллекции А.Б. Арсеньева – Нови Сад, Сербия.

Копия (машинопись). С. 47–508.

Примечания

¹ Итало-турецкая (Триполитанская или Ливийская) война 1911–1912 гг. 29 сентября 1911 г. Италия объявила войну Османской империи с целью отторжения североафриканских провинций – Триполитании и Киренаики. 5 октября итальянский морской десант занял Триполи и Хомс. После высадки экспедиционного корпуса генерала Каневы (35 тыс. штыков) были заняты Тобрук, Дерну, Бенгази и ряд прибрежных оазисов. Эти действия оккупантов встретили мощное сопротивление, и к концу 1911 г. итальянцы удерживали лишь прибрежную полосу. В мае 1912 г. они оккупировали Додеканезские острова. Но им так и не удалось продвинуться во внутренние районы провинций. Во время Итало-турецкой войны была впервые применена авиация для разведки и бомбометания. По итогам мирного соглашения в Лозанне (18 октября 1912 г.) султан обязался «даровать» населению Триполитании и Киренаики автономию и вывести свои войска – фактически с этого времени они превратились в итальянскую колонию (которая позднее стала называться Ливией). Отказ Турции от прав на Ливию и Додеканез был зафиксирован Лозаннским мирным договором 1923 г.

² Босфор – пролив между Европой и полуостровом Малая Азия, соединяет Черное и Мраморное моря. Длина около 30 км. Ширина от 750 м до 3,7 км. Глубина от 38 до 80 м.

³ «Сичевачка клисура» – напоминающая каньон узкая часть долины Нишавы между селами Просек и Равни До. Расположена в 14 км к югу от Ниша. Длина ее составляет 15,9 км. Соединяет долину Нишавы с долиной Белой Паланки.

⁴ Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914) – российский дипломат; камергер. С 1875 г. – на службе в Азиатском департаменте МИД. В 1897–1904 гг. – его

вице-директор. С 1904 – директор (Азиатский департамент к тому времени был переименован в 1-й департамент МИД). В 1906–1909 гг. – посланник в Иране. В 1909–1914 – в Сербии. Отличался независимой политической линией, которая шла порой вразрез с официальным курсом Петербурга. Скончался от сердечного приступа в здании Австро-Венгерской миссии в Белграде 10 июля 1914 г. Похоронен в Белграде.

⁵ Неманина улица – улица в Белграде (от площади Славия до железнодорожного вокзала). Названа в честь Стефана Немани (1113–1199) – великого жупана Сербии (1166–1196) основателя сербского государства и родоначальника династии Неманичей (1166/68–1371).

⁶ Улица Милоша Великого (ныне князя Милоша) – улица в Белграде (от бульвара короля Александра до района Сеняк). Названа в честь Милоша Обреновича (1780–1860) – князя Сербии (1815–1839; 1859–1860), родоначальника династии Обреновичей.

⁷ Улица короля Милана – улица в Белграде (от улицы Теразие до площади Славия). Названа в честь Милана Обреновича (1854–1901) – князя (1868–1882), затем короля (1882–1889) Сербии.

⁸ Гартвиг Александра Павловна (в девичестве – Карцова, 1863–1944) – супруга (во втором браке) российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига.

⁹ Фонвизин Сергей Иванович (1860–1935) – известный русский литератор. Автор романов «Русский барин», «Две жизни», «Роман вице-губернатора» и т.д. Бракосочетание с А.П. Карцовой состоялось в 1882 г. От этого брака родился сын – Георгий Сергеевич Фонвизин, – впоследствии дипломат, второй секретарь российского посольства в Константинополе.

¹⁰ Николай Николаевич (младший) (1856–1929) – великий князь; генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904); генерал-инспектор российской кавалерии. Старший сын великого князя Николая Николаевича (старшего) и великой княгини Александры Петровны Ольденбургской, внук Николая I. В 1914–1915 гг. – Верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи. В 1915–1917 гг. – наместник на Кавказе.

¹¹ Артамонов Виктор Алексеевич (1873–1942) – российский военный деятель, генерал-майор (1915). Окончил Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. В 1901 г. – старший адъютант штаба 15-й пехотной дивизии. Помощник старшего адъютанта (1902–1904) и старший адъютант (1904–1907) штаба Одесского военного округа. В 1907–1909 гг. военный агент в Греции, в 1909–1918 – в Сербии. В 1919–1920 гг. – представитель генерала А.И. Деникина, а затем генерала П.Н. Врангеля в Белграде.

¹² Речь идет о членах Независимой радикальной партии, или «младорадикалах».

¹³ Божанович Милош (1863–1922) – сербский военачальник, генерал (1912). Родом из Славонии. В 1882 г. окончил военную академию в Белграде. В 1892–1894 гг. проходил стажировку в России – в железнодорожных войсках Петербургского и Виленского военных округов. Во время Первой балканской войны – командир Дунайской дивизии, с которой отличился в Кумановском сражении. В 1913–1914 г. – военный министр. С началом Первой мировой войны – командующий Ужицкой армейской группой, участник Церской битвы. Однако вскоре был смещен с должности и назначен начальником Пиротского укрепленного района (на границе с Болгарией). 1 ноября 1914 г. вышел в отставку по собственному желанию. Был награжден русским орденом Св. Станислава 1-й и 2-й степеней.

¹⁴ Мишич Живоин (1855–1921) – выдающийся сербский полководец, воевода (1915). Окончил Артиллерийскую школу в Белграде. Участник всех кампаний, которые вела Сербия в 1876–1918 гг. После Сербо-болгарской войны 1885 г. переведен в Генеральный штаб, затем командовал полком, бригадой, занимал должность начальника штаба дивизионной области. В 1898–1904 гг. – профессор Военной академии. После Майского переворота 1903 г. отправлен в отставку в чине полковника. В 1907 вернулся на военную службу. В 1907–1912 и 1913–1914 гг. – начальник Оперативного отдела Главного генерального штаба. Во время Балканских войн и в августе–ноябре 1914 г. – помощник начальника штаба Верховного командования. В ноябре 1914 – декабре 1917 г. – командующий 1-й сербской армии. Ему принадлежит главная честь победы в Колубарской битве. С 1 января 1918 г. – начальник штаба Верховного командования. Разработчик плана прорыва Салоникского фронта, приведшего к капитуляции Болгарии. В 1918–1921 гг. – начальник Главного генерального штаба Королевства сербов, хорватов и словенцев. Был награжден русскими орденами Св. Станислава 2-й степени и Св. Георгия 4-й степени.

¹⁵ Хаджич Стеван (1868–1931) – сербский военачальник и военный дипломат, генерал (1918). Высшее военное образование получил в России – в 1891–1895 гг. учился в Николаевской академии Генерального штаба. В 1910–1912 – военный атташе в России. В ходе Балканских войн – командир Дринской дивизии. В 1913–1914 – помощник начальника Главного генерального штаба. С началом Первой мировой войны – командир Шумадийской дивизии, затем – начальник штаба 1-й армии. В 1916–1917 гг. – командир Сербской добровольческой дивизии в России. В 1917–1919 гг. – военный атташе в Румынии. Награжден русским орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами.

¹⁶ «Черная рука» (официальное название – «Объединение или смерть») – тайная офицерская организация, основанная в 1911 г. бывшими участниками переворота 29 мая 1903 г. Ставила своей целью объединение всех сербских

земель *любыми средствами*. Особый политический вес в стране приобрела после Балканских войн, спровоцировав серьезный внутренний кризис, завершившийся фактическим отречением Петра Карагеоргиевича. С ней прямо связывается Сараевское убийство. Была разгромлена в декабре 1917 г. – в связи со сфабрикованным делом о покушении на регента Александра Карагеоргиевича и премьер-министра Николу Пашича (Салоникский процесс).

¹⁷ Живкович Петар (1879–1947) – сербский (югославский) военный и государственный деятель, армейский генерал (1930). Военную академию закончил в Белграде. Участник Майского переворота 1903 г. – открыл изнутри ворота дворцового парка. Разошедшись с Д. Димитриевичем-Аписом, основал тайную офицерскую организацию «Белая рука», близкую к престолонаследнику Александру Карагеоргиевичу, и стал его ближайшим конфиденнтом. В январе 1917 г. был назначен командиром королевской гвардии. В 1923 г. получил чин дивизионного генерала. В 1929–1932 гг. – председатель правительства Югославии, затем министр армии и флота в кабинетах Н. Узуновича, Б. Евтича и М. Стоядиновича. С 1941 г. – в эмиграции.

¹⁸ Димитриевич-Апис Драгутин (1876–1917) – сербский военный деятель, полковник. Один из организаторов Майского переворота 1903 г. В 1911, с основанием «Черной руки», вошел в состав ее Верховной центральной управы. Являясь начальником Разведывательного отдела Генерального штаба, был замешан в организацию Сараевского убийства. В 1916 г. – помощник начальника штаба 3-й армии. В конце года арестован по обвинению в организации покушения на регента Александра Карагеоргиевича. 26 июня 1917 г., по решению военного суда (Салоникский процесс), расстрелян. Прозвище «Апис» (лат. – «пчела») первоначально отражало его прилежание и работоспособность, однако со временем возникла также ассоциация и с именем священного быка в древнеегипетской мифологии, вызванная необычайной физической силой Д. Димитриевица.

¹⁹ Леонтьев Максим Николаевич (1871–1948) – российский военный деятель, генерал-майор (1913). Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. В мае 1901 г. назначен помощником военного агента в Константинополе. С октября – военный агент в Румынии. В 1905 г. произведен в полковники и назначен военным агентом в Болгарии, где оставался до 1911 г. В 1911–1913 гг. – командир 85-го Выборгского пехотного полка. В 1913–1914 гг. – военный агент в Константинополе. В 1916 г. был назначен командиром 4-й особой бригады, отправленной во Францию, а затем переброшенной на Салоникский фронт. В 1917 г. – военный агент в Греции. В начале 1918 г. выехал во Францию как военный представитель Временного правительства. В 1920–1923 гг. – военный представитель генерала П.Н. Врангеля в Праге.

²⁰ Ново-Базарский (Пазарский) санджак – северная часть Косовского вилайета (исторической Старой Сербии), которая разделяла Сербию и Черногорию. В 1878 г. Австро-Венгрия ввела в нее свои войска – гарнизоны в Приеполе, Плевле, Прибое. Возвращена Турции в 1908 г. Освобождена в 1912 г. и разделена между Белградом и Цетинье.

²¹ Ризов Димитр (1862–1918) – болгарский публицист, общественный деятель и дипломат. В 1882–1883 гг. – экзарший инспектор болгарских школ и училищ в Македонии. В 1884 г. включился в политическую борьбу в Болгарии. Принадлежал к Либеральной партии Петко Каравелова и был редактором ее органа «Тырновская конституция». Активный участник болгарского Объединения в 1885 г. ... С 1897 г. – на дипломатической службе. В 1897–1899 гг. – торговый консул в Скопье. В 1903–1905 гг. – посланник в Черногории, в 1905–1907 – в Сербии, в 1908–1915 – в Италии, в 1915–1918 – в Германии.

²² 3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано был подписан прелиминарный договор между Россией и Турцией, прекративший состояние войны между ними. По его условиям на Балканах создавалось объединенное болгарское государство (от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера), в состав которого входила вся Македония и целый ряд других территорий, включая освобожденный сербскими войсками Ниш, а также Пирот, – с прилегающими округами. Автором концепции договора и его подписантом со стороны России являлся граф Н.П. Игнатьев. Однако на Берлинском конгрессе большинство положений договора, касающихся Болгарии, было дезавуировано, при этом Нишский и Пиротский округа передавались Сербии.

²³ Карагеоргиевич Павел (1893–1976), принц – регент Югославии (1934–1941) при малолетнем короле Петре II. Сын князя Арсена Карагеоргиевича (и княгини Авроры Демидовой) и племянник короля Петра I. Образование получил в Оксфордском университете (Англия). В 1923 г. женился на принцессе Ольге Греческой. После убийства двоюродного брата – Александра Карагеоргиевича в Марселе (октябрь 1934 г.) возглавил регентский совет. В своей политике пытался маневрировать между Германией, Англией и СССР. При нем в 1940 г. были установлены дипотношения Белграда с Москвой, а 23 марта 1941 г. премьер-министр Драгиша Цветкович подписал с его санкции в Вене соглашение о присоединении Югославии к «Тройственному пакту» – ответом на это стал путч 27 марта, в результате коего несовершеннолетний Петр был провозглашен законным королем, а пакт расторгнут. Спустя всего несколько дней последовало «возмездие» – Апрельская война, оккупация и расчленение Югославии.

²⁴ «Правда» – ежедневная политическая газета (первая в Сербии, которая выходила в двух – дневном и вечернем – выпусках). Основатель и первый редактор – Пайя Маринкович. В 1904–1915 гг. близка к Напредняцкой партии. В

1916–1941, став собственностью братьев Сокич, – вне партий. В 1916–1918 гг. издавалась в Салониках.

²⁵ В.Н. Штрандтман ошибается: Пайя Маринкович не был членом Независимой радикальной партии, а принадлежал к напреднякам.

²⁶ Рибникар Владислав (1871–1914) – известный сербский журналист, основатель выходящей и поныне ежедневной газеты «Политика». В 1888–1892 гг. – обучался на философском факультете Великой школы в Белграде. Продолжил образование во Франции и Германии. В Сербию вернулся после Майского переворота 1903 г. 25 января 1904 г. вышел первый номер «Политики». Погиб 1 сентября 1914 г. на фронте в западной Сербии... Братья – Слободан Рибникар (1873–1924) и Дарко Рибникар (1878–1914). Отец – д-р Франьо Рибникар.

²⁷ «Одјек» (сербск.) – политическая газета, печатный орган Радикальной партии. Основана 1 октября 1884 г.

²⁸ «Пјемонт» (сербск.) – ежедневная политическая газета. Выходила в Белграде в 1911–1915 гг. Фактически являлась печатным органом тайной организации «Объединение или смерть». Основатель и первый редактор – Люба Йованович-Чупа, после смерти которого (1913) редакцию возглавил Бранко Божович.

²⁹ Пьемонт – историческая область на северо-западе Италии. С XV в. – это герцогство Савоя и Пьемонт, ставшее с 1720 г. основной частью Сардинского королевства (со столицей в Турине), которое впоследствии стало центром движения за создание единого национального итальянского государства. Объединение Италии произошло в 1859–1860 гг.

³⁰ В.Н. Штрандтман ошибается. Правильно: «Српска застава» (сербск.) – политическая газета. Выходила в Белграде в 1891–1915 гг. (с перерывом). Орган Либеральной партии (1891–1898). Первый главный редактор – Владимир Константинович. В 1901–1915 гг. – еженедельник группы либералов во главе с Йованом Авакумовичем.

³¹ Штрандтман опять ошибается: «Мали журнал» (сербск.) – ежедневная газета. Издавалась в 1894–1914 гг. в Белграде. Основатель и первый редактор – Йован Живкович. В 1896 г. перешла к братьям Савичам. Определенной политической программы не имела. Во время Балканских войн редакция широко использовала иллюстративный материал.

³² Штрандтман снова неточен: «Српске новине» (сербск.) – официальный ежедневный орган правительства Сербии. Издавался в 1835–1919 гг.

³³ Мамулов Иосиф Гаврилович – российский подданный. Поручик кавалерии запаса. В 1886–1891 гг. служил в 14-м Митавском драгунском полку. С 1894 г. проживал в Сербии. В 1894–1898 гг. – сотрудник сербского государственного коннозаводства. В 1898–1901 – внештатный драгоман Российской миссии.

В 1901–1905 гг. — заведующий придворной конюшенной частью. В 1905–1914 — драгоман Российской миссии.

³⁴ Бадняк (сербск. — *бадњак*) — полено, сжигаемое в Сочельник на очаге, и основной обряд Рождественского цикла праздников у южных славян. Бадняк горит всю ночь, его стерегут и не спят, поэтому название связывают с глаголом *бдеть*: не спать, бодрствовать. Обряд распространен в Сербии, Боснии и Герцеговине, Далмации, Истрии (у православных и католиков), в западной, южной и центральной Болгарии, в Македонии и некоторых областях Хорватии и Словении. Первые сведения о нем относятся к XIII в. (Дубровник).

³⁵ Гешов Иван (1849–1924) — болгарский политический и государственный деятель. В 1911–1913 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел Болгарии.

³⁶ Лекса фон Эренталь Алоиз Леопольд Иоганн Баптист (1854–1912), граф — австрийский дипломат. В 1906–1912 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии. Способствовал аннексии Боснии и Герцеговины, что рассматривалось как дипломатический триумф Вены.

³⁷ Тайные переговоры между Софией и Белградом завершились подписанием 13 марта 1912 г. болгаро-сербского союзного договора, предполагавшего оказание взаимной помощи в случае нападения на одну из договаривающихся сторон и их совместные действия, если кто-то из великих держав (подразумевалась Австро-Венгрия) попытается бы захватить балканские владения Турции. Секретное приложение к нему предусматривало вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии согласно модели — две *бесспорные* зоны и одна *спорная* (о ее судьбе так и не удалось договориться); вопрос о последней, при неудаче дальнейших переговоров, должен был передаваться на арбитраж Николая II... Союзный договор дополнялся военной конвенцией от 12 мая 1912 г.

³⁸ Слава — семейный праздник у сербов, посвященный православному святому, являющемуся патроном семьи (рода). Имеет очень древние корни. Сопровождается специальным обрядом — так называемым «сечением колача». При этом зажигается «славская свеча». Не прийти к сербу в гости на славу или не поздравить с ней считается кровной обидой.

³⁹ Палеолог Морис Жорж (1859–1944) — французский дипломат и писатель (автор историко-мемуарных сочинений). С 1880 г. на дипломатической службе. В 1880–1886 гг. занимал различные посты в Марокко, Италии и Китае. В 1907–1912 гг. — посланник в Болгарии; в 1914–1917 — посол в России. С 1920 — генеральный секретарь МИД. В 1928 г. избран членом Французской академии.

⁴⁰ Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) — английский дипломат. На службе в МИД с 1876 г. В 1903–1908 гг. — посланник в Болгарии, в 1908–1910 —

в Нидерландах. В 1910–1918 гг. – посол в России, в 1919–1921 – в Италии. С 1921 г. – в отставке.

⁴¹ Дрина – река в западной Сербии. Правый приток Савы. Длина – 461 км. По ней проходит граница между Сербией и Боснией.

⁴² Бор – рудно-металлургический бассейн в восточной Сербии, близ Заеча-ра. Расположен на месте античных рудников. Особое развитие получил после 1903 г., когда в его окрестностях была обнаружена медная руда с примесями золота. В 1904 г. открыт медно-золотой рудник.

⁴³ Рейхштадтское соглашение – секретная договоренность между Россией и Австро-Венгрией, заключенная 8 июля 1876 г. в замке Рейхштадт между Александром II и А.М. Горчаковым, с одной стороны, и Францем-Иосифом и Д. Андраши, с другой, в разгар Восточного кризиса с целью раздела Балкан на сферы влияния. Предусматривало *фактическое* закрепление влияния Австро-Венгрии на западе Балкан (оккупация Боснии и Герцеговины) и *возможное* установление такого влияния России на востоке (автономизация Болгарии и Румелии *в случае* полного крушения Европейской Турции). Предусматривало территориальное расширение Сербии и Черногории и возвращение России южной Бессарабии. Константинополь должен был стать вольным городом (опять-таки в случае полного крушения Турции). Главным условием, согласованным сторонами, явилось их обязательство не оказывать содействия образованию большого славянского государства в случае победы христиан (имелись в виду Сербия и Черногория, ведущие войну с Турцией). Вследствие разночтений в записях, составленных порознь Горчаковым и Андраши (соглашение не было оформлено конвенцией или протоколом!), Рейхштадтское соглашение было дополнено 15 января 1877 г. формальной Будапештской конвенцией, повторяющей основные положения предыдущего соглашения. Если неравные условия Рейхштадтского соглашения еще могли быть отчасти оправданы для России надеждами на военный успех Сербии и на распад Европейской Турции в результате восстания на Балканах со всеми вытекающими отсюда благоприятными перспективами, то после разгрома Сербии под Джунисом в октябре 1876 г. подписание Будапештской конвенции в январе 1877 г. явилось непростительной ошибкой российской дипломатии. Рейхштадтское соглашение и Будапештская конвенция были использованы Австро-Венгрией как формальные основания для требований пересмотра условий Сан-Стефанского договора (трактата теперь Болгарию в качестве «большого славянского государства») в условиях изменившегося не в пользу России соотношения сил.

⁴⁴ Шувалов Петр Андреевич (1827–1889) – российский государственный деятель и дипломат. С 1845 г. на военной службе. В 1856 г. участвовал в работе Парижского конгресса. В 1866–1874 гг. – шеф жандармов и начальник III

Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В 1874–1879 гг. – посол в Англии. Являлся вторым уполномоченным от России на Берлинском конгрессе 1878 г.

⁴⁵ Андраши Дьюла (1823–1890), граф – венгерский (австро-венгерский) государственный деятель, дипломат. Участник революции 1848–1849 гг. в Венгрии. После поражения эмигрировал во Францию. В 1851 г. заочно приговорен австрийцами к смертной казни. После амнистии 1857 г. вернулся в Венгрию. В 1861 г. был избран депутатом Государственного собрания. Участвовал в подготовке австро-венгерского соглашения 1867 г., приведшего к «дуализации» Империи. В 1867–1871 гг. – премьер-министр и министр обороны Венгрии. В 1871–1879 – министр иностранных дел Австро-Венгрии. Активно выступал за сближение с Германией.

⁴⁶ Ламздорф Владимир Николаевич (1841–1907), граф – российский дипломат, гофмейстер. На дипломатической службе с 1866 г. Вся его карьера прошла в центральном аппарате МИД. За границей никогда не занимал никаких постов. В 1882–1896 гг. – директор канцелярии МИД и один из ближайших сотрудников Н.К. Гирса. В 1897–1900 – товарищ министра, а в 1900–1906 – министр иностранных дел России.

⁴⁷ Голуховский Агенор (1849–1921), граф – австро-венгерский дипломат. Происходил из семьи польских магнатов. Начал дипломатическую карьеру секретарем в Берлине, затем занимал пост советника в Париже. В 1887–1894 гг. – посланник в Румынии. В 1895–1906 – министр двора и иностранных дел Австро-Венгрии.

⁴⁸ Мюнцихтское соглашение 1903 г. – договоренность между Россией и Австро-Венгрией о совместных дипломатических действиях по вопросу о реформах в Македонии. Начав активную политику на Дальнем Востоке, Петербург стремился обезопасить себя от агрессивных действий Вены на Балканах. Когда в 1903 г. в Македонии вспыхнуло Илинденское восстание, жестоко подавленное турками, министры иностранных дел обеих стран, В.Н. Ламздорф и А. Голуховский, 29 сентября 1903 г. подписали соглашение в замке Мюнцихтег, во время свидания в нем Николая II и Франца-Иосифа. Оно явилось одним из этапов русско-австрийского сближения (*rapprochement*), начало которому было положено в 1897 г., с целью поддержания в регионе статус-кво. Было оформлено в виде инструкции русскому и австро-венгерскому послам в Константинополе и предусматривало предъявление Турции требований учреждения в Македонии двух «гражданских агентов», русского и австрийского, для управления финансами; создание чрезвычайных судов с участием русских и австрийских консулов; реорганизацию жандармерии с участием иностранных офицеров; допуск христиан к занятию судебно-административных должностей и пр.

⁴⁹ Спалайкович Мирослав (1869–1951) – сербский (югославский) политик и дипломат. Изучал право в Париже, где в 1898 г. получил докторскую степень. С 1900 г. на дипломатической службе. В 1904–1907 гг. – консул в Приштине. В 1907–1911 гг. – начальник МИД Сербии. В 1911–1913 гг. – посланник в Болгарии, в 1913–1917 – в России. В апреле–августе 1920 гг. – временно исполняющий обязанности министра иностранных дел Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1920–1924 гг. – посланник Королевства СХС в Италии, в 1924–1935 – во Франции. С 1944 г. – в эмиграции.

⁵⁰ В октябре 1876 г. (в рамках Сербо-турецкой войны) сербские войска, усиленные русскими добровольцами, потерпели поражение в районе села Джунис. Перед турками открывалась прямая дорога на Белград. Сербов спас ультиматум Петербурга Порте – мирный договор между Сербией и Турцией был подписан на основе принципа *status-quo ante bellum*.

⁵¹ Данный принцип самым наглядным образом проявился летом 1914 г.

⁵² 28 июня 1389 г., в день святого Вида, на Косовом Поле (котловина в южной Сербии, близ города Приштина) произошло решающее сражение между объединенными силами сербов и босняков, которыми командовал князь Лазар Хребельянович, и армией турецкого султана Мурада I. Поначалу войска князя Лазара несколько потеснили турок. К тому же в разгар боя серб Милош Обилич пробрался в шатер Мурада и заколол его. Командование турецкой армией принял сын Мурада – Баязид... В конечном итоге сражение закончилось победой османов. Князь Лазар попал в плен и был ими убит. Погибли также многие представители сербской аристократии (властелы), в том числе старый Юг-Богдан и девять его сыновей – Юговичей. После Косовской битвы Сербия стала вассалом Османской империи, а в 1459 г., в результате падения Смедеревской деспотовины, окончательно вошла в ее состав. Битва на Косовом поле, а также подвиги и страдания сербских воинов нашли отражение в героическом эпосе сербов.

⁵³ Баница – предместье Белграда.

⁵⁴ Авала – гора в Сербии высотой 511 м над уровнем моря. Расположена в 14 км к юго-востоку от Белграда.

⁵⁵ Комитет «Единение и прогресс» – одна из видных политических партий младотурецкого движения. Образована 21 мая 1889 г. под названием «Общество османского единства». Позднее, объединившись с парижской группой младотурок, была переименована в «Османское общество единения и прогресса», которое считало своей целью восстановление конституции 1876 г. и созыв парламента. Являлась основной политической силой в ходе младотурецкой революции 1908–1918 гг. В августе 1912 г. была отстранена от власти. В результате вооруженного переворота 23 января 1913 г. вернулась к ней. При этом всю власть в партии и в стране захватил «триумвират» (Энвер-паша, Талаат-паша, Джемаль-

паша). Две трети членов Комитета в парламенте и правительствах стали впоследствии активистами кемалистского движения.

⁵⁶ Абдул-Хамид II (1842–1918) – 34-й султан Турции (1876–1909), второй сын султана Абдул-Меджида. В конце 1876 г. под давлением «новых османов» и связанного с ними великого визиря Мидхата-паши ввел конституцию, но вскоре фактически отменил ее, установив деспотический режим. Осуществлял жестокое угнетение народов Османской империи, за что заслужил прозвище «кровавого султана». Идеологией своего правления Абдул-Хамид II провозгласил панисламизм. При нем в Турции выросло влияние Германии. Во время Младотурецкой революции 1908 г. был вынужден восстановить конституцию 1876 г. 27 апреля 1909 г. низложен младотурками за участие в организации контрреволюционного переворота. С 1909 г. находился в заключении с остатками своего гарема в Белой башне Салоник – бывшей штаб-квартире младотурок. С приближением к городу греко-болгарских войск в 1912 г. вывезен в Стамбул на германской канонерской лодке. До конца жизни находился под домашним арестом.

⁵⁷ Порта – употреблявшееся в европейском дипломатическом обороте официальное название правительства (канцелярии великого визиря и Дивана) Османской империи. Турецкое название – «*Babîâli*» (Бабы-Али), в дословном переводе: «Высокие столбы» – т. е. фасад, ворота здания, где размещалось ведомство великого визиря. Европейцами применялись выражения: Оттоманская Порта, Высокая Порта, Блистательная Порта. Термин «Порта» («Высокая Порта») восходит к французскому переводу турецкого «*Babîâli*» – «*La Porte Sublime*», что значит «Высокие (или Величественные) ворота». Иногда этот термин ошибочно относили не к правительству, а к самой Османской империи.

⁵⁸ Карагеоргиевич Джордже (1887–1972) – старший сын Петра Карагеоргиевича и Зорки, дочери черногорского короля Николы Петровича-Негоша. В 1908 г., по причине психической неуравновешенности, отрекся от прав на наследование престола.

⁵⁹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – российский дипломат. Образование получил в Александровском лицее. На дипломатической службе с 1883 г. В 1890–1894 гг. состоял секретарем российского посольства в Англии, а в 1894–1904 – русской миссии при Ватикане. В 1904–1906 гг. – советник посольства в Лондоне. В 1906–1907 – министр-резидент при папе Римском. В 1907–1909 гг. – посланник в США. В 1909 г., после «скандала в Бухлау», был назначен товарищем министра иностранных дел. В 1910–1916 – министр иностранных дел Российской империи. С января 1913 г. – член Государственного совета. После 25 октября 1917 г. – активный участник Белого движения. В 1919 г. – министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина; являлся представителем «белых» сил на Парижской мирной конференции. Затем – в эмиграции.

⁶⁰ Давос – курортный город в восточной Швейцарии (в кантоне Граубюнден). Расположен в Ретийских Альпах (1560–1574 м над уровнем моря).

⁶¹ Трифкович Марко (1864–1928) – сербский (югославский) политический и государственный деятель. По образованию юрист. Изучал право в Белграде, Париже и Цюрихе. Служил в городских судах Валева и Крушеваца, затем занимался адвокатской практикой в Белграде. В 1906 г. впервые избран депутатом скупщины от Радикальной партии. Был министром в правительствах Н. Пашича и М. Миловановича. После смерти последнего менее двух недель (1–12 сентября 1912 г.) занимал пост главы кабинета. В 1918 г. – министр внутренних дел в последнем правительстве Сербии. В 1925 – председатель Народной скупщины Королевства СХС.

⁶² Карагеоргиевич Арсен (1859–1938), князь – второй сын князя Александра Карагеоргиевича и княгини Персиды, брат короля Петра Карагеоргиевича и отец принца Павла – будущего регента Югославии (1934–1941). Высшее военное образование получил в России. Служил в русской армии и французском Иностранном легионе. В 1883–1885 гг. участвовал в экспедиции в Тонкине; в 1904–1905 – в Русско-японской войне. В 1892–1895 гг. состоял в браке с А.П. Демидовой, княгиней Сан-Донато. Во время Балканских войн командовал единственной в сербской армии конной дивизией.

⁶³ *Коло српских сестара* (сербск.) – женская организация, основанная в Белграде в 1903 г. Изначально ставила своей целью достижение равноправия женщин. Особую известность получила благодаря своей благотворительной, национально-патриотической и просветительской деятельности. Первая председательница организации – Савка Суботич. В ходе войн начала XX в. ее члены выступали в роли сестер милосердия.

⁶⁴ Мамулова Эмилия (урожденная Станишевская) – супруга драгомана Русской миссии И.Г. Мамулова. По матери – сербка, по отцу – поляк.

⁶⁵ Первая армия (под командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича) на момент начала Первой балканской войны была самой многочисленной из всех трех. Располагалась в центре сербского фронта, имея целью освобождение Скопье.

⁶⁶ Куманово – город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. До 1941 г. входил в состав Королевства Югославии. Впервые упоминается в турецких документах в 1519 г. В октябре 1912 г. вблизи него произошло одно из крупнейших сражений Первой балканской войны (Кумановская битва), в ходе которого 1-я сербская армия под командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича нанесла тяжелое поражение турецким войскам и 26 октября вошла в Скопье.

⁶⁷ Вторая армия (под командованием генерала Степы Степановича) располагалась на левом фланге сербского фронта, имея задачу наступать в район города Страцин.

⁶⁸ Кратово – город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. Расположен на западном склоне горы Осагово на высоте 600 м над уровнем моря. Известен с XIII в.

⁶⁹ Третья армия (под командованием генерала Божидача Янковича) на момент начала Первой балканской войны располагалась на правом фланге сербских сил, имея своей целью освобождение Косова и Метохии.

⁷⁰ Приштина – город в южной Сербии, столица автономного края Косово и Метохия. Один из центров средневекового сербского государства. Был столицей короля Милутина (1282–1321), затем – Вука Бранковича (до 1398 г.).

⁷¹ Косовская Митровица – сербский город на севере Косова и Метохии. Первое упоминание о ней относится к XIV в.

⁷² Скопье – столица Бывшей Югославской Республики Македония и ее главный политико-экономический, культурный, научно-образовательный центр. Расположен на берегах реки Вардар. Город впервые упомянут Клавдием Птолемеем под античным именем Скупи. Формируется в III в. до н. э., а в 164 г. до н. э. подпадает под власть Рима и становится центром провинции Мезия. В 695 г. заселяется славянами, получив современное название. В 1041 г. его захватывают византийцы. В 1282 г. входит в состав средневекового Сербского государства. В 1346 г. здесь коронован Стефан Душан. С 1392 г. – под властью турок. В 1912 г. освобожден сербскими войсками.

⁷³ Велес – город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. Первое упоминание под именем Вилазора относится к 216 г. до н.э. С 1386 г. – под властью турок. Освобожден сербскими войсками в 1912 г.

⁷⁴ Битоль (Монастырь) – город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. Впервые под таким названием упоминается в 1041 г. С 1382 г. – под властью турок. Освобожден сербскими войсками в 1912 г.

⁷⁵ Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936) – русский писатель, журналист. Брат театрального деятеля Влад. Ив. Немировича-Данченко. Был военным корреспондентом во время Русско-турецкой (1877–1878), Русско-японской, Балканских и Первой мировой войн. С 1921 г. – в эмиграции.

⁷⁶ См. примеч. 22.

⁷⁷ Прилеп – город в Битольской области. Первое упоминание относится к 1041 г. Византийцы называли город Прилапон. Столица владений сербского короля Марко (1371–1394) – популярного героя сербского эпоса. После смерти Марко захвачен турками. Освобожден сербскими войсками в 1912 г.

⁷⁸ Охрид – город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. Расположен на северо-восточном берегу Охридского озера. Впервые упоминается в III в. до н. э. Освобожден от турок сербскими войсками в 1912 г.

⁷⁹ Скутари (алб. — *Скадар*) — город в Албании на реке Бояне. Со II в. н. э. принадлежал римлянам. Затем — Византии. С 1043 г. и до конца XIV в. — находился под властью сербских правителей. Венецианцы владели Скадаром до 1479 г., когда его завоевали турки. В 1913 г. сербы вместе с черногорцами взяли город, но под давлением великих держав были вынуждены оставить его албанцам. Зимой 1915–1916 гг. он был главным сборным пунктом отступавшей сербской армии. В 1919 г. Скадар был занят итальянцами, настоявшими на его передаче Албании.

⁸⁰ Топтани Эссад-паша (1863–1920) — албанский (турецкий) военачальник и политик. Депутат османского парламента. Во время Первой балканской войны — начальник гарнизона крепости Скутари. В начале 1914 г. — министр обороны и внутренних дел независимой Албании. Являлся поборником принципа: «Балканы — балканским народам», без вмешательства великих держав.

⁸¹ Речь идет об Албанской операции сербских войск (Шумадийская дивизия 1-го и Дринская 2-го призыва) в ходе Первой балканской войны — временной оккупации ими северной Албании и выходе к адриатическому побережью с занятием портов Леш (Алессио), Медова (Сан-Джованни-ди-Медуа) и Драч (Дураццо). Она продолжалась полгода (23 октября 1912 — 20 апреля 1913 г.) и являлась попыткой обеспечить Сербии долгожданный доступ к морю. Составной ее частью стала помощь черногорцам при осаде Скутари. Однако под жестким давлением Австро-Венгрии, вплоть до ультиматума, Белград не смог удержать занятых территорий и был вынужден вывести из них свои войска.

⁸² Леш (ит. — *Алессио*) — город в северной Албании. Расположен вблизи впадения реки Дрим в Адриатическое море. Основан в 385 г. до н. э. Дионисием Сиракузским. В 1912–1913 гг. временно занят сербскими войсками, но затем отошел к Албании.

⁸³ Сан-Джованни-ди-Медуа (сербск. — *Медова*) — город в северной Албании на берегу Адриатического моря.

⁸⁴ Адрианополь (тур. — *Эдирне*, болг. — *Одрин*) — город в Европейской Турции. Расположен на реке Марица на границе с Грецией и в 20 км от границы с Болгарией. Основан римским императором Адрианом на месте фракийского поселения. В 1362 г. захвачен турками-османами. В 1365–1453 гг. — столица Османской империи. В ходе Первой балканской войны, после длительной осады (продолжавшейся с 27 октября 1912 г. по 26 марта 1913 г.), взят болгарскими и сербскими войсками. По Лондонскому мирному договору 1913 г. Адрианополь оставался за Болгарией, но в результате ее поражения во Второй балканской (Межсоюзнической) войне был возвращен Турции. По Севрскому мирному договору 1920 г. город, как и вся Восточная Фракия, отошел к Греции. Но в 1923 г., согласно Лозаннскому миру, греки были вынуждены передать его Турецкой республике.

⁸⁵ В.Н. Штрандтман ошибается – Адрианополь был взят болгарскими и сербскими войсками 26 марта 1913 г. после трехдневного штурма.

⁸⁶ 25 февраля 1912 г., по просьбе из Софии, Сербия передала в помощь болгарским войскам, осадившим Адрианополь, две дивизии из 2-й армии Степы Степановича (47 тыс. солдат и офицеров). В феврале 1913 г. сербы направили под Адрианополь всю свою осадную артиллерию (четыре тяжелых осадных дивизиона).

⁸⁷ Данев Стоян (1858–1949) – болгарский политический и государственный деятель, юрист. Лидер Прогрессивно-либеральной партии. В 1894–1920 гг. – депутат Народного собрания. В 1901–1902 и 1913 – премьер-министр. Возглавлял болгарскую делегацию при подписании Лондонского мирного договора 1913 г.

⁸⁸ Охридское озеро – обширный водоем, расположенный в западной Македонии, на границе с Албанией. Площадь 348 км. Глубина до 285 м.

⁸⁹ Лондонский договор – мирное соглашение, подписанное 17 мая 1913 г. Сербией, Грецией, Болгарией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией – с другой. Определило территориально-политическое устройство на Балканах после Первой балканской войны. Согласно этому договору, Турция уступала балканским государствам всю территорию к западу от линии Мидия – Энос – за исключением Албании, объявившей о независимости, – а также остров Крит. Через месяц, в связи с началом Второй балканской (Межсоюзнической) войны, Лондонский договор был аннулирован.

⁹⁰ Чаталджа – район турецкой провинции Стамбул. Во время Первой балканской войны здесь проходила Чаталджинская укрепленная линия, на которой в ноябре 1912 г. произошло последнее сражение между турецкими и болгарскими войсками. Болгары так и не смогли прорвать оборону турок.

⁹¹ В ночь на 17 июня 1913 г. болгарские войска неожиданно напали на сербские позиции на реке Брегалница. Так началась Вторая балканская (Межсоюзническая) война. На стороне Сербии выступили Черногория, Греция, Румыния, Турция. Болгары были быстро разбиты.

⁹² Йованович Любомир (1865–1927) – сербский политический деятель; историк. Профессор Великой школы, а затем (с 1905 г.) – Белградского университета. Член Радикальной партии и ее руководства. Неоднократно занимал пост министра народного просвещения и церковных дел в кабинетах Н. Пашича. Во время Первой мировой войны – министр внутренних дел. После 1918 г. разошелся с Пашичем и был исключен из партии.

⁹³ Крива Паланка (тур. – *Эгри-Паланка*) – город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. Расположен на северо-востоке страны, в 5 км от границы с Болгарией. Основан турками в 1633 г. До 1912 г. находился под

властью Османской империи. По условиям Бухарестского мира 1913 г. передан Сербии. В 1918–1941 гг. – в составе Королевства Югославия.

⁹⁴ Святой Никола (макед. – *Свети Николе*) – населенный пункт в современной Бывшей Югославской Республике Македония. Расположен в центральной ее части, в Овчепольской котловине. В начале XX в. – большое болгаро-турецкое село. Турецкое название – Клисели. До 1912 г. находилось в составе Османской империи. По условиям Бухарестского мира 1913 г. передано Сербии. В 1918–1941 гг. входило в состав Королевства Югославия.

⁹⁵ В.Н. Штрандтман неточен, правильно: Злетово – населенный пункт в современной Бывшей Югославской Республике Македония. Расположен на западе страны. Впервые упоминается в 1019 г. До 1912 г. находился под властью Турции. По условиям Бухарестского мирного договора 1913 г. передан Сербии. В 1918–1941 гг. входил в состав Королевства Югославия.

⁹⁶ Кирк-Килиссе (Кырккилиссе, после 1924 г. – Кыркларелли; болг. – *Лозенград*) – город на северо-западе Турции (Восточная Фракия). Основан османами. По итогам Первой балканской войны (1912–1913) отошел к Болгарии, но уже менее чем через полгода возвращен Османской империи. По Севрскому мирному договору 1920 г. был передан Греции, но в 1923 г., согласно Лозаннскому договору, опять возвращен Турции.

⁹⁷ Извольский Александр Петрович (1856–1919) – российский дипломат. Министр-резидент при Святом престоле. Посланник в Белграде, Мюнхене, Токио и Копенгагене. В 1906–1910 гг. – министр иностранных дел. В 1910–1917 – посол России во Франции. Способствовал укреплению франко-русского союза и консолидации стран Антанты. Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908–1909 гг. была воспринята в русском обществе как поражение политики Извольского.

⁹⁸ В.Н. Штрандтман не совсем точен. Правильно: «Фонд Карнеги за международный мир» – частная некоммерческая организация, задачей которой является содействие сотрудничеству между странами мира. Основан в 1910 г. на средства американского стального магната Эндрю Карнеги. Существует и в наши дни, выделяя ежегодно гранты на общую сумму около 60 млн. долларов.

⁹⁹ Д'Этурнель де Констан Поль Анри Бенджамен (1852–1924) – французский дипломат и общественный деятель. С 1895 г. – депутат Национального Собрания, с 1904 – сенатор. Член международной Комиссии по определению границ на Балканах, согласно решениям Берлинского конгресса 1878 г. В 1899–1907 гг. – представитель Франции в Гаагском международном суде. Один из самых видных проповедников идеи международного мира, лауреат Нобелевской премии 1909 г. В 1913 г. – председатель Комиссии фонда Карнеги, направленной на Балканы для расследования зверств, совершенных всеми участниками обеих Балканских войн. В 1918 г. был одним из главных разработчиков проекта Лиги Наций.

¹⁰⁰ Годар Жюстен – французский общественный и политический деятель. В 1913 г. – депутат Национального Собрания от Лиона. В условиях отсутствия официального председателя Комиссии фонда Карнеги, барона д'Этурнеля де Констана, в составе миссии на Балканах, выполнял функции председателя, канцелярия и докладчика Комиссии.

¹⁰¹ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – российский политик, историк и публицист. В 1882 г. окончил Московский университет. С 1886 г. – приват-доцент на кафедре русской истории. В 1892 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1894 за связь со студенческим движением уволен из университета и выслан из России. В 1894–1897 гг. читал лекции по русской истории в Софии и Чикаго. Именно в это время стал ярким болгарофилом и сербофобом. Один из основателей партии кадетов, с 1907 г. – председатель ее ЦК. В феврале–мае 1917 – министр иностранных дел России (в составе Временного правительства). С 1920 г. – в эмиграции.

¹⁰² Мариенбад (чешск. – *Марианске Лазне*) – курортный город в Чешской республике, на западе исторической области Богемия. До Первой мировой войны – один из самых фешенебельных водных курортов не только Австро-Венгрии, но и всей Европы. Для русских туристов в XIX в. построена православная Владимирская церковь.

¹⁰³ Бухарестский мир – мирный договор между Болгарией, с одной стороны, и Румынией, Сербией, Черногорией, Грецией – с другой. Был подписан 10 августа 1913 г. в Бухаресте по итогам Второй балканской войны – участие Турции в ней фиксировалось в особом Константинопольском договоре 1913 г. София передавала Румынии южную Добруджу и обязывалась срыть все крепости на болгаро-румынской границе. Освобожденная Македония разделялась между Грецией (Эгейская Македония с Салониками и Каваллой), Сербией (Вардарская Македония с долиной реки Вардар) и Болгарией (Пиринский край, составлявший лишь 11% от общей территории исторической области Македония, на которую в полном объеме с 1878 г. претендовала София).

¹⁰⁴ В.Н. Штрандтман неточен. В действительности территория Сербии увеличилась менее чем в два раза: в 1912 г. – 48.303 кв. км; в 1913 г. – 83.800 кв. км. Соответственно и население: было 2,9; стало – 4,2 млн. чел.

¹⁰⁵ Иоанн Константинович (1886–1918) – князь императорской крови, сын великого князя Константина Константиновича. Штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, флигель-адъютант. Был женат (с 1911 г.) на сербской принцессе Елене Петровне. Убит большевиками в Алапаевске.

¹⁰⁶ Всеволод Иоаннович (1914–1973) – князь императорской крови. Сын князя императорской крови Иоанна Константиновича и Елены Петровны, урожденной королевны Сербской. Последний мужской представитель дома Романо-

вых, родившийся до революции, и последний представитель мужской линии потомков великого князя Константина Николаевича – второго сына Николая I.

¹⁰⁷ Всеволод Мстиславич (в крещении Гавриил) (не ранее 1095 – 1138) – князь Новгородский, Псковский. Сын Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха. Посажен отцом княжить в Новгороде в 1117 г. и прокняжил до 1132 г. В 1137–1138 гг. – князь Псковский. Канонизирован Русской православной церковью в 1549 г. и почитается как святой благоверный князь Всеволод Псковский.

¹⁰⁸ Мономах Владимир Всеволодович (1053–1125) – великий князь киевский (1113–1125). Сын князя Всеволода Ярославича, внук Ярослава Мудрого (был прозван Мономахом по имени матери – дочери византийского императора Константина Мономаха). Победитель половцев. Его княжение было временем усиления Киевской Руси. Он сумел объединить до ¾ территории Древнерусского государства, прекратив княжеские междоусобицы. Но после смерти его сына Мстислава Великого (1132) феодальная раздробленность Руси вновь усилилась. Автор «Почучения» – яркого памятника древнерусской литературы, написанного талантливо и с литературным блеском.

¹⁰⁹ Карагеоргиевич Зорка (1864–1890) – старшая дочь черногорского князя Николы Петровича-Негоша и княгини Милены. Обучалась в Цетинье и Санкт-Петербурге. В 1883 г. вышла замуж за Петра Карагеоргиевича. Мать Елены, Джордже и Александра Карагеоргиевичей.

¹¹⁰ Российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг скоропостижно скончался 10 июля 1914 г. в здании Австро-Венгерской миссии во время беседы с посланником бароном В. Гизлем.

¹¹¹ В июне 1914 г., в результате острого внутривосточного кризиса, Петр Карагеоргиевич перенес свои монаршие прерогативы на престолонаследника Александра, который стал принцем-регентом Сербии. Фактически это означало отход короля Петра от дел.

¹¹² Прах Н.Г. Гартвига покоится на Новом кладбище в Белграде. В 1939 г. белградская община возвела на его могиле памятник, существующий и поныне.

¹¹³ Гизль фон Гизлинген Владимир (1860–1936), барон – австро-венгерский военный деятель и дипломат; генерал от кавалерии (1914). Окончил Терезианскую военную академию. В 1893–1898 гг. – военный атташе в Константинополе, в 1898–1903 – в Софии. В 1909–1913 гг. – посланник в Черногории, в 1913–1914 гг. – в Сербии. После покушения на Франца-Фердинанда вручил сербскому правительству ультиматум Вены. С начала Первой мировой войны состоял при Главной квартире австро-венгерской армии. В 1915 г. даже планировалось его назначение командующим армией.

¹¹⁴ 28 июня 1914 г. член тайной организации «Молодая Босния» гимназист Гаврила Принцип убил в Сараево наследника австро-венгерского престола –

эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену – герцогиню Гегенберг. Вена посчитала этот повод достаточным для объявления войны Белграду.

¹¹⁵ Пачу Лаза (1855–1915) – сербский политик и государственный деятель, один из ближайших соратников Н. Пашича. Получил медицинское образование в Цюрихе, где сблизился с учениками Светозара Марковича, основавшими впоследствии Радикальную партию. Многолетний член ее ЦК. Неоднократно занимал пост министра финансов в радикальных кабинетах Саввы Груича и Н. Пашича. В июле 1914 г., замещая отсутствовавшего в Белграде Пашича, принял австро-венгерский ультиматум Сербии.

¹¹⁶ Речь идет о греческой войне за независимость – вооруженной борьбе греческого народа за независимость от Османской империи (1821–1832), завершившейся Константинопольским мирным договором, утвердившим Грецию как суверенное государство. Россия всегда оказывала поддержку Афинам в этой борьбе.

¹¹⁷ В.Н. Штрандтман ошибается – решающее поражение в ходе Сербо-турецкой войны 1876 г. сербские войска потерпели под Джунисом.

¹¹⁸ В апреле 1877 г. Россия объявила войну Османской империи. В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была восстановлена болгарская государственность в виде автономного Княжества Болгария.

¹¹⁹ Форгач Янош-Иоганн (1870–1935), граф – австро-венгерский дипломат. В 1907–1911 гг. – посланник в Сербии.

¹²⁰ Обренович Александр (1876–1903) – король Сербии (1889–1903). Вступил на престол после отречения своего отца, короля Милана. В 1893 г., приказав арестовать регентов и членов кабинета, провозгласил себя совершеннолетним. В 1894 отменил либеральную конституцию 1888 г. В 1901 октроировал новую, вводившую в Сербии Сенат, часть членов которого назначалась монархом. 29 мая 1903 г., в результате офицерского заговора, был зверски убит вместе с женой – королевой Драгой. С его смертью династия Обреновичей пресеклась. На сербском престоле были восстановлены Карагеоргиевичи.

¹²¹ Нишава – река в южной Сербии, правый приток Южной Моравы. Длина 202 км. На ней расположен город Ниш.

¹²² Пашич (урожденная Дукович) Джурджина (1866–1948) – жена (с 1891 г.) Николы Пашича. Родилась в Бердянске (Российская империя), до замужества проживала в Триесте и во Флоренции. Отец – Александр Дукович – крупный оптовый торговец; имел тесные связи с южнороссийскими регионами. Брат – Стеван Дукович – известный итальянский скульптор.

¹²³ Берхтольд Леопольд (1863–1942), граф – австро-венгерский дипломат. На дипломатической службе с 1893 г. Занимал различные посты в посольствах Австро-Венгрии во Франции (1894–1899) и Англии (1899–1906). В 1906–1912 гг. –

посол в России. В 1912–1915 – министр иностранных дел. В 1915–1918 – министр императорского двора. Проводил захватническую политику на Балканах и в небольшой степени способствовал развязыванию Первой мировой войны.

¹²⁴ Чахотин Степан Иванович (1857–1919) – русский дипломат. В 1895–1915 гг. – консул России в Нише.

¹²⁵ Драшкович Милорад (1873–1921) – сербский политический и государственный деятель. Член Независимой радикальной партии. В 1905 г. – министр экономики. С осени 1914 г. входил в состав коалиционного кабинета Н. Пашича. После образования Королевства СХС – в руководстве Демократической партии. В 1920 г., будучи министром внутренних дел, инициировал запрещение деятельности Коммунистической партии. Год спустя убит коммунистом Алией Алиягичем.

¹²⁶ Трубецкой Григорий Николаевич (1874–1930), князь – русский дипломат и общественный деятель. В 1896–1906 гг. занимал дипломатические посты в Вене, Берлине, Константинополе. С 1906 г. – в отставке. В 1906–1910 гг., совместно с кн. Е.Н. Трубецким, редактировал общественно-политический журнал «Московский еженедельник». В 1910 новый министр иностранных дел С.Д. Сазонов пригласил его встать во главе Ближневосточного отдела МИД. В 1914–1915 – посланник в Сербии. С 1920 г. – в эмиграции.

¹²⁷ Зарин Леонид Сергеевич – российский дипломат. В 1912–1915 гг. – 2-й секретарь миссии в Сербии.

¹²⁸ Бопп Огюст (1862–1921) – французский дипломат, видный ученый-ориенталист. Занимал различные дипломатические должности в Османской империи. В годы Первой мировой войны – посланник в Сербии.

¹²⁹ Золотой Рог – гавань у европейского берега пролива Босфор, вблизи выхода в Мраморное море. Длина 12,2 км, ширина 91–122 м, глубина 47 м. На ее обоих берегах (как и на азиатской стороне Босфора) расположен город и порт Стамбул (Турция).

¹³⁰ Лихновский Карл Макс (1860–1928), князь – германский дипломат. В 1889–1904 гг. – советник Политического департамента МИД, в 1912–1914 гг. – посол в Великобритании.

¹³¹ Грей оф Фаллодон Эдуард (1862–1933), виконт – английский политик и дипломат. С 1885 г. – депутат парламента от Либеральной партии. В 1892–1895 гг. – заместитель министра, а в 1905–1916 – министр иностранных дел Великобритании. В 1907 г. заключил соглашение с Россией, способствовавшее оформлению Тройственного соглашения (Антанты).

¹³² Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945) – английский политический и государственный деятель, лидер Либеральной партии. В 1890 г. впервые избран в британский парламент. В 1905–1908 гг. – министр торговли, в 1908–1915 – ми-

нистр финансов, в 1915–1916 – министр военного снабжения. В 1916–1922 гг. – премьер-министр.

¹³³ Асквит Герберт Генри (1852–1928) – английский политический и государственный деятель, лидер Либеральной партии (до Д. Ллойд-Джорджа). Член палаты общин с 1886 г. В 1892–1895 гг. – министр внутренних дел. В 1906–1908 гг. – канцлер казначейства. В 1908–1916 – премьер-министр.

¹³⁴ Демидов Елим (Элим) Павлович (1868–1943), князь Сан-Донато – российский дипломат. В 1894–1911 гг. занимал различные дипломатические посты в Лондоне, Мадриде, Копенгагене, Вене, Париже. В 1912–1917 гг. – посланник в Греции. После 1917 в Россию не вернулся. Способствовал браку своего племянника, принца Павла Карагеоргиевича, с принцессой Ольгой Греческой.

¹³⁵ Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович (1868–1939) – русский дипломат, камергер. В 1886 г. окончил Александровский лицей. В 1886–1897 гг. служил в Департаменте личного состава и хозяйственных дел МИД. В 1897–1909 гг. занимал различные дипломатические посты в Токио и Лондоне. В 1909–1913 гг. – посланник в Иране, в 1913–1917 – в Румынии. В 20–30-х гг. являлся представителем Нансеновского комитета в Бухаресте, занимался помощью русским эмигрантам в Румынии.

¹³⁶ Владимир Александрович (1847–1909) – великий князь, третий сын императора Александра II. Сенатор, член Государственного совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командуя 12-м корпусом, отразил два нападения Сулейман-паши. В 1881–1905 гг. – командующий гвардией и войсками Санкт-Петербургского военного округа. Известный меценат. В 1869–1876 гг. – товарищ президента, а с 1876 – президент Императорской Академии художеств. Попечитель Румянцевского музея.

¹³⁷ В 1908 г. была провозглашена независимость Болгарского княжества и трансформация его в Болгарское царство; соответственно, князь Фердинанд объявил себя царем болгар.

¹³⁸ Чапрашиков Стефан (1874–1944) – болгарский дипломат. Посланник в Сербии в начале Первой мировой войны.

¹³⁹ Церская битва – первое поражение Центральных держав в мировой войне. 12 августа 1914 г. 5-я и 6-я австро-венгерские армии начали нападение на Сербию со стороны Дрины и потеснили 3-ю сербскую армию. Однако 15–16 августа в боевое соприкосновение с ними (в районе горного хребта Цер) вступила 2-я армия сербов во главе с генералом Степой Степановичем. И 20 августа неприятель был разгромлен. 24 августа сербские войска освободили Шабац. За победу в Церской битве С. Степанович получил звание воеводы.

¹⁴⁰ Первый русский транспорт с вооружением прибыл в сербский порт Радуевац на Дунае 26 июля / 8 августа 1914 г. (т. е. еще до формирования Экспе-

диции особого назначения капитана первого ранга М.М. Веселкина). А всего, согласно телеграмме посланника Спалайковича Пашичу от 19 августа / 1 сентября 1914 г., до этого дня в Сербию из Одессы было отправлено 119.980 винтовок и свыше 90 миллионов патронов.

¹⁴¹ В декабре 1914 г. за победы при отражении двух австро-венгерских вторжений в Сербию главнокомандующий сербской армией принц-регент Александр был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, а его отец, король Петр, получил Андрея Первозванного с мечами – отличие, которого никто не имел в то время. Принцу Джордже Карагеоргиевичу был пожалован офицерский Георгий 4-й степени.

¹⁴² Бой при Гумбинене (20 августа 1914 г.) – часть Гольдап-Гумбиненского сражения (в ходе Восточно-Прусской операции) между 1-й русской армией генерала Ренненкампа и 1-м армейским корпусом генерала Франсуа из 8-й германской армии генерала Притвица. Завершился победой русских войск и отходом германских частей.

¹⁴³ Йованович Йован (1869–1939) – сербский политик, дипломат, профессор Великой школы. Занимал посты посланника Сербии в Вене, Лондоне и Вашингтоне, а также заместителя министра иностранных дел. Оставив дипломатическую службу, возглавил Земледельческую партию.

¹⁴⁴ Дибра – область на северо-востоке Албании. Административный центр – Пешкопия.

¹⁴⁵ Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938 по другим источникам – 1929) – российский дипломат, гофмейстер. На дипломатической службе с 1886 г. Не занимал ни одного заграничного поста, пройдя последовательно все ступени в центральном аппарате МИД. В 1910–1917 гг. – товарищ министра иностранных дел. В ноябре–декабре 1916 временно исполнял обязанности министра. Во время Гражданской войны принимал участие в Особом совещании при главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине.

¹⁴⁶ Вишеград – город в Боснии. Расположен на реке Дрина. Первое упоминание относится к 1448 г. Находился на торговом пути Дубровник – Ниш.

¹⁴⁷ Крупань – населенный пункт в западной Сербии. Расположен в регионе Подринье. Под современным именем впервые упоминается в 1417 г. В средние века – крупный горнодобывающий центр, рынок цинка и олова.

¹⁴⁸ Де Гра Чарльз Луис – британский дипломат. В 1913–1918 гг. – посланник в Сербии, в 1918–1919 – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

¹⁴⁹ Мачков Камень – одна из вершин горного хребта Ягодня. В конце сентября 1914 г. здесь (в окрестностях городка Крупань) произошло одно из кровопролитнейших сражений на Балканском фронте Первой мировой войны. Суммарные потери сербов и австрийцев составили 23 тыс. человек убитыми и ранеными.

¹⁵⁰ Бечир Йово (1870–1942) – черногорский военачальник, бригадир. Военное образование получил в Италии. Занимал различные должности в военном министерстве Черногории. В 1897 г. с подразделением черногорской жандармерии находился в составе миротворческих сил на Крите. В 1912–1913 гг. – начальник штаба Зетского отряда. В 1914–1915 гг. – черногорский делегат при сербском Верховном командовании. В 1915 г. назначен командиром 3-й дивизии черногорской армии (Герцеговинского отряда). В 1918 г. принят в армию Королевства СХС с чином полковника.

¹⁵¹ Вукотич Янко (1866–1927) – черногорский (югославский) военачальник, сердар, армейский генерал. После завершения военного училища в Модене прошел все ступени воинской иерархии. В 1902 г. – бригадир. С 1905 г. – член Государственного военного совета. С 1910 г. – командир 1-й дивизии. Во время Первой балканской войны командовал Восточным отрядом, проведя успешные операции в Рашке и Метохии. Затем – начальник штаба Верховного командования. В ходе Второй балканской войны командовал черногорскими войсками, действовавшими совместно с сербами на болгарском фронте. В Первой мировой войне прославился в битве при Мойковце – Санджакский отряд (под его началом), совместно с частями 1-й сербской армии, остановил прорыв австрийцев и отбросил их, обеспечив беспрепятственный отход главных сил сербов к албанским портам.

¹⁵² Мартинович Митар (1870–1954) – черногорский государственный деятель и военачальник; дивизияр. Военное образование получил в Италии. Являлся начальником личного штаба Николы Петровича-Негоша, главой правительства, военным министром, министром иностранных дел. При осаде Скутари (в период Первой балканской войны) командовал Приморским отрядом. В начале Первой мировой войны – командир Герцеговинского и Дринского отрядов. Затем – делегат при русском Верховном командовании. Во время обороны Ловчена – командир Которского отряда. В армию Королевства СХС был принят с чином генерала.

¹⁵³ Савинский Александр Александрович (1868 или 1872 – 1934) – российский дипломат, шталмейстер. На дипломатической службе с 1892 г. В 1901–1910 гг. – директор канцелярии МИД. В 1912–1913 гг. – посланник в Швеции, в 1913–1915 – в Болгарии. После 1917 г. – в эмиграции.

¹⁵⁴ Колубарская битва – крупнейшее сражение на Балканском фронте Первой мировой войны. 6 ноября началось второе «генеральное» наступление австрийцев на Сербию. Сербы отступили и оставили Белград. Но уже 3 декабря 1-я сербская армия – под командованием генерала Живоина Мишича, – на противоходе, перешла в контрнаступление в бассейне реки Колубара. Используя растянутость боевой линии австро-венгерских войск, она один за другим

начала разбивать корпуса 6-й армии, захватив 5 декабря стратегически важную вершину Суворов. Австрийский фронт был прорван, а 15 декабря победители вошли в Белград. За победу Ж. Мишич получил чин воеводы.

¹⁵⁵ Колубара – река в западной Сербии. Правый приток Савы. Длина 117 км.

¹⁵⁶ Суворов – возвышенность в западной Сербии. Самая высокая точка – 864 м.

¹⁵⁷ Прахово – пристань на Дунае в восточной Сербии. Железной дорогой связана с Нишем. Ее проектировал и строил русский инженер Иероним Павлович Табурно.

Черновые заметки «Сербия и Болгария» (1912 г.)

<...> Интересно констатировать, что даже в народных массах, в самой Сербии, нет симпатий к черногорцам. К боснякам и герцеговинцам симпатии несравненно выше. Действительно, черногорцы имеют много несимпатичных черт, которые являются результатом их исторической судьбы. Как все балканские горцы (горштак**), они слывут ловкими, находчивыми, храбрыми, гордыми людьми.

Но столетиями жизни в бесплодной стране и всегда угрожаемые турецкими нашествиями, всегда с ружьем и на посту, они совсем не приспособлены к работе и культуре. У них в характере больше общего с албанцами, чем с сербами. Женщины у них не только домашние работницы, но и обрабатывают землю, — выполняют вообще все хозяйственные работы, продают продукты. Мужчины упражняются в ратном деле <...>, переходят в соседние области, к герцеговинцам и албанцам, и там грабят. Черногорец любит всегда быть с ружьем, без ружья — только баба, это позор. И если он не может быть <...> начальником-офицером, то он охотно будет пандуром*** (жандармом), «да надзирава»****.

* Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — российский революционер и публицист, социал-демократ. С августа 1917 г. — большевик, член ЦК РСДРП(б), ближайший соратник В.И. Ленина. «Соавтор» Октябрьского переворота. Советский партийный и государственный деятель. С октября 1917 по март 1918 г. — нарком по иностранным делам, в 1918–1925 гг. — нарком по военным делам и председатель Революционного военного совета. Член Политбюро ЦК РКП(б), ВКП(б). Находился в оппозиции курсу И.В. Сталина, за что в 1925 г. был снят со всех постов. В 1927 г. отправлен в ссылку в Алма-Ату, в 1929 г. выслан из СССР, в 1931 г. — лишен советского гражданства. Убит по приказу Сталина в 1940 г. в Мексике.

** *Горштак* (сербск.) — житель гор.

*** *Пандур* (сербск.) — полицейский, стражник.

**** *От надзиравати* (сербск.) — надзирать, контролировать.

Большей частью черногорцы в Сербии – пандуры = сельские стражники. Серб-шумадиец, имеющий вкус к работе и культуре, презирует бездельника и чванного героя.

В этой войне для черногорцев главная задача – грабеж. За черногорским войском – шествие жен, завоевали – грабеж. Солдаты все уносят из лавок и домов, жены – уносят домой.

И сербские войска грабят, но у черногорцев это система, и это делается как само собой разумеющееся, не скрывается, на глазах у всех. Когда сербские и черногорские войска взяли Плевлю¹, черногорцы начали сейчас – еще на глазах офицеров – грабить. Начальник сербской бригады Анджелкович² убил на площади двух черногорцев собственной рукой. Этот инцидент еще более обострил отношения – черногорцы остервенели, что их естественное право грабежа столь грубо было попрано <...>.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 325. Оп. 1. Д. 181. Л. 172–174.

Примечания

¹ Плевля – город на севере Черногории, вблизи горы Любишня, на самой границе с Сербией и Боснией и Герцеговиной. Известен с античных времен как «шахтерское» поселение. В средние века назывался Брезник. С начала XV в. носит нынешнее имя. В 1463 г. подпал под власть турок. В 1878–1908 гг. – в составе (под оккупацией) Австро-Венгрии. В 1908 г., после аннексии Боснии и Герцеговины, возвращен Веной Турции. 28 октября 1912 г. освобожден в результате совместной акции сербских и черногорских войск. Как бывшая часть исторической Старой Герцеговины, был присоединен к Черногории.

² Анджелкович Миливое – сербский военачальник, полковник. Во время Первой балканской войны – командир Ибарской бригады, призванной действовать вместе с черногорскими войсками в Старой Сербии.

Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах

Милостивый Государь
Иван Иванович!

Посылаю Вам при сем мой доклад и прошу Вас представить его Его Императорскому Высочеству Великому Князю**.

Я немножко опоздал, так как задержала переписка.

Прошу принять уверение уважения и преданности.

И. Табурно.

С[анкт]-Петербург.

27 ноября 1912 г.

Невский пр[оспект] № 111.

* Табурно Иероним Павлович (1862–1913) – русский инженер и военный журналист. Родом из Боки Которской (Рисань). Участник сооружения Транссибирской железной дороги. В качестве корреспондента суворинского «Нового времени» обзирал перипетии Русско-японской войны, о чем написал книгу «Правда о войне» (СПб., 1905). В 1912 г. – корреспондент на сербском фронте Первой балканской войны. Автор книги «О сербских битвах. Впечатления очевидца войны сербов с турками в 1912 г.» (СПб., 1913), в основу которой был положен настоящий доклад... Один из самых близких русских друзей и соратников Николы Пашича.

** Данный экземпляр доклада был предназначен великому князю Николаю Николаевичу, что следует из письма И.П. Табурно Н. Пашичу: «На третий день по моему возвращению меня вызвал генерал Мосолов (товарищ министра двора) и сказал, что император весьма интересуется сербской армией и просит меня представить ему доклад. Я его подготовил и послал... После этого я прочел свой доклад в Собрании армии и флота. На него собралось все военное сословие Петербурга. Были военный министр, состоящий при особе императора барон Мейендорф, все корпусные командиры. Доклад имел большой успех... После чего великий князь Николай Николаевич просил меня и ему прислать экземпляр доклада. Что я вчера и сделал» (Архив Србије. Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа). Фасц. 7).

*<...> Мобилизация и концентрация**

<...> Как раньше я сказал, болгарам и сербам были хорошо известны силы Турции. Они были уверены в победе, но нельзя было мешкать, нельзя было дать Турции выиграть время, дать ей улучшить условия, нужно было нанести ей поражение возможно скорее. Вот почему никакие советы даже друзей не могли удержать сербов и болгар, ибо они сознавали, что в настоящее время они сами могли справиться с Турцией, тогда как позже потребовалась бы чужая помощь, следовательно, могли явиться осложнения, перед которыми каждый задумался бы.

И вот 17 сентября балканские государства объявили мобилизацию. Мобилизация эта была замечательно выполнена, она сама собой могла служить показателем неминуемой победы. Вряд ли что-либо подобное случалось в истории человечества. Я был свидетелем сербской мобилизации <...>.

В день объявления указа о мобилизации все самые далекие закоулки Сербии знали уже о ней. Достигнуто это было тем, что на всех возвышенностях были приготовлены большие костры, которые были зажжены по общему сигналу. Таким образом, в течение одного часа, как только наступила ночь, вся Сербия знала о мобилизации. В ту же еще ночь направились сербы в назначенные места, чтобы предоставить себя в распоряжение властей. Явились все, кто только мог передвигать ноги; явились призываемые и непризываемые, явились все семьи со всем, что только могло принести пользу на войне. Явились военные призывные, явились их отцы, братья, со своими лошадьми, быками, подводами; явились ничего не имущие, предлагая себя в погонщики и санитары. Все и вся явилось, не желая ни вознаграждения за отдаваемое, не желая ни себя, ни своего добра, лишь бы одолеть врага. Не слышно криков, возгласов, шумного энтузиазма, который так легко проходит, но у всякого серьезное сознание трудности, твердая воля победить, каких бы то жертв ни стоило. Не было нужды в полицейском принуждении, ему не было абсолютно никакого применения; все явилось добровольно, в силу сознания необходимости выполнить долг, который от них требует родина, требует национальная совесть <...>.

Через два дня под оружием была уже вся военная сила Сербии. По мере прибытия резервистов им выдавались оружие и обмундировка. После подсчета явившихся их оказалось на 90.000 больше того количества, которое можно было вооружить скорострельными ружьями. Этот

* Здесь и далее выделено в оригинале.

избыток вначале не требовался, он нужен был впоследствии, для занятия гарнизонной службы в самой стране и в занимаемых новых местах, причем вооружение его могло производиться лишь старыми русскими берданками, обмундирования же для него не было совсем запасено. Эта часть, старший класс запасных, должна была служить в своих одеждах. С большим трудом удавалось отбирать у старшего класса запасных выданные им раньше ружья – все они хотели идти в действующую армию.

Некоторые офицеры, лишенные физической возможности участвовать в походе вследствие тяжелой болезни, в отчаянии застрелились.

В течение трех дней явилось 95% призывных, через неделю их было 98%, лишь 2% оказались больными, но и из этих многие явились, прося их взять, в надежде поправиться в дороге.

Вы думаете, что слышен был плач матерей, жен, сестер, отправляющих своих близких на возможную смерть <...>. Нет, если какая-нибудь баба и проливала тихо невольные слезы, ее сейчас останавливали, пристыжая: «Как не стыдно плакать, – такое святое дело».

Устыженная отвечала: «Я не плачу, что жалею, а плачу от умиления, что с такой радостью идут все освобождать наших братьев; плачу от того, что дождалась это увидеть».

И эти речи из уст простых женщин были искренни, эти речи говорили, что победа обеспечена.

В Сербии кавалеристы являются на службу со своими лошадьми и седлами. Меня поразило прекрасное состояние и порода лошадей явившихся резервистов. Подумал, что все эти лошади приобретены за границей. Оказалось, что нет. Правительство, с целью улучшения породы, раздает во все уезды состоятельным крестьянам породистых лошадей для улучшения расы. Каждый, кто хочет, может их использовать <...>.

Так же обстоит дело и с рогатым скотом. Благодаря такой разумной мере в Сербии с каждым годом улучшается порода лошадей и рогатого скота, и военное ведомство уже теперь почти что обходится местными лошадьми, весьма мало приобретая их за границей. Лошади резервистов были в прекрасном теле.

На мой вопрос по этому поводу, обращенный к одному резервисту, он мне ответил: «Мы уже три года как готовимся, бережем и лелеем своих лошадей, поэтому они у нас в таком хорошем состоянии».

Как оказалось, Сербия была прекрасно подготовлена к войне. Могу утверждать, что лучше всех союзников. Оружие, обмундирование, снаряжение, обоз – все было в достаточном количестве и в лучшем виде. Де-

нежные средства также оказались налицо — более ста миллионов. Она даже была в состоянии кое-что уделить и союзникам.

Подумать, что всего четыре года назад, во время провозглашения Австрией аннексии Боснии и Герцеговины¹, Сербия ничего еще не имела, ибо если бы она была хоть мало-мальски готова к войне, неминуемо затеяла бы драку с Австрией — таково было настроение. Она принуждена была проглотить предложенную гр[афом] Эренталем² «пилюлю» только потому, что для войны у нее ничего не было готово.

И вдруг, через четыре только года, она оказалась во всеоружии своей силы, хотя сравнительно и скромной по размеру, но весьма внушительной по качеству.

Как это произошло.

С воцарением династии Карагеоргиевичей исчез тот режим личного характера, который давил народный дух, парализовал проявление самосознания, убивал инициативу у отдельных политических деятелей и у массы народа, тот режим, который и был причиной несчастья Обреновичей.

Король Петр лучше понял дух сербского народа и его особенности <...>. Он обладает всеми качествами серба, и в нем, как и у всех сербов, развит поэтический дух. Дух этот развился и воспитался на былинах и песнях, прославляющих геройские подвиги былых богатырей когда-то мощного Сербского царства, былых воевод и героев последнего времени, восстававших и боровшихся в одиночку против угнетателей креста и свободы. У Карагеоргиевичей, как у всех сербов, развит дух свободы и способность на жертвы ради общественного блага.

И вот, вскоре после воцарения на сербском престоле короля Петра, Австрия <...> нанесла жестокий удар Сербии, а также и России, провозгласив аннексию Боснии и Герцеговины.

Казалось, что сербы за тридцатилетний период владычества Австрии этими землями уже смирились с мыслью и свыклись с владычеством ее этими двумя чисто сербскими провинциями. Казалось, что провозглашение аннексии будет принято просто как формальность.

На деле оказалось иначе. Поэтическая натура большое значение всегда придает форме. Облик играет большую роль — поэт округляет его, создает из него то, что его душа хочет-жаждет. Обнажите этот облик, представьте его в естественном, неприкрытом виде, и поэт приходит в ужас.

Так произошло и с сербским народом: когда сняли форму временной оккупации Боснии и Герцеговины, он увидел реальность и возмутился присвоением Австрией того, что привык духовно считать своим.

Иллюзия исчезла, осталась голая правда. Босния и Герцеговина – австрийская.

Возмущению сербов не было предела. Но, увы, наружу выступила собственная нагота, слабость и бессилие.

Сербский народ почувствовал тогда самым резким образом результат тридцатилетнего режима Обреновичей, режима личного, не заботящегося о народном благе, не заботящегося о поднятии сербского государства до такой высоты, которая давала бы надежду однородным племенам рассчитывать на защиту в тяжелые минуты.

Удар был чрезвычайно силен, он болезненно отозвался на каждом сербе, на каждой сербке.

Но сербский народ не упал духом. Подхвачен был всей страной клич: «За дело!».

На этот раз с народом был и его король, не чуждавшийся уже, как его предшественник, политических деятелей, преданных делу народа, делу сербства, тех деятелей, которые сербское дело тесно связывали с общим славянским делом, кои стремились к полному единению и дружбе с самым мощным из славянских народов – народом русским. Король не отстранял от себя тех, которые всю свою политическую деятельность, всю политическую жизнь связали с принципом искренней дружбы и привязанности к России.

Результаты такой политики короля Петра теперь налицо – они не требуют пояснений.

Во всяком случае, сербы за свое возрождение (иначе это назвать нельзя) должны быть благодарны Австрии, графу Эренталю. И да будет это лучшим уроком для многих.

Изумительней всего в этом деле то, что на материальную подготовку Сербии к войне, на подготовку ее войск, на общее настроение сербского народа после провозглашения аннексии мало кто обратил должное внимание, менее же всего знала об этом Австрия, которую больше всего должно было это интересовать. Даже широко организованный австрийский шпионаж в Сербии проглядел эту усиленную работу и лихорадочную подготовку как со стороны сербского правительства, так и всего сербского народа <...>.

Сербские военные силы, их распределение – объявление войны

<...> Кто-то старался доказать, что не турки объявили войну. Совершенно верно. Турки считали ниже своего достоинства объявлять войну каким-то пигмеям – южным славянам, которых можно раздавить как

букашек. Объявить-то войну турки не объявляли, но еще за два дня до официального объявления войны балканскими государствами они напали на сербские войска Третьей армии, расположенные в местности около Мердари³, где предположено было проложить Адриатическую железную дорогу. Нападение произведено было сравнительно большими силами: около 20 тысяч арнаутов и 5–6 тысяч регулярных войск, с несколькими орудиями. Нападение было энергично. Особенно сильно нападали арнауты. Бой продолжался два дня и закончился полным поражением и бегством турок, понесших большие потери; но и сербы в свою очередь понесли немало жертв.

Тут впервые выказалось коварство арнаутов и турок: они два раза поднимали белый флаг — знак сдачи, — и когда сербы подходили, открывали по ним жестокую пальбу. Таким образом погиб там полковой командир.

Нельзя удивляться, если впоследствии сербы не давали арnaudтам пощады и не верили белым флагам, хотя еще несколько раз за время войны и дали себя обмануть.

Действия армии — Кумановский бой

<...> Как я раньше указал, сербские войска 7-го октября перешли турецкую границу. Первая армия направлялась по долине Моравы вдоль железной дороги Вранье — Салоники, на Куманово. На этом пути она имела несколько небольших стычек. Более важные стычки были на горе Руян, где было лишь несколько батальонов турецких регулярных войск, но большое число арнаутов. Сопrotивление было сравнительно небольшое, вследствие численного превосходства сербов. Но каждую арнаутскую деревню приходилось брать с боя. В деревнях этих оставались все способные носить оружие; дети, жены и старики отправлены были по направлению к Скопле с домашним скарбом, для передвижения которого употреблялись христиане с их скотом.

В христианских селениях оставались лишь одни женщины, так как мужское население, кроме успевших скрыться в горах, арнауты взяли для перевозки своего скарба. Женщины рыдали, зная расправу арнаутов. И действительно, лишь немногие из христиан, взятых арнаутами, возвратились к своим домам.

К вечеру 8-го октября Первая сербская армия была уже пред Кумановом, на линии Табановцы — Нагоричане. Вторая же армия, по полученным донесениям, была недалеко от Овчего поля⁴ у Кратова, в 45 километрах от Куманова. Первая армия осталась на этот день на месте и здесь расположилась <...>.

После боя – поле сражения

Прежде всего отправимся посмотреть, что случилось с турецкой батареей, замолкнувшей от действия сербской артиллерии.

Спускаемся с пункта наблюдения в долину речки Банянска – по пути наступления сербов и наступления турок.

Сербских трупов немного – единицы. Среди турецких трупов больше арнауты. Раненые турки попадаются редко, исключительно тяжелые; всех раненых своих турки убрали. Зато сербов раненых порядочно, и все тяжелые – легкие сами выбрались.

В сербской армии войска, находящиеся в бою, не выносят раненых, это лежит на исключительной обязанности санитаров, которые, надо признаться, не очень охотно идут туда, где свистят пули. У турок же раненых выносят сами солдаты из боя. Может быть, и у них не должно было бы быть этого, но на самом деле это так, поэтому, по мере увеличения раненых, не только от одной этой причины ряды турок сильно редеют.

Приближаемся к замолкнувшей турецкой батарее. Издалека, кроме пушек, видим много черных предметов. Чем ближе подходим, тем яснее представляется нам картина полного разрушения.

<...> И так около всех четырех орудий до 20 человек убитых солдат орудийной прислуги в самых разнообразных положениях. Раненых ни одного, всех их вынесли.

Немного подальше со всех сторон лежат убитые и раненые лошади в полной упряжи <...>. Ближе всех к орудиям лежит шестерка лошадей, запряженных вместе: должно быть, их приготовили, чтобы увезти орудие; четыре из них убиты насмерть, две ранены, раненых мы добились.

В общем, в 2–3 минуты интенсивного огня сербской батареи была перебита почти вся прислуга турецкой батареи с упряжкой, т. е. со всеми лошадьми. Эффект поразительный.

Направляемся к городу Куманово. Чем ближе к городу, тем больше попадает трупов турок. На одного турецкого солдата по крайней мере два арнаута. Раненых весьма мало. Видны кое-где и сербские трупы, но больше раненые; санитары выносят исключительно тяжелораненых – и здесь стонов не слышно <...>.

Двигаясь по полю сражения, слышишь то справа, то слева одинокие выстрелы. Это или стреляют по нас раненые арнауты, бывали случаи, что и убивали; или же раненые сербы дают знать о себе, чтобы их на ночь не оставили в поле; и то, и другое бывает.

Приближаемся к городу. Сербских войск в нем нет: им некогда было занимать город – они преследуют разбитого неприятеля.

Входим в Куманово; население со старостой нас встречает, поздравляет с победой.

«Освободители придут еще, – говорим мы. – Мы так, празднующиеся».

Идем по улице; вдруг выстрелы.

Откуда они.

«Из домов и мечети, – говорит старшина. Очевидно, заперлись там, не хотят сдаваться».

Зашли мы за угол дома; не знаем, что делать: назад идти стыдно, вперед – опасно.

В это время к городу приближается чета волонтеров. Рассказываем, в чем дело.

Чета быстро рассыпается по улицам.

Трах... трах... начинается пальба...

Через полчаса путь свободен, идем дальше.

По мере того, как проходим по улице, узкой, грязной, с наклепленными друг на друга узкими деревянными домиками, нас все больше и больше охватывает ужас, и настроение делается жестоким от постепенно раскрывающихся перед нами тяжелых картин.

Вот лежит старик крестьянин с разmozженной головой.

Далее девушка, или, быть может, молодая женщина, с отрезанными грудями.

Еще дальше мальчик лет 14-ти.

Затем старик.

Изуродованная женщина.

Муж и жена лежат рядом, изуродованные так, что и рассказать нельзя.

Старшина ведет нас в погреб: здесь скрылись было две семьи.

Человек двенадцать детей и женщин, один старик; теперь все они мертвые, изуродованные.

Это дело рук арнаутов.

Толкуют культурные дипломаты о какой-то автономии Албании, где бы эти арнауты сами были хозяевами. Чуть ли не европейская война может вспыхнуть из-за спора о создании какого-то отдельного арнаутского государства.

Что же это за государство может быть, где эти звери будут полными хозяевами. Это будет зверинец, а не государство, – это будет гнездо пиратов, разбойников. Нужно, очевидно, найти свободное пристанище этому звериному племени, нужно, чтобы Балканы не успокоились, что-

бы элемент смуты был свободен, чтобы можно было, когда кому-нибудь понадобится, разжечь костер, который, казалось бы, отныне должен навсегда потухнуть. И господа дипломаты, которые этого хотят, говорят о цивилизации, о культуре, называют себя их пионерами. Не смешка ли это?

Можно ли упрекать сербов, что они не давали пощады арнаутам. Ведь картины зверства, слабо мною изображенные, были почти каждодневным занятием, в течение пяти веков, этих храбрых арнаутов, которые свою храбрость показывали на безоружных христианах.

Вековая вражда, вековая ненависть одни могли служить причиной жестокой расправы сербов с арнаутами. И тут еще эти ужасные зрелища, эти изуродованные тела, это надругание, которое нельзя и описать. Все это кого угодно превратит в зверя. Прибавьте к тому гнусное коварство арнаутов, сдающихся, а затем начинающих стрелять <...>.

Я должен констатировать весьма благодушное настроение сербских солдат. Без такого благодушия могло быть гораздо хуже <...>.

Вот еще пример доказательства зверской натуры арнаутов <...>.

На носилках сербские санитары несут двух раненых: одного серба и одного арнаута. Оба они ранены тяжело. Серб не в состоянии уже двигаться, арнаут ранен не так тяжело. Санитары поставили носилки рядом, а сами пошли на зов недалеко лежащих на поле раненых. Возвращаются и видят ужасную картину: арнаут имеющимся у него ножом зарезал раненого серба.

Другой, еще более возмутительный пример.

Доктор на перевязочном пункте делает перевязку раненому арнауту. Как только перевязка была окончена и доктор отвернулся, чтобы приняться за перевязку другого раненого, арнаут вынимает небольшой револьвер и стреляет в спину доктора.

Говорят, сербские войска жгли арнаутские селения.

Прежде всего я должен категорически опровергнуть это: войска ничего не поджигали, наоборот — старались воспрепятствовать поджогам, но ничего не смогли сделать.

Арнауты, отступая, поджигали селения христиан, убивая и уродуя самих жителей, и вот, по уходе их, сербские четники и оставшиеся в живых поселяне, мстя своим угнетателям, поджигали их села. Они говорили сербским войскам: расстреливайте нас, мы не можем удержаться, уж чересчур много мы претерпели от этих зверей <...>.

Причины поражения и паники турок

<...> Турки весьма низко оценивали сербские войска. Турецкие офицеры, как мне рассказывали, уверяли своих солдат, что достаточно одного турка на пятерых сербов. Это говорилось несмотря на то, что многие разумные турецкие офицеры признавали хорошие качества сербской артиллерии.

10-го октября турки ведут атаку; встречают сильный отпор пехоты. Они видят, что и пехота не так уж слаба, что и она стойко борется. Все-таки в этот день турки действуют как будто успешно. Сербская артиллерия не может развить своей деятельности – туман, дождь. Но вот начинает проясняться. Сербская артиллерия начинает себя показывать, убийственный огонь сыплется на турок. Пехота же сербская не только отбивает нападения, но и сама переходит в наступление.

Что же это такое?

Где та уверенность, что достаточно одного турка на пять сербов. Это неожиданное явление производит большое моральное действие на турок. Уже не то настроение, не та уверенность. Микроб страха закрался, – он быстро делает свое дело.

С другой стороны – полный одушевления народ. Сознание необходимости победы и стремление к ней всеми фибрами. И вот это воодушевление, это сознание, это желание сделало сербские войска тем, чем они стали, тем, что они теперь есть. Ведь как-никак, а сербские войска полумилиционные, с сравнительно недостаточной подготовкой, за исключением артиллерии. С недостаточным числом офицеров, как бы хороши они ни были. С своеобразной, весьма демократической, в мирное время, дисциплиной, не признаваемой крепкой в других образцовых армиях.

Все под чувством сознания и глубокого воодушевления преобразилось. Дисциплина образцовая. Селяне, начальники департаментов, судьи, адвокаты, инженеры, прислуга, рабочие, все одинаково, все пунктуально исполняют приказания старших – беспрекословно и даже охотно, как бы тяжело ни было. Безропотно переносят всякие лишения.

Куда исчезла критика мирного времени? Как будто ее и не было.

Нет хлеба: что делать, значит не успели, значит не могли; не то что – почему нет хлеба, безобразия и т.д.

Нет – крепятся, голодные идут вперед, мешкать нельзя, нельзя врагу дать передохнуть. Нужно его преследовать. Как самоотверженно все приносили все, что у них было, так самоотверженно люди терпели лишения, невзгоды, непогоду. Бог даровал им победу, но не был милостив в отношении погоды. Она преследовала союзные войска: все время дождь, снег, слякоть, а дороги ужасные, поля вязкие.

В Кумановском бою у меня, имевшего возможность выбирать, куда ступить, образовался ком грязи на ногах весом не менее 4–5 фунтов, а каково же было солдатам, наступающим на высокие холмы по вязким пашням.

Сербские войска, в противоположность турецким, сознавали, что турки храбрые и стойкие и что борьба с ними будет тяжелой.

Как выяснилось на следующий день после Кумановского боя, турки бежали в паническом страхе, оставляя все за собой, лишь бы куда-нибудь и как-нибудь спастись. Из рассказов очевидцев следует прийти к заключению, что эта паника – нечто вроде массового психического расстройства на почве страха.

Но каким образом вселился этот страх?

Как произошло это массовое сумасшествие?

Обратимся к рассказам турецких офицеров, ведь они лучше должны это знать. Один пожилой полковник в Скопле, плача, говорил мне:

«Вы спрашиваете, как создалась паника? Как она создалась?

Артиллерия сербская».

«Как артиллерия сербская?»

«Да, она победила, и, верьте мне, такая артиллерия может всякого довести до панического бегства. Вы себе не можете представить, какой адский огонь сыпали из своих жерл сербские орудия, к тому же посылающие свои страх наводящие на людей адские пилюли (подлинное выражение турка) невидимо, как из пропасти. Эта невидимость имеет свое весьма важное моральное значение. Эти адские орудия осыпали таким адским огнем наши батареи, которые мы ставили по дорогом обошедшейся нам немецкой школе, на открытые позиции, что ничего другого не оставалось, как бежать. Попадет в пехоту этот огонь, делает опустошения, быть может, и не столько физические, сколько моральные, хотя у нас потеря от артиллерийского огня была не менее 30% всех потерь. Процент исключительно большой. Люди под влиянием такого огня прямо с ума сходили. Ужасный треск, свист, падение с неба смертоносных пуль, от которых не скроешься, не убежишь. Вот главная причина поражения, вот источник паники – психического расстройства».

Да, – продолжал полковник, – фиаско немецкой системы артиллерийского огня налицо. Ныне победа за французской системой – за пушками Шнейдер-Крезо⁵».

«Но разве пехота не играла никакой роли? Или играла небольшую?»

«Очень даже большую. Ведь все-таки один артиллерийский огонь не мог дело докончить. Он подготовлял моральное поражение, а пехота –

физическое. Ей гораздо легче было выбивать с позиций людей, уже нервно расстроенных. К тому же пехота оказалась великолепной, храброй, сообразительной, руководимой прекрасными офицерами.

Мы знали, — закончил полковник, — что сербская артиллерия хороша, но мы не могли предполагать, что у сербов такая превосходная пехота. Одного рода оружие стоит другого».

О качествах сербских войск

Замечательное доверие создалось в сербской армии между артиллерией и пехотой. Сербская пехота обожает свою артиллерию. Она спокойна, когда за ней идут пушки, а артиллерия спокойна, когда видит перед собой свою пехоту.

Не раз приходилось видеть, как пехота, проходя мимо орудий, прикладывалась к ним, как к иконам.

Проходит батальон пехоты, солдаты подходят и целуют пушки, приговаривая: «Вот надежда наша». Батареинный командир командует: «Шапки долой перед нашей защитницей». Общее «Живели», солдаты-пехотинцы обнимаются с артиллеристами.

В армии громадное значение имеет доверие одного рода оружия к другому. Это доверие всякая армия должна насаждать и развивать. Это доверие есть залог победы.

Кроме этого прекрасного качества я заметил в сербской армии еще два достоинства, которые необходимо насаждать и развивать в каждой армии.

Сознание, что офицер является той силой, которая ведет к победе. Поэтому сербские солдаты страшно берегли своих офицеров, и особенно начали беречь после того, как выяснилась сравнительно большая потеря их. Солдаты все время говорили офицерам: «Не выставляйтесь, берегитесь, мы сами пойдем». Эта заботливость об офицере имеет и другое значение, она способствует развитию у солдат инициативы, они стараются обойтись без указания офицера, чтобы не вызвать для него опасности, чтобы офицер служил для общего руководства.

Затем у сербского солдата утвердилось сознание, совершенно верное, что при отступлении больше потерь, чем при наступлении, что скорее рискуешь быть убитым отступая, чем наступая. И часто можно было слышать в сербских рядах: «Вперед, братьцы, а то погибнем!» <...>

Я пришел к выводу, что сербская артиллерия прекрасна, что она в мирное время наилучшим образом подготавливалась <...>.

Я любопытствовал узнать, сколько снарядов сербская артиллерия ежегодно употребляла в мирное время. Оказалось, что сербская

армия употребляла в мирное время гораздо больший процент снарядов, чем другие армии. И вы знаете, какой результат получился: такой, что не только сербский артиллерийский огонь наводил панику и опустошение, но ни в одной войне так мало не было израсходовано снарядов. Сербия израсходовала до сих пор менее 8% своего муниционного* запаса. Из этого можно вывести формулу: чем больше расход снарядов в мирное время, тем больше экономия в них во время боя.

Вывод отсюда: не жалеть патронов в мирное время.

Один артиллерийский полковник французской армии рассказывал мне, что за два года до сербско-турецкой войны он присутствовал на стрельбе сербской артиллерии и ее маневрах, и что тогда еще он предсказывал, что сербская артиллерия может оказаться самой лучшей в Европе.

«Предсказания мои, — прибавил полковник, — теперь вполне оправдались» <...>.

Мне приходилось наблюдать работу орудийной прислуги во время боя. Каждый знает свое дело, работает без суеты, автоматически, как отдельная часть одной и той же машины. Сербь очень любят артиллерийское дело, у них как будто врожденная склонность к этому <...>.

Бой при Куманове деморализовал и расстроил турецкую Македонскую армию: она уже не была способна к победе. В дальнейшем вопрос шел лишь о больших или меньших усилиях сербской армии, но результат уже был известен наперед <...>.

Несколько слов о санитарной части

Санитарная часть в сербской действующей армии поставлена сравнительно хорошо. Для подачи первой медицинской помощи медицинский персонал и хорош, и в достаточном числе. Перевязочных средств имеется также достаточное количество и хорошего качества.

Полевые лазареты состоят из палаток с двойным полотнищем, причем одно шелковое. Палатки — изделия немецкого. В каждом полевом лазарете хорошие хирургические приборы, стерилизатор. Часто в полевых госпиталях производят и ампутации. Имеются опытные хирурги. Вообще впереди, ближе к бою, медицинская часть поставлена хорошо.

Эвакуация раненых до железной дороги тяжелая. Дороги ужасно тряские. Как бы хороши ни были рессоры, в повозках раненых трясет ужасно. Я думаю, что от этой тряски умер не один раненый. Но помочь

* От сербск. *муниција* — боеприпасы.

как-либо этому делу ни было возможности. Зато по железной дороге эвакуация раненых производилась прямо-таки превосходно. Приспособлены поезда с койками, с больницей, кухней и всем нужным <...>.

Насколько было достаточно персонала впереди – в армии, настолько его не доставало в госпиталях. И вот тут частная помощь иностранных обществ Красного Креста была как нельзя более кстати. Главную помощь в этом отношении оказала Россия. Это вполне понятно. Затем следует отметить самое сердечное отношение чешских докторов и чешского общества, так же как и других славянских народов Австрии, на помощь и гуманное отношение которых к Сербии австрийские власти смотрели не только враждебно, но и делали всякие препятствия проявлению симпатии и сочувствия к славянским событиям и пострадавшим на войне.

Кроме славянских профессоров и врачей прибыли также и итальянцы, французы, швейцарцы, англичане. Даже австрийский Красный Крест, правда, после долгих переговоров довольно странного характера (как, например, пожелание, чтобы сербы сами обратились с просьбой о присылке отряда), прислал в Белград свой отряд.

С грустью я должен поведать, что и в Сербии также (кажется, как в Болгарии и Черногории) в армию не явился добровольно ни один врач-поляк, ни одна сестра милосердия-полька, и от поляков не было прислано, по крайней мере до сих пор, ни одного динара в пользу раненых. Видно, австрийские поляки стали более австрийцами, чем кровные австрийцы.

И подумать, что и болгары, и сербы всегда стояли горой за поляков, из-за поляков готовы были даже поссориться с русскими <...>.

Прежде других я посетил русский лазарет в Скопле (Киевский отряд). Он очень хорошо оборудован: прекрасные кровати, операционная, кухня, – и все это привезено с собой. Доктора, их три, дельные, работающие; сестры милосердия (шесть) прекрасно знают свое дело, относятся к раненым очень душевно. Стол для раненых прекрасный. Приходится, понятно, применяться к вкусам раненых. В русском лазарете исключительно тяжелораненые. Другой русский отряд, кажется, Московский, при моем отъезде из действующей армии только что прибыл в Скопле <...>.

Во Вранье отряд великой княгини Елены Петровны; лазарет на 60 кроватей, обставлен также наилучшим образом.

В Белграде я посетил все госпитали. Я застал здесь великую княгиню Елену Петровну в одеянии сестры милосердия и ее фрейлину г-жу Щербачеву⁶.

Великой княгине очень идет костюм сестры милосердия. Она весь день, буквально с утра до вечера, работает, как всякая другая сестра. Ее фрейлина г-жа Щербачева работает так же. Дела у них много. Великая княгиня главным образом занимается в русском госпитале, помещающемся в прекрасном здании Белградской гимназии, но почти каждый день она обходит какой-нибудь и из других госпиталей. Она помогает при перевязке, при операциях, подбадривает раненых, успокаивает их. Она пользуется всеобщей любовью. И она это вполне заслужила. Турки и арнауты, раненые, к которым она совершенно одинаково относится, как и к сербам, поражены ее ласковостью и заботливостью. Они никак не могут понять, как это дочь короля так о них заботится. Да благословит ее Аллах. Там, где царствуют короли с такими дочерьми, тому народу, должно быть, хорошо живется.

Раненые, как сербы, так и турки, не могут нахвалиться русскими врачами и сестрами милосердия. Кроме сестер милосердия, приехавших из России, кроме великой княгини Елены Петровны и ее фрейлины г-жи Щербачевой, здесь находится супруга нашего посла, госпожа Гартвиг с дочерью⁷, супруга директора отделения страхового общества «Россия» г-жа Паункович и некоторые другие сербские дамы, проявляющие также много труда и заботливости ко всем раненым. Все эти дамы каждый день работают в госпитале. У каждой своя палата. Ночью же они по очереди дежурят.

В русской больнице образцовый порядок, чисто, гигиенично; вообще как по устройству, так и по качеству привезенного материала мы не ударили лицом в грязь. В русской больнице преимущественно тяжело-раненые.

Затем обращает внимание своим прекрасным устройством городская белградская больница. Прежде всего, ею заведывает один из выдающихся и известных далеко за пределами Сербии хирург, д-р Субботич⁸ (брат нашего генерала Субботича⁹). По устройству больница эта не чета нашим городским больницам. Простор, масса воздуха, света, чистота идеальная, масса всевозможных усовершенствованных приборов и приспособлений. Вообще это образцовая во всех отношениях городская больница. Большая ее часть занята теперь ранеными. Дамы белградского общества ходят за ранеными. Здесь также и одна русская барышня — дочь инженера, князя Андроникова.

Военный госпиталь в Белграде можно причислить к лучшим в Европе учреждениям этого рода. В этом госпитале работают чешские врачи-добровольцы. Во главе их стоит известный хирург, имеющий свою

поликлинику в Праге, профессор Рудольф Едличка¹⁰. Этот большой славянский патриот бросил в Праге свою громадную практику с громадным заработком и приехал помогать страждущим братьям-сербам со всем своим персоналом, исключительно за свой личный счет. С ним приехали доктора: И. Новак, Б. Байчек, А. Захар, Ц. Альберт, Крлин, Херинг и женщина-врач Балкарова – это все его ассистенты. Кроме этих врачей, к ним присоединились доктора К. Саутричек и К. Бах <...>.

И в этой больнице за больными ухаживают белградские дамы. Между ними тоже есть одна русская дама, г-жа Попова, жена инженера Попова (Владимирского). Вообще все дамское общество с утра до вечера занимается уходом за ранеными, внося посильную помощь общему святому и великому делу.

Чешские врачи занимаются также в частной лечебнице, превращенной в военный госпиталь. И здесь работает одна русская дама – уроженка Петербурга, по мужу г-жа Торбица, дочь г. Костовича, известного изобретателя дирижабля.

Общество «Коло Сербских Сестар» <...> открыло свою больницу на 200 кроватей. Больница эта очень хорошо обставлена <...>. Деятельность этого высоко симпатичного заведения заслуживает полного участия и поддержки.

В австрийском лазарете Красного Креста, о котором я выше говорил, помещены одни раненые арнауты – свои люди. Сербов нет ни одного.

Когда я уезжал из Белграда, туда прибыл отряд английского Красного Креста с большим персоналом врачей и санитаров. Если что-нибудь делают англичане, то делают исключительно хорошо. Во всем у них видна высокая культура народа.

Вообще раненые в Сербии размещены и содержатся прекрасно, окружены заботливостью, имеют безукоризненный уход и безукоризненную медицинскую помощь.

Заключение

К сказанному ранее об участии народа в борьбе с турками и победе над ними я в заключение приведу несколько характерных особенностей этого народного движения.

Вслед за столь быстро наступающей армией можно было наблюдать вереницы людей, направляющиеся к местам битв.

Эти вереницы людей с котомками на плечах плетутся сотни верст пешком из Сербии; в поезда их не пускают, поезда – для надобностей войск. Это преимущественно старики, старушки, попадают среди них

и юноши лет 14–16. Это отцы, матери, сироты-дети, идущие искать своих сыновей, своих отцов. Они несут им гостинец – калач, который уже затвердел как камень, давно они уже покинули свои дома; несколько динаров, чтобы было у сына на всякий случай. Блуждают эти пилигримы с одного места на другое. Кто укажет им, где полк, рота, которых они ищут. Никто.

А они идут, идут, пока не найдут своих дорогих, если они не погребены.

Бывали случаи – найдет отец сына, а тому в бой идти уже нужно, в цепь становиться, и отец идет с сыном в цепь, ложится рядом с ним; тому некогда обращать внимание на ласки родителя, ему надо стрелять, побеждать врага.

И отец хорошо это понимает; знает, что сын прав, – радуется этому; идет за ним без страха, смотрит, как сын стреляет.

Если сын ранен, он счастлив, что находится возле него, выносит его из огня, а если убит – без слез хоронит, приговаривая: «Он исполнил свой долг, я счастлив, что имел такого сына».

Мне рассказывал один офицер-артиллерист про такой случай: «Батарея на позиции открыла огонь по неприятелю. Вдруг вижу, около одного орудия присел старик.

“Что ты тут делаешь?”, – спрашиваю.

“На сына смотрю, как стреляет”.

“Пошел вон, еще убьют тебя”.

“Нет, уж разрешите полюбоваться, а убьют, что ж делать, – я свою жизнь отжил”».

При таком общем воодушевлении, понятно, победа была обеспечена.

Пусть над этим призадумаются те, которые хотят отнять плоды победы у этого народа <...>.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348. Оригинал (машинопись). С. 1–62.

Примечания

¹ 7 октября 1908 г. Вена объявила об аннексии Боснии и Герцеговины – провинции, номинально остававшейся под суверенитетом турецкого султана и находившейся под австро-венгерской оккупацией на основании решений Берлинского конгресса 1878 г.

² Лекса фон Эренталь Алоиз Леопольд Иоганн Баптист, граф (1854–1912) – австрийский дипломат, в 1906–1912 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии. Способствовал аннексии Боснии и Герцеговины, что рассматривалось как дипломатический триумф Вены.

³ Третья армия (под командованием генерала Божидара Янковича) на момент начала Первой балканской войны располагалась на правом фланге сербских сил, имея своей целью освобождение Косова и Метохии.

⁴ Овче Поле – обширная котловина в центральной части современной Бывшей Югославской Республики Македонии. Расположена к востоку от Скопье в направлении болгарской границы. Самый крупный населенный пункт, находящийся в ней, – Свети Николе. В 1912 г., в ходе Первой балканской войны, здесь шли тяжелые бои между турецкими и сербскими войсками, а летом 1913 г. разыгралось кровопролитное сражение между сербскими и болгарскими войсками, называемое битвой на реке Брегалница, в ходе которого сербы, опираясь на заранее подготовленные позиции, нанесли поражение вторгшейся в занятую ими Вардарскую Македонию болгарской армии и отбросили ее на территорию Болгарии.

⁵ Шнейдеры – одна из старейших промышленных групп Франции. Возникла в 1-й половине XIX в. В 1836 г. Эжен Шнейдер (совместно с братом Адольфом) приобрел металлургические и металлообрабатывающие заводы в городе Крезе, развившиеся в мощный военно-промышленный и металлургический концерн «Шнейдер-Крезе».

⁶ Щербачева Татьяна Юрьевна (1885–1938) – фрейлина княгини Елены Петровны.

⁷ Гартвиг Александра Петровна – вторая жена русского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига; Гартвиг Людмила Николаевна – его дочь от первого брака... Таким образом, Табурно ошибается: Л.Н. Гартвиг – падчерица А.П. Гартвиг.

⁸ Суботич Воислав (1859–1923) – сербский врач, хирург; профессор университета. Изучал медицину в Париже и Вене. После возвращения из Европы – городской, окружной врач, начальник больницы в Земуне. Участник Балканских и Первой мировой войн. Основатель и первый декан Медицинского факультета в Белграде.

⁹ Субботич Деян Иванович (1852–1920) – российский военный деятель, генерал-лейтенант. Сын сербского поэта и политика Йована Суботича. В 1869 г. окончил Константиновское училище, затем Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Китайского похода 1900 г. За отличия в Китайской кампании награжден орденом св. Георгия IV степени. В 1900–1902 гг. – командующий 2-м Туркестанским армейским корпусом и начальник Закаспийской области. В 1902–1903 гг. – командующий войсками Приамурского военного округа, Приамурский генерал-губернатор и наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск. В 1905–1906 гг. – командующий войсками Туркестанского военного округа, Туркестанский генерал-губернатор и наказной атаман Семиреченского казачьего войска. С 1906 г. в отставке.

¹⁰ Едличка Рудольф (1869–1926) – профессор послеоперационной патологии и терапии Медицинского факультета Карлова университета в Праге.

Записка императору Николаю II о необходимости воздействия на Англию и Францию с целью заставить их принять меры к спасению сербской армии

5 января 1916 г.

Сербский военный агент сейчас передал мне телеграмму, доставленную секретарем сербской миссии в Петрограде. Телеграмма хорошо характеризует положение остатков сербской армии и отношение к ним Италии, затаенные мысли этой державы, объясняющие ее действия¹.

Дипломатия Соглашения бессильна что-либо сделать, чем-либо помочь. Спасти доблестные остатки сербской армии, которые еще сослужат великую службу союзу, может только державное настойчивое слово Вашего императорского величества президенту Французской республики и английскому королю.

Гибель сербских солдат ляжет позором на Францию и Англию, в руках коих были все средства, но не было желания, или было много веры в одного из союзников – Италию, который этой веры не заслуживал, было много веры в силу дипломатических соглашений, которые лишний раз доказали свое бессилие.

Средства союзников в Средиземном море велики. Горячее искреннее желание, ни перед чем не останавливающаяся энергия – и цель будет достигнута без потери времени, без предоставления врагу случая торжествовать удачу <...>.

*Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 652.
Л. 1–1 об. Копия.*

* Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – русский военный деятель, генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. В Первую мировую войну – начальник штаба армий Юго-Западного фронта, командующий армиями Северо-Западного и Западного фронтов. С осени 1915 г. – начальник штаба Ставки верховного главнокомандования.

Примечание

¹ После начала в октябре 1915 г. очередного, на сей раз совместного австро-германского, вторжения в Сербию и выступления тогда же на стороне Центральных держав Болгарии сербская армия начала отступать. Зимой, совершив тяжелейший переход через албанские горы («Сербская Голгофа»), ее остатки добрались до побережья Албании. Расквартированные в стране «союзные» итальянские части отказывались предоставить сербам помощь и всячески тормозили их переправу на остров Корфу, желая по максимуму ослабить оппонента своим территориальным притязаниям в Далмации. Лишь после прямого обращения Николая II к главам Англии и Франции, подсказанного генералом М.В. Алексеевым и не лишенного скрытой угрозы, союзники «встрепенулись» и начали эвакуацию сербских войск с побережья.

На зарубежной родине**

<...> Мои родители оказались в числе тех «белоэмигрантов», которые прибыли в Сербию прежде большинства остальных.

<...> Родители всегда потом говорили, что приехали в Югославию как настоящие пролетарии и что они уже на своей новой родине добывали кусок хлеба собственным трудом. Конечно, они являлись идеологическими эмигрантами. Они называли себя именно эмигрантами, а не беженцами, потому что, по их уверениям, им было от чего эмигрировать, но не было от чего бежать, не считая царившего на их родине в первое время бесправия, разгула и серизны.

На основании дальнейшей их судьбы можно было бы изучать психологические сдвиги в отношениях к Отечеству и к новой родной стране. Возможно ли, скажем, совсем перестать любить кровных родителей и в той же мере полюбить нареченных? При каких условиях – несомненно, трагичных – это получается? Что остается неизменившимся от преж-

* Грицкат-Радулович Ирина Георгиевна (1922–2009) – известный ученый-славист, лингвист, специалист в области сербохорватского языка. Ученица Александра Белича. Академик Сербской академии наук и искусств (1985). Автор 245 научных и мемуарно-художественных сочинений. Родилась в Белграде в семье русских эмигрантов. Отец – Георгий Георгиевич Грицкат (1887–1957) – инженер. Мать – Зинаида Григорьевна (урожденная Черникова; 1889–1963) – преподавала игру на фортепиано... В настоящее время *русская* часть архива И.Г. Грицкат (в том числе и рукопись воспоминаний «На зарубежной родине») находится у А.Б. Арсеньева – авторитетного собирателя и хранителя памяти о русской эмиграции в Югославии, автора многочисленных публикаций по этой теме. Выражаем искреннюю признательность Алексею Борисовичу за любезно предоставленную возможность использовать данные материалы. (Об И.Г. Грицкат см.: *Арсеньев А.* Ирена Грицкат-Радулович (1922–2009) // Руски алманах. 2009. № 14. С. 136–144.)

** Эти отрывки из записок И.Г. Грицкат уже публиковались нами (см.: *Шемякин А.Л., Силкин А.А.* «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 419–461).

них чувств? Обо всем этом я мало спрашивала их. Но некоторые ноты этой их сложной жизненной песни прозвучат, надеюсь, в моих строках – здесь и дальше.

Я попытаюсь рассказать о начале их югославской жизни главным образом со слов моей матери и по ее дневнику. Однако вполне сознаю, что мой рассказ не может по стилю соответствовать тогдашним настроениям русских эмигрантов. Моя мать, вообще говоря, была здоровой натурой, не лишенной наблюдательского таланта, а в течение долгих благополучных лет нашей семейной жизни в Белграде она к тому же придала своим повествованиям о первых годах за границей спокойный, непредвзятый и подчас даже юмористический тон <...>. Еще же необходимо прибавить, что мать сравнительно быстро сделалась сербской и югославской патриоткой, и поэтому стиль ее рассказов, который я улавливала подрастая, был отнюдь не беженский. Здесь же замечу – чтобы не возвращаться к этому вопросу снова, – что, обрисовывая первые впечатления, встречи и разговоры с сербскими знакомыми, она несознательно или сознательно влагала в уста тогдашних собеседников то, что, может быть, слышала лишь позже, от других сербских друзей. А друзей среди сербов у нее оказалось поистине много <...>. С другой стороны, может быть, и я сама теперь приписываю ей кое-что, что слышала не от нее. Думаю, что этим не портится ни достоверность самих пересказанных таким образом фактов, ни подлинное изображение моей матери, с ее настроениями тех лет* <...>.

* На первый взгляд, воспоминания И.Г. Грицкат не совсем соответствуют самому замыслу нашей антологии – родившись в 1922 г., она, как видим, могла лишь *пересказывать* впечатления своих близких, что снижает столь любезный сердцу историка эффект «из первых рук». И при чем здесь Сербия? – они прибыли уже в Королевство сербов, хорватов и словенцев, – может спросить читатель... Но, если отказаться от строго формального подхода, противоречий здесь нет. С одной стороны, чем была Сербия (хотя и ставшая частью единого югославянского государства) в начале 1920-х? Смеем утверждать – оставалась *тем же самым*, что и в эпоху независимости. Интеграция еще никак не повлияла на сербов: «Соединившиеся в одном Королевстве народы не знали толком своих новых соотечественников и их краев». Потому-то мать автора записок, посетившая в 1921 г. Словению, и «была в тот год знакома с Королевством СХС, вероятно, лучше, чем *кто-либо из старых белградцев*...». Что же тогда говорить о провинции? Сербская среда и после войны оставалась статичной и патриархальной – ведь даже белградские окраины «не были еще тронуты надвинувшейся вплотную Европой»! Колоритные зарисовки встречи (конфликта?) *старого* и *нового* в послевоенной Сербии, красочные примеры традиционных взглядов на мир и поведения ее жителей *всех* сословий читатель

Моя мать и ее приятельница Ксения <...> попали, в числе других эмигрировавших весной 1920-го года, в захолустье Куманова, в тогдашнюю так называемую Южную Сербию¹. Они оказались вдруг в тихой стране тополей и каменных оград, голубятен и мечетей. Настроение здесь было мирное. Прозрачные полуречки-полуручьи пролегали под

и найдет в публикуемых фрагментах... Но, опять же, возникают сомнения в репрезентативности этой части воспоминаний (ведь информацию-то она содержала *рассказанную*, тогда как дальнейшее повествование связано исключительно с *личным* опытом автора). Такие сомнения развеиваются тем, что ее родители сильно отличались по своей «беженской философии» от других оказавшихся в изгнании русских. Будучи дальновиднее многих, они считали, что большевики – это надолго, а потому, не теряя времени на праздное ожидание их краха, начали быстро и *сознательно* адаптироваться в новой (но подлежащей стать и их собственной!) среде. Данный подход не мог не сформировать *иной* взгляд на Сербию и сербов, чем у «традиционных» эмигрантов. Не брошенный «сверху» или вскользь, чтобы лишь обозреть неведомый берег, куда занесло крушением, и в ожидании спасения замыкающийся на себе и «своих», – но крайне заинтересованный, пытливый и проникательный, воплотившийся в дневниках и переписке. Через эту призму и шло познание страны, *осознанно* выбранной в качестве «зарубежной родины». Бытовые зарисовки и заметки о повседневном поначалу, постепенно складывались в обобщения, метафоры и формулы: «Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом...». Если прибавить к *такому* взгляду (матери, в первую очередь) наблюдательность и бойкий характер, что есть первое и главное условие для общения; страсть все виденное фиксировать и делиться им в письмах; а также «здоровую природу», отмеченную дочерью, – «моя мать пошла по своему жизненному пути на чужбине без той занозы, которая крепко засела во многих беженских сердцах», – то ее рассказы Ирине Георгиевне, вкупе с дневниками и перепиской, обретают как источник искомую историческую значимость. Оказавшись в руках (отложившись в памяти) дочери, эти зарисовки и послужили канвой для создания – в рамках собственных воспоминаний – картины встречи российских интеллигентов с неведомой прежде Сербией, которая сильно отличалась от таких же «картин» из других мемуаров. Не интересуясь политикой и не страдая комплексом «потерянной родины», молодая чета фокусировала взор на *социокультурной* реальности сербов, специфике их менталитета, поведения и норм жизни. Что было естественно – ведь с ними отныне делить и родину, и судьбу. Поэтому-то «выбранные места» из записок И.Г. Грицкат и представляются нам подлинной находкой для «Русских о Сербии и сербах» – особенно в ракурсе базовой проблемы, на изучение которой, собственно, и направлен весь этот проект: «Менталитет сербского традиционного общества и его эволюция в результате воздействия европейских идей и институтов».

двускатными мостиками, и местные жительницы с лебедеобразными кувшинами картинно спускались за водой. Кое-где, в особенности на железнодорожной станции, еще были заметны следы военного разгрома, расписание поездов не было установлено <...>.

Когда их высадили на вокзальчике, мать с Ксенией, за неимением скамейки, уселись на подножке товарного вагона и принялись горько плакать. Вокруг них потихоньку собиралась толпа любопытных. Толстая баба, совершенная статуя, стояла неподвижно, с непроницаемым черным квадратом вместо лица и с густыми скибками шаровар. Рядом с ней переминалась с ноги на ногу девочка, также в шароварчиках от пояса до пят: девочка была похожа на грибок. Мать – из любопытства, равно как и от ужаса – подняла взор, хотела пристальнее взглянуться в безликую статую и поднесла к заплаканным глазам висевший у нее на цепочке лорнет. Фигура-негатив слегка шарахнулась, дав понять, что все время наблюдала за прибывшими через свое густотканое забрало. Девочка взвизгнула при виде второй пары глаз. Вокруг плакавших стягивалось кольцо пытливых. Обе стороны пугались друг друга, но и лорнет, и чадра возбуждали интерес.

«Боже, Боже, куда нас занесло!» – всхлипывали молодые русские женщины.

Позже мать с Ксенией узнали, что здесь живет много славянского населения, принадлежащего к магометанству <...>.

Немного погодя на вокзал прибыло лицо, хорошо говорившее по-французски и назвавшее себя заместителем лорд-мэра города Куманово или чем-то вроде того. Он извинился за опоздание, сказал, что не нужно беспокоиться и что все-де утрясется.

Потом выяснилось, что тюки приехавших сюда отправлены по ошибке в город Вране², где выгрузилась другая партия беженцев, и что кто-нибудь из здешних должен съездить туда, разобраться в вещах и распорядиться о новой пересылке. Мать с Ксенией, прослав энергичными, вдобавок бездетными, были командированы во Вране. К тому же, благодаря живости и знанию французского языка, моя мать сделалась на короткое время переводчицей при сношениях с местными уполномоченными лицами. Сознавшись в недосмотре, железнодорожные власти не спросили денег за этот лишний проезд.

В том другом городке русских оказалось больше, и они там выглядели уже более оседлыми. На их вокзале было почему-то весело. Поезд прибыл под звуки цыганского оркестра. Тамошние русские рассказали двум прибывшим дамам, что и их поезд был также встречен струнным громом, и беженцы решили, что представителей доблестной русской

нации сербское правительство встречает музыкой, стремясь отблагодарить хоть чем-нибудь за благодеяния, оказанные в свое время царской Россией маленькому сербскому народу. Но им объяснили, что это ликование происходит не от того; что это цыганская шайка, радостно встретившая однажды поезд неприятельских солдат, после чего старый король Петр наказал их тем, что приговорил их играть перед каждым поездом на враньском вокзале до конца их дней. Некоторое время спустя, когда в том же городке праздновали Пасху, музыкальные пленники приветствовали чардашами, самоубийственными венгерскими романсами и барабанным боем Воскресение Христово.

Русская колония в городке Вране, который новые поселенцы, прочтя надпись на станции, назвали Враньё, была более организована. Как раз в тот вечер устраивали маленькое собрание и представление в собственную пользу. Сначала баронесса Гроссдорф, в калошах, прочла лекцию по-французски: «О причинах российской катастрофы» <...>.

После этого был концерт. Мать и Ксению попросили тоже петь, хотя они и не присутствовали ни на одной спевке. Их убедили, что песни и так хорошо известны. Дамы смущенно вышли на сцену, кто-то подбодрил: «Ничего, схрюкаемся», а какая-то юркая дамочка продирижировала «Ночку темную», «Ах вы, сени» и еще кое-что. Пели по слуху, по памяти, некоторые пробовали подпускать вторым голосом, одни секундировали так, другие сяк, умолкали при неудаче. Был один номер, в котором мать аккомпанировала на рояле и в то же время пела, потом просто играла, одеревенелыми пальцами, вспомнившийся этюд Шопена³, потом солист пел под ее же аккомпанемент. В публике сидело население, первый раз в жизни видевшее рояль, и восторженно шумело.

«Ах, Ириша, — говорила мне позже мать. — Если бы только могла видеть и слышать все это: старуха несет ахиною про большевизм, потом я играю и одновременно пою без голоса тоже какую-то музыкальную дичь! Это было так смешно и так глубоко трагично!» <...>

На другой день все вещи были разобраны, и все кумановское отправлено на вокзал. К часу отхода поезда мать с Ксенией, сопровождаемые вчерашними сопевцами, тоже пошли на станцию и были очень растроганы, когда враньские дамы, в знак благодарности за участие в благотворительном вечере, вынули из сумок молоко в бутылочках и стали угощать им, вроде как младенцев. Вдруг локомотив свистнул, все побежали косою толпой в косом направлении, то есть туда, куда побежала первая из побежавших, и в распахнутую дверцу двух женщин поспешно втиснули. Придя в себя от волнения, они заметили, что находятся в по-

чтовом вагоне, но у молодого чиновника, сидевшего тут, узнали к своей радости, что попали в правильный поезд.

Наступал вечер, а Куманова все не было да не было. Настала ночь. Едва разбираясь в словах чиновника, говорившего на сербско-болгарском воляюке, поняли, что из-за демобилизационных неувязок поезд должен был переменить курс, и теперь он принужден двигаться непредвиденно. Потом их попросили перейти в другой вагон, оказавшийся товарным, тем самым, где находились и опекаемые ими вещи. Тут царила первозданная тьма. Их еще немного повозили, а затем определенно отцепили и оставили, так как к полной тьме присоединилась полная неподвижность. Долго ли, коротко ли сидели мать с Ксенией на тюках, разговаривая, посмеиваясь и поплакивая, но только по ту сторону клади неожиданно кашлянул мужчина. Подруги впились друг в друга.

«Soldat», — молвил невидимый. Из-за пожиток кто-то сладко выспавшийся, зевая и поохивая, стал лезть. Потом вспыхнула спичка, за ней заалелась папираса. Soldat, приставленный сторожем к багажу и проспавший беззвучно почти всю ночь, подсел поближе и завел непонятную беседу, любезно тыча сухари при свете всасываемого огонька. Так они просидели втроем до рассвета, и ничего не переменялось. Потом что-то пихнулось в них, и они задвигались. На одной остановке к ним вошел давешний чиновник из почтового вагона, так что теперь поехали четвером. Последний из прибывших соболезнующе смотрел на миловидную Ксению, не сводя с нее глаз говорил что-то нежное солдату, затем объяснил, что его служба состоит в непрерывной езде по рейсу от Ниша и назад, но у него есть хорошая мама. В довершение всего он смущенно, словами, жестами и многозначительным молчанием, попросил ксениной руки. Он упомянул и «тату» (дамы поняли, что это его тятя), к которому они сразу же могут отправиться для дальнейших переговоров и для того, чтобы убедиться в серьезности его намерений.

Через двадцать один год, прочитав в газетах о том, что белградское музыкальное училище чествует свою преподавательницу по поводу юбилея, он явился в училище к моей матери, поздравил ее, воскресил в ее памяти вагон, солдата и ночь — и застенчиво спросил, где ныне находится ее подруга. Он грустно промолвил, что так и не женился.

Нашим двум приятельницам, которые после успешно выполненного задания во Вране стали считаться как бы предводительницами всей кумановской группы, отвели лучший дом. Это было двухэтажное многоугольное здание посреди широкого двора. Внутри были добела выскобленные деревянные полы и не позволялось ходить в уличной обуви,

поэтому у порога стояли башмачки-скамеечки разной величины, в которых домочадцы быстро постукивали. Подругам сдали поместительную комнату с рукомыльником и лоханкой и с огромной двуспальной кроватью посередине, напоминавшей старинное морское судно во время штиля. Хозяин гордо уведомил их, что недавно, во дни пребывания своего в Куманово, у них в доме, именно на этой кровати, ночевал регент Александр.

В первое же утро в комнату матери и Ксении вошла маленькая, но торжественная процессия из двух лиц. Впереди шла хозяйка, неся поднос, а на подносе стоял эмалированный сосуд с отогнутыми краями и с ручкой, имеющий во всем мире вполне определенное назначение. В нем, однако, дрожала простокваша. Девочка сзади несла, на втором подносе, винный уксус, кусочки огурцов и чеснок. Домашние спросили, которую из этих пряностей гости желают положить в простоквашу.

Потом хозяин водил их по длинной и извилистой мостовой в турецкую баню. Надо заметить, что в хороших семействах, к каковым принадлежало семейство хозяев, жили по-гаремному, хотя и в единобрачии, так как были христианами. Женщины, то есть жена, незамужние сестры, дочери, бабка, прислужницы, почти не выходили из дома и весь день просиживали на низких лавочках, греясь у мангала, или, сидя на корточках, кипятили воду для черного кофе, жарили еду, разваривали овечьи ноги. Муж в большинстве случаев ходил сам на рынок, присутствовал при торгачинах, он же заведовал погребом, где хранились запасы, выдавал харчи на день, принося из подвала то что-то длинное и кровавое, то миску риса, то фасоль. Единственным дозволенным развлечением вне дома являлась для женщин баня, куда они ходили в определенные дни целыми родовыми общинами, как древние римлянки в термы, и где сидели часами, беседуя и парясь.

Баня была круглая и объемистая. Это была постройка с боковушками, где снимали одежду, а в середине находилась общая купальня без окон, освещенная лишь мутным светом из стеклянного запотевшего купола. Вдоль стенок приделаны были как бы каменные пойла, в которые втекала горячая вода и над которыми надлежало мыться, поливаясь из ведерка или пользуясь любезной помощью бабы, предлагавшей тереть. Посреди заведения, на сухом и очень горячем камне, лежало несколько женщин. Две турчанки, голые, но с чалмами, накрученными из полотенца, красили себе хной ногти на руках и ногах. Другие сидели на каменных лавках, закутанные в простыни, как в туники, разговаривали и тут же пили кофе и вышивали. Все поглядывали на упоительно обтиравшихся иностранок, которые толком-то и не купались еще с Новороссийска.

Заграничное мыло обратило на себя общее внимание, его нюхали и передавали дальше, обмениваясь замечаниями. Когда дамы собрались уходить и пошли в боковушку одеваться, обнаружилось, что исчезла одна из двух пар панталон. Несмотря на это, растиральщице заплатили за внимательное отношение <...>.

Мать с Ксенией недолго пробыли в этом своем первом эмигрантском обиталище, но успели познакомиться с видными жителями Куманова и приобрести полезные связи.

Один раз они были приглашены к местному прокурору, милому человеку <...>.

До того, как подать кофе, русских дам угостили вареньем. В вазочке лежали засахаренные куски арбузных корок, нечто незнакомое и до того восхитительное, что мать, ложку за ложкой, съела целую вазочку. Подобрал слова высшей деликатности, хозяева объяснили, что по сербскому образу действий надо взять один только раз, а затем отпить воды. Мать говорила, что потом не удивлялась больше ни величине кофейного прибора, ни откушиванию варенья. Она вспоминала русские самовары, русские варенья и потения при чаепитиях и решила, что масштабы страны отражаются в масштабах гостеприимствования. А затем созналась, что была не права: упомянутые кулинарные ухищрения хоть и подавались в малых дозах, зато ежедневной, вкусной и жирной пищей в некоторых сербских домах угощали ее до поморочного состояния.

Жена прокурора с большим уважением предлагала все приносимое и своему супругу <...>. Несмотря на конфуз с вареньем, они сразу очень понравились друг другу. Мать уже тогда сговорила с этой четой, что если все окончится благополучно и поскольку она со своим мужем останется жить в Сербии, то прокурор делается крестным отцом ее ребенка. Этот договор был позже соблюден <...>.

В доме будущего кума моя мать познакомилась с проживающим недолго в городке преподавателем словесности, тоже будущим белградским жителем и нашим другом. Если бы отец в то время сходил к гадалке <...>, гадалка бы, несомненно, увидела в кофейной гуще или в размещении валетов и королей нечто неясное и недоброе. Она вынуждена была бы сказать, что существует кто-то, кто нежно думает о его молодой жене, кто-то скромный, смущенный, внимательный. Но жена лишь улыбается в ответ и пользуется его любезностью для ознакомления со страной, в которую забросили ее круговороты судьбы.

На самом деле моя мать предлагала все свои усилия к тому, чтобы найти, наконец, своего горячо любимого и единственного друга. Между

прочим, она дала объявление в «Русскую газету», начавшую выходить в Белграде, через которую в то время люди главным образом и разыскивали друг друга. Не знаю, по ее ли рассеянности, или по недосмотру редакции, объявление было напечатано без ее адреса. Этот номер газеты отец получил и прочел в Константинополе. По адресу той же редакции он послал ей в порыве отчаяния письмо <...>.

Письмо достигло Куманова, вспыхнула надежда, что их связь в конце концов будет восстановлена.

Новый кумановский знакомый был в высшей степени культурным человеком и удовлетворял даже петербургским вкусам. Он подружился с обеими приезжими, но не скрывал, что с Ксенией проводит время только из благовоспитанности. Он энергично помогал моей матери при розысках мужа, а также и в деле переведения ее в Белград, на место учительницы пения.

Все, что мать раньше знала о Сербии, — это был Дунай с притоками Савой да Моравой, затем города Белград и Ниш, король Петр и министр Пашич <...>. И Вронский⁴ в конце романа ехал, кажется, в Сербию: к своему стыду, мать не помнила точно, в Болгарию ли или в Сербию. Моя мать тогда еще точно не улавливала, в чем тут вышло дело после войны, с какими частями чужих государств объединилась Сербия в более обширное государство. Но она всегда была любознательна, а теперь уж и поневоле приходилось быть таковой, в виду все более реальных очертаний ее будущего. Знакомый понял это и начал давать ей первые уроки на сербские темы; он осуществлял это с тем патриотизмом, какой проявил бы всякий сын всякой малозначащей страны, с любовью и с гордостью, но без примитивного бахвальства. Надо полагать, что здесь-то и взяла начало исключительная приверженность моей матери к Сербии и к Югославии вообще.

Один раз они сидели вдвоем в «кафане», или в кофейне, если слово перевести буквально, иначе же выражаясь, в кабаке. Мать свыклась со своим новым положением, утверждаясь в мысли, что ей придется прожить в Сербии еще довольно долго. Был праздничный день.

Кабак имел снаружи вид двухсотлетнего турецкого строения. Крутая крыша была сложена вкривь и вкось, настлана черепицей и голой дранкой, вогнута на тех местах, где под ней поломалось стропило. Высоко в грязной стене проделаны были грязные окошечки, словно бойницы, а под ними выступал почему-то еще один кусок крыши, и под этой добавочной крышей — снова окошечки. Все это походило на угловатый каменный шатер. Одна из стенок, неуклюже выдававшаяся к тротуару, превращена

была в подобие витринного ящика со множеством стеклянных квадратов. Из этой клетчатой витрины, запыленной и отвисшей, из одного ее пробитого отверстия, вытарчивала и уходила кверху длиннющая жестяная труба с флюгаркой на конце. Внутри, на несвежих скатертях, стояли солонки, и босоногий половой выющимися движениями расставлял перед посетителями перекипающее пиво. Мужчины сидели в кабаке не снимая шляп, горланили и хлопали ладонями по собственным коленкам и по коленкам собеседников. Женщин, естественно, не было.

«Вы не пугайтесь, madame, — говорил рассудительный знакомый. — Вот переедете в Белград и убедитесь, что сербская интеллигенция совсем уж не такая отсталая. Есть такие, которые учились за границей, в Граце, в Праге, в Париже, а недавно многие побывали во Франции, в собственной, правда, недолгой, эмиграции. Образованные люди говорят здесь и по-русски, так как в наших гимназиях преподавали до войны русский язык; не знаю, как будет дальше. Я сам мог бы говорить с вами на вашем языке, но стесняюсь. Да, в русофильстве здесь никогда не было недостатка, особенно в Черногории. Там ведь так и говорят: нас и русских полтора-два миллиона. То, что вы видите тут, — это отсталая часть, присоединенная к Сербии лишь перед европейской войной. А страна наша расширилась теперь и к северу, и к западу и приняла в себя вполне цивилизованные и очень плодородные области.

... Я вам расскажу вкратце о том, как мы воевали. В девятьсот четырнадцатом году в Сербии было четыре с лишним миллиона жителей, но она в начале войны призвала почти четыреста пятьдесят тысяч военно-обязанных; насколько я знаю — высшее мобилизационное напряжение в истории войн <...>. Неприятель напал на Сербию, занял некоторые ее части, но был вытеснен. Об этом первом вторжении пережившие его рассказывают самые ужасные вещи: так, например, в городе Шабац⁵ женщин насиловали в алтаре, в одном селе четвертовали людей, привязанных к конским хвостам. К тому же страна была захвачена страшнейшим сыпняком <...>.

Немцев и австрийцев раздражало, что сербские солдаты шли в своих лаптях, не топя сапогами. Часто рядом с солдатом ступала босая мать, неся его сумку с лепешкой и с флягой. Тут же шагали и цыгане, которые подхватывали новые песни и сопровождали певших на обшарпанных скрипках. Какой-то отряд из битвы в битву проносил тело своего мертвого начальника в запаянном гробу. По горным беспутьям одну пушку тащило свыше ста человек — там лошади были бессильны. Шли наши солдаты и распевали сами себе похоронные песни, тут же сочиняемые.

Мне кажется, что между цивилизованными и менее цивилизованными народами во дни страшных испытаний происходит обмен уровнями культуры. Какие злодеяния совершали ученые европейцы в те дни над беззащитным, неграмотным населением в сербских деревнях!

Зимой с пятнадцатого на шестнадцатый год немецкие, австрийские – вернее, австро-венгерские, – а затем и болгарские войска преследовали нашу армию, которая не сдавалась и не начинала поддаваться развалу. Впрочем, наши враги уже кое-что знали про нас и побаивались. В одном из приказов немецкого маршала фон Макензена⁶ было сказано приблизительно следующее: вы, солдаты, не направляетесь воевать ни против французов, ни против итальянцев (уж простите – он прибавил: ни против русских), вы идете на храброго и опасного нового врага, на сербов, которые для свободы жертвуют всем. Смотрите, как бы этот маленький неприятельский народ не омрачил вашей славы; уважайте в нем сильного противника.

Наши части отступали и увозили с собой орудия, увенчанные славой. Видя, что дальше невозможно тащить их за собой по горам, они похоронили их, как покойников. Полковой священник отпел их, ладаном окурил.

В течение ненастных месяцев, по морозам, по каменным глыбам, по покатым скользким или разрушенным мостам, пешком и на телегах, отбиваясь от врага и от местных грабителей в пустынной Албании, почти совершенно без пищи, в изодранной обуви и в лохмотьях, оставляя в снегу следы искалеченных ног и крови, все сербское войско вместе с многочисленным гражданским населением, с женами, матерями и младенцами, отступило до южного адриатического побережья, а затем переправилось на Корфу, к союзникам. Сколько их осталось навсегда лежать в провалах, в болотах, в снегах! Пока еще нет точных подсчетов, но там проходил и я и видел собственными глазами бушевавшую смерть. <...> Ни одно сербское знамя не досталось врагу, ни одно воинское соединение больше роты не было взято в плен <...>. Едва ли в истории существуют страницы, превосходящие по трагике то, о чем я сейчас говорю».

Мать и преподаватель чокнулись пивом.

– Я пью за вашу родину и за нашу дружбу, – сказала моя мать.

– Несуразен наш народ. Никто из раздавленных народов никогда не уходил из своей земли. Уходило правительство, уходили политические высокопоставленные лица, военных уводили в плен. Но уходили ли матери с детьми за границу, по стуже, без хлеба, босиком? Знаете ли вы случай, чтобы совокупные вооруженные силы какого-нибудь государства ушли в эмиграцию?

В кабаке становилось душно; публика курила, галдела.

– Вам все это может показаться фанфаронством с моей стороны. Но вы согласитесь и сами, что я обязан рассказать обо всем благожелательной иностранке. А когда она видит народ, не знающий хорошего мыла и не понимающий разницы в посуде, и притом если она должна оставаться на неопределенное время жить среди этого народа, то мне хочется разъяснить также некоторые другие стороны всех этих вопросов и оправдать нелепые картины. Ведь в середине прошлого столетия тут, на юге, еще доживала свой век Турецкая империя, а в коренной Сербии княжил безграмотный властелин⁷...

Сербы провели почти три года вне отечества. Бывали разные попытки так называемых Центральных сил⁸ склонить нас к перемирию или заключить с нами сепаратный мир, но мы ждали только одного: с неподвижного, бездействующего Салоникского фронта⁹ сорваться, броситься на север, изгнать врага, обнять наших оставшихся у очагов детей и старушек. Великобританцы и итальянцы не особенно спешили прорывать этот южноевропейский фронт. По-видимому, у них были свои расчеты. Одна лишь Франция действительно стояла за нас. Прорыв совершен был в середине сентября восемнадцатого года, согласно замыслам именно нашего верховного командования. Двинулись наши, английские, греческие и, конечно, французские дивизии; не двинулись мы, а помчались ураганом. Мы освобождали деревни, а женщины выбегали из хат и целовали не только нас, кавалеристов, не только морды коней – они во время наших стоянок целовали даже лошадиные копыта!

Моей матери становилось дурманно: и от пива, и от рассказов. Господи, неужели в этой стране, в какой-то помеси Туркестана, Спарты и Берендеева царства, она отныне будет жить, если русская смута скоро не окончится!

– Откуда вы все это знаете? Вы могли бы написать преинтересную книгу о Сербии, о ее достоинствах.

– Нет, книг я не буду писать. Я только много читаю, и книги, и разные записки, мемуары, дневники. Ведь я обо всем хочу своим ученикам рассказывать. Составителями будущих книжек пусть будут другие. Вам не накущила моя болтовня?

– Что вы! Пожалуйста, продолжайте.

У матери, как она позже говорила, делалось какое-то совсем неральное чувство. «Два месяца тому назад я еще жила у себя в России. И вдруг – кабак в Куманове, без мужа, влюбленный компаньон».

Она предложила: «Закажем еще по стакану. И говорите еще».

– Следующего князя (после того безграмотного), который начал торговать нашу страну из туретчины, встречали в Белграде торжественно, когда он вернулся после высылки¹⁰. Во всех окнах горели сальные свечи, построены были триумфальные арки с приделанными лампадами и приклеенными двустиями; вдоль фасадов развесили бумажные фонари, а на перекрестках вздернули на шести бычачьи мехи, наполненные горящим дегтем. На площадях катали бочки с водкой и вином, и тут же, над кострами, на вертелах, жарили волов.

– Мне нравится этот размах. Нет, не обижайтесь, даю вам слово, что я говорю без иронии. Конечно, с одной стороны, это какая-то сказочная картинка из детской книжки. Но вы же и сами знаете: ни немцы, ни шведы, ни американцы не катали бы водку бочками и не жарили бы на улице волов. Для этого нужна щедрость, нужен разлет души.

– Венгрия известна по удальству, по бесшабашности. Но эта черта наблюдается и у нас. Даже не в Белграде, а в провинциальных городах давно уже умели устраивать лихие затеи: запрягали, например, среди лета в сани шестерню и носились по дорогам, по каменному настилу. Верхом на лошади въезжали в харчевню, или, сидя на ковре перед собственным крыльцом, пили вино по целым ночам, тоскуя и распевая.

Я хочу подчеркнуть одно характерное явление в нашем народе: быстрый рост во всем, рвение вперед, желание учиться, усовершенствоваться. Уже в прошлом столетии был отмечен чрезвычайно высокий процент учащихся среди населения. Один из первых рентгеновских кабинетов появился именно в Белграде – один из первых в мире! И одно из первых такси ездило по Черногории. Даже более того – Белград оказался весьма передовым городом в смысле легких развлечений. Одна иностранка гастролировала здесь, и номера ее были достойны современных парижских ночных притонов. Уверяю вас, лет через пятьдесят города наши будут не хуже европейских городов, и дети наши будут не хуже европейских детей.

...Моей матери даже за это короткое пребывание в Куманове удалось начать зарабатывать. Хотя во всем городе и было всего два рояля, но сыскались ученики, и она давала уроки, помня наказ мужа – немедленно становиться на свои ноги, да и незабвенный бабушкин завет – молотить самой свою рожь. Но оставалось все же много свободного времени. Опять был послеобеденный час, может быть, и не праздничный, но не занятый ничем. Знакомый все как-то так подлаживал маневры, чтобы можно было сидеть с ней вместе в «кафане», пить пиво и разговаривать. На этот раз он говорил об эпохе турецкого владычества.

«Турки, как и ваши татары, были порабителителями, грабителями, тиранами. Но... не знаю, сумею ли я точно выразить свою мысль: в них было что-то барственное и нарядное, внешне и духовно. Турки строили здесь почтовые дороги, бани, постоянные дворы, они украшали города мостами, садами и фонтанами. Они часто заботились как раз о законности и о справедливости, хотя народное предание несравнимо чаще вещает о другом, так как они все-таки были иноверцами и врагами. Среди них тоже бывали Кончаки¹¹, любившие своих подчиненных, особенно за храбрость. Бывали и такие турки, которые наказывали серба за плохое отношение к сербу, а случалось даже, что и турок отвечал перед своей вышестоящей властью за ограбление монастыря или за подобную провинность.

От турков мы унаследовали живописные национальные костюмы, много обычаев, много красивых напевов. В итоге всех итогов, об их господстве говорят уже с меньшей горечью, чем о разных пакостях европейских соседей. Воображаю, что бы случилось с сербами, если бы их держали пятьсот лет в своей власти немцы! Нет, с таким захватом, каким бы явился, допустим, немецкий, мы бы не ужились, и, следовательно, — от нас бы мокрого места не осталось. А с хитрыми левантинцами уживались; перехитрили их, пережили. Правда, они затормозили наш прогресс, погубили нашу расцветавшую культуру. Какое прекрасное зодчество, какая живопись начали развиваться здесь даже до знаменитых кватроченто¹² и чинквиченто¹³! Вы когда-нибудь увидите наши монастыри. Большинство из них заросло сорными травами и опустело. Но есть и такие среди них, которые не прекращали своего существования и пронесли через все века турецкого ига факел патриотизма, грамоты и веры. Есть один монастырь, в одной из самых диких местностей Сербии; его сторожит игумен с ружьем, а помогает ему не собака, а змея — большой уж, которого он приучил являться на свист».

...Рассказчик был прерван звуками музыки и оживления. Где-то на улице заныла зурна, и сидевшие в кабаке люди приятно заволновались.

«Эх, вот это я люблю! — крикнул подвыпивший парень-сосед, ударив стаканом почти как молотком. Он вскочил, под руку ему подвернулся босоногий половой, под руку половому — жандарм, а под руку жандарму еще кто-то, потом сам хозяин кабака, и в такт доносящейся музыке в их помещении начали танцевать. Это был национальный танец, исполняемый либо хороводом, либо змейкой. Танцоры вились между столами, и мать с большим интересом смотрела на их ноги. У плясавших определенно чувствовался музыкальный зуд.

– Если хотите, выйдем на улицу, – предложил знакомый. – Там, кажется, будут исполнять «Тяжелое оро»*, есть на что посмотреть.

Выходя, он прибавил:

– Если бы мы сейчас были у меня там, в настоящей Сербии, я бы и сам пошел танцевать.

– Вы это умеете?

– У нас хороводами открываются все танцы, все балы, даже придворные. Но здешних танцев я не знаю. Посмотрите и сами убедитесь, каковы они.

На улице собралась кучка разноперого, разномастного народа, не то цыганского, не то крестьянского вида. Кое у кого были носовые платки или шарфы на головах, у других – широкие шелковые пояса, иные были просто ободранцы и беднота, у многих зад на суконных штанах висел до самых колен. В середине стоял человек низкого роста и, безмерно пуча щеки и вращая зрачками, дул в кожаный инструмент, который он в то же время регулировал подмышечными движениями. Вторым членом ансамбля был старик, так сильно бывший в подвешенный через плечо колоссальный барабан, что моей матери каждый раз приходилось мигнуть. Барабанщик ходил медленной поступью, согнувшись и словно чего-то ища или куда-то целясь. Он бабахал сравнительно редко, выбирая какую-то ему одному ведомую точку ритмической опоры в непрерывном дудении своего товарища. Из толпы начали выделяться танцоры-специалисты. Они сперва ходили простым шагом, держась за руки и словно предаваясь размышлению о будущей пляске. Потом колени их начали подергиваться. Музыка исполняла однообразный, но неповторимый звуковой узор, назойливый, как слепень, кружащийся все время вокруг одной ноты, пересыпанный полутонами и увеличенными секундами, которые передавали всему звучанию «туретчину», заунывное эхо азиатских пустынь.

Удары в барабан участились, танцоры определенно налаживались к предстоящему ухарскому выплясыванию, и в тоскливом завывании мотива стал зарождаться крепкий подгоняющий такт. Но что это был за такт? И слух, и зрение музыкантши смущались перед непонятной ритмической тканью, словно и не поддающейся нотной записи, не то в семь, не то в девять восьмых, не то вперемешку с неуловимыми синкопами, которых невозможно было предвидеть. А ухо артистов предчувствовало все это непогрешимо, и все они вскидывали локтями и дергались

* Оро – македонский народный танец (вид хоровода). Напоминает сербское коло.

верхней частью корпуса именно тогда, когда и барабанщик стрелял в свой тулумбас, из чего можно было вывести заключение, что удар в этот момент ожидался. Музыка делалась все более быстрой, все более пьянящей. Танцовщики заплели друг у друга за спинами руки и начали проворно ходить, как один, чуть приседая, чуть шаркая, то крадучись, то отшатываясь. Передний помахивал платком. Потом стали подпрыгивать. Прodelываемые коленца, а также и гудьба, становились все сложнее и перепутаннее, хотя отплясывались безукоризненно фронтально, а танцующая походка не переставала быть гордой и лихой.

Когда сделалось слишком трудно двигаться сцепленной вереницей, плясуны расплели руки и продолжали порознь, не отделяясь, однако, друг от друга. Вдруг передний, сделав из ног две пружины, высоко взлетел, изобразил в воздухе полный круг, обведя смеющимся лицом горизонт, и вернулся наземь, на одну подогнутую ногу. Прodelав этот пассаж и не потеряв равновесия, он долго еще покачивался на этой одной, все так же спружиненной ноге, вправо, влево, рисуя кончиком другой ноги воздушную дугу. Мать чуть не зааплодировала: она подумала, что ведущим выбирают особого солиста, искусника. Но вот то же самое прodelал и второй, и третий, и четвертый — и, впадая постепенно в экстаз, под вихревое вытье мелодии и под посыпавшиеся залпы барабана, все плясальщики стали взлетать в воздух, кружиться и возвращаться, взлетать, кружиться и возвращаться, все бешенее, но всегда попадая в такт с предельной точностью, невероятно для глаза и в непостижимом нагнетании. Долго продолжалось это спиральное неистовство, и закончилось оно протяжной нотой, похожей на гримасу.

«Негров они напоминают, что ли?» — думалось матери. Она еще не знала, что в некоторых словах поющих там песен слышна иногда языческая старина: там поют, скажем, про то, как отсылали дедку в горы, чтобы его съели медведи, а дедка взял да вернулся к общему неудовольствию назад, с полной сумой медвежатины.

...Переписка родителей окончательно наладилась, и я теперь читаю их письма из тех далеких лет. Мать писала в 1920-м году: «Среди сербов я встречаю так много ласки! Поверь — это моя вторая родина, она скоро станет и твоей. Никаких лагерей здесь нет. Здесь мы полноправные граждане страны. Встретили нас так радушно, как только могли. А сколько интересного, сколько экзотики вокруг! Мне понадобится много дней, чтобы все тебе рассказать...» Отец в ответах касался почти исключительно своих хлопот о переезде, финансов, незадач, случающихся с русскими в Турции, и своей тоски по жене.

Не могу понять: они оба, по-видимому, были лишены чего-то самого естественного для их положения — печали из-за потери родины, страха перед будущим. Быть может, это происходило от того, что уж в слишком мрачных красках представлялись им последние годы, проведенные в России? Быть может — от того, что они там еще и не начинали жить настоящей семейной жизнью, а только лишь готовились, переживая тем временем порядочные мытарства и терзания? Или любили они друг друга крепче, чем родину, чем все оставленное в ней? Не думаю, что они опасались почтовой цензуры и поэтому мало писали о политических настроениях; и в дневнике матери нет намеков на них. Они писали лишь о своей взаимной любви и о непоколебимой готовности либо жить, либо погибать вместе.

Первого мая снова сидела моя мать со своим знакомым в ресторане, на этот раз уже с Ксенией. Приятель сказал им, что сегодня праздник, и можно посидеть и покушать торжественнее обыкновенного.

— То есть как праздник? — всполошились дамы. — Сегодня, насколько нам известно, коммунистический праздник, а не христианский. Вы что — коммунист?

Приятель засмеялся:

— Какой у нас коммунизм вообще может быть, Бог с вами! Какая-то партия существует, это да. Но поскольку коммунизм — это свобода, демократия, равенство, как утверждают, то он нам и не нужен. У нас все это уже имеется в достаточной мере.

— Мы, кажется, не от свободы и демократии ушли, — заметила мать.

— У вас там ... не знаю что. Путаница поступков, путаница терминов.

— Послушайте, об этом нам спорить не хочется. Пусть это будет только терминологическим вопросом. Однако скажите, ради Бога, сюда не придет то, что в России называли термином коммунизма или большевизма?

— Сюда, в трактир, скоро, наверное, придет. Он как раз попросил меня, наконец, познакомить его с вами. Мы уже сговорились, потому-то я вас и привел. За другие приходы не могу ручаться.

— Что за черт, — проворчала Ксения. — Кто там еще придет?

— Шутки в сторону, я вам скажу лишь одно. Вы и мы — не то же самое. Вы там были слишком не от мира сего, не заботились о практическом, а все только об идее, и идея задушила вас. У нас же пока мало философствовали. Когда я был маленьким, нас всегда садили за стол четырнадцать человек: шесть членов семьи и восемь человек прислуги. Отец никогда не бил нас, потому что у него рука не поднималась, но

кучер бил, и ему предоставляли делать это всегда, когда он считал нужным, так как знали, что он нас бьет для нашей же пользы. Один раз мой отец по-дружески пожаловался кучеру, что я плохо учусь. Кучер на это сказал (отцу, не мне): а ты сядь да поучись из этих самых книжек, чтобы потом суметь ему помочь. Мальчишка не знает, как учиться, а ты ему не показываешь, оттого, что дела не разумеешь. Я вон моему парнишке давно уже растолковал все мое конюшенное и кучерское дело.

— У нас, действительно, были немного иные отцы и немного иные кучера, — чистосердечно заметила мать.

Затем случилось нечто театральное. С эффектным шумом, будто артисты в бумажных доспехах, изображающие победительское войско и встречаемые толпой среди кулис, в ресторан вступили люди. Их вожаком был человек со взлохмаченной шевелюрой. За ним, шлейфом, шествовали субъекты, обнаруживавшие мимикой, голосами и телодвижениями, что они от чего-то в большом восторге. Они стали усаживаться, разваливаться, выразительно стуча по столам и подзывая прислужников. Оказалось, что это показательный кумановский авангард справлял свой праздник. Взлохмаченный глядел козырем. Осмотрев корчму, он заметил компанию, сверкнул глазами и, залихватски тряхнув прической, подчалил <...>.

Это был известный тамошний социалист (или коммунист, не знаю точно), в то время член парламента. Он также оказался увлекательным знакомым для изнывавших в безделье и ожидании приятельниц, козетом и позером, говорящим изысканно на пяти языках, слегка потешным рассказчиком в лицах, донжуаном и франтом. С его политическими взглядами наши эмигрантки вскоре освоились, так как это и в самом деле не было похоже на то, да и вообще ни на что. Знакомство оказалось тоже полезным: у так называемого социалиста были связи в новом Королевстве СХС¹⁴, и он горячо принялся за двух белых беженцев. Через несколько дней моя мать получила службу в Белграде, в гимназии, где ей предстояло преподавать пение сербским девочкам, на сербском языке, да еще в конце школьного года, ввиду надвинувшихся родов тамошней преподавательницы.

Благодаря очень удачному стечению обстоятельств в Куманове — благодаря незатейливому прокурору, редко умному преподавателю словесности и забавному политику, — моя мать пошла по своему жизненному пути на чужбине без той занозы, которая крепко засела во многих беженских сердцах. Она подружилась с первыми знакомыми за рубежом так, как можно подружиться на даче с симпатичным соседом,

с крестьянином, с продавцом: наблюдательно, отбрасывая пока все сравнения или оставляя их про себя. А кроме того – Восток не был ей чужд. Рожденная в Крыму, она особенно и не любила промозглого Петербурга, в котором потом жила, с его тонкими насмешками, баронами и туманами <...>.

Под конец своего пребывания в Куманове она сделалась совсем la reine de Coumanovo*, как называл ее социалист. Ей слышались первые понятные слова на новом языке: «Слатка жена, лепа жена»**. Социалист и преподаватель совещались о том, который из них на которой женится, в случае если придется спасать их от каких-нибудь больших политических неприятностей. Даром что оба были женаты и обе были замужние.

В Белграде мать чуть ли не сразу добралась до товарища министра иностранных дел, в связи с вызволением мужа из Константинополя. Она ходатайствовала о том, чтобы была «положена резолюция», – как она выразилась в письме, – о его вызове и о назначении на службу в министерство строительства. К лету ее предприимчивость увенчалась, наконец, успехом. Отец прибыл в Белград и, не найдя еще никого и ничего, в первые полчаса своего пребывания, идя с баулом по улице, он встретился с моей матерью в самой середине центрального перекрестка. Это произошло 10-го июля 1920-го года, после четырех с половиной месяцев томительной разлуки. Они бросились друг другу в объятия, начали утирать пальцами глаза, не обращая внимания на то, что из-за их поцелуев приостановилось уличное движение.

Несмотря на всякие думы и толки в русской колонии, молодая чета твердо постановила осесть в Белграде. Они вынесли заключение, что если им и придется туго, из-за мещанства, скуки и мелких дразг, то все-таки будет не хуже, чем в парижских ночных кафешантанах, где бы мать, наверное, поступила тапершей, или в Берлине, где отец, предположим, сделался бы шофером такси. Многих беженцев тянуло куда-то дальше. Некоторые уезжали в Египет, некоторые в Америку. Многие из рисковавших выиграли. У моих родителей не хватало ни желания передвигаться, ни энергии, ни денег. Здесь их не деклассировали, а это для них было главным. И тот, и другой после некоторого времени продолжали работать по своему призванию, в чинах, которые соответствовали их начальным службам в России.

* *La reine de Coumanovo* (франц.) – королева Куманово.

** «Слатка жена, лепа жена» (сербск.) – «Милая женщина, красивая женщина».

Там оставался Петербург, царственный город с гранитными берегами, с концертами в Павловске¹⁵, с поездками на Острова. А здесь был Белград. Правда, и тут существовала главная улица. По ней постукивал и звонил коренастый трамвайчик, с остановками почти что на каждом углу. Говорили, что остановки размещаются близ домов власть имущих лиц, и коль скоро лицо сменят, остановка будет упразднена. По сторонам росли платаны, образуя тень над всей мостовой. Прохожие укрывались от полдневного жара под полосатыми, похожими на пижамы, тентами, которые были почти у каждого магазина выдвинуты на металлических прутах. Были тут выгнутые фонарные столбы, близко друг к другу поставленные посредине улицы, а кое-где выступали из фасадов электрические фонари на кованых крючках. Были и немощные поперечные улочки, уходящие в глухую зелень; были одноэтажные дома с выпирающими через пол-тротуара входными ступеньками, деревянные вывески и тысячи грачей на каштанах и тополях.

Повсюду можно было видеть пивные и шашлычные заведения, разные лавчонки, духаны и шинки, иногда просто с углублениями без стекол, вместо витрины, где действовала жаровня или же сидел сам хозяин рядом со своими товарами, скрестив ноги и держа чубук в зубах. А чего только не было по длинным окраинам, не тронутым еще надвинувшейся вплотную Европой! В мастерских, не лишенных уюта, ремесленники делали свое дело, ругаясь или подпевая товарищу: шили обувь, взбивали пух, чеканили ковшики и браслетки, сшивали тулупы и седла. Отец видел однажды, как закройщик гладил какие-то полотнища ногой, надевая на ступни один за другим разогреваемые плоские утюжки и ездя по материалу, как по паркету. Тут же вили веревки, пекли слоеный и сальный «бурек»* с проверченным мясом, продавали ярмарочные кренделя или сусляные тянучки — бело-красные маленькие спирали, напоминавшие условную приманку над старыми цирюльнями. Перед булочными стояли прилавки с пылящимися хлебами, фруктовые тары, растопочные лучины, связанные проволокой в колесо, валялись веники. Посреди улицы продавали семечки и бузу, выкрикивали названия товаров. Кое-кто спал на траве.

Надписи на вывесках, или же просто на штукатурке, нередко бывали выведены неумело, так сказать, от руки. Для безграмотных многое пояснялось натурально: над одним магазином была выставлена на шесте позеленевшая шляпа, над другим висели кнуты или болтался клочок шер-

* *Бурек* (сербск.) — слоеный пирог (национальное кушанье сербов).

сти — в знак, что здесь находится прядильня, а приходилось видеть над дверью даже приделанную бычачью голову, настоящую, по-видимому, набальзамированную. Кофейни и кабаки назывались своеобразно: «Три мужика», «Три шляпы», «Два оленя», «Семь извозчиков», «Два пня». При кофейнях имелись прохладные садики, в которых остроусые белградцы просиживали часами, споря о политике, кушая крепко и жирно, под расхлябанную музыку пары цыган. Несмотря на все сказанное, одна из главных улиц называлась «Князя Милоша Великого», и тогдашний престарелый король был удостоен титула Петра Великого, Освободителя. Сербский Петр не отставал от русского Петра, рубившего окно. Он ведь тоже прорубал своего рода югославское окно.

У большинства частных домиков были глубокие задние сады, полные левкоев, желтофиоли, сирени, гиацинтов и сорных трав, с колодцами или насосиками. За частными домами опять шли ряды мелочных лавок и лабазов. Перед пекарней восседал стотридцатикилограммовый пекарь, с орденом Св. Саввы на грязном фартуке. А перед складом старьевщика сидели за столом хозяин и покупатель, в виду имеющего скоро состояться сговора, играли в домино, пока проходивший мимо старик кричал отчаянным голосом, что ставит клепки. Через поломанный забор родители видели однажды, как важный человек в феске сидит под раскидистым деревом, а женщина, очевидно, жена, моет ему ноги в огромном тазу.

На белградских базарах царили сутолока и нечистота, разбросаны были овощи, вышкварки и мусор. Уныло стояли волы, вкось привязанные к своим дышлам. Продавцы заманивали покупателей веселыми прибаутками и присловьями («Вали, приваливай, крещеный народ, такого перца в Нью-Йорке не найдешь!»); ссорились из-за подмеченного плутовства или зажуленных магарычей, развлекались фантастической руганью, иногда с такими затеями и отделками, каких не может себе представить недостаточно просвещенный человек. Огурцы и картошку отмеривали на безменах, чеснок продавали внушительными связками, а кочаны капусты и арбузы бывали иногда навалены в уровень крыш. Тут же прогуливались цыганки с детскими игрушками: одна показывала, как на тонкой резинке скачет бумажный комок, набитый опилками, а другая размахивала вертушкой перед носами прохожих. Крестьянки расхваливали простоквашу, брынзу и цветы.

Занятна была картина, когда молодой регент Александр, носатый и в пенсне, прогуливался по городу. Он ездил в коляске, украшенной гирляндами, а перед его лошадьми перебежали дорогу собаки и мальчишки, тогда как любопытные парни постарше, желавшие рассмотреть регента,

влезали на ветки деревьев, мимо которых он проезжал. Поскольку поездка совершалась по собственным делам, а не для публики, Александр катался на автомобиле, похожем не то на полевую кухню, не то на паровоз Стефенсона, с исполинским грушеобразным рожком вне кузова.

После обеда на утопанных загородных полянках или на тех же базарных площадях, все еще покрытых шелухой и воловьим пометом, устраивали народные увеселения. Хоровод семенял и подпрыгивал, выколачивая из почвы пыль. Однажды играл на гармонии хлопец в одних штанах, без рубахи, но зато вокруг его шеи был безукоризненно завязан пунцовый галстук. Галстук зацеплялся за волохатую грудь, и в перерывах игры владелец поправлял его элегантно, достойным английского лорда. В хороводе рядом танцевали мужики в меховых шапках, солдаты, слуги и босяки.

Скромные сербские дома, которые начала посещать моя чета, в большинстве случаев отличались щемящей чистотой, а убранство комнат было у всех трафаретное. В помещениях, выбеленных просто, в лучшем случае — с чертой, проведенной под потолком, стояла более чем обыкновенная мебель. Так рисуют обстановку, когда хотят абстрагировать ее до самого голого понятия. На квадратных столах, иногда даже и на стульях, напоминающих прямоугольники из учебных книжек, над кухонными плитами и рукомойниками, и вообще везде, где глаз хозяйки требовал восполнения пустоты (*hoggor vacui*), красовались безукоризненно выутюженные домашние рукоделия: букет синих роз, или девушка, протягивающая безбровым мужчинам ковш с водой, которая уже льется; или же радостная кухарка размешивает еду на печи. У супругов бывали обязательные двуспальные кровати, часто с одной длинной поперечной подушкой-колбасой (символ брачной сплоченности) и с массой других подушек, лохматых, рытых, шелковых или кружевных. Над кроватями висели выцветшие фотографии со свадьбы, икона святого — покровителя мужниной семьи, иногда кустарно раскрашенный вид Белграда, Ниша или Врнячка-Бани¹⁶, маркиз с маркизой, ужасающие турки... На бельевых шкафах и на поставках стояли маринады, приготовленные в запас варенья или же просто сырые яблоки и айва, чтобы в комнате пахло повкуснее. Хозяйка расставляла графины и рюмки в наивной симметрии на каком-нибудь комод, тогда как уголок мужа бывал представлен старинным ружьем, эпическим пистолетом или двумя скрещенными кинжалами.

Стоило переехать через Саву на косотрубом пароходике, в городишко Земун, начавший теперь играть роль белградского предместья, и путешественник попадал в иное царство. Тут были длиннющие улицы, как

проселочные дороги, неприглядные и вымершие, с однотонной повторностью наглухо запертых домов бледно-земляничного или бледно-резедового цвета. Посреди улиц шагали стаи гусей, а проходили и местные жительницы в платьях среднеевропейского покроя с конца прошлого века. На дымовых трубах гнездились аисты, которых никогда не видели в Белграде. Аисты принадлежали, так сказать, к австро-венгерским традициям. Мужчины с котелками на головах выпивали, но не ругались, и чинно ходили в католическую церковь. Здесь продавали пирожные, несравнимо лучше белградских: из-за одних пирожных белградцы предпринимали странствия в Земун.

Вначале не было интересных знакомств, и мои родители, в особенности мать, с нетерпением ожидали переведения по службе прокурора с женой и приезда умного преподавателя. В их невзрачной меблированной комнатке стояло два старых стула; спинки были так черны, словно их воронили. Хозяйкой жилища оказалась старая дева, лежавшая до полудня на кушетке и жевавшая халву. У новых жильцов ее раздражало и возмущало незнание языка.

«Я же говорю тебе толково, — кричала она на мою мать. — На таван* иди, на таван, только захвати с собой катанац** и там развешивай твой веш***!»

«Ю, дьявола****! Таван!» — горланила она еще громче, считая, что лишь глухотой возможно объяснить невосприятие сербских слов.

Один раз кто-то залез через световое окошко на злосчастный таван, то есть на чердак, и украл каким-то образом отцовскую бурку, которую отец приобрел еще в Новороссийске. Я была уже совершеннолетней, а он все еще горевал по своей бурке.

Отец не сразу устроился в Белграде. Его послали за городок Голубац¹⁷, туда, где начинается знаменитое ущелье Дуная, в котором ныне возведена гигантская гидроэлектрическая станция¹⁸. В те далекие времена они там вместе с другими инженерами и рабочими нивелировали почву и трассировали дорогу по высокому берегу. Прибыв в Голубац, отец написал матери: «Прибыли-с в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов****. Пока остановился в отеле, шикарнейшее заведение в городе-селе.

* *Таван* (сербск.) — чердак.

** *Катанац* (сербск.) — висячий замок.

*** *Веш* (сербск.) — белье.

**** *Ђаво* (сербск.) — дьявол, черт... Здесь: «*Ју, ђавола!*» — «У, черт!».

***** Отец автора воспоминаний использовал цитату из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Плачу шесть динар в день за мышеловку с кроватью и вешалкой (очевидно, чтобы было на чем повеситься с тоски). Больше нет ничего, даже стула нет, да его и негде было бы поставить. Щель под дверью такая, что можно выйти из комнаты, не открывая двери».

А мать писала в ответ: «<...> Подумай, я тут начала давать уроки французского, чтобы улучшить карманные дела».

Следует письмо отца: «Вечерами сидим в небольшом парке на берегу Дуная, виды красивые. Но лучше всего на работах – это ежедневный пикник у подошвы диких скал, просто ряд декораций к “Гибели богов”¹⁹. Я не очень доволен ходом работ и, главное, системой работ: бестолково, безграмотно – даже русские иногда работают лучше, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и я со своими предложениями не лезу. Зато рабочие здесь золото, они проникнуты сознанием пользы этого дела. Да и есть чем проникаться, ибо между городком Голубац и “Брынницей” и Доброй, куда мы изыскиваем путь, нет, можно сказать, даже пешего сообщения, а только по Дунаю ладьей, да и то не всегда, так как в теснине весьма часты сильные ветры... Недавно мне один рабочий принес с гор цветущую сирень, поразительно душистую. Когда я высказал удивление и сказал, что у нас в России сирень цветет в апреле и мае, он мне объяснил, что здесь происходит то же самое, но что это случайные осенние цветы, которые перед зимней смертью еще раз дают немного цвета и сильно пахнут. Не правда ли, как поэтично? В горах иногда встречаешь каких-то черномазых девушек, прыгающих по опасным камням с невероятной ловкостью и приветствующих нас на странном языке. Оказывается, это валашки (румынки), живущие здесь между сербами...».

Пока стояла приятная осень, они списывались о том, чтобы мать приехала к отцу в гости в Голубац.

«Тяжело, “врло тешко”*. Необходимо утром идти восемь километров на работу, а вечером возвращаться столько же. Дорога в горах вдоль Дуная такова, что вертикально мы ходим три версты, а ползя на правом боку туда, или на левом обратно, пять верст по склону. Посмотреть есть тут на что, и тебе, конечно, доставило бы удовольствие взглянуть на вход в Дунайскую теснину, но я полагаю, что ты не пролезешь по этой тропинке, ибо даже здешние уроженцы неодобрительно отзываются о данной стезе. Если все-таки хочешь полюбоваться красотой, приезжай на следующих незыблемых условиях. Выезд из Белграда в семь часов вечера, билет первого класса стоит 27.50 динар. Необходимо выспаться

* *Врло тешко* (сербск.) – очень тяжело.

на пароходе, так что сейчас же по отходе его нужно у контролера купить за пять динар спальное место. В пять утра ты приезжаешь в Голубац, и я тебя не встречаю. Не обижайся, родная, но я устаю, как собака, и выйти в половине пятого перед целым днем работы нет никакой возможности. Ты на пристани спроси, как пройти в Голубац на “трѣг”^{*} – это версты две. На “трѣге” есть кафана, против дома со статуей селяка с косой на крыше. В этой кафане ты спросишь про инженеров, “кои” промеряют путь. Ты пойдешь с нами по непроходимой, но очень красивой тропинке, просидишь весь день около работ, закусишь с нами и попьешь воды из “чесмы”^{**}, а в шесть вечера вернешься с нами в Голубац. Придется просить какого-нибудь селяка дать тебе переночевать... Ботинки надо взять для острых камней и платье для ползания на боку. Приезжать необходимо только в абсолютно хорошую погоду и не после дождя. Пролезть к теснине во время и после дождя совершенно нельзя, тропа ведет на 20–50 саженей над водой, по крутому каменному склону, да еще высечена в скале. Кроме этого пути, действительно редкого по красоте, здесь ничего больше нет. Бинокля брать не надо, а лорнет можно. Возьми и простыню для твоего спанья. Кажется, все разжевал. Целую тебя, и молись, чтобы погода была все время хорошая».

Потом отца зачем-то послали в Шабац, и он оттуда писал в январе 1921-го года: «<...> Размах работ здесь куриный, дело продвигается со скоростью одной минуты в час... Сплю совершенно ни, и заедают (тут очень мелкими буквами написано) клопы».

Воспитанник Куропаткина²⁰ не считал приличным ставить слова «голый» и «клоп» в письме к собственной жене.

А мать ему в ответ: «Я купила новые матрасы, хозяйкины полны клопов («клопы» – обыкновенным шрифтом), и приобрела примус. Вот мешанство-то начала разводить».

На первой инженерной службе в Белграде у отца бывали нелады с начальством. Платили неаккуратно, подчас шиканировали^{***}, выказывали недоверие к его познаниям, приобретенным Бог весть где, в каких-то там неизвестных школах. Мать начала давать уроки музыки по домам. В одной семье, где девицы играли на рояле жеманно, с прицелом на венец, пропало однажды пятнадцатидинарное ожерелье из бляшек. Мать была

^{*} *Трѣг* (сербск.) – площадь.

^{**} *Чесма* (сербск.) – источник, ключ, родник; колонка (водопроводная).

^{***} Автор употребил сербизм: *шиканирати* (сербск.) – придирааться, причинять неприятности.

спрошена – не положила ли она его себе в сумку? На другой день туда явился отец, и на прытком сербском языке, которому он к этому случаю накануне особо подучился, накричал замечательно. Мать перестала ходить туда.

Однако они сравнительно очень скоро поправили и свои общественные позиции, и свои денежные дела. Летом 1921-го года мой отец даже послал мать как туристку одну в Словению. Так началось наше семейное обожание этой страны. Я считаю это первое путешествие самым отважным, самым передовым шагом всей их эмигрантской жизни. Откуда взялась такая бойкость, когда еще почти никто из югославов ни в какие летние странствия не пускался, когда соединившиеся в одном Королевстве народы и не знали толком своих новых соотечественников и их краев! <...>

В тот год она была знакома с Королевством СХС, вероятно, лучше, чем кто-либо из старых белградцев.

Когда прокурор перебрался в Белград, стали часто бывать друг у друга в гостях. Его жену моя мать начала учить мелким женским хитростям. А именно, несчастная жаловалась матери, доверчиво и с удивительными подробностями, что муж слишком уж редко стал ласкать. Моя мать заставила ее попробовать учиться пению, шить пестрые платья, а не только серые, менять прическу. Озарившаяся жена начала было входить во вкус, но муж, по-видимому, пригаркнул, или даже прибил, хотя она об этом и не распространялась. Платья вскоре опять пошли исключительно серые, на затылке воцарилась скромная дулька, и всякое пение прекратилось. Затем прокурор чем-то заболел и слег, попал даже в больницу. Его жена простаивала под окнами больничной палаты с шести утра до десяти вечера, словно преданная собака, без всякой пользы и нужды.

Родители немало удивились, когда вместе с поклонником-преподавателем, приехавшим в Белград, пришел к ним в гости и хохлатый социалист. Оба стали приводить своих жен (о которых так было мало речи в Куманове, про которых мужья попросту забывали), так что теперь сидели вшестером, едва помещаясь в убогой комнатушке. Двое сидело на вороненых стульях, четверо на кровати. Впрочем, родители их почти и не считали за гостей. Потребности в смысле трапезы и комфорта были в силу обстоятельств очень сокращены, но беседы шли оживленные. В них участвовали, конечно, только мои родители и сербские мужчины. Сербские жены, во-первых, не знали французского языка, – хотя к тому времени отец с матерью уже начинали говорить по-сербски, – во-вторых,

считалось не принятым, чтобы женщины вмешивались в дело не своего ума. Они лишь изредка обменивались тихими советами о способах соления капусты или о синьке для белья.

Преподаватель задирали социалиста и навел на рассказы (а тот был охотником порисоваться и покуражиться) о том, чем, в сущности, опровергалась потребность политики страны и, тем самым, опровергалось его собственное мировоззрение. Лишь много позже родители поняли, что этот социалист был политическим фигляром, он занимался только математикой и переводами с иностранных языков. Настоящие левые – карьеристы и истинные идеалисты – вызревали тогда далеко от русских эмигрантов и вообще вдали от всех.

– Наш Милан бывал во дворце, – притворно расхваливал своего друга преподаватель. – Он был замечен самим королем. Расскажи-ка, очень интересно!

– Это когда я кричал под дворцом? – скромничал Милан.

– Бывал ты, мой милый, и под дворцом, и внутри дворца, и кушал там, и слушал там.

– Устраивали мы демонстрацию под королевскими окнами. Я шел впереди с красным флагом. – Рассказчик показал, как он нес флаг. Показывать пришлось с частыми поворотами от одной стены к другой. – Старый Петр смотрел с балкона. А я как крикну: «Долой монархию!». – Он заулыбался.

– Храбрость не велика, под Петром нам все было позволено кричать. Не очень велеречиво ты нас просвещаешь в левизне. Не забудь сказать, что он вам ответил с балкона.

– Конечно, скажу. Я только в принципе против монархии, а Петра я всегда уважал, иначе бы и не говорил о нем. Петр крикнул нам: «Браво, детушки, так и нужно! И я был таким же мечтателем в ваши годы». Тогда один из демонстрантов закричал ему в ответ: «Долой монархию! Да здравствует король Петр!»*.

– И уж как будто только Петр хорош, а всех остальных перевешать надо, – возразил преподаватель. – Разве Пашич не демократ?

* Этот, рассказанный «социалистом», случай имеет подтверждение и в историографии. Известный бытописатель Белграда Милан Йованович-Стоимирович зафиксировал, как «однажды старый король Петр, глядя из углового окна дворца на колонну демонстрантов, приветствовал их улыбкой и взмахами руки, поскольку и сам был когда-то социалистом... Такое поведение сделало его весьма популярным в рабочей среде» (*Йовановић-Стојимировић М. Прославе Првог маја // Исти. Силујете старог Београда*, 2008. С. 602).

– С Пашичем как-то подозрительно, воздержусь. – Социалист откинул волосы и стал пить чай из кастрюлечки: хозяева жили на барскую ногу, на всех не хватало чашек.

– Знаете, – молвил преподаватель, – Пашич прогуливался однажды с кем-то по улице, а какой-то хулиган, узнав его, рывкнул ему прямо в лицо: «Долой Пашича! – Он тогда обратился к своему спутнику: «Вы слышали, что он сказал? Ну так знайте: я счастлив, я горжусь тем, что я привел свой народ к такой свободе, когда простой детина не боится крикнуть премьер-министру в лицо: “Долой!”».

– Я был очень левым еще в гимназии, – невозмутимо продолжал социалист свой рассказ после того, как обтер губы наодеколенным платочком. – Я уже тогда публиковал статьи в республиканской газете («Выходила республиканская газета, заметьте», – подмигнул другой гость). Да, выходила, почему бы ей не выходить? Еще бы не хватало, чтоб ее запретили! Один раз десять лучших учеников нашей гимназии было приглашено во дворец на закуску и на разговор. Уж как-то так случилось, что и я попал в их число. Там нас ожидали богатые яства (Другой гость: «У президентов республик никогда не бывает яств, имейте это в виду; там всегда аскетически скромно»). Ели мы больше часа, а Петр все ходил, да любовался, да потчевал.

Потом он разговаривал с каждым по отдельности.

– А вас как зовут? – спросил он меня.

– Милан М., ваше величество.

– А, знаю, это вы писали в левой газете! Вы, кажется, социалист по своим убеждениям!

– Да.

– Социализм – хорошее дело. Это дело будущего. Наша задача – сократить то время, которое отделяет нас от него. Вы что, марксист?

– Да, ваше величество.

– Противник монархического строя?

– Так точно, ваше величество.

– Вы мне нравитесь. Если вас посадят под арест, попросите доложить мне, я как-нибудь постараюсь вас вызволить.

– Ваше величество! Я хочу пробиваться собственными силами через жизнь и через все ее препятствия. И если ваши честолубцы и подлизы запрут меня, я не стану вас беспокоить.

– Ладно, ладно, я вам только на всякий случай говорю, может понадобится и моя помощь.

Нет, господа, я Петра уважаю. Он потом обратился ко всем нам: «Дети, не забывайте, что за свободу этой страны пали бесчисленные жертвы. Такую дорогую свободу необходимо беречь. И если кому-нибудь вздумается посягнуть на нее, — гибните, молодежь! Погибайте все до последнего! Пусть тысячи вас погибнут, — миллионы более счастливых придут за вами. А если же кто-нибудь только посмеет поднять руку на вашу свободу, — отсеките ее немедленно, будь то вот даже эта моя, собственная рука».

— Я не понимаю ваших взглядов, — сказал отец. — Страной теперь будет править сын такого удивительного короля. Почему же вы в оппозиции?

— Он и сам не понимает, прости его Господи, — заметил другой гость.

— Дело не в Петре и не в его сыне. Дело в отжившей свой век идее монархизма. По нынешним временам культурному человеку стыдно быть монархистом, теперь не Средние века. Петр был хороший парень; его сын, кажется, хуже.

Моя мать с отцом долго думали — какое бы определение дать стране, где заподозривают в краже жестяной безделушки, где жены моют ноги мужьям, и где в то же самое время всем правительством, всем войском и всем народом уходят в эмиграцию, чтобы не сдать врагу. Примитивизм ли это, сочетающийся с усиленной ксенофобией? Но ведь русских приняли сердечно, народ, видимо, участливый. Родители не сразу находили правильные формулировки, многое думали <...>. Гораздо позже моя мать заметила: «Необыкновенные эти сербы. Мелкие в мелком, великие в великом».

Потом, когда политические свободы начали в некоторых отношениях действительно притупляться, пышноволосяй оратор стал приходить к ним все чаще, и сживал все дольше. Он приносил им подарки — то новый стул, то блюдечки, то сербский словарь. Мои родители начали подозревать, что он просто скрывается перед полицией в конуре у белых эмигрантов, где было для него вполне надежно. Рассказы и пересказы его были по-прежнему заняты, и в большинстве случаев — анекдотического характера.

— У меня есть товарищ, конхиолог, — начал однажды гость.

— Простите, что ваш товарищ?

— Конхиолог.

— Родной, что такое конхиолог? — спросила мать у отца.

— Не знаю.

Гость важно затянулся из папиросы:

– Это ученый, занимающийся ракушками. Но не в этом дело. Однажды он пошел в ресторан и получил там очень вкусное блюдо: из кишок. Он попросил рецепт, и хозяин ресторана любезно разъяснил ему способ изготовления. Мой товарищ купил кишки, вымыл их, приготовил, строго придерживаясь рецепта. Получилось невкусно. Тогда он снова пошел в ресторан, за объяснениями.

– Делали так и так?

– Делал.

– А потом так и так?

– Ну да.

– В чем же расхождение? Даже интересно. Мыли вы кишки?

– Еще бы, конечно мыл.

– Хорошо мыли?

– Очень даже, почему вы спрашиваете?

– Теперь я понимаю. Вы их слишком промыли.

...Русских в Белграде было множество, но большинство находилось в ожидании, в передвижении и не бросало якоря. <...> В виду непреодолимого страха перед будущим, в белградских русских кругах происходило большое количество бракосочетаний. Так и Ксения, потерявшая первого мужа, скоро вышла замуж за пожилого господина из русского посольства (посольство продолжало быть царским). Помимо многочисленных русских комитетов, собраний, заседаний, союзов, столовых, закусочных заведений и бань, беженцы, понятно, встречались и по частным домам, скрепляя новые дружбы. Ночной жизни в эти первые послевоенные годы в Белграде не было, и если кто-нибудь поздно вечером бежал по пустынной улице, подгибая подол или стуча палкой, это почти наверное была русская душа <...>.

Однако время шло, и по Сербии стала понемногу распространяться русская культура, вносимая либо тем, что русские зарабатывали ею хлеб насущный, либо тем, что ею изливали свои таланты и восторги сердца <...>.

Маленькая опера наполнилась русскими певцами, у которых позже гласно или негласно учились молодые сербские поколения. Лиза Попова²¹ и Миша Каракаш²², бывшие товарищи моей матери по консерватории, незабываемые Татьяна и Онегин (а они были любящей друг друга супружеской парой), положили начало хорошо развившемуся впоследствии оперному искусству. Кто из старых белградцев не слушал с обожанием Попову и Каракаша?! Начиналась и здесь оперная психопатия, ликование с верхних ярусов, выстаивание в очередях перед кассой, меценатство.

Александр и его полненькая жена в широких юбках, бывшая румынская принцесса Мариола, ныне Мария²³, полюбили ездить в оперу и очень благожелательно относились к русскому искусству. Один раз Александр пришел на «Русалку». Началось представление, и он разочарованно стал оборачиваться и перешептываться с адъютантом. Оказалось, что он попал на «Русалку» Дворжака²⁴, а хотел послушать «Русалку» Даргомыжского²⁵, о которой читал перед этим.

Бывший русский ученик Александр²⁶ явно симпатизировал и покровительствовал русской эмиграции. Этого эмигранты не забывали, слух о нем распространялся: и по прошествии многих десятков лет от его смерти, в странах, лежащих за тысячи верст, у семейств, которые никогда не бывали в Югославии, можно было видеть его фотографии на стене, среди портретов убиенных Романовых. Во дворе у Александра некоторое время воспитывался его племянник со стороны сестры, принц Всеволод Романов, которого думали сделать престолонаследником, поскольку у правящей четы не будет мужского потомства. Преимуществом Всеволода считалось то, что, помимо крови сербской династии Карагеоргиевичей и черногорской династии Петровичей, в его жилах текла кровь императоров всея Руси. Его имя уже было переделано на сербский лад: королевич Свевлад. Кое-кто говорил потом, что были неясные мечты о переделке имени и титула на старинный и великий лад всероссийский, что из маленького Белграда посматривали на будущий московский трон. Но когда об этом толковали, нас не звали, мы не знаем об этом ничего достоверного, и к тому же, наверное, это известно и без нас, и лучше, чем нам <...>.

Писатель Куприн²⁷ был один раз гостем короля. Подвыпивши, он уселся рядом с ним на диване, обнимая и похлопывая венценосца по плечу. Проспавшись в отеле, он стал от стыда и раскаяния рвать на себе волосы и тотчас же написал письмо секретарю Сербской академии наук, прося секретаря передать королю его извинение*.

Секретарь Академии наук, будущий ее многолетний президент, Александр Белич²⁸ (тезка двух сербских королей, окрещенный так в честь первого из них²⁹) принимал в своем радушном доме гастролиро-

* Этот инцидент произошел в 1928 г. во время съезда русских писателей в Белграде. Но он не повлиял на отношение Александра Карагеоргиевича к Куприну – вплоть до смерти венценосец слал «коробки папирос Александру Ивановичу, похвалившему его любимый табак» (*Куприна К.А.* Куприн – мой отец. М., 1971. С. 164)... Сам же писатель, по возвращении со съезда, опубликовал в эмигрантской печати серию очерков о Белграде и сербском народе.

вавших, а также и постоянно живших в Белграде русских артистов, певцов, пианистов, художников и прочих. Они тут и спали, и ели, и пели, и играли, некоторые влюблялись в его дочерей, особенно в миловидную старшую. Конечно, дела эти делались главным образом уже позже, не в те самые ранние годы. Мережковский³⁰ и Гиппиус³¹ сидели у него однажды всю ночь накануне Георгиева дня³² – своего рода национального праздника сербов. Под утро им объяснили, что, по сербскому обычаю, надо теперь ехать за город, встречать зарю, собирать цветы, плести венки, пить из родников. Они отправились на трамвай. Трамваи ходили в тот день с самого рассвета, разукрашенные ветками и пучками цветов. Усевшись, оба тотчас же заснули. Трамвай, совершивший круг через загородный парк, возвратил их в центр, и, когда они очнулись, одежда их, петлицы и волосы были разубраны весенней зеленью. В другой раз у президента несколько дней прожили известные оперные певцы «на первых ролях». Они вошли во вкус и тут же, в гостиную, симпровизировали чуть ли не половину оперы «Кармен», предназначив шкапам и портьерам изображать притон контрабандистов или севильскую площадь.

Два раза гастролировал Художественный театр³³, и мои родители побывали на всех представлениях. Перед их глазами прошли Книппер-Чехова³⁴ и Качалов³⁵, Масалитинов³⁶, Германова³⁷ и Скульская³⁸, Берсенева³⁹, Вера Греч⁴⁰ и Павлов⁴¹. Пронеслось неуловимое дыхание минувшей жизни, каким одно лишь искусство может порадовать человека, ничего не говоря прямыми словами, но утешая вконец. Качаловского Барона⁴² Белград не забыл, я слышала о нем живые отзывы даже после второй мировой войны. У сербских театралов имелась в запасе та же пылкость, то же благодарственное отношение к художнику, щедрость на обожание, как некогда у петербургских. После гастролы Анны Павловой⁴³ один белградский критик написал: «Это артистка, из-за которой стоит жить на свете и из-за которой можно почитать за счастье быть славянином».

Драматический театр здесь тоже любили, но пьесы шли еще пока более или менее старинно-сентиментальные или отчизнолюбивые. В одной из них, где, между прочим, изображался сельский пир честной, режиссер велел поджаривать за кулисами жирную кожуру, чтобы запах донесся до публики. Это происходило как раз в тот сезон, когда меня произвели на свет. Но необходимо сразу же подчеркнуть, что литературный, музыкальный и всякий иной духовный рост продвигался в Сербии исключительно быстро. Об этом свидетельствовали последовавшие тридцатые годы. Многие из русских оставались недоучками и любителями, в то время как сербы держали равнение на западноевропейский прогресс.

Прошло немного лет после первой войны, а известный белградский музыкальный критик уже писал: «Настал крайний срок, чтобы русские эмигранты начали удовлетворять потребностям нашей культурной среды; хватит дилетантизма, хватит стихийных взлетов, ими нас больше не удивить».

И моя мать внесла свой скромный вклад. В первый год их пребывания в Белграде, пока она еще преподавала в гимназии, перед тем как перевестись в музыкальное училище (пока и не знала сербского языка, но обязавшись выучить его в полгода), ее девочки пели на уроках русские песни. Чем же другим и могли они заниматься, не имея общего языка? Дети пели совершенно непонятное для них: «Во лузях» и заразительно хохотали, когда наталкивались на смешные для из слуха словосочетания. У молодой преподавательницы бывали иногда приступы такой тоски, такой нервной развинченности, что она начинала плакать тут же, посреди урока. Тогда встревоженные девочки выпархивали как облачко мотыльков из парт, бежали по направлению к кафедре и, нежно обнимая наставницу, принимались лепетать ей свои нечленораздельные утешения.

«Вы ведь подумайте, дорогая моя, — писала мать своей приятельнице, переехавшей из Петербурга в Гельсингфорс⁴⁴ (письма почему-то не были посланы, или возвратились, теперь они у меня), — что приходится делать! Преподавать по-сербски!!! <...> Впрочем, язык довольно архаичный, иногда напоминает церковный, говорят: “Млеко”*, “Хладный”**, “Длань”***; ребенка окликают: “Сыне мой” — сына, равно как и дочку, так как дочка в семье — это почти что несчастье, и в ней стараются видеть мальчика. А знаете, как я преподавала музыку в гимназии? Без рояля. Такая получилась глупость <...>.

Вообще мы сами себе сказали, что надо успокоиться. И это нам удается, главным образом благодаря наличию повседневной довольно тяжелой работы — умственной, да и физической. Я отчетливо чувствую на себе всю благодать труда. Ну каково бы мне теперь было, если бы я не была пригодна ни к какому ремеслу, если бы целыми днями сидела да думала, шелуша картошку к обеду, и еще бы сознавала, что вишу на шее у мужа! Наша жизнь — жизнь квалифицированных рабочих. Живем в одной комнате, по утрам муж топит печь, чтобы согреть чай, да и

* Млеко (сербск.) — молоко.

** Хладан, хладни (сербск.) — холодный, прохладный.

*** Длан (сербск.) — ладонь.

нас самих, потом мы уходим на наши службы, вечером сходимся и опять растапливаем, читаем и заваливаемся спать в девять часов. И в такой жизни есть что-то удовлетворяющее. Раз уж выпало на нашу долю пережить ужасы войны и революции и быть политическими эмигрантами, то так все-таки лучше. Муж определенно отдыхает от военных кошмаров и предается своему делу, которое, в конце концов, очень любит: водопроводное ведь дело одинаково во всякой почве. А я... я должна сознаться, что впервые после четырнадцатого года вспомнила, что есть на свете и радости, и иные интересы, кроме политики и вопросов пропитания. Вспомнила я, что я еще совсем молодая и славненькая, здесь даже в красавицы попала. Взяла да и сшила три платья и лакированные туфельки купила...

Женщины тут, правда, красивые, но немного иконописные, с византийскими лицами. Рабы мужей. У меня есть сослуживица, очень милая сербская дама. Так она, несмотря на строгость и резкость директора, почти каждое утро опаздывает на уроки и все извиняется. Знаете почему? Муж, видите ли, по утрам лежит в постели, и она должна каждое утро идти на базар за свежим мясом и подавать ему горячие котлетки в постель. Это его зарядка на день. А ее зарядка – сбегать на рынок, изжарить и, вдобавок, выслушать замечания директора... Времени здесь не умеют экономить: знать, много его. У нас между уроками приносят шашлык в преподавательский зал <...>».

Из коллекции А.Б. Арсеньева – Нови Сад, Сербия.

Оригинал (машинопись). С. 30–54.

Примечания

¹ Южная (или Новая) Сербия – обобщенное название новых территорий, присоединенных к Королевству Сербии в результате Балканских войн (1912–1913): Вардарской Македонии, Косово и Метохии, части Рашки (Новипазарского санджака).

² Вране – город в южной Сербии. Впервые в исторических источниках упоминается в 1093 г. В 1455–1878 гг. входил в состав Османской империи. По решению Берлинского конгресса (1878) Враньский округ, вместе с городом, был присоединен к Сербскому княжеству.

³ Шопен Фредерик (1810–1849) – польский композитор (автор фортепианных произведений) и пианист-виртуоз. Крупнейший представитель польского музыкального искусства.

⁴ Вронский Алексей Кириллович, граф – персонаж романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В финале, после гибели Анны, он уезжает добровольцем в Сербию для участия в Сербо-турецкой войне (1876). Прототипом Вронского явился полковник Н.Н. Раевский 3-й – внук легендарного бородинского героя, генерала от кавалерии Н.Н. Раевского 1-го.

⁵ Шабач – город в западной Сербии, на реке Сава. Центр области Мачва. В старых сербских летописях назывался Заслон.

⁶ Макензен Август фон (1849–1945) – германский генерал-фельдмаршал (1915). Командовал 9-й армией в ходе Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операций. В апреле–сентябре 1915 г. – командующий 11-й армией, совершившей Горлицкий прорыв. В октябре того же года возглавил германские, австро-венгерские и болгарские войска, сосредоточенные против Сербии. Всего под его началом было 14 германских и австро-венгерских (по Саве, Дунаю, Дрине) и 6 болгарских (по восточной границе Сербии) дивизий. 9 октября войска Макензена взяли Белград, а 10 ноября части 11-й армии, взяв Ниш, соединились с 1-й болгарской армией. В результате проведенной операции к началу декабря вся территория Сербии была оккупирована.

⁷ Речь идет о Милоше Обреновиче (1780–1860) – князе Сербии в 1815–1839 и 1858–1860 гг. и основателе династии Обреновичей (княжеская: 1815–1842 и 1858–1882; королевская: 1882–1903).

⁸ Центральные силы (или Центральные державы) – военно-политический блок государств, противостоявших государствам Антанты в Первой мировой войне. Предшественником блока был Тройственный союз, образованный в 1879–1882 гг. в результате соглашений, заключенных между Германией, Австро-Венгрией и Италией... В начале Первой мировой войны Италия объявила о своем нейтралитете, а в апреле 1915 вышла из Тройственного союза и вступила в войну на стороне его противников. Османская империя и Болгария присоединились к Германии и Австро-Венгрии уже в ходе войны. Османская империя вступила в войну в октябре 1914 г., а Болгария – в октябре 1915-го.

⁹ Салоникский фронт – фронт боевых действий, возникший в октябре–ноябре 1915 г. под командованием французского генерала М. Сарайля. С июня 1918 г. Салоникский фронт возглавил французский генерал Л.Ф. Франше д'Эспре. Решительный перелом в положении на фронте наступил в сентябре 1918 г. Болгарские войска и 11-я германская армия были разбиты, и 29 сентября Болгария капитулировала. Начался разгром австро-германской коалиции.

¹⁰ Речь идет о Михаиле Обреновиче – сыне Милоша.

¹¹ Кончак – половецкий хан (донских и приднепровских половцев – правил в 1170–1203); сын хана Атрака (Отрока), внук Шарукана. Политика Кончака характеризовалась как набегами на Киев и Переяславль, так и вмешательством в

междоусобные распри русских князей, привлекавших на свою сторону военную силу половцев. В 1185 г. на реке Каяле он разбил новгород-северского князя Игоря Святославича – битва описана в «Слове о полку Игореве». Пытаясь достичь союза с Игорем, в 1187 г. добился женитьбы находившегося в половецком плену его сына, Владимира Игоревича, на своей дочери Свободе Кончаковне (при переходе в православие крещенной под именем Настасья). При этом он не отказался от враждебной политики в отношении киевских и черниговских князей (исключая Игоря Святославича и его родичей). После его смерти (1203) ханскую власть унаследовал его сын Юрий Кончакович... Кончак – персонаж оперы А.П. Бородина «Князь Игорь».

¹² Кватроченто, также Кваттроченто (от итал. *Quattrocento* – четыреста; сокращенное от *mille quattrocento* – тысяча четыреста) – общепринятое обозначение эпохи итальянского искусства XV в., соотносимой с периодом раннего итальянского Возрождения. Мировоззренческие принципы и тенденции эпохи кватроченто оказали несомненное влияние на искусство последующих веков: от классицизма и романтизма до определенной направленности в развитии культуры вообще – так называемого академизма. Она характеризуется расцветом архитектуры, живописи и скульптуры. В этот период в Италии работала плеяда выдающихся мастеров, среди них: архитектор Брунеллески, скульптор Донателло, художники Боттичелли, Мазаччо, Пентуриккио, Перуджино. В XV в. начали работать Рафаэль и Микельанджело, творил Леонардо да Винчи.

¹³ Чиквиченто, также Чинквиченто (от итал. *Cinquecento* – пятьсот; сокращенное от *mille cinquecento* – тысяча пятьсот) – итальянское название XVI века. Историками искусства и культуры оно используется для обозначения определенного периода в развитии итальянского искусства Возрождения – конца Высокого Возрождения и Позднего Возрождения. В это время работали величайшие мастера: Леонардо да Винчи, Микельанджело, Рафаэль Санти и Тициан, при жизни прозванные современниками «божественными»; а также Веронезе и Тинторетто, чье творчество относится к Позднему Возрождению, заключительному этапу в истории итальянского Ренессанса.

¹⁴ Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) – официальное название государства, возникшего 1 декабря 1918 г. в результате объединения югославянских территорий Австро-Венгрии (Словения, Хорватия и Славония, Далмация, Босния и Герцеговина, Воеводина) с независимыми королевствами Сербией и Черногорией. Во главе Королевства СХС стояла сербская династия Карагеоргиевичей. В 1929 г. оно было переименовано в Королевство Югославия.

¹⁵ Павловск – дворцово-парковый ансамбль конца XVIII – начала XIX в., расположенный в городе Павловске – пригороде Санкт-Петербурга. Ядром двор-

цово-паркового комплекса является Павловский дворец (заложен в 1782 г.) – летняя резиденция императора Павла I. Весь ансамбль формировался около 50 лет – с участием архитекторов и оформителей Ч. Камерона, В. Бренны, Д. Кваренги, А. Воронихина, К. Росси.

¹⁶ Врнячка Бани – город в юго-восточной Сербии; туристический центр и бальнеологический курорт (сербск. – *бања*). Расположен в долине реки Банска – правого притока Западной Моравы. Следы материальной культуры свидетельствуют о том, что местными минеральными источниками пользовались еще древние римляне. Один из них – Fons Romanus – стал символом Врнячкой Бани.

¹⁷ Голубац – город в восточной Сербии. Известен по одноименной крепости, сохранившейся до сих пор. Крепость Голубац – средневековое венгерское крепостное сооружение, построенное в XIV в. на берегу Дуная – вблизи Железных ворот, между сербскими городами Голубац и Кладово. Самым драматичным периодом в истории крепости был XV в., когда венгерский король доверил управление ею сербским деспотам Лазаревичам и Бранковичам. В 1427 г. Голубац захватил султан Мурад II.

¹⁸ Имеется в виду Джердап I (Железные ворота I) – гидроэлектростанция на Дунае на границе Сербии и Румынии – в сужении Железные ворота, в 943 км от устья. ГЭС находится в совместной собственности Сербии и Румынии (каждой стороне принадлежит половина мощности и выработки станции). Джердап I – самая крупная ГЭС на Дунае и одна из мощнейших в Европе. Строилась в 1964–1972 гг. при активном техническом содействии СССР.

¹⁹ «Гибель богов» (или «Сумерки богов») – опера Рихарда Вагнера, завершающая тетралогия «Кольцо Нибелунга». Либретто к опере (и ко всему циклу) написано самим Вагнером в Цюрихе в 1849–1852 гг., музыка была создана в Мюнхене в 1871–1874 гг. Впервые опера поставлена на I-м Байройтском фестивале 17 августа 1876 г.

²⁰ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – военный и государственный деятель; генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902). С 1899 г. – военный министр России. С 1904 г. – командующий Маньчжурской армией, затем – главнокомандующий русскими войсками на Дальнем Востоке. После поражения под Мукденом (февраль 1905 г.) смещен с поста главнокомандующего и назначен командующим I-й армией. Во время Первой мировой войны командовал 5-й армией Северного фронта. В 1917–1925 гг. проживал в своем имении в Псковской губернии, преподавал в средней школе... Отец автора воспоминаний, Г.Г. Грицкат, в детстве был очень дружен с сыном А.Н. Куропаткина и фактически воспитывался в его семье.

²¹ Попова Елизавета Ивановна (1889–?) – оперная певица.

²² Каракаш Михаил Иванович (1887–1937) – лирический баритон. В 1908–1910 гг. учился в С.-Петербургской консерватории у Станислава Габеля. В 1911–1918 гг. – солист Мариинского театра; дебютировал в роли Онегина. В 1921 г. с женой, Е.И. Поповой, выехал за границу. Гастролировал в Италии, Испании, Франции. До начала 30-х гг. пел в Белграде и Русской опере в Париже.

²³ Карагеоргиевич Мария (1900–1961) – дочь румынского короля Фердинанда Гогенцоллерна и королевы Марии. В 1922 г. вышла замуж за Александра Карагеоргиевича, которому родила трех сыновей – Петра (в 1934–1944 гг. король Петр II), Томислава и Андрея.

²⁴ Дворжак Антонин Леопольд (1841–1904) – знаменитый чешский композитор; автор оперы «Русалка». В его сочинениях широко используются мотивы и элементы народной музыки Богемии и Моравии.

²⁵ Даргомыжский Александр Сергеевич (1813–1869) – выдающийся русский композитор, чьи сочинения оказали заметное влияние на русское музыкальное искусство XIX в. Один из наиболее заметных композиторов между творчеством М.И. Глинки и «Могучей кучки»; основоположник реалистического направления в русской музыке. Оперу «Русалка» (по одноименной поэме А.С. Пушкина) Даргомыжский написал в 1855 г.

²⁶См. примеч. 14 к донесениям Б.Н. Евреинова в МИД.

²⁷ Куприн Александр Иванович (1870–1938) – русский писатель. После окончания в 1890 г. Александровского военного училища четыре года служил подпоручиком в пехотном полку. Выйдя в отставку, стал профессиональным литератором. Автор знаменитой повести «Поединок» (1905), других значительных произведений («Юнкера», «Олеся», «Река жизни», «Гранатовый браслет», «Гамбринус»). Его проза стала заметным явлением в русской литературе начала XX в. В 1919 г. эмигрировал во Францию, в 1937 г. вернулся на родину.

²⁸ Белич Александр (1876–1960) – сербский (югославский) ученый-филолог, академик (1906); ректор Белградского университета (1933–1934), президент Сербской академии наук и искусств (1937–1960). Изучение филологии начал в Великой школе (Белград), продолжил в Новороссийском (Одесса) и Московском университетах. По окончании обучения получил предложение работать на филологическом факультете МУ, но в 1899 г. вернулся в Белград, став доцентом Великой школы. С 1906 г. – профессор Белградского университета (образован в 1905 г. на базе Великой школы). В 1905 г. основал журнал «Сербский диалектологический сборник», выходивший под его редакцией более полувека... Создал знаменитую лингвистическую школу, в которую входила и И.Г. Грицкат-Радулович. Почетный доктор МГУ им. М.В. Ломоносова.

²⁹ Т. е. Александра Обреновича (1875–1903) – короля Сербии в 1888–1903 гг.

³⁰ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – русский писатель, поэт, критик, историк, религиозный философ. Муж поэтессы Зинаиды Гиппиус. Яркий представитель Серебряного века, вошел в историю как один из основателей символизма; основоположник нового для русской литературы жанра историко-философского романа. Начиная с 1914 г. (когда его кандидатуру выдвинул академик Н.А. Котляревский) неоднократно претендовал на соискание Нобелевской премии; был близок к ней в 1933 г., но лауреатом тогда стал И.А. Бунин.

³¹ Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – русская писательница и поэтесса, беллетрист, драматург и литературный критик. Одна из видных представительниц Серебряного века. Идеолог символизма. Супруга Д.С. Мережковского.

³² *Бурђевдан* (сербск.) – день Св. Георгия, праздник южных славян, сербов. Отмечается 23 апреля (6 мая). Многие сербы в этот день празднуют славу. Празднование дня Св. Георгия связано с началом весны.

³³ В 1919 г. одна часть Московского Художественного театра (так называемая «Качаловская группа»), находясь на гастролях, оказалась отрезанной армией А.И. Деникина, взявшей Харьков. После выступлений в Харькове, Одессе, Екатеринодаре, Тифлисе, Батуме «Качаловская группа» «Вишневым садом» открыла гастролы в Софии (20 октября 1920 г.). В январе 1921 г. выступления продолжились в Белграде, Загребе, Любляне, Праге. В 1922 г. группа вернулась в Россию. В 1922–1924 гг. МХТ находился на гастролях в Европе и Америке.

³⁴ Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – русская, советская актриса; народная артистка СССР (1937). Жена А.П. Чехова.

³⁵ Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – русский, советский театральный актер; народный артист СССР (1936), лауреат Сталинской премии 1-й степени (1943).

³⁶ Масалитинов Николай Осипович (1880–1961) – русский и болгарский театральный деятель; актер, режиссер, педагог; народный артист НРБ (1948). В отличие от своих коллег, не вернулся в СССР после вынужденной эмиграции. С 1925 г. жил и работал в Болгарии. Умер в Софии.

³⁷ Германова (Красовская-Калитинская) Мария Николаевна (1884–1940) – русская актриса. По окончании Школы МХТ принята в его труппу (1902–1919). С 1919 г. – в эмиграции; играла в театрах Праги, Парижа и др. После раскола «Качаловской группы» (1922, в связи с отъездом части ее членов на родину) возглавила «Пражскую группу» невозвращенцев.

³⁸ Скульская Елизавета Феофановна (1887–1955) – русская, советская актриса; заслуженная артистка РСФСР (1948). С начала 1920-х гг. в эмиграции, работала в «Пражской группе». В 1922 г. вернулась в СССР. Жена М.М. Тарханова.

³⁹ Берсенов (Павлищев) Иван Николаевич – русский, советский актер, театральный режиссер; народный артист СССР (1948). В МХТ (МХАТ) с 1911 г.

⁴⁰ Греч (Коккинаки) Вера Мильтиадовна (1893–1974) – русская актриса. С начала 1920-х гг. в эмиграции, работала в «Пражской группе» МХТ. После 1922 г., когда часть ее вернулась в СССР, продолжила гастрольные выступления вместе с оставшимися актерами. Жена Павлова. После гастролей в Париже 1928 г. В.М. Греч и П.А. Павлов берут на себя роль лидеров бывших «пражан». В начале 1930-х гг. они гастрольную турне в Испании, в середине 1930-х получают приглашение играть в Белграде. В 1943 г. возвращаются в Париж. Греч и Павлов славились не только как талантливые актеры, но и как преподаватели сценического искусства. Имели свою собственную студию в Кембридже, получили широкую известность своими спектаклями в разных театрах мира.

⁴¹ Павлов Поликарп Арсеньевич (1885–1974) – актер МХТ; с начала 1920-х гг. в Париже, в составе «Пражской труппы», с 1922 г. гастрольничал с В.М. Греч.

⁴² Качаловский Барон – персонаж пьесы А.М. Горького «На дне» в исполнении В.И. Качалова.

⁴³ Павлова Анна Павловна (Матвеевна) (1881–1931) – русская артистка балета, одна из самых великих балерин XX в. Ее последнее выступление в Мариинском театре состоялось в 1913 г., а в России – в 1914 г., после чего она обосновалась в Англии и на родину больше не возвращалась.

⁴⁴ Гельсингфорс – шведское название столицы Финляндии Хельсинки. Было принято во время нахождения Финляндии в составе Российской империи.

Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских

*В истории этой страны нет почти ни одной отрадной страницы:
одна война, одни междоусобия, сопровождаемые кровавым
и сценами.*

История Сербии есть история ее мученичества
(П.А. Ровинский. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1868 г.¹)

*Вообще при выборе знакомств с весьма общительными сербами
я остерегаюсь, их политиканство мне страшно уже надоело.
Все здесь в разброде и даже беспорядке –
страшно-отчаянная борьба партий*
(Из письма И.С. Пальмова – В.В. Макушеву.
Белград, 30 августа 1882 г.²)

*Внутренний быт подвержен разьедающему влиянию
политических партий.*
*Для сплочения сербов нужна популярная, имеющая целью
осуществление заветных пожеланий народа, война.*
(Из секретной «Записки» Главного штаба.
Петербург, 10 (23) ноября 1902 г.³)

I. Введение: «Человек политический»

Осмысливая всю совокупность материалов российских авторов, представленных в первом томе антологии «Русские о Сербии и сербах», мы (в качестве его заключения) подготовили обобщающую статью – «Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия в последней трети XIX – начале XX в. глазами русских»⁴, в которой пришли к выводу, что «реальная жизнь Сербии» в указанный период «далеко не соответствовала тем “современным” формам, в какие ее облачают многие серб-

ские историки, стремясь представить свою родину вполне сложившимся “европейским государством”⁵. Острый глаз русских наблюдателей помог нам, заглянув за фасад европейских новаций – в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, современных систем образования и воинской службы, – обнаружить там устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка, но и значительной части сербской элиты, что наглядно показывает деформированный и неорганичный характер модернизации «по-сербски».

Вместе с тем, обращаясь к культурно-политическим институциям (монархия и партии, действовавшие в разных конституционных полях; специфика режимов, теми же конституциями созданных; армия, школа и итоги их функционирования⁶), мы имели в виду сугубо *объективные* факторы, каковые составляют основу политической системы государства и базу его культурной инфраструктуры. В настоящей статье, завершающей второй том «Русских о Сербии и сербах», где, напомним, присутствуют только архивные «досье» российских наблюдателей о них, мы предполагаем размыслить о *субъективной* субстанции, которая, словно вязкий раствор камни, и стягивает эти объективные «блоки» в единое целое. Речь идет о *политической культуре* в Сербии в эпоху ее независимости.

Обращение к исследованию данной категории представляется нам настоятельно необходимым, поскольку оно – в принципе – позволяет «преодолеть ограниченность институционального анализа, <...> не способного объяснить, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному»⁷. Кроме того, опираясь на изучение типа разделяемых людьми ценностей, локальных представлений, содержания символов и стереотипов, прочих аналогичных явлений из сферы человеческой ментальности, оно дает возможность проникнуть в мотивацию политического поведения граждан, партий и институтов; выявить истоки множества конфликтов, которые невозможно объяснить традиционными для политики причинами: борьбой за власть, распределением ресурсов и т.д.⁸

Таким образом, изучение политической культуры в сербском контексте поможет окончательно разобраться в подлинной степени и качестве «европейскости» страны, совсем недавно (по меркам исторического времени) начавшей выходить из сферы оттоманской цивилизации, – тем более что ее уровень и соответствие привнесенным извне идеям, практикам, институтам и определяли специфику политической жизни в Королевстве⁹.

И здесь важно особо подчеркнуть — немалое число сербских историков отдает предпочтение именно формально-«институциональному анализу», почему Сербия и предстает в их трудах «современным европейским государством»¹⁰, а ее политическое развитие рисуется в виде эдакой линейной схемы: по обретении независимости в 1878 г. «сербское общество политически созрело и включилось в политическую борьбу»¹¹ — оказавшись (спустя всего десять лет!) «вполне готовым для введения парламентаризма»¹²; соответственно, принятие конституции 1888 г. — это «начало движения Сербии к чистой парламентской системе»¹³; в результате чего, после Майского переворота 1903 г., в ней «почти воплотилась британская двухпартийная модель демократии»¹⁴. Сама же политическая ситуация в стране в предвоенное десятилетие провозглашается эпохой «аутентичной парламентской демократии», которая будто бы являлась «функциональной и полностью отвечала требованиям демократического правления»¹⁵.

Как видим, былые представления о 1903–1914 гг. как «золотом веке сербской демократии и парламентаризма»¹⁶ в национальной историографии все еще в ходу. Хотя и в Сербии, и в мире выходят работы, чьи авторы считают столь *завышенную* «самооценку» явной натяжкой (или «самым устойчивым историческим мифом»¹⁷), причем число их в последнее время возрастает¹⁸. И это не удивительно, поскольку кроме констатации наличия в стране «европейских» институтов, что уже само по себе кому-то кажется вполне достаточным и все объясняющим, они берут во внимание и ключевой тезис самих европейских экспертов: «Демократия базируется не только на праве, законах и процедурах (т. е. *формальных* практиках. — *А. Ш.*), но и на политической культуре»¹⁹. Причем на ней, думается, совсем не в последней мере!..

* * *

Выбор темы для заключения данного тома обусловлен не только ее синтетическим характером («политическая культура» как связующая, т. е. *объясняющая* действия иных факторов, субстанция), что важно, имея в виду главный предмет научного поиска автора — «Менталитет сербского традиционного общества, его универсальные характеристики и эволюция в процессе модернизации Сербии»²⁰. Выбор этот опирается и на помещенные в том новые материалы, эксклюзивные и не публиковавшиеся ранее: приводимые в них данные и высказанные суждения (как уже отмечалось во введении) — более объективны и откровенны, будучи лишены внутреннего отбора и рамок самооцензуры. Именно такие

источники лучше всего способствуют *адекватному* познанию феноменов из области «духа».

Особенно это касается частных записок (писем) людей, наблюдавших Сербию и сербов не проездом, а в течение длительного времени, т. е. непосредственно на месте. Значение их наследия для нашей темы трудно переоценить. Различие в достоверности оценок двух категорий наблюдателей прекрасно показал французский историк Альбер Мале — на протяжении полутора лет (1892–1894) он исполнял обязанности наставника короля Александра Обреновича.

Итак: «Внешний лак цивилизации — это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, треснувший в тысяче мест, — это то, что открывается человеку, имеющему возможность рассматривать все не спеша и в деталях, и делает из него врага изначального ложного образа»²¹ *. За полтора года пребывания в Белграде А. Мале мог себе позволить «рассматривать все не спеша». Вот почему при анализе мы не раз обратимся «за помощью» и к нему.

К счастью, среди русских также имеются такие «долгожители», поэтому наши размышления во многом будут опираться на рукописное наследие П.А. Кулаковского — видного русского слависта, в течение четырех лет занимавшего кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе, причем в одну из самых переломных эпох в истории Сербии — сразу же по получении страной независимости (1878–1882)²². Опять же, к немалой радости исследователей, личный фонд ученого не утрачен, и, кроме того, в многочисленных архивах (Москвы, Санкт-Петербурга, Киева) сохранилась масса его корреспонденции из Белграда: Кулаковский любил писать, имея множество адресатов и не чуждаясь журналистского ремесла, что видно хотя бы из числа его статей о Сербии, напечатанных в российских СМИ... Именно знакомство практически со всем сербским «корпусом» Платона Андреевича, выявленное обилие его тонких наблюдений и точных выводов, касающихся внутренней жизни страны, которую обретенная свобода, словно всад-

* И 20 лет спустя сие «различие в достоверности» оставалось актуальным. Российский журналист Н.И. Гасфельд отмечал: «Бытописатели югославянских земель, наблюдавшие сербов из вагон-салона и изучавшие их по рассказам и со слов сербских политических деятелей, лишены возможности видеть и слышать сербов в серенькие будни, когда они не надевают париков и не накладывают грима» (*Шевалье Н. (Н. Г.-д.)*. Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб., 1913. С. 97–98).

ник, политически прищипорил, подняв на дыбы, и подвигло поменять изначальный замысел, обратившись к политической культуре как теме заключения ко второму тому.

Напомним, что в первой книге антологии помещен лишь небольшой фрагмент из очерка Кулаковского о Сербии, опубликованного в 1883 г. в «Русском вестнике»²³.

Естественно, что Кулаковский придерживался вполне определенного взгляда на славянство, характерного для определенной части русского общества, «выражавшегося прессой и публицистикой умеренного и консервативного направлений»²⁴. И это следует учитывать. Однако более важно другое — он не был *идеалистом* в отношении сербов и не разделял, вслед за К.Н. Леонтьевым, «либерального славянолюбия»²⁵: «С первого же знакомства с сербами я почувствовал тот грех, который сотворили наши славянолюбцы, заботившиеся всегда тщательно окрасить некрасивое в славянах перед русскими»²⁶. С другой стороны, профессиональный славист и славянофил по своим убеждениям, Кулаковский стремился к достоверности, не скрывая при этом симпатий к сербскому народу и живо переживая политические ошибки, допущенные элитой: «Мне иногда бывает в душе тяжело за самих сербов»²⁷, ибо «грустную картину являет собой Сербия. Нет сомнения, что здравый смысл и инстинкт умного сербского народа спасет страну, но дело едва ли обойдется без революции и крови* — уже слишком много зла посеяно в этой земле европействующей интеллигенцией. Мне искренно и глубоко жаль Сербии и этого народа»²⁸. Такое равнодушие дополнялось у него справедливой критикой политики собственной страны: «Плана у нас нет, цели у нас не осознаны, не определены: в этом беда. Австрия берет нахальством и дерзостью, России помогает лишь народная вера в нее — вера, скажу прямо, которой мы, пожалуй, недостойны...»²⁹ В общем, резюмировал ученый, «пробыл я здесь 4 года, много видел и много испытал на себе, и переживал»³⁰, отчего и писал одну «лишь горькую и большую правду о Сербии»³¹, на «которую досадует и которую в то же время жалеешь»³². И никак не разорваться!

Как видим, взгляд Кулаковского на Сербию и сербов принципиально отличался от соответствующего «взора» европейцев, в основе которого (за редким исключением) лежала имманентно присущая Западу

* Как в воду глядел — данное письмо Кулаковского (В.В. Макушеву) датировано 6 июля 1882 г., а в октябре 1883 г. в Сербии вспыхнуло Тимокское восстание, жестоко подавленное королевскими войсками.

«презумпция цивилизационного превосходства»³³, удачно раскрытая в дефиниции Марии Тодоровой: «Былое аристократическое неприятие эгалитарных крестьянских сообществ сменилось предрассудками городской (буржуазной и рациональной) культуры в отношении того, что считалось суеверной – иррациональной и отсталой – руральной традицией Балкан, единственной ценностью которой признавалось, что в глазах Европы она являла собой этнографический музей под открытым небом»³⁴.

Отсюда (наряду с безупречным знанием предмета) и *столь* глубокое погружение в сербский характер, что вместе они приводили к «низким», но пророческим истинам. «Несчастливая страна эта Сербия! В ней было много бедствий, и будет еще много новых», – запись в дневнике, которую хоть с ходу в эпиграф³⁵. И исторический «диагноз», который, увы, так трагично по своим результатам подтвердился в «век минувший», – налицо: «Патриотизм сербский, конечно, сам по себе похвален, – писал Платон Андреевич Ап.А. Майкову, – но исключительность сербская, самодовольство и узость воззрений – приводят сербов Княжества к тому, что они теряют значение как зерно, около которого соберется все сербское племя. Признаюсь Вам искренно – и да будет это между нами – я теперь все больше убеждаюсь, что они никогда не создадут цельного государства и что не им собрать клочки многострадального сербского племени под свое знамя»³⁶.

Поражает, что «прогноз» этот датирован октябрём 1880-го! Ну а призывающее к тайне: «и да будет это между нами», как уже не раз говорилось, лишь придает «интимным» мыслям Кулаковского и иных россиян дополнительные смысл и значение...

Понятно, что размышляя о «политической культуре», мы использовали и другие русские материалы – как опубликованные (из первого тома), так и вновь обнаруженные и ранее неизвестные. И, кроме того, в статье фигурируют мемуары сербских очевидцев, ибо «политическая культура Сербии XIX века, вероятнее всего, самым лучшим образом отразилась в воспоминаниях и дневниках ее видных деятелей»³⁷. Однако из моря таких мемуаров следовало выделить те, которые вышли из-под пера *экспертов*, т. е. авторов, не столько фиксирующих факты, сколько объяснявших их и их природу. В последнее десятилетие увидели свет воспоминания трех блестящих аналитиков – Милана Пирочанца³⁸, Николы Крстича³⁹ и Косты Стояновича⁴⁰, а равно переиздание драгоценных записок Лазы Димитриевиича «Как живет наш народ»⁴¹. Эти новейшие публикации стали важной частью документальной базы статьи.

Ну а теперь, после столь затянувшегося вступления, обратимся непосредственно к политической культуре сербов.

* * *

Начнем с дефиниций. «Политическая культура — это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений установок, ориентаций и моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъекта политического процесса»⁴². Соответственно, и структура политической культуры есть структура ориентаций. Во-первых, относительно институтов управления (режима). Во-вторых, относительно *другого* в политическом поле (соседа). В-третьих, относительно своих собственных политических акций (себя самого)⁴³. По этим трем направлениям мы и предполагаем вести анализ политической культуры в независимой Сербии.

Но перед тем, как обратиться к нему, сделаем несколько вводных замечаний, необходимых для сравнения обнаруженного в Сербии с неким «каноном». Для чего — из всего множества типологий «политической культуры», что предлагаются в научной литературе, выберем две, методологически плодотворные для нашей темы.

Итак, что касается *существа* политической деятельности, то здесь наличествуют «фрагментированная» политическая культура, когда «у населения отсутствует прочное согласие относительно путей развития общества», и культура «интегрированная», когда таковое согласие в социуме присутствует⁴⁴. Им соответствует *тактическая* дихотомия (средства и формы политической деятельности): «поляризованная» и «консенсусная» политические культуры. В рамках первой преобладают радикальные силы (как правые, так и левые). В поле действия второй — центристские и умеренные.

Нет сомнения, что *интегрированная* и *консенсусная* политическая культура соответствует европейскому, а точнее — западному (в общем смысле: western), образцу. В качестве его особенностей можно назвать такие, как общность базовых политических ценностей и плюралистическая организация власти; склонность к легитимным формам политического участия и стремление к минимизации конфликтов через поиск согласия между политическими силами; законопослушность и чуткость к правовым регуляторам политического поведения и соблюдению процедур; высокий уровень ответственности правящих элит за свои действия и уважение к ним со стороны граждан⁴⁵.

Соответственно, *фрагментированная* и *поляризованная* — прижилась в странах, пребывающих в состоянии «транзиции», с частым от-

сутствием внутреннего согласия по важнейшим вопросам их развития. Политологи выделяют четыре характерные черты такой культуры: преобладание локальной политической лояльности над национальной; отсутствие легитимных и действенных процедур для решения конфликтов; предельно острое недоверие социальных групп друг к другу; и, как следствие того, нестабильные и недолговременные правительства⁴⁶.

Автор этой четырехчленной «конструкции», американский ученый У. Розенбаум, вряд ли использовал при ее осмыслении опыт независимой Сербии, но все выделенные им черты данному опыту вполне соответствуют... Ниже мы и постараемся подтвердить ее оправданность на сербском материале.

II. «Кто не с нами, тот против нас!»

В октябре 1912 г., по пути из Вены на Балканскую войну, Л.Д. Троцкий заметил, что «хотя от Будапешта до Белграда железнодорожная лента тянется преимущественно в южном направлении, но культурно вы передвигаетесь на восток»⁴⁷. А в конце 1890-х болгарский общественный деятель Стефан Бобчев, возвращаясь из Европы на родину – в Пловдив, записал: «Первое, что бросается в глаза болгарину, приехавшему в Белград с запада, т. е. из Европы, это то, что здесь пахнет Востоком. Белград ему вовсе не чужд, ибо чувствуется, что это уже не чужбина»⁴⁸. И даже в 1920 г., после окончания Великой войны, смешавшей все на континенте, русская эмигрантка, обозревая новый для нее город, констатировала: «А чего только не было по его длинным окраинам, не тронутым еще надвинувшейся вплотную Европой»⁴⁹. На заре же сербского суверенитета (в 1882 г. – за 30 лет до Троцкого!) ее соотечественник, славист К.Я. Грот, вынес о нем более определенное впечатление – «Совершенный характер уездного городишки; и хотя мне о том уже рассказывали, но действительность превзошла ожидания. Отсутствие тротуаров и порядочных мостовых, грязь и бедность построек, патриархальность во всем – все это приближает Белград к городам Востока, отчасти нашего славяно-русского, отчасти турецко-азиатского»⁵⁰ *.

* Сами сербы, естественно, так не считали. П.А. Кулаковский, прибыв в Белград в конце 1878 г., не без иронии отметил в дневнике: «Как у каждого маленького народца, только что добывшего себе право на самостоятельную жизнь, у сербов полный восторг своим. Даже мостовые в Белграде – отвратительные и грязные, – по мнению сербов, лучше петербургских. Но такое любовное отношение ко всему своему – вполне естественно» (Рукописное отделение Института

Таков был традиционный – словно «застывший» во времени – общекультурный фон, на котором шло развитие независимой Сербии и делались первые шаги по ее модернизации (европеизации).

В политической сфере шаги эти ассоциировались с образованием в 1881 г. политических партий* – причем в Сербии они вступили в борьбу спустя всего четыре года после их появления в Европе⁵¹. И уже сам факт подобных новаций дает некоторым сербским историкам право полагать, будто на рубеже веков страна «вплотную приблизилась к европейским образцам...»⁵². Значит, если введена многопартийность, а межпартийная борьба бьет ключом, то это – «почти» Европа. Именно такие выводы диктует институциональный подход.

Но почему-то П.А. Кулаковский – очевидец событий – так совсем не считал. И в письме к И.С. Аксакову заметил скептически: «Надобно признаться, что эта внутренняя борьба, по моему мнению, служит помехой для развития Сербии, не так, как это бывает в Западной Европе; но сами сербы этого не признают и, напротив, в этом стремлении разбиться на партии видят признаки своего роста сравнительно с другими странами»⁵³. Действительно, по словам британской путешественницы, Сербия «всячески стремится предстать в глазах Европы в лучшем виде»⁵⁴ – страной с тем же «набором» институтов, ценностей, идей.

Однако институционально имитировать Европу автоматически не значит – быть ею, о чем уже не раз упоминалось. И именно в сфере политической культуры нагляднее всего проявляется это принципиальное *несоответствие* формы и сути, которое на заре сербской независимости обнаружил проницательный Платон Андреевич. С ним соглашались и редкие сербы, сохранившие холодность разума в период разгула партийных страстей, в частности судейский чиновник Никола Крстич: «Партии у нас не имеют того значения, какое они имеют в других странах»⁵⁵. И далее: «Ни одна партия не придерживалась своей программы, но всякая стремится сохранить формы и законы современного государства»⁵⁶. Знаменитый ученый и политик Стоян Новакович также позднее

русской литературы РАН (Пушкинского дома). Далее – РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 1 об. – 2 (запись от 22 декабря). Опубликовано: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. М.; Београд, 2012. С. 69).

* В январе 1881 г. на политическую сцену Сербии вышли Радикальная и Напредняцкая (от сербск. *напредак* – прогресс) партии. Чуть позднее, под названием «Общество содействия сербской литературе», конституировались либералы.

признавал, что политические партии в Сербии представляют собой не органические образования, а «искусственные сообщества, заимствовавшие свои наименования из европейской политической терминологии»⁵⁷. А цитированный выше болгарин С. Бобчев вообще возвел наблюдение Кулаковского в *универсальный* балканский принцип – «Партии возникают вскоре после освобождения балканских народов, хотя не было еще никаких предпосылок для их существования»⁵⁸. В европейском, естественно, смысле... И, наконец, – через 30 лет после Кулаковского! – уже на типологическом уровне данное явление обобщил проницательный Л.Д. Троцкий: «На странах Ближнего Востока можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы, идеи, иногда имена (дословная переключка со С. Новаковичем! – А. Ш.), заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям несравненно более отсталой эпохи. Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов»⁵⁹.

Итак, вполне очевидно, что за вербально-европейским институциональным фасадом в мышлении сербских (и балканских) политиков могли скрываться привычно-традиционные навыки и подходы. Такое «смещение понятий» в 1915 г., имея перед глазами весь опыт политического и политико-культурного развития независимой Сербии, емко выразил видный сербский интеллектуал и политик Коста Стоянович: «Демократия, парламентаризм, гражданские свободы, прогресс, культура и ряд других понятий, что составляют основу политического словаря нынешних балканцев, – суть слова и выражения, никак не укорененные в их мироощущении, однако, будучи “общепринятыми”, они призваны прикрыть жесткие подсознательные стереотипы, которые на самом деле только и мотивируют все их действия и поступки»⁶⁰.

Добавим, что с непосредственными очевидцами событий солидарны и отдельные сербские историки – из тех, кто не стремится «втиснуть» сложный процесс эволюции новой сербской государственности в прокрустово ложе линейных европейских схем. Так, Димитрие Джорджевич констатирует: «Балканские страны в XIX в. попытались включиться в Европу, заведя у себя европейские институты. Но это балканское “обезьянничанье” было пронизано сильнейшим традиционализмом...»⁶¹ Что, собственно, и требовалось доказать.

* * *

Что касается политической культуры крайне немногочисленной сербской элиты, то она, разделившись в 1881 г. на «партии», воспринимала свою роль как *миссию*, и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим «грешил

ли» радикалы во главе с Николой Пашичем, всерьез отождествлявшие себя со всем сербским народом) воспринимала себя как спасительницу Сербии*, относясь к *другим* не как к политическим оппонентам, но как к непримиримым врагам. Соответственно, и политику эта партия понимала не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную войну с теми, кто не разделяет ее позицию⁶². Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей партийная борьба и приобретала столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало. Тот же П.А. Кулаковский с полным основанием недоуменно свидетельствовал: «Меня больно поражало всегда в Сербии... то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»⁶³. Не он один констатировал сей факт. Н. Крстич также зафиксировал в своем дневнике: «Да, у нас есть политические партии, но они готовы перегрызть друг другу горло»⁶⁴. И «первый сербский ученый полицейский» Таса Миленкович писал: «Сербия — странное государство. В ней партийная борьба косит людей так же, как и осенние ветры ломают тонкие стебельки»⁶⁵. А Милан Миличевич (известный писатель и этнограф) с горечью заметил: «Потомки с трудом поверят, сколь сильно были накалены партийные страсти в наше время...»⁶⁶ Как и Владимир Йованович, один из видных либералов: «Бывало, что наша так называемая партийная борьба превращалась в самую дикую войну, во время которой не выбирались средства, лишь бы дорваться до власти и удержаться подле нее. Люди не пренебрегали тяжкими преступлениями, дабы только заполучить власть»⁶⁷.

* Один из вождей радикалов, Пера Тодорович, вспоминал впоследствии, как в начале бурных 1880-х гг. в партийной среде складывалось «убеждение, что именно в нас, радикалах, есть спасение Сербии и ее счастье. Мы — это те, кого историческое провидение выбрало, чтобы принести ей возрождение» (см.: *Тодоровић П.* Ближи односи с краљем Миланом // *Исти.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 275). С другой стороны, либералы думали с точностью до наоборот. Член их руководства, профессор Панта Сречкович, утверждал в разговоре с русским путешественником: «Единственно серьезный государственный человек у нас — это, бесспорно, Ристич... Пашич, конечно, умный человек, но только для себя, в обыкновенных житейских делах... У него таланты не государственного деятеля, а заговорщика, ловкого агитатора. Если Сербия теперь разорена, то обязана она этим никому другому, как радикалам и отчасти напреднякам» (*Марков Е.* Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // *Русские о Сербии и сербах.* Т. I. СПб., 2006. С. 337–338). Другими словами — виноват кто угодно, только не мы.

По точной оценке Бобчева, считавшего эту борьбу явлением *типическим* в период становления новых балканских государств, Сербия (отягощенная к тому же соперничеством двух своих «народных» династий) «представляла собой его самый рельефный пример»⁶⁸.

Так оно и было!.. К примеру, политический «террор большинства», царивший в краткий период правления радикалов в начале 1890-х гг., когда страна превратилось в однопартийное «радикальное царство», как назвал тот режим современник⁶⁹, сменился после их отставки еще более жестким курсом меньшинства. Не имея опоры в народе, либеральный кабинет Йована Авакумовича предпринял самые зверские меры, вплоть до расстрела неугодных, дабы вытеснить своих политических противников из местных органов власти накануне «парламентских» выборов 1892 г., каковые проводились под жесточайшим давлением полиции⁷⁰. А Йован Ристич – легенда Либеральной партии, – находясь на смертном одре и страдая от приступа астмы, нацарапал дрожащей рукой на листке с вопросом короля о возможной участи Николы Пашича, арестованного после «Иванданского атентата» в 1899 г.: «Достоин смерти»⁷¹. И это – старый законник, запамätовавший на склоне лет о понятии «презумпция невиновности»*. И Йован Белимаркович – заслуженный боевой генерал и ветеран либерального движения в открытую требовал от короля антирадикальных мер: «Я хочу видеть, как собаки будут растаскивать радикальное мясо по брусчатке на Теразиях»⁷².

На что сторонники Пашича отвечали «адекватно» – влиятельный радикальный «первоборец», член ЦК партии и знаменитый оратор, священник Милан Джурич грозил публично соратникам Белимарковича и Ристича, что «если те нарушат закон, то мы, когда победим, будем катать их головы» – по тем же Теразиям⁷³.

* Русская дипломатия сразу же раскусила причины такого, совсем «не-европейского», отношения Ристича к Пашичу. Временный поверенный в делах России в Белграде А.В. Неклюдов писал в Петербург за год до описываемых событий: «Для г-на Йована Ристича г-н Пашич представляет собой лицо особенно ненавистное, не из-за династических предубеждений или политических несогласий (т. е. не из принципа! – *А. Ш.*), а потому, что к нему перешли те атрибуты, которые в былое время принадлежали безраздельно г-ну Ристичу, а именно: положение национального вождя и трибуна и расположение и доверие русского общественного мнения...» (цит. по: *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1893–1903. Београд, 1973. С. 739–740). Перед нами – обратная сторона очередного (и привычного) проявления *политического мессианизма* в Сербии. С ней напрямую и связан этот позорный пример «политической культуры».

Такие взаимоотношения «верхов» органично дополнялось действиями «снизу» — смена партийных режимов часто сопровождалась уже не политическим, а физическим террором. Так, в 1887 г., после прихода к власти либерально-радикального блока, имел место буквальный линч напредняков — так называемый «народный вздох», — когда по всей Сербии прокатились погромы: их жертвами стали 150 человек⁷⁴. И в мае 1889 г., уже в Белграде, продолжилось «линчевание» тех же напредняков прорадикально настроенной толпой. Причем инцидент этот был благосклонно воспринят Костой Таушановичем, новым министром внутренних дел из радикалов⁷⁵. А всего за десятилетие 1887–1896 гг. было истреблено 384 члена напредняцкой партии⁷⁶.

На контрасте с представленными выше фактами напомним иную — умирительно благодатную (линейно-европейскую) «реконструкцию» политического развития Сербии после обретения ею независимости, почерпнутую нами у одного современного автора. Он считает, что после 1878 г. «сербское общество политически созрело и вступило в партийную борьбу». Вот так! Соответственно, и крестьянство сербское тоже «созрело», научившись «публично артикулировать свои мнения и интересы»⁷⁷. С помощью кольев, надо полагать, какими радикальные массы «гоняли» бедных напредняков. Перед нами — еще один пример того, к каким выводам может привести институциональный подход к исследованию, используемый крайне формально... Но это к слову. Вернемся к теме.

* * *

Спрашивается, как же объяснить наличие в Сербии столь жесткого внутреннего антагонизма, доходившего до неприкрытых и, порой, массовых зверств?

Ответ, думается, в первую очередь связан с тем, что на рубеже веков сербское общество во многом сохраняло традиционно-патриархальный характер. Предпринятая в начале 80-х гг. напредняцкой властью попытка приписать развитие страны (или, по словам Кулаковского, «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»⁷⁸) по сути захлебнулась, приведя к острому внутреннему кризису, завершившемуся отставкой в 1889 г. Милана Обреновича. «Инстинкты массы, — указывал современник, — все больше восставали против модернизации государства»⁷⁹. Сумев «уловить» их, артикулировать и трансформировать в форму мощного народного движения, традиционалисты-радикалы смели горстку реформаторов. Их предводитель Стоян Новакович позже констатировал: «Движимые самыми благими намере-

ниями, мы желали добиться всего быстрее, чем то соответствовало природе вещей. Потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого»⁸⁰.

А раз так, то печальная судьба сербских «западников» не кажется неожиданной. Напротив — она объективна. Согласно «диагнозу» гостя из России, «для претворения формул либерализма в жизнь в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»⁸¹. Всего-то! Сословие же среднее — этот людской ресурс любого прогресса — имело мало шансов народиться и массово развиваться у сербов, ибо, по словам Милана Обреновича, они «уважали только три занятия — быть пандурами, чиновниками и крестьянами»⁸². Последними, понятно, в подавляющей части. Отсюда их негативное отношение к «урбанизации»: «Пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»⁸³. Соответственно, и *городскую культуру* они принимали в штыки. «Крестьяне буянят на сходках: не хотим людей в пальто», — писал очевидец в 1905 г.⁸⁴ А радикальный официоз, «Самоуправа» («Самоуправление»), открыто призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города, этого гнезда иноземщины»⁸⁵ *.

Вместе с тем город — в представлении «заведенного» радикалами крестьянства — был не только синонимом модернизации (той самой «иноземщины»), но и средоточием государственной системы — эконо-

* Примечательно, но столь же «антигородской» настрой сохранили и внуки тех крестьян, что «буянили на сходках». Добрица Чосич, описывая земляков из своего села Великая Дренова уже в титовские и посттитовские годы, запечатлел одного, что «любил старые дома и сельскую старину, не переноса на дух ничто городское, кроме стиральной машины, которую считал самым выдающимся изобретением XX в., ибо она освободила женщину от унизительного труда» (Ћосић Д. Пријатељи мога века. Београд, 2011. С. 334). Другой «не то чтобы ненавидел город, но никогда не согласился бы в нем жить» (Там же. С. 337). И даже интеллигент (известный философ и литературовед Сретен Марич, родом из села Субела в Ужицких горах, «любил все старое, сербское, невозвратно исчезающее, и презирал выскочек и порочную балканскую черту — буквально очаровываться чужим, “современным” европейством» (Там же. С. 388). А Латинка Перович вспоминает, какие призывы слышались в сербской глубинке во время местных выборов в конце 1960-х: «Голосуйте за него, он — наш, он носит гунь (крестьянскую куртку из грубого сукна. — А. Ш.). А за учителя не голосуйте, ибо кто знает, куда он нас заведет...» (Lakićević M. Ispred vremena. Beograd, 2011. S. 87). Сословная мужицкая ментальность, как видим, несмотря на все попытки коммунистов буквально вытравить ее, так и не поддалась.

мически немотивированной, насильственной машины, десятилетиями державшей село под тяжким фискально-налоговым прессом. Во время Тимокского восстания 1883 г. эти антисистемные настроения низов проявились в требовании перебить всех носящих униформу и получающих жалованье⁸⁶. Как видим, скрытая до поры до времени ненависть к полицейской униформе⁸⁷ трансформировалась позднее в неприятие и городского «господского» костюма — в 1889 г. толпа в Белграде закидывала камнями всех, кто по своей одежде и манерам напоминал интеллигентов-напредняков. На селе же, двумя годами ранее, крестьяне-радикалы в первую очередь линчевали представителей местных напредняцких *властей* — функционеров общин и полицейских чиновников⁸⁸.

Без понимания этого исторически негативного отношения крестьянства к любой *навязанной власти** (а радикалы в своем отрицании всех правительственных новаций лишь усиливали степень его ненависти к чиновникам — представителям и проводникам ее воли) невозможно объяснить столь высокий градус его же антимодернизационного настроя: «закрытое общество» противилось любой попытке приоткрыть себя, особенно если та предпринималась «сверху»... Таким образом, строя свою *охранительную* доктрину на фундаменте прочно укорененной в народном сознании патриархальности, соратники Пашича и выразили негативное отношение крестьянства к структурным изменениям общества и государства, какие могли нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в системе аграрного статичного мира. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, — утверждал радикальный гуру, — но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»⁸⁹.

Итак, первопричиной внутреннего столкновения в Сербии был идеологический конфликт, особенно обострившийся после обретения ею независимости. Он выражался в дихотомии — «либеральная идея и традиция», порождаясь амбивалентным характером сербского общества, «разрывавшегося» между патриархальностью (т. е. «закрытым» его типом как формой самоорганизации и выживания сербов под турками)

* По мысли Радована Самарджича, несмотря на то, что «Сербское княжество, чей аппарат заменил турецкий, и означало для крестьянина достижение независимости, за которую он дрался веками», он «не желал мириться с тем, что кто-то вмешивается во внутренний уклад его жизни, причем вмешательство это шло в основном по линии возрастания, ввиду потребностей государственного строительства, его же налоговых обязательств» (*Самарџић Р. Идеје за српску историју*. Београд, 1989. С. 21).

и началами модернизации⁹⁰, и органично перекликаясь со знаменитым русским спором западников и славянофилов⁹¹...

Вторая причина того, что политическая культура в Сербии оставалась на уровне предмодерности, также была связана с патриархальностью – этим основным качеством сербского социума на рубеже веков. В условиях, когда «местечковая» лояльность превалировала над общегосударственной / национальной (Кулаковский по обыкновению точен и емок: «Сербы Княжества даже не выросли далее шумадийства и не досрости до сербства»⁹², относясь «со злостью к сербам австрийским»⁹³), а «патриархальные личные связи и равенство между людьми еще не успели замениться безличными отношениями, какие порождает индустриализация» (по справедливой оценке британского наблюдателя данной в 1918 г.)⁹⁴, политическая партия воспринималась как одна семья, *parteigenossen* – как братья, а партийный лидер – как отец⁹⁵.

По словам Светомира Николаевича, одного из вождей радикалов, позднее от них отошедшего, «беря пример с русских революционеров, они мнили себя одной большой семьей. Партийное кумовство и побратимство единственно что не вошло в программу партии...»⁹⁶ И потому важнейшим символом для них всегда и везде оставался *дом* – в идеологии, организации, внутрипартийном этосе⁹⁷ *. Не случайно они последовательно реализовывали на практике концепцию партии, пронизанную глубоко традиционными и антилиберальными идеями солидарности и равенства. Как вспоминал о том много лет спустя Раша Милошевич, видный партийный функционер и одновременно *кум* Николы Пашича, «членский билет обеспечивал его владельцу доступ в радикальные инстанции по всей стране; он был символом солидарности радикалов, где бы они ни находились, и признаком равенства всех членов партии»⁹⁸.

Либеральная же верхушка (массовой базы либералы не имели) была переплетена реально родственными узами. Й. Ристич, Радивое Милойкович, Филипп Христич – через своих супруг – родных сестер и дочерей знаменитого «миллионщика» Хаджи-Томы. Й. Белимаркович приходился дядюшкой Й. Авакумовичу, причем оба принадлежали к не менее «мощному» клану Бабадудичей. На сестре последнего был женат А. Васильевич. А восходящая звезда партии Джордже Генчич называл

* Показательно определение государства, которое в 1881 г. дал Никола Пашич: «Конституционное государство – это народный дом, который строится и развивается на основе братского договора» (*Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891) / Приред. Л. Перовић и А. Шемякин. Београд, 1995. С. 95).

Ристича «отчимом» — его отец и вождь либералов были побратимы со времен своей юности. Эти примеры либеральной «семейственности» можно множить и далее.

Любопытно в данной связи напомнить еще о двух деталях — местах сбора (или клубами) отдельных партий были особые «партийные» кафаны, порог которых не смел переступить никто иной. Бывало, что чужих изгоняли пинками. Радикалы обыкновенно заседали в «Бульваре» и в «Москве», напредняки — в престижном «Гранде»; штабом либералов был «Золотой крест», а отколовшихся от Николы Пашича младорадикалов — «Касина»⁹⁹. И в быту, в сфере, казалась, совсем универсальной, существовали отличия. Известно, что у сербов есть один-единственный танец — сербское коло. Однако на своих собраниях радикалы всегда отплясывали собственное «радикалско (Пашичево) коло». Оно же — «радикалка».

Столь «родственные» отношения внутри партий и непроницаемые перегородки, воздвигавшиеся между ними, накладывали отпечаток на *приватность* политиков — и по жизни однопартийцы варились в собственном соку. Кулаковский отмечал, что «люди здесь живут все какими-то мелкими партиями и считаются друг с другом лишь только на основании принадлежности к той или другой партии»¹⁰⁰. Представить же себе что-то похожее на житейскую приязнь к политическому противнику в Сербии было непросто — слишком еще далеко отстояла она от европейской практики, когда, по словам Уинстона Черчилля (применительно к Англии), «самые острые политические разногласия подчас не мешают поддержанию личных дружеских отношений»¹⁰¹ *. Нет, «у нас обо всем

* Какое там! Приведем пример вполне возможных в Сербии взаимоотношений министров (членов одного и того же кабинета!), а также политических оппонентов. И все — в одном лице. Посланник России в Софии Ю.А. Бахметев доносил 7 апреля 1902 г. в Петербург о смене сербского коллеги Йована Джайи: «Заместителем его назначен г. Павел Маринкович, всего более известный двумя крупными скандалами, случившимися с ним в недавнее время. Первый раз, будучи министром народного просвещения, у него вышла какая-то не совсем ясная частная история с военным министром Васичем, вследствие которой они оба были вынуждены подать в отставку, а потом у него было какое-то уличное столкновение с сыном Владана Георгиевича, в котором были пущены в ход и палки, и револьверы» (Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 497 (1902 г.). Л. 269–269 об.). Касательно «не совсем ясной частной истории» с полковником Милошем Васичем справку дает русский военный агент в Белграде Е.А. Леонтович: «Застав неожиданно у

судят с партийной точки зрения, и партийные противоречия переходят в личную вражду»¹⁰². Что говорить, если различная партийная принадлежность подчас приводила к тому, что брат кидался с топором на брата – сей факт зафиксировал окружной доктор, к которому обратился пострадавший¹⁰³...

И самые консервативные учреждения, уже по определению должны находиться в отдалении от всякой политики, не избегли паралича и эрозии. «Политические партии разделяют даже членов высшего ученого учреждения – “Сербского ученого друштва” (т. е. Сербского ученого общества. – А. Ш.), которое в последнее время мало проявляло свою деятельность», – констатировал в 1882 г. К.Я. Грот¹⁰⁴ *. И продолжал, указывая на причины оногo: «В настоящее время в Белграде мало ученых, которые бы держали себя в стороне от политической жизни и были преданы одной науке. Все, от министра – ученого и профессора до последнего чиновника, занято политикой, внутренней борьбой партий, интригами и мелкими партийными интересами! Как тут процветать науке?»¹⁰⁵

То же самое регулярно фиксировал и Кулаковский. В марте 1880 г. он сообщал А.Н. Пыпину: «В научном отношении у нас полное затишье и полная бездеятельность. Все силы одних устремлены на то, чтобы до-

себя Маринковича в положении, не оставляющем сомнений в близких отношениях с m-me Васич, военный министр тут же, при пособии своего адъютанта, избил министра народного просвещения и выбросил его в окно» (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 1)... Что же до перестрелки Павле Маринковича с сыном В. Джорджевича, то, по словам Милана Йовановича-Стоимировича – этого «сербского Гиляровского», участницы ее «ранили ученика сапожника на улице Космайской и подстрелили собаку Ристы Одавича (профессора, известного писателя и переводчика. – А. Ш.)» (*Јовановић-Стојимировић М.* Силуете старог Београда (3-е изд.). Београд, 2008. С. 345–346).

* Когда же в 1888 г. Ученое общество было трансформировано в Королевскую академию, первый «набор» ее членов также проходил не по научным, а по откровенно политическим критериям, исходя из партийных пристрастий. Т.Д. Флоринский записал в дневнике о встрече с экс-премьером Сербии (и в то же время крупным историком) Йованом Ристичем, который сообщил ему, что «и он был внесен в список академиков, но король его вычеркнул. Он выразил мысль, что король в этом солидарен с напредняками» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 818. Д. 16. Л. 48 об. – Путевые заметки. Краткий дневник путешествий. 1886–1898 гг.). И это при том, что, по мнению русского ученого, в Академию приняли «целый ряд бездарностей – лиц, ничего не сделавших для науки» (Там же. Л. 48).

казать, что София и Македония населены сербами, что Солунь должен быть сербский; другие поглощены вопросами внутренней политики, и для дела научного труда времени не остается»¹⁰⁶. В октябре на ту же тему – Ап.А. Майкову: «Здесь почти нет серьезных работников: все “политику терају”¹⁰⁷, многие пишут патриотические брошюры, <...> разыскивая сербов повсюду»¹⁰⁷ и утверждая даже, «что “русские выдумали болгар”, которых “никогда и не бывало”»¹⁰⁸. Год спустя – снова Пыпину: «В ученом сербском мире – полное запустение и полное затишье. Все молчит, и работать некому; в газетах занимаются перебранкой разные партии, в направлениях и принципах полный хаос»¹⁰⁹. И, наконец, накануне отъезда – Н.А. Попову: «В сербской литературе нет ничего нового. Здесь теперь господствует политика. Все ей покорено»¹¹⁰. И это совсем не метафора, ибо и «в гимназиях нет дисциплины, учащаяся молодежь не ходит на уроки, а бегают на скупщину и, сидя в кафанах, читает газеты»¹¹¹.

Аналогичная ситуация сложилась и в церкви. По свидетельству Кулаковского, митрополит Михаил (ярый сторонник либералов Ристича) «бросился в омут партийной борьбы»¹¹²; сам же он – «иезуит страшный» и «обыкновенно ведет двойную и тройную игру»¹¹³. С ним соглашались и грамотные сербы, также находившие, что «церковь» для владыки – «дело десятое»¹¹⁴. С другой стороны, низшее духовенство, в большинстве своем, примкнуло к радикалам Пашича, и Кулаковский не мог скрыть своего удивления этим в письме И.С. Аксакову: «Под программой Вы увидите подписи 7 священников. А, как хотите, – священники не могут быть радикалами»¹¹⁵. Но через две недели – уже спокойнее (в Сербии все может быть!): «Интересный факт, что в числе подписавшихся под программой радикальцев 10 священников, избранных народом на скупщину»¹¹⁶. И другой русский наблюдатель доносил в 1891 г. из Белграда, что «священники с амвона проповедуют политические речи», а «в Консистории – интриги и партийная борьба между членами...»¹¹⁷.

Все это придавало межпартийной борьбе характер семейных склок, наполняло ее излишними эмоциями и страстями. Тем самым опрощалось, становясь предельно «фамильярным», и отношение к государству – само его понятие переходило из сферы сакральной в область почти обыденной жизни. И в результате находившиеся у власти партии, теряя дистанцию по отношению к нему, смешивали нередко общий и частный интерес. Государство, таким образом, становилось средством реализации партийных, а кое-где личных амбиций: «Индивидуальная

* *Политику терати* (сербск.) – политиканствовать.

польза отдельных людей нередко ставится выше государственных и общих интересов»¹¹⁸. В подобных условиях компромисс был невозможен. Поэтому и сама политика, повторимся, воспринималась многими не как способ «рационализации конфликта»*, но как война всех против всех. И как следствие такого подхода – постоянные столкновения мнений (разница между ними была зачастую непринципиальной!), а также хаос и нестабильность являлись характерными чертами политического процесса в Сербии. В рамках его *авторитарная* политическая культура, сопровождавшаяся насилием, не имела возможности эволюционировать и дойти до высот толерантности; соответственно – идея о бесконфликтном решении проблем была обречена на невостребованность¹¹⁹.

Права Дубравка Стоянович, заключая: «Восприятие партии как большой семьи и сведение внутренних коммуникаций к личным симпатиям и антипатиям приводило к тому, что они захлестывали политическое поле, подменяя принципы эмоциональными отношениями любви и ненависти, а это, в свою очередь, тормозило функционирование государственных институтов, поскольку частный интерес стоял выше общего»¹²⁰.

В начале XX в. Милан Живанович охарактеризовал эти «особенности» политического процесса в виде чеканной формулы: «Партизанский дух** есть отличие нашей расы. Я сомневаюсь, что когда-нибудь политические страсти обретут у нас более мягкие формы. Партизанство – это наша культура, оно питает наш дух. А сектантство и интриганство – составные части нашей политической морали. Ни одна партия в своей борьбе не руководствуется принципами, заложенными в ее программе, личные интересы доминируют в политической жизни»¹²¹. При этом, как водится, все сопровождается призывами к народу – «вот только простой селяк из Черной Травы очень бы удивился, узнав, что острая борьба ведется ради него. Он так и помрет, не оценив столь глубоко осознанных народных интересов»¹²².

И русские очевидцы констатировали этот партикуляризм мотиваций, лежавший в основе сербской политической жизни. В.И. Ламанский, находясь в 1863 г. в Белграде, наблюдал, как чиновники в противостоя-

* «Образ врага», пишет В.Г. Федотова, «есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес»; в отличие от него, «рационализация конфликта» – это «согласование интересов» (Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 161).

** От *партизан* (сербск. разговорн.) – страстный приверженец какой-либо партии.

ние с начальством «обыкновенно вносят свои личные и семейные, чиновничьи же, а не чисто земские интересы»¹²³. В начале 80-х Кулаковский также подчеркивал, что «конституционная борьба партий переходит то и дело в личные инсинуации»¹²⁴, проистекая «не из разницы воззрений и идей, а из чисто личных эгоистических счетов отдельных деятелей»¹²⁵, ибо «Сербия для них менее дорога, чем интересы их партий»¹²⁶. Как и в 1899 г. К.Ф. Радченко с сожалением указывал на «отсутствие всякого единодушия в вопросах, касающихся самых важных сторон народной и государственной жизни...»¹²⁷.

Резюмируем: когда общественная дисциплина, да и весь политический процесс, базируются на личностных, а не формальных принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу (родственников, земляков, друзей), как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников заметно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Это мы и наблюдаем у сербов на рубеже веков. Соответственно, «другой» в их глазах предстал не как представитель своего сообщества, думающий по-иному, но как «чужак», отношение к которому было соответствующим. Что ж! Как заметил в 1912 г. Йован Жуйович — академик и министр, — «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации»¹²⁸. А четверть века ранее (в 1887 г.) Никола Крстич констатировал сей факт еще более определенно: «В Сербии нет интеллигенции, независимой и созревшей для парламентской жизни, — той, которая существует в Европе...»¹²⁹

* * *

Наглядным подтверждением такого «диагноза» являлась (и по сей день является!) практика «приватизации» государственного и местных аппаратов победившей партией, невзирая на неготовность ее кандидатов. Чиновничьи должности с гарантированным жалованьем понимались ею как трофеи, захваченные в политическом сражении и подлежащие разделу среди своих, служа своего рода сатисфакцией за принесенные в оппозиции «жертвы». Кулаковский констатировал: «Всюду по местам государственным рассажены приверженцы кабинета без справок об их пригодности... Теперь правительство ловкими мерами мало-помалу захватывает и все общинные выборные должности для своих сторонников»¹³⁰. А как же иначе — ведь, по словам Л. Димитриевиича, «народу хорошо известно, что лишь только новый кабинет приходит к власти, он сразу начинает изгонять всех чиновников, не состоящих в победившей партии»¹³¹. Прав и другой сербский автор, заметивший в послании

Н.А. Попову: «Борьба политических партий у нас ужасная. Цель каждой партии – подлый, низкий и личный материальный интерес; а национальный сербский интерес брошен на последний план»¹³² *.

Показательный образчик такого мышления «на высшем уровне» привел в своем дневнике Никола Крстич. Весной 1889 г. первый регент Йован Ристич (и он же – лидер либералов) жаловался ему: «Я страшно мучаюсь со своими партийцами. Они упрекают меня в том, что я не пригласил их составить правительство (и это при подавляющем-то большинстве радикалов в скупшине. – А. Ш.), но они не берут во внимание ситуацию в стране, в то время как я должен о ней думать»¹³³. Достойные слова, однако человек, их произнесший, три года спустя сам нарушил конституцию, отправив в отставку кабинет Николы Пашича и заменив его своими «партийцами», устроившими тот самый «террор меньшинства», о котором уже говорилось. «Что ж, – заключал Н. Крстич, – у нас понятия о конституции еще не сформированы; законы не исполняются так, как они прописаны, а потому у нас и возможно то, чего в других странах произойти просто не может...»¹³⁴

Следствием этого было крайне низкое «качество» чиновничества^{135**},

* Член Центрального комитета Радикальной партии, один из ее основателей Пайя Михайлович воспроизвел в своих записках нравы некоторых партийных функционеров при формировании кабинетов: «Лаза Пачу не желает возвращаться на свое место с прежним окладом, но хочет большего... И кое-кто из наших лидеров его в этом поддерживает, отчего он просто бесится. Требуется жалованье госсоветника и ранг, высший, чем у директора железной дороги. Да еще ставит какие-то другие условия Мише (Вуичу – премьер-министру. – А. Ш.). Миша жалуется на него. А между тем, он имеет всего-то 10 лет служебного стажа! Это же грабеж! Они говорят, что, мол, если напредняки могли себе доплачивать и награждать, почему бы и мы не могли (выделено нами. – А. Ш.)» (Михайловић П. Дневници / Приред. Ј. Милановић. Београд, 2010. С. 99).

** По данному поводу Никола Крстич с горечью писал: «Удивительно, насколько же дерзки наши люди! Никто нимало не стесняется принять какую-нибудь должность; ему и в голову не приходит, что он не обладает ни знаниями, ни способностями, необходимыми для ее исполнения. Причина этому явлению лежит в том, что и ранее все места занимали люди, абсолютно к тому не готовые. Но каждый рассуждал: “Если кто-то может, то почему и я бы не смог”» (Крстић Н. Дневник. Јавни живот. IV / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007. С. 105 (запись от 27 февраля 1890 г.))... И даже если вдруг люди «способные», то все равно при данной системе всегда что-нибудь не в порядке. В эпоху первого «радикального царства» министр внутренних дел Коста Таушанович жаловался на заседании парламентской фракции «на новых полицейских чиновников за то, что они не

а зачастую и министров. Панта Сречкович – крупный деятель Либеральной партии – в письме Н.Г. Гартвигу прямо указывал, что чиновники набирались почти что «с улицы»* (были бы *свои*): «На упреки новому министру внутренних дел г-ну Рибарцу, зачем он увольняет подобных чиновников, он отвечал: “Я никого не гоню, а только каждого возвращаю к его ремеслу. Кто был мясником, пускай снова им будет. Кто был сапожником, пускай снова тем же занимается”»¹³⁶. Конечно, Стоян Рибарац – член либерального кабинета в 1892–1893 гг. – пышет здесь злобой на предшественников-радикалов, отчего его слова и столь «метафоричны», но базовый принцип кадровой политики всех сербских партий при формировании правительств передан в них предельно точно. Главное – не степень профессиональной готовности и наличие опыта, главное – чтобы «свой»... Все в русле той же, хорошо нам знакомой, традиции «личной (или местечковой) лояльности».

Из нее же – и различие в восприятии *права* и *справедливости*, присущее сербам, которые «часто считают несправедливым даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»¹³⁷. Формальная процедура в их разумении убивала человечность. Впрочем, этот подход характерен для традиционного сознания вообще. В частности, В.А. Гиляровский с точностью формулы вывел его в своих русских типах: «Жалости подобно! Оно хоть и по закону, да не по совести!»¹³⁸ Схожий пример противопоставления русским человеком юриспруденции и моральных принципов мы наблюдаем и в «Капитанской дочке»: на вопрос Екатерины II о мотивах ее прибытия в Петербург Маша Миронова отвечает – «Я приехала просить милости, а не правосудия»¹³⁹.

хотят работать, хотя вроде бы люди способные и радикалы». И продолжал: «Мы должны лечить всех чиновников не от неспособности, но от лени». Затем он снова жаловался, теперь «на чиновничью неспособность и бездеятельность». На что получил логичный вопрос Ранко Тайсича: «Если министр жалуется на лень чиновников, то скольких из них он за нее наказал?» Ответ: «Министр признает, что не наказывал чиновников; ему препятствовали окружные начальники, приводившие доводы, что в случае принятия таких мер будет еще хуже...» (Архив Српске Академије наука и уметности. Бр. 9991/1 (Записник седнице Радикалног клуба у Скупштини бр. XII од 30. октобра 1889 г.)).

* «С улицы» – совсем не метафора автора. Тот же Н. Крстич описал, как именно «с улицы», по его выражению, набирались не только чиновники, но даже министры (см.: *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. III / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007. С. 299 (запись от 22 февраля 1887 г.)).

Именно так и было в Сербии. Обращаясь весной 1875 г. к Милану Обреновичу, священник Никола Крупежевич писал: «Народ видит, что многочисленные параграфы и формальности уже задушили справедливость, а без нее невозможны существование и прогресс общества. “На справедливости держится мир”, – считает народ. Мы и хотим, чтобы наши суды были реформированы в духе общинного самоуправления, дабы народ мог легче, дешевле и без адвокатов добиваться правды»¹⁴⁰.

Но это с одной стороны. С другой – в самом таком подходе сквозило отрицание права как такового. Король Александр в разговоре со своим учителем-французом дал ему «справедливый» совет (а тот желал вести себя в Сербии в духе местных обычаев и традиций): «Если вы хотите уважать здешние привычки и обычаи, то в первую очередь надобно нарушать закон!»¹⁴¹ В легенду вошла реплика либерального министра Якова Туцаковича в скупшине в ответ на хвалу оппозицией Англии, английских законов и В. Гладстона: «Какие вы сами англичане, такой я вам и Гладстон, и такие же должны быть у нас законы»¹⁴². А П.А. Кулаковский писал о напредниках – «Правительство нарушает законы явно и смело, употребляет незаконные средства, лишь бы достигнуть цели»¹⁴³. И радикалы были совсем не безгрешны. В 1907 г. Стоян Протич открыто возгласил в скупшине: «Правительство не только может, но иногда просто обязано поступать мимо закона...»¹⁴⁴

Как видим, правовое сознание, лежащее в основе европейской политической культуры, в Сербии еще не сложилось: ни у крестьянской массы (что естественно в традиционном обществе*), ни у элиты (также весьма подверженной стереотипам традиционного мышления, хотя и «очень само-

* Отсутствие правовой культуры – явление типическое для *всякого* традиционного общества. И в России существеннейшей чертой крестьянского менталитета было «превознесение обычая над законом»: «В народной традиции сквозь века прошло пренебрежение к закону...» (*Егоров Б.Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 73–74). В народном представлении закон «был явлением, подобным грозной природной стихии, он так же непонятен и в то же время постоянно угрожает какими-то бедствиями. И при всем этом закон есть то, чем вполне овладело начальство, что оно поставило себе на службу и использует для притеснения бедного крестьянина. Именно поэтому русское народное правосознание связывало с законом не правопорядок и правосудие, а скорее злоупотребление властью и неправый суд. И соответственно не уважало закон» (*Томсинов В.А.* Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. М., 2000. С. 153–154).

довольной перед своим народом», какой она «считает неразвитым и необразованным»¹⁴⁵), ни у суверена (о чем будет сказано ниже), хотя в стране уже функционировало *номинально* европейское политическое пространство: с партиями, конституцией, парламентом. Что говорить, если даже Народная скупщина — этот «фактор законодательной власти» — «совсем не стесняется противопоставить праву, т. е. решениям суда, физическую силу»¹⁴⁶.

Никола Крстич «синтезировал» в дневнике современный ему уровень правового сознания сербов, увязав его с понятием свободы, которой те всегда страшно гордились. Итак: «Где законы так сильно искажаются и не уважаются, там нет и смысла заводить новые институты, ибо они также не будут уважаться. Самая главная наша потребность — это добиться того, чтобы и правительство, и граждане уважали законы; и чтобы оные исполнялись так, как прописаны, — без искажения их значения. Но много еще времени пройдет, пока у нас станут понимать, что первейшее условие обеспечения свободы есть самое строгое исполнение законов. Где законы не пользуются уважением, там свобода не имеет никаких гарантий»¹⁴⁷.

Поэтому-то конфликты, столь частые в истории независимой Сербии, решались не в рамках строгих юридических процедур, но в лобовых столкновениях; отчего и были столь «популярны» политические убийства — вспомним гибель Еврема Марковича, Илки Маркович, Елены Кничанин, Милана Новаковича, Драгутина Димитиевича-Аписа. Судьба последнего особо показательна: переступив через присягу и зверски уничтожив в мае 1903 г. монаршую чету Обреновичей, он сам затем пал от рук несправедливой власти. Что ж, «посеявши ветер...!» Мало того, печальная традиция политических убийств в Сербии со временем не угасла и дожила до наших дней — спустя сто лет после убийства короля Александра и королевы Драги, в марте 2003 г., был застрелен сербский премьер Зоран Джинджич.

Таким образом, *насилие* в различных его проявлениях (причем и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития независимой Сербии, что остро ощутил, пребывая в Белграде, тот же П.А. Кулаковский, точно предсказав, помнится, «революцию и кровь» — Тимокское восстание 1883 г. С этим нашим заключением органично (и практически дословно) перекликается вывод сербского исследователя Владимира Йовановича: «Насилие в различных формах являлось особенностью сербской политической культуры на протяжении всего XX века»¹⁴⁸. А в монографии Латинки Перович целый раздел так и назван: «Насилие как константа»¹⁴⁹.

И еще одно соображение о насилии в сербском обществе, на сей раз о той его разновидности, что наглядно проявилась на страницах газет. В связи с ними (а точнее – с их количеством) академик Милорад Экмечич не без гордости заявляет: «Накануне мировой войны сербский народ имел весьма развитую периодическую печать», и это, по его мнению, являлось еще одним подтверждением успешного строительства в Сербии «современного государства»¹⁵⁰. И впрямь, по словам Л.Д. Троцкого, «война (Первая балканская. – А. Ш.) застала в Белграде четырнадцать ежедневных газет – это на город с населением немногим более 80 тысяч душ». И еще: «Благодаря развитой политической жизни пресса играет здесь огромную роль»¹⁵¹. Казалось бы, какой плюрализм и расцвет демократии, обеспечиваемые «пестротой» печатных СМИ! Но, увы, так только казалось.

Приглядевшись как следует, Лев Давидович дал хлесткую характеристику их природы: «С 1903 г. здесь политическим полем почти полностью владеет Радикальная партия». Однако она «не имеет в своих руках прессы». Поэтому «с 1903 г. в сербской политике все резче вырабатывается противоречие между официально-радикальным курсом и прессой». Далее: «Прессой руководит молодое поколение, которое не проделало революционной борьбы с Обреновичами, но успело разочароваться в ее результатах... Создался слой городской полуинтеллигенции, которая мало чему училась, не имеет за собой идейных заслуг, но проникнута уверенностью, что будущее Сербии принадлежит ей*».

* Эти рассуждения Л.Д. Троцкого о сербской «полуинтеллигенции» полностью легитимны, что лишь подчеркивает глубину его проникновения в сербские реалии, наглядно опровергая мнение Д.А. Волкогонова о крайней «поверхности» его корреспонденций с Балкан (см.: *Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет*. Т. I. М., 1992. С. 102–106). Классик сербской историографии Слободан Йованович называл данный людской тип «полуинтеллектуалами», которые «хотя и окончили школу, не обрели никакого культурного образования и морального воспитания». По причине врожденной неспособности или недостатков школьной системы полуинтеллектуал «не получил никакого импульса для духовного саморазвития. Он не понимает значения духовных ценностей, уважая лишь то, что способствует успеху в жизни, а сам успех воспринимает исключительно мещански – в смысле сугубо материальном... Диплом об образовании, как пропуск в круг интеллигенции, дал ему преувеличенно высокое мнение о себе самом. В общественном соревновании такой “примитивец” с дипломом бьется без всяких правил, с полной уверенностью, что тем самым он обеспечивает свое право. Соперников он убирает с пути немилосердно: так, словно те – не люди, а обычные физические препятствия». Его «политическая амбиция – на

Эти деклассированные элементы, стоящие на границе люмпенства и, во всяком случае, проникнутые духовным люмпенством насквозь, безраздельно владеют сербской прессой», чья «оппозиционность — есть лишь другая сторона ее жадного цинизма». И, наконец: «Бездарная, малограмотная, низменная сербская пресса вносит гниение в идейную жизнь страны и является самым зловредным фактором сербской общест-венности»¹⁵².

Показательно, что и сербский монарх высказал о данном предмете весьма схожую мысль. 5 апреля 1905 г. российский посланник в Бел-граде К.А. Губастов сообщал в МИД об аудиенции у короля Петра: «Его Величество откровенно заметил, что ему пришлось во многом разочаро-ваться относительно сербских деятелей. Судя их издали, он не думал, что они были так деморализованы, поверхностны и легкомысленны. Причины этого он видит отчасти в самом характере сербов, но главным образом в печати, коя имеет на общество и на народ развращающее вли-яние. “У нас нет, — сказал с горечью король, — ни серьезных писателей, ни честных газет. Все они изохряются лишь в ежедневной брани друг с другом и живут скандалами”»¹⁵³.

Крайне точное суждение: острое внутреннее противостояние (эта «константа» сербской политики) традиционно выплескивалось на стра-ницы печати, причем в самой жесткой форме. Что, впрочем, уже давно никого не удивляло. Так, в 1881 г., в момент образования политических партий, прибывшему из Вены в Белград для редактирования партийного органа напредняков («прогрессистов») Тодору Стефановичу-Виловскому Пера Тодорович посоветовал «писать не “в перчатках”, но так, как пу-блика в Сербии привыкла»¹⁵⁴. А год спустя в ответ на вопрос П.А. Кула-ковского о том, что пишут сербские писатели, король Милан Обренович ответил: «Сербские писатели пишут по газетам ругательного свойства статьи»¹⁵⁵. В последнем русский профессор и сам сумел убедиться со-всем скоро. «Следует заметить, — сообщал он Н.А. Попову, — что общий вывод из всей сербской журналистики теперь тот, что здесь нет теперь ни авторитета, ни почтения к лицу какому бы то ни было, нет никакой идеи, никакого морального правила, какое бы руководило жизнью обще-ства. Грустная картина разрушения!..»¹⁵⁶

самом деле совсем не политическая. Она состоит только в том, чтобы, войдя в политику, обогатиться и покомандовать с высоких постов. Он совсем не пред-ставляет, что могут быть какие-то иные, высшие и общие цели...» (Јовановић С. Један прилог за проучавање српског националног карактера // Сабрана дела С. Јовановића. Т. XII. Из историје и књижевности. II. Београд, 1991. С. 571–572).

Не изменилась такая практика и далее. В 1892 г. газета «Отпор» («Сопротивление») назвала Николу Пашича (в это время уже премьера!) «лжецом, клеветником и изменником родины», закончив столь привычным для сербской политической практики призывом: «На виселицу Пашича!»¹⁵⁷ А накануне выборов 1905 г. Коста Кумануди писал Милану Ракичу, как орган независимых радикалов «Одъек» («Эхо») и старорадикальная «Самоуправа»* «с кровавой пеной у рта бросают друг другу одни и те же оскорбления и самые жуткие обвинения, из коих наиболее мягкое – “предательство” и “служба интересам Австрии”»¹⁵⁸. Схожих примеров можно привести множество...

Жесткость характеристик (особенно, что важно, в «национальном» контексте) можно понять – многовековое противостояние с Османской империей привело к формированию у сербов *конфронтационного* сознания, и это во многом определяло специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса всесербского «освобождения и объединения» (что оставалось для большинства «сербиянской» элиты задачей первой; в том числе после появления в 1878 г. на границе Княжества Австро-Венгрии – нового врага, «сменившего» турок и водворившегося в Боснии и Герцеговине) оно органично экстраполировалось и на отношение к «другому» внутри страны. Соответственно, «мир» для ее граждан (неважно – внешний или внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона. Оттого в диалоге политических сил столь часто и присутствуют взаимные упреки в «измене родине».

Это внешнее «воздействие» – подчеркнем это особо! – есть второй важнейший фактор (наряду с «местечковой» лояльностью), объясняющий высокую степень политического антагонизма в Сербии.

Владан Джорджевич (сербский премьер в 1897–1900 гг.) заметил в мемуарах: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что она-то и есть хранительница сербского патриотизма»¹⁵⁹. После Майского переворота 1903 г. число «хранителей» возросло – с претензией на патриотическую монополию выступили офицеры-заговорщики, основавшие в 1911 г. тайную организацию «Объеди-

* В 1901 г. из Радикальной партии вышла группа «младорадикалов», образовавших Независимую радикальную партию. Ее членов именовали «самостальцами» (т. е. «независимцами»). Сторонников же Николы Пашича традиционно называли «старорадикалами».

нение или смерть» (другое ее название – «Черная рука»), с собственным печатным органом – газетой «Пьемонт»¹⁶⁰. Да и радикалы, как мы видели, окончательно раскололись, поделив свой былой «монополизм» пополам. Все это привело к еще большему накалу в сербских СМИ.

Разочаровавшись в принципах «парламентского» государства, не дававших, как они полагали, возможности *скорого* решения сербского национального вопроса, и видя в них лишь источник перманентных межпартийных склок, лидеры «Черной руки» выступали с позиций централизма, милитаризма и национализма, становясь (чем дальше – тем больше) угрозой гражданскому правлению. «Пьемонт» в первом же по счету номере от 3 сентября 1911 г. привычно обвинил все партии в «аморализме, бескультуре и непатриотизме». Единственным лекарством объявлялся «централизм», с опорой на армию¹⁶¹. Особо жесткие филиппики доставались от газеты правящим старорадикалам и их лидеру Николе Пашичу. Что опять же понятно – слишком уж по-разному (при *единстве* стратегического курса на освобождение и объединение сербов) смотрели военные и гражданские на тактические и функциональные задачи власти.

Психологию такого антагонизма описал видный сербский социолог и этнопсихолог Владимир Дворникович: «Борьба лишь обостряется, когда речь идет о разнице в понятиях близкого (родственного) порядка. Психология фанатичного борца требует определеную и эксклюзивную цель. Она должна быть предельно просто сформулирована, иметь характер догмы и не допускать никаких комплексов, никаких полутонов и переходных нюансов; никакой конкуренции родственных идей, которые, быть может, направлены к той же цели, но подразумевают иной темп, иные методы и иные формулы. Именно в отношении самых близких нюансов границы и противоположности намеренно углубляются... Гражданские войны между партиями, принадлежащими к одной нации и государству, – более страшны, чем войны между разными государствами и народами»¹⁶². Боян Йованович назвал данное явление «нарциссизмом малых различий»¹⁶³: «Нарциссоидное настояние на различиях есть показатель недовольства “качеством” совместной идентичности, в той же мере, насколько она не достигнута и на более низком уровне общности (выделено нами. – А. Ш.)»¹⁶⁴. Круг замкнулся!..

Итак, сербская пресса на протяжении всей эпохи независимости, по образному выражению Сюзанны Раич, оставалась настоящим «полем боя» разных политических сил¹⁶⁵, причем непосвященному читателю могло бы даже показаться, что на нем «ведется война против иностран-

ных завоевателей»¹⁶⁶. Сопровождая и ретранслируя партийную борьбу, которая, по выражению поверенного в делах России в Белграде Б.Н. Евреина, становилась «все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия»¹⁶⁷, пресса следовала в том же традиционном русле, переводя *государственное* и *общее* на уровень *личного*, – именно это зафиксировал Л.Д. Троцкий. «Когда вы читаете передовицы газет, и особенно партийных, – заключает Д. Стоянович, – то складывается впечатление, что их главная цель – оскорбить противника, высмеять его и подвергнуть поруганию. Так, словно нет никаких ограничений того, что можно говорить». И далее: «Возникает вопрос, был ли данный тип прессы индикатором демократизации общества, или же таким способом создавалось анархоидное политическое пространство, в котором возможно все и где не действуют никакие правила и принципы? При такой трактовке свободы печати создается стиль, когда личные оскорбления напрочь вытесняют дискуссии о политических вопросах, а политика сводится к сшибкам главных участников». И, соответственно, «общий и государственный интерес заменяется выяснением личных отношений». И в результате «все важное отходит в сторону, а общество лишается возможности четко артикулировать перспективы своего развития»¹⁶⁸.

Перед нами – еще один «зазор» между духом и буквой Европы, т. е. ее идей, практик и институтов в сербском традиционном «переложении»...*

* Такой зазор имел *системный* (т. е. отнюдь не только в политике) характер, распространяясь на *все* «новые» (современные) надстроечные элементы и порождаясь «старым» (традиционным) типом базиса. Покажем это на примере сербского здравоохранения. В 1876 г. русский врач-доброволец писал: «В каждом из 17-ти округов Княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением» (*Коломнин С.* Общий медицинский очерк Сербско-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 251). Прошло два десятилетия, но они мало что изменили: «Бывали случаи, что во время эпидемий правительство посылало врачей в селения, но к ним никто не обращался...» (*Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 162). Или же особо наглядно: «Ориент начинается к югу от Будапешта. Здесь в первый раз, если следовать от Гамбурга, хозяева поколотили тех, кого власть послала дезинфицировать их жилье после смерти холерного больного» (*Димитријевић Л.* Како живи наш народ. Београд, 2010. С. 62). А больницы-то были, но «сделала ли хоть что-нибудь для народа государственная медицинская служба, кроме содержания окружных больниц, ставших в провинции настоящей божьей благодатью для бездомных (а не реально больных. – А. Ш.)?» (там же. С. 47).

III. «Все могут короли...»

Констатируя низкий уровень политической культуры в обществе, отметим, что и последние Обреновичи не ушли от него слишком далеко. Слободан Йованович с полным правом заметил: «С точки зрения политических нравов, монархи из дома Обреновичей были не лучше своего народа»¹⁶⁹, что, понятно, не могло не повлиять на развитие политического процесса и специфику межпартийной борьбы в стране.

* * *

Начнем с того, что отношение обоих королей к партиям было очень негативным — они воспринимали их не как явление (пусть нежелательное, но необходимое), а как потенциальную опасность для монархии, от которой нужно избавляться¹⁷⁰. Потому-то и были у них всегда в фаворе внепартийные (или нейтральные) кабинеты, возглавляемые *лично* преданными премьерами¹⁷¹ — Николой Христичем, Владаном Джорджеви-

Негативный ответ очевиден. Итак, даже на рубеже веков крестьяне больниц не посещали, ибо, по словам русского очевидца (1897), «они в болезнях и не лечатся», считая, что «их посылают какие-то неведомые враждебные силы», — поэтому «селяк и прибегает к ворожеям и знахаркам, полагая, что они в состоянии тем же самым способом, каким напущены на него болезни, и прогнать их — при помощи волшебства, колдовства, чар и т.д.» (ОР РНБ. Ф. 1179. Д. 92. Л. 6)... Что же касается сферы народного образования, то мы (как и другие авторы до и после нас — сербы и иностранцы) давно констатировали несоответствие между самим фактом наличия школ и результатами обучения в них. Огромное число крестьянских детей, возвратившись после школы к привычной трудовой практике, в несколько лет забывали практически все, ибо обретенное ими знание (умение читать, писать и т.д.) в патриархальном сельском локусе оказывалось абстрактным, не будучи востребованным, что, впрочем, есть давно известный и опять-таки *универсальный* — т. е. характерный для всякого традиционного общества — феномен «вторичной (или функциональной) неграмотности» (см.: *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 46; Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 330–331; *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // *Образовање код Срба кроз векове.* Београд, 2003. С. 78; *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии // *Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах.* СПб., 2007. С. 90–102; *Он же.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // *Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913).* М., 2012. С. 130–137; *Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 190; *Паларе М.* Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010. С. 371).

чем, Алексей Йовановичем, Димитрие Цинцар-Марковичем и т.д. Подход венценосцев к партиям наглядно иллюстрирует реплика Александра Обреновича при посещении им в 1896 г. Космая. «К какой породе скота принадлежит начальник Космайского округа?» – спросил он Йована Жуйовича. «К напреднякам», – последовал ответ¹⁷². А тремя годами ранее в беседе с ним же суверен так «приложил» Й. Ристича: «Презираю его и всю его банду!»¹⁷³

Вместе с тем, когда политика той или иной партии отвечала личным интересам монарха – как это было, например, с напредняками в 1880–1887 гг., – Милан Обренович столь бурно их поддерживал, будто являлся, как с горечью заметил Пера Тодорович, не королем Сербии, а «членом какого-то парткома»¹⁷⁴. Причем его опять же интересовали не партия или идеология, но лишь конкретные люди и степень их преданности. «Какие напредняки, – говорил он о втором напредняцком кабинете, – в правительстве нет ни одного напредняка; есть я, кто приказывает, и есть Гарашанин, который слушается»¹⁷⁵. Приведем другой пример монаршего цинизма, в котором, как в капле воды, отразились как уровень личной политической культуры короля, так и деформированность сербской модернизации вообще. В 1886 г., после поражения в Сербско-болгарской войне, Милан Обренович вел переговоры с Й. Ристичем – он был готов дать власть любой партии, которая согласилась бы провести в скупщине новый военный бюджет в 14 миллионов динаров. Либералы отвечали, что вряд ли смогут исполнить бюджет, если дадут армии 14 миллионов. «Когда же они сообщили, что средства нужны еще для школ и судов, король заявил: “Тогда закройте школы и суды. Мне на них наплевать, но для армии деньги должны быть”»¹⁷⁶. К слову сказать, данный принцип и был положен в основу военной реформы 1897–1900 гг., которую многие сербские историки считают «весьма успешной» с профессиональной точки зрения¹⁷⁷. Однако тот факт, что вылупившиеся из яиц той реформы птенцы «заклевали» до смерти Александра Обреновича, ими, как правило, не учитывается. А надо бы¹⁷⁸...

* В сербской историографии объяснения сему феномену даются исключительно метафизические. Милич Миличевич – автор монографии о военной реформе короля Милана – так завершает свою работу: «То, что его творение (армия. – А. Ш.) и окончило существование династии, к которой он принадлежал, означало лишь одно – он смог сотворить такое, что было грандиознее и его самого. Впрочем, сделать то, что больше тебя, – свойство только великих монархов» (*Милићевић М. Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 166*).

В чем же причины столь выраженного примитивизма в политической культуре последних Обреновичей? В том, что они «были не лучше своего народа»? Да, и это первое. П. Тодорович (в юности самый вдохновенный радикальный «апостол», а затем апологет монархов) даже оправдывал все их грехи именно этим тезисом – посмотрите, мол, из какой среды они вышли, в каких условиях воспитывались и правили¹⁷⁹... Далее, в личных склонностях. По наблюдению бывшего премьера Любомира Калевича, «его природному дару мешало отсутствие душевного равновесия и неутолимая склонность к самоволию». А потому «король Милан никогда и не смог бы стать конституционным монархом. Он сам это чувствовал, а в моменты искренности и признавал»¹⁸⁰. И правда, признавал. «Конституционный монарх на Востоке – это бессмыслица»¹⁸¹, – говорил он, не раз повторяя, что «правит не по воле народа, но *по праву своей династии* (выделено нами. – А. Ш.)»¹⁸². Именно данная философия правления есть третье и наиважнейшее.

Как монарх понимал это самое «право своей династии», мы покажем чуть ниже; к народу же он относился, по свидетельству другого экс-премьера, Милана Пирочанца, с презрением, «ненавидя его до глубины души»¹⁸³. Причем не скрывая этого. По словам П.А. Кулаковского, король «часто собирает у себя дипломатов, с которыми играет в карты, а своих сербов называет пред дипломатами *“ces cochons”*»¹⁸⁴. И без дипломатов, в минуту гнева, он нередко бросал при всех, имея в виду соотечественников: «Уличный сброд!» («сокачки олош!»).

И если старый Милош Обренович – неграмотный и деспотичный правитель, но все-таки *свой*, – умевший с народом обходиться, ладить и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии («обращение его с ним было патриархальное, доступное»¹⁸⁵, – как отмечали русские), имел право патетически воскликнуть: «О народ, ты моя сила!», то его наследники, принадлежавшие к категории «просвещенных» монархов, на него уже не походили: в своей политике они мало прислушивались к быющему в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полага-

* П.А. Ровинский еще в конце 1860-х гг. обратил внимание на сей факт, носивший, как он показал, типический характер: «В Сербии меня одно удивляло: везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса; в Сербии напротив – интеллигенция в сущности слишком мало отделяется от массы» (*Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 70). Как видим, прошло два-три десятилетия, но в соотношении *элита – масса* по большому счету ничего не изменилось.

ясь всего лишь на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. И когда король Милан выражал недовольство своим «безумным народом»¹⁸⁶ за непонимание и саботаж его «государственной идеи», последний через своих посланников в скупшине отвечал ему тем же, кляня за то, что он «вел страну путем чуждым и глубоко противным сербским традициям...»¹⁸⁷. Очевидно, что при столь взаимоисключающих посылах надеяться на компромисс не приходилось.

Это особо наглядно проявилось во время одного из августейших «хождений в народ» — весной 1882 г., в преддверии перевыборов скупщины, монарх отправился в агитационную поездку по стране. По этому поводу Кулаковский писал Аксакову, что «выборы окончились избранием почти всех радикалов прежних. Не помогла и поездка короля и его безумные речи народу. Я знаю *наверное*, что он ругался просто “по-матерному”, когда ездил по Сербии, принимая депутации, где были члены оппозиции. Селякам он прямо называл имена лиц, которые должны быть избраны. Так, он говорил: не смейте выбирать моего врага Ранку Тайсича (крестьянина-радикала!), Рашу Милошевича, попа Новака, но эти же селяки-избиратели громадным большинством выбрали этих же Рашу, Ранку, Новака и т.д.»¹⁸⁸. Как видим, Милан действительно «с руками и ногами попал в грязь партийной борьбы»¹⁸⁹.

Такое (с тенденцией к обострению) противостояние не могло длиться вечно... В конечном итоге оно вылилось в Тимокское восстание осени 1883 г. и последовавшие затем события, которые прозвучали для Обреновичей похоронным звоном.

И последний из них — молодой и амбициозный король Александр — не скрывал своего отношения к подданным. «Я огорчен и разочарован, — говорил он, — с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать»¹⁹⁰. Видимо, поэтому он и предполагал в качестве опоры трона создать некое подобие сербского дворянства¹⁹¹. И это в среде, где, по высказыванию посланника в Париже Миленко Веснича, «всякий серб считает себя господином, а это значит, что никого, ни в социальном, ни в юридическом плане, он не признает выше себя»¹⁹² *. В конце концов неудивительно, что народ возненавидел сына столь же единодушно, как и родителя. По свидетельству англичанки Мэри Дэрам, побывавшей на Балканах в 1902 г.,

* «“Всякий серб — дворянин!” — говорит с гордостью серб. Это шляхетское чувство собственного достоинства, распространенное на весь народ» (*Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // *Он же.* Храм и церковь. М., 2003. С. 65).

«во всей Сербии я не слышала о короле ни одного доброго слова. Он скорее безумен, нежели порочен — это лучшее, что о нем говорится. По отношению к нему я не видела ничего, кроме презрения...»¹⁹³ Его конец был по-балкански жесток.

Права королева Наталья (жена Милана и мать Александра; кстати — русская по рождению), проницательно заметив: «Вместо того чтобы понять, что Обреновичи стали тем, кем стали, только благодаря Сербии, они уверены, что именно они эту Сербию и создали»¹⁹⁴. Воистину роковое заблуждение! Из него-то и проистекало пресловутое «право своей династии», по которому, помнится, правил король-отец.

Понятно, что оно в принципе не допускало никаких ущемлений власти монарха, — в 1886 г. Милан Обренович заявил, что «не может позволить, чтобы ему навязывался конституционный вопрос» и что «когда политики (напрядняки. — *А. Ш.*) хотели сделать это, причем с ограничением его прав, он буквально уперся и действовал против них»¹⁹⁵. А как же иначе, если «конституционализм», по его разумению, — это режим, который «вреден для престола и порядка в стране»¹⁹⁶, и, следовательно, право династии на власть в Королевстве — почти то же самое, что и право господина на владение и распоряжение имением, находящимся в частной собственности? Какие уж тут ограничения! Именно так, позволим себе предположить, смотрел на Сербию король, притом «хвастаясь, что, кроме него, никто не умеет вести в ней политику»¹⁹⁷ — еще один образчик рокового для страны политического «мессианства»... По справедливой оценке современного автора, «он не хотел или же не мог придерживаться норм поведения, каковые были характерны для европейских монархий и предполагали, что венценосец несет ответственность как за государственные, так и за личные поступки»¹⁹⁸.

Однако кое-кто из историков как бы даже гордится тем, что Милан Обренович был столь «специфичной и непохожей на современных европейских монархов особой», считая его «значительной и крайне занимательной личностью, которая наложила свой отпечаток на историю Княжества, а затем и Королевства Сербии»¹⁹⁹.

Русский мемуарист, описывая одного русского императора, заметил: «Власть он воспринимал не как священную обязанность с вытекающей из нее ответственностью, а как данную ему лично привилегию, которая позво-

* Совсем в духе родоначальника династии Милоша Обреновича, распорядившегося страной «как феодал своим поместьем» (*Чиркович С.* История сербов. М., 2009. С. 243).

ляла, не размышляя, следовать своим капризам»²⁰⁰. Под эту формулу отлично подпадает Милан Обренович, слишком сильно (в духе «короля-Солнца») отождествлявший Сербию с самим собой и своими личными интересами. Что ж, «как урожденный деспот, он был неспособен замыслить государство, отделенное от него»²⁰¹. Причем такое отношение к власти в конечном итоге окажется действительно роковым — не только для него, но и для династии вообще: его наследник Александр ушел, увы, недалеко от родителя. Из этого единого корня и произрастала их «семейная» политическая культура. Ее motto наглядно выразил Обренович IV: «Пусть меня осудит история, мне это все равно; лишь бы я сам себя не осуждал, своего-то суда я и боюсь больше всего»²⁰². В ответ на что его подданные справедливо констатировали: «Нет у него чувства ответственности; он не знает, что такое долг»²⁰³, ибо «не оказался на высоте положения, какая требуется от конституционного правителя»²⁰⁴. Да и вообще — «Мы в Сербии живем как на вулкане. Не было б никого счастливее и спокойнее нас, если бы, по какому-то волшебству, мы не имели такого грубого и взбалмошного короля Милана. И когда он правил, страну постоянно трясло, и после отречения он не перестал ее будоражить»²⁰⁵. И даже бывшие преданные сторонники (Милутин Гарашанин и Стоян Новакович) переменились в отношении к нему: «В нем нет патриотизма, он не любит свою страну»²⁰⁶. Действительно, перефразируя Станиславского, он куда больше любил *себя* в «своей стране»²⁰⁷.

С. Йованович почти дословно поддержал вердикт современников: «Он слишком много думал о собственной личности, как и о том, какое впечатление она произведет. У него не было ни моральной дисциплины, ни чувства долга...»²⁰⁸

* * *

Столь откровенно заявленное стремление Милана и Александра Обреновичей к *личной* власти («При моем темпераменте я не могу согласиться с положением, которое занимают монархи Румынии и Греции», — повторял король-отец²⁰⁹) имело последствием то, что Корона постоянно стравливала политических оппонентов и разжигала тлеющие антагонизмы между партиями — для усиления своих позиций. С этой целью отменялись конституции; чередовались, как перчатки, кабинеты (за пятнадцать лет, в 1888–1903 гг., их на политической арене промелькнуло двадцать два^{210*}); совершались госперевороты (за десять лет правления

* Подобная правительственная чехарда также никак не способствовала «качественному» решению государственных дел. Пера Тодорович изобразил

Александра – четырежды). А что в итоге? Какая национальная сверхзадача была реализована сербскими монархами, полагавшими, что укрепление их абсолютного господства и есть гарантия прогресса Сербии и ее «пути в Европу»?

примерную модель деятельности министров в таких условиях: «Господин министр пришел к власти <...> и, как человек сознательный, он хочет глубже войти в курс дела. Наряду с другими обязанностями, для этого ему необходим минимум месяц. Но как только он вошел в курс дела, его давит необходимость чистки чиновников в своем министерстве, для чего опять же нужен месяц. На протяжении третьего месяца он должен готовиться к скупщинским выборам, четвертого – готовить проекты законов с “изменениями и дополнениями”; пятый месяц он работает со скупщиной, шестой проводит в отпуске после столь тяжелой работы. А на седьмом месяце он возвращается на службу, и его отправляют в отставку! И еще дай Бог, чтобы у всех сербских министров их мандат длился по семь месяцев...» (*Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији // Исти. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 73*). Как видим, никакой преемственности и постоянства в деятельности сербских правительств во время последних Обреновичей не было. Не было и стратегии – ими решались частные задачи, связанные в основном с сиюминутными пожеланиями монархов... О правительственных назначениях Никола Крстич записал: «Привела его (министра. – А. Ш.) на это место не государственная надобность, но воля короля», которая «всегда показывает себя как единственный важный политический фактор», ибо «король желает быть министром над министрами. Он во все вмешивается и всеми делами хочет руководить». И далее: «Королю надоела борьба со всеми партиями. Но именно он во многом эту борьбу и вызвал и так обострил, меняя министров без видимых причин. Вряд ли был хоть один кабинет, который ушел бы в отставку не по несогласию с королевскими желаниями – даже в малых деталях. Едва ли найдется хоть один министр, который так или эдак не был унижен. Многие правительства менялись в течение ночи, и многие министры уходили от короля министрами, а придя домой, читали в газетах новый указ, которым принимается их отставка, в которую они и не подавали». И, наконец, как вывод – «Король Милан (как и сын его Александр. – А. Ш.) поддерживал только те кабинеты, которые были послушны его воле и соглашались на все, чего он желал. В этом и надобно искать причину настолько частых и, порой, необъяснимых перемен министров и правительств» (*Крстић Н. Дневник. Јавни живот. IV. С. 22–23, 40, 61, 116 [записи от 18 апреля, 27 сентября 1888 г.; 26 февраля 1889 г.; 28 апреля 1890 г.]... Та же ситуация была и в провинции, о чем свидетельствует окружной доктор: «В Австрии, насколько я знаю, уездные начальники пребывают на своих должностях по 5–6 лет. А у нас – тот, кто продержится год, может считать, что ему повезло»* (*Димитријевић Л. Како живи наш народ. С. 119*).

Этим важнейшим вопросом задавались и некоторые современники, в частности, первый напредняцкий премьер Милан Пирочанац. В своем дневнике он так размышлял о сложившейся в стране ситуации: «Грамотно руководить и ввести в стране полезные институты, уравновесить бюджет и изменить основу налоговой системы – всего этого вряд ли возможно добиться, проводя политику, целью которой является перманентный конфликт всех партий». И еще вопрос: «Король делает то, что делают и другие монархи, – сохраняет статус-кво, в границах которого он является самой сильной фигурой, но спрашивается – для чего же он нужен, этот статус-кво», когда «династия Обреновичей правит страной почти 30 лет без перерыва, но до сих пор не решены вопросы, *каковые должны были быть решены еще прошлыми поколениями?* (выделено нами. – А. Ш.). И, как печальное резюме, – «Все у нас повторяется, причем одним и тем же образом»²¹¹.

И в этой связи весьма уместно суждение болгарского историка Наума Кайчева: «Несмотря на изначальный исторический гандикап, сербская государственная машина в начале 1880-х гг. была вынуждена решать ряд тех же задач, что стояли перед болгарским государством-младенцем, – т. е. создание регулярной армии, национального банка, современной судебной системы. Не на последнем месте в списке реформ стояли как введение всеобщего начального образования, так и организация целостной системы просвещения»²¹². При этом (присовокупим для наглядности) процент грамотных после проведения школьной реформы, число учеников и объем госвложений в образование на душу населения были в Болгарии значительно выше, чем в Сербии²¹³...

Все точно. Вступив первой на Балканах на путь национального освобождения, Сербия забуксовала, теряя историческое время*. Внутренняя

* Снова предоставим слово Николе Крстичу: «После колоссального напряжения, освободившись, наконец, от пятивекового ига, сербы получили сначала полунезависимую, а затем и независимую державу, но каких только “чудес” в ней не случилось за относительно короткий период протяженностью в 87 лет. Первый вождь убил своего отца и родного брата, а потом покинул Сербию. Второй вождь убил первого, и других воевод, дабы организовать государственную жизнь, сам затем превратившись в тирана. Почему его и изгнали, как изгнали и его сына. Изгнали и сына первого вождя, князя Александра. Князя Михаила, когда он вторично вступил на престол, убили... Король Милан в лучшие годы жизни покидает престол, измученный неудачами во внутренней политике и несчастным браком» (*Крстић Н. Дневник. Јавни живот. IV. С. 146 [запис от 8 мая 1891 г.]*).

борьба (в том числе междинастическая) обескровливала страну, которую просто рвали на части – причем как приверженцы монархического абсолютизма, так и сторонники парламентаризма²¹⁴. Прав современный сербский историк Чедомир Антич: «В истории Сербии Нового времени сербские политические элиты часто испытывали потребность в абсолютной власти»²¹⁵. К чему и стремились в постоянной грызне между собой. Понимание того, что власть и политика могут иметь какой-то иной характер, у них, как мы говорили выше, еще не сложилось. Не та оказалась политическая культура!

Поэтому-то каждый лагерь и верил только в свою правоту, отказывая в таковой оппоненту, превращавшемуся в смертельного врага, борьба с которым воспринималась как *миссия*, направленная на благо Сербии. «Высокая моральная безупречность тех или иных деятелей враждующих партий, – выводит типологически схожую ситуацию Ю.М. Лотман, – оказывалась совсем небезупречной с точки зрения интересов целостной структуры. Целостная структура ориентирована на усредненность и выживание, а ее механизм – юстиция. Партийность направлена на истину (всегда – свою истину) любой ценой. Крайнее воплощение первой – компромисс, второй – война до победного конца и полное уничтожение противника»²¹⁶.

В такие моменты возрастают роль и ответственность Короны как единственной надпартийной силы, символа и гаранта этой «целостной структуры». Сыграл ли Милан Обренович такую роль? Нет, и даже не пытался, лишь подлив масла в огонь взаимного антагонизма*. Вместо того чтобы стать инициатором «рационализации конфликта» и взять в свои руки процесс «гармонизации» опасно разошедшихся интересов, правитель Сербии, по справедливому замечанию академика С.Д. Сказкина, «шел напролом против своего народа»²¹⁷. Что это? Преувеличение историка, порожденное антипатией к герою? Ничуть. «Он остался иностранцем в своей стране»**, – не без сожаления констатировал в сере-

* «Оппозиция меня не пугает, – говорил король. – Она думает, что я упаду перед ней на колени. Только тогда, когда она сама встанет передо мной на колени, я смогу с ней разговаривать...» (*Пироћанац* М. Белешке / Приред. С. Рајић. Београд, 2004. С. 302 [запись от 24 июня 1886 г.]).

** П.А. Кулаковский занес в свой дневник слышанную от Йована Ристича характеристику Милана Обреновича: «Когда он приехал из Франции, он был настоящий француз; когда побывал в Ливадии, он вернулся настоящим русским; а теперь, побывав в Австрии, он вернулся австрийцем» (РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 12 [запись от 12 октября 1880 г.]).

дине 1880-х годов австро-венгерский кронпринц Рудольф Габсбург, размышляя о белградском приятеле. И далее, в сопоставлении, продолжал: «Все свое будущее король связал с Австрией, но, по правде говоря, он еще более помог бы нам, если б понял, как важно иметь крепкие связи со страной и располагать любовью своего народа... В этом мне видится большая разница с Румынией. Король Карл (Гогенцоллерн!!! – А.Ш.) – и телом, и душой румын, а потому у него там более стабильная позиция»²¹⁸. Чедомиль Миятович в унисон принцу вспоминал, как однажды «осмелился спросить Карла, в чем тайна его исключительного успеха как короля? Ведь по национальности он – немец, а его народ, принадлежащий к латинской расе, был весьма буен и привык менять своих правителей... “Ах! – ответил король. – Тайна моего успеха очень проста. Это терпение, упорный труд, вера в разум, патриотизм и будущее моего румынского народа»²¹⁹. Как следствие всего этого, побывав в 1896 г. Бухаресте, Александр Обренович несказанно поразился тому, «насколько Румыния в своем развитии опережает Сербию»²²⁰.

Заметим, что и самые дальновидные сербы, оценивая с высоты прошедших лет размах межпартийной борьбы в стране, весьма сожалели о столь явной политической ангажированности монарха. По их мнению, это было ошибкой, которая, как писал Пера Тодорович, «оказалась роковой для него, для нас и для всей страны»²²¹. Увы, признает другой апологет Обреновича IV-го, он «забыл, что самая большая мудрость политика – никогда не терять связи с народной душой»²²². То есть, – синте-

* Мы уже говорили об отношении Милана Обреновича к положению румынского и греческого монархов в их странах. Приведем еще один его выпад против короля Карла и уважения им конституции Румынии: «В подобном случае я не желал бы быть Карлом румынским. Я не позволю себе приказывать» (*Тодоровић П.* Краљ Милан и Радикална странка // *Исти.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 189). В результате же, в отличие от Милана Обреновича, Карл румынский успешно проправил своей страной 48 лет (1866–1914) – прав оказался Рудольф Габсбург... По словам преданного друга Обреновича IV-го Чедомиля Миятовича, «король Карл, зная слабость Милана (жесткое неприятие ограничения королевской власти. – А. Ш.), много раз мне описывал не только мудрость, но и красоту конституционного правления. Добавляя при этом, что он – отнюдь не доктринер и не желает учить меня конституционной теории, но говорит лишь на основе собственного опыта. И всегда, заканчивая разговор, он просил меня передать Милану совет – без страха перейти к подлинно конституционному правлению» (*Мијатовић Ч.* Успомене балканског дипломате / Прев. и приред. С. Марковић. Београд, 2008. С. 67).

зирует оба взгляда третий современник, — монарх «должен не связывать себя с отдельной партией, а любить весь свой народ»²²³. Примерно так, как румынский король!.. И по возможности, добавим от себя, более органично вписываться в те представления, что исторически сложились в народном сознании о своих «вождях»²²⁴. Ведь, как отмечают российские исследователи феномена монархизма, дабы «сохранить себя как институт верховной власти, монархия должна была соответствовать ритмам развития общества»²²⁵.

Но венценосные отец и сын, как мы старались показать, обошли вниманием эти простые в общем-то истины. И в результате, как писал Милан Обренович германскому кайзеру Вильгельму в момент отречения (февраль 1889 г.), — «страна меня не понимает, и я ее не понимаю!»²²⁶ Пять лет спустя он повторил ту же мысль: «Мы так и не смогли понять друг друга, народ и я»²²⁷.

Последствия оного известны: по словам Милана Пирочанца, «народ сербский не любил короля Милана»²²⁸, и это особо наглядно проявилось, когда 29 января 1901 г. тот почил в Бозе. Оказавшись два месяца спустя в Белграде, А.В. Амфитеатров описал, что он там увидел: «Все официальные бумаги в Сербии, визитные карточки служащих во всех правительственных учреждениях, офицерские и чиновничьи униформы облечены в траур по Милану — самый формальный и неискренний политический траур в истории нашего времени! Потому что не было серба, который явно или тайно не радовался бы его смерти. В беседах с великими и малыми я одинаково слышал откровенные фразы: “Бог сжалился над Сербией и взял к себе Милана”»²²⁹. Конечно, это не по-христиански, но что иное могли сказать люди, которых сам усопший, помнится, величал «уличным сбродом»?.. Но вернемся к «отцам и детям».

* * *

Показательно — в отношении Обреновича-старшего к своему отпрыску, словно в капле воды, отразился весь уровень политической культуры этого слишком страстного, субъективного и капризного (чтобы стать *истинным* государем) экс-монарха. Покажем сие на примере.

После своего отречения и временных наездов в Сербия он, находясь в 1894 г. в Европе, подчеркнул в одном из писем весьма важную мысль: «Я могу служить лишь тогда и в такой мере, в какой этого захочет король. Ибо этого требует монархический принцип»²³⁰. Все абсолютно корректно. Но, увы (как то не раз случалось и прежде²³¹), — только на бумаге.

В реальной жизни уже через год все было совсем по-другому, — и наш старый знакомый Никола Крстич занес в дневник: «Король Милан принимает многих. К нему идут, как и к молодому королю, может быть, даже больше. Чувствуют, что он ворочает делами, вот люди и вьются около него, чтобы с его помощью добиться того, чего хотят. Можно сказать, что фактически у нас два короля — старший и младший. Этот правит, а тот влияет на этого. Станет ли это дублирование полезным для страны, покажет время. Но боюсь, что оно не приведет к исправлению политической ситуации и не обернется добрыми последствиями»²³².

Дальше — больше. Еще через два года Милан окончательно вернулся в Сербию и стал командующим регулярной армии. При этом его амбиции не ограничивались чином армейского генерала, придуманным специально для него. Ведь еще до встречи с сыном в Париже осенью 1897 г., где и было решено о возвращении экс-короля, тот принялся выяснять лукавый вопрос: носил ли основатель династии, старый князь Милош, титул «верховного вождя», как в свое время Карагеоргий²³³? Эти поиски столь сомнительной легитимности при живом и законном монархе находились в открытом противоречии с высокими фразами о «монархическом принципе».

При этом многим было очевидно, что король-сын тяготеет растущим влиянием и весьма жесткой волей родителя, который «чем увереннее и сильнее чувствовал себя в армии, тем больше стремился к доминированию над всем и вся»²³⁴.

Естественно, что длиться вечно такое положение не могло: мина, своими руками заложенная Миланом Обреновичем под здание династии, рванула в июле 1900 г., когда была объявлена помолвка короля Александра с Драгой Машин; король-отец находился в то время за границей, ему запретили возвращаться в страну. Важную (для понимания логики этих событий) зарисовку состояния монарха оставил П. Тодорович. В мае, т. е. за полтора месяца до разрыва, он записал нервные слова Александра: «Но и это “король-отец” — это глупо, очень глупо! То есть, поймите меня правильно, глупо само понятие “король-отец”. Что это значит? “Король-отец”, “король-сын”? То, что в Сербии есть два короля — отец и сын. А это ложь, господин Пера! В Сербии один-единственный король. И это я, сербский король Александр I. А все остальное — это интрига и фальсификация. Люди выдумали “короля-отца”, чтобы меньше выглядел “король-сын”. Поскольку отец всегда умнее и старше сына”. Говоря это, — заключал Тодорович, — король встал передо мной и поднял указательный палец вверх. “Этого хотят, этого многие хотят, господин Пера! Но цыц! Я все вижу и этого не допущу! Не допущу, господин Пера!...”»²³⁵

Что ж, короля Александра можно понять. Унаследовав немало семейных черт (как в отношении к народу, так и в понимании политики и своей роли в ней), он все же не был виновен в том, что попытка *приватизировать* «право династии Обреновичей», предпринятая его отцом, закончилась так плачевно для них обоих. А потому, чисто по-человечески (по крайней мере, на наш взгляд), он заслуживает большего снисхождения у истории, чем предшественник²³⁶.

Чем все закончилось, хорошо известно – очередным политическим убийством и переворотом 1903 г.

* * *

Кстати, с переворотом 29 мая связан еще один наглядный пример политической культуры, характерной для Сербии того времени. Речь идет о ликвидации (параллельно с убиением королевской четы) и военного министра, генерала Милована Павловича – кавалера русского ордена Св. Георгия IV степени, проживавшего во втором этаже дома, принадлежавшего «Обществу реконструкции Врачара», что и ныне стоит на Негошевой улице... Мы здесь – о пушкинской «милости к падшим», свойственной, впрочем, лишь натурам высоким. Так вот, после штурма квартиры генерала, храбро отбивавшегося от убийц и погибшего «как герой»²³⁷ (по выражению русского военного агента, полковника И.Н. Сысоева), его жилище было полностью разрушено, о чем зять покойного, Божидар Янкович, писал бывшему премьеру В. Джорджевичу: «Относительно вида квартиры, в которой эти разбойники хозяйничали целых 10 минут, Вы получите ясное впечатление, когда я скажу, что после нападения она выглядела так, как будто ее грабили и жгли черкесы. Довольно Вам заметить только, что “Общество реконструкции Врачара”, коему принадлежит здание, заплатило 2700 динаров за ремонт и... *обвинило мою тещу в разрушении стен и порче деревянных частей, требуя от нее компенсации* (выделено в оригинале. – А. Ш.)»²³⁸.

IV. «Золотой век»:

блеск и нищета сербской демократии

После майского переворота 1903 г., устранившего Обреновичей и вернувшего на престол Карагеоргиевичей в лице престарелого и неагрессивного Петра I, политическая ситуация в Сербии, казалось бы, нормализовалась. Действительно, Народная скупщина одобрила новую демократическую конституцию, в рамках которой функционировала парламентская система; монарх же, в отличие от Обреновичей, не вме-

шивался открыто во внутренние дела, строго следуя заповедям Основного Закона.

Однако под всем этим «внешним лаком цивилизации», в сфере политической культуры, мало что изменилось. Отношения большинства и меньшинства в парламенте оставались прежними – большинство как угодно стремилось навязать свою позицию, полагая ее единственно верной; меньшинство же агрессивно демонстрировало, что по каждому вопросу имеет свой, отличный от правящих, взгляд, причем всюду процветал принцип «Чем хуже, тем лучше!». Так, глава старорадикалов Никола Пашич, будучи сам далеко не безгрешен, точно охарактеризовал поведение оппозиции в одной из своих речей: «Это, братья, – политика упрямства (в оригинале: “ината”. – *А. Ш.*). Ослепленные ненавистью к своим политическим противникам, они забыли об интересах страны»²³⁹. А Пайя Михайлович зафиксировал в дневнике наглядное высказывание одного из вождей младорадикальной партии Яши Продановича: «Пусть лучше рухнет страна, нежели чем старорадикалы останутся у власти»²⁴⁰.

Обструкции оппозиции с блокированием кворума, нецензурщина, «оскорбления действием» – заурядные явления в эпоху «золотого века сербского парламентаризма». А как же иначе, ведь, по словам Милана Протица – одного из авторов претенциозной «Новой истории сербского народа», – «динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный критерий парламентской демократии»²⁴¹. Дефиниция, заметим, сколь броская, столь и мало что в политической жизни Сербии после 1903 г. объясняющая.

На самом же деле, «несмотря на то, что идеологических причин для столь острого соперничества часто уже не имелось, оно продолжалось с большой ожесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности в использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И вскоре стало ясно, что многие из сербских политиков просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри них самих, часто велась с необузданной страстью, причем без особенной разницы – шла ли речь о жизненных государственных интересах или же о второстепенных вопросах»²⁴². Следствием такой «борьбы» были частые роспуски парламента – ни один его состав не доработал отведенный ему по конституции срок. Да и правительства (как и ранее) были недолговечны, что позволило полковнику

И.Н. Сысоеву, докладывая в центр, с полным правом заключить: «Сербия – классическая страна министерских кризисов»²⁴³.

По оценке российского дипломата В.В. Муравьева-Апостола-Коробына, данной спустя два месяца после переворота, «исчезли в мгновение ока Обреновичи, воцарился быстро и по всем правилам конституции Карагеоргиевич, но сербы остались все теми же. Одна ночь, хотя и столь значительная, не смогла их переродить». И далее: «Уснули на время страсти, встрепенулись некоторые чистые надежды и патриотические благие порывы. Но для осуществления последних требуется время, тогда как для пробуждения природных инстинктов, зависти и ревности, оказался вполне достаточным и протекший двухмесячный срок»²⁴⁴. А Б.Н. Евреинов позже дополнил коллегу: «Партийная борьба делается все непримиримее и несдержаннее, переходя все границы такта и приличия (данную фразу мы уже цитировали. – А. Ш.). Она охватывает все слои общества, прежде к ней непричастные, и возрастающие под ее пагубным влиянием поколения неизбежно будут все более усиливать и обострять ее до тех пор, пока не настанет тот, могущий оказаться спасительным, кризис» или «встряска, которая заставила бы здешних политических деятелей надолго отказаться от преследования своих личных и партийных, корыстолюбивых и властолюбивых целей и обратиться к единодушной деятельности на пользу своего отечества»²⁴⁵.

Заметим, что это упоминание о «спасительном кризисе» («встряске» или «популярной войне» – см. эпиграф) как единственном возможном средстве упорядочения пребывавшего в перманентном хаосе сербского политического «космоса» крайне рационально, в чем мы убедимся ниже.

Вполне отдавал себе отчет в «специфике» сербского парламентаризма и король Петр, десятки лет проживший в Швейцарии и прекрасно знакомый с «классической» его моделью. По словам британского корреспондента, интервьюировавшего монарха в сентябре 1903 г., тот не скрывал своего разочарования: «Немалая проблема состоит в том, что люди, его окружающие, не обладают подлинно парламентскими понятиями и ощущениями, а каждая партия и фракция считает, что конституционные свободы даны исключительно ей...»²⁴⁶

Однако, несмотря на это (а, быть может, именно благодаря этому), политическим гегемоном в стране на протяжении всего предвоенного периода оставалась Радикальная партия во главе с бессменным лидером Николой Пашичем. Причем и вождь, и партия мало изменились как в своем «мессианстве» («Я уверен, что одна только Радикальная партия способна сохранить и усилить Сербию, а также реализовать все наши

идеалы»²⁴⁷, — писал Пашич в 1907 г.), так и в восприятии демократии, парламентаризма, плюрализма, политической культуры. Они по-прежнему рассматривали демократию как неограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм — как институционализацию такого права, с порога отвергая плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителями интересов всего народа²⁴⁸. И, соответственно, те, кто думал иначе, оставались для радикалов врагами, а не оппонентами, компромисс с которыми был исключен начисто. Старинный принцип «партийного государства», как следствие выраженной одномерности их сознания, по-прежнему являлся стержнем радикальной политической культуры.

В стране «победившего парламентаризма», как видим, сложилась, по сути дела, «полуторапартийная система»: с одной стороны радикалы, с другой — все остальные²⁴⁹. «Вместо власти одного человека, — констатировал С. Новакович, — в Сербии под маской демократии установлена власть одной-единственной партии»²⁵⁰, в которой, по Йовану Скерличу, «наличествует личный режим, или олигархия нескольких вождей, какие держат в своих руках не только партию, но и страну»²⁵¹. Такое политическое состояние известный венгерский мыслитель Иштван Бибо назвал «фальсификацией демократии», способствующей «поддержанию и защите осуществляемого в демократических *формах* антидемократического правления»²⁵²... Но эта власть одной партии была добровольно принята и поддержана сербским селяком. Вершителями судеб Королевства вплоть до мировой войны являлись Никола Пашич — этот, по точной дефиниции Л.Д. Троцкого, «абсолютный властитель Сербии»²⁵³ — и его радикальная генерация. «В Белграде, — продолжал будущий «соавтор» российского Октября, — все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича... Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам. А Пашич всегда у всех и на уме и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно»²⁵⁴.

Кстати, страной Николай Петрович (как звали его в России) руководил так же, как и собственным домом, всегда оставаясь с ней, а не над ней. Российский посланник при сербском королевском дворе князь Г.Н. Трубецкой, имевший возможность часто видеть премьера в военные годы, вспоминал: «С раннего утра Пашич отправлялся в министерство и с небольшим перерывом сидел там целый день. Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Он достигал этого не только благодаря своему официальному положению, но и громадному личному авторитету». И далее: «Члены кабинета были

много моложе Пашича. Он смотрел на них как на молодых людей, говорил им “ты” и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии. В Нише (временной сербской столице в 1914–1915 гг. – А. Ш.) все министры занимались в одной большой зале. Пашич сидел в другом углу комнаты за общим столом. Получалось впечатление профессора и учеников». И, наконец: «Он правил Сербией на подобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество... Всего более (а это уж точно маленький шедевр! – А. Ш.) напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей – Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок и леску на хозяйство»²⁵⁵.

Профессор международного права и одновременно корреспондент «Нового времени» А.А. Пиленко также оставил свидетельство о встрече с Пашичем в ходе войны: «В январе прошлого года я посетил Ниш и был принят главой сербского правительства... Нечего, конечно, говорить о той популярности и любви, которыми пользуется в стране этот выдающийся государственный деятель. К нему идут как к отцу, и двери его кабинета открыты для всех. Он не только глава правительства, но он друг, с которым советуются обо всем, к голосу которого прислушиваются»²⁵⁶.

Такая власть *своего* «старосты» (или «отца») вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые минуты фаталистически замечал: «Байя* знает, что делает» («Зна Баја шта ради!»), а значит – все образуется. Воистину, как заметил В. Дворникович, «политический тип и мораль Николы Пашича были органично связаны с той социально-психологической средой, представителем которой он оказался»²⁵⁷. Не случайно поэтому, что (со слов того же Трубецкого) «он так олицетворял свою Сербию, как ни один человек в Европе не олицетворял своей страны»²⁵⁸. Независимо от русского дипломата к весьма схожему выводу пришел и его итальянский коллега, граф Карло Сфорца, много общавшийся с Пашичем и написавший о нем целую книгу: «Чем дольше я работал над ней, тем больше отдавал себе отчет в том, что о Николе Пашиче невозможно писать, не думая постоянно об истории и характере его народа»²⁵⁹.

В свое время Макс Вебер выделил важнейший критерий «харизматического типа господства» – он опирается на «*личные* отношения меж-

* *Баја* (сербск.) – сербское прозвище Н. Пашича, означающее *тятя, тятенька*.

ду господином и подчиненным», противостоя «формально-рациональному типу господства как *безличному*»²⁶⁰. Случай с Пашичем наглядно подтверждает истинность данной мысли.

Таким образом, национальное согласие вызревало в Королевстве после 1903 г. на базе традиционных понятий о власти, ее носителях и их политической культуре²⁶¹, в рамках которых, повторимся, предпочтение отдавалось скорее обычаю, чем закону. А потому и не кажется чем-то удивительным, что новые сербские власти также не всегда следовали «законной процедуре». По признанию современника – поэта, философа, дипломата Йована Дучича, «у нас тогда была счастливая эпоха – никто не выступал против конституции, но и не особо-то взыскивалось за нарушение закона. До самой смерти Пашича, когда наступил закат той великой эпохи, случаи беззакония в нашей стране были нередки, однако оно никогда не становилось системой...»²⁶²

V. «Война и мир»

И еще одно объяснение столь своеобразной культуры участников политического процесса в Сербии. Оно дополняет отмеченное выше влияние конфронтационного сознания на ее общественную жизнь – когда в фокусе *внутреннего* противостояния различных сил находилась *внешне*-окрашенная претензия каждой из них на «эксклюзивный» патриотизм, отчего в сербской прессе и звучали постоянные обвинения друг друга в «измене родине». Однако, несмотря на этот «повседневно-тактический» антагонизм (в чем и проявлялся присущий сербам «нарциссизм малых различий»), во главу своих стратегий они всегда ставили достижение «национального идеала» (основанного на этноисторическом мифе и *недостижимого без войны*) – в ущерб универсальному и «безличному» гражданскому порядку. Или, пользуясь политической лексикой Николы Пашича, провозглашали верховенство «свободы извне» над «свободой изнутри»²⁶³.

Синтетически данную иерархию приоритетов или национальную парадигму, в виде жесткого алгоритма (уже после смерти Тито!), выразил живой классик сербской литературы Добрица Чосич: «Сербь учились гражданским свободам и правам, они их принимали, осознавая их ценность, но, тем не менее, национальная свобода всегда оставалась для них ближе гражданской»²⁶⁴.

Такая парадигма носила «сквозной» характер. В 1860-е годы, например, князь Михаил Обренович был убежден, что «внешней свободы» бы-

стрее и легче можно добиться, имея в распоряжении «хорошо устроенную армию» и управляя своими подданными «железной рукой», ибо они «еще не дорасли до самоуправления»²⁶⁵. А в 1875 г. митрополит Михаил писал И.С. Аксакову: «Правда, что наш народ молод и, собственно говоря, не начал жить новой государственной жизнью, ибо до тех пор, пока он совершенно не освободится от чуждого ига и не соединится в одно, не может быть и серьезного слова о какой-нибудь более прогрессивной и плодотворной жизни его, или же об осуществлении каких-нибудь высших государственных или народных идей»²⁶⁶. Еще более откровенен четверть века спустя тот же Пашич: «Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня высшим идеалом, чем гражданская свобода сербов Королевства»²⁶⁷.

Таким образом, национальные, или внешние, акценты (за малым исключением) преобладали в сознании «сербийской» элиты над мыслью о необходимости внутреннего развития страны. Поиски путей решения задачи «освобождения и объединения сербства» отвлекали у нее слишком много средств и внимания, отодвигая проблему гармонизации отношений между государством и обществом, как и внутри самого общества, на второй план и придавая процессу модернизации независимой Сербии однобокий и неорганичный характер.

Вспомним здесь хотя бы Милана Обреновича с его требованием дать на армию 14 миллионов, а на школы и суды — «наплевать». Или приведем случай, когда эскадрон конницы, назначенный к расквартированию в городке Трстеник, при отсутствии в нем казарм и иных больших зданий занял школу, а ученики были вынуждены заниматься в частных домах²⁶⁸. Что ж, как с правом заметил П.А. Ровинский в 1868 г., «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность...»²⁶⁹

В 1892 г. с немалой дозой самоуверенности первый регент Сербии Йован Ристич внушал Альберу Мале мысль о диалектике внешнего и внутреннего факторов, считая, что ее перманентные внутренние проблемы — это мелочь в сравнении с тем, что сербы испытали и через что прошли в своей истории: «Мы имели страшные кризисы, и нынче у нас предвыборный кризис, но мы выкрутимся, и пусть это вас не волнует. Что это по сравнению с прошлым?» — спросил он и гордо добавил: «Мы — это те, кто дали знак для борьбы на независимость на всех Балканах. Греция последовала нашему примеру через двадцать лет; болгар же вообще только русские освободили. Пятнадцать лет тому назад целая

империя стояла против нас... Именно мы приняли на себя весь удар, сказав себе, что если турки победят нас, то и с черногорцами будет быстро покончено. Эта империя черпала свои резервы с трех континентов – из Европы, Азии и Африки. Это были такие люди – гвардия, я их видел... Но мы все равно все пережили! Что сегодняшний кризис? Делайте спокойно свою работу»²⁷⁰.

Несмотря на хвастливый тон Ристича (насколько прав Кулаковский: «Пройдут года, и начнется сербская похвальба»²⁷¹, – о русских добровольцах и их жертвах регент и не вспомнил; мало того, в элите бытовало мнение и покруче, будто «виной проигрыша сербами первой кампании – Черняев и наши добровольцы. Сербы же (вот это новость! – А. Ш.) справились бы одни с турками»²⁷²), его «лекция» гостю весьма показательна. С одной стороны, в ней четко выражена мысль, что только внешнее заслуживает внимания, ну а внутреннее – само как-нибудь рассосется. А с другой, это самомнение и постоянное выпячивание своего первенства в истории («самохвалство и исключительность сербская»²⁷³ – как назвал их Кулаковский) сформировало у сербов систему мышления, в центре которой, по типологии Ю.М. Лотмана, лежало стремление «осуществить на практике неосуществимый идеал» (что для Кулаковского есть сплав «ничтожных сил и громадных притязаний»²⁷⁴), в отличие от той, что «стремится приспособить идеал к реальности»²⁷⁵. Перед такими внешними «миражами» меркли рутинные задачи внутренней перестройки. Причем «миражи» поражают именно своей «неосуществимостью» и мегаломанией: интеллигенция Княжества, помнится, «разыскивала сербов повсюду», доказывая, что «София и Македония населены сербами, что Солунь должен быть сербский»; а в белградской унтер-офицерской школе, по свидетельству русского военного туриста, питомцы, кроме всего прочего, изучали «историю и географию Великой Сербии *от моря до моря* (выделено нами. – А. Ш.)»²⁷⁶.

Зоркий русский глаз давно подметил эту «диалектику». В своих письмах и статьях конца 1860-х гг. П.А. Ровинский назвал «самодовольство»*

* Особый всплеск такого «самодовольства» (которое отнюдь не способствует трезвой самооценке) последовал после ярких сербских побед в Балканских войнах. В.Н. Штрандтман оставил свидетельство о посещении белградских госпиталей: «Один из раненых, лежавший в палате, где работала моя жена, <...> меня спросил: “Почему Россия не приняла во время войны с Японией сербских добровольцев? Если бы они были приняты, – сказал он, – результат войны был бы совершенно иной, и японцы были бы разбиты наголову!”» А «в госпитале Сербского Красного Креста <...> артиллерийский офицер, словоохотливый и

одной из черт сербского характера²⁷⁷. А Кулаковский в послании Майкову подчеркивал: «Царство Душана не дает сербам спать», – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им неподходящую <...> заставляет больше мечтать и меньше делать*. Это печально в том государстве, которое находится в таком трудном положении, как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно»²⁷⁸. Но нет: «Ленивые по природе, избалованные благодатным климатом и плодородием почвы, они только занимаются политическими разговорами, перекраивая карту Ближнего Востока по настроению и вкусу»²⁷⁹. Корни данного состояния, – объясняет Платон Андреевич в дневнике, – кроются в «близорукости теперешней сербской интеллигенции, которой примириться с ролью второстепенной никак не хочется» и которая «слишком ничтожна по своим внутренним силам, чтобы признать себя слабой»²⁸⁰. Четверть века спустя посланник в Белграде К.А. Губастов подтвердил правоту Кулаковского: «Вся драма Сербии состоит в том, что, вообразив себя наследницей славного сербского прошлого, она захотела играть большую политическую роль, на которую уже не хватало ни сил, ни людей, ни средств, ни умения. Вследствие этого возникла тяжелая неудовлетворенность, отравляющая сербскую народную душу...»²⁸¹

* * *

Первый секретарь российской миссии в Сербии (впоследствии – поверенный в делах) В.Н. Штрандтман вспоминал, как накануне Балканских войн сербы ему «говорили, что они живут изо дня в день под страхом набегов соседей. Когда я их спрашивал, почему их столица так невыгодно с

бодрый, очень разумно говорил о положительных сторонах сербских побед, видя в них основание для будущего культурного развития государства. Однако, чтобы никто не посмел нарушить мирное течение жизни на Балканах и в Европе вообще, надо добиться союза между Сербией и Англией. На мой вопрос, почему он называет Англию, тяжело раненный артиллерист ответил: “У нас есть армия с непобедимой артиллерией, а у Англии флот!”» (*Штрандтман В.* Балканские усомнене. Београд, 2009. С. 232).

* Заметим, что обоснованность данных наблюдений вполне подтверждают выводы историографии: «Обновление царства Душана являлось идеалом для многих сербских националистов XIX в.» (*Макуљевић Н.* Уметност и национална идеја у XIX веку. Београд, 2006. С. 85).

внешней стороны отличается от столицы Болгарии*, они мне отвечали, что не имеет смысла отстраивать большие дома, потому что рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению»²⁸². А в начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист записал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий». Но «многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо, но что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом...»²⁸³

Отматываем пленку на полвека назад. И что же обнаруживаем? А то, что П.А. Ровинский и тогда наблюдал *идентичное*: Сербия «производит впечатление какого-то полувоенного лагеря» — все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то»; вся «она живет накануне, вся в каком-то воинственном настроении», стоя «вечно на карауле»²⁸⁴.

Этот исторически и географически зыбкий экзистенциальный фундамент сербского дома породил особый образ существования его обитателей: частую смену защитных (или наступательных) действий и передышек — с новым ожиданием, терпением, собиранием сил. Соответственно, сербы Княжества (Королевства) практически и *не жили*, постоянно воюя либо готовясь к войне, находясь в никогда не спадавшем психологическом напряжении: в 1876–1918 гг. страна пережила шесть военных конфликтов. В таких условиях, как писал В. Дворникович, «в нашем на-

* Такое сравнение Белграда с Софией (явно не в пользу сербской столицы) присутствует и в других описаниях русских путешественников. Так, известный журналист Д.Н. Вергун писал в июне 1910 г. в «Новом времени»: «Странная участь славянских столиц на Балканах. В Софии везде видны следы строительной горячки... На торчащих балках и стропилах кучи плотников и каменщиков. Совсем разрытый муравейник или пчелиный рой. Не то в Белграде. Какая-то лень, сонливость и беспечность на неумолимом солнцепеке. Говорят, город этот сделал теперь заем в 60 миллионов для приведения себя в культурный вид. Но работа что-то не спорится. Да и неудивительно: какое возможно переустройство, когда с другого берега Дуная, из Землинской гавани, неумолимыми соглядателями торчат с шести австро-венгерских мониторов медные жерла крупновских орудий» (Москва — Сербия. Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 120). И Л.Д. Троцкий, сравнивая в 1912 г. две балканские столицы, заметил: «Контраст между захолустным, невымощенным, грязным Белградом и чистой на немецкий лад, с высокими зданиями Софией — разителен» (*Троцкий Л.Д. Перед событиями // Он же. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 104*). Теперь ясно, почему!

роде создавался какой-то специфический ритм и темп жизни, слабо приспособленный к современным методам труда и созидания»²⁸⁵. Понятное дело, вместо естественного поступательного развития – всплески отчаянного напряжения и относительно мирные паузы, заполненные не «органичной работой», а очередным ожиданием национальной сатисфакции и внутренними разборками элит*.

Именно в этом гипертрофированном взгляде «на сторону», повторимся, состоит важнейшая причина консервации традиционного состояния сербского общества, как и «один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни»²⁸⁶, что, в свою очередь, и обеспечивало устойчивость в ней архаичной политической культуры. К тому же в условиях незавершенности процесса национального освобождения защита патриархальной модели «народ – сообщество равных» становилась средством и формой внутренней консолидации жителей Сербии, поскольку малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа – важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство отождествлялось в глазах большинства элит с национальным единством. Причем такое отождествление почти всегда «санкционировалось» *снизу*, следствием чего (и одновременно обуславливаясь) было то, что героическое начало закладывалось в сознание сербов с младых ногтей – мотив грядущей войны за «отмщение Косова» и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях: в семье, школе, сельском локусе, Народной скупщине²⁸⁷.

Соответственно, воспроизводимое исторической традицией и мифологией состояние внутренней мобилизованности народа, постоянная готовность к реализации «национального идеала» (добиться чего без военных мер было невозможно) вступали в противоречие с задачей формирования «гражданского общества» в Сербии...

Иные, те самые «гражданские», мотивы звучали у сербских политиков крайне редко. Если мы хотим иметь школы, как в Норвегии, а инсти-

* Объезжая летом 1901 г. юго-восточную Сербию и входя в контакт с населением, российский посланник Н.В. Чарыков вынес следующее впечатление о «теперешнем политическом идеале сербов Королевства»: «Извне – желание спастись от “швабов” и объединить всех сербов. Внутри – “едан децениум мира”, т. е. желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы...» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. 2. Л. 65 об. [Н.В. Чарыков – графу В.Н. Ламздорфу. Белград, 6 июня 1901 г.]).

туты, как в Дании, тогда нам надо избегать военных расходов, — говорил напредняк Воислав Маринкович. «Если же хотим вести какую-то национальную политику и создавать Великую Сербию, тогда мы должны превратить нашу страну в военный лагерь»²⁸⁸. Но эти в буквальном смысле единичные голоса не имели никакого влияния на политику Сербии в период «золотого века» — практически вся элита страны, подчеркнем еще раз, была настроена патриотически. «Национальная сатисфакция» оставалась для нее святой и, как мы видели, «наследственной» целью. Когда в 1895 г. специальная комиссия, куда вошли представители академического сообщества, давала имена белградским улицам, то огромное большинство новых топонимов оказалось связано с географией (городами, горами, реками) предполагаемой «Великой Сербии», кроме одного — Москва²⁸⁹...

* * *

И «военный лагерь» был создан! После аннексии Веной Боснии и Герцеговины в 1908–1909 гг., когда вновь предельно актуализировался национальный (т. е. «внешний») фактор.

В Сербии аннексия вызвала мощную волну протестов. Общество всколыхнулось — в стране создавались пункты записи добровольцев, готовых сей же час отправиться в Боснию на защиту сербского дела. По словам Николы Пашича, «война будет популярна и бестрепетна к жертвам»²⁹⁰. Одновременно правительство Королевства обратилось к России, вставшей на сторону сербов. Однако в марте 1909 г., учитывая неготовность ее к войне, Германия ультимативно потребовала санкционировать акцию Австро-Венгрии, дав понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное вторжение Вены в Сербию, при содействии Берлина. Угроза подействовала — и Петербург был вынужден отказаться от поддержки Белграда и посоветовать ему признать новый *status quo*²⁹¹.

Сербия отступила, но это отступление было временным. В отблеске последнего «триумфа» Габсбургов уже являлась тень древнего царя Пирра... Аннексия заставила сербов прийти в себя, и в стране началась активная внутренняя работа. Ее результатом стало то, что к началу Балканских войн (1912–1913) Королевство имело сильную и хорошо вооруженную армию, а моральный дух народа был как никогда высок. «Люди были так воодушевлены, — вспоминал В.Н. Штрандтман, — что бросали работу, чтобы сразу же явиться на сборный пункт. Мне известен случай, когда работавший в частном доме серб не закончил чистку сапог, узнав о призыве его возраста в войска; он бросился опрометью к своему хозяину, наспех попрощался, не взял причитавшихся ему денег и бегом отправился в местную комендату-

ру». И не он один – «в других случаях кучера оставляли экипажи и лошадей на дороге, дабы поспеть на место призыва. Кухарки тоже бросали все и спешили уехать в деревню, чтобы заменить мужчин на работе». В общем, «воодушевление было неопишное...»²⁹² «Война, которую желали все!»²⁹³ – назвал вторжение в Турцию современный сербский историк.

Плоды подготовки оказались впечатляющими: сербские войска сыграли ряд крупных сражений Первой балканской войны – при Куманово, Битоле, Прилепе.

Очевидец событий из России (инженер и строитель порта Прахово на сербском берегу Дуная) И.П. Табурно четко показал механизм этой неожиданной трансформации пребывавшей в состоянии вечной анархии страны в единый военный лагерь. Причины подобного «волшебного» превращения понятны – в свете сказанного выше. Итак, ему слово: «Как оказалось, Сербия была прекрасно подготовлена к войне. Могу утверждать, что лучше всех союзников. Оружие, обмундирование, снаряжение, обоз – все было в достаточном количестве и в лучшем виде. Денежные средства также оказались налицо – более ста миллионов. Она даже была в состоянии кое-что уделить и союзникам.

Подумать, что всего четыре года назад, во время провозглашения Австрией аннексии Боснии и Герцеговины, Сербия ничего еще не имела, ибо если бы она была хоть мало-мальски готова к войне, неминуемо затеяла бы драку с Австрией – таково было настроение. Она принуждена была проглотить предложенную графом Эренталем “пилюлю” только потому, что для войны у нее ничего не было готово. И вдруг, через четыре года, она оказалась во всеоружии своей силы, хотя сравнительно и скромной по размеру, но весьма внушительной по качеству*.

Казалось, что сербы за тридцатилетний период владычества Австрии смирились с мыслью и свыклись с владычеством ее этими двумя чисто сербскими провинциями. Казалось, что провозглашение аннексии будет принято просто как формальность. На деле оказалось иначе. По-

* В 1908 г. премьер Милован Милованович обратился к военному министру Степе Степановичу с просьбой дать информацию о реальных возможностях страны. На запрос последовал обескураживающий ответ: «Сербия может вооружить лишь сорок тысяч человек, которые будут в состоянии сражаться всего пятнадцать дней» (цит. по: *Мекензи Д.* Милован Милованович. Београд, 2007. С. 100). Мобилизация 1912 г. застала Сербию в иной ситуации: «Она уже могла сформировать 11,5 дивизий, обеспеченных пушками и ружьями» (*Рябинин А.А.* Балканская война // *Малые войны первой половины XX века.* М.: СПб., 2003. С. 143).

этическая натура большое значение всегда придает форме. Облик играет большую роль: поэт округляет его, создает из него то, что его душа хочет – жаждет. Обнажите этот облик, представьте его в естественном, неприкрытом виде, и поэт приходит в ужас.

Так произошло и с сербским народом: когда сняли форму временной оккупации Боснии и Герцеговины, он, увидев реальность, возмущился присвоением Австрией того, что привык духовно считать своим. Иллюзия исчезла, осталась голая правда. Босния и Герцеговина – австрийская. Возмущению сербов не было предела. Однако, увы, наружу выступила собственная нагота, слабость и бессилие. Но сербский народ не упал духом. Подхвачен был всей страной клич: “За дело!”».

Соответственно, на войне: «Дисциплина образцовая. Селяне, начальники департаментов, судьи, адвокаты, инженеры, прислуга, рабочие одинаково и пунктуально исполняют приказания старших – беспрекословно и даже охотно, как бы тяжело ни было. Безропотно переносят всякие лишения. Куда исчезла критика мирного времени? Как будто ее и не было»*.

И, как резюме, – «Сербы за свое возрождение (иначе это назвать нельзя) должны быть благодарны Австрии, графу Эренталю...»²⁹⁴

Все так! Тем не менее, опять же, увы.

Ибо победы – победами, но стоило наступить миру, и бывшие политические язвы вновь обнажились. По-солдатски прямолинейный генерал Панта Драшкич без обиняков назвал вещи своими именами: «Как только для нас, сербов, проходит опасность, мы тут же перегрызаемся между собой»²⁹⁵. Поводом к очередному конфликту стал знаменитый «спор о приоритете» в новых (т. е. вошедших в состав Королевства в 1913 г.) областях. Указ «О старшинстве гражданских властей в Новой Сербии»^{**} над

* То же самое фиксирует и очевидец событий «с другой стороны» – военный атташе Австро-Венгрии в Белграде майор Отто Гелинек: «Политические противоречия полностью исчезли, партийная борьба прекратилась <...> вся страна, максимально напрягши свои силы, предоставила себя в полное распоряжение армии. Сербия напоминала тогда единый военный лагерь» (Денда Д. Завршни извештаји аустро-угарског војног аташеа у Београду о српској војсци у Балканским ратовима 1912–1913. // Балкански ратови 1912–1913. Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 131).

** «Новая Сербия» – общее наименование всех территорий, присоединенных к Королевству в 1912–1913 гг. В отличие от так называемой «Старой Сербии» – исторической области (состоявшей из Рашки и Косова и Метохии), освобожденной в ходе Первой балканской войны и поделенной с Черногорией.

военными», изданный по инициативе министра внутренних дел Стояна Протича, предполагал введение «первенства» гражданских чинов во всех торжественных случаях; и бывало, что, при явном нежелании элитного чиновничества ехать на службу в Богом забытую «новую» глушь, какой-нибудь уездный начальник лет 25–28 оказывался там на разных церемониях выше полкового командира в штаб-офицерском звании. И все это в условиях действия осадного положения. Такая ситуация (в конкретных проявлениях) действительно была нетерпимой. Однако, «заговорщики», создавшие в 1911 г. тайное общество «Черная рука», решили использовать ее для лобовой атаки на правительство.

Тем более что во время и после Балканских войн офицерство стало вести себя в Старой Сербии и Македонии крайне независимо. По словам русского военного агента, полковника В.А. Артамонова, «военные, реабилитированные войной, высоко подняли голову»²⁹⁶. Настолько высоко, что, когда во время кризиса в отношениях с Болгарией по поводу раздела территорий, захваченных у турок в ходе Первой войны, раздался слух, будто Пашич готов отдать их часть Софии, они открыто пригрозили кабинету²⁹⁷, а член «Черной руки» Люба Йованович-Чупа от имени организации высказал премьеру, что «они изрубят его в куски на Теразиях, если он хоть что-то уступит болгарам»²⁹⁸.

Воспользовавшись очередной ссорой (командира Вардарской дивизии Дамняна Поповича с окружным начальником за право на первое место в церкви, завершившейся демонстративной отставкой комдива), после чего, собственно, и был выпущен указ «О старшинстве...», заговорщики потребовали его отмены и предоставления сатисфакции «униженным» офицерам. Глава правительства Никола Пашич отказался идти на уступки. В ответ (после неудачной попытки двинуть войска из Скопья на Белград²⁹⁹) те вступили в альянс с парламентской оппозицией (независимыми радикалами) с целью *любой ценой* — вплоть до переворота — сместить премьера. В своих личных амбициях и эгоистичных резонах независимцы пошли на этот тайный сговор с «Черной рукой», компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. «Сербский парламентаризм, — точно сформулировал «диагноз» Воислав Вучкович, — оказался перед опасностью разрешения его латентного кризиса насильственным путем»³⁰⁰.

Глубинный смысл этого конфликта, с точки зрения «политической культуры» его участников, вскрыл уже упомянутый нами Милан Живанович: «Радикалы хотели власти, *долгой и неделимой* (здесь и далее выделено нами. — А. Ш.) власти. И потому готовили не только

общественное мнение к своему долговому владычеству, но и рассматривали новые территории, Старую Сербию и Македонию, в качестве будущей радикальной колонии. Апис и заговорщики хотели власти в армии, такой же долгой и неделимой. Они пытались превратить армию в свою будущую колонию... Оба фактора присваивали себе все заслуги за военные успехи и вошли в жесткий клинч, так как мешали друг другу. Радикальные лидеры побаивались “преторианцев”, казавшихся им препятствием для создания *радикального царства*... В этом столкновении заговорщиков с радикалами оппозиция стояла на стороне армии, но совсем не потому, что она желала защищать правое дело, а дабы самой иметь защиту мощной силы в борьбе с радикалами. Было необходимо свалить Пашича любой ценой, и момент ей показался подходящим»³⁰¹.

Перед нами – привычный и давно известный набор представлений сербской элиты, фундамент которого составляли стремление каждой из ее фракций к монополии на патриотизм и мессианская претензия на политическое господство. Все же другие объявлялись врагами – в борьбе с ними использовались любые средства. И в этой связи весьма показательна дефиниция *политики*, сформулированная тем же С. Протичем: «Политика – это как паровой каток, укатывающий дорогу. Все, что находится у него на пути, надо выровнять: засыпать, утрамбовать, раздробить»³⁰².

Кульминацией «Спора о приоритете» явились роспуск скупщины и объявление новых выборов. Пашич подал в отставку, но король в мае 1914 г. возвратил ему мандат на власть – для их организации. А 11 июня обнародовал указ о перенесении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, «в связи с болезнью». Что фактически явилось его скрытым отречением. Решающую роль в таком разрешении кризиса сыграл российский посланник Н.Г. Гартвиг. Именно он рекомендовал Петру I оставить Пашича у власти. Тот подчинился, не желая противостоять России, и дипломатично удалился в политическую тень, не сумев выполнить данного военным обещания. Итак, в борьбе с «Черной рукой» (этим мощным антиконституционным участником сербской политики) «парламентский» режим формально устоял, но при поддержке другой нелегитимной силы – Российской императорской миссии³⁰³...

Кстати, спрашивается – а какую политику на присоединенных территориях проводил «устоявший парламентский режим», ведь сербский «золотой век» формально еще не закончился? Вот что читаем об этом

в книге академика Симы Чирковича «История сербов»^{*} – лучшем «синтетическом» очерке сербской истории: «В ходе Балканских войн были серьезно поколеблены два основополагающих принципа прежней политики Сербии – этничности и парламентской демократии. Завоевания в Албании и Македонии показали, что она выходит за рамки отстаиваемой десятилетиями стратегии освобождения сербского народа»³⁰⁴.

И, действительно, в завоеванных областях был установлен «авторитарический провизориум» (по выражению сербского академика Йована Жуёвича³⁰⁵), в рамках которого, по словам современника событий, русского историка А.Л. Погодина, совершались «многочисленные насилия, отсутствовали конституция и гражданские права»³⁰⁶. Сербский премьер Никола Пашич не любил насилия, о чем свидетельствует хотя бы В.Н. Штрандтман: в начале мировой войны тот «в порыве откровенности высказал мне свои сетования, что некоторые начальники сербских военных отрядов, действовавших в предыдущем (1913-м. – А. Ш.) году в Албании, недостаточно считались с чувствами и патриотическими настроениями албанского народа. Он с досадою говорил о превышении этими начальниками своих полномочий и крайней суровости наказаний за малейший проступок без достаточного основания»³⁰⁷. Но, с другой стороны, Николай Петрови^ч вовсе не собирався интегрировать новых подданных Сербии в сербское конституционное поле. Отвечая на вопрос русского корреспондента В.В. Водовозова, он заявил: «Что же касается действия сербской конституции, то мы не распространяли его на Македонию потому, что там, кроме славян, имеется большое число греков, турок, албанцев, армян». И далее: «Не можем же мы дать им право участвовать в нашей скупщине и законодательствовать не только для себя, но и для нас»³⁰⁸.

Однако насчет славян Пашич откровенно лукавил. Наряду с албанцами, главными «оппонентами» сербов «на терену» были болгары – такие же православные славяне! И вот на прямой вопрос Водовозова о болгарских школах в Македонии министр внутренних дел Сербии Люба Йованович столь же прямо ему ответил: «По заключении мира мы действительно не открыли болгарских школ, и их больше нет»^{**}. Но мы открыли

^{*} Название оригинала: *Тирковић С. Срби међу европским народима* (Београд, 2004). Высоко оценивая этот труд, мы инициировали его перевод на русский язык – он вышел в Москве в 2009 г.

^{**} Соотношение количества болгарских и сербских начальных школ на территориях, вошедших в состав Сербии, весьма показательно. Накануне вхождения (наряду с 334 государственными турецкими) здесь находилось 290 болгарских и 250 сербских школ. Из числа же средних школ, каковых имелось 74,

много новых (естественно, сербских, для ускоренной национально-культурной “ассимиляции”³⁰⁹ православных болгар и македонцев. – А. Ш.), следствием чего было то, что «большая часть болгарских учителей оставила Македонию»³⁰⁹. Ясное дело – люди, крещенные при рождении как Петровы, совсем не желали становиться Петровичами³¹⁰.

Спрашивается, – доколе сей порядок предполагалось применять? Как полагал другой академик, Любомир Стоянович, – «до тех пор, пока население не начнет ощущать себя сербскими гражданами», ибо «*настоящих сербов там нету и четверти* (выделено нами. – А. Ш.)»³¹¹. Да и сам Йован Жуйович после поездки по Македонии пришел к заключению, «что населяющий ее народ еще не следует впускать в нашу скупшину», хотя до нее рассуждал иначе³¹².

Такие вот представления о «гражданине» и его «правах» в собственной стране сложились в сербской элите (политической и научной) накануне июня 1914 г. – архаичные и замешенные на крутом этноцентризме. Что, на наш взгляд, как-то не совсем вяжется с концепцией «расцвета» демократии и парламентаризма.

* * *

Ну а «завтра была война», и все завертелось с калейдоскопической быстротой. Сараевское убийство и ультиматум Австро-Венгрии; ее нападение на Сербию и героическая борьба сербов, дважды (в ходе Церского и Колубарского сражений) пославших в нокдаун сильнейшего на порядок противника; относительное затишье до осени 1915 г. и октябрьское австро-германо-болгарское вторжение; беспримерная «Сербская Голгофа» и эвакуация армии и правительства с албанского побережья на остров Корфу зимой 1916 г.

«больше всего было болгарских, тогда как сербских – всего шесть», – признает современный сербский историк Милош Ягодич (см.: *Јагодић М.* Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. С. 527).

* Данный термин использован автором отнюдь не произвольно. Ведь именно так, в отличие от позднейшей сербской историографии, называл вещи своими именами Никола Пашич. Накануне Сараевского покушения, по свидетельствам ряда очевидцев, он заявил: «Никак не могу понять, почему в Вене не видят, что наши непосредственные интересы требуют, чтобы на протяжении жизни по крайней мере одного, а может быть, и двух поколений вопрос о существовании Австро-Венгрии не поднимался. У нас сейчас и так полно работы, дабы ассимилировать сербскую Македонию...» (цит. по: *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 165).

Казалось бы, в военное время особенно требуется единство нации и согласие ее элиты. И в момент объявления Веной войны Белграду все так и было. «Люди и партии протягивали друг другу руки. Все распри были забыты»³¹³, — писал лично лицезревший сей факт В.Н. Штрандтман. Но опять ненадолго. И, прибывши на Корфу, П. Драшкич снова констатировал у своих земляков рецидив их хронической болезни — «Как только непосредственная опасность спадает и наступает краткое затишье, у нас, сербов, сразу же начинаются политические раздоры»³¹⁴. А полковник Мирко Милосавлевич говорил Слободану Йовановичу: «Пока идут военные операции, мы действуем совместно, как братья; но стоит им прекратиться, словно какой-то дьявол вселяется в нас»³¹⁵.

Кульминацией таких «раздоров» стал Салоникский процесс 1917 г. и расстрел предводителя «Черной руки» Д. Димитриевича. К периоду Корфского затишья относится и начало острого соперничества в политических верхах Королевства. Возросшие амбиции принца-регента Александра и его «ревность» к Николе Пашичу привели к появлению первых глубоких трещин в их отношениях³¹⁶...

Дальнейшее известно: Сербия вышла из войны триумфатором — лидером и ядром объединенного югославянского государства, Королевства СХС. И вновь в сфере политической культуры ее элиты ничего не изменилось. Только к старым партийным сварам «шумадийцев» добавились новые распри между ними и «пречанами» — на фоне явно-скрытой конфронтации с хорватами и словенцами, которые (в отличие от сербов) именно в межвоенной Югославии завершили процесс своей национально-политической консолидации. Но это уже другая тема.

VI. Заключение: «Человек политический»?

Подводя итог нашим размышлениям, позволим себе одну параллель. Говоря в завершающей первый том статье о специфике сербского общества, мы констатировали, что *экономический человек* в независимой Сербии «все еще не проснулся, несмотря на “квазиевропейские” формы его существования»³¹⁷. Что же касается политической культуры, то, в принципе, ее результатом и мерой — по определению ученых — является «политический человек и качество политической жизни общества в целом»³¹⁸... Так вот, как мы и старались показать, этот *политический человек* европейского типа также спал в Королевстве глубоким сном.

Примечания

¹ Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 76.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 156. Картон 5. Д. 89. Л. 6 об.

³ Цит. по: *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Т. I. Доношения, рапорты, телеграммы, письма. 1902–1915. М. – Подгорица, 2003. С. 37.

⁴ См.: *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 629–680.

⁵ Там же. С. 670.

⁶ Исследованию специфики функционирования данных институтов в сербских условиях посвящены и другие работы автора: *Шемякин А.Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81; *Он же.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 176–201; *Он же.* Политические партии в независимой Сербии // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации. СПб., 2006. С. 199–214; *Он же.* Система народного образования в независимой Сербии // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах. СПб., 2007. С. 90–102; *Он же.* Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления // Историки-слависты МГУ. Кн. 7 (X.X. Хайретдинов). М., 2008. С. 184–208; *Он же.* Сербия в начале XX в. // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 13–54.

⁷ *Пугачев В., Соловьев А.* Введение в политологию. М., 2004. С. 325.

⁸ Там же.

⁹ *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 413.

¹⁰ См.: *Батаковић Д.* Успомене Панте М. Драшкића у српској мемоарској прози // *Драшкић П.* Моји мемоари / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 19; *Љушић Р.* Милан Обреновић // *Исти.* Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С. 142; *Нова историја Српског народа* / Уред. Д. Батаковић. Београд, 2000; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 302–303, 306; *Рadoјевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божидара Марковића (1874–1946). Београд, 2007. С. 78; *Рadoјевић М., Димић Љ.* Србија у Великом рату 1914–1918. Београд, 2014. С. 28–31, и др.

¹¹ *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // *Balkanica*. Vol. XXXVI. Belgrade, 2006. P. 129.

¹² См.: Стојичић С. Уставни развитак Србије 1869–1888. Лесковац, 1980.

¹³ Свирчевић М. Локална самоуправа у Србији и Бугарској (1878–1914). Београд, 2009. С. 282.

¹⁴ Нова историја Српског народа. С. 188.

¹⁵ Батаковић Д. О парламентарној демократији у Србији 1903–1914. Странке, изборе, политичке слободе // Глас САНУ. CDXX. Одељење историјских наука. Књ. 16. Београд, 2012. С. 391, 407.

¹⁶ См.: Поповић М. Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1982. С. 282–283; Историја Српског народа. Београд. 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; Екмечић М. Стварање Југославије. Београд. 1989. Књ. 2. С. 546; Живојиновић Д. Краљ Петар I Карађорђевић. Београд, 1990. Књ. 2. С. 115; Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; Протић С. Срби и демократија. Записе из наше политичке историје. Ниш, 1998. С. 58, 62; Љушић Р. Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 203–204; Bataković D. Storm over Serbia. The Rivalry between Civilian and Military Authorities (1911–1914) // Balcanica. Vol. LXIV. Belgrade, 2013. P. 307–308; и др. ... Данная оценка была популярна и в мировой литературе. См., например: Dragnich A. The Development of Parliamentary Government in Serbia. N.-Y., 1978. P. 106; Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1990. С. 20–21; The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century. Aldershot, Brookfield, 1997. P. 2; Павловић С. Србија. Историја из имена. Београд, 2004 (перевод с английског оригинала). С. 98, и др.

¹⁷ Stojanović D. Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije // *Ista*. Ulje na vodi. Ogledi iz istorije sadašnjosti Srbije. Beograd, 2010. S. 61.

¹⁸ Изработ последнегo десятилетия см.: Стојановић Д. Србија и демократија. 1903–1914. С. 348–420; Chrobak T. Srbsko za vladу Petra Karadjordjeviće // *Dejiny Srbska*. Praha, 2005. S. 249–250; Popović-Obradović O. Mit o začecima parlamentarizma u Srbiji 1903–1914: «zlatno doba srpske demokratije» // *Ista*. Kakva ili kolika država / Prired. L. Perovic. Beograd, 2008. S. 224–253; Лазих М. Друштвени односи у Србији у време закаслелог капиталистичког развоја // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2009. Св. 3. С. 24; Шемякин А.Л. Сербия в начале XX века... С. 22–37; Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. М., 2012. С. 255–266; и др.

¹⁹ Touraine A. Qu'est-ce que c'est que la democratie. Paris, 1994. P. 26. Приведено по: Стојановић Д. Срби и демократија. 1903–1914. С. 413.

²⁰ Шемякин А.Л. Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 6.

²¹ Мале А. Дневник са српског двора. 1892–1894 / Прев. и приред. Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 204 (запись от 6 декабря 1893 г.).

²² Подробнее о П.А. Кулаковском, его жизни, взглядах и творчестве см.: Грот К.Я. Платон Андреевич Кулаковский. СПб., 1914; Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е гг. XIX в.). М., 1989. С. 74–92; Она же. Деятельность П.А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (к 100-летию со дня кончины русского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2013. Кн. 1. С. 77–93; Она же. К вопросу о публицистической деятельности П.А. Кулаковского // Славянские и балканские народы в периодической печати. М., 2014. С. 174–186; Шемякин А.Л. Письмо Николы Пашича П.А. Кулаковскому // Историјски часопис. Књ. XL–XLI. Београд, 1995. С. 219–232; Он же. Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // Родина. 2013. № 12. С. 47–52; Лантева Л.П. Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 111–126; Она же. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 725–745.

²³ Кулаковский П.А. Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 270–277.

²⁴ Лантева Л.П. Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского... С. 111.

²⁵ Косик В.И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 203.

²⁶ Рукописное отделение Института русской литературы РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 572. Д. 1. Л. 1 об. (дневник П.А. Кулаковского, запись от 12 декабря 1878 г.). Опубликовано в: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. М.; Београд, 2012. С. 68.

²⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 4 (П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 14 сентября 1880 г.).

²⁸ НИОР РГБ. Ф. 156. Картон 5. Д. 71. Л. 29–29 об. (П.А. Кулаковский – В.В. Макушеву. Станция Пушкино, 6 июля 1882 г.).

²⁹ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 9 (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 27 мая 1882 г.).

³⁰ Там же. Ф. 377. Д. 833. Л. 2 (П.А. Кулаковский – И.П. Корнилову. Белград, 8 мая 1882 г.).

³¹ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 26 (дневник П.А. Кулаковского, запись от 20 июня 1881 г.). Опубликовано в: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 77.

³² ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 6 (П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).

³³ Гордон А.В. Новое время как тип цивилизации. М., 1996. С. 45.

³⁴ См.: Тодорова М. Имагинарни Балкан. Београд, 1999 (на языке оригинала – *Todorova M. Imagining the Balkans*. N.-Y., 1997). С. 196.

³⁵ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 13 (дневник П.А. Кулаковского, запись от 15 января 1881 г.).

³⁶ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 8 (П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).

³⁷ Батаковић Д. Успомене Панте М. Драшкића у српској мемоарској прози... С. 19.

³⁸ Пироћанац М. Белешке / Приред. С. Рајић. Београд, 2004.

³⁹ Крстић Н. Дневник. Јавни живот. III, IV / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007.

⁴⁰ Стојановић К. Слом и васкрс Србије / Приред. С. Турлаков. Београд, 2012.

⁴¹ Димитријевић Л. Како живи наш народ. Београд, 2010 (1-е изд. – Димитријевић Л. Како живи наш народ. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893).

⁴² Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. М., 2002. С. 280.

⁴³ Пивоваров Ю.С. Политическая культура. Методологический очерк. М., 1996. С. 9–12.

⁴⁴ Там же. С. 18.

⁴⁵ Там же. С. 16–17.

⁴⁶ Там же. С. 18.

⁴⁷ Троцкий Л.Д. В дороге // Он же. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 43.

⁴⁸ Бобчевъ С.С. Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 2.

⁴⁹ Шемякин А.Л., Силкин А.А. «Долой монархию! Да здравствует король Петр!» (Из русских записок сербского академика) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 441.

⁵⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 281. Оп. 1. Д. 176. Л. 28 об. (дневники путешествия в славянские земли в 1882–1883 гг.).

⁵¹ Подробнее об этом см.: Шемякин А.Л. Политические партии в независимой Сербии... С. 199–200.

⁵² Протић М. Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // Србија на крају Првог светског рата (Зборник радова). Београд, 1990. С. 137.

⁵³ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 189. Л. 3 об. (Белград, 12 февраля 1879 г.).

⁵⁴ Дарам М. Кроз српске земље / Прев. и приред. В. Милановић. Београд, 1997. С. 128.

⁵⁵ Крстић Н. Дневник. Јавни живот. III. С. 245 (запись от 14 января 1886 г.).

- ⁵⁶ Там же. С. 297 (запись от 25 ноября 1886 г.).
- ⁵⁷ *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 80–81.
- ⁵⁸ *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи... С. 26.
- ⁵⁹ *Троцкий Л.Д.* Стоян Новакович // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. С. 63.
- ⁶⁰ *Стојановић К.* Слом и васкрсење Србије. С. 87.
- ⁶¹ *Ђорђевић Д.* Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С. 55.
- ⁶² *Stojanović D.* Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... S. 62–63.
- ⁶³ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 27 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.).
- ⁶⁴ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. IV. С. 267 (запись от 12 ноября 1895 г.).
- ⁶⁵ Дневник Тасе Миленковића – првог српског ученог полицајца. Београд, 2000. Књ. 1. С. 104.
- ⁶⁶ Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Бр. 9327/11. Дневник Милана Милићевића. Л. 1616.
- ⁶⁷ *Јовановић В.* Успомене / Приред. В. Крстић. Београд, 1988. С. 484.
- ⁶⁸ *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи... С. 27.
- ⁶⁹ *Тодоровић П.* Огледало. Знаке из прошлости / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 206.
- ⁷⁰ См.: *Маријан В.* Влада Јована Авакумовића. Покушај сузбијања радикализма у Србији. Београд, 1996.
- ⁷¹ *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Књ. 1. Београд, 1990. С. 574.
- ⁷² *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. С. 115–116.
- ⁷³ *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 87 (запись от 12 октября 1892 г.).
- ⁷⁴ *Антић Ч.* Кратка историја Србије. Београд, 2004. С. 83.
- ⁷⁵ Подробнее об этом см.: *Трифуновић М.* Историја Радикалне странке (од-постанка до 1903). Београд, 1995. С. 198–200.
- ⁷⁶ См.: *Марковић С.* Гроф Чedomиљ Мијатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006. С. 172.
- ⁷⁷ *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect... P. 129–130.
- ⁷⁸ *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы... С. 275.
- ⁷⁹ *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.
- ⁸⁰ *Новаковић С.* Бугарско-српски рат и оновремене кризе. 1885–1886. Ме-моарски листићи. Београд, 1907. С. 2.
- ⁸¹ *Троцкий Л.Д.* Стоян Новакович... С. 62.

⁸² См.: *Вуксановић-Анић Д.* Са капетаном д'Ормесоном 1877. 22 дана у дво-колицама кроз Србију. Београд, 1980. С. 34.

⁸³ *Вейнберг Е.* Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 473.

⁸⁴ АСАНУ. Бр. 12877. См. также: *Жујовић Ј.* Дневник / Приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 1. С. 246.

⁸⁵ Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 20. јануар 1941. Бр. 1144.

⁸⁶ Тимочка буна 1883. Грађа. Т. VI / Приред. Д. Тодоровић и Љ. Поповић. Београд, 1986. С. 154 (документ 899).

⁸⁷ *Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 72.

⁸⁸ *Јовановић В.* Државна власт и појединац // Приватни живот код Срба у деветнаестом веку / Приред. А. Столић и Н. Макуљевић. Београд, 2006. С. 74.

⁸⁹ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.

⁹⁰ См.: *Перовић Ј.* Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3; *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е гг.) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. М., 2000. С. 228–255.

⁹¹ *Perović L.* Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelomu veka (XIX-XXI). Beograd, 2006. S. 393.

⁹² РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 11 (дневник П.А. Кулаковского, запись от 4 октября 1880 г.).

⁹³ Там же. Л. 24 (запись от 25 мая 1881 г.).

⁹⁴ *Лафан Р.* Срби – чувари капије. Предавања по историји Србије / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1994. С. 271.

⁹⁵ *Stojanović D.* Ulje na vodi. Politika i društvo u modernoj istoriji Srbije // *Ista.* Ulje na vodi. Ogledi iz istorije sadašnjosti Srbije. С. 39.

⁹⁶ *Николајевић Б.* Радикална странка и Светомир Николајевић. Београд, 1938. С. 14.

⁹⁷ *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 205–207 и далее; *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. С. 259–262.

⁹⁸ *Милошевић Р.* Тимочка буна. Успомене Раше Милошевића – члана Главног одбора Народне радикалне странке. Београд, 1923. С. 105.

⁹⁹ *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. Београд, 2008. С. 275–277.

¹⁰⁰ СПФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 249. Л. 4 (П.А. Кулаковский – К.Я. Гроту. Белград, 26 марта 1881 г.).

- ¹⁰¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 79.
- ¹⁰² Крстич Н. Дневник. Јавни живот. IV. С. 118–119 (запись от 1 июня 1890 г.).
- ¹⁰³ Димитријевић Л. Како живи наш народ. С. 108–109.
- 104 СПФ АРАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 182. Л. 71 (краткий отчет о занятиях магистра Санкт-Петербургского университета К. Грота в Праге и других местах летом 1882 г. (от начала июня до 1 октября)).
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 460. Л. 5 об. (П.А. Кулаковский – А.Н. Пыпину. Белград, 17 марта 1880 г.).
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 451. Оп. 1. Д. 277. Л. 8 (П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).
- ¹⁰⁸ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 1 об. (дневник П.А. Кулаковского, запись от 12 декабря 1878 г.). Опубликовано в: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 68.
- ¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 460. Л. 9 (П.А. Кулаковский – А.Н. Пыпину. Белград, 7 июля 1881 г.).
- ¹¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 10 об. (П.А. Кулаковский – Н.А. Попову. Белград, 6 марта 1882 г.).
- ¹¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 17 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 31 января 1881 г.).
- ¹¹² Там же. Л. 5 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 14 февраля 1881 г.).
- ¹¹³ Там же. Д. 1. Л. 17 (запись от 24 января 1881 г.).
- ¹¹⁴ Димитријевић Л. Како живи наш народ. С. 114.
- ¹¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 14 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 14 января 1881 г.).
- ¹¹⁶ Там же. Д. 4. Л. 4 об. (черновик статьи П.А. Кулаковского о Сербии – автограф. 30 января 1881 г.).
- ¹¹⁷ Институт рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В.И. Вернадского. Ф. XIII (Архив Синода). Д. 92. Л. 4.
- ¹¹⁸ Крстич Н. Дневник. Јавни живот. III. С. 176 (дневник П.А. Кулаковского, запись от 27 мая 1885 г.).
- ¹¹⁹ Stojanović D. Ulje na vodi. Politika i društvo u modernoj istoriji Srbije... S. 39–40.
- ¹²⁰ Ista. Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... S. 65.
- ¹²¹ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/719 («Конфликт 1914. године»). С. 2–3.
- ¹²² Там же. С. 12.
- ¹²³ Ламанский В.И. Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 28.

¹²⁴ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 4 (П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 14 сентября 1880 г.).

¹²⁵ Там же. Ф. 621. Д. 460. Л. 5 об. (П.А. Кулаковский – А.Н. Пыпину. Белград, 17 марта 1880 г.).

¹²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 21 (дневник П.А. Кулаковского, запись от 21 февраля 1881 г.).

¹²⁷ ОР РНБ. Ф. 818. Д. 275. Л. 10 об. (К.Ф. Радченко – Т.Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июля 1899 г.).

¹²⁸ *Жујовић Ј.* Дневник. Т. 1. С. 226.

¹²⁹ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. III. С. 316 (запись от 3 июня 1887 г.).

¹³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 27 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.).

¹³¹ *Димитријевић Ј.* Како живи наш народ. С. 109.

¹³² НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 5. Д. 30. Л. 25 об. (Е. Бойович – Н.А. Попову. Белград, 24 декабря 1881 г.).

¹³³ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. IV. С. 69 (запись от 6 марта 1889 г.).

¹³⁴ Там же. III. С. 237 (запись от 28 декабря 1885 г.).

¹³⁵ Показательные примеры качества чиновников (не гнушавшихся открытого бездействия, провокаций и обмана), что являлось следствием господствовавшего в Сербии принципа монопольного формирования *всякой* власти в центре и на местах победившей партией – вплоть до служителей и курьеров, приведены в: *Димитријевић Ј.* Како живи наш народ. С. 47–50, 59–61, 69, 82–86, 91, 93–99, 101–106, 108–111, 113–114, 118–121.

¹³⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 340. Оп. 584. Д. 32. Л. 3 об.

¹³⁷ *Јовановић С.* Осећање правде у динараца // *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964. С. 43.

¹³⁸ *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М., 1979. С. 303.

¹³⁹ См.: *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2003. С. 148.

¹⁴⁰ Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву / Приред. Љ. Павловић. Смедерево, 1984. С. 147.

¹⁴¹ *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 197 (запись от 29 ноября 1893 г.).

¹⁴² Цит. по: *Перишић М.* Либерали и либерализам у Србији 19. века. Београд, 2004. С. 266.

¹⁴³ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 7 (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 21–27 мая 1882 г.).

¹⁴⁴ Цит. по: *Stojanović D.* Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... С. 67.

¹⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 28 (запись от 1 июля 1881 г.)

- ¹⁴⁶ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. III. С. 94 (запись от 16 июля 1878 г.).
- ¹⁴⁷ Там же. С. 273 (запись от 16 мая 1886 г.).
- ¹⁴⁸ *Јовановић В.* Тајна полиција Књежевине Србије (политичко насиље и управљачке стратегије у Србији 19. века). Београд, 2012. С. 159.
- ¹⁴⁹ См.: *Perović L.* Izmedju anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). S. 384–420.
- ¹⁵⁰ *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања... С. 306.
- ¹⁵¹ *Троцкий Л.Д.* Сербская пресса // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. С. 73.
- ¹⁵² Там же. С. 74–75.
- ¹⁵³ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2869. Л. 133 об. (К.А. Губастов – графу В.Н. Ламэдорфу).
- ¹⁵⁴ Мемоари Т. Стефановића-Виловског (1881–1920) / Приред. В. Крстић. Нови Сад, 2010. С. 62.
- ¹⁵⁵ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 27 (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.).
- ¹⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 3. Л. 14 (Белград, 4 апреля 1882 г.).
- ¹⁵⁷ Живети у Београду. Документа Управе града Београда. Књ. 6. 1890–1940. Београд, 2008. С. 168–170.
- ¹⁵⁸ Цит. по: *Радојевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божидара Марковића (1874–1946). С. 115–116.
- ¹⁵⁹ Рукописно одељење Матице Српске (даље – РОМС). Бр. М.14.045. *Ђорђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». С. XI.
- ¹⁶⁰ *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука» // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С. 311.
- ¹⁶¹ Там же. С. 316–317.
- ¹⁶² *Ђворниковић В.* Национализам и социјализам, или «биологија идеја» // *Исти.* Борба идеја. Београд, 1995. С. 130.
- ¹⁶³ *Јовановић Б.* Пркос и инат. Београд, 2008. С. 42.
- ¹⁶⁴ Исто. С. 44.
- ¹⁶⁵ *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова. Сукобљени светови. Београд, 2011. С. 212.
- ¹⁶⁶ *Иста.* Владан Ђорђевић. Биографија поузданог обреновићевца. Београд, 2007. С. 182.
- ¹⁶⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2869. Л. 67.
- ¹⁶⁸ *Стојановић Д.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. С. 251–252.

¹⁶⁹ *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2 // Сабрана дела Слободана Јовановића. Т. 7. Београд, 1990. С. 372.

¹⁷⁰ *Рајић С.* Милан Обреновић – краљ-политичар // Зборник Матице Српске за историју. Св. 79–80. Нови Сад, 2009. С. 50.

¹⁷¹ Подробнее о причинах «популярности» нейтральных правительств в Сербии см.: *Рајић С.* Неутралне владе у Краљевини Србији (1893–1900) // Српске студије. Књ. 1. Београд, 2010. С. 127–155.

¹⁷² *Жујовић Ј.* Дневник. Т. 1. С. 56.

¹⁷³ Исто. С. 49.

¹⁷⁴ *Тодоровић П.* Краљ Милан и радикална странка // *Исти.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 174.

¹⁷⁵ *Пироћанац М.* Белешке. С. 309 (запись от 15 июля 1886 г.).

¹⁷⁶ Там же. С. 275 (запись от 23 марта 1886 г.).

¹⁷⁷ См.: *Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002.

¹⁷⁸ См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии... С. 188–190.

¹⁷⁹ См.: *Љушић Р.* Пера Тодоровић – противник и пријатељ Обреновића // Пера Тодоровић (Зборник радова). Београд, 1999. С. 49–50.

¹⁸⁰ *Каљевић Љ.* Моје успомене. Београд, 1908. С. 53.

¹⁸¹ *Пироћанац М.* Белешке. С. 469 (запись от 8 марта 1889 г.); *Perović L.* Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću // Tokovi istorije. Beograd, 2002. Br. 3–4. S. 100.

¹⁸² См.: *Жујовић Ј.* Дневник. Т. 1. С. 106.

¹⁸³ *Пироћанац М.* Белешке. С. 470 (запись от 8 марта 1889 г.); *Perović L.* Milan Piroćanac o kralju Milanu Obrenoviću... S. 100–101.

¹⁸⁴ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 24 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 3 марта 1882 г.).

¹⁸⁵ Сербия // Русский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 133.

¹⁸⁶ Архив Србије (далее – АС). Ф. Милутина Гарашанина. Бр. 1058. Л. 18 (краљ Милан Обреновић – Милутину Гарашанину. 28. новембра 1886.).

¹⁸⁷ Никола Пашић у Народној скупштини / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997. Књ. 2. С. 543 (документ 114, примечание 20).

¹⁸⁸ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 2 (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 21 мая 1882 г.).

¹⁸⁹ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 28 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, апрель 1882 г.).

¹⁹⁰ *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 186–187 (запись от 13 ноября 1893 г.).

¹⁹¹ АСАНУ. Бр. 9327/XVI (I). Дневник Милана Милићевића. Св. 16 (I). Л. 2820.

¹⁹² Цит. по: *Лафан Р.* Срби – чувари капије. С. 271.

- ¹⁹³ Дарам М. Кроз српске земље. С. 201.
- ¹⁹⁴ Писма Краљице Наталије Обреновић / Прев. и приред. И. Хаџи-Поповић. Београд, 1996. С. 107 (краљица Наталија – Јовану Жујовићу. 17/29 новембар 1899.).
- ¹⁹⁵ Пироћанац М. Белешке. С. 283–284 (записи от 29 априла 1886 г.).
- ¹⁹⁶ Каљевић Љ. Моје успомене. С. 46.
- ¹⁹⁷ Пироћанац М. Белешке. С. 325 (записи от 23 августа 1886 г.).
- ¹⁹⁸ Богдашевић Н. Коекуде Србију. Српске историјске теме. 1804–1918. Београд, 2006. С. 341.
- ¹⁹⁹ Крстић П. Кнез и краљ Милан у мемоаристици // Историјски часопис. Књ. LIV. Београд, 2007. С. 193.
- ²⁰⁰ Врангел Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 250.
- ²⁰¹ Николајевић Д. Краљ Милан и Тимочка буна. С. 5.
- ²⁰² Тодоровић П. Краљ Милан и радикална странка... С. 216.
- ²⁰³ Крстић Н. Дневник. Јавни живот. IV. С. 61 (записи от 25 фебруара 1889 г.).
- ²⁰⁴ Димитријевић Л. Како живи наш народ. С. 115.
- ²⁰⁵ Михајловић П. Дневници / Приред. Ј. Милановић. Београд, 2010. С. 85.
- ²⁰⁶ Мале А. Дневник са српског двора... С. 186 (записи от 12 новембра 1893 г.); см. такође: Војводић М. Односи са краљем Миланом // Исти. Стојан Новаковић. Београд, 2012. С. 175–208.
- ²⁰⁷ Подробнее см.: Шемякин А.Л. Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления... С. 208.
- ²⁰⁸ Јовановић С. Милан Обреновић // Исти. Портрети. Београд, 2005. С. 110–111.
- ²⁰⁹ Пироћанац М. Белешке. С. 110 (записи от 22 септембра 1883 г.).
- ²¹⁰ См.: Владе Србије (1805–2005). Београд, 2005. С. 154–201.
- ²¹¹ Пироћанац М. Белешке. С. 110, 292, 425 (записи от 22 септембра 1883 г.; 1 јуна 1886 г.; 23 маја 1888 г.).
- ²¹² Кайчев Н. Македонију, възжелана. Армијата, училището и градежът на нацията в Србија и Бугарија (1878–1912). Софија, 2006. С. 29.
- ²¹³ Там же. С. 50, 59, 71–72; Зундхаузен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 187.
- ²¹⁴ См.: Шемякин А.Л. Србија на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы)... С. 244–248; Димић Љ. Србија 1804–2004 (суочавање с прошлостју) // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 61–62.
- ²¹⁵ Антић Ч. Кратка историја Србије. С. 136.
- ²¹⁶ Лотман Ю.М. Култура и взрыв // Он же. Семиосфера. СПб., 2000. С. 144.
- ²¹⁷ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 236.

²¹⁸ *Алипшић Д.* Приказ књиге *Hamann B.* Kronprinz Rudolf. «Majestat, ich warne Sie...» (München, 1986) // Историјски часопис. Књ. XXXVI. Београд, 1989. С. 288–289.

²¹⁹ *Мијатовић Ч.* Успомене балканског дипломате / Прев. и приред. С. Марковић. Београд, 2008. С. 67.

²²⁰ *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова, сукобљени светови. С. 214.

²²¹ *Тодоровић П.* Краљ Милан и Радикална странка... С. 174.

²²² *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. С. 129.

²²³ *Димитријевић Ј.* Како живи наш народ. С. 115.

²²⁴ Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. СПб., 2002. С. 37–39.

²²⁵ Европейские монархии в прошлом и настоящем. СПб., 2001. С. 3.

²²⁶ Цит по: *Рајић С.* Милан Обреновић – краљ-политичар... С. 57.

²²⁷ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.427. «Краљ Милан и краљица Наталија».

²²⁸ *Пироћанац М.* Белешке. С. 470 (запись от 8 марта 1889 г.); *Perović L.* Milan Piroćanac о kralju Milanu Obrenoviću... S. 101.

²²⁹ *Амфитеатров А.В.* В моих скитаниях // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 449.

²³⁰ РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.427. «Краљ Милан и краљица Наталија».

²³¹ *Шемякин А.Л.* Милан Обренович – архитектор сербской «перестройки»? Полемические размышления... С. 201.

²³² *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. IV. С. 231 (запись от 15 апреля 1895 г.).

²³³ *Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. С. 8, 59; *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 71.

²³⁴ *Каљевић Љ.* Моје успомене. С. 55.

²³⁵ *Тодоровић П.* Мрачна слутња! (Једна успомена с пута краља Александра) // *Исти.* Огледало. Зраке из прошлости. С. 265–266.

²³⁶ Подробнее о жизни, правлении и судьбе короля Александра Обреновича см.: *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу векова, сукобљени светови.

²³⁷ Российский Государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 31 об. (И.Н. Сысоев – В.П. Целебровскому. Белград, 4 июня 1903 г.).

²³⁸ АС. Ф. Владана Ђорђевића. Бр. 151 (Б. Јанковић – В. Ђорђевићу. Крушевац, 7. јануар 1910.). Документ опубликован в: *Шемякин А.* Како је у Београду

убијен носилац руског ордена Светог Ђорђа (прилог за историју Мајског преврата 1903. године) // Војно-историјски гласник. Београд, 2010. Бр. 2. С. 190–195.

²³⁹ Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника / Приред. Ђ. Станковић. Књ. 1. Београд, 2007. С. 326.

²⁴⁰ *Михајловић П.* Дневници. С. 396.

²⁴¹ Нова историја Српског народа. С. 189; *Protić M.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect... Р. 131.

²⁴² *Вучковић В.* Унутрашње кризе у Србији и први светски рат // Историјски часопис. Књ. XIV–XV. Београд, 1965. С. 175.

²⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 822. Л. 42 (И.Н. Сысоев в Главное управление Генерального штаба. Белград, 17 апреля 1906 г.).

²⁴⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 212 (В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин – В.Н. Ламздорфу. Белград, 29 июля 1903 г.).

²⁴⁵ Там же. Д. 2869. Л. 166 об. – 167 (Б.Н. Евреинов – В.Н. Ламздорфу. Белград, 11 июля 1906 г.).

²⁴⁶ Посланство Краљевине Србије у Великој Британији – Министарству иностраних дела Краљевине Србије. 11/25.IX.1903. // Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. 1. Св. 1 / Приред. А. Раденић. Београд, 1991. С. 496.

²⁴⁷ АСАНУ. «Pasic collection». Бр. 14924/22.

²⁴⁸ *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. С. 259–267.

²⁴⁹ *Stojanović D.* Partijske elite u Srbiji 1903–1914: njihova uloga, način vladanja, način mišljenja // *Ista.* Iza zavese. Oglеди iz društvene istorije Srbije. 1890–1914. Београд, 2013. С. 31.

²⁵⁰ АС. Ф. Стојана Новаковића. Бр. 428. Л. 3.

²⁵¹ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14423/734. Л. 28.

²⁵² *Бибо И.* О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // *Он же.* О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004. С. 201.

²⁵³ *Троцкий Л.Д.* Никола Пашич // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. С. 71.

²⁵⁴ Там же. С. 67.

²⁵⁵ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 611–613.

²⁵⁶ *Diplomaticus.* Никола Пашич // Новое время. 17 (30) апреля 1916 г.

²⁵⁷ *Дворниковић В.* Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С. 881.

²⁵⁸ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах... С. 613.

²⁵⁹ *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 287.

²⁶⁰ Гайденок П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 28.

²⁶¹ См.: Шемякин А.Л. Народ и власть в независимой Сербии... С. 191–196.

²⁶² Дучић Ј. Личност Николе Пашића // Исти. Сабрана дела. Књ. 6 (Стазе поред пута). Сарајево, 1969. С. 192.

²⁶³ Кривоканић-Јовић Г. Никола Пашић. 1918–1926: крај једне каријере // Токови историје. Бр. 1. Београд. 2011. С. 32.

²⁶⁴ Цит. по: Perović L. Dobrica Ćosić o Josipu Brozu Titu. Skica za istraživanje političkog i intelektualnog odnosa // Tito – viđenja i tumačenja (Zbornik radova). Beograd, 2011. S. 169.

²⁶⁵ Јовановић В. Успомене. С. 179–180.

²⁶⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. I. М., 1961. С. 226.

²⁶⁷ Пашић Н. Моја политичка исповест // Србија и коментари. Београд, 1989. С. 129.

²⁶⁸ Милићевић М. Реформа војске Србије. 1897–1900. С. 91.

²⁶⁹ Ровинский П.А. Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 74–75.

²⁷⁰ Мале А. Дневник са српског двора... С. 74–75 (запись от 6 октября 1892 г.).

²⁷¹ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 189. Л. 20 об. (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 19 июня 1880 г.).

²⁷² РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 2 (дневник П.А. Кулаковского, запись от 22 декабря 1878 г.). Опубликовано в: Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. С. 68.

²⁷³ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 277. Л. 8 (П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).

²⁷⁴ Там же. Ф. 14. Д. 189. Л. 16 (П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову. Белград, 19 июня 1880 г.).

²⁷⁵ Лотман Ю.М. Культура и взрыв... С. 142.

²⁷⁶ Риттих П.А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 494.

²⁷⁷ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 5 (П.А. Ровинский – А.Н. Пыпину. Белград, 20 апреля / 2 мая 1868 г.); Ровинский П.А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. I // Русские о Сербии и сербах. С. 56.

²⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Д. 277. Л. 8–8 об. (Белград, 18 октября 1880 г.).

²⁷⁹ Шевалье (Н. Г-д). Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб., 1913. С. 98.

²⁸⁰ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 28 (дневник П.А. Кулаковского, запись от 1 июля 1881 г.).

²⁸¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. Д. 98. Л. 8 (Записка о Сербии К.А. Губастова министру иностранных дел. Белград, 20 февраля 1905 г.).

²⁸² *Штрاندтман В.* Балканске успомене. Београд, 2009. С. 124.

²⁸³ *Комаров Г.В.* В Белград на Пасху. 1914 г. // Русские о Сербии и сербах. С. 575.

²⁸⁴ *Ровинский П.А.* Сербская Морава // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 109–110.

²⁸⁵ *Дворниковић В.* Херојски тип и његове негативности // *Исти.* Борба идеја. С. 111.

²⁸⁶ *Кузьмичева Л.В.* Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX вв. К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева. М., 2003. С. 76.

²⁸⁷ См.: *Шемякин А.Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 85–89; *Он же.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 130–150; *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 120.

²⁸⁸ Цит. по: *Popović-Obradović O.* Kakva ili kolika država. Oglеди o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XX veka. S. 336.

²⁸⁹ *Stojanović D.* Steeplechase. Politicka kultura kao prepreka modernizaciji Srbije... S. 78–79.

²⁹⁰ *Амфитеатров А.В.* Славянское горе // Русские о Сербии и сербах. Т. I. С. 466.

²⁹¹ В «пороховом погребѣ Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 381–382.

²⁹² *Штрандман В.* Балканске успомене. С. 195.

²⁹³ *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. Београд, 2002. С. 75.

²⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348. Л. 10–13 (доклад И.П. Табурно о ходе Балканской войны и ее результатах. Петербург, 27 ноября 1912 г.).

²⁹⁵ *Драшкић П.* Моји мемоари. С. 117.

²⁹⁶ Цит. по: *Винокуров В.С.* Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX века) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации. С. 251. См. также: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. М., 2013. С. 396.

²⁹⁷ *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука»... С. 318.

- ²⁹⁸ Жујовић Ј. Дневник / Приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 2. С. 32.
- ²⁹⁹ Батаковић Д. Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна Рука»... С. 327.
- ³⁰⁰ Вучковић В. Унутрашње кризе Србије и Први светски рат... С. 188.
- ³⁰¹ АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/719 («Конфликт 1914. године»). С. 2.
- ³⁰² Цит. по: Младеновић Б. Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића // Нововековне српске династије у мемоаристици. Београд, 2007. С. 365.
- ³⁰³ Шемякин А.Л. Сербия в начале XX в. ... С. 36–37; Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. С. 349–378.
- ³⁰⁴ Чиркович С. История сербов. М., 2009. С. 312.
- ³⁰⁵ Жујовић Ј. Дневник. С. 15.
- ³⁰⁶ Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 366.
- ³⁰⁷ Штрэндтман В. Балканске успомене. С. 361.
- ³⁰⁸ Ниш (от нашего специального корреспондента) // День. 29 декабря 1914 г. № 354.
- ³⁰⁹ Там же. 1 января 1915 г. № 1.
- ³¹⁰ Об этом см.: Вишняков Ј. Балкански ратови и унутрашњи развој Србије // Балкански ратови 1912–1913. Нова виђења и тумачења. Београд, 2013. С. 222–223.
- ³¹¹ Жујовић Ј. Дневник. Т. 2. С. 14–15.
- ³¹² Исто. С. 56.
- ³¹³ Штрэндман В. Балканске успомене. С. 329.
- ³¹⁴ Драшкић П. Моји мемоари. С. 158.
- ³¹⁵ Јовановић С. Апис и сукоб између војних и грађанских власти у Македонији // Сабрана дела С. Јовановића. Т. XI. Из историје и књижевности. I. Београд, 1991. С. 338–339.
- ³¹⁶ Драшкић П. Моји мемоари. С. 157–159; Митровић А. Србија у Првом светском рату. Београд, 1985. С. 312–319.
- ³¹⁷ Шемякин А.Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских... С. 670.
- ³¹⁸ Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. С. 281.

Оглавление

<i>Шемякин А.Л.</i> Введение	5
<i>Ламанский В.И.</i>	
Письма родителям из Белграда	16
Выписка из письма министру народного просвещения	20
Письмо Т.Д. Флоринскому	22
Примечания	24
<i>Снесарев Н.А.</i>	
Письма П.Н. Стремоухову	29
Письма Д.А. Милютину	32
Письмо Д.А. Милютину Н.А. Снесареву	49
Примечания	51
<i>Ровинский П.А.</i>	
Письма А.Н. Пыпину	55
Примечания	60
<i>Висковатов П.А.</i>	
Письмо И.С. Аксакову	64
Примечания	67
<i>Кулаковский П.А.</i>	
Дневник	70
Неопубликованная статья о партийной жизни в Сербии	111
Письма И.С. Аксакову	116
Письма К.Я. Гроту	169
Письма В.И. Ламанскому	172
Письма Ап.А. Майкову	178
Письма В.В. Макушеву	184
Письма И.П. Корнилову	187
Письма Н.А. Попову	189
Письма А.Н. Пыпину	199
Письма Ю.А. Кулаковскому	202
Примечания	203

Качановский В.В.

Письмо И.П. Корнилову	232
Примечание	233

Макушев В.В.

Десять месяцев за границей. Путевые заметки и наблюдения	234
Примечания	240

Пальмов И.С.

Письма В.В. Макушеву	241
Примечания	244

Хитрово А.П.

Письмо И.С. Аксакову	245
Письмо А.И. Степовичу	246
Примечания	247

Грот К.Я.

Дневники путешествия (командировки) в славянские земли	248
Краткий отчет о занятиях в Праге и других местах	253
Примечания	257

Флоринский Т.Д.

Путевые заметки	259
Краткий дневник путешествий по славянским землям	266
Примечания	268

Неизвестный.

Письмо из Белграда	270
Примечания	273

Сперанский М.Н.

Письма Нестору Михайловичу и Анне Егоровне, родителям	275
Отрывки из дневников за границей	287
Неопубликованный очерк «По Сербии и Болгарии»	292
Примечания	303

<i>Соболевский А.И.</i> Письмо В.Н. Перетцу	306
---	-----

Примечания	307
------------------	-----

<i>Александров А.И.</i>	
Материалы по истории Сербии и сербской литературы	308
Заметки этнографического характера о Сербии	312
Примечания	318
<i>Радченко К.Ф.</i>	
Письма Т.Д. Флоринскому	320
Примечания	329
<i>Леонтович Е.А.</i>	
Донесения из Белграда в Генеральный штаб	331
Примечания	339
<i>Бахметев Ю.П.</i>	
Донесения из Софии в МИД	342
Примечания	344
<i>Щеглов А.Н.</i>	
Доверительное письмо министру иностранных дел	345
Рукописная листовка Александровского комитета РСДРП	347
Примечание	349
<i>Евреинов Б.Н.</i>	
Донесения из Белграда в МИД	350
Примечания	363
<i>Муравьев-Апостол-Коробьин В.В.</i>	
Письма министру иностранных дел	367
Примечания	370
<i>Сысоев И.Н.</i>	
Донесения из Белграда в Генеральный штаб	371
Примечания	384
<i>Губастов К.А.</i>	
Письма министру иностранных дел	388
Примечания	396

<i>Агапеев В.П.</i>	
Донесения из Белграда в Генеральный штаб	399
Примечания	406
<i>Штрандтман В.Н.</i>	
Балканские воспоминания	408
Примечания	464
<i>Троцкий Л.Д.</i>	
Черновые заметки «Сербия и Болгария»	488
Примечания	489
<i>Табурно И.П.</i>	
Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах	490
Примечания	507
<i>Алексеев М.В.</i>	
Записка императору Николаю II	509
Примечание	510
<i>Грицкат-Радулович И.Г.</i>	
На зарубежной родине	511
Примечания	544
<i>Шемякин А.Л.</i>	
Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918) глазами русских	551
Примечания	612

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Русские о Сербии и сербах. Том II

(архивные свидетельства)

Корректор *М.Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю.Е. Рычаловская, А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:

(495) 938-01-00

market@indrik.ru

www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by

www.indrik.ru

or by tel./fax: **+7 495 938-01-00**

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) –
95 3800 5

Формат 60×88 ¹/₁₆. Печать офсетная.

39,5 п. л. Тираж 800 экз.

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6